Синий взгляд смерти
Полночь
Вера Камша

Сердце зверя
Том третий

Эксмо

Цикл «Отблески Этерны»

РОМАНЫ

Красное на красном (2004)
От войны до войны (2004)
Лик Победы (2005)
Зимний Излом
Том 1. Из глубин (2006)
Том 2. Яд минувшего (в 2 ч.) (2007)
Сердце Зверя
Том 1. Правда стали, ложь зеркал (2008)
Том 2. Шар Судеб (2009)
Том 3. Синий взгляд Смерти -
Закат *(2011)*
Полночь *(2012)*
Рассвет *(2013)*

ПОВЕСТИ

Пламя Этерны (2004)
Талигойская баллада (2004)
Белая ель (2005)
И когда пылает запад... (Не окончена)
Паруса и струны (Камморист) (Не окончена)
Записки мэтра Шабли (Не окончена)

Отблески Этерны

Книга пятая

СЕРДЦЕ ЗВЕРЯ

ТОМ ТРЕТИЙ

СИНИЙ ВЗГЛЯД СМЕРТИ

ПОЛНОЧЬ

ЭКСМО
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
К 18

Иллюстрации на переплете и в тексте *Я. Кучеевой*

Камша В. В.

К 18 Сердце Зверя. Том 3. Синий взгляд Смерти. Полночь / Вера Камша. — М. : Эксмо, 2012. — 544 с. : ил. — (Фэнтези Н. Перумова).

ISBN 978-5-699-60015-1

Свершилось... В Кэртиану пришла Полночь — время жестокое и беспощадное. Никто не спасет, никто не защитит, никто не укроет — в ночи все мы одиноки, и нет тех сильных и мудрых, которые взвалили бы нашу ношу на свои плечи. Или все-таки есть? Маршал Лионель и король Хайнрих, талигойская графиня и маленькая гоганни, Повелитель Молний и Тень, скромный монашек и великолепный виконт, алатские витязи и марагонские сыровары — все они ведут свой, подчас безнадежный бой.

И приходит надежда — надежда на то, что Полночь отступит и придет Рассвет...

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-60015-1

© Камша В., 2012
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2012

Галине Каспаровой (Twistress)

Наше дело — горючий, нестойкий сухой песок,
наше дело — гнилое болото из края в край,
наше дело — умри, и не сдвинешь на волосок,
наше дело — иди, дыши и не умирай.
Ходит вымпел прямо под тучею штормовой,
чьим-то словом согреваются города,
над болотом колос качает солнечной головой,
по пустыне каменным руслом бежит вода...

Даниил Мелинц

Мы боялись крушения мира, но даже и не почувствовали, как он колеблется.

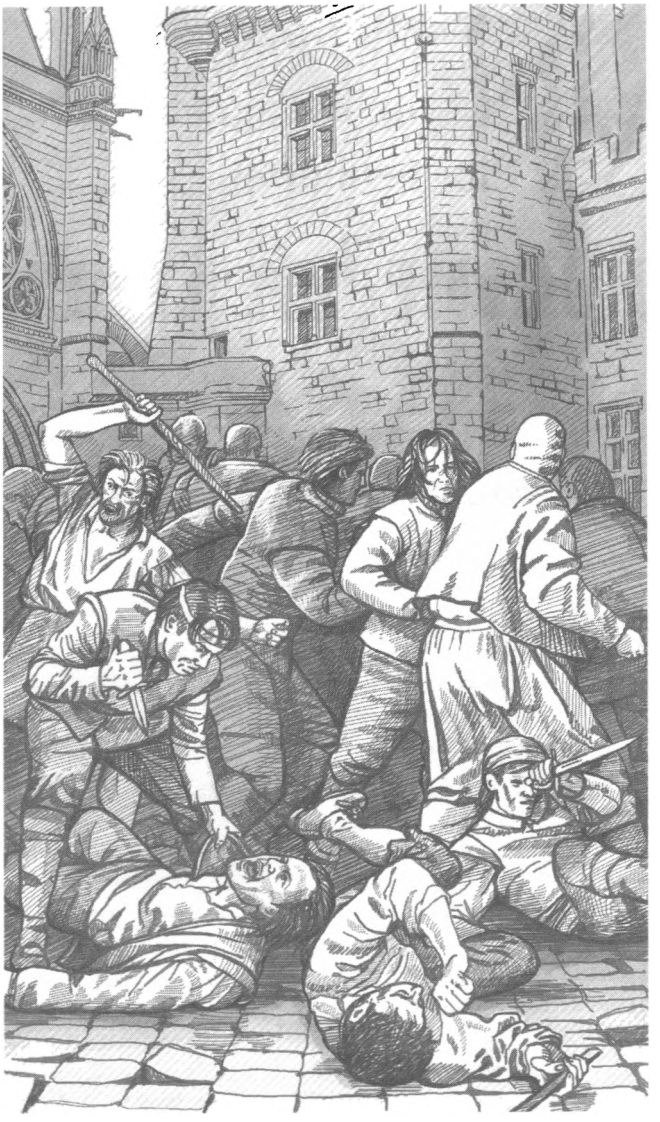
Октавиан Август

Автор благодарит за оказанную помощь *Александра Бурдакова, Ирину Гейнц, Марину Ивановскую, Данила Мелинца (Rodent), Ирину Погребецкую (Ira66), Елену Цыганову (Яртур), Игоря Шауба, а также Донну Анну (Lliothar) и Yanek del Moscu.*

Часть первая

ВОСЬМЕРКА МЕЧЕЙ

●



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«ВОСЬМЕРКА МЕЧЕЙ»[1]

Конец надежды — начало смерти.
Шарль де Голль

Глава 1
БЕРГМАРК

400 год К. С. 18-й день Летних Волн

1

орка наслаждалась. Прогретая солнцем, зеленая, щебечущая — она благословляла бы Создателя за лето, если б только была способна думать об осени. Лионель Савиньяк об осени думал. В том смысле, что вряд ли фок Варзов успешно довертится до дождей, которые прекратят кампанию своей волей. Сражение состоится со дня на день, если уже не состоялось, и ничего хорошего Западной армии оно не сулит. Подход Эмиля, даже самый своевременный, разве что несколько сравняет силы и подхлестнет молодняк, и так начинающий заводиться. Лионель оскорбленных в лучших чувствах теньентов и капитанов не подзуживал; напротив, Проэмперадор Севера сделал для смягчения недо-

[1] **«Восьмерка Мечей»** — младший аркан Таро. Одна из наиболее кризисных карт в раскладе, символизирует конфликты, преодоление. **П. К.** указывает на предательство, депрессии, несчастные случаи, неспособность действовать. Может означать роковые факторы.

вольства все, на что был способен, и теперь уводил отдохнувшие полки в Надор. Войска шли не быстро, хоть их и не обременяла артиллерия, бóльшую часть которой отправили на границы Ноймаринен. Гнать людей и лошадей Савиньяк нужным не считал — он не спешил, он совершенно не спешил, готовый развернуться и броситься назад по первому же зову. Или без зова.

На душе становилось все неспокойней, однако тревога не мешала маршалу проминать Грато и любоваться пышной зрелой зеленью. И уж тем более она не сказывалась на делах. Принять отдышавшуюся армию, отправить Эрмали с его пушками к перевалам, забрать отбитого у мстительного Гогенлоэ Манрика, отписать Бертраму... Со стариком Ли был откровенен, не забыв даже про глаза адъютантов Рудольфа, жаждавших хоть какой-то победы.

Достойные перезрелых невест взоры в собственной приемной предвещают поражение. Рудольф не мог этого не понимать, и Лионель ждал курьера в лучшем для Талига случае с приказом оставить войска и мчаться в Хексберг, в худшем — форсированным маршем следовать в Марагону спасать вчерашний день. Но гонца не было, и Савиньяк выступил. На дорожку пришлось убеждать встревоженного маркграфа в том, что регент знает, что делает, а их дело — да-да, дорогой Вольфганг-Иоганн, именно так — выполнять распоряжения.

С Фридой разговор вышел более откровенным. Любящая дочь опасалась за отцовское здоровье и полагала, что регентом должен быть Алва или... не Алва. Лионель выслушал и разлил вино, подведя тем самым черту под деловой частью беседы. Утром он позавтракал с правящей четой и покинул Агмштадт. Все было хорошо, и позднее лето пахло малиной. К вечеру на дорогу выскочил олень, совсем молоденький... Само собой, дурачка подстрелили. Ли, хоть и не был суеверен, предпочел бы дичь с чужого герба, и еще он бы предпочел, чтобы малыш Арно набирался ума на ноймарских перевалах, а не мозолил глаза проигрывающей армии фамильной мастью...

— Мой маршал! Разъезд встретил губернаторский конвой из Надора. С ним следует некая госпожа Арамона. Она настаивает на личной встрече с вами.

— Хорошо. Полагаю, дамского седла в обозе не найти?

2

Луиза уселась на расстеленный для нее галантным адъютантом плащ, расправила юбку и принялась копаться в корзинке для рукоделия. Место для встречи выбрали идиллическое. Заросший шелковистой травкой склон спускался к речке, за ней зеленел даже не луг — лужок, на котором паслись овечки. Мало того, бережок до такой степени зарос незабудочками, что стал голубеньким. И среди этакой пасторали в ожидании красавца-военного восседала дура средних лет, портя пейзаж и едва не подвывая от нахлынувших воспоминаний об Эйвоне. Несчастный рыцарь столько говорил о цветах, а умер зимой и под камнями! Госпожа Арамона шмыгнула носом, сглотнула и принялась вдевать нитку в иголку, как никогда чувствуя себя вдовой.

Она вышила уже четверть стрекозы, когда из зарослей вырвался всадник на сером в яблоках коне и красивым галопом пошел к реке. Луиза невольно залюбовалась стремящимся к ней совершенством. Покойный Арнольд недолюбливал графов, но этот был хорош! Капитанша отложила вышивку, поднялась и сделала реверанс. Спешившийся Савиньяк по-военному наклонил голову и щелкнул каблуками. Руку для поцелуя он не попросил, да и с чего бы?

Затолкав поглубже самую нелепую в своей жизни обиду, Луиза выслушала приветствие и ответила столь же сдержанно. Они пошли рядом вдоль берега. Эйвон предложил бы опереться на его локоть, Савиньяк ограничился тем, что предоставил даме чуть заметную тропинку, а сам удовлетворился травкой.

— Сударыня, — без обиняков начал граф, — я вас слушаю.

— Так вы не считаете меня полоумной? Я хотела бы в этом удостовериться.

— Визит капитана Гастаки в Найтон имел последствия?

— Да. — Луиза невольно покосилась на корзинку, которую не рискнула оставить на плаще. — Я встречалась с Зоей еще несколько раз и дважды видела... своего покойного мужа. Я могу это почти доказать.

— Это излишне, — спокойно заверил собеседник. — Рассказывайте. Извинения и оговорки лучше опустить.

Госпожа Арамона опустила. Рассказа, к счастью, хорошо продуманного, хватило до нависшего над речкой кривого дерева и обратно.

— Присядем, — предложил маршал, и Луиза не то чтобы изящно опустилась на черный атлас. Сэль на офицерском плаще и среди незабудок выглядела бы очаровательно, этого не стал бы отрицать даже Савиньяк! Луиза пошарила в корзине и вытащила завернутую в канву маску. Средь бела дня она выглядела не столь устрашающе. Маршал поднял добычу Селины и довольно долго разглядывал, держа в вытянутой руке, потом перевернул.

— Чем вы руководствовались, когда брали именно эту вещь?

— Не могу объяснить... В сокровищнице казалось, что так надо.

Савиньяк внимательно посмотрел сперва на маску, потом на саму Луизу, и та, прежде чем поняла, что несет, брякнула:

— Вы похожи!

— В самом деле? — удивился граф... Дался же ей этот титул! — Мне кажется, вы мне льстите и даете повод оставить сей антик у себя. Значит, дороги к золоту Манлия вы не знаете?

— Выходцы не знают, — уточнила Луиза. — Они ходят от смерти к смерти и не запоминают людские названия.

— Я уже понял. Клад Манлия лежит рядом с «дурной смертью», а дурная смерть — это либо самоубийство, либо убийство с какой-то особенностью. Покидая Найтон, вы, кажется, заметили тень былого насилия?

— Да. Я потом расспросила соседей. Бывшие хозяева не хотели рассказывать, чтобы я не раздумала покупать дом. Тринадцать лет назад... Селина?! Что тебе нужно?

— Ты могла что-то забыть. — Сэль не удосужилась хотя бы вдеть приличные серьги. — Монсеньор, я не засыпаю, когда приходят выходцы...

— Рад вас видеть, сударыня. — Савиньяк вежливо встал, ожидая, когда примчавшаяся девица усядется рядом с мамашей, после чего вновь опустился на траву. Луиза сама не понимала, чего хочет от красавца маршала больше — безопасной учтивости или восхищения дочкиной красотой. Пожалуй, все-

таки восхищения. — Вы можете дополнить рассказ вашей матушки?

— Я не знаю, что мама уже сказала.

Проэмперадор коротко повторил, и Луиза преисполнилась восхищения вместе со злостью: несносный граф не просто запомнил то, что казалось полным бредом, он разложил этот бред по баночкам и коробочкам не хуже аптекаря. На прелесть слушавшей его девушки истукан в перевязи обращал не больше внимания, чем его жеребец — на пейзаж. Селина была не лучше: раньше, говоря с посторонними мужчинами, она хотя бы краснела, что ей удивительно шло, но белокурого Проэмперадора дочка слушала, будто собиралась... продать ему репу.

— Я знаю, где искать золото, — изрекла наконец родная кровиночка. — В той часовне бросилась на нож знатная дама. В платье, как на портрете матери короля Лорио Слабого. Темно-красное с серебром.

— Лорио правил в конце круга Волн, — невозмутимо определил маршал. — О самоубийстве в доме Ноймаринен я не слышал, но это ни о чем не говорит.

Сэль вскинула головку. Совсем как бедняжка Айрис.

— Вы получили мамино письмо, но ничего не исправили! Зоя говорит, надо спешить.

— Куда? — спросил Савиньяк и, не дожидаясь ответа, добавил: — Я вынужден отменить распоряжение герцогини Георгии. Вы отправитесь со мной. Если появятся выходцы, постарайтесь убедить их нанести мне визит. Если это невозможно, приведите меня к ним.

— Сударь! — ахнула Луиза. — Что вы такое говорите?!

— Только то, что мне нужно переговорить с капитаном Гастаки или, в крайнем случае, с ее супругом. Напомните ему об унаре Лионеле и рисунках в трапезной, изображавших ментора Арамону на вертеле. Конечно, повод смехотворный, но душа вашего покойного мужа, сударыня, не в обиду будь сказано, величием не отличалась, а мелкие души лучше всего помнят мелкие обиды.

Луиза не могла не согласиться. Селина, наморщив лобик, о чем-то сосредоточенно размышляла. Маршал не торопил, он в самом деле собрался говорить с выходцами, только и Зоя, и Арнольд, причеши его хорек, будто сквозь землю провалились.

3

Порой ярость придает сил, но чаще делает глупее, а значит, уязвимей. Лионель отложил перо и предельно спокойно посмотрел на доставленного в маршальскую палатку Манрика. Свежий воздух и верховая езда шли бывшему тессорию на пользу: одутловатость пропала, весь он словно бы подтянулся. Рудольф выглядел заметно хуже. Потому что тушил и не мог потушить дом, который подожгли временщики.

Правда, паклю приготовил Сильвестр, с которого уже не спросить, так что спрашивай с себя. И за то ли пережившего свое, то ли недожившего кардинала, и за оставленных без присмотра «фламинго»...

— Это невыносимо! — почти выкрикнул Манрик. — Вы хотели говорить, так говорите!..

— Что именно «невыносимо»? — Ярость, напоследок взвизгнув, смирилась и привычно пошла шагом.

— Этот ваш взгляд... Что вам от меня нужно?!

— Вы отлично знаете, что. Способный прокормить себя и армию Надор. В противном случае я бы вас не замедлил пристрелить. Садитесь.

— После... После такого приема?!

— Именно. К нам присоединились известная вам госпожа Арамона и ее дочь. В случае необходимости вы их увидите и услышите, но я предпочел бы обойтись без дам. Мне нужны ответы, Манрик. Вас с вашим сообщником не навещали выходцы?

— Нет! Если вы собрались надо мной издеваться...

— По вашей милости в Закат и, что в данном случае, видимо, важнее, в Рассвет отправилось достаточное количество человек. Они вас не тревожат?

— Нет!

— Жаль... — О выходцах, если только не уходят с ними, забывают. Обычные люди об обычных выходцах забывают. Значит, среди убитых в Олларии не нашлось никого бросившегося после смерти спасать пока еще живых. Или не все так просто?

— Госпожа Арамона, оправдывая себя и своего родителя, скажет все, что вам понравится. — Манрик настолько опомнился, что принялся... понижать стоимость свидетельницы. —

Когда я был канцилльером, эта дама стала моей шпионкой. Само собой, внебрачная дочь Креденьи отправилась в Багерлее за этой змеей Ариго, ведь ей самой ничего не грозило. Вы удивлены?

— Разве что вами. Неужели вы думали, что дама, оказавшаяся при дворе по прихоти Алвы, во-первых, будет глупа и, во-вторых, станет служить кому-то, кроме Ворона? Даже собственному отцу? Вы плохо разбираетесь не только в политике и войне, но и в женщинах. Это не оскорбление, это данность — будь иначе, после смерти Сильвестра вы вели бы себя умнее.

— Вам легко говорить!

— Несомненно. Как умерли герцог и герцогиня Придд? Моя мать в Олларии, так что получить ответ — дело времени.

— Герцогиня приняла яд.

— Иными словами, ее отравили. Кто?

— Пошлите за Колиньяром.

— Он глуп не до такой степени, чтобы травить узников прежде, чем будет получено признание.

— Я не имел в виду, что он это приказал, просто... Багерлее ведал обер-прокурор, я был слишком занят, чтобы вникать в следствие. Герцогине и ее старшему сыну показали, как проходит допрос с пристрастием, и дали ночь на размышление. Утром ведьму нашли мертвой, тюремщики, на первый взгляд, были вне подозрений. Колиньяр считал, что покойница сумела пронести яд с собой.

— А герцог?

— Перед... отъездом Колиньяр отдал приказ.

— Только Колиньяр?

— Я был вынужден с ним согласиться. Вывозить преступников бессмысленно, оставлять в живых — опасно. Когда комендант Багерлее не присоединился к обозу, у меня возникли подозрения в его честности...

— У вас о сем предмете престранные понятия. — Ли с неожиданным для себя самого удивлением посмотрел на собеседника. — Убийство одних врагов накануне входа в столицу других не следует поручать честным служакам. Особенно после измены такого кладезя добродетелей, как Люра.

— Вы, надо думать, лично проследили бы!

— Разумеется, — вдаваться в подробности своих отношений с Пертом Ли не стал, — но за вами проследит Вайспферт. Завтра вы отправляетесь с ним в Надор. Требовать от вас невозможного я не собираюсь, но к зиме болтающихся без дела и супа беженцев в провинции остаться не должно, северу пора кормить себя самому. В случае необходимости займете средства в Красном Манрике и прочих... подобных источниках.

Если вам будет сопутствовать успех, ваши наследники получат определенный процент от займа. Окажетесь бесполезны — вернетесь к Колиньяру, попробуете бежать или интриговать — будете повешены, как беглый каторжник.

— Это можно было передать через Вайспферта, — огрызнулся некогда рыжий и еще более некогда всемогущий человек. — После нашей прошлой встречи я опасался, что буду вам благодарен.

— Вам свойственно бояться не того, чего следует. — Савиньяк принялся оттачивать перо. — Ступайте.

Манрик, не ответив, исчез за пологом палатки. Он так и не принял разговора о выходцах всерьез и до сих пор пребывает в уверенности, что всего-навсего проиграл в грызне за власть. Не варвар, что с такого взять?

Разогнавшийся тессорий в самом деле не желал зла ни Талигу, ни Фердинанду, ни фок Варзов с марагонцами. И Колиньяры не желали, и дура Рокслей... Разве желают зла ракушки — кораблю, древоточцы — дубу, цепни — быку? Они просто заботятся о себе и своем потомстве, но в один прекрасный день корабль тонет, дуб падает, бык дохнет, и мы принимаемся искать ужасный заговор.

— Мой маршал! — доложил адъютант. — Генерал Фажетти по вашему распоряжению.

Марций не имел обыкновения напоминать командующему о родстве. В случае необходимости Ли это делал сам, переходя на «ты».

— Смотри, — велел он товарищу детских игр, открывая добытую дочерью Арамоны маску. — Каково?

— Я думал, она осталась в Олла... Разрубленный Змей, это же другая!

— Полагаю, пред нами та самая пара, которую ищет барон Коко... Марций, мне нужна твоя помощь. Нужно срочно

вывезти из Олларии графиню Савиньяк, принца Октавия и антик Капуль-Гизайля. Под мою расписку. Если барон не в силах расстаться со своей игрушкой, пусть сопровождает, но тогда уж вместе с баронессой. Если расстанется, заставь обоих убраться из столицы, по возможности скрытно.

— Неожиданно. — Фажетти слегка ослабил шейный платок. — Я готов выполнять приказы, но если это просьба, хотел бы понять. Почему я, а не адъютант с письмами и эскортом?

— Потому что это задача для маршала, а мое место пока здесь. Я подчиняю тебе всю имеющуюся в моем распоряжении легкую кавалерию. Двинетесь форсированным маршем, Реддинга с «фульгатами» отправишь вперед. Мать с Октавием поручишь им, а сам по прибытии займешься маской и городом. Переговоришь с Инголсом, ты его знаешь. Если у мэтра возникло хотя бы малейшее сомнение, возьмешь в свои руки все. Если Эпинэ и его Карваль справляются, а, кажется, так и есть, действуй заодно с ними. Жителей в Олларии остается тысяч триста, и я не уверен, что в случае какого-нибудь сюрприза у Эпинэ достанет сил и смекалки. При необходимости пустишь в ход имя регента, то есть герцога Алва.

— И только?

— Надеюсь. Марций, это срочно.

Глава 2

ТАЛИГ. ОЛЛАРИЯ БЕРГМАРК

400 год К. С. 19-й день Летних Волн

1

Марианна расчесывала волосы, Робер смотрел. Это был их утренний ритуал, чуть ли не молитва. Заколов последнюю шпильку, женщина откладывала щетки, поворачивалась к мужчине и улыбалась. Робер целовал возлюбленную в шею и либо торопливо убегал, слыша с порога спальни, как звонок призывает прислугу, либо, если было время, исполнял обязанности камеристки сам. Сегодня времени хватало, вернее, Про-

эмперадор Олларии позволил себе так считать. После крысиного исхода и Робер, и Карваль насторожились, но самой крупной неприятностью оказалась безобразная драка, развязанная на третий день барсинцами. Узнав о побоище, Эпинэ переглянулся с маленьким генералом и вызвал Халлорана. К вечеру зачинщики и не сдержавшие подчиненных офицеры отправились в Багерлее, а прочих разоружили и загнали в одно из старых аббатств. Заодно примерно наказали недобросовестных поставщиков и лжесвидетелей из числа обывателей. И город, и гарнизон намек поняли, после чего в Олларии воцарился блаженный покой.

Никто никого не грабил, никто ни на кого не жаловался, лошади не упрямились, а собаки не выли. Смолк даже призрачный нохский колокол. Робер с десяток раз напомнил себе и своим сподвижникам, что от бегства сородичей Клемента до прихода морисков прошло больше двух лет, и, загнав тоску по его крысейшеству подальше, вернулся к текущим делам, которых от отсутствия крыс не убавилось. Поставив последнюю за день подпись, Проэмперадор отправлялся домой, то есть к Капуль-Гизайлям. В фамильный особняк последний раз Робер заезжал в день разгона барсинцев и тогда же проводил графиню Савиньяк в Ноху. С чего Арлетта решила перебраться к Левию, Иноходец мог лишь гадать. Женщина отговорилась совместными с его высокопреосвященством астрологическими изысканиями, но Эпинэ не сомневался: графиня не желает ставить его в неловкое положение. Долг хозяина обязывал уделять гостье время, тем самым отбирая его у любви; Арлетта полагала это непозволительной роскошью, Робер это мнение полностью разделял.

— Ты задумчив, — негромко сказала Марианна. — Коко это не понравится, он сегодня испытывает торский завтрак.

— Торский? — удивился Робер, припоминая пропахшую дымом комковатую кашу.

— С точки зрения Коко — да, хотя не думаю, что в Торке по утрам кушают инжир и перепелов.

Робер рассмеялся, но выкатившегося из внутренних комнат барона занимал не завтрак, вернее, не только он.

— Дорогой друг! — Разодетый в золотисто-коричневое барон озабоченно вздохнул. — К вам пришли. Я успел остано-

вить повара, так что мы спасены, но постарайтесь уложиться в полчаса, иначе соус перезреет. Я провел визитера в музыкальный кабинет, там вам будет удобно. Дорогая, для утра ты слишком сильно затянута...

— Констанс, — перебила Марианна, — кто пришел?

— Один милый человек. Кажется, отставной моряк... Помнится, его приводил Салиган.

Джанис! Надо думать, с новостями о Гамбрине. Что ж, не помешает.

Вожак висельников стоял у клетки с морискиллой, просунув между прутьями палец, который желтенький певун яростно клевал. К счастью для Коко, барон этого ужаса не видел. Иноходец не выдержал и расхохотался. Джанис торопливо отдернул руку.

— Новости? — пришел на помощь Эпинэ.

Джанис пожал плечами; он казался слегка смущенным. В свой первый визит «Тень» держался проще, но тогда переговоры вел Салиган и, потом, столь значительную особу не застигали за игрой с птичками.

— Так что случилось?

— Кошки его знают, Монсеньор, только неправильно оно. — Джанис что-то смахнул с рукава не новой, но опрятной куртки, и до Робера дошло: гость не смущен, а встревожен. — Нет, неправильно!

— Что неправильно?

Оказалось, ворье. Слабодушная и нестойкая часть подданных Джаниса, напуганная крысиным исходом, решила покинуть столицу.

— У вас так принято? — уточнил плохо представляющий себе обычаи висельников Иноходец. В ответ «Тень» сдул соринку со второго рукава.

— Вообще-то нет, — буркнул он. — Уходить из большого богатого города — глупость. У нас «за Кольцо» в наказание выставляют, и вообще покидать сообщество не принято, только эти слишком уж тряслись! Будто сглазил кто... И ведь не из худших — рисковые парни, не слабаки, не первый день в нашем деле. Один так вообще зимой в одиночку на троих вояк попер, а тут... Ну кисель же какой-то! Я им разрешил, пусть убираются.

— И что? — спросил Робер, чувствуя: вот сейчас, среди птичьего щебета, прозвучит нечто очень важное и очень пакостное.

— Не смогли они уйти. — Теперь «Тень» смотрел Проэмперадору прямо в глаза. — Вот не смогли, и все! Кто прямо у стен повернул, кто с тракта. Пятеро до Фрамбуа добрались; говорят, по одиночке на полдороге б сломались. Странно...

— Сами-то они что рассказывают?

— Талдычат, что «находит». Будто по шее, по самым жилам ком гулять начинает, а глаза как сквозь воду глядят. Сердце заходится, то замрет, то трепыхаться примется, пот ручьем и, уж простите, что похуже тоже, ровно вздернули уже... А всего гаже голос. Даже не голос — голосишко, будто ребенок верещит, только злобно...

— Скажи... — Говорить о подобном вслух в доме Марианны не хотелось до этого самого кома в гло́тке, но Робер себя заставил. — Они девочку не видели? Толстую девочку лет шести и без тени?

— Нет, — решительно мотнул головой Джанис, — не было там Обгорелой. Точно!

— Обгорелой?!

— Шрамы у нее на мордахе, такие от ожога бывают... Мерзавка по Двору скакала, и я видел, и парни, а с начала Летних Волн как отрезало, хотя... Может, и вправду она визжит, с такой станется, только я о другом сказать пришел, если ваши еще не доложили. Мои-то уйти не могут, а вот чужаки так и лезут!

— Хочешь сказать, чужие воры?

— Всякая шушера из Кро, Фрамбуа, Барсины... В общем, со всего Кольца. Непорядок, нечего им тут делать, но вот идут же, недоноски! А спросишь, чего это ты на чужое нацелился, так и сказать толком не могут. Будто тянет их сюда...

— Хорошо, — начал Эпинэ и усмехнулся, поняв, какую чушь ляпнул. — А ты сам сбежать не хотел?

— Не хотел, но пробовал. Как вертаться начали, проверить решил. Считай, до Барсины добрался, и хоть бы хрю, а вот парней, что со мной были, скрутило, так что не врут мои.

— Значит, с тобой ничего?

— Ну, муторно стало после крыс-то, слухи опять же... Говорят, в Агарисе так же было, и где он теперь, Агарис этот? Или врут?

— Нет, не врут, сам видел. — Эпинэ воровато глянул на запястье — крови не было. — Спасибо, что сказал, а пришлые воры, как они себя ведут?

— Пока не наглеют, держатся больше наособицу... Если что, я им сам жару задам, только бы господин комендант моих с чужими не попутал.

— Карвалю я скажу, — заверил Робер и за какими-то кошками сложил пальцы в тот самый знак, что подсмотрел прошлый раз у «Тени».

2

Лионель все еще не спешил. Спешили развозившие письма Проэмперадора гонцы. Савиньяк убил на писанину всю ночь; ложиться, когда небо начинает светлеть, имеет смысл после бала или любовного свидания, в походе подобное исключено. Сон маршал заменил скачкой и купаньем в озерце, достаточно холодном, чтобы разбудить хоть бы и Валмона. Довольный удавшимся утром Грато весело фыркал и оглядывался на хозяина, требуя внимания; Ли откликался — думать лошади никогда ему не мешали, а прямое нарушение одного регентского приказа и отмена другого требовали обдумывания.

Ссоры маршал хотел меньше всего, но госпожа Арамона и ее дочь бросили на весы последний камешек или, если угодно, маску. Куда ее девать, Лионель не представлял, зато он чувствовал, что утратил право на подчинение, и еще ему хватает снов с отцом... Мать должна дожить хотя бы до чьей-нибудь свадьбы и, Леворукий побери, получить подарок Хайнриха!

Когда командующий с еще не просохшими волосами вернулся в палатку, Хейл, Айхенвальд и Вайспферт уже ждали, и лица бергеров были серьезны даже для уроженцев Горной марки. Ли ровным голосом велел садиться.

— Вы ознакомлены с касающимся нашей армии приказом регента, — напомнил маршал. — Я намерен его нарушить. Проэмперадор на вверенной ему территории обладает королевскими полномочиями, следовательно, приказы регента для

него не обязательны, но мы не в Надоре, и я не вправе терять время на формальности.

Два генерала и полковник кивнули. Ожидай Ли иного, он обошелся бы без разговора.

— Я принимаю как данность угрозу Олларии и, возможно, прилегающим к ней землям. Сталкиваясь с враждебным неведомым, можно либо молиться, либо драться, при желании с молитвой. Ночью Фажетти выступил к столице, я же намерен сосредоточить наиболее подвижную часть армии на границе Бергмарк и Талига. В Фирзее. Оттуда в сопоставимые сроки можно добраться до Олларии, Старой Придды, дриксенской границы и Марагоны. Для сосредоточения там необходимо всего лишь согласие маркграфа, его я получу, но выступать надо немедленно. Во время моего отсутствия меня заменит генерал Айхенвальд. Господа, вы можете подчиниться моему приказу, а можете сдать командование и отбыть в распоряжение герцога Ноймаринен.

— Я выступаю к Фирзее, — сказал Айхенвальд и пояснил: — Я и полковник Вайспферт с вашего разрешения переговорили с госпожой Арамона. Мы собирались предложить вам повернуть армию на Олларию, но ваше решение, безусловно, удачнее.

— Я в вашем распоряжении, — коротко подтвердил Хейл.

Лионель поднялся.

— Благодарю вас. Причина маневра должна остаться между нами, пусть думают, что мы возвращаемся по приказу регента и присоединимся к действиям против Дриксен. Тем не менее прошу избегать прямой лжи. Теперь вы, Вайспферт. Я переподчиняю вам корпус Кодорни, держите его в кулаке посреди провинции. С Каданы хватит усиленных приграничных патрулей, остальное сделает Хайнрих. С вами отправляется Манрик, необходимые инструкции он получил, а вы при необходимости будете ставить этого господина на причитающееся ему место. Вот письмо Лецке и приказ о производстве вас в генеральское звание. Он вступит в силу, едва вы окажетесь на земле вверенной мне провинции. Войны я не ожидаю, но все мы можем столкнуться с чем-то менее привычным и более опасным. Вы — бергер, должны справиться, но с генеральской перевязью запрещать и вешать удобнее.

— Благодарю, мой маршал. — Вайспферт поклонился с достоинством, но он был взволнован и польщен. — Я обеспечу в Надоре должный порядок.

Лионель кивнул и достал флягу с можжевеловой настойкой, равно ценимой по обе стороны перевалов.

3

Это было откровенной глупостью — проезжая в окружении эскорта аристократическими кварталами, вглядываться в дома, заборы и прохожих, пытаясь понять, изменилось что-то на улицах или нет. На первый взгляд, все шло как обычно. Встретили несколько патрулей, пропустили карету старухи Фукиано, чуть не задавили выскочившего на дорогу щенка и оказались у дворцовых ворот. С нетерпением ожидавший Монсеньора Карваль выслушал об увеличении в столице воровского поголовья и признался, что ничего не знал. Робера это почти развеселило.

— Пока «гостей» несколько десятков, — утешил он маленького генерала, — и пару-тройку местные уже приголубили. Видимой причины для беспокойства нет.

— *Видимой*, Монсеньор. Мне хотелось бы понять, *что* тянет в город чужаков и не отпускает своих. Я прикажу докладывать обо всем, что покажется странным.

— Пусть Дювье проедется до Фрамбуа. Если его потянет назад... Лэйе Астрапэ, лучше я сам!

— Вас, Монсеньор, — Никола позволил себе улыбнуться, — безусловно, потянет.

Робер, не вступая в пререкания, взял шляпу и поднялся. Некоторые вещи другим не поручишь, и отнюдь не из недоверия.

Выезжали через ворота Роз. Камни и камни, но память человеческая намертво прибивает счастье, стыд, боль даже к камням. Через эти ворота покинула свою столицу Катари, через них же ушел Клемент... Эпинэ отвел взгляд от распахнутых тяжеленных створок и стал смотреть вперед. Немногочисленные торговцы проехали утром, но совсем пустынной дорога не была. Отряд то и дело обгонял нагруженные домашним скарбом повозки и хмурых людей с узлами и тачками. Одна семья

показалась знакомой, и Робер направил Дракко к едва ползущей телеге. Имени ведшего лошадь мастерового он не помнил, но раскрасневшееся от жары полное лицо ни о чем дурном не напоминало.

— Уходите? — спросил Эпинэ. — Куда?

— В деревню, монсеньор... — слегка растерянно ответил толстяк и утер со лба пот. — Родня там у нас.

— За Кольцо вас не выпустят.

— Зачем за Кольцо? — удивился беженец. — Нам чуток за Фрамбуа. К вечеру доберемся.

— А с чего уходите?

— С чего? — Горожанин покосился на столь же полнотелую супругу, восседавшую в окружении отпрысков на куче тюков. На коленях женщина держала клетку с надсадно орущим попугаем. — Крысы вот сбежали, и вообще... Дом вот оставили, хороший дом, и мастерскую. Растащат вот теперь...

— И пусть, — упрямо, словно продолжая спор, сказала женщина. — Перебьемся! Сил моих не было, монсеньор, ровно кол в горле стоял. Как отъехали, хоть дышать можно...

— Значит, это вы настояли?

— Я... Давно надо было, а мы все тянули.

— Как давно?

— Да с ночи Октавианской, будь она неладна, — подсказал муж. — Соседей жгли, чуть на нас не перекинулось, хорошо, ветер в другую сторону... Вот Марта и заладила, едем да едем, а третьего дня и вовсе уперлась. Ты, говорит, как хочешь, а я детей в охапку и к тетке. Насилу вот уговорил собраться как следует, а за Кольцо мы ни-ни! Знаем. Да и не к кому...

— Вы где жили?

— У Сливовой пристани.

Иноходец кивнул, будто это что-то объясняло, и полез за кошельком. Год назад он отдал бы все, но Проэмперадор, в отличие от Первого маршала мертвовозрожденной Талигойи, деньги считал. Получивший два полновесных старых талла мастер рассыпался в благодарностях, и Робер, чтобы не слушать, пустил Дракко в кентер. Они останавливались и заговаривали с уходящими еще дважды, и никто не смог внятно объяснить, почему именно сейчас сорвался с места.

— Кто его знает, Монсеньор, — подвел итог Никола. — Жизнь в Олларии не сахарная. Не толпой же валят, да и не

первые они... Как мы мародерские шайки на дорогах прижали, так и потянулись. Сперва больше было.

— Сколько мы отъехали?

— Хорны три.

— Я ничего не чувствую, а вы?

— Ничего, но мы в любом случае вернемся, нас могут и не держать.

— И все равно доедем до Фрамбуа.

Никола не возражал, хоть и полагал затею бессмысленной тратой времени. Фрамбуа встретил Проэмперадора заколоченными трактирами и собачьим лаем, но пара заведений работала. На вывеске одного из них робко улыбалась девушка, неуловимо напоминавшая юную Катари. Робер покосился на спутника. Тот смотрел на картину, и лицо его было непривычно мягким, почти мечтательным.

— Знаете, Монсеньор, она очень похожа на икону, которую велел сжечь Окделл. Вы так ее и не видели.

— Я посмотрю, — внезапно пообещал Робер. — Все равно придется взять в особняке Алвы некоторые ценности.

Глава 3

ТАЛИГ. ОЛЛАРИЯ

400 год К. С. 5-й день Летних Молний

1

«Надорские» вепри местами подставляли солнцу отменную бронзу, а местами были заляпаны какой-то дрянью — караулившие опечатанный особняк южане и не думали их чистить. По-хорошему на ворота следовало вернуть воронов, но у Ро не доходили руки, а Росио, где бы и какие бы кошки его ни носили, меченные бывшим оруженосцем заборы тревожили вряд ли.

— Будьте свидетелями, — потребовал толстый мэтр Инголс, переводя взгляд с герцога Эпинэ на графиню Савиньяк и с графини Савиньяк на кучку чиновников тессории. — Я снимаю печати. К сожалению, мы не располагаем даже примерной описью находившихся в доме ценностей.

— У генерала Карваля не было времени, — напомнил Робер.

— Разумеется, — подтвердила графиня.

Мэтр аккуратно срезал печати и вытащил ключи. Скреплявшее их кольцо украшал оправленный в золото карас с накладным, тоже золотым, вепрем. Сбежавший молодой человек не сомневался ни в своем праве на дом, ни в своем праве на месть, ну и на жизнь после содеянного, само собой.

— Сударыня, прошу вас.

— Благодарю, мэтр Инголс.

В просторном вестибюле было прохладно и тихо, черный мрамор пола покрывал тонкий слой пыли, на коврах почти не видной. С высокого постамента пялился еще один вепрь, за его спиной багровело не знавшее побед знамя.

— Тут стояла обсидиановая ваза, — припомнила Арлетта. — Когда из Алвасете приезжала хозяйка, в вазу ставили цветы. Оставаясь одни, мужчины обходились кипарисовыми ветвями.

— Конечно, — спохватился Робер, — вы же знаете дом!

— Я здесь бывала, — уточнила графиня, разглядывая застланную золотистым ковром лестницу и светлые, явно новенькие, перила. У захватившего особняк юнца вкуса было больше, чем у обгальтарившего дворец анакса, и переделки вызывали не смешки, а ярость. Робер это если и не заметил, то почувствовал.

— Альдо добил мальчишку своим подарком. — Проэмперадор почти шептал, чтобы не слышали оставшиеся у двери чиновники. — Я должен был ему объяснить... Заставить, в конце концов!

Мэтр красноречиво, будто в зале суда, возвел глаза к опять-таки новому плафону, готовясь изречь нечто убийственное, но графиня оказалась проворней.

— Ты бы только отнял время у сна и города. — Арлетта уверенно подхватила Ро под руку и повлекла к лестнице. — Мальчик хотел таскать чужой жемчуг и чувствовать себя рыцарем, он таскал и чувствовал. Если благополучие имярек, в том числе и душевное, зависит от того, чтобы дым шел вниз, а дождь вверх, никто, никогда и никакими доводами не убедит его в обратном. — А теперь громко, четко и для всех. — Книги и шпалеры в Олларии сейчас не в цене. Я бы начала с утвари. Помнится, тут одних кубков хватало на полк...

Сын Жозины кивнул, только сын Мирабеллы оказался не промах. Хрусталь и фарфор он не тронул, но золото и серебро исчезли, как и жемчуг, и украшенное драгоценными камнями парадное оружие. Дом оставался богатым, только богатство это в полуразграбленной столице было мертвым. Личные комнаты «радовали» золотистыми и багряными драпировками, столы и бюро казались родными братьями дворцовых, и все это стоило денег. Как и повелительские цепи, линарцы, ливрейные слуги... В Надоре взять было нечего, и потомок святого Алана распродавал чужое, вряд ли представляя его истинную стоимость. А сколько вещей не имело цены, потому что помнило шаги, голоса, улыбки, песни...

Арлетта не видела сожженного Сэ и не так уж часто вспоминала сгинувшие в огне гобелены, но пожар был чище и честней. Сэц-Ариж не спал на простынях Арно и не лопал с тарелок Ли.

В кабинете, в старом кабинете соберано Алваро, ярость покинула берега. Женщина уставилась на очередной гербок, вцепившийся в стену между трофеями Арно... Ее Арно. Она прекрасно помнила эту охоту в горах Ноймаринен: Рудольф и Алваро переглянулись и вручили свои рогатины подросшим сыновьям, но Ли с Эмилем были в Лаик, и Арно с радостью тряхнул стариной... Позже граф Савиньяк обменялся добычей с маркизом Алвасете, а Рудольф поручил головы вепрей заботам чучельника. Кажется, его звали Кнуд.

— Прикажите убрать эти... скалы, — распорядилась графиня и, позабыв, что слуг в доме больше нет, рванула звонок — отвратительно желтый шнур с ослиной кистью на конце. — Ублюдок!

— Только не в юридическом смысле. — Мэтр Инголс оставался невозмутим. — Давайте взглянем на замену ковров и обивки с другой стороны. Могли ли подрядчики обнаружить во время работ тайники? Окделл жаловался на кэналлийцев, якобы разграбивших особняк. Самое ценное, без сомнения, слуги вывезли, и вряд ли это была посуда. Сударыня, вы согласны?

Арлетта подтвердила и нахмурилась. Не то Марсель, не то Росио перед самым отъездом сказал нечто важное. Кажется, все-таки сынок Бертрама... Вспомнить женщина не успела:

отчего-то не перекрашенная дверь распахнулась, и взволнованный Сэц-Ариж сообщил о курьере от графа Ариго. Арлетта бездумно протянула руку, адъютант, само собой, не понял и уставился на Ро, тот кивнул.

Два из трех вложенных в знакомый футляр с ощерившимся котом писем в самом деле предназначались графине Савиньяк; на том, что толще, красовалась печать со спрутом. Придд. Приемыш Жермона и враг Арно. Неужели помирились? Любопытство требовало немедленного удовлетворения.

«*Сударыня*, — почерк Придда, в отличие от покоробившейся от воды бумаги, приближался к идеалу, — *я счел необходимым дополнить письмо, которое в ночь перед генеральным сражением написал Вам по просьбе Вашего сына и моего друга. Принявший командование над Западной армией генерал Ариго слишком занят, чтобы подробно рассказать Вам о баталии, и с его разрешения я беру эту обязанность на себя. Прежде всего, позвольте Вас заверить: я в полной мере разделяю уверенность генерала, что Ваш сын...*

Арлетта добралась до дивана, села, аккуратно расправив юбки, и вновь поднесла письмо к глазам. Каллиграфически выписанные буквы складывались в не желающие меняться слова: «*... разделяю уверенность генерала, что Ваш сын Арно благополучно пережил обрушившееся на сражающиеся армии стихийное бедствие и сейчас находится в Южной Марагоне, от которой мы отделены разлившейся Эйвис, ставшими непроходимыми обширными лугами и армией фельдмаршала Бруно. Представляется совершенно очевидным, что не имеющие возможности воссоединиться с Западной армией офицеры и солдаты, сбиваясь во временные отряды, направляются навстречу армии Эмиля Савиньяка...*»

— Сударыня! — Кто-то — Ро! — держал ее за свободную вторую руку. Уже знает... Откуда? Хотя было же третье письмо. — Я... Лэйе Астрапэ, он вернется! Сейчас... Сейчас Жильбер найдет что-нибудь выпить, и я отвезу вас... Куда? В Ноху? Ко мне?

— Что?

— Он вернется! Вы слышите?!

Вдова и мать маршалов спокойно отняла руку.

— Разумеется, вернется. И я не понимаю, почему известие об исчезновении одного из теньентов Западной армии отменяет поиски средств на выплату жалованья гарнизону Олларии.

2

То, что его бестолковое сочувствие не требуется, Робер понял сразу. Арлетта Савиньяк *не желала* говорить о пропавшем сыне, и двое мужчин — военный и законник — послушно вызвали ожидавших в вестибюле чиновников и занялись составлением реестра. Один из переписчиков, бывший таможенник, узнал шпалеры с медвежьей охотой, некогда заказанные в Алате Колиньяром. Порфировые вазы принадлежали Фарнэби, а сервиз с леопардами в свое время был изъят у мэтра Капотты в качестве доказательства причастности братьев Ариго к октавианским погромам... Должно быть, Дикон выкупил его, чтобы порадовать Катари.

— Этот дом напоминает скороспелую дважды вдову, — внезапно заметил мэтр Инголс, о котором погруженный в не слишком веселые мысли Эпинэ почти забыл. — Когда женщина, потеряв мужа, спешно выходит замуж за того, кто ревнует к прошлому, а вскоре теряет и нового супруга, она выглядит так же.

Робер вяло удивился нахлынувшей на законника поэтичности. Дикон переделывал дом Ворона в свой пол-осени и зиму, но юг упрямо просвечивал сквозь север, и выглядело это непристойно.

— С этими вещами придется... решать нам.

— Несомненно, — согласился своим обыденным тоном законник. Напоминать об очевидном адвокат считал ниже своего достоинства, а мысль, что не пойманный до сих пор убийца пойман уже не будет, так как встретил либо друга, либо, что вероятней, мародеров, была очевидной.

Опись продолжалась. Мэтр отдавал указания, графиня Савиньяк ровным голосом перечисляла, что некогда хранилось в той или иной комнате. Иноходец оказался достаточно не нужен, чтобы пойти взглянуть на приговоренную к смерти икону, благо церковь запереть никто не удосужился. Церковь, в которой меньше всего думали о Создателе...

Раньше Робер не был уверен в чувствах Ворона, теперь он не сомневался: Алва любил Катари не меньше, чем она его, иначе это святилище было бы невозможно. Дикон не зря велел уничтожить образ женщины, живущей, именно живущей в остановленной гением весне. Очарованный Иноходец не сразу сообразил, что упрямо держащийся в воздухе запах лилий ему не чудится — в вазе на самом деле жили белые цветы. Кто их пронес в опечатанный дом, Эпинэ не представлял, разве что наслушавшийся Карваля Сэц-Ариж. Или сам Никола? Нет, не станет Карваль снимать свои же печати, чтобы вознести молитву чужой святой или своей королеве. Значит, Жильбер не просто так запыхался. Прежде чем передать письма, адъютант забежал в церковь, а прежде чем войти в дом, побывал в Старом парке...

Мысли о Сэц-Ариже потянули мысли о жалованье, которое на следующей неделе нужно во что бы то ни стало выплатить. Взимаемых с торговцев и мастеров налогов с пошлинами не хватало даже на городские нужды, оставалось пустить в оборот какие-нибудь ценности, но Катарина и так заложила почти все, что могла, оставив лишь то, что разбазариванию не подлежало. Никола заговорил о том, что в столице все еще немало богатых домов и богатых семей, и тут мэтр Инголс напомнил, что соберано Алваро в свое время содержал не один гарнизон, а всю армию Талига. Робер бросился за советом к графине, и та нашла идею превосходной.

— Алва полагают это одной из обязанностей Первого маршала, — сообщила она, — а в обязанности регента входит оплата самых неотложных долгов.

Мысль казалась отличнейшей, кто же знал, что они найдут не золото, а ковры и хрусталь. И еще икону... Робер еще раз всмотрелся в грустные, невозможно синие глаза сестры, не выдержал, опустил взгляд и... обнаружил то, за чем они, собственно говоря, и явились. Это было ужасно, потому что ноги Октавии-Катарины тонули в усыпанной бриллиантовой росой траве, а к голубому платью льнули сапфировые незабудки. Гарнизон получит свои деньги, если ограбить Катари!

Робер не задумывался, во что он верит и верит ли, но церковные воры были отвратительны. Даже Альдо разрушал, но

не грабил, правда, у Октавии из Старого парка было нечего взять, кроме красоты.

— Уходи, — тихо сказал женский голос за спиной, — уходи к своим цветам... Алое к алому... Жизнь к жизни...

Эпинэ обернулся. Сестра теребила светлую косу возле вазы с лилиями. Тень чужой любви? Печаль уцелевшей в полдень тени? Не считай свою боль несчастьем, предоставь ненастье ненастью, раздели печали немногих, уходя по иной дороге...

— Катари!

— Уходи. — Свет зеленых глаз, мерцанье жемчуга, шум листвы, странный, что-то напоминающий шорох. Ветер в тростниках? Здесь?

— Здесь ничего нет и не будет, но мы будем там, я и ты... Долго, очень долго. Уходи...

Женщина, подобрав платье, пошла, точно поплыла к себе нарисованной. Сверкнули алмазные росы, где-то зажурчал ручей.

— Катари, твой сын жив! Его назвали Октавием...

Улыбка. Бред. Сон наяву. Голубизна и зелень, сонные лилии и плачущие маки, блеск драгоценных камней, свет живой росы. Ты вдыхаешь печаль понсоньи, ты не видишь, не ждешь, не помнишь, под ногами хрустнули стебли дальним эхом песни последней. Ждет луна и устали звезды, поздно звать и не верить поздно, лунной тиной брезгует море, жизнь со смертью уже не спорят. Рассыпается прахом время, серой пылью летят мгновенья... Жгучей, мертвой, последней пылью... Пыль... Она скрипит на зубах, забивает глаза и горло, но если больше нечем, придется дышать ею!

— Странно, откуда здесь лилии? — Там, где стояла Катари, по-кошачьи щурится другая женщина. Темноволосая и не слишком молодая. — Последний раз я видела такие в Рафиано.

— Они растут в Старом парке. — Робер протер глаза, будто их в самом деле запорошило. — Я сам видел... Эти сапфиры... Если они настоящие, мы нашли что искали, но как их взять у Катари?

— У Катари? — Арлетта сощурилась еще сильнее. — Раньше я сходства не замечала, но ты, пожалуй, прав...

— Вы ее видели? Я про икону!

— Конечно. Домовая церковь Алва традиционно посвящена Октавии, как и домовая церковь Олларов. Франциск не великий, не зная, как еще выразить любовь к супруге, поменял прапрабабкино лицо на Алисино, а розу в ее руке украсил рубинами. Соберано Алваро ответил с присущим ему изяществом. Похоже, эти сапфиры ускорили развязку.

— Так это сделал не Рокэ?!

— Разумеется, нет. Соберано привыкли платить за Талиг. Гарнизоном, хоть бы и столичным, больше, гарнизоном меньше...

— Хорошо, — с трудом произнес Робер, — мы возьмем камни.

— Погоди. — Теперь графиня смотрела вниз. — Откуда здесь плащ?

Плащ? В самом деле... Старый, вернее старинный, плащ лежит на ступенях мертвой птицей.

— Дик говорил, на нем лежал меч Раканов...

— Закатные твари! — с чувством произнесла графиня. — Какая же я тупица!

3

Бедный Ро ничего не понял, но тут бы и Бертрам не сразу сообразил, а вот она могла бы!..

— Ро, меч все это время был в доме.

— Конечно, ведь церковь не открывали...

— Ее могли открывать каждый день, меч был в тайнике. Альдо думал, что, собрав реликвии, обретет силу, Росио узнал об этом от Левия, а Марсель подтвердил. Получив меч и оставшись простым смертным, анакс был обречен на глупости. Рокэ собирался с помощью наслушавшегося «Рамиро» Окделла выставить любителей древности в Гальтару. Тебя как неверующего оставили бы в столице, которую ты бы без помех сдал.

— Алва думал, что я сдам город?

— Не думал, а знал, но нам важен тайник. Вряд ли там хранили лишь меч.

— Ди... Ричард Окделл говорил, что на мече не было пыли, а на ступенях была. Выход возле иконы!

— Выход нам не найти, разве что разберем стены. — Ли знал, как войти и выйти так, что не видели ни слуги, ни болтавшиеся поблизости шпионы, теперь эту дорогу узнал Марсель, но оба далеко. — Меня не посвящали в подробности, но тайные входы в этом доме не являются выходами, и наоборот. Скорее всего, Росио в церковь не выходил, просто бросил с порога плащ, а на него — меч.

— Рамиро Второй пришел к Дику. Они пили в спальне вино. «Черную кровь»... Если это был Алва... Нет, это сон — человека, с которым провел вместе целый год, не узнать нельзя.

— Я не узнала, — резко бросила Арлетта. — Я почти испугалась. Росио... Ты не представляешь, во что он превратился! К тому же в бокале Окделла был... достаточно веский довод. Этот молодой человек проснулся в своей постели со свежей головой и запертой изнутри дверью. Конечно, он счел ночной разговор сном.

— Но про меч ему сказал другой Рамиро... Он признался сестре... Это было отражение в зеркале...

— В каком зеркале?

— Над камином. В гардеробной при спальне...

— Отлично! — Теперь Арлетта поняла все, потому что в Савиньяке к спальне хозяйки примыкала точно такая же гардеробная с зеркалами. Подарок Алонсо прелестной Рамоне. Секрет, который Алва доверяли возлюбленным и женам, но у Росио нет жены... Могла быть, но Эмильенна Карси верна своей первой любви до последней ненависти.

Распоряжаться тайнами друзей всегда неприятно, но деньги необходимы, а церкви, любые, лучше не разорять.

— Мы сейчас пройдем в спальню, которую занимал Окделл. Если я права, то до... переделок это были комнаты герцогини. Ты останешься ждать, пока я тебя не позову, и не впустишь в гардеробную никого. Мэтра Инголса тоже. Если я найду... что-то ценное, я тебя позову.

Она нашла. Зеркало, как и в Савиньяке, отражает зеркало. Две точки. Еле заметный «изъян» на стекле и такой же на половице. Вставить шпильки, именно шпильки, которых нет у мужчин... По крайней мере, дома это устроено именно так. И здесь тоже! Узкая щель, невысокая лесенка... Пол потайной комнаты на уровне каминной полки. Здесь еще ни разу никто

не спасался, хотя, вернись хозяин в Октавианские праздники часом позже, Хуан загнал бы в тайник если не Окделла, то монахов. Если, конечно, знал... Росио слишком многое таскает в себе, как и Ли, и она сама.

Не рыдать над письмами о пропавшем сыне, а искать деньги для солдатни — как это грубо! Ее не поняли бы ни мэтр Капотта, ни дура Одетта, ни даже Жозина, но деньги она почти нашла, а рыданий не будет! Нужно помогать Ро и ждать вестей из Придды. Арно найдется, вернулся же Ли из Гаунау. Хороша бы она была, выпустив на волю даже не страх, ужас. Это за Арно она не боялась... За старшего Арно, пока во двор на взмыленной лошади не ворвалась беда. И за младшего не боится, ведь он просто на войне, а после Борна... Борнов... весь страх достался змеям.

Графиня Савиньяк мысленно приказала себе не сходить с ума и вернулась за свечой и огнивом. Ро послушно сидел в бывшей спальне Рамоны. Герцогини Алва, бывшей графини Савиньяк, урожденной Раймонды Карлион... Герцогиня Окделл тоже урожденная Карлион. Если судьба начинает издеваться, она делает это тонко.

Шесть невысоких ступеней, как и в Савиньяке. Внутренний замок открыт — то ли Росио забыл, то ли наоборот.

Придерживая дверцу рукой, Арлетта подняла свечу. Комнату чуть ли не наполовину загромождали сваленные второпях ценности. Хуан про тайник знал, и графиня почувствовала себя менее беспардонной. Переднюю часть комнаты кто-то... Росио наскоро расчистил. Если при открытом «окне» смотреть снизу, из гардеробной, увидишь черные шкуры, странные подсвечники, старинное оружие. Ночью любой решит, что заглянул в бездны времен... Женщина усмехнулась и повернула крайний подсвечник; внутренняя рама послушно скользнула вбок. Теперь верхнюю и нижнюю комнаты разделяло обычное стекло. Между рамами что-то светлело. Женщина наклонилась и подняла скомканный платок, знакомо и неприятно жесткий. Росио изображал раненого Рамиро, но кровь была настоящей, и показывать ее кому бы то ни было Арлетта Савиньяк не собиралась.

Глава 4
ТАЛИГ. ОЛЛАРИЯ

400 год К. С. 5-й день Летних Молний

1

Графиня вернулась и снова ушла, забрав свечу. Наверняка что-то отыскала, но спросить у Робера язык не повернулся. Чтобы после писем о пропавшем сыне заговорить первым, нужно быть либо Левием, либо скотиной. Иноходец вслушался — из гардеробной не доносилось ни звука, оставалось караулить чужой секрет, и Робер караулил, то присаживаясь, то обходя покинутую спальню. На столике у кровати пылились черные с золотом песочные часы. Эпинэ бездумно повертел их перед глазами и обнаружил очередного золотого вепря. Часы тоже остались от Дикона... Наверняка подарок какого-нибудь набивавшегося в друзья подхалима, а настоящих друзей у мальчишки не нашлось. Был сюзерен, была любовь, и верность первому уничтожила вторую. Арлетта тысячу раз права — Ричард решил, что Катари помогла убить Альдо, и схватился за кинжал. Верность у Окделлов в крови, Айри тоже осталась верна и своей любви, и своей королеве...

Робер вернул никому не нужную безделушку на стол. Тоненькой струйкой, отмеряя минуты, потек песок. Иноходец не собирался засекать время, просто так получилось. Что ж, когда струйка иссякнет, он постучит в гардеробную. Графиня на сердце не жалуется, но Жозина тоже до последнего молчала, а загаданного времени хватит, чтобы перечесть записку ставшего чуть ближе Ариго.

«Сударь, возможно, при встрече мы почувствуем наше родство, но сейчас я пишу другу графини Савиньяк. Теньент Арно Савиньяк пропал, когда на дравшиеся в окружении остатки левого фланга обрушились смерчи. Потери чудовищные. То, что сейчас называется Западной армией, сопоставимо с тем, что два дня назад было ее арьергардом, причем стихия нанесла нам не меньший урон, чем дриксы. В нашем нынешнем положении мы не можем искать пропавших, остается надеяться, и я надеюсь, хотя все, кто был вместе с Арно, погибли. Можно рассчитывать

разве что на выносливость его мориска и умение всадника, но, боюсь, в таком случае теньент уже нашел бы возможность переправиться через Эйвис и присоединиться...»

— Монсеньор!

— Жильбер, я же просил!

— От генерала Карваля. Большая драка. Очень большая.

— Хорошо, докладывай.

Началось все в Мусорном предместье, на столичной «помойке». Мусорная площадь — местный рынок — подверглась изумительному по своей наглости налету нескольких десятков оборванцев из тех, что сползлись в город за последние недели. Пока стража собирала силы да подтягивалась, громилы знатно порезвились, разнеся все в куски и оставив после себя трупы вздумавших отбиваться торговцев. Предместье забурлило — терпеть подобное от чужаков местные не собирались, и примчавшемуся Карвалю пришлось заняться не столько поиском налетчиков, сколько восстановлением порядка.

— Что-то еще?

— Вам принесли странное письмо. Прямо сюда.

— Сегодня все странное.

На восковой блямбе отпечаталось нечто вроде полумесяца. Бумага казалась дорогой, но чудовищно замызганной.

«Монсениор, прошу не трогать моих ребят. Мы поставим пришлых ублюдков на место сами. К вашим услугам».

И опять полумесяц, только намалеванный от руки. Ну, хоть одной заботой меньше!

— Передай Карвалю, что налетчики свое получат без нас. Да... Ты молодец, что принес в церковь цветы.

— Монсеньор... Я ничего не приносил!

Если не адъютант, то кто? Прячущийся в тайнике кэналлиец? Ангел Создателев? Да нет, Жильбер это, больше некому. В юности проще признаться в жутком злодействе, чем в сентиментальности.

— Робер! Можно вас на минутку? Только вас.

— Жильбер, встань у двери и гони всех.

...В гардеробной было сумрачно — кто-то опустил портьеры. Арлетта ждала со свечой, но тут же задула огонек.

— Смотри, — велела она, — не на меня, в зеркало. Вот Кабитэла, которую показали Окделлу. Того, что туда «украли»

кэналлийцы, гарнизону хватит до осени. Не волнуйся, мы не возьмем ничего, о чем Росио пожалеет, да там ничего такого и нет. Просто золото и камни.

2

«В зарослях возле конюшен жил юный Слизень. Он не был ни одинок, ни голоден — дающие обильную и вкусную пищу лопухи росли здесь в изобилии, — и все равно Слизень чувствовал себя несчастным, ведь он был обречен смотреть на лошадей, которых ненавидел с рождения. Огромные, громко ржущие гривастые уроды оскорбляли мироздание самим своим видом, и хуже всех был Мориск, которого и лошади, и люди, и живущие при конюшне мыши с воробьями называли своей гордостью. Даже сторожившая двор Собака и равнодушная ко всему Кошка расхваливали стать, резвость и выносливость Мориска, и чем громче звучали восхваления, тем сильнее становилась ненависть Слизня.

Всякий раз, когда Мориска проводили мимо, Слизень терял сон и аппетит. Сородичи, которых занимали только свежесть и сочность листьев, не понимали обуревающих собрата страстей.

— Ну что ты беснуешься? — пеняли они ему. — Посмотри, как все хорошо! Идут дожди, лопухи прекрасно растут, что еще тебе нужно? Наша доля куда приятней лошадиной — мы свободны и никому не принадлежим, нас никто не взнуздает и не запряжет, мы, довольствуясь малым, имеем все, и только ты желаешь странного. Уймись, видишь, какой чудесный свежий побег? И вообще тебе пора подумать о потомстве.

— Я не могу думать ни о потомстве, ни о еде, — отвечал Слизень, — пока земля носит это грязное, жалкое, ничтожное создание, которому воздают незаслуженную, оскорбляющую меня и Создателя хвалу. Вы можете жить своими никчемными заботами, я же не найду себе места, пока не восторжествует справедливость.

— А может, вам забыть про Мориска? — предложила слышавшая разговор Гусеница. — Когда его проводят мимо, закрывайте глаза, а вход в конюшню с нашего куста не виден.

— Какие глупости, — возразил Слизень. — Пусть эта негодная кляча проходит здесь редко, я ведь знаю, что она есть. Даже

закрыв глаза, я не забуду, что она сейчас проходит мимо меня. Это отвратительно.

Гусеница удрученно замолчала, а Слизень безо всякого удовольствия скушал побег, на который ему указывали, и, устроившись на стебле, принялся ненавидеть. Так было и назавтра, и через неделю, а еще через день Слизень отправился к воротам конюшни. Лопухи там были пыльными и чахлыми, но мимо них ежедневно проводили Мориска, и ненавидеть оттуда было гораздо удобнее.

Когда лето подошло к концу, Мориск исчез, но Слизень не забыл и не простил. Он сидел на почти засохшем кустике и, закрыв глаза, представлял, как мимо ведут ненавистного коня. Это помогало, а потом Мориска вернули в конюшню. Он страшно исхудал, его ноги дрожали, и вдобавок жеребец хромал на заднюю ногу.

О, в этот миг Слизень был счастлив! Замирая от восторга, он вбирал в себя каждое неверное движение своего врага, каждое пятно на поблекшей шкуре, каждый тяжелый вздох. Но Мориска увели, и Слизень понял, что недостаточно насладился унижением проклятой клячи. Тогда он слез с куста и пополз к дверям конюшни. Камешки и соринки царапали нежное брюхо, песчинки налипали на тело, мешая двигаться, но Слизень стремился вперед. Он должен был видеть эту понуро опущенную голову, эти трясущиеся ноги, эти разбитые копыта!

Слизень почти миновал порог денника, когда над ним нависло нечто огромное, темное и тяжелое. Нога в грубом сапоге обрушилась вниз, положив конец и жизни, и ненависти, но судьба порой бывает милосердна: Слизень не услышал, как Конюх заверяет хозяина Мориска, что через неделю конь будет в полном порядке...»

Как всегда, сказочка записалась сразу. Как всегда, Арлетта запнулась на морали. Как всегда, стало немного легче. Сколько чернил и бумаги она извела, оставшись без Арно, но лучше так, чем биться в рыданиях или заживо умереть... Лучше так... Графиня пробежала глазами по строчкам и задумалась, глядя в окно. Она вспоминала — не сыновей и не мужа, Олларию, в которую ее приволокли по приказу Алисы. И тогда, и теперь город казался отвратительным и чужим, в Лаик и то было приятней, хотя Ли с Эмилем столица нравилась, а малыш Арно узнать ее толком так и не успел! Арно... Неужели, чтоб она наконец назвала младшего по имени, был нужен смерч?!

Постучали. Левий. Женщина уже знала его манеру, но если он явился с утешением...

— Сударыня, я могу вам чем-то...

— Нет, — отрезала Арлетта. — Мой сын найдется.

— Мэратон! Да обретем мы утраченное, и да вернутся к нам те, кто дорог. Я имею в виду и себя. Пропала Альбина... Поверьте, потерять собственную кошку трудней, чем утешить дюжину вдовцов. К тому же из дюжины самое малое четверть в глубине души возносит Создателю не хулу, но хвалу. Разумеется, если они благочестивы.

— Меня в любом случае можно не утешать. — Шутка лучше носовых платков, на шутку она согласна. — Альбина не могла отправиться к коту?

— Я не заметил признаков вожделения, но наши мысли, сударыня, в очередной раз совпали. Самое неприятное, что Пьетро не нашел в Нохе ни единой кошки. В кухнях последний раз видели котов на прошлой неделе, и повара оказались слишком глупы, чтобы забить тревогу.

— А в городе? — подсказала графиня и сама же ответила: — У особняка мне сегодня попался кот.

— Я в предместье тоже видел нескольких, — припомнил кардинал. — Собаки и лошади спокойны, а в Агарисе они волновались, хоть и не слишком долго. Я вижу открытую чернильницу. Вы...

— Очередная сказочка. И я опять не знаю, чем ее завершить.

— Это приглашение?

— Да.

Сперва крысы, теперь кошки... Но почему только в Нохе? Нет кошек, нет призрачных монахов, но остался зеленый, бьющий в небо свет. Неприятный, но и только. Гертруда Придд видела зелень и монахов четыреста лет назад, и ничего... Видимо, дело не в Олларии, а в Изломе. Начнется Круг Ветра, и конец страхам.

— Ваше высокопреосвященство, я получила письмо от молодого Придда. Арно с ним говорил, и «спрут» написал... По просьбе Арно. — Малыш жив! Жив, это не Гаунау и тем более не друг-мятежник. Это всего лишь ураган и дриксы! — Оказы-

вается, вдова Эктора видела монашескую процессию и довольно подробно ее описала. Вам нужно это прочесть.

— Разумеется, я прочту, но есть и вещи поважнее. — Кардинал протянул женщине исписанные ею листы. — Сударыня, почему вы написали *это* именно сейчас?

3

Слова Джаниса с делом не разошлись. «Висельники» в считаные часы собрали своих бойцов и кинулись доказывать, кто на городском дне главный. Мелкие стычки переросли в общее побоище на левом берегу Данара. Больше трех сотен разбойничков сошлось на одном из местных пустырей; само собой, победа осталась за столичными, чем «Тень» не преминул порадовать Проэмперадора.

— Не понимаю, — посетовал Эпинэ. — «Пришлых» не понимаю... Допустим, ублюдкам надоело, что им мешают развернуться, вот и решили показать себя и свою силу. Но ведь глупо!

— Не то слово, Монсеньор, — буркнул вымотанный Карваль. — «Висельников» больше, они у себя дома и, что немаловажно, куда сплоченней скороспелого союза мелких провинциальных шаек.

— Неудивительно, — подхватил Мевен, — что схватка закончилась полным разгромом чужаков. Удивительно другое. Городское отребье — это вам не бергеры, а пришлые головорезы — никак не гаунау. Так за какими кошками и тем и другим резня?!

Рокслей равнодушно согласился: да, это странно и нехорошо, Карваль буркнул, что после фокуса с рынком местным ничего другого не оставалось: свой кусок у ворья принято отстаивать именно так, вот поведение пришлых, да, удивляет. Мэтр Инголс кивнул и тут же спросил уважаемых коллег, с чем, по их мнению, все перечисленные странности связаны. Поредевший Регентский совет обменялся унылыми взглядами; пятеро человек сходились в том, что как-то оно все неладно: после смерти Альдо поначалу было спокойно, а теперь с каждой неделей хуже и хуже.

— Люди прямо на глазах озлобляются, только непонятно почему. — Дэвид, командуя остатками гвардии, с горожанами

встречался нечасто, но перемены заметил и он. — Голода все-таки нет, порядок поддерживается... Так с чего?

— Устали, — решил сам уставший на годы вперед Никола, — а ее величество нам не заменить, что бы мы ни делали... Будь Оллария эсператистской, нам мог бы помочь его высокопреосвященство, а так мы одни.

— Эсператистским был Агарис, — напомнил мэтр Инголс. — Я бы дорого дал за новости из Гайифы. Если в происходящем есть логика, крысы из Паоны ушли раньше, чем из Олларии.

— Маркус Гамбрин мертв, — поморщился Никола. — Я готов допустить, что он получил какие-то сведения, но нам до них не добраться.

— Я спрошу Валмона, — Робер подтянул к себе лист бумаги и записал, что надо сделать, — но началось до крыс, хоть и после убийства... После смерти ее величества.

— Корабли тонут не потому, что с них уходят крысы. — Мевен по недавно взявшейся и довольно-таки противной привычке делано хохотнул. — Это крысы уходят, потому что не желают тонуть.

— Что грозило крысам в Агарисе? — отмахнулся Дэвид. — Мориски не кошки, крысятину не жрут, а из Роксли крысы не уходили.

— Господа, — мэтр Инголс обвел четырех вояк достойным Проэмперадора взором, — все, что мы имели сказать о крысах, мы сказали тринадцать дней назад. Без сведений из Паоны и, возможно, Гариканы продолжать обсуждение бессмысленно. Проэмперадор Олларии должен сообщить Регентскому совету важные новости, а мы отвлеклись на крыс, как двуногих, так и четвероногих.

Робер кивнул и потер виски. По настоянию законника Иноходец придерживался заведенного Катариной порядка, хоть и слегка измененного. Ликторы и секретари на заседания не допускались, все, что требовало протоколов и прочих циркуляров, мэтр диктовал чиновникам сам, но лишь после оглашения на Совете.

— О том, что средства на жалованье... — начал Эпинэ, потом глянул на законника и вспомнил совет Арлетты не ловить за кошку мышей. — Графиня Савиньяк отыскала в особняке

Алвы тайник с ценностями, нам теперь есть чем платить гарнизону и поставщикам. Кроме того, я получил письмо из Южной Марагоны. Была генеральная баталия, мы ее почти проиграли, но случился ураган со смерчами, и Бруно проиграл тоже. Маршал фок Варзов болен, остатками Западной армии до подхода Эмиля Савиньяка командует генерал Ариго. Подробностей не знаю, письмо было коротким.

— Хотелось бы услышать, — брюзгливо уточнил законник, — когда именно состоялось сражение.

— В пятнадцатый день Летних Волн.

Первым ушел к своим гвардейцам Дэвид, он так и не ожил, но с командованием как-то справлялся. Мевен с Карвалем отбыли принимать лошадиное пополнение. Инголс задержался. В этом не было ничего необычного — мэтр избегал выговаривать Проэмперадору даже при Карвале, зато наедине тыкал носом в ошибки, как щенка. Эпинэ был благодарен.

Избегая дополнительной взбучки, Робер запер важные бумаги в бюро; в глубине что-то блеснуло. Кинжал Мильжи словно хотел напомнить о себе, о Сагранне, о безумной вылазке в лагерь Манрика и связавшей человека со сталью крови. Иноходец чуть ли не воровато схватил бирисский клинок, бросил на его место парадный кинжал, налил в два бокала вино и приготовился к выговору, но его не последовало. Адвокат не указывал, а выспрашивал, причем о делах сугубо военных. Пришлось вытащить письмо Ариго и зачитать все, что не касалось пропавшего мальчишки и графини Савиньяк.

Мэтр немного подумал и решил уточнить:

— Курьер — с заставы у Кольца, следовательно, в сражении он не участвовал?

— Да, — подтвердил Иноходец и внезапно решился. Мысль, которую он последнее время то брался обдумывать, то гнал из головы пинками, для одного стала невыносимой. — Мэтр Инголс, Левий не прав; Ворон, устанавливая карантин, оберегал не Олларию, а от Олларии. Мы чем-то опасны, но, Леворукий побери, чем?!

— Отлично! — Законник приподнял бокал в приветственном тосте. — Вы все же умеете думать и сопоставлять, так сопоставьте еще кое-что. Обрушившаяся на две армии буря имела место днем пятнадцатого. В ночь с пятнадцатого на шест-

надцатое нас покинули крысы, что мы заметили, и нохские монахи, на что внимание обратили не сразу. Буря могла быть как следствием чего-то, о чем мы можем лишь гадать, так и причиной событий в Олларии, но я склоняюсь к первому. Что-то произошло и нашло весьма своеобразный отклик. Стихии обрушились на противников, не разбирая сторон. Через несколько часов ушли крысы и исчез чумной ход, но не зеленый свет над Нохой. Что это нам дает?

— Не знаю. Что?

— Молодой человек, *эти* законы вне моей компетенции, но его высочеству, его высокопреосвященству и графине Савиньяк город лучше покинуть. Кроме того, я бы посоветовал вам отослать и госпожу Капуль-Гизайль.

— А вы?

— Нам с вами и генералом Карвалем придется остаться до, скажем так, оглашения приговора.

Глава 5

ТАЛИГ. ОЛЛАРИЯ
БЕРГМАРК. АГМШТАДТ

400 год К. С. 5-й — 6-й день Летних Молний

1

Арлетта сама не знала, почему не ложится. Отбоявшийся вошедшей в силу нечисти и выпивший все, что по сему поводу полагается, Сэ спал в объятиях встреченной осени, которая в этом году явилась раньше срока, — первые листья на глядящих в окна кленах заалели в середине Летних Молний. После праздников всегда становится тихо, радость тоже требует сил, особенно взятая взаймы у виноделов, музыкантов, поваров, портных. Те, кто носит счастье в себе, не устают даже на балах и больших охотах, уж это-то графиня Савиньяк знала не понаслышке.

Накинув торский плащ, женщина вышла в серебристый от раннего инея сад, молчаливый и оттого сказочный. Пруд, который она всегда любила, пересчитывал монеты листьев и

ловил по-осеннему крупные звезды. Когда рассветный горизонт захватывала Всадница, Арлетта принималась ждать конца очередной кампании — осень возвращала ей сперва мужа, затем сыновей, но в этом году ждать было некого, разве что сына Жозины, и то ближе к зиме. Графиня погладила припавшего к воде мраморного оленя, на шею которого девчонки назло всем войнам мира цепляли рябиновые бусы. В ее первую здешнюю осень Арно с излишне громким смехом объяснил, что в прежние годы это означало готовность подарить первую кровь господину. Молодая жена по наивности решила, что годы были очень прежние, оказалось — нет...

Правду она узнала от кормилицы близнецов. Мари не ябедничала — вспоминала о счастье. Может, потому Арлетта и не подумала расстраиваться, а через пятнадцать лет у оленя собрал свои ягодки Ли. Эмиль, тот ушел в Лаик, больше зная о лошадях, чем о женщинах, потом наверстал... Что скажет загадочная Франческа, увидев ало-рыжие ожерелья на белом камне?

Ночь выдалась холодной, первыми это почувствовали пальцы на ногах. Домашние туфли не годились для подобных прогулок, и графиня с неохотой повернула к дому. Там, где барбарисовая аллея огибала холм с беседкой, она столкнулась с бергером в новом генеральском мундире.

Барон Райнштайнер покинул Сэ совсем недавно и не собирался возвращаться до появления Ро. Вернулся.

— Сударыня, — ночной гость снял шляпу и поклонился, — очень удачно, что вы здесь и что вы одеты. Обопритесь на мою руку, и идемте.

— Вы решили меня похитить? — улыбнулась хозяйка Сэ. Ответить Райнштайнер не успел — помешали крики и выстрелы... Это было неправильно, ведь еще не ставший генералом бергер увез ее прежде, чем в Сэ вломились мятежники, и увез не из парка! Арлетта помнила ту нелепую ночь во всех подробностях, но это не имело значения, потому что она спала в Нохе, и ее разбудили шум, крики и — нет, она не ошиблась, во дворе действительно стреляли. Графиня села на постели и дернула звонок. Встрепанная перепуганная служанка в наспех натянутом платье вбежала сразу же — тоже проснулась и по той же причине.

Расспрашивать было бессмысленно, и Арлетта, быстро, но спокойно накинув нижнее платье, повернулась к девчонке спиной. При виде шнуровки бывшая камеристка Катарины опомнилась и взялась за дело. С ее помощью графиня почти привела себя в подобающий вид, и тут с лестницы негромко постучали, а вежливый голос с еле заметным акцентом произнес:

— Госпожа графиня, я — теньент Габетто, вы меня знаете. Со мной десять человек. По приказу его высокопреосвященства мы будем охранять вас. Не беспокойтесь, мы не допустим к вам никаких злоумышленников.

— Что происходит? — Отодвигать засов женщина не стала. Офицера по имени Габетто она помнила, но узнать по голосу не могла.

— К сожалению, не могу объяснить. — Кто бы ни находился за дверью, внутрь он не рвался, что придавало его словам достоверности. — Дверь во флигель толстая и прочная, ваша — тоже; их так просто не выбить. Не подходите к окнам... То есть не зажигайте в комнатах яркого света, чтобы не заметили снаружи. Ставни у вас закрыты, и это хорошо.

Вновь треск выстрелов — два, три, четыре... Кажется, со стороны резиденции Левия. Стук и лязг клинков, совсем как в фехтовальном зале. Крики. Ругань. Смешно, но она ни разу в жизни не видела серьезной драки, не говоря уж о бое. Это графиня-то Савиньяк!

— На нас напали? Вы знаете, кто?

— Да, сударыня, но вы не должны беспокоиться. Верные его высокопреосвященству гвардейцы скоро с ними справятся.

Ах, «верные»... Красивый оборот или признание печального обстоятельства, что есть и «неверные»? Церковные дрязги? Эсператистской церкви, по сути, больше нет, а все равно что-то делят... Вот уж не вовремя!

— Хорошо, я беспокоиться не буду.

Звуки боя усилились. Или приблизились? Служанка прилипла к стене. Испугалась, бедняжка. Тут есть чего бояться... И хорошо, что на двери такой массивный, вызывающий уважение засов, да и сама дверь, Габетто прав, толстая и из прочного дерева, однако запоры запорами... Пистолетов и кинжалов Арлетта не имела, но стилет у нее был. Молитвами Бертрама, собиравшего дорожные шкатулки по своему усмо-

трению. Смертоносная игрушка скользнула в рукав, в петлю для флакончика с нюхательной солью или, если угодно, ядом. Флакончиков Арлетта тоже никогда с собой не таскала.

— Сударыня, — пролепетала камеристка. — Сударыня...

— Задуй свечи, — ровным голосом распорядилась графиня. — Обе. Насчет огня он прав.

А теперь можно и к окну. Жаль, щели в ставнях узкие, ничего толком не разглядеть, впрочем, с ее глазами хорошо видно только призраков. Лязгает все ближе, люди кричат все злее и отчаянней, и вдруг как отрезало. Тишина, короткая, в десяток ударов сердца, сменяется топотом множества ног. Кто-то бежит мимо флигеля, судя по звукам, человек десять, не меньше. Опять тишина и опять бегут... Эти вдруг решили, что стоит войти. Дверь во флигель сотряслась от ударов, но выстояла. Еще удары, еще... Тут. У резиденции Левия прекратилось... Драка прекратилась, а вот топот и лязг знаменуют явление новых участников ночного действа.

Те, внизу, выругались и, оставив в покое дверь, попробовали убраться, но время было упущено. Грохнул выстрел, второй... Прямо под окнами завязалась схватка, и это тренировку уже не напоминало.

2

Фрида не спешила одеваться. Подняв свечу и чуть сощурившись, она рассматривала лежащего на неразобранной постели любовника. Очень внимательно рассматривала. Ли не возражал. Было пьяняще жарко, как бывает летом на севере.

— Вы в самом деле похожи на Леворукого, — наконец решила дочь регента. — Гаунау в наблюдательности не откажешь.

— Вам тоже... В этом замке кого-нибудь когда-нибудь убивали?

— Оскорбленный муж?

— Не обязательно, хотя годится и он.

— Вы собираетесь написать поэму или боитесь?

— Вы не угадали и не угадаете... Мне хочется пить, а вы уже встали.

— Забавно... — Фрида не спеша подошла к столу, поставила свечу, взялась за кувшин. — Никогда не думала, что заниматься делами можно в кровати и это будет чем-то вроде вина.

— Но его не заменит, — уточнил Лионель и прикрыл глаза. Такие редкие минуты, когда не надо ни думать, ни спешить. К утру Фрида уйдет — это ее дом и ее дороги. Уезжая в Придду, он не предполагал, что вновь увидит эту женщину еще до конца лета. Увидел. Теперь жизнь свела их опять... Маршал уже знал, когда маркграфиня засмеется, а когда вскрикнет, а маркграфиня поняла, как получить свое и второй раз, и третий...

— Пейте. — Край кубка тихонько коснулся нижней губы, а рука чуть приподняла затылок. Фриду, как и всех женщин дома Ноймаринен, учили поить раненых, но где сказано, что полученное знание можно применять с единственной целью? В прошлый раз ей вздумалось напоить так вполне здорового маршала, и маршалу это понравилось. Маркграфиня запомнила и повторила.

— Раньше вы наливали вино в рубашке. — Пальцы скользнули, пока только скользнули, по женскому бедру. — В вышитой розовыми и малиновыми торскими фиалками рубашке...

— Раньше на вас была простыня. — В прошлый раз она тоже допила за ним и поставила пустой кубок на пол. — Маркграф к старости раздобреет, а вы?

— Не имею представления. Ложитесь... Или уходите.

Фрида вновь окинула его внимательным взглядом. Очень медленным. Так смотрят скульпторы.

— Отказавшись от простынь, я не оставила себе выбора. Уйти от вас в вашем нынешнем состоянии — погрешить против гостеприимства.

— Тогда ложитесь.

— Чуть позже. — Женщина отодвинулась на несколько волосков. — Эта юная ангелица состоит под вашим покровительством?

— Да.

— Но вы ее еще не пробовали?

— Нет.

— Почему вы не говорите, что и не намерены?

— Потому что мои намерения на сей счет вас никоим образом не касаются. — Лионель потянулся, прикрыл глаза и неожиданно рванул не ожидавшую подобного маневра женщину на себя. Он не ошибся: сперва Фрида засмеялась, потом вскрикнула.

— Этих двоих, пока живы, связать и немедленно к лекарю! Надо думать, его высокопреосвященство захочет глянуть на ублюдков. — Голос был громким и уверенным. Офицер, не младше капитана. — Джакопо! Джакопо, ты здесь?

Уже знакомый и все еще вежливый голос тоже снизу отозвался:

— Да, капитан.

Отлично! Габетто под дверью настоящий, и имя ему Джакопо.

— Как там у вас?

— Все в порядке.

— Двери пока не открывать! Мы только здесь разобрались, а сколько мерзавцев еще осталось, одни кошки знают. Караулить до утра, понял?

— Будет исполнено.

— Пистолеты перезарядили? Тогда все за мной!

Какая веселая ночь. Ладно хоть Левий жив, это несколько утешает... Графиня отошла от окна. Служанка что-то комкала, кажется, алвасетскую мантилью, но хотя бы не голосила. Вряд ли, идя в прислуги, глупышка думала про тюрьмы и осады.

— Ложись спать, они ушли.

— Слушаю, сударыня.

— Постой. Ты из Олларии?

— Да, сударыня.

— У тебя родня есть? Если есть, можешь завтра их проведать, я обойдусь.

— Ох! Спасибо, сударыня! У меня отец хворает, и потом...

— Жених?

— Ох... Наверное...

— Тогда можешь отдыхать два дня, и чтобы больше никаких «наверное»! Поняла? Я хочу послать тебе на свадьбу подарок, а пока... Возьми алатскую шаль, ту, что с ирисами.

— Ох, сударыня...

Любопытно, что ответит Джакопо на просьбу зашнуровать платье? Церковный гвардеец в обмороке — зрелище прелюбопытное, а у конюшен снова гремит... Да как сильно! И у северной стены тоже. Получается, дерутся по всему аббатству; не

слишком-то похоже на визит дюжины убийц, желающих прикончить кому-то не угодного кардинала.

Стук в дверь — негромкий, вежливый, — и такой же голос.

— Его высокопреосвященство считает необходимым поговорить с графиней Савиньяк.

— Графиня Савиньяк тоже считает это необходимым.

Вокруг вышедшей на улицу Арлетты немедленно сомкнул кольцо добрый десяток гвардейцев. Церковники были напряжены, шли, обшаривая пустой двор настороженными взглядами и держа руки на оружии. Они все еще не успокоились, все еще ждали внезапного удара, а Габетто и вовсе походил на струну — тронь, зазвенит. Явно знает, от чего должен защищать гостью его высокопреосвященства, но офицеров при исполнении отвлекают разве что дуры вроде Одетты.

Тошнотворно зеленый свет резал глаза, и Арлетта отвернулась, сожалея о сгинувших танкредианцах. Монахи могли уйти за крысами, вернуться в Лаик, уснуть, но графине отчего-то казалось, что они исчезли навсегда. Не умерли, а растаяли, как туман или облако, только безоблачное небо не кажется пустым, а полная людей Ноха словно бы осиротела. Без кошек, без призраков, даже без ворюги Валтазара!

— Графиня Савиньяк к его высокопреосвященству.

— Проходите.

У дверей в кардинальские покои — усиленная охрана, на стенах, полу́ и дверях — следы схватки: выбоины от пуль, оставленные сталью царапины, еще не затертая кровь. У многих гвардейцев — повязки и тоже кровь на изодранной одежде. Лица мрачные и угрюмые, один Пьетро безмятежно перебирает свои жемчужинки. Агнец или... котяра?

Кардинал тоже выглядел не лучшим образом. Шадди, конечно, предложил... Знакомый запах должен был успокоить, но в опрятной, не знавшей драки комнате не было Альбины, а шадди без кошки — это тоже тревога. По крайней мере, в Нохе.

— Вы не спрашиваете, что случилось?

— Будь вы теньентом, капитаном, даже полковником, я бы не удержалась, но вы скажете ровно то, что сочтете нужным. Мне с корицей.

— Я готов признать правоту олларианства в той его части, что касается преклонения перед женщиной. Не перед каж-

дой — и это есть величайшее озарение. Просто женщина, просто мужчина, просто клирик, дворянин, военный, поэт — не повод преклонить колено. Для этого надо стать неповторимым. Стать собой. Не потому что женщина, а потому что Октавия. Или... Арлетта. Вы согласны?

— Не сегодня... Сегодня я почти испугалась. Почти, поскольку не знала, что нам грозит. Вы не поверите, я ни разу не видела, как убивают. Но, кажется, слышала?

— Да. Часть гвардейцев подняла мятеж по довольно-таки невразумительному поводу. Они перебиты. Все. Теперь я уверен, что Ноха надежна, но вас я прошу переехать в другой флигель. Заодно увидите, как я зимой устроил герцога Алву.

— Он весьма ценил беседы с вами. — Теперь о визитах его высокопреосвященства к гостье не будет знать даже охрана. Алиса сочла бы сие неприличным. — После мятежа шадди особенно вкусен.

— Шадди с мятежом... Боюсь, это будет самым дорогим из известных мне рецептов. Любопытно, можно ли сказать то же об ореховой настойке... Вы не возражаете, если я проверю?

Глава 6

ТАЛИГ. ОЛЛАРИЯ

400 год К. С. 6-й день Летних Молний

1

— Монсеньор, начальник городской стражи сообщает: при помощи солдат гарнизона он справился — амбары на Малой Складской взяты под охрану, толпа разогнана, зачинщиков удалось схватить.

Прервавший разговор Проэмперадора с комендантом Олларии дежурный адъютант ничего нового не сообщил, но рычать было не с чего — Робер сам велел немедленно докладывать обо всем, что творится в городе, а начальник стражи не мог предвидеть, что его курьера опередит Карваль.

— Не одно, так другое. — Иноходец выждал, пока за адъютантом закрылась дверь, и бросил на стол давно высохшее

перо, которое за какими-то кошками вертел в руках. — Мало было хлопот с барсинцами, с лезущим в город ворьем, так еще и горожане устроили...

В том, что без крови, без большой крови, в ближайшее время не обойтись, сомнений почти не осталось, а ведь с утра положение казалось чуть ли не приличным. Проэмперадор выслушал очередные доклады: из тессории — о запасах хлеба и о том, что цены на него растут не так быстро, как опасались, и с севера — о беженцах и принятых ноймарами мерах. Обычные дела, Робер к ним даже привык, но потом спокойствие приказало долго жить.

Если церковные гвардейцы, пусть и не все, взбунтовались, дело действительно пахнет скверно. Толком узнать, что случилось, не удалось, услышавшие пальбу южане примчались в Ноху уже к концу, когда мятежников добивали возле часовни. Мэйталь, с перевязанной рукой и ссадиной на щеке, только и сказал, что выступление недовольных успешно подавлено. Ага, успешно. По словам Гашона, вся площадь была усыпана трупами... Сколько у Левия осталось людей, и сколько из них — надежных?

Никола тоже был встревожен, хотя доклад маленького генерала скорее успокаивал: пришлое ворье свое получило, уцелевших отлавливают по всему городу, ремесленные кварталы пусть и не угомонились окончательно, но никто никого не режет и толпы по улицам не болтаются. За ночь погиб один и ранено трое стражников — неудачно повстречались с шайками. Есть погибшие горожане, но среди солдат никто не пострадал, синяки и пара легких порезов — пустяки. Поймано несколько зачинщиков грабежей...

— Их кто-то нанял? Подговорил? Что успели выяснить?

— Монсеньор, пока ничего толком узнать не удалось.

— А не толком?

— Торговец кожами... Вы могли его запомнить. Он искал в Доре жену и мать. Высокий, родимое пятно на подбородке...

— Помню. И что?

— Есть четверо свидетелей, что именно он подбил соседей по улице на это безобразие. Тоже не нищих и не бездельников. Вина доказана полностью, но сам он сказать, зачем это делал, не может. Сперва ругался, потом, когда с ним поговори-

ли серьезно, принялся плакать и каяться. По всему выходит — Занха.

— Значит, выходит. Погромы нам обойдутся дороже. Мы, сколько могли, терпели, но показательная... казнь нужна. Не понимают по-хорошему, пусть хотя бы боятся!

— Монсеньор, я полностью согласен. Не думайте, что я пытаюсь защищать подстрекателя, но я бы хотел, чтобы с ним переговорил его высокопреосвященство. Может быть, он поймет.

То, что кто-то решил: солдаты и стражники по уши заняты, им не до меня, давай-ка я урву кусочек, пока шанс есть, — не удивительно. Но вот что к этому «кому-то» так охотно присоединились сотни вполне добропорядочных обывателей...

— Левий проглядел своих собственных гвардейцев, а жители города даже не эсператисты. Занха, и сегодня же! Разве что кардинал на обратном пути согласится заехать... куда?

— В Дору.

— В Дору?!

— Не в Багерлее же всех держать. Вы ждете его высокопреосвященство?

— Он прислал курьера, что будет после полуденного бдения. Сегодня он служит сам.

2

Кардинала дожидались втроем — мэтр Инголс, то ли случайно, то ли наоборот, явился во дворец за полчаса до Левия и остался. Робер не возражал — в присутствии адвоката он хоть и чувствовал себя дураком, но дураком, уверенным в том, что наделать глупостей ему не дадут. Левий, Карваль и Инголс — больше рассчитывать не на кого. Графиня Савиньяк при всем своем уме — почти потерявшая сына женщина, которую надо защитить, а Мевен, Дэвид, Халлоран ждут приказов, и отдавать оные не кардиналу, не законнику и даже не коменданту столицы, а Проэмперадору.

Робер кружил по захваченному им в единоличное пользование кабинету капитана королевской охраны; взгляд в очередной раз зацепился за вазочку, которую прислуга каждое утро тупо заполняла свежим миндальным печеньем Эпинэ, ругнулся и выставил память о Клементе в приемную.

— Доешьте, — велел он адъютантам, — и пусть больше не приносят. Ваше высокопреосвященство...

— Пьетро тоже не сразу понял, что лично мне молоко без надобности, — проникновенно заметил кардинал, не забыв благословить третьего дня перешедшего в эсператизм адъютанта. — Что в городе?

— Ничего особенного. Я понимаю, что вмешиваюсь не в свое...

— У вас в этом городе «не своего» нет, — отрезал Левий. В приемной кардинал был спокоен и благостен, в кабинете остался всего лишь спокоен. — Вы имеете полное право спрашивать. Хоть бы и с меня.

Умей Робер *так* докладывать, быть бы ему сразу и супремом, и ментором по математике. Ничего лишнего, и все ясно. До отвращения.

Нохский мятеж начался с форменной ерунды: повздорили трое гвардейцев. Дежурный офицер вмешался и сделал буянам выговор. Обычное дело, но внезапно возмутилось еще несколько человек. Кто-то брякнул — а чего нам тут взаперти сидеть, мы что, арестанты? Претензия нашла отклик, офицер глазом не успел моргнуть, как целая депутация двинула к кардиналу с решительным «доколе?». Естественно, бузотеров и на порог не пустили, они принялись настаивать, Мэйталь вызвал подкрепление, и заводил арестовали, вот тут всерьез и началось.

Те, недовольные, что оставались в казарме, кинулись поднимать товарищей — дескать, надо выручать своих. Откликнулись, на удивление, многие. К кардинальской резиденции таких откликнувшихся заявилось под сотню; буквально в несколько минут спор перерос в перебранку, а перебранка — в кровопролитие.

Первый штурм был отбит. Стены толстые, двери и коридоры узкие, на окнах крепкие решетки — дежурные гвардейцы устояли. В это время в казармах теперь уже обе стороны усиленно поднимали людей. К счастью, мятежники, хоть и начали первыми, не слишком преуспели: из полутора тысяч солдат взбунтовалось меньше трети, и не все они смогли собраться вместе. Верные Левию офицеры быстро опомнились, построили кого смогли и перешли в наступление.

Часть мятежников была окружена у кардинальского флигеля, им предлагали сдаться, но впавшие в непонятное исступление люди и слышать ничего не хотели. Пошли на прорыв, дрались насмерть. Некоторым удалось-таки пробиться, за ними пришлось гоняться по всему аббатству. Кого-то настигли возле конюшен — пытались захватить лошадей, кого-то на воротах и возле часовни. Все бились с яростью смертников, не прося и не давая пощады. В результате из полутора тысяч человек на ногах чуть более семисот, но в них можно не сомневаться.

— Я просил бы военного коменданта с разрешения Проэмперадора прислать лекарей. — Кардинал знакомо тронул своего голубя. — Для брата Анджело слишком много раненых.

— Само собой... — А что будет, если сбесится столичный гарнизон? У Левия свихнулось меньше трети, но он знал, кого берет в Талиг, а тут на одного южанина семеро не поймешь кого! — Ваше преосвященство, что с графиней Савиньяк?

— Эта женщина знает, когда мужчин не следует отвлекать. Она отправила прислугу помогать раненым, а сама собиралась записать очередную притчу. Я ручаюсь, что в Нохе сейчас безопасней, чем в городе, но графине, если имеется такая возможность, лучше вернуться в Эпинэ.

Возможность будет, если в сопровожденье выделить надежный полк. В окрестностях столицы слишком много дезертиров и мародеров, а карета — добыча лакомая... Кареты, потому что оставлять в Олларии Марианну нельзя, как и сына Катари, и самого Левия. Вот и выход! Семьсот прошедших проверку церковников. Графиню и принца за пределы Кольца выпустят, а остальные до поры до времени могут осесть в той же Барсине, благо мерзавцы убрались оттуда еще осенью.

— Ваше высокопреосвященство, Олларию должна покинуть не только графиня Савиньяк, но и Октавий, и не являющиеся военными члены Регентского совета... — Вот как сказанул! Точно, с кем поведешься... — А также посольская палата и вы, я был бы признателен...

— Не будете. — Пальцы Левия тронули наперсный знак, и это впервые показалось молитвой. — Место кардинала Талигойского, пока его не отзовет Эсперадор, в Олларии. Место Эсперадора, пока его не отзовет Создатель, — в Кабитэле.

— Ваше высокопреосвященство, — Карваль и так слишком долго молчал, — если вы хотите вернуть эсператизм, вы не должны...

— Сын мой, если б я не видел вас в деле, то решил бы, что у вас в корне неверное, хоть и распространенное, понятие о долге. Да, я намерен вернуть в Золотые земли эсператизм, но не конклав. Увы, мои покойные собратья променяли Ожидание Его на корыто даже не Врага... Просто на корыто. Уподобившись покинувшим Святой град тварям, как четвероногим, так и двуногим, я не смогу проповедовать светским пастырям, защитившим свою паству, а я твердо намерен рано или поздно всех вас обратить. Но эскорт для принца и его свиты я выделю. Пятьсот человек.

— Благодарю, — сдался Робер. — Мэтр Инголс...

— Друг мой, — тон законника подозрительно повторял тон кардинала, — да будет вам известно, присягают не только военные, но и врачи, и адвокаты, причем наша клятва, клятва Лэнтиро, — ровесница Адриановых заповедей. Законник, единожды согласившись, действует в интересах того, кто ему доверился, каким бы безнадежным ни представлялось дело. Договор может быть расторгнут либо по достижении результата, либо по решению доверителя, причем смерть или же отсутствие последнего не являются поводом для прекращения работы. Мои нынешние обязанности были возложены на меня ее величеством Катариной. Как член Регентского совета я представляю интересы граждан Талига, каковыми являются и жители Олларии. Мое место здесь.

— Осталось понять, — улыбнулся Левий, — насколько безнадежно наше дело.

Законник посмотрел на церковника.

— Да будет вам известно, — торжественно изрек он, — не бывает безнадежных дел, бывают безнадежные защитники.

3

Спорить было бессмысленно, оставалось поблагодарить, что Робер с некоторым облегчением и сделал. Нужно было решать, кто, кроме церковников, отправится с принцем. Лишиться Карваля или Халлорана Робер не мог, как и Мевена. Значит, поедет Дэвид.

Последний из Рокслеев возражать не стал. После смерти брата и разрушения Роксли ему все было безразлично, но с делами новоиспеченный граф как-то справлялся. Поручи ему Проэмперадор не сопровождать Октавия, а давить мародеров или пришлое ворье, Рокслей давил бы, но Робер не поручал. Мертвые при всей их осмысленности глаза... нет, не пугали и не отталкивали — не внушали уверенности, что без присмотра Дэвид не промешкает или, наоборот, не полезет на рожон. Просто чтобы все наконец кончилось.

— Я могу идти?

— Конечно.

Рокслей вышел. Гвардейская выправка все еще давала о себе знать, со спины хозяин лежащих за Кольцом развалин выглядел браво и деловито.

— Ничего, — сказал Робер больше себе, чем задержавшемуся Карвалю, — Барсина не в Гаунау, да и Мэйталь, если что...

— Если что? — уточнил Никола.

Эпинэ потер запястье. Ответа он не знал.

— Пригласите Глауберозе, пусть придет к утреннему разводу. И отправьте гонцов Валмону. Принца и графиню надо встретить у Кольца. Если Мэйталь выступит послезавтра утром, как раз успеют...

— Горожанам не понравится, что Октавия увозят.

— Меньше надо бузотерить... Лэйе Астрапэ, мы мечемся, как очумелые кошки, от драки к драке, пора это прекратить. Возьмите под усиленную охрану мосты через Данар и центральные кварталы. Ставьте только надежных, сомнительные пусть сидят по казармам.

— Значит, наши и Халлоран. Не считая людей Мевена и гвардейцев.

— Пусть Мевен завтра же примет у Дэвида дела. Бывших гимнетов припишем к гвардии — охранять будет некого, но из Олларии я приличных солдат не отпущу. Тех, кто не занят в городе, сосредоточьте у дворца и будьте готовы к неожиданностям.

— К каким?

— А Леворукий их знает... К любым. Особенно ночью.

— Я приеду к Капуль-Гизайлям доложить.

— Сюда. Я буду ждать.

Сегодня чужие не нужны, даже Никола, потому что послезавтра Марианна уедет. Вместе с собаками и Коко. Если потребуется, Дювье впихнет барона с баронессой в карету силой, но в Олларии Капуль-Гизайли не останутся. Проэмперадор должен быть спокоен, он не вправе тратить себя на страх за свою женщину и еще больше не вправе приставлять к ее дому полк.

Глава 7

ТАЛИГ. ОЛЛАРИЯ

400 год К. С. 6-й день Летних Молний

1

Уютно горели свечи, пахло старой бумагой и шадди, только кошки не было, а в особняке Эпинэ больше не жила трогательная седая крыса.

— Сударыня, я в отчаянье. — Левий закончил колдовать над своим варевом, и Арлетте ни с того ни с сего захотелось кардинала расцеловать. За то, что не сбежал и варит шадди. За то, что в самую мерзкую ночь не подвывает и не молится, а ждет рассвета — не церковного, земного...

— Если я не путаю, отчаянье есть грех.

— И тем не менее я варю вам шадди в предпоследний раз. Я обещал Эпинэ убедить вас уехать. Сам Проэмперадор взял на себя более трудную и менее приятную задачу — ему предстоит уговорить баронессу Капуль-Гизайль.

— Значит, — сделала вывод Арлетта, — вы наконец испугались. Когда я говорю «вы», то имею в виду заправляющих в Олларии мужчин.

— Мы сильно упали в ваших глазах?

— Отнюдь нет... Вы хотите, чтобы шадди остыл?

— Простите, — извинился кардинал, — прямые вопросы повергают духовных лиц в растерянность, но о корице я все же не позабыл. Значит, жена и мать маршалов извиняет трусость?

— У моих сыновей на этот предмет разные взгляды. Вы успели прочесть письмо Придда?

— И даже погнать людей в олларианские архивы. Пока ничего, о чем бы мы с вами не знали. Что вы предпочитаете: обсуждать предмет страха или вернуться к нашим изысканиям?

— А разве первое не является частью второго? Кого еще выставляют? Октавия? Послов?

— Да и да. Кроме того, после вашего отъезда Мевен, Инголс и я начнем предупреждать тех, кого сочтем...

— Достойным сожаления, если случится худшее, — подсказала графиня. — Кстати, на что, по-вашему, оно будет похоже?

— Хороший вопрос... — Его высокопреосвященство впервые с начала разговора притронулся к своей чашечке. — Неплохо... Особенно для занятого еретическими мыслями кардинала.

— Еретическими?

— Мысли о том, как отвести от паствы гнев Создателя, мои покойные собратья сочли бы еретическими. Паства должна время от времени познавать мор, глад, пожар или войну, дабы чувствовать тяжесть длани Его и укрепляться в почтении к слугам Его. Долг же пастырей — всем стихиям наперекор сохранить себя, а когда гнев Создателя иссякнет — не может же он гневаться вечно, — стричь новую паству.

— Какая прелесть. — Арлетта отставила пустую чашку. — Так бы сказал, окажись он на моем месте, известный вам регент Талига. Вы доверили мне тайну князей церкви или пересказали антиклерикальный памфлет?

— Как вы уже сказали, первое является или может являться частью второго, но Олларии что-то грозит. Это противоречит здравому смыслу, это противоречит нашим знаниям и опыту, мало того, это противоречит всем известным мне догмам всех известных мне церквей, но это так.

Привычку кардинала резко отдергивать портьеру Арлетта уже знала. За портьерой была почти ночь, прорванная призрачным зеленым стволом.

— Я пытался складывать, — признался Левий, — но концы с концами не сходились, и я стал вычитать, а записи Придда все окончательно смешали. Сегодня я говорил с послами держав, жители которых тяготеют к язычеству и суевериям. О призрачных моровых ходах за пределами даже не Талига — Кольца Эрнани, не слышал никто, как и о... Сударыня, я далек

от показного благочестия, но назвать *это* сиянием и светом не могу.

— Я тоже, — согласилась графиня, и Левий, к ее облегчению, опустил портьеру.

— Хотелось бы верить, — почти извиняющимся тоном произнес он, — что данное... явление привязано к единственному месту, но покойный Адриан видел зеленые, как гнилая вода, огни в агарисском Храме Семи Свечей. Вы можете это объяснить? Я — нет.

— Я даже не пытаюсь. Соберано Алваро как-то сказал Арно... моему мужу, что прежде, чем бояться того, чего мы не знаем, нужно избыть очевидное. Он имел в виду Алису, но сам подход хорош... Давайте отбросим то, что Олларии не грозит, а именно морисков и любую другую войну — Гайифе не до нас, с Гаунау мир, «гуси», даже если им сказочно, небывало повезет, в глубь Талига не пойдут. Голода тоже не будет — Бертрам позаботится. Остаются стихийные бедствия, мор, бунт и чудища на манер гальтарских.

— Гальбрэ, Борраска, Гальтара... Это может быть, — Левий потащил из бюро свежие припасы, и Арлетте подумалось, что кардинал хочет занять руки и отвернуться, — особенно мор и бунт, только нигде и никогда им не предшествовали... явления, которые мы сейчас наблюдаем. Или они сами по себе и знаменуют что-то невинное, вроде конца Круга, или надо ждать чего-то особенного. Я все чаще думаю про двоих Эрнани. Почему Кольцо? Только ли потому, что владения императора должны быть к столице ближе владений вассалов? Почему Кабитэла? Захолустный городок, знаменитый разве что своей ересью, правда, в древности такое слово было не в ходу, просто в разных местах верили по-своему... Постойте-ка! Лаик — бывшее языческое святилище. Храм Октавии в Старом парке — бывшее языческое святилище...

— В Рафиано они тоже уцелели, я в них бывала. Там испытываешь особое ощущение... В Лаик, в затопленном храме, я чувствовала то же.

— Вы вряд ли это знаете, но Святой престол перенесли в Агарис именно потому, что тот почитался «чистым» от языческой мерзости. Во времена Эрнани Святого, напротив, предпочитали возводить новые храмы рядом, а еще лучше на фун-

даментах абвениатских. До недавнего времени я думал, что из желания переманить привычную к месту паству, но большинство кабитэлских аббатств расположено крайне бестолково.

Мы точно знаем, что призраки появлялись в Доре, Лаик и Нохе, причем в Лаик не замечено никаких свечений, а у гробницы Франциска в Старом парке нет никаких монахов. На месте Лаик был храм Скал. Дору, как мне удалось выяснить, заложили на месте, почитавшемся «дурным», а Ноху — на бывшей главной площади древней Кабитэлы. Почему? Ответ наверняка проще некуда, но тем трудней его найти.

— Так стоит ли искать? — улыбнулась Арлетта. — Он или не найдется вообще, или уже найден. Когда я овдовела, а сыновья выросли, я никого не искусала лишь потому, что принялась сочинять... Эрнани Последний, если он в самом деле жил в Лаик, должен был либо удавиться, либо оставить какие-нибудь «Размышления о падении Талигойи», «Записки смиренного Диамнида», в худшем для нас случае — поэмы или трагедии...

— Ага! — обрадовался, нет, возликовал Левий. — Мы с вами опять приходим к одному и тому же. Король, каким мы его видим, не мог не писать. Король ничего не оставил. Конечно, он мог сжечь свой труд или завещать это сделать другим. Бумаги могли пропасть по глупости, по неосторожности или, наоборот, из-за осторожности чрезмерной...

— Скорее, — сощурилась Арлетта, — они до сих пор валяются в Лаик, если только их не украл мэтр Шабли.

— Согласно гороскопу, Эрнани был склонен к занятиям наукой, он не стал бы писать лишь для того, чтобы заполнить пустоту в душе, и позаботился бы о том, чтобы довести свой труд до тех, кому он будет полезен. До тех, кто спасал Талигойю, в том числе и от Агариса.

2

Никола вернулся к полуночи. Приказ он, само собой, выполнил и к тому же проехался до Конских ворот и дальше через Нижнее предместье к Гусиному мосту.

— Хорошая ночь, Монсеньор, — голос маленького генерала был почти мечтательным, — звездная... В Старом парке полно цикад. Трещат, будто и не в городе.

— Вы и туда добрались?

— Ехал мимо, вот и завернул на минутку. — Никола, неслыханное дело, казался смущенным. — Сам не знаю с чего. У нас... В Пуэне сейчас тоже поют.

— И в Эпинэ. — Робер подошел к окну, которое распахнул еще вечером. Звезд в самом деле было немерено. — Скоро начнут падать... Я про звезды. В Торке шутят, что звезды учатся падать у созревших яблок.

— Я слышал, — кивнул Карваль.

Внизу белели статуи, темнота пахла ночной фиалкой и еще чем-то пряным и сладким, скучно журчал фонтан. В Старом парке вода поет и плачет, вот туда и тянет...

— Ложитесь, — велел помощнику Эпинэ, — прямо здесь, нечего тратить время на разъезды. В городе спокойно, а выспаться вам нужно. Утром я займусь Глауберозе, а вы примете доклады и поговорите с Мевеном. Иначе он вообразит, будто мы не доверяем Рокслею.

— А разве вы доверяете?

— Дэвид не предаст.

— Граф Рокслей может ошибиться. В нашем положении это ничем не лучше.

— Вряд ли ему представится оказия, да и Мэйталь будет рядом, это здесь нам помогать некому. — С чего он такое брякнул? Никола и без того все понимает... — Ложитесь и выкиньте из головы всякую ерунду, даже часы. Вас разбудят.

Карваль пообещал. Эпинэ не поверил — маленький генерал не терпел, когда его застигали спящим.

Опустевший дворец казался сказкой. Темные анфилады и лунные отблески на полах и зеркалах напомнили рассказ Дика про Рамиро и возвращенный меч. Теперь Робер знал разгадку, но в гулких, почти призрачных залах больше веришь в откровения мертвеца, чем в розыгрыши. Веришь и делаешь глупости.

Карваль полез в Старый парк, Эпинэ забрался в малую Тронную и долго смотрел сперва на корону Раканов, потом на их же меч. Изображать из себя анакса Эпинэ не собирался, просто захотелось проверить...

Рокэ оценил реликвию верно: «дурно сбалансированная железяка» таковой и оказалась. Неудобная рукоять, лунки от выпавших мелких камней, полуслепой лиловый набалдашник;

хороша была разве что сталь. Один из утраченных в древности секретов... Потом мориски и кэналлийцы, а позже и дриксенцы научились делать не хуже, но странного узора на смертоносной глади так и не получилось.

Эпинэ вернул меч на стену и спустился во двор. Конвой уже ждал — Дювье и три десятка ветеранов-южан. Когда в город полезло ворье, Карваль строго-настрого приказал: глаз с «Монсеньора» не спускать, как бы тот ни отбивался. Переупрямить бывших мятежников Робер даже не пытался, вот и ездил в сопровождении целой толпы; впрочем, думать и смотреть на луну охрана не мешала.

Город в самом деле притих, даже не верилось, что в молчаливых тревожных домах сидит кто-то, способный кричать иначе, чем от ужаса. Недовольные лошади, шумно принюхиваясь, цокали по чистой мостовой. Богатые кварталы откровенно боялись, только чего? Эпинэ шепотом заговорил с Дракко, пытаясь успокоить жеребца, но кони чуют не только волков, но и страх. И заводятся.

По небу беззвучно чиркнула звезда, под копытом что-то хрустнуло. Ветка или стекляшка, но Робер вспоминал другую дорогу, осеннюю и одинокую. Горы вместо домов, за спиной — девушка, по крайней мере, тогда так казалось, ломкий первый ледок и догоняющая неизбежность... Кошмар выжгли костры Белой Ели, а потом стало не до нечисти. Сказка становится страшной, если ты в ней один, а жизнь?

Разом взмокший Дракко захрапел и попятился — впереди лежала ставшая незнакомой площадь. Обычная, с церковью, окруженным каштанами фонтаном и запертыми лавками. Словно разрубленная пополам луна стелила черные корявые тени, было тихо — ни шороха, ни огонька. Робер обернулся: южане молчали, ждали. Тридцать вооруженных мужчин и один напуганный непонятно чем Проэмперадор... Иноходец с трудом сдерживал готового сорваться в карьер полумориска, потом подъехал Дювье. Мэтр Жанно прижимал уши и пучил глаза, он тоже *видел*.

— Тут он их и вешал, — обрадовал сержант, по справедливости давно заслуживший офицерскую перевязь. — На этих самых каштанах...

— Кто «он»?

— Ворон. В Октавианскую ночку... Поделом вообще-то, но лучше б объехать.

Вчера они проезжали этой самой дорогой и позавчера... Каждый день ездили, причем лошади не дрожали, а Дювье даже не думал вспоминать висельников. Из-за каштанов раздался детский плач. Тонкий, ноющий, на удивленье неприятный. Бросать плачущих детей мерзко, но Робер слишком хорошо помнил ту... то, что караулило на горной дороге. Отряд повернул, и никто из южан не сказал ни слова, даже не пропускавший ни одного неутертого сопливого носишки Дювье.

3

Шадди с корицей был выпит, пора было расходиться. Предстоящий день обещал стать тяжелым, по крайней мере для собиравшегося объехать город кардинала. Арлетта вежливо зевнула и сощурилась на часы — приближалась полночь. Договорить можно и завтра, а послезавтра она вырвется из столичной гнили, бросив, именно бросив, Левия, Ро с его Карвалем, Инголса, музыкального барона, у которого еще нужно забрать волкодава и жену...

— Заодно узнаю, как чувствует себя Рожа...

— Простите? — совершенно светски не понял кардинал, и Арлетта с облегчением рассмеялась.

— Старинная маска из коллекции Капуль-Гизайля. Виконт Валме обвиняет несчастный антик в сорока грехах, хотя и хозяин, и мой старший сын, и я видим всего лишь произведение искусства, пусть и не из приятных.

— Меня больше занимает брат Диамнид. Сударыня, вы согласны, что записки Эрнани могут оказаться полезны?

— Если они существуют...

— Они *должны* существовать, и они почти наверняка в нижнем храме. Люди склонны повторять единожды удавшееся. Тот, кто упокоил в гробу Франциска первое завещание Эрнани, упокоит и второе.

— Вы имеете в виду младшего Рамиро?

— Скорее всего. Алва успешно избегают короны, но Октавию как-то удалось сделать единоутробного брата соправителем, и вряд ли тут обошлось без лаикского затворника. Боюсь, нам придется уподобиться Альдо и потревожить мертвых.

— Залезть в гробницу и узнать, что Эркюль не был Раканом, убитый король умер своей смертью, а Рамиро мог усесться на трон, но не пожелал. Фи. Конечно, волнуй Эрнани кабитэльские призраки...

— На Изломе могли и волновать. Люди в те времена были очень обстоятельны и очень суеверны, а король в любом случае знал больше жены маршала. Не могу отделаться от ощущения собственной слепоты! Будь иначе, я выжал бы правду из хроник, но я собираю ромашки и не замечаю дубов. Что ж, придется принимать грех на душу.

— Эрнани, если вы найдете его записки, будет вам скорее благодарен. Был бы... Его величество, похоже, от мирских сует отрешился. В отличие от Валтазара. Создатель!..

— А его смиренный слуга вас не устроит?

— Возможно. Марсель ведь... Ваше высокопреосвященство, мне нужно к Капуль-Гизайлям! Немедленно.

— Нет, — мягко воспротивился Левий. — Мне, право, неловко говорить подобное даме, но герцог Эпинэ намеревался...

«Намеревался»... У Ро с Марианной остались две ночи, покушаться на них — преступление, а Валтазар никуда от своих ваз не денется. Пусть с ворюгой тот же Левий и разговаривает — по-своему, по-эсператистски.

— Маршал Алонсо не терпел, когда его тревожили во время визитов к графине Савиньяк, — задумчиво протянула женщина, — но стрелял в навязчивого невежу не соберано, а прекрасная Раймонда. Правда, из пистолета любовника... Мы ведь с вами еще увидимся?

— Я, самое малое, провожу вас до Лаик.

— Тогда про Валтазара поговорим по дороге. — Графиня поднялась и подошла к окну. Зеленый столб все так же упирался в звездное небо, он никому не мешал, но был мерзок и тревожил, как обнаруженный в постельном сундуке труп.

— В ваш флигель можно попасть, не выходя на улицу, — успокоил Левий.

— Я помню. Днем на месте этой зелени нет ничего, а ночью?

— И ночью. Если войти внутрь, она словно бы исчезает. Словно бы, потому что со стороны видна и зелень, и тот, кто в нее вошел, причем фигура остается четкой.

— Я хочу это видеть, — решила Арлетта. — Вы согласны, что про «чумной ход» Катарина узнала из записок Гертруды Придд?

— Редких достоинств была женщина. — Взгляд кардинала скользнул куда-то вниз и словно бы погас. — Не могу привыкнуть, что ее нет... Я о кошке. Идемте... Или нет, давайте я сварю еще одну порцию. По-кэналлийски.

4

Теперь они рысили меж темных старых стен. Покинутые аббатства тянули к путникам руки-деревья, их тени хватали за ноги лошадей, навязчиво, но не злобно. Так цепляются луговые вьюнки и ежевика, в Торке много ежевики, и в Черной Алати тоже. Может, забраться в какое-то из аббатств и переждать?

Поворот, уколовшая луну колокольня, одинокий всадник едет навстречу. Человек. Дворянин...

— И не боится, — удивляется Дювье, и Робер понимает, что они с сержантом держатся голова в голову. — Шастает по ночам. Мало ли...

Всадник пришпоривает коня и машет рукой. Дракко ничего против чужака не имеет, Мэтр Жанно тоже.

— Какая приятная неожиданность. — Маркиз Салиган приподнимает шляпу. — Я, знаете ли, собирался к Капуль-Гизайлям и позорно струсил. Это я-то!

— Не переживайте. Мы тоже струсили. Вместе с лошадьми.

Салиган привычно стряхнул с плеча невидимые в ночи, но, вне всякого сомнения, существующие перхотинки.

— Плохо дело, — сказал он. — Конечно, мы можем сыграть в кости прямо здесь, но город перестает мне нравиться, а ведь я почти нашел убийцу.

— Да? — переспросил Проэмперадор, понимая, что на покойного конхессера ему плевать.

— Прошлым вечером в меня стреляли, но оглоеды Джаниса вылезли прежде времени и спугнули мое помилование, впрочем, я не слишком уверен, что оно мне понадобится... Вы сейчас куда?

— Вперед.

— Значит, я назад. Возможно, чистые души или чистое белье его спугнут.

— «Его»? — переспросил охрипший Иноходец, чувствуя глупейшее облегчение от того, что не «ее».

— Надо же как-то назвать то, что сейчас бродит по богоспасаемой столице. Нет, я его не видел, и это меня удручает. То, что видишь, можно при необходимости зарезать, как милейшего Гамбрина...

Они ехали, Салиган чистился и болтал, Робер почти ничего не понимал, хоть и пытался. Мешали детские вопли, словно вцепившиеся в путлища и бежавшие рядом с лошадьми.

— Слышите?

— Что? — не понял Дювье.

— Деточку? — уточнил Салиган. — Это к полулунию, завтра замолчит.

Полулуние... Ночь кого? Точно не Флоха, а прочие гоганские боги забылись вместе с золотоглазой девочкой и разбудившим беду достославным. Добрался ли старик до Агариса? Спасся ли, и как зовется вторая из ночей Луны? Почему этими ночами надо сидеть по домам, уж не потому ли, что по городу бродит хныкающая погибель? Ерунда! В Доре никакой луны не было, там просто умирали, зато висельники видят обгорелую девчонку и ничего, живут. Как могут...

— Салиган, вы имели дело с гоганами?

— Собирался, но ваш Окделл поймал меня раньше.

Отряд благополучно подходил к перекрестку; Робер хотел свернуть вправо и добраться до Капуль-Гизайлей в объезд, но на перекрестке лошади встали. Протяжно присвистнул Салиган, ругнулся Дювье. Впереди лежала площадь с фонтаном. Другая, глаза не могли обманывать, но Эпинэ казалось, что они вернулись к сбросившим удавленников каштанам.

5

Первым на съедение отправился столь же безропотный, сколь и хранимый, видимо все же Создателем, Пьетро. Арлетта спорить не пыталась, она слишком хорошо знала мужчин, чтобы понять — просто так ее в зелень не отпустят. Немилосердно щурясь, графиня следила, как секретарь его высокопреосвященства повторяет путь покойных танкредианцев.

— Я забыл узнать ваше мнение о Габетто.

— Достойный офицер, и это не комплимент. Недостойных я тоже видела.

— Габетто будет вас сопровождать.

— В Эпинэ?

— К Капуль-Гизайлям. Эскорт в Эпинэ возглавит Мэйталь. Кроме того, при вас с завтрашнего дня будет Пьетро.

— Мне не нужен секретарь.

— Вам, как и всякому дыханию, нужен ходатай и заступник. Молитвы Пьетро угодны Создателю.

— Молитвы об Алве, вне всякого сомнения, угодны, — Арлетта сощурилась на его высокопреосвященство, — а молитвы об Оноре?

— Оноре был слишком свят для чужих молитв, вы — другое дело.

— Мне будет спокойней, если Пьетро станет... молиться о вас.

— Он будет. Сопровождая вас к Кольцу. Теперь смотрите.

Пьетро был уже по ту сторону площадки, у входа в затопленную часовню. Кардинал кивнул, и монах медленно двинулся к зеленой колонне.

— Видите? — спросил Левий.

Арлетта видела. Для нее ночные странности были очевидней, чем для кардинала. Близорукость и темнота превратили Пьетро в размытую тень, зеленый свет возвращал фигуре четкость. Только фигуре, стены и небо вели себя, как и прежде, а вот человек... Арлетта могла разглядеть даже перебиравшие четки пальцы. Каким-то образом монах умудрился отыскать центр призрачного костра, где и остановился. Благочестивая статуэтка, созданная продавшим душу Врагу гением.

— Плита помечена, — объяснил Левий и махнул рукой, разрешая секретарю к ним присоединиться. — Это удалось не сразу. Оказавшись внутри свечения, перестаешь его видеть.

— Вы говорили. Что ж, теперь моя очередь.

— Подождите. Что там, сын мой?

— То же, что и всегда. — Пьетро смиренно поклонился Арлетте: — Госпожа графиня.

Опираться на руку годящегося ей в сыновья и почти столь же светловолосого эсператиста не хотелось. Идти не хотелось.

Видеть непонятный свет и тем более нырять в него не хотелось еще больше. Воссияй подобное над Святым градом, графиня Савиньяк только приветствовала бы морисков, но в Агарисе, если верить Левию, ничего не зеленело. Ни-че-го!

— Благодарю. — Женщина с улыбкой приняла предложенную помощь; молодой скромник был сильным, Арлетта почувствовала это еще в Лаик. — Я не хочу в обход.

— Как вам угодно.

Половинка луны, летнее тепло, купола, шпили и цикады. Так благостно. Так страшно.

— Я уже спрашивала... Альдо погиб не совсем здесь?

— Немного дальше.

— Вы ведь ездили в Тарнику?

— Тело предали земле в присутствии его высокопреосвященства, — твердо сказал монах. — Крышку гроба поднимали, покойный находился внутри в должном виде. Сударыня, входим.

Уже?! Мгновение назад зеленый луч был почти далеко, а теперь погас. Разом. Только у ступеней своей резиденции сиял серебряной головой Левий. Такой маленький и такой одинокий. Нет, не одинокий — на кардинальской террасе блеснул металл, да и дальше...

— Охрана, сударыня, — пояснил Пьетро. — Мы сейчас в самом центре. Видите метки?

Графиня честно посмотрела под ноги, метки — семилучевые эсператистские звезды — были аккуратно нанесены светлой краской. Что ж, пометить еще не понять — но уже не шарахаться. Женщина медленно повернулась и обнаружила у стен еще нескольких часовых. Все они, как и Левий, отбрасывали четкие тени, все казались фигурками из коллекции Коко, а вот каменная кладка и стволы деревьев лучше видны не стали. Нет, ни в каких маревах они не тонули, просто сливались в единый темный фон, как на эсператистских иконах... Неужели она открыла церковную тайну? Первый иконописец забрел в зелень, взглянул из нее на людей и ночь, а потом вышел и нарисовал? Очень может быть, но тогда в Гальтаре тоже... светило?

Арлетта вспоминала Иссерциала. Стоящий рядом Пьетро терпеливо ждал, глядя в землю и не забывая теребить свои жемчужинки, это заставило женщину взглянуть на небо и

сдавленно охнуть. Нет, небеса не стали ни зелеными, ни кровавыми, просто над самой головой висела огромная луна. Яркая и целая, как в Излом. Целая?!

— Пьетро, Данар!..

Кажется, монах проследил за ней взглядом, потому что понял сразу и правильно. Вдвоем они разглядывали стоящий в зените серебряный щит, по которому змеились красноватые трещины, будто три реки норовили слиться в одну.

— Вы это уже видели? — Графиня изо всех сил сощурилась, но на собравшуюся расколоться луну сие не произвело ни малейшего впечатления. Щурься не щурься, полнолуние оставалось полнолунием, а трещины — трещинами.

— Нет, сударыня, не видел.

— Не видели или не смотрели?

— Сегодня не смотрел, но в прошлый раз небо казалось обычным.

Назад Арлетта шла, задрав голову, и все же не поняла, как жутковатый круг уступил небо уютному серебристому месяцу.

6

Девочка в ночной рубашке терла кулаками глаза и ревела. У нее не было тени, а на голове переливалась ярмарочными огнями корона Раканов. Та самая, что Робер оставил в тронном зале.

— Закатные твари! — Рука Дювье ринулась было за ворот рубашки, но замерла. Отчаянно даже не заржал, закричал враз покрывшийся пеной Дракко. Эпинэ сам взмок не хуже зачуявшей нечисть лошади, но теперь все хотя бы стало ясно. Был ясен и выход.

Маленькая, залитая лунным светом гадина топала босой ногой и орала, она еще не заметила... Или заметила, но, как вошедший в раж человеческий ребенок, не могла унять плач, давая шанс. Отряду, не Роберу Эпинэ. Иноходец оглянулся на заткнувший улице горло эскорт; медлить было нельзя.

— Дювье, — Проэмперадор заговорил негромко, спокойно, уверенно, будто успокаивал лошадь, — принять команду. Завернуть отряд. Ждать рассвета в старых аббатствах.

— А...

— Выполнять.

Тут ни верность, ни смелость не спасут, разве что заговоры, но он их не знает, а огненных кошек не напасешься.

— Монс...

— Не мешай. Я знаю, что делаю.

Он в самом деле знает, только пусть уберутся. От хныкающей гадины не сбежать, то есть *всем* не сбежать. Кто-то должен остаться, кто-то, кто нужен этой твари... Будь таковым кто-то другой, бросил бы ты его на съедение и сбежал? К Марианне? К Левию, спасать душеньку? Неважно. Щербатой девчонке нужен ты, и давно нужен, прятаться не за кого.

— Монсень...

— Хочешь, чтоб нас сожрало? — Поправить перевязь, пожать плечами. — Со *мной* ничего не станется. Забери Дракко.

Спешиться, на мгновенье прижаться к теплой гриве. С Моро тоже так прощались.

— Разрубленный Змей, вы уберетесь или нет?!

Дошло. Заворачивают, с трудом сдерживая коней. Девчонка продолжает реветь, мостовая то ли кажется тряской, то ли в самом деле готовится стать болотом и поглотить все, что не успеет удрать. Крысы вот успели...

Зеленая дымка липнет к камням, медленно, слишком медленно гаснет конский цокот. Ушли. Наконец-то.

Рыжий огонь рвет тьму. Выстрел. На мгновенье прервавшийся рев.

— Вы меня осуждаете? — Салиган сжимает пистолет и смотрит на ребенка без тени. — Без толку, как я и думал, но не стоять же как олухам?

— Фляхи! — Девчонка топает ногой в спущенном зеленом чулке. Нет, это не чулок, это туман. — Фу! Дядька фу!

— Что тебе, деточка? — кривится посеревший маркиз.

Новый вопль, непонятные, но грязные слова, хватающие каблуки камни. Коронованное чудовище лыбится щербатым ртом, вытирает лапу о натянутую на круглом животике сорочку.

— У болвана фульги нет,
Не видать тебе конфет!

— Деточка, — хрипло повторяет Салиган, — тьфу!

— Деточка-конфеточка...

— Уходите! — Робер хватает неряху за плечо. — Она за мной!

— Вы самоуверенны... Проэмперадор. А удирать от нее я уже пробовал.

— Дядька Фу сидит в шкафу!
Дядька Бе застрял в трубе!
Бе-бе-бе, вот тебе!

Она прыгала то вперед, то назад, дразнилась, кривлялась, приставляла к носу растопыренные пальцы. Звонкие, будто над водой, вопли, должно быть, разносились далеко, но дома, если в них кто и жил, молчали, а южане убрались. Удрали, сбежали, бросили... Он сам их прогнал, и все же это было предательством. Он не ожидал, что и Дювье, и Дракко...

— Дядька Фе сожрал трофей,
Дядька Бу наклал в гробу,
Бе-бе-бе, вот тебе!

— Лэйе Астрапэ, заткнись!

— Ы-и-и-и!

Так мог бы завизжать под ножом мясника поросенок размером с церковь.

— Дурак! — Круглые, полные зелени и злобы глазенки вцепились в Робера клешнявыми раками. — Ты дурак! И тебя укусит рак! Ненавижу! Грязный дядька, дядька Фу!

Горная дорога и пустой город. Две дороги, один конь... Две ночи, две женщины или одна? Черные кудри, белые струящиеся пряди, клыкастая кошачья голова... Крылья, огонь, *Молния! Сквозь расколотый кристалл...*

— Пошел вон! У меня есть король! — Пухлая ручонка едва не ткнулась Эпинэ в нос, в зеленом мерцании черным бездонным оком раскрылся вделанный в браслет камень. — Вот! Мой король! Он ко мне придет! Это наш город! Наш, а ты грязный... От тебя воняет! Я тебя не хочу! Ты дурак! Иди вон! К своей рыбе-жабе!

Вон-вон, иди вон!
Вон-вон, иди вон!..

— Сударь, вы разве не слышите, вас... То есть, надеюсь, нас просят удалиться.

— Вон-вон, пошли вон...

— Идемте же!

Салиган. Ну этому-то чего нужно?! Под ногами чавкает зеленая топь, в ноздри, в горло лезет гнилой дым, душит, вызывает рвоту... Так не бывает: можно либо гнить, либо гореть... Но это сгнило и теперь горит.

— У меня есть мой король... — визжит луна. — Пошел вон!.. Ты дурак... Наш город... Король... Рак... Рак... Дурак...

Горы, огненная кошка, шум воды, лилии в водовороте, лилии в вазах, тишина, сон.

— Эпинэ! Поднимайтесь, нас прогнали.

— Салиган?

— К вашим услугам, но чистого платка у меня нет.

— Вы видели?

— А вы слышали? — Маркиз наклонился и что-то подобрал с изумительно твердых камней. Пистолет... — Она назвала вас грязным. Вас! В моем присутствии. Все, я уничтожен. О жалкий жребий мой!

Глава 8

ТАЛИГ. ОЛЛАРИЯ

400 год К. С. 7-й день Летних Молний

1

Ветер играл цветной тряпочкой, будто котенок. Ветер, тряпочка и окруженная серыми гвардейцами карета — больше на Виноградной улице не было никого.

— Интересно, — графиня сощурилась на навязанного ей заступника, — что творится в других кварталах?

Улицы, которыми ехал кортеж, казались спокойными, хотя и слишком для этого часа малолюдными. Никаких приключений, никаких воплей с руганью, но и смеха не слышно, и зазывалы с уличными торговцами молчат.

— Человек генерала Карваля сообщил, что ночь прошла спокойно, — напомнил Пьетро. Это Арлетта знала и без монашка. Творись в столице что-то непотребное, ее из Нохи не выпустили бы даже с дюжиной Пьетро и сотней Габетто.

— Я плохо вижу, — призналась графиня спутнику, — посмотрите, какие лица у прохожих. Слава Создателю, здесь хотя бы есть люди.

Пьетро послушно приподнял занавеску. Смотрел он долго, дольше, чем это делал бы адъютант, которому поручили немолодую даму.

— Люди озабочены, — длинные пальцы вновь отсчитывали бусины, — озабочены, насторожены, но не злы. Будь я военным, я заверил бы вас в том, что причин для тревоги нет, но я монах и могу не скрывать опасений. То, что на улицах так мало горожан, меня пугает больше их лиц. Затишье перед грозой... Как ни банально это сравнение, я не могу подобрать другого. Сударыня, так ли вам необходимо видеть господина Капуль-Гизайля?

— Мы у барона не задержимся, — пообещала Арлетта, испытывая жгучее желание броситься назад, под защиту монастырских стен, — а курьера в Ноху отправьте прямо сейчас. Офицеры должны быть готовы.

К чему? К лезущим из катакомб чудовищам? Так в Олларии катакомб вроде бы нет, а все мыслимые распоряжения Левий перед отъездом уже отдал.

— Здесь не столь давно проезжал его высокопреосвященство. Если бы он счел нужным...

— И все же пошлите.

Карета послушно остановилась, Пьетро вышел, стало совсем тихо, потом коротко и тревожно простучали копыта. Арлетта поправила волосы и поудобней устроилась на подушках. Она видела Олларию всякой, в том числе и не очень приятной. Ожидание грозы... Ожидание войны, мятежа, казней... Сорок лет назад Арлетта была слишком юна, чтобы понять — или Алиса уничтожит Алваро с Диомидом, а заодно и Савиньяков, или волк с вороном сломают королевские шеи раньше. Но даже влюбленная в мужа жена не могла не почувствовать охватившее тогда Двор и столицу напряжение, только оно было иным.

— Гонец отправлен, сударыня.

— Пьетро, какой вы увидели Олларию по приезде?

— Город не казался благополучным.

— Вас это пугало?

— Я не думал об этом.

О страхе не думают, его либо чувствуют, либо нет, но Пьетро и так сказал больше, чем можно было рассчитывать; наверное, их сблизила собравшаяся развалиться луна, очень неприятная... Левий таки вспомнил, где читал о неурочном полнолунии, но источник вызывал брезгливость: эсператистский проповедник времен Эридани Копьеносца, усердно проклинавший анакса и допроклинавшийся до ямы с ызаргами, предрек Гальтаре и ее жителям страшную гибель под полной луной, что будет видна лишь грешным. Пророчество выглядело банальным злобным бредом, но настроение портило, особенно в тарахтевшей по обезлюдевшим улицам карете.

2

Господина дуайена господин Проэмперадор принимал в том же кабинете, в котором ошметки Регентского совета решили выпроводить из Олларии послов. Глауберозе отсутствие церемоний и секретарей вроде бы не задело, хотя дипломаты своих чувств не выказывают. Только вот Роберу отчего-то казалось, что перед ним генерал, причем не вражеский.

Лишенный поддержки мэтра и графини Иноходец не нашел ничего лучшего, чем предложить дриксенцу шадди; тот согласился и признался, что почти не спал. Эпинэ посочувствовал. На то, чтобы не поделиться с послом враждебной державы собственными ночными похождениями, его все-таки хватило. Просчитав до шестнадцати и размешав сахар, Проэмперадор дипломатично заговорил о погоде. Дуайен честно выслушал и...

— Когда я получил приглашение, — без обиняков начал он, — я уже был уполномочен коллегами искать встречи с вами. Посольская палата обеспокоена собственной безопасностью и хочет знать, может ли она рассчитывать на дополнительную защиту.

— Мы сделаем все возможное, — заверил Робер, — но положение в городе...

— Я понимаю, — произнес Глауберозе сакраментальную фразу, но в его устах она не казалась пошлой. — Как вы, лично вы, отнесетесь к тому, что в ходе защиты Посольского кварта-

ла и его обитателей будет перебито некоторое количество налетчиков?

— Я не имею сведений о беспорядках в... рядом...

— Их нет, — быстро, пожалуй, даже слишком, откликнулся дриксенец, — но мы, я имею в виду дипломатов, располагаем некоторым количеством людей, хорошо владеющих оружием и обладающих опытом. Наших объединенных сил не хватит, чтобы самим обеспечить защиту квартала в случае серьезных беспорядков, но помочь страже мы готовы.

Помощь дриксенцев, гаунау, алатов... Может статься, она лишней не будет. Мародеров на дорогах много, а караван получится богатым, да когда еще он соберется...

— Пока что не случилось ничего, с чем мы не справились бы, но, разумеется, мы охотно примем вашу помощь... Граф, вы к происходящему относитесь очень серьезно. Почему?

Надежда, конечно, слабая, но вдруг этот пожилой северянин что-нибудь знает? Уж больно быстро он явился с предложением помощи...

— Ничего не могу сказать. — Глауберозе покачал головой. — Я и сейчас не уверен, что у происходящего есть некая единая причина.

— Жаль. — Ладно, скажем спасибо за то, что есть. Посольские готовы обеспечивать собственную безопасность, уже хорошо: опытных людей мало.

— Господин Проэмперадор. — Пожилой дипломат отставил чашку, из которой не отпил ни глотка. — Свой долг дуайена и посла его величества Готфрида я выполнил, и я в самом деле ничего не знаю. Прошу, чтобы наш дальнейший разговор остался строго между нами.

— Слово Эпинэ.

— Этого довольно. Вчера я имел беседу с его высокопреосвященством. Я доверяю знаниям и чутью этого умного и опытного человека, а он озабочен. Очень озабочен. Я был поражен подробностями мятежа в Нохе.

Подробностями... Перестрелку посреди столицы не утаишь, Левий это понял и предпочел рассказать сам и хозяевам, и гостям. Только одинаков ли вышел рассказ?

— Я находился в Олларии, когда убийство детей сорвало примирение Талига с Агарисом. — Теперь Глауберозе при-

двинул к себе шадди и даже глотнул. — Происшедшее казалось столь противоестественным, что я заподозрил чужую игру. Сейчас уже неважно, чью. Я стал выяснять подробности и понял, что было две волны погромов. Та, которую возглавлял Авнир, пахла очень дурно, но случившееся в предместьях повергало в недоумение и ужас. Подобная дикость почти неизбежна во время голода, смуты, мора, но Оллария была столь же благополучна, сколь и Эйнрехт. Мне не удалось прояснить ни причину начала безумия, ни причину его конца, потому что погромщики неожиданно успокоились.

— Их вовремя начали вешать. — Робер припомнил собственное ночное путешествие и торопливо встал. — Вы не любите шадди? Хотите вина?

— Я предпочитаю можжевеловую, но не стоит вызывать слуг. Я буду пить вино.

— Есть касера.

— Тем лучше. Маршал Алва успешно подавил бунт, но бунтовщики почти не сопротивлялись; казалось, у них разом иссякла воля. Позднее, когда начались... связанные с Альдо Раканом неурядицы, жители столицы Талига повели себя настолько достойно и спокойно, насколько это было возможно в их положении.

— Вы не были в Доре...

— Да, — очень серьезно подтвердил дриксенец, — и это мое упущение. Тем не менее, кроме отталкивающей сцены с выдачей толпе цивильного коменданта, свидетелем которой стали все послы...

— Не продолжайте, я видел больше вас. Вы правы. Кажется, что это был совсем другой город и другие люди!

Пережить сумасшедшую зиму с Альдо, перевести дух при Катари, ждать, что беды закончатся. Потом этот дурак Ричард... Но для Олларии регент умерла родами! Да, была печаль и растерянность, но такой злобы и остервенелости, какая появилась в людях недавно, не было.

— Мы смотрим одними глазами, это не может не радовать. К сожалению, может радовать только это. — Получивший свою касеру дуайен все сильней походил на вояку, точнее, на командующего арьергардом. — Сперва рассказ его высокопреосвященства напомнил мне об октавианских погромах...

— Сперва?

— Вчерашней ночью стреляли уже в каданском посольстве. Судя по тому, что жалоб не поступало, это была... внутренняя неприятность. Мне остается молить Создателя, чтобы мои люди оказались не менее лояльны, чем люди его высокопреосвященства.

— Я могу рассчитывать на треть гарнизона, — брякнул Робер, он был больше не в состоянии темнить. — Мы отправляем принца прочь из Олларии, и я считаю, что Посольской палате нужно переехать в Фебиды и там ждать решения регента. Сколько времени вам потребуется на сборы?

— Лично мне — час, посольству Дриксен — день, Посольской палате — не меньше недели и объяснение вашего решения.

— Лэйе Астрапэ, откуда я знаю, что им говорить?! Я не дипломат.

— Я, видимо, тоже...

3

Барон и баронесса принимали, а слуги при входе назло всем лунам и сварам оставались спокойны и почтительны. Неудивительно, что Арлетта слегка перевела дух.

— Хоть здесь, слава Создателю, все в порядке! — шепнула она Габетто на лестнице. — Сегодняшний обед вы запомните на всю жизнь. Надеюсь, вы не поститесь?

— О нет, — позволил себе улыбнуться церковник. — Его высокопреосвященство полагает, что угодный Создателю офицер должен быть здоров, а значит, сыт.

— Обязательно скажите об этом хозяину. — Если Левий примется возрождать *такой* эсператизм, у него есть шанс, однако барону пора распростирать объятия. Арлетта окликнула похожего на антик лакея:

— Господин барон не...

— Дзин-н-н-нь! Бум... Дзинь!

Грохот чего-то бьющегося, обиженное тявканье и приглушенное явно по милости разлучницы-двери рычанье объяснило все. Графине. Не осведомленный о великой собачьей любви Габетто прыгнул вперед, героически заслонив хихикнувшую даму. Над головой, усугубляя суматоху, метнулось нечто жел-

тое, ударилось о стекло, шлепнулось на ковер и застыло, разинув клюв и растопырив крылышки. Морискилла. Вырвалась из клетки и обалдела от свободы.

— Поймайте, — велела графиня обалдевшему «антику» и услышала смех. Хохотал мужчина, и хохот этот казался омерзительным.

— У господина барона кто-то есть?

— Господин Сэц-Пьер и трое его друзей, — объяснил слуга и, понизив голос, пояснил: — Их не ждали.

— Нас тоже. Габетто, вы способны выставить четверку невеж или потребуются солдаты?

— Создатель да будет милостив к заблудшим. — Держащий вместо привычных четок уже изловленную морискиллу Пьетро возвел глаза к фривольному плафону, немедленно их опустил и шустро засеменил на шум. Визг, писк, хохот и голоса успели смешаться в гнусную какофонию. Захотелось заткнуть уши.

— Госпожа графиня, не лучше ли вам...

— Хуже! — отрезала Арлетта, устремляясь за Пьетро и готовым к бою теньентом. Она не боялась отнюдь не потому, что ее стерегли военный с обнаженной шпагой и очень странный монашек без шпаги, а у кареты дожидался солидный эскорт, она об этом просто не думала, подгоняемая разгорающимся скандалом и сильным до неистовства желанием вышвырнуть незваную мерзость вон.

Парадная анфилада при всей своей изысканности была заметно короче, чем во дворце и даже в Сэ, но те, в гостиной, успели свалить еще что-то музыкальное. Визгливо вскрикнула словно обернувшаяся левреткой арфа, плаксивый звон еще не смолк, когда Пьетро с морискиллой в скрещенных на груди руках шагнул в гостиную. Арлетта едва не выскочила следом, но Габетто оттеснил даму за дверную портьеру и стал рядом.

— Сперва посмотрим, — прошипел гвардеец. Женщина, соглашаясь, кивнула и чуть сдвинула солнечную ткань. Близорукость не позволяла разглядеть тех, кто находился в глубине комнаты, и хорошо. Зрелище и так было скверным.

— Монах! — удивленно закричал некто коричневый и тучный. Он стоял, водрузив ногу на какие-то обломки, и тыкал пальцем в сторону Пьетро. — Пискуньи, псинка, щенок, баба и монах!

— И кучи хлама. — Торчащий ближе всех к двери Сэц-Пьер пнул поверженную арфу. — Монах, выбирай. Вино, мясо или любовь?

— Мясо с перьями и мясо с шерстью. — Третий, в черных панталонах и оранжевом камзоле, был слишком плечист для матерьялиста. — Свежее, теплое мясо... А, ханжа?

— Ты добыча или охотник? — Коричневый шагнул к Пьетро через обломки, и Арлетта вдруг поняла, что это разломанная клетка, а желтые кучки на ковре — трупики морискилл.

— Братья, — Пьетро разжал пальцы, и выпущенная пичуга заметалась по комнате, — я... будьте...

— Нет, го́лубок, не буде...

Люди заговаривали по очереди, и так же по очереди Арлетта их замечала.

— Брат мой, позовите слуг! — Марианна в кресле у окна прижимает к груди исходящую лаем Эвро.

— Пусть попробует! — Фальтак, судя по стати и камзолу, это Фальтак, держит за ноги мраморную фигурку.

— Друг мой, умоляю, не двигайтесь! — На занесенную над каминной доской статуэтку в ужасе смотрит барон в покосившемся парике.

— Сударь! — Мальчик-флейтист скрючился в углу в шаге от черно-оранжевого детины; в Сэ так же скрючился конюх, которого лягнула лошадь. — Сударь!

— Братья мои, будьте же милосердны. — Пьетро, уже без птички, перебирает свои четки. Склонив голову и не глядя на пьяных — они не могли быть трезвыми! — гостей. Габетто они не видят, как и графиню. Габетто они не соперники. Разве что плечистый...

— Умоляю, спокойно! Это Солнечный демон! Школа Сольеги!.. Поздние Гальтары... Это...

Это не может продолжаться долго, это тянется вечность. Золотая от солнца и шелков комната наполняется смертью, будто тонущая лодка водой.

Первым гибнет Солнечный демон, с маху разбитый об угол камина. Разлетаются и засыпают ковер осколки, барон стонет и закрывает лицо руками.

— Вот чего стоит ваш хлам! — хохочет Сэц-Пьер; это его смех они слышали на лестнице.

— Для начала годится и щебенка, — плечистый делает шаг к баронессе, — но сейчас полетят мозги. Давай собачонку, девка! Или хочешь сперва...

— Придурок!

Нет, собачку баронесса не выпускает, но вторая рука у нее свободна, а в вазе рядом стоят розы.

Высокие золотистые цветы хлещут по мужскому рылу, рыло подается назад вместе с телом. Заливается лаем Эвро, Фальтак оборачивается к Марианне, тучный — к Пьетро, флейтист прячет лицо в коленках. Часы с золотыми грифонами начинают отбивать полдень. Коко отнимает ладони от лица. Быстрый шаг, почти прыжок, вперед и в сторону, распахнутая дверь, ворвавшийся в комнату белоснежный зверь, словно размазавшийся в густом от злобы воздухе...

Фальтак был ближе других. Он ничего не успел, только начал поднимать руку, медленно, страшно медленно в сравнении со стремительной светлой тенью. Молниеносная атака в живот или ниже. Паденье, алый фонтан, а молчащая смерть уже рядом с тучным. Хруст, рывок под себя, глухой шлепок валящегося на толстый ковер тела. Двое... Плечистый не оглядывается — он занят женщиной, он уже вплотную к ней... Нет, увидел, понял, оттолкнул добычу, схватил какой-то обломок, но пес пронесся мимо. К баронессе. К Эвро. Ткнулся носом, оставил на лице, на платье красный след, обернулся. Взмах палкой, новый хруст...

От удара по защищенному толстой шкурой и броней мышц телу деревяшка разлетается в куски. Плечистый отшатывается, хватает руками пустоту, точно плывет в зеленоватом меду, валится на спину. «Львиная собака» Готти, варастийский волкодав, широко разевает пасть, вцепляется в лицо, возле двери истошно вопит опомнившийся Сэц-Пьер. Вопит и бросается прочь, чтобы у самого выхода налететь на шпагу Габетто. Четвертый. Все сильней пахнет кровью, перед глазами клубится ядовитая зелень, Фальтак с плечистым не шевелятся, но тучный корячится на полу, сквозь разорванный мокрый рукав лезет обломок кости, сахарно-белый, омерзительный...

— Готти, — ледяным голосом велит барон, — убей.

Запах крови становится невыносимым. Часы все еще продолжают бить.

4

— Монсеньор, толпа на Желтой!

— Точней, Жильбер. Сколько? Что делают?

— Стражники говорят, сотни три-четыре. Пока только стоят, слушают какого-то скота...

— Едем, и разыщи мне Карваля. Пусть прихватит нескольких офицеров из тех, что сегодня были на улицах. Особенно в Заречье.

— Монсеньор, где вас искать?

А в самом деле, где?

— Который час, не заметил?

— Анна полдень отзвонила.

— Ясно. После Желтой я вернусь во дворец, и пускай к моему возвращению мэтр Инголс сочинит указ. Чтоб ночами на улицах ни кошки не было!

— Их и так нет.

Вот паршивец, но пусть шутит. Пока еще шутится... Эпинэ проводил адъютанта взглядом и повернул к Желтой. Отряд Проэмперадора крутился на границе старых аббатств и города Франциска. Особой необходимости в этом не было, но усидеть во дворце Иноходец не мог, а показать горожанам, что власть не боится и не бездельничает, следовало — беспорядки от Малых складов перекинулись на предместья.

Пример пришлого ворья вдохновил ремесленный люд, и вместо добропорядочного обеда толпа отправилась громить склады и амбары на торговой пристани. Спасибо, в городской страже еще остались добросовестные люди, не забывшие прошлогодних уроков, и они сразу же запросили помощи. Гарнизон держали наготове, и Проэмперадор не колеблясь отправил на защиту складов Халлорана, а сам с эскортом и так и не отвязавшимся Салиганом решил проехаться торговыми кварталами. В Старом городе было спокойно, и вот вам пожалуйста...

Толпа, впрочем, оказалась мирной, хоть добром и не лучилась. Не сравнить с той, что требовала у Халлорана «насильников». Похоже, люди, как и сам Робер, просто не могли сидеть в четырех стенах и ждать непонятно чего, ну и вышли. Что делать, они не знали, а тут подвернулся крикун из бывших лигистов и понес про злодеев и кровопийц, что вчера буянили на

левом берегу, а теперь могут прийти и сюда. И будут грабить, убивать, ибо безбожники и души их отравлены грехом. Мол, бойтесь...

— Хотите пари? — Стянувший по совету Робера свои патлы на кэналлийский манер и разжившийся у Мевена мундирной курткой Салиган выглядел почти прилично. — Сейчас переведет на то, что нечего ждать, когда придут, — надо самим пойти и вломить...

Робер пари за полной очевидностью исхода не принял и оказался прав. Кому вломить и как узнать, было непонятно, но излагал черноленточник темпераментно. Толпа начинала ворчать... Так вот как это бывает! Чувство беззащитности, непонимание, желание сбиться в кучу и кто-то посмелей и понаглей. Люди — те же лошади, заводятся друг от друга. Значит, будут теперь сидеть по домам!

— Дювье, сможете выдернуть этого красавца?

— Сможем, Монсеньор.

— А что вы им предложите взамен? — Салиган по привычке что-то смахнул с плеча и зевнул. — Им скоро опять станет скучно, а авнировых орлов в этом богоспасаемом городе невздернутых ходит не один и не два.

— Говорите, богоспасаемом? — Робер, привстав в стременах, вгляделся в дальний конец площади и понял, что не ошибся. Левий подоспел удивительно вовремя. Или наоборот, если лигисты затеют склоку с эсператистами.

— Ваша взяла, — с готовностью признал маркиз. — Таки богоспасаемый, и спасителей много. Это произведет впечатление...

Его высокопреосвященство и вправду захватил с собой немалый отряд, но предпочел пустить в ход иные аргументы. Не спешиваясь, но и не горяча очень неплохого гнедого, кардинал Талига — один, даже без Пьетро, ехал прямо на еще не готовую к драке толпу. Робер первый раз видел Левия верхом, придраться к посадке было невозможно, но позволять его высокопреосвященству гарцевать на глазах лигистов Робер не собирался.

— Дювье, со мной! Салиган, не мешайтесь.

Маркиз что-то буркнул — вылезать на всеобщее обозрение он не стремился. Эпинэ выслал Дракко, на глазок сораз-

меряя аллюр с аллюром бодро вышагивающего гнедого. Они встретятся у фонтана, с края которого вещал черноленточник, а тот уже нес про агарисских крыс. Громко, но, судя по лицам, зря — Левия успели полюбить.

Кардинал осадил коня у края бассейна и принялся с легким удивлением рассматривать лигиста. Тот был высок и хорошо скроен, но умелый наездник внушительней пешего, а умелый клирик всегда переглядит купца или мастерового.

— Крыса! — не выдержал черноленточник. — Заявился вместе с Тараканом, корону на гада напялил. Еретик!..

Левий улыбнулся и тронул белого голубя.

— Хороший человек, сын мой, угоден Создателю, невзирая на то, как возносит Ему хвалы и возносит ли. Жестокость же, своекорыстие, подлость и глупость Создателю отвратны, но, вознося хвалы Ему, становятся отвратны в семь раз сильнее...

Глава 9

ТАЛИГ. ОЛЛАРИЯ

400 год К. С. 7-й день Летних Молний

1

Сэц-Пьеру повезло: его убивал человек и как человека, но Фальтак и пара оставшихся безымянными друзей и «последователей»... Будь труп, *такой* труп, один, Арлетту вывернуло бы наизнанку, а так тошноту словно бы растянуло тремя канатами, и женщина даже удержалась на ногах. В том числе и потому, что падать пришлось бы в кровь. Ее было столько, что пушистый ковер оказался не в силах выпить всю; это выглядело... странно. Графиня, держась за горло, стояла почти что в болотце и, с трудом соображая, переводила взгляд с одного мертвеца на другого. Фальтак с вырванным пахом, двое без лица и горла, а коричневый еще и с половиной руки...

В ладонь ткнулось нечто холодное и влажное. Нос! Перемазанный кровью герой напоминал о себе, требуя оваций и ласк. Он чувствовал себя прекрасно и немало гордился свершенным. В счастливых собачьих глазах сияло: «Ну я же молодец,

правда? Вот вернется Хозяин — не забудьте рассказать ему, какой я замечательный!»

— Молодец, — выдавила из себя Арлетта, запуская пальцы в перемазанную гриву. — Спасибо.

Молодец немедленно завилял сохранившим гайифскую белизну помпоном, весело гавкнул, облизнулся и бросился с утешениями и любезностями к серой неподвижной Марианне. Для благородного кобеля-волкодава не было счастья выше, чем защитить то, что он полагал своим, — хозяина, его семью, дом, имущество, друзей, ведь друзья хозяина тоже в некотором роде имущество...

— Сударыня, — чем-то напоминающий Котика Габетто попытался подхватить Арлетту под руку, — позвольте вас...

— Позже. — Графиня высвободилась, подавив желание почесать церковника за ухом, благо одно при ближайшем рассмотрении оказалось обрубленным, и, приподняв юбки, пошла по кровавому ковру к баронессе. Та все еще судорожно сжимала извивающуюся левретку, вряд ли соображая, что делает. Эвро это не нравилось, она хотела на свободу, к изнывающему Котику и волнующим запахам.

— Марианна, — Арлетта разжала стиснутые пальцы, и освобожденная собачонка шмякнулась на черно-оранжевый труп, — пойдемте. Вам надо...

— Он так смотрел, — баронесса все еще несла в глазах ужас, — так... Это лицо...

— Этого лица больше нет! — Некоторые советуют вышибать клин клином. — Смотрите! Вниз смотрите. Этого. Лица. Больше. Нет.

Смотрит и в обморок не валится! Вот и отлично...

— Похвалите собаку, и идемте. Пора собираться.

— Куда?

— Сперва — в Ноху. Котик! Котик, сюда... — Взять холодную руку, положить на холку псу. Ро справился бы лучше, но у Проэмперадора дела. — Я буду рада принять вас в Савиньяке, матери герцога Эпинэ у нас нравилось.

— Я? В Савиньяке? Простите... Я ничего не понимаю...

Эвро удрала, Котик, получив свою долю людских похвал, умчался за дамой сердца. А собачий сын в самом деле вылитый Валмон! Переход от привычного добродушного сибаритства к смертоносной быстроте и обратно просто... восхитителен.

— Почему Савиньяк? — Казалось, этот вопрос занимает Марианну сильнее всего. — Почему...

— Регентский совет отправляет принца, послов и нас с вами вон из города. Разве Ро... Проэмперадор вам не сказал?

— Он не приехал. — Вот теперь она очнулась. — Что-то случилось по дороге... Он придет сегодня.

— В Ноху, — уточнила Арлетта, — и я тут же отправляюсь пить шадди к его высокопреосвященству. Не только вы прощаетесь. Идемте, здесь пора убирать.

2

Божье слово было простым и проникновенным: не дело самим куда-то идти и кого-то бить, когда на то есть власти и солдаты. Всю зиму и весну порядок худо-бедно обеспечивали, обеспечат и дальше, надо только им доверять, а не подбрасывать в пожар дров.

Левий вещал, паства внимала, крикун, потеряв внимание толпы, собирался потихоньку улизнуть. Опытный Дювье заметил и с парочкой южан незаметно отошел. Можно было и самому догадаться, но Робер слушал Левия и по-дурацки радовался, что обошлось без крови, без драки и без Проэмперадора. Иноходцу еще никогда так не хотелось убраться из Олларии — когда на улицах орудовал Айнсмеллер, и то дышать было легче...

— Ступайте по домам, дети мои, — Левий поднял в благословляющем жесте руку, — и помните: когда не знаете, что делать, будьте милосердны.

Совет был хорош. Наверное... Только Проэмперадору он не годился. Что делать с дуреющим на глазах городом, Иноходец не представлял, но милосердие здесь помочь не могло, скорее уж наоборот.

— На сей раз, сын мой, — довольно объявил покончивший с внушением Левий, — я вас опередил.

— Хорошо, что вы их уговорили, но где ваш Пьетро? Что с ним? Надеюсь, он не пострадал?

— Нет, что вы, просто у него важное дело. Я заметил, что за зачинщиком пошли. Правильное решение — этот человек может стать по-настоящему опасен.

— Не представляю, откуда такие берутся. — Эпинэ обвел взглядом давно не метенную площадь. Или толпа, или грязная пустота. Мерзко. — Бросайся они на Айнсмеллера, я бы еще понял, но тогда взбрыкивали единицы... и не так. Боюсь, без крови в ближайшее время не обойтись.

— Может быть, — и не подумал утешать Левий. — Что вы собираетесь делать?

— Я вызвал во дворец Карваля и Инголса. Если вы сможете...

— Само собой, я к вам присоединюсь, но время совещаний, на мой взгляд, миновало. Что собираетесь делать вы лично?

Фонтан, мусор, заколоченный угловой особняк. Именно здесь прятались зимой Придды... Город обожал Алву, но никому и в голову не приходило, что горожане заявятся спасать Ворона, а вот вешать ребят Халлорана они заявились. Мальчишка-арбалетчик, конечно, тоже ненавидел, но смотрел иначе, и он отправился убивать чужаков в одиночку.

— Вынужден вам сказать, — шепнул Левий, — что время размышлений тоже миновало.

— Если потребуется, стану вешать. — Робер отпустил поводья, позволяя Дракко дотянуться до воды. — На каштанах.

Кардинал промолчал. Лошади шумно пили, у проломленной ограды ждали южане и церковники. Солдаты в красном и солдаты в сером не сомневались: вожаки знают, что делать. Левий, кажется, и в самом деле знал.

— Ваше высокопреосвященство, и все-таки, что вы посоветуете?

— Проэмперадору не советуют.

3

Капуль-Гизайль сосредоточенно зарисовывал расположение залитых кровью осколков. Просто невероятно, насколько злым мог выглядеть этот господин. Трупы матерьялистов слуги сразу же вынесли, но мертвые морискиллы еще валялись среди обломков клетки. Их не убирали, чтобы не мешать барону. Арлетта сощурилась на часы. Пять минут второго.

— Сударь, — потребовала женщина, — соизвольте прерваться.

Барон быстро, но аккуратно водрузил рисовальные принадлежности на камин, повернулся и надел печальную улыбку.

— Дражайшая графиня, — ухоженные ручки разошлись в извиняющемся жесте, — я так расстроен, так расстроен... Я даже забыл о своем долге в отношении вас и вашей свиты! Умоляю, выбросьте из головы эту безобразную сцену. Мы сейчас перейдем в кабинет и немного выпьем. Еще гальтарские медики призывали смывать неприятные впечатления хорошим вином.

— Почему вы не спустили собаку сразу? — Покинуть достойную кошмарного сна гостиную было приятно, но кровь уже растащили по всему дому. На ковре в кабинете барона она, во всяком случае, была. — Почему не вызвали слуг? Звонок цел.

— Демон! — Барон не ругался, он был на такое просто не способен, вот убить... — Никогда не прощу себе, что выставил здесь эту вещь. Надо было оставить флейтиста, он и так пострадал... Конечно, я соберу фигуру, но единожды разбитое целым не становится. Прошу мне простить эту банальность.

— Жизнь полна банальностей. Вы могли избавиться от этих подонков, но боялись за взятую в заложники статуэтку? Ваших птичек душили, вашу жену мучили, а вы стояли и смотрели...

— Да. — Барон тряхнул крутыми каштановыми локонами. Создатель, он успел сменить парик! — Я смотрел и думал — почему? Почему никчемные болтуны, пригодные лишь на то, чтоб оттенять окружающие их красоту и разум, так осмелели? Я помню Фальтака с юности, Сэц-Пьера и остальных мы узнали год назад. Эти господа, даже будучи пьяными, удивительно тонко чуяли грань, за которой кормушка сменяется плетью. В первый раз они эту грань переступили в присутствии виконта Валме и, придя в себя, были очень испуганы.

— Сейчас испугана Марианна. Барон, я забираю вашу жену. Ночь мы проведем в Нохе, а завтра отправимся в Савиньяк.

— Отлично! — просиял заботливый супруг и расставил бокалы. — Просто отлично! Я как раз размышлял о судьбе моей коллекции. Она имеет непреходящую ценность, и я за нее в ответе, но, с другой стороны, сочетаясь браком, я дал клятву оберегать еще и супругу. Сохранить же во время смуты очень заметную женщину и бесценные антики, согласитесь, очень трудно. Вы меня просто спасаете!

— Вы куда вернее спасетесь, если отправитесь с караваном. Нас будут охранять.

— Я подумаю, — пообещал барон. — Но обещать ничего не могу. Если вы ручаетесь за сопровождение, я попросил бы вас захватить некоторое количество ящиков, но подготовить к утру все?! Это невозможно. Нужно не меньше недели.

— Тогда вам есть смысл присоединиться к послам. Его высокопреосвященство полагает, что им раньше не двинуться. Сударь, я хотела бы видеть вашу гальтарскую маску.

— Вы увязываете сегодняшнее несчастье с ней? Интересное предположение.

— Я хотела ее видеть еще ночью. Ее и Валтазара.

— Ничего нет проще. Я немедленно отдам вам эти отвратительные вазы! Поверьте, я искренне привязан к виконту Вальме, но подобное надругательство над благородным металлом...

— Вазы я возьму, — с готовностью согласилась Арлетта, — а сейчас давайте посмотрим маску.

— Конечно, сударыня, но я предпочел бы сперва обсудить пару мелочей. Я был бы вам крайне, крайне признателен, если б вы оставили мне до вечера с десяток солдат и уговорили Марианну обойтись без Эвро. Вы знаете, как к ней привязан Готти, а я, как вы понимаете, очень на него рассчитываю.

— Солдаты останутся, — с ходу решила графиня, — а что до левретки...

— Я согласна, дорогой. — Баронесса в черном закрытом платье стояла у двери. — Ты не хочешь, чтобы вино на прощание разлила я? Ты меня так долго этому учил!

— Ты была чудесной ученицей, дорогая, я так тобой горжусь.

— Но своими древностями ты гордишься больше. — Марианна взяла полный темно-красной «крови» графин, она уже не напоминала увязшую в трясине лань. — Сударыня, я готова, но как к этому отнесется его высокопреосвященство?

— Он будет рад. — Взглянуть, как Левий управится с красивейшей дамой Олларии, в самом деле любопытно. — Барон, я надеюсь, вы все же покажете мне маску?

— Я сделаю лучше! Я передам вам ее на хранение. Разумеется, если в Савиньяке она будет в безопасности. Кроме того, я еще до этого прискорбного визита успел упаковать шесть очень небольших...

— Констанс, — Марианна подняла свой бокал, — графиня приехала всего лишь в карете. Мы сможем взять только маску.

— И вазы, — железным тоном добавил барон и, не притрагиваясь к вину, потянулся к самой внушительной из стоящих на столе шкатулок. Открывшийся лик холодно блеснул древним золотом; он ничуть не изменился, и он не имел отношения ни к озверевшим ублюдкам, ни к треснувшей нохской луне. Просто металл. Просто камень. Арлетта сощурилась и... очутилась на краю полной ужаса и отвращения бездны. Графиня не закричала лишь потому, что и этот ужас, и это отвращение она уже видела. В глазах смотревшей на труп Марианны.

— Я поднимаю этот бокал, — как ни в чем не бывало провозгласил за спиной барон, — за самое прекрасное, что нам даровано. За красоту, какой бы облик она ни принимала. Пусть рушится мир, лишь бы спаслась красота! Прекрасные дамы, говоря это, я в первую очередь имею в виду вас и искусство в лице доверенного вам шедевра. Вы просто обязаны уцелеть.

— Спасибо, сударь. Мы постараемся. — Арлетта захлопнула шкатулку и быстро подняла бокал. В дверь отчаянно заскреблась покидаемая Эвро.

Глава 10

ТАЛИГ. ОЛЛАРИЯ

400 год К. С. 7-й день Летних Молний

1

Крикуна с Желтой Дювье схватил и даже успел допросить. И вот беда, человек не походил ни на душегуба, ни на наемного или еще какого подстрекателя. Мелкий торговец, вчера по делам оказался на левом берегу, угодил в заваруху. Чуть не погиб сам — вытащили подоспевшие стражники, зато помогавший зятю в делах шурин получил ножом под ребра и ночью помер. Указанный дом проверили, опросили домашних и соседей: все верно — это хозяин и есть, и покойник в доме лежит...

Торговец клял всех подряд и то принимался пугать, то требовал перевешать заречных ублюдков, то звал кардинала. Кар-

динал подмигнул Проэмперадору и отправился спасать душу, Проэмперадор распорядился насчет обеда, открыл сочиненный мэтром Инголсом указ и тут же подмахнул не читая, потому что вернулся Карваль. С новостями.

Оказалось, неприятности еще толком и не начинались, зато теперь... На севере у Хлебной площади какие-то босяки взломали лавку пекаря, поташили муку. Подоспели соседи, человек пять порвали чуть ли не на куски, но лавку при этом разграбили подчистую. Прискакавшие ребята Халлорана разогнали уже поредевшую толпу, и тут же похожий случай: через две улицы напали на маленький кабачок, рвались в винный погреб.

Снова драка с поножовщиной, но солдаты появились, когда она еще шла. Семерых грабителей удалось схватить, тут бы и успокоиться, но сбежавшиеся соседи потребовали повесить громил прямо сейчас и здесь, а еще лучше — выдать толпе. С трудом удалось отругаться и вывезти налетчиков живыми. Халлоран со слов капитана, чья рота патрулировала северные кварталы, доносил, что после этих двух стычек на улицах стало очень неспокойно, причем горожане смотрят враждебно уже и на солдат со стражниками.

— Правда, — утешил побывавший в южных кварталах Мевен, — пока они еще соображают, что с нами лучше не связываться. При появлении патрулей ворчат, рычат и требуют, чтобы те им помогали, но драться не лезут. Только бы не вспомнили, что они творили осенью...

— Лучше бы вспомнили, — буркнул Эпинэ и в который раз сам вспомнил. Парнишку-арбалетчика. — Тогда били убийц и мародеров, причем в одиночку, а теперь сами...

Мевен угрюмо кивнул, мэтр Инголс оторвался от бумаг, внимательно посмотрел на военных и... ничего не сказал, только захлопнул крышку чернильницы.

— Монсеньор, — резко бросил Никола, — дом барона Капуль-Гизайля не только богат, но и хорошо известен, а все начинается с грабежей. Люди нам нужны, но я счел необходимым выделить барону охрану. Знакомство с «Тенью» сейчас может и не помочь.

— Спасибо... — Робер прикрыл руками глаза. Никола побеспокоился и об этом. Никола, не ты!

— Графиня Савиньяк собиралась к Капуль-Гизайлям, — добавил с порога Левий. — Ее сопровождает очень толковый офицер и полсотни гвардейцев. Я очень удивлюсь, если графиня не предложит барону помощь, и еще больше удивлюсь, если барон откажется.

— Тогда Тератье вернется.

— Спасибо, Никола. Я должен был сам...

— Просто мы проезжали поблизости. — Почему одни все время «проезжают поблизости», а другие вечно вдали, даже если беда у них под носом?

— «Считай себя ближе к опасности», — словно прочитал мысли Левий и пояснил: — Морская заповедь. Она была старой уже в гальтарские времена.

— Я составил реестр сил, на которые можно положиться. — Мэтр Инголс неторопливо и, несмотря на полноту, ловко выбрался из глубокого кресла. — Само собой, вы можете и должны меня поправить. Итак... Южане — две с половиной тысячи без малого. Гимнеты и гвардия — около семи сотен. Церковная гвардия — около семи сотен. Полк Халлорана — пять сотен. Резервный полк — пять сотен. Городская стража — менее полутора тысяч. Всего чуть больше шести тысяч. Примерно столько же, сколько в полках бывшей Резервной армии.

— Их командиры сейчас выполняют приказы. — Карваль намек понял сразу, Робер тоже.

— Как поведут себя солдаты, если станет горячо? — Мэтр никого щадить не собирался. — Зимой мародеров приходилось призывать к порядку с помощью петли.

— Жители Олларии вряд ли это забыли, — задумчиво проговорил Левий. — Хотелось бы верить, что злоба горожан удержит худших солдат от предательства в той же мере, в какой лучших удерживает долг. Но я не могу не отметить, что мои собственные мятежники вели себя очень похоже на городских погромщиков.

В приемной застучали торопливые шаги, из-за двери донесся невнятный разговор адъютантов. Робер стиснул кулаки, готовясь выслушать что-то скверное, но это всего лишь пришли доложить, что подан обед. Заказанный Проэмперадором и им же забытый... Эпинэ через силу улыбнулся.

— Как бы то ни было, прошу к столу.

— Вынужден отказаться. — Левий знакомо и решительно тронул орденский знак. — Попробую проехать по северным кварталам. Утром толпу успокоить удалось, значит, нести пастырское слово горожанам надо и дальше.

— Ваше высокопреосвященство, вы не можете...

— Разумеется, со мной будет охрана. Господин Карваль, что делать завтра, завтра и решится, но сегодня Мэйталь и пятьсот человек в вашем полном распоряжении. С теми, кто не внемлет Создателю, чьими бы устами Он ни говорил, власть должна поступать решительно. Очень.

2

Охрана быстро, чтобы не сказать торопливо, распахнула ворота, карета вкатилась во двор, за ней влетели всадники конвоя, и тяжеленные створки захлопнулись. Лошади перешли с рыси на шаг, миновали въезд уже во внутреннюю Ноху и остановились перед резиденцией кардинала — дальше было бы не развернуться. Габетто спрыгнул с коня и бросился помогать дамам, Арлетта предоставила Марианну галантному церковнику и задержалась на верхней подножке, оглядывая знакомую площадь. Любые предупреждения стали бы излишеством: оставшиеся в аббатстве гвардейцы, мягко говоря, не дремали, а выскочивший из-за флигеля капитан со знакомым сорванным голосом тут же вытребовал Габетто и вступил с ним в оживленный разговор. Судя по лицу и резким жестам, хорошими новостями даже не пахло.

— Сударыня, разрешите...

— Благодарю вас, Пьетро.

На нижней подножке графиня «споткнулась». Очень случайно, но ни свалить, ни хотя бы поколебать сподобившегося удержать валящуюся на него даму Пьетро не удалось. Чудесное спасение от разбойников становилось все понятней, судьба святого Оноре — напротив. Арлетта поблагодарила монашка взглядом и подхватила под руку Марианну.

— Предоставим военные дела этим господам, у нас с вами найдется о чем поболтать. Пьетро, распорядитесь о... том, что мы привезли.

Второй маневр особого успеха не принес. Арлетта, оживленно расписывая нохские порядки, перевела баронессу через отмеченную эсперой плиту. Разбитая луна не появилась, и ни сама Арлетта, ни ее гостья ничего необычного не почуяли. Графиня с облегчением сощурилась на облепленные голубями крыши, Марианна проследила ее взгляд и поняла по-своему.

— Вот он!

В разукрашенной мелкими облачками лазури картинно парила черная птица. Вряд ли при таком обилии голубей она высматривала добычу, но некоторые не могут не летать...

— Как ни странно, — сказала Арлетта, — я вижу нохского ворона впервые, зато я встречала здешних призраков. Мы с вами повторяем их путь. Вам не страшно?

— Я не умею бояться того, чего не вижу. — Баронесса поднесла руку ко лбу; это был изящный жест. — Я же птичница. Любой мэтр скажет, что мой ум очень ограничен. Вот злобы я боюсь, и ее я видела... Вижу... Ее слишком много, мы тонем в злобе — своей, чужой... Даже здесь, где ей не место!

— Здесь? — не поняла Арлетта, оглядывая зеленеющую возле стен траву, птиц и гвардейцев. — Вы боитесь церковников?

Марианна глубоко вздохнула. Будь Арлетта мужчиной, она бы уже забыла, о чем спрашивала.

— Нет... Не их и даже не себя. Мне вдруг подумалось... Ведь здесь же убивали! Веками. В Ноху приходили убивать, договаривались и приходили...

— Дорогая моя! — Какой дикий день, и какой дикий разговор! — Чтобы продырявить друг друга на дуэли, злобствовать вовсе не обязательно.

— Двоим, но один всегда ненавидит. Я знаю, граф Савиньяк просто хотел убить, а Манрик? А Килеан-ур-Ломбах? Вы его не знали...

— Я о нем слышала, это был скверный человек.

— Он мне сегодня приснился, а утром явились *они*...

3

Очередной церковник привез очередную записку: Левий вновь сумел совладать с толпой, на сей раз на улице Меховщиков, и двинулся дальше. После второго кардинальского «ра-

порта» Робер властью Проэмперадора погнал в город выборных и цеховых старшин. Убеждать и успокаивать. Кое-кто даже пошел, правда, не слишком охотно — почтенным мастерам и негоциантам на улицах было страшно, а день становится все напряженней. Уже дважды солдатам пришлось останавливать толпу на мостах через Данар: беднота с левого берега перла на правый... так, погулять. И добро бы бурлило только Заречье... Беспорядки вспыхивали в самых разных частях города: и в самых бедных кварталах, и в тех, что поблагополучней, и во вполне зажиточных — будто сыпь проступала на коже.

— Вы скверно выглядите. — Пустивший за столом Проэмперадора корни мэтр Инголс отложил перо. Хорошо законникам, они всегда найдут что писать, была бы чернильница!

— Странно, не правда ли? — Робер рывком вытащил из стола флягу и тут же сунул назад — не время!

— Письмо его высокопреосвященства, — напомнил адвокат, — внушает скорее надежду.

Да, пока Левию удается. И Карвалю, и стражникам. Пока... Эпинэ прикрыл глаза руками, вспомнил Алву, глупо и беспомощно ругнулся и посмотрел на адвоката. Тот ждал.

— Надежду? На что?! — Лезешь в душу? Получай! — Мол, уговорили, умиротворили, заставили разойтись, не дали разгромить... Да чем больше таких вестей, тем меньше они успокаивают! Мэтр Инголс, это ведь неотвратимо. И если это то, из-за чего Алва установил карантин, то что же он ничего не написал, не передал, не объяснил?!

— Итак, — уточнил дотошный мэтр, — вы близки к выводу, что удержать от бунта еще недавно спокойный город не получится?

— Да! — Ну вот, слово сказано! — Только никак не могу понять почему.

— Давайте попробуем спокойно разобраться. — Мэтр Инголс откинулся на спинку стула. — Вы согласны, что поводом везде служит что-то свое, но затем различия пропадают?

Законник кошачий! К чему ни прикоснется, какой-то реестр выходит, хотя... Лэйе Астрапэ, ведь так оно и есть! Всплеск злобы и ее растекание по ближайшим дворам... Обязательно находятся случайные вожаки вроде утреннего торговца, они орут, их слушают, и вот уже толпа куда-то рвется, кого-то гонит, бьет, убивает...

— Собственно, смысл всюду один и тот же, — заключил прохлопанную Робером, но, вне всякого сомнения, блистательную речь мэтр, — найден кто-то плохой. Причины могут быть любые: торговец задрал цены, мастер подмастерьев держит впроголодь и заваливает работой, голодранцы приличных людей не просто побеспокоили, но и ограбить вздумали. Причина не важна, важен враг, которого надо истребить. И у вчера еще мирных людей пробуждается жажда крови...

— Мэтр Инголс, — перебил Робер, — а вам не страшно?

— Мне очень страшно, — с достоинством признался юрист. — Развитое воображение, отсутствие военного опыта и привычка по косвенным признакам предсказывать плачевный результат суть составляющие трусости. Теперь вы, Эпинэ. Скажите, вам не хочется выкатить пушки и хлестануть по злобным тварям картечью?

— Рано!

— Я не о целесообразности. Вам не хочется уничтожать?

— Хотелось... Когда ребят Халлорана волокли на фонарь.

— А сейчас?

— Мало ли чего я хочу... — Или *не* хочу. — Понадобится стрелять, буду стрелять!

— Именно это я и хотел услышать. Вас не тянет никого бить. Как и меня, вашего адъютанта, кардинала с его уцелевшими людьми... Когда Алва закрыл Кольцо, мы много рассуждали о чуме, теперь по понятным причинам мы о ней молчим, но всегда были те, кто заболевает первым, и те, кто не болеет вовсе...

— Монсеньор! — выпалил вбежавший Жильбер, за которым маячил парень с прилипшими ко лбу волосами. Очень знакомый. — Ранен полковник Халлоран. Тяжело... У Двух Рыцарей настоящий бой!..

— Мевена ко мне! И Рокслея! — Иноходец обернулся к кавалеристу. — Ты ведь Пол?

— Монсеньор...

— Рассказывай.

4

Примета дурных времен — не злобствующий астролог с гороскопами наперевес и даже не трупы на холтийском ковре, а водворившаяся в аббатство красавица без камеристок и багажа;

не считать же за таковой Валтазаровы вазы и футляр с маской. Вазы отправили в апартаменты Левия, но шкатулку с маской Габетто собственноручно водрузил на высокий стол у окна; зимой отсюда смотрел на улицу Росио. Когда мог стоять...

— Сударыня, я могу что-то для вас сделать? — Церковник обращался к Арлетте, но в присутствии почтенных дам глаза мужчин так не блестят.

— Узнайте новости, если они есть. Через полчаса мы будем рады их выслушать, а сейчас просим нас извинить.

Понял, ушел, но в названный срок заскулит под дверью. Арлетта сбросила мантилью и заглянула в футляр. Древний лик мирно покоился на черном бархате.

— Что она? — хрипловато спросила баронесса.

— Спит... Камеристку я отпустила в город к родным, видимо зря, остальные служанки помогают лекарю. Нам придется обходиться своими силами. Вам помочь?

— Нет... Сейчас нет, а вам?

— Только с жаровней, если вы умеете готовить шадди или шоколад и если вы их хотите.

— Шоколад, но я ничего не хочу.

— Тогда будете поить им Габетто. В обмен на новости... Умыться вы тоже не желаете?

— Я привела себя в порядок после того... До вечера лицо лучше не трогать, но я могу помочь вам.

— Сперва спровадим нашего бравого защитника. Выезжать придется ночью, и лучше бы отдохнуть впрок. Вы что-то хотите сказать?

— Нет... Сударыня, разве вам не неприятно мое общество?

— Катарине Ариго вы этот вопрос, случайно, не задавали?

— Задавала! — блеснула глазами баронесса. — Ее величество ответила, что ей неприятно общество тех, кого ей навязывают, а меня она захотела видеть сама.

Катарина умела отвечать, и бороться тоже умела, и добиваться любви. Какой же дурой в сравнении с ней была Алиса, потому и умерла никому не страшной старухой.

— Я выбираю друзей по своему желанию уже лет пятьдесят, и я желаю счастья Ро, он его заслужил.

— Спасибо! — Как же она хороша, как же божественно она хороша, особенно в черном и без светской улыбки на губах! —

Спасибо, но... Вы же знаете, что граф Савиньяк... был у нас частым гостем?

— Знаю, но Лионель — человек скрытный, Валме говорил о вас больше. Ваш совместный визит в Ноху меня просто восхитил. Вы серьезно рисковали.

— Я сделала то, что была должна. — Она явно не собиралась вспоминать. — Сударыня, Робер рассказал, что ваш младший сын потерялся... Он вернется к вам, они все вернутся, обязательно!

Может, это была вежливость, может, благодарность, но Арлетта Савиньяк слушала и верила, что война кончится и мальчишки уцелеют. Все трое.

5

Случилось именно то, что рано или поздно не могло не случиться. Патруль присматривал за очередным сборищем, но не вмешивался. Потом ремесленники затеяли драку между собой, солдаты стали их разгонять, и камень из пращи угодил в офицера. Тот свалился под ноги дерущимся, подчиненные его подняли, а он уже мертв — нож под лопатку... Кавалеристы озлились, схватились за палаши, трупов стало больше. Дерущиеся живо помирились и бросились на солдат, но пара залпов отнюдь не в воздух заставила их попятиться.

— А ваш полковник?

Халлоран примчался с подкреплением, и получаса не прошло. При виде вылетающей на площадь длинной вереницы всадников толпа шарахнулась к домам, а затем начала как-то быстро рассасываться по окрестным улицам. Солдаты немного успокоились, Халлоран начал отдавать распоряжения, и тут — арбалетная стрела с ближайшей крыши. Вот этого никто не ждал, растерялись, потом снова... разозлились. Что творится у Двух Рыцарей сейчас, Пол не знал.

— Иоганн, Дэвид, всё слышали? Я — к Двум Рыцарям, вы отвечаете за дворец. Усилить караулы, проверить все калитки, дверцы и прочие дыры. И собираться! Чтобы к вечеру были готовы.

— Не помешало бы, — подал голос Инголс, — отправить людей к прогулочной пристани. Там должны быть церемониальные барки.

— Отправьте! — уже с порога крикнул Эпинэ. — Жильбер, Пол, за мной!

Сегодня дворцовые коридоры были особенно бесконечны. Перед глазами мелькали картины, гобелены, трофеи, презенты, реликвии... Что-то осталось от Франциска, что-то добыли в Двадцатилетнюю, что-то прибавила Алиса, что-то — Катари, что-то — Альдо...

— Робер, — окликнул шагавший рядом Мевен, — лучше, если поеду я. Место Проэмперадора рядом с принцем.

— К Леворукому! — Сдерживать себя и дальше Иноходец уже не мог. — Мне надо видеть, что творится в городе... Видеть собственными глазами!

— Вряд ли зрелище будет приятным. — Откуда-то взявшийся Салиган уже успел испакостить мундир. — Не волнуйтесь, Мевен, я за ним прослежу. Кстати, Эпинэ, я взял Сону. Временно...

— Заткнитесь, — велел Робер обоим и отвернулся. В глаза чуть ли не сиганула огромная бело-золотая шпалера. Эридани Самопожертвователь на пороге Лабиринта... Насколько было бы легче, имейся в Олларии катакомбы с чудищами, к которым можно войти и закрыть за собой дверь, хотя на шпалере была решетка...

6

Габетто столь откровенно не обрадовался появлению Пьетро, что Арлетте стало по-девичьи весело. Беспорядки беспорядками, но Марианна на молодого офицера впечатление произвела, вот и не мог Джакопо не сделать вокруг красавицы пару лишних кругов. И не потому, что надеялся, нет, но ведь мужчина же!

Графиня с трудом сдерживала улыбку, пока прерванный на полуслове теньент клялся вернуться так быстро, как только ему позволит служба. Марианна, опустив ресницы, просила не спешить, вызывая у Арлетты законную гордость за не сломавшего шею на таком барьере сына. Окрыленный Габетто убежал к своему капитану, баронесса предложила Пьетро шоколад. Монах немедленно согласился, и Арлетте смеяться расхотелось, потому что именно таким тоном ее мужчины, пытаясь

скрыть что-то страшное, соглашались поесть, выпить, даже написать скучной родне.

Марианна взялась за кувшинчик, Арлетта — за портьеру. Двор был безмятежен, но это означало лишь то, что непосредственно резиденции кардинала ничто не грозит. За спиной баронесса просила помочь с жаровней, видимо, агнец сумел и это, потому что запахло специями и сладкой горечью. Арлетта любила этот аромат больше самого́ шоколада, но в Нохе он был неуместен, как и ослепительная красавица, пусть и надевшая черное. Серого у Марианны, видимо, просто не нашлось.

Из-за угла появился патруль — трое солдат, как положено. Шли спокойно, обычным шагом, и от них досадливо разбегались не желающие взлетать голуби. Полный порядок, только Пьетро встревожен, а Габетто вызвал капитан, уже выслушавший и о матерьялистах, и о прижавшем уши городе.

Левий как раз на улицах... Что-то с ним? Вряд ли. Кардинал водворившимся в Нохе дамам почти никто, про него сказали бы сразу. В отличие от Ро...

— Боюсь, Коко счел бы, что я пересластила, — извинилась сзади баронесса. — Да, в самом деле...

Патруль скрылся, и тут же пробило четыре с четвертью. Гарнизон Нохи живет по часам и точен как часы. Гарнизон Нохи знает свое дело, на него можно положиться.

— Сударыня... — Подавать дамам горячие чашечки Пьетро умел. Арлетта поблагодарила и взяла. Сахара Марианна в самом деле переложила, но в целом вышло неплохо. Лучше, чем у Алисы, о чем графиня и сказала. Королевский напиток выпили молча, потом Марианна извинилась и вышла. Долг разогнавшей служанок хозяйки требовал догнать и предложить помощь, но Арлетта обернулась к монашку:

— Мы одни, вы обеспокоены. Чем?

— Все мы пребываем в тревоге...

— Верно, но подвиги Котика вас не взволновали. Поверьте, самый верный способ напугать женщину — это предоставить ее собственному воображению. Страх, названный по имени, — четверть страха. Что случилось?

— Ничего нового.

— Хорошо, — Арлетта избавилась от чашки, — я спрошу Габетто, не скажет — пойду к капитану. Мне не нравится бояться не за себя. Что с герцогом Эпинэ?

— Я не знаю ничего, что заставляло бы тревожиться о Проэмперадоре особо.

7

Фабианова площадь была пуста. Пусты были и прилегающие к ней улицы. Окна домов закрыты ставнями, двери и ворота заперты. Копыта стучат по булыжникам, вернее — гремят в столь непривычной для этого времени и места тишине. Лето. День. Столица...

На углу Триумфальной Робер привстал в стременах и оглянулся. Увидел. Собственную кавалькаду, настороженную и ощетинившуюся оружием. Такого даже зимой не бывало, в дни суда над Алвой.

— Вам что-то не нравится? — хмыкнул так и не отцепившийся Салиган. — Мне тоже.

— Тогда за какими кошками вы за мной таскаетесь?

— Боюсь.

— Чего?!

— Боюсь. Страшусь. Трушу. — Неряха маркиз коротко хохотнул, но Робер внезапно ему поверил. — Стоит мне от вас отстать, сразу будто веревка на шее... И волочет.

— Куда?

— На живодерню, видимо, — с отвращением предположил Салиган. — И еще деточка наша вопить принимается.

«Деточка...» Щербатая девчонка без тени, которой ты так боялся и о которой вдруг забыл. Напрочь!

— И сейчас вопит?

— Нет, под бочком у вас тихо, будто в гробике.

— Тогда заткнитесь.

Несколько минут почти тишины, и вот вам! Справа и впереди — шум и гул, то и дело дополняемый треском, который ни с чем не спутать. Проклятье, стреляют часто, это не попытка кого-то напугать, это действительно бой!

Дать бы Дракко шпоры и в галоп, только нечего брать пример с неосторожного Халлорана.

— Перейти на рысь. Тератье, бери пару человек, и вперед, на разведку. Мы — за вами.

Стрельба будто в насмешку становится реже, шум стихает. Справляются.

Позади заголосили колокола — кому-то приспичило молиться или... наоборот? Неумелый колокольный звон и конский топот вытесняют другие звуки, а ослепшие дома и лавки так похожи. Слепые тоже похожи, насмотрелся он на них в Агарисе, лица самые разные, а выражение одно — отрешенное, знающее, обреченное. Еще один колокол, совсем близко! Этот звонит как положено — отбивает время... Надо же, хоть кто-то в этом городе занят своим делом.

— Монсеньор, чисто!

«Чисто»... Пусто. Мертво. Площадь люди Халлорана так или иначе очистили. По крайней мере, от живых.

— Господин Проэмперадор, мы были вынуждены... Они подняли руку на солдат. И полковник... — Взявший командование на себя худой капитан был полон решимости защитить подчиненных, в отместку за своего полковника уложивших на брусчатку не меньше дюжины обывателей. Телá говорили сами за себя: опять обычные горожане, прилично одетые, сытые, не чужаки-голодранцы и даже не «висельники».

— Что Халлоран? Рана тяжелая? Лекаря хоть нашли?

— Полковник Халлоран умер. Арбалетная стрела с чердака. В спину, чуть ниже лопатки...

— Проклятье!.. — Значит, крыши и чердаки... Как осенью с Жанно. Вот только сейчас не одинокого стрелка гонять придется, а взнуздывать разбушевавшуюся толпу. Тóлпы... — Где тело?

— В церкви. — Ах да, тут же еще и церковь торчит. Двери распахнуты, будто идет служба.

— Живые внутри есть?

— Только наши, при полковнике. Эти... Пытались там спрятаться, ребята повыгоняли. Нам только удара в спину из божьего храма и не хватало.

— В церкви тоже стреляли?

Нет, выгоняли криком и пинками, оружие в ход не пошло. Напуганные яростью кавалеристов, горожане внезапно смирились и растеклись по ближайшим улицам и переулкам, не

осмеливаясь приближаться к солдатам, держащим мушкеты наготове. Пара дюжин кавалеристов, где уговорами, а где силой открыв двери выходящих на площадь домов, поднялись на крыши, сейчас оттуда смотрят.

— Капитан...

— Гедлер.

— Я помню. Смените перевязь на полковничью. — Темноты еще ждать и ждать, хотя сейчас сам Леворукий не скажет, принесет ночь покой или город окончательно свихнется. — Жильбер!

— Монсеньор?

— Пошли к Мевену... Не меньше десятка пошли, чтоб добрались наверняка. Пусть Рокслей выметается, как только будет готов. Если барки в порядке, лучше по Данару... Нет, никаких «как только»! Эдак он с няньками и тряпками до ночи провозится. Час от получения приказа, и ни минутой больше. Гедлер, я хочу проститься с полковником.

8

— Герцог Алва, — проникновенно солгала графиня, — при всем своем безбожии очень ценит ваши... молитвы.

— Создатель да позволит мне и впредь...

Ли она уламывала полночи. Уломала, но родную кровь понять легче, даже слегка озмеевшую, к тому же Бертрам не желал видеть в Эпинэ Маранов, а единственный уцелевший сын Жозины по закону оставался наследником. До поимки и королевского суда, но оставался.

— Графиня, — Марианна стояла совсем не в тех дверях, через которые вышла, и Арлетта вспомнила о ходе для слуг, — солдат внизу говорит, вокруг Нохи собирается народ... Нам нельзя выходить из наших комнат.

— Значит, не выйдем. Пьетро, что вы теперь скажете?

— Будем уповать на милость Его.

— Я уповаю. Когда жду сыновей, потому что больше мне не остается ничего, а сейчас я просто хочу знать. Чтобы, в конце концов, переодеться! Однажды я уже бежала в домашних туфлях, поверьте, это очень неудобно.

Такие вещи до мужчин доходят, до настоящих мужчин, вот мэтр Капотта нипочем бы не понял... Турухтану опять повезло, он в безопасности под замком у Бертрама, как и Шабли в Лаик. Трусам часто везет, но ведь трусами были и матерьялисты. Пока не сбесились.

— Горожане, — Пьетро достал четки, — бродят вокруг аббатства.

— И только?

— Я бы сказал, что их число увеличивается. — Жемчужинки катились по нитке мутными дождевыми каплями. — Я видел со стен, как те, чьи сердца исполнены злобы, грозят обители кулаками и палками. Некто с черной лентой швырнул в ворота камень и, гордый своим злодеяньем, торопливо удалился. Подобное зрелище наполняет душу тревогой и скорбью о заблудших, я не стал задерживаться.

— Я бы тоже не стала. — Марианна опустилась в кресло и положила руки на колени. Коко хорошо ее вышколил, прямотаки отменно, но не тискать платье и не причитать еще не значит не бояться.

— Поверьте женщине из дома Савиньяк, — твердо заявила Арлетта, — на такие стены никто не полезет, особенно если сверху пригрозить мушкетами, а люди у его высокопреосвященства опытные и храбрые. И надежные...

Те, кто остался, — надежны, и незачем думать, что стены бывают не только защитой, но и ловушкой.

Стукнула дверь, явился Габетто с фальшивой улыбкой и бодрым голосом. Оказалось, офицеры решали, нужно ли посылать в город к Левию, чтобы тот вернул часть гвардейцев в аббатство. Решили, что преждевременно, но предупредить о толпе на площади не помешает. Пара человек вышла через боковую калитку, благо народ собирается только перед главными воротами, и отправилась на розыски кардинала.

— Госпожа графиня, госпожа баронесса, клянусь, — почему чем напористей клянутся, тем меньше верится? — здесь вам никто не причинит никакого беспокойства. Поверьте, ничего...

Тоненько зазвенела ложечка, оставленная в чашке из-под шоколада. Графиня с детства бросала вещи где попало, вот и сейчас, наседая на Пьетро, она поставила чашку на плоскую

шкатулку, в которой Коко хранил свое сокровище. Звон раздражал, Арлетта взялась переставить чашку на стол и поняла, что шкатулка трясется, будто крышка кипящего котла. Графиня повернулась якобы к окну, загородив вместилище маски от посторонних, и нажала на головы двух стрекоз. Щелкнул замок. Лицо на черном бархате расплывалось и дрожало, будто стало собственным отражением в ветреный день. Виси подобное на стене, точно бы «шмякнулось», а так дрожи́ не дрожи́...

Арлетта осторожно опустила крышку. Никто ничего не заметил, только Пьетро посоветовал уповать, помимо силы оружия, еще и на милость Создателеву, но мало ли что он имел в виду.

— Господа, — графиня Савиньяк непринужденно улыбнулась, — вас не затруднит покинуть нас с баронессой на некоторое время?

Глава 11

БЕРГМАРК. АГМШТАДТ

400 год К. С. 7-й день Летних Молний

1

Мать, знакомо щурясь, расшнуровывала Марианне корсаж. Одного этого хватало, чтобы признать происходящее полным бредом, а ведь еще были странноватая сводчатая комната и тишина. Кромешная, мертвая, и Лионель не выдержал — окликнул занятых своими делами дам.

— Сударыни, я, видимо, несколько не вовремя?

Собственный голос маршал услышал. Он сам — не мать и не что-то торопливо говорящая баронесса. Ли помнил эту ее манеру быстро и хрипловато почти шептать, чуть нахмурив умело подщипанные брови. Когда Марианна *так* заговаривала, ей мало кто ухитрялся отказать, но мать, кажется, устояла. Покачала головой и, закончив работу, отступила, задев локтем сваленные на кривоногий столик вещи. Те рухнули вниз разноцветным обвальчиком, и вновь — ни звука, просто мраморный пол внезапно усеяли осколки. Один, с лишившейся крыла

алой бабочкой, отлетел к сапогам Лионеля. Маршал наклонился и не смог ничего поднять — пальцы проходили сквозь фарфор, словно тот был дымом, а вот пола он, кажется, коснулся. Рука, во всяком случае, в восьмиугольные каменные плитки не ушла, впрочем, понять, прохладны те или теплы, не получилось, зато собственный лоб был горячим, и пульс на запястье бился, как после хорошей пробежки.

— Мама! — вновь позвал Проэмперадор Севера. — Мама, вы меня слышите?

Снящийся отец откликался всегда, мать не ответила. Отвернувшись от полуголой баронессы и придерживая ярко-синюю штору, она на что-то смотрела, и вряд ли это было жестом вежливости. За окном явно творилось нечто важное, но Марианна была ближе, и Лионель счел правильным к ней подойти. Баронесса торопливо переодевалась; оказывается, она умела делать это быстро и некрасиво. Уже зная, что его не увидят, не услышат, не почувствуют, Ли положил руку на обнаженное плечо. Рука прошла сквозь белое тело, как парой минут раньше сквозь осколок; ничего не заподозрившая Марианна продолжала запихивать рубаху под нижнюю юбку. Ждущее Звезду Олларии пестрое платьице было совсем простым и наверняка принадлежало отсутствующей служанке, причем не камеристке. Куда та, к слову сказать, подевалась?

Попытка обнять мать тоже ни к чему не привела. Отчаянно щурясь и бездумно теребя пальцами синий атлас, та упорно во что-то вглядывалась; материнская спина мешала видеть, во что именно. Ли заставил себя шагнуть сквозь встревоженную близорукую женщину и увидел залитый солнцем дворик, над которым нависало тяжеловесное здание. Такое знакомое...

— Ноха! — Маршал произнес это вслух, чтобы еще раз себя услышать. И убедиться. — Это Ноха, мама, а не... Надор.

2

Что бы он делал, если б был Давенпортом? Чтó бы думал, разминувшись с Давенпортом? Ли глубоко вздохнул и задержал дыхание, унимая разогнавшееся сердце. Он не собирался забывать, что торчит в Агмштадте, а седьмой день Летних Молний тридцать четвертого и самого странного года его жиз-

ни еще не иссяк. Маршал отлично помнил, чем занимался за мгновение до того, как в монастырском сумраке блеснули плечи Марианны. В то, что он спит, как спал в ночь гибели Надора болван Давенпорт, верилось с трудом, однако выжатые из обидчивого капитана подробности совпадали с происходящим до мелочей. Лионель все видел, но ничего не слышал, не чувствовал ни холода, ни тепла, проходил сквозь предметы и людей и, кажется, был не только невидим, но и неуязвим. И его зашвырнуло в Ноху, где почему-то оказались мать и совершенно ей не нужная Марианна. Как они встретились? Кем были в эсператистском гнезде? Гостями непонятного Левия? Беженками? Пленницами? Паломницами? Это они-то?!

Лионель развернулся и отшагнул в оконную решетку, чтобы еще раз оглядеть комнату и тех, кто в ней. Мать, за которую он вторую неделю боялся, все еще щурилась на пустой двор, переодетая Марианна смирно сидела на краешке стула, выпрямившись и положив руки на колени, словно благовоспитанная девочка. Она вновь была хороша, но вряд ли об этом думала.

Женщины ничего не могли объяснить невидимому гостю, а он не мог быть им ничем полезен. Все, что оставалось Ли, — понять, что же здесь творится, и он отправился понимать, пройдя сквозь не способную его удержать дверь.

Чарльз носился по обреченному Надору — Лионель осматривал Ноху быстро, но спокойно. За дверью обнаружилась лестница, ведущая во что-то вроде прихожей, там перебирал четки монах, ближе к выходу обретались шестеро солдат в сером и теньент с напряженным осунувшимся лицом. Мать с баронессой не стерегли, а защищали — Ли повидал слишком много офицерских физиономий, чтобы ошибиться.

Сколько у него времени, маршал не представлял, но «приемную» он обошел дважды, с некоторым облегчением убедившись в толщине стен и оконных решеток. Наверное, раздался стук, наверное, условный. Солдат распахнул дверь, впустив еще троих церковников, — пожаловало подкрепление. Теньент что-то коротко приказал и шагнул через порог, спутника-маршала он, само собой, не заметил. Они очутились во дворе флигеля, прежде тут жил хранитель Старого архива. От главной площади внутренней Нохи домик отделяла стена в два человеческих роста, снаружи у калитки замерли еще двое в сером,

их головы были повернуты в сторону главных ворот. Офицерик едва ли не бегом устремился в противоположную сторону, надо думать, к начальству, но подслушать разговор Ли не мог, зато мог и должен был оценить вне всякого сомнения имевшихся врагов. Савиньяк окинул взглядом пустую и какую-то неприятную площадь и быстро пошел к главным воротам. Эту часть аббатства он, как и большинство столичных дворян, знал отменно. Тут он дрался сам и помогал другим, в юности — часто, потом череда своих и чужих поединков надолго прервалась. Тогда многое прервалось...

Бывший капитан Личной королевской охраны, бывший комендант Олларии, а ныне Проэмперадор Севера ускорил шаг, торопясь миновать внезапно ставший отвратительным проход.

Здесь они с Рокэ болтали о Манриках и ждали, когда вызванная четверка уверится, что дуэль не состоится. Росио смеялся, потом ушел убивать. Ли следил за кружением противников из укрытия, тогда он тоже не слышал слов, только выстрел, прервавший довольно-таки никчемную жизнь... Позже на этом самом месте он не заколол младшего Манрика, и тот получил лишний месяц. Любопытно, вспомнил ли «фламинго» перед смертью, что пожил больше, чем следовало...

Через площадь почти побежали серые гвардейцы. Надо думать, к воротам, но в бреду и во сне двери не нужны, а стена — вот она, и разгадка должна быть за ней. По привычке положив руку на эфес, Ли шагнул в то, что прикидывалось несокрушимой кладкой, и в самом деле оказался на площади. Лицом к лицу с оскалившейся толпой.

3

Глаза выпучены, пасти перекошены — только что слюна не капает, в руках палки и ножи, у некоторых алебарды, тесаки, топоры... Много, очень много женщин, и выглядят они не лучше мужчин.

Толпа катится к воротам, топча ногами тела. Их не так уж и мало — несколько десятков... Неудачники предыдущего штурма?

Ли обернулся и задрал голову — он мог себе это позволить, ведь его тело сидит над картами в Агмштадте, где в семь по-

полудни подают обед, а маркграф рассуждает о стратегии и тактике и угощает, угощает, угощает... Когда гость не выйдет к столу, Вольфганг-Иоганн пошлет за ним слуг, те объединятся с адъютантами и примутся стучать, сперва робко, потом все настойчивей. Если не удастся проснуться, вышибут дверь... Удалось бы растолкать Давенпорта прежде, чем он увидел все, что нужно? Нужно? Кому?

В радостное чистое небо прыгнули редкие дымные мячики: со стен стреляют — скупо и точно. Бьют по вожакам — однорукому простолюдину и всклокоченной старухе. Заводилы валятся, толпа останавливается, потом отползает, и не думая подбирать упавших. Дымки рассеиваются, мушкеты на стенах молчат. Берегут патроны? Жизни?

Старуха мертва, однорукий встает на четвереньки, потом на колени, грозит единственным кулаком серым стенам, за которыми прячется мать. Городской стражи не видно, как и пресловутых южан еще более пресловутого Карваля. Не знают? Не защищают эсператистов? Заняты в других местах?

На первый взгляд Ноха казалась почти пустой, а ведь Левий привел с собой полторы тысячи. Где же остальные? В казармах? Разбежались? Куда-то ушли? Уж не туда ли, где сейчас Эпинэ? И эти трупы у ворот... Дюжины три, а заряды церковники, похоже, все-таки берегут. Выходит, беспорядки начались не сейчас и вряд ли только здесь.

Тянуло вернуться и убедиться, что с матерью все в порядке. Надо было отыскать Левия с Эпинэ, осмотреть казармы и очнуться до того, как спохватятся бергеры. Давенпорт не сумел, ну так он пытался докричаться до молодого Хейла, а вам, господин маршал, звать некого, так что извольте уж как-нибудь сами...

Ли наклонился над одноруким. Раненный в бок, с прокушенной губой и белыми дикими глазами, тот дернулся и тупо пополз вперед, к воротам. Омерзение едва не победило рассудок, но тот все же не дал пустить в ход бессильную тут шпагу. Маршал перешагнул ползуна, будто чудовищного окровавленного слизняка; теперь он шагал сквозь толпу к горлу изрыгающей людской поток улицы. Он не слышал проклятий, не чувствовал вони, только смотрел на искореженные ненавистью рожи, в которые невозможно разрядить пистолет. Впрочем,

пистолета, хоть бы и бесполезного, у провалившегося в Олларию Савиньяка не имелось — для работы с картами вооружаешься грифелями и циркулем.

Толпа качнулась и поперла вперед; похоже, начинался очередной приступ. Лионель скользил сквозь прущий к Нохе народ, как застигнутый туманом корабль, — все вокруг было призрачным, кроме захлестнувшей площадь ненависти, и нужно было отыскать ее истоки. И стражников, если те где-то еще есть. В Олларии всерьез оборонять можно разве что пяток аббатств и Багерлее, но, единожды запершись, придется сидеть и ждать подмоги. Анселу удалось вырваться из столицы, но вояки Рокслея берегли собственные шкуры, эти — нет, а Ноха — самое крупное из аббатств. Надо «держать» почти хорну, а защитников внутри мало, рано или поздно где-то да не успеют. Ли обернулся к возвышавшимся над шапками, шляпами, чепцами, лохмами стенам. Кажется, еще не стреляют, а что творится у ворот, за сотнями спин не разглядеть.

Идти сквозь волны злобы было мерзко, хотелось закрыть глаза, чтобы не видеть разных и при этом отвратительно схожих лиц. Молодые, старые, мужские, женские, худые, толстощекие, бледные, налитые кровью — они были одинаковы, как брызги навозной жижи или блевотины, и они не иссякали. Площадь осталась позади, теперь Ли шагал вливавшейся в Голубиную улицу Ликторской; ее обитатели признаков жизни не подавали, и маршал их понимал. Миновав с дюжину запертых, а то и заколоченных домов, Савиньяк решил пройти к кавалерийским казармам напрямик, и как же прекрасен оказался пустой задний двор заколоченного «Солнца Кагеты»! Ли невольно замедлил шаг, с удивительным для него самого обожанием глядя на разбитые бочки и кусты чертополоха, покрытые напоминающими бритвенные помазки цветами. На одном сидела муха. Иссиня-черная, она, видимо почувствовав взгляд, взлетела с недовольным жужжанием, и Ли успел ее прихлопнуть, навеки впечатав в расстеленную по столу карту Южной Марагоны. Муха была бергерской, и сам он — кто бы сомневался? — благополучно пребывал в Агмштадте. Именно так: он пребывает в благополучном Агмштадте, а мать — в Нохе, и туда ломится обезумевшая, жаждущая крови сволочь.

Глава 12

БЕРГМАРК. АГМШТАДТ

400 год К. С. 7-й день Летних Молний

1

Перед обедом граф Савиньяк проминал своего жеребца. Разумеется, если не было дел поважнее, но сегодня не случилось ни гонцов, ни советов, ни приватных визитов — на то, чтобы это разузнать, умения у Луизы хватило. Госпожа Арамона, скромно и достойно одевшись — черное, и только черное! во-первых, траур по ее величеству, во-вторых, повергать своим видом в ужас больше не требуется, — загодя проследовала на конный двор. Расспросить про торскую породу и посоветоваться о будущей верховой лошадке для Селины. Все было рассчитано до мелочей, и встреча вышла бы совершенно случайной, но граф не пришел. Луиза осмотрела немалое число мохнатых крепеньких кобылок, выслушала уйму советов, неприлично долго разглядывала и кормила буланую ласкушу и все-таки была вынуждена попрощаться.

Выходов с конного двора было несколько, и госпожа Арамона, умелым маневром избавившись от галантного бергера средних лет, с золотыми подковами на перевязи, затерялась среди добротных каменных сараев. Савиньяк еще мог появиться, а она могла свернуть не туда, испугаться крысы, заблудиться... Да мало ли, главное — переговорить.

Хитрость была вынужденной, потому что капитаншу всерьез начинала тревожить маркграфиня. Сперва Луизе до нее было не больше дела, чем хвостатому Маршалу — до свеклы. Не слишком любящая жена не слишком верного мужа, эка невидаль! Свита Урфриды казалась попроще и подушевней столичного птичника, но удивляться этому не приходилось — глухомань. Госпожа Арамона как могла отвечала на расспросы, дуру из себя не строила, слишком умную, впрочем, тоже. Все шло отлично, а потом Луиза перехватила брошенный украдкой на Селину взгляд. Такой знакомый, такой ненавидящий! Именно так глядит ревность, причем ревность, готовая укусить.

Понять, по чьей милости Урфрида прижимает ушки, удалось быстро. Маркграфиня была умна и умела владеть собой, но о том, как Проэмперадор Севера повстречал госпожу Арамона, расспрашивала лично, причем дважды — адъютанта Савиньяка и сопровождавшего дам теньента из Надора. Разумеется, расспросы были упрятаны в равнодушную болтовню, но Луиза тоже знала, с кем и о чем разговаривать, и потом в Агмштадте обретался лишь один мужчина, достойный внимания дочки самого Рудольфа. До невозможности одинокой, это капитанша тоже поняла почти сразу, и она не могла допустить, чтобы у Сэль завелся *такой* враг. Была и еще одна мыслишка... Кое-что до мужчин лучше всего доходит через женскую ревность, а кое-куда даже умников приходится тыкать носом. Именно это Луиза и намеревалась проделать с Проэмперадором, а тот взял и запропал.

Расстроенная, пусть и не слишком, женщина бродила меж сараев, прислушиваясь, не зазвучит ли горн, — бергерскую манеру сообщать о прибытии почетных гостей хоть бы и на конюшню госпожа Арамона всемерно одобряла, но ехидная дудка молчала. Все мыслимые сроки прошли, и Луиза, не желая мозолить глаза конюшенному начальству, юркнула в узкий лаз, по всему — ведущий к ближайшей калитке. Она ошиблась — серая, местами тронутая плесенью кладка тянулась и тянулась, одуванчики под ногами сменила раскисшая мертвая глина, а выхода все не было. Только высокие, облупленные стены и сужающийся проход, очень похожий на тупик. Капитанша с неприязнью глянула на испакощенные туфли и повернула. Она и подумать не могла, что в Агмштадте отыщутся такие гнусные закоулки, однако же отыскались!

2

Адъютанты вскочили, всем своим видом выказывая, что усиленно ждут приказаний и знать не знают, откуда на ковре взялась семерка Волн. Господин маршал карту «не заметил», буднично велел не тревожить до обеда и закрыл дверь. Адъютанты дулись в тонто, на кухне повара маркграфа шли в решающую атаку на гору назначенной к вечернему съедению снеди, а свихнувшиеся столичные обыватели штурмовали Ноху...

Ли вернулся к столу, к карте, к прихлопнутой мухе. Сердце Проэмперадора билось неспешно и ровно, зато мысли неслись, будто лошади по скаковому кругу. Савиньяк не сомневался, что в самом деле видел столицу, хоть и не представлял, как это получилось Да, он в последние дни часто думал о матери, ее, судя по письмам, тоже многое беспокоило, но не более того. До смертного ужаса, что прорывается сквозь сотни хорн, хватая любящих, вернее уже *любивших,* за горло, им обоим было далеко, а если мать, готовясь к худшему, кого-то и вспомнит, то отца. Причина видений в другом, и причину эту сразу не найдешь. А дорогу в призрачную Ноху?

Муха, взлетев с цветка в безмолвной Олларии, зажужжала и нашла свой вполне материальный конец в Бергмарк. Он убил муху и вернулся в Агмштадт? Он вернулся в Агмштадт и убил муху?

Тикают часы, в солнечном столбе кружат пылинки. Так спокойно, так безопасно... «Виденья посылаются свыше», — учат клирики; «Видения непостижимы, — долдонят сьентифики, — их нельзя ни предвидеть, ни вызвать». А точно ли нельзя? Ли прикрыл глаза, восстанавливая в памяти мрачноватую комнату, неожиданно яркую синюю полосу шторы. Материнские руки теребят атлас, сталкивают со стола какую-то ерунду, расшнуровывают корсаж баронессы... Переодевшись, Марианна не пыталась прикинуться служанкой, так для чего ей мещанское платье? Ответ очевиден: в нем проще бежать, а ведь в Нохе с ее стенами и церковными гвардейцами всяко безопасней, чем в городе. Последнее объясняет переселение к Левию, но как графиня Савиньяк и баронесса Капуль-Гизайль оказались вместе и где, кошки его раздери, Констанс?! Спасает свои сокровища? Сплавил жену кстати подвернувшейся графине и спасает? Или пристроил самое ценное под крылышко Левию? Самое ценное? Самое... древнее?

Рожденная воспоминаниями о хитреце с морискиллами догадка еще не стала мыслью, а Ли уже отпирал походное бюро, где среди карт и писем скрывалась все еще завернутая в вышивку находка девицы Арамона. Сверкнуло и мелко затряслось не померкшее за века серебро, но рука Проэмперадора оставалась твердой — это маску била дрожь. Лионель едва не отшвырнул сгусток лихорадки, сдержался, положил на карту

и, уподобившись Рудольфу, прошелся по комнате. Собрался с силами, стал у стола, вглядываясь в зыбкие, будто отражение, черты и ощущая, как разгоняется его собственное сердце. Это могло быть шагом в Олларию, в заросший чертополохом двор. Это *было* шагом туда... По серебру чиркнул малиновый промельк, Ли успел удержать его взглядом, вытягивая, словно нить. Он увидит, он сейчас прорвется и увидит... Двор, разбитые бочки, сорняки, солнце...

3

После очередного поворота Луиза сдалась и позвала на помощь. Крик вышел глухим, словно бóльшую его часть впитали ноздреватые, слезящиеся стены. Ответа не было, как и эха. Женщина, сколько смогла, простояла на месте, вслушиваясь в показавшуюся запредельной тишину, потом завопила во всю глотку. Без толку — она слишком углубилась в старые склады, к которым примыкал конный двор. Ее не слышали, о ней не думали, ее не искали, мало того, вокруг стал подниматься туман. От Герарда Луиза знала, что в горах туману вылезти раз плюнуть, и все равно испугалась. Да, это было глупей глупого, но тишина, хватающая за каблуки глина и повторяющие друг друга проходы между одинаковых зданий вызывали ужас. Ко всему, госпожа Арамона одевалась для светского разговора в летний день, а не для беготни по промозглым задворкам. Холод породил злость, злость слегка вправила мозги. Капитанша вспомнила, что, постоянно сворачивая в одну сторону, вернешься, откуда вышел, потом сообразила, что уже раз десять поворачивала куда попало. Ничего, если в конце окажется стена, она просто вернется к ближайшей развилке, как-нибудь пометит проверенный тупик и займется следующим лазом. Резиденция маркграфа не так уж и велика, если не метаться наврóде безголовой курицы, выберешься.

Госпожа Арамона запрокинула голову, пытаясь разглядеть солнце и хотя бы понять, где юг. Не вышло — дневное светило сгинуло в туманных тюфяках. Это вновь придало злости, а значит, и сил. Мысленно простившись с обувью, Луиза приподняла подол и бодро зашлепала между уже не сараев, но самых настоящих равелинов, однако далеко уйти не удалось — грязь

стала непролазной. Когда ноги ушли в холодную серо-бурую кашу по щиколотку, женщина сочла за благо повернуть. Она сделала еще с сотню шагов, с трудом выдираясь из чавкающей глины, и поняла, что мельче грязь не становится. Оглянулась — за спиной было девственно гладко. Держась за стену, Луиза подняла ногу, стащила превратившуюся в какой-то похабный ком туфлю, перемазалась, немного успокоилась, глянула вниз. След никак не успевал затянуться. След исчез.

Что с ней сталось потом, женщина не осознавала. То воя от ужаса, то проклиная, она билась в каменной паутине, падала, поднималась, бросалась на стены, царапая скользкую кладку, куда-то бежала, пытаясь вырваться из ловушки, но камень, глина и туман держали крепко. Луиза вымокла до нитки, обломала ногти, сорвала голос и наконец, грязная и босая, вывалилась из словно бы выплюнувших добычу переходов. По глазам саданул ослепительный свет, и это было не солнце. Ядовито-зеленое, будто сладкий травяной сироп, сияние било свихнувшимся фонтаном прямо из каменных плит. Оно было завораживающе ярким, изголодавшиеся по цвету глаза вбирали в себя изумрудный мед, и госпожа Арамона не сразу поняла, где она. Слепо протянув вперед себя руки, женщина шагнула вперед.

— Иди вон! Вон!

Луиза вздрогнула и увидела. Небо. Солнце. Ноху. Дочку.

Там, где лукавый олларианец пугал придворных дур россказнями о призраках, била ножкой по пронзенной толстенным лучом плите Цилла. Дочка была в той же ночной сорочке, в которой ушла с отцом, только на головке вместо чепчика сверкала корона, а за спиной трепыхались вызолоченные крылышки. Больше между бывшей часовней королевы и заново оштукатуренным огромным зданием не было никого. Только столб зеленого света и они с Циллой. Капитанша провела ладонью по лицу. Оно, да и рука, и платье оказались сухими и чистыми, а вот туфли все-таки потерялись. Где?

— Иди вон! — крикнула кому-то Цилла. — Вон! Это мой город! Не дам!!!

Сиянье слегка поблекло, а может, Луиза начала к нему привыкать. К нему, к босым ногам, к дочке без тени и ее короне. В Олларию не пройти — так говорят и Зоя, и скотина Арнольд,

но она прошла. Прошла! Она бы и в Надор прорвалась, если б там остались ее дети, а не бедняга Эйвон с Айри...

— Пошел вон! Гад-дурак, дохлый рак!

Маленькая круглая пятка с силой ударилась о камень. Святая Октавия, она же ногу отобьет.

— Цилла! Цилла... Маленькая моя... Стой...

— Ну тебя, — буркнула дочка и вдруг присела на корточки. Так она делала, собираясь играть в могилки. — Отстань! Мамка-шелупявка, на заду пиявка...

4

Теперь Лионель знал — нельзя отдаляться от Нохи. Чертополох, солнце, толпа — они могут что-то значить, а могут быть просто бурьяном, просто летом, просто бунтом, вот чем они не являются точно — в этом Савиньяк не сомневался, — так это бредом. Маршал видел, как у чудом не тронутых ни Олларами, ни Альдо тяжелых ворот вспухает злобное людское болото, чтобы нехотя отползти назад, оставив на некогда чистых камнях клочья мертвой тины. Подмоги все не было, но положение осажденных бедственным пока не казалось; если, разумеется, стрелки скупились на смерть не из-за нехватки пороха, а из здравого смысла. Ли надеялся, что так оно и есть, тем более что толпа все прибывала, изливаясь сходящимися к монастырю улицами. На то, чтобы затопить всю площадь, ее пока не хватало, да и на штурм по своим же трупам добрые обыватели рвались не слишком, и все же зрелище особых надежд на спокойную ночь не подавало.

В Нохе Лионель разыскал старшего церковника и остался доволен — несомненный ветеран, тот головы не потерял. Его помощники — капитан и несколько теньентов выглядели собранными, напряженными, но спокойными. Ни следов страха или, того хуже, позаимствованного у врагов безумия. Кому следует находиться на стенах, те льнут к бойницам, прочие — в ближнем дворе, и их, к сожалению, меньше, чем нужно, раза в три.

Часы на колокольне показали четыре пополудни, в Агмштадте тоже должно пробить четыре, значит, до трапезы у маркграфа три часа, время есть. Мушкетеры на стенах смени-

лись, тех, кто спустился вниз, ждал обед. Ли, еще раз похвалив ветерана, о чем тот, разумеется, не подозревал, занялся выходящими на площадь жилыми домами. На первый взгляд пустые, они могли многое рассказать о городе, и они рассказали.

Большинство было покинуто, некоторые — давно, из других уходили в последние дни, а может, и часы; где-то озаботились укутать мебель небеленым полотном и снять лампы, где-то побросали даже иконы и седоземельские меха. Взгляд маршала скользил по засохшим гераням, распахнувшим голодные пасти сундукам, валяющемуся на пороге деревянному паяцу, рассыпанной крупе, на которой безнаказанно пировала мышь... Через стену от обжиравшейся счастливицы молились люди: шесть коленопреклоненных фигур среди наспех увязанных тюков, на одном надрывается спеленатый младенец. Следующий дом был пуст, а в особняке напротив женщина убивала мужчину. Жертва, беззвучно разевая рот, истекала кровью, убийца в нарядном желтом платье, блаженно улыбаясь, любовалась зрелищем, а потом ткнула еще раз чем-то, что показалось Лионелю вертелом. Маршал запомнил обоих и шагнул сквозь обтянутую веселой, в цветочки и бабочки, тканью стену. Он вернулся на площадь как раз вовремя, чтобы увидеть, как вдоль стены со стороны города Франциска надвигается новая толпа.

Численностью гораздо меньше клубящейся напротив главных ворот, но куда лучше вооруженная, она состояла только из мужчин самого подозрительного вида. Савиньяк ускорил шаг и вгляделся. Да, все верно: у большинства тесаки и длинные кинжалы, но мелькают шпаги, палаши, а кое-где даже пистолеты.

Впереди в окружении десятка головорезов вышагивал голенастый малый с картинно обнаженным клинком, эдакая пародия на увлекающего в битву солдат генерала. Не будь в Нохе матери, Савиньяк, возможно, и улыбнулся бы, припомнив себя у Ор-Гаролис, но мать была там, внутри, и никакие торские победы и договоры не меняли того обстоятельства, что на одного защитника аббатства теперь приходилось не меньше полудюжины мерзавцев, знающих, как держать оружие. И это не считая продолжавших осаждать ворота горожан, а те уже завидели пополнение и возликовали.

Наверное, они орали что-то приветственное, орали и потрясали палками, топорами, кулаками. Ненависть, которую люди честные питают к городскому отребью, была забыта: явились союзники, более того, вожаки! Ободренный голенастый вдобавок к абордажной сабле вытащил еще и пистолет. Жест показался знакомым, но Савиньяк и так догадался, на кого смотрит. Новая «Тень», возведенная Рокэ на престол взамен прикормленного сразу и супремом, и кансилльером крысенка. В краткую бытность комендантом Олларии Ли пару раз видел этого... с ошейником, и не убил. Скольких они с Росио не убили, когда могли, и счет надо было открыть Сильвестром.

Ускорив шаг, Лионель обогнал вновь прибывших и в который раз за этот бред обернулся, оказавшись с предводителем лицом к лицу. Память не подвела: это в самом деле был король «висельников»... Его звали Джанис, и он, не дойдя до толпы всего пару шагов, разрядил свой пистолет в брюхо грозившему Нохе кулаком мастеровому.

5

Цилла сидела на корточках, глядя исподлобья, и настырно бурчала:

— Не-дам-не-дам-не-дам-не-дам!..

Внимания на мать паршивка больше не обращала; раньше она так себя вела, если поблизости торчал Арнольд. Луиза завертела головой в поисках покойного мужа, но они с Циллой по-прежнему были одни: ни Арнольда, ни Зои, ни того, кому дочка не желает чего-то давать... Никого.

— Вот тебе! Шлёпа рачья! — Цилла вскочила и широко улыбнулась. Не матери — чему-то, что ей очень нравилось. Быстро облизнула губы и вприпрыжку побежала к воротам. Впереди дочки огромным мячом скакала коронованная круглая тень. Тень, которой у мертвой не может быть... Луиза ущипнула себя за руку, стало больно, но Ноха осталась Нохой, только пустой — ни человека, ни воробья. Наверху сверкнуло — Цилла била в ладоши уже на крыше бывшего архива, как раз над залом, где Оноре спорил с придурочным епископом.

У-гу-гу, у-гу-гу,
Я могу, могу, могу...

Как она сама взобралась к дочке, капитанша не поняла и не запомнила, она вообще отчаялась хоть что-то понять в своей безумной беготне. Просто приняла, что стоит у трубы ближе к гребню крыши, а ниже Цилла играет с зеленью, что призрачными волнами накатывает на старую черепичную кладку. Подобрав сорочку, дочка со смехом подбегала к самому краю, спускала ножку, шевелила пальчиками и отскакивала назад, почти к самой трубе, а за ней тянулась сверкающая волна, над которой кружило что-то неспешно-летучее, словно надорская моль обернулась не то ленивыми брызгами, не то почти изумрудными искрами...

— Я туда, туда, туда...
Я — беда, и ты — беда!

Растущий, распухающий на глазах столб света, залитые неживым сияньем крыши, дочкин смех и песенка. Веселая, торжествующая. Цилла может, может, может... Она пляшет и смеется, она счастлива, ведь она может...

— Цилла, девочка моя...

— Ну тебя!

Луиза не обиделась. Какой бы дикостью и грехом это ни было, она тоже чувствовала себя счастливой. Ее девочка тут, и ей хорошо. Лучше, чем было дома... И Арнольду, мертвому, лучше, и Зое. Они не хотят назад к «горячим», где их мало любили, но и не злятся, ведь теперь у них все в порядке. Цилла никогда так не смеялась, никогда!

— Маленькая моя, прости меня... нас!

Не слышит и не слушает, у нее теперь своя жизнь... Жизнь?!

Глаза режет, душно, что-то тяжелое рокочет, ворочается там, за острым гребнем, будто ярмарка шумит.

— А ты мой, а ты мой...
Я беру тебя, король!
У-гу-гу, у-гу-гу,
Я могу, могу, могу...

Арнольдовы считалочки. Маменька за них била внуков по губам, теперь маменька — графиня; Арнольд не хочет в зятья графа, вот Цилла и ухватила короля... У дочки, у ее уродливой малышки, есть свой король, оттого и корона, но откуда кры-

лья? И зачем? Неужели летать? Хотя как иначе попасть на крышу? На гребень крыши? А Цилла больше не играет с зелеными волнами, она смеется, она бежит вниз!

— Ха! Не слушались? Вот вам! Тра-та-та, а-та-та!..

— Стой... Упадешь! Тут высоко!

Не падает. Застывает на самом краю, сосредоточенно смотрит. И Луиза тоже смотрит, как, перехлестывая ворота Нохи, на ставшую прудом площадь изливается тягучий сверкающий поток. Пруд прозрачно-зелен, и на его дне идет драка. Не заметившие того, что они утонули, люди калечат и убивают друг друга. Неспешно, плавно, лениво, и эта лень не дает отнестись к заливному из смерти серьезно. Вот это, медленное, светящееся, зеленое, оно просто не может быть настоящим!

— Эге-гей, дядьку бей,
Носа, глаза не жалей!
У-гу-гу, у-гу-гу,
Я могу, могу, могу...

Госпожа Арамона отшатнулась и вцепилась в трубу — она вспомнила! Вспомнила, причеши его хорек!

Пущенный сонной рукой камень плывет в ставшем смолой дыму, попадает в изнемогшего старика, и тот оседает на мостовую... Ему не спастись, он это знает и не борется с неизбежностью. Зачем? Медноволосый одиночка надвигается на окутанную зеленью толпу — такую же, что сейчас раздирает себя внизу. По небу скользит ворона с чем-то блестящим в клюве, бессильные колокольни тычутся в равнодушную вышину... Весна, цветущие каштаны, канун праздника.

Вот и да, вот и да,
Я — беда, и ты — беда...

Вот она, беда — смерть и зелень, зелень, в которой водорослями в гнилой воде вьются волосы и тряпки. Такое в Олларии уже творилось, и Луиза это видела, только снизу, с самого дна. Там было тихо-тихо, а здесь, на нохской крыше, пляшет и хлопает в ладоши радостная Цилла. Неужели дочка и тогда плясала над смертью, над безумием, над горящими складами, мертвыми мясниками, над обгорелым сукном и черными лигистскими лентами?..

6

По брови заляпанный чужой кровью оборванец увлеченно и умело полосует двумя кинжалами обступивших его ремесленников, и те один за другим валятся под ноги дерущимся, пока тяжелая шипастая дубинка не сокрушает затылок умельца.

Увлеченно размахивая какой-то палкой, вертится на месте дородная мещанка средних лет с развевающимися косами. За волосы ее и ловят — рывок, удар в спину, забившая фонтанчиком изо рта кровь... Унявший ведьму громила, глупо и беззвучно осклабившись, швыряет тело в стайку подмастерий с сапожными ножами, те подаются назад. Становится виден пожилой негоциант с багровой — пора пускать кровь — физиономией. Полнокровие — дело излечимое, а вот сумасшествие...

Из темного людского варева, то и дело приправляемого алым, пузырями всплывали перекошенные рожи, и маршал Савиньяк имел сомнительное удовольствие разглядеть свихнувшихся во всех подробностях. Собственно, только это он и мог, шагая вдоль края резни, и резня эта поражала как своей бессмысленностью, так и своим зверством. Маршал больше не перешагивал трупы и не уворачивался от бьющей в лицо бесплотной крови — он почти привык, только мелькнула короткая четкая мысль: в настоящем бою опыт призрачной прогулки, если его не отбросить, будет стоить головы. И хорошо бы бывать лишь в таких боях — с пушками и солдатами в мундирах.

Не отдать должное ожесточенности схватки Ли не мог — дрались на площади самозабвенно, не заботясь о собственной шкуре, главное — дорваться до очередного врага, перерезать или даже перегрызть ему горло, выпустить кишки, раскроить череп... Вчерашние мирные, запуганные, не сподобившиеся дать отпор ни чужакам, ни мародерам обыватели забыли, что значит страх, но перестать бояться еще не значит стать бойцом. Желания убивать хоть отбавляй, а сноровки маловато, «висельники» же худо-бедно, но бойцы, с оружием знакомы не понаслышке, орудуют им умело и споро. Неумехи с корявыми руками таким не соперники, если задавят, то разве что числом, но нет! Несколько минут бешеной мясорубки — и горожане сперва пятятся, потом шарахаются в овраги улиц. Сла-

ва Леворукому, они все еще боятся. И пуль, и вылезших среди бела дня на улицы «висельников». Только тем-то что понадобилось?

Если бы подданные «Тени» грабили, резали, насиловали, вламывались в дома, Ли понял бы, но они лупили горожан, даже не думая срывать с поясов порой довольно-таки пухлые кошельки и выдирать из ушей сбесившихся женщин серьги. Не стремилось ворье и оттеснить толпу от пусть огрызающейся, но добычи, чтобы поживиться самим. Никто не пытался под шумок влезть на стены, никто не пробовал улизнуть, даже раненые не выходили из боя, убивая, пока хватало сил, — Ли видел, как упавший с проломленной головой молодчик из последних сил подсек ноги здоровяку в лекарской мантии, больше напоминавшему мясника, чем врача. Это было уже на самом краю площади. Савиньяк отвернулся от упавших, выискивая глазами Джаниса. Нашел. Тот был жив и вовсю орудовал абордажным клинком; Росио не ошибся ни в морском прошлом упрямого «висельника», ни в нем самом.

7

Что-то происходило. Не внизу, где продолжалось сонное побоище, в самой Нохе. Луиза это почуяла за мгновенье до того, как Цилла, прекратив пляску, застыла, будто принюхиваясь. Маленькая, нахохленная, в яркой, сверкающей короне... Луиза тоже принюхалась — ничего, кроме принесенной откуда-то гари. Дочка поняла больше; зло топнув, она опрометью припустила по гребню крыши, будто по лезвию гигантского ножа. Луиза, путаясь в проклятых придворных юбках, кинулась за дочкой, но та пропала за трубами, и госпожа Арамона заметалась по оказавшемуся ловушкой скату. Ни слухового окна, ни лестницы — только враз ставшая осклизлой черепица. Будь капитанша в туфлях, она б уже валялась на камнях двора окровавленным мешком, но босые ноги чувствовали, куда можно наступать, а потом Луиза поняла, что удобней передвигаться ползком. Важной бархатной жучихой она перевалила гребень и начала спускаться. На внутренней стороне было не так страшно — часть крыши опоясывала невысокая балюстрада с загаженными голубями вазами. Женщина кое-как до-

бралась до ограждения и, вцепившись ногтями в крошащийся алебастр, глянула вниз.

Цилла была там, на просторной террасе с клетчатым полом. Поднимавшееся от разлитой по двору дряни сиянье делало черное темно-зеленым, а белое — мерзко-салатовым.

— Ну ты! — потребовала с террасы Цилла, ее корона вырывалась из вызеленённого мира радужным ярким пятном. — Где тебя кошки носят, скотина ты паршивая?! Мне не разорваться!..

Госпожа Арамона знала эти слова, как и позу — руки на боках, подбородок задран вверх. Они с Арнольдом ругались, Цилла подслушивала, вот и набралась...

— Оглох? Уши отвалились? Или ниже? Может, поднимешь задницу наконец? Ну и сокровище мне подсупонили! У людей мужья как мужья, а ты...

Детский голосок продолжал выкрикивать гнусные взрослые слова, а некогда изрыгавшая их дурища едва не грызла со стыда черепицу, потому и не поняла, что дочка не просто грубит, она зовет, изо всех сил зовет того, кто не идет.

— Паршивец-вшивец! — взвизгнуло внизу. Это уже не было торжеством, в тронутом смертью голоске слышались слезы, пусть и злые. — Ну где же ты? Кобелина-королина, по башке тебя дубиной!

Теперь во дворе пахло сладко и скверно. То ли мертвыми цветами, то ли мертвечиной. Зеленый мед затянул каменные плиты, но щели меж ними все еще виднелись, будто трещины на стекле, да и весь двор от часовни с примыкавшей к ней стенкой до здоровенного архива стал скверным витражом, и только зеленый фонтан по-прежнему бил и бил.

— Королишка, полные штанишки! — Теперь Цилла стояла на балюстраде террасы и озиралась по сторонам удивленно и беспомощно. — Ну давай же! Ты мой! Мой! Мне папка обещал...

Арнольд? Что он наплел малышке? Кого она ждет?!

— Цилла! Девочка моя...

— Мамка? Где мой король! Дай! Это мой город! Мой! Не дам! Рак-дурак, пошел вон! Не лезь сюда!!!

Цилла опять затопала, сжимая кулачки, и Луиза наконец увидела того, кого прогоняла ее дочурка. Он выдвигался из

трясины, будто его поднимала чудовищная ладонь. Обнаженный и зеленый, как и все вокруг, еще не старый, необычайно красивый, с липнущими ко лбу волосами-сосульками, он спал и омерзительно улыбался во сне. Под узкой темной полоской усиков то появлялась, то исчезала изумрудная полоска зубов. Ровных, блестящих, меленьких.

— Не дам! Вон! Пошел вон! Это мой город!!! Я — королева... Сейчас придет мой король! Он тебя...

Цилла прыгала, топала, ругалась, как сапожник, то есть как пьяный Арнольд. Усатый спал и улыбался, его баюкало зеленое желе, и оно уже не было прозрачным. В нем ползали темные длинные пятна, то поднимаясь к поверхности, то исчезая в глубине. У стены вспух здоровенный блестящий пузырь, и тут же набрякло еще несколько. Площадь закипала без огня, усатый спал и улыбался, но его естество было возбуждено. Он, как и Цилла, то и дело облизывал губы, длинная рука описала полукруг, словно кого-то обнимала или душила.

— Вон! Это мое!

— Цилла, назад!

Назад, потому что зеленый опасен. К нему нельзя приближаться, и смотреть на него тоже нельзя...

— Цилла, беги!

— Это мой город!

Спящий больше не двигался и не облизывал губ. Все с той же сладострастной улыбкой он уходил назад, в светящуюся глубину. Медленно, по волоску, но уходил, и вместе с ним опадали пузыри. Цилла спрыгнула вниз, расплескав, вернее разбив, сдающееся стекло. Полностью захваченная своим поединком, она не ругалась, не озиралась по сторонам, не звала своего короля. Она не видела высокой статной фигуры, оказавшейся у нее за спиной. Луиза тоже ее заметила, когда поздно было даже кричать. Сильная, впору гнуть подковы, рука сорвала с дочкиной головы корону.

— Цилла!

— И-и-и!.. — Малышка уже все поняла и обернулась к новому врагу. Простоволосая, яростная, она подскочила чуть ли не на высоту своего роста, норовя вцепиться вору в горло.

— Ты не он! Отдай!!! Не твое! Ты не мой! Ты не король... Подлый пфук! Жаба! Отдай!!! Вот тебе!

Ошеломленный высокий — Альдо Ракан! — отшатнулся, корона вырвалась из сильных пальцев, коснулась растекшейся зелени и канула, растаяла солью в бульоне. Сразу, и это был конец. Луиза не знала, как она это поняла, но поняла сразу.

— Мамка! Мамка, дай... Короля дай! Моего!!!

Альдо съежился, прикрывая голову руками, заорал, его щека лопнула, потом что-то сталось с его глазом, шеей, мундиром. Казалось, его рвут невидимые псы, рвут и ревут, как ревет дальняя ярмарка, как ревела черноленточная толпа в Заречье, а зеленый столб распухал невиданной клубящейся кроной, будто на нем вырастала злобная, нечистая гроза. Не надорские сходящиеся луны, не ожившие камни, нечто худшее, что не просто раздавит, погребет под толщами камня и воды, а исковеркает, извратит и затянет в зеленый пахнущий тленом мед, из которого уже поднялся усатый. Он проснулся, и останавливать его было некому. Кроме Циллы. Малышка не бежала, не пряталась, не плакала. Молча, набычившись, она глядела на проснувшегося, и тот больше не улыбался. Двое — девочка в рубашонке и возбужденный голый красавец, застыли друг против друга по щиколотку в зеленой погибели и стояли, пока камни не предали окончательно и Цилла не провалилась в ядовито-медовую топь, как проваливается в болото прельстившийся сочной травой теленок.

— Мамка! — Отчаянный крик разом убил и страх, и разум. Луиза рванулась к погибающей дочке, не разбирая пути. Может, она прыгнула с крыши, может, упала, может, слетела... Или это была не крыша, или вообще не было ничего, кроме зовущей мать малышки, живой ли, мертвой ли, но дочки, кровиночки, существа, за которое только и стоит умирать. И неважно, что станется с тобой, только б Цилла смеялась и плакала, только б она *была*. Луиза что-то отпихнула, что-то перескочила, упала, поднялась, вцепилась в заступившую путь снулую килеанью морду, та размазалась в кашицу, как сгнившие в вазе цветочные листья.

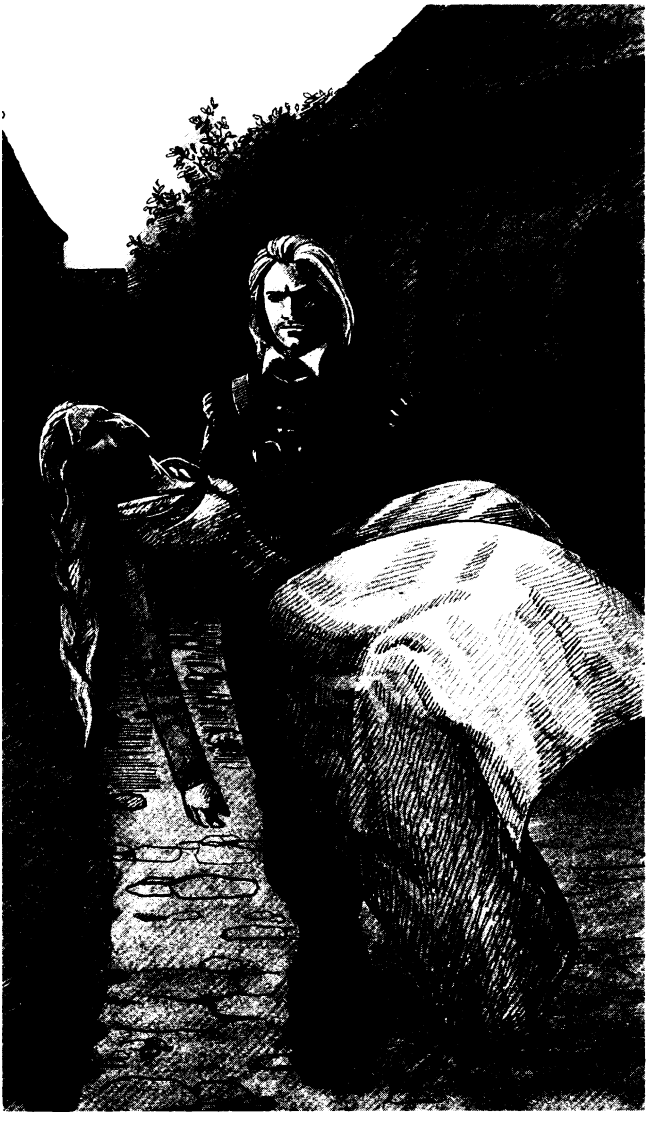
— Мама... — уже не кричало, хрипело где-то за зеленой струей, за спинами встающих один за другим дохлых кавалеров, — мамо... чка!

— Я тут! Тут!.. Я с тобой... Святая Октавия, кто-нибудь, помогите! Не дайте этим... Этому! Цилла, нет! Нет!!!

Часть вторая

ДЕСЯТКА МЕЧЕЙ

●



ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«ДЕСЯТКА МЕЧЕЙ»[1]

Мы не можем быть уверены в том, что нам есть ради чего жить, пока мы не будем готовы отдать за это свою жизнь.

Эрнесто Гевара Линч де ла Серна

Глава 1

ТАЛИГ. ОЛЛАРИЯ

400 год К. С. 7-й день Летних Молний

1

мерть Халлорана оказалась лишь началом, но Робера это не удивило, его вообще ничего больше не удивляло. Вечно сомневающийся человек куда-то делся, пропал, растворился во вдруг переставшем быть фальшивым Проэмперадоре. Эпинэ действовал, как заведенные кем-то куранты, бездумно и правильно. То есть он понимал, что прав, уже решив, сделав, приказав... Так он велел стрелять у Святой Денизы по очередным черноленточникам. Так он перебрался в городские казармы на Арсеналь-

[1] **«Десятка Мечей»** — младший аркан Таро. Символизирует некое препятствие, преодолеть которое необходимо. Преодоление открывает путь на новый уровень, в новый мир. Это слезы, страдания и вместе с тем любовь, дом, мир. **П. К.** — выгода, успех, власть, авторитет и вместе с тем неумение идти дальше.

ной, и туда сразу же стали стекаться известия, которые могли не добраться до дворца. Другое дело, что известия эти были, как бурчал Дювье, «надо б гаже, да некуда».

В центре с грехом пополам разгребали, зато забурлило в северных предместьях, у Поганого канала и на Кузнечных дворах. Одновременно и сильно. У «Поганки» городская стража справилась своими силами, к Кузнечным пришлось посылать подкрепления. Два десятка кавалеристов погнали коней грязными безлюдными улицами; поднялась и повисла в воздухе похожая на зеленоватый дым пыль. Эпинэ проводил ускакавших взглядом и впервые за несколько часов подумал о женщинах, за которых он отвечал, как любой посмевший отказаться от одиночества мужчина.

Графиня увезла Марианну в Ноху, графиня должна уехать... Первое передал побывавший у Капуль-Гизайлей южанин, о втором они с Левием договорились еще вчера. Что ж, будем надеяться на Арлетту и на церковников, потому что Проэмперадор не может отвлечься ни на минуту. Нет у него такого права. После лжи над телом Катари — нет.

— Монсеньор...

Снова гонцы, снова доклады о разгоне очередной толпы. В этот раз — на левом берегу, перед Узким мостом.

— Отлично, — холодно одобряет некто, засевший в душе. — Перекрыть мост намертво, потребуется — поджечь.

Хорошо, что на Узком — деревянный настил, а дождя нет вторую неделю. Плохо, что мостов через Данар много, и мостов каменных.

— Жильбер, отправь два десятка на разведку. — Лэйе Астрапэ, он в собственной столице думает военными понятиями! — В южные кварталы правого берега.

— Да, Монсеньор. — Адъютант тоже на войне, и куда больше, чем был, сжигая Сэ. — Может быть, им на обратном пути... заехать в Ноху?

— Пусть заедут. — И расскажут, что Марианна жива, здорова и спокойно ждет ночи вместе с графиней. Пусть хоть так, на большее сил все равно нет.

— Монсеньор, как думаете, Рокслей скоро?..

— Будем надеяться.

И здесь он оказался кругом прав. В том, что велел Дэвиду готовить конвой для принца, и никаких «утром»! Чтоб Окта-

вия не было в сходящей с ума столице сегодня же. Октавия, Марианны, графини Савиньяк... Жильбера б еще вышибить с Инголсом, и еще Левия, и...

— Монсеньор, от Мэйталя.

— Зови.

Лэйе Астрапэ, этот кошачий день закончится или нет?!

2

Теперь они были переодеты обе, баронесса — в платье служанки, графиня — в преподнесенный Пьетро туалет мещанки средней руки. Арлетта не выдержала, спросила, способствует ли сия одежда спасению души. Монах кротко ответил, что не исключает сего, и исчез. То ли давая гостье возможность обновить душеспасительное облачение, то ли отправившись по каким-то своим делам. Марианна молчала, даже платок не комкала, Арлетту на разговор тоже не тянуло, хотя болтовня отвлекает от страха, а графиня боялась куда сильней, чем улепетывая из Сэ. Правда, тогда не пришлось ждать, разглядывая в окно становящийся все более омерзительным двор. Заставить себя читать, сочинять, говорить женщина не могла; все, на что хватало выдержки, это не трогать дрожащую шкатулку. Минуты тянулись, тени от зданий потихоньку вырастали и тоже тянулись — на восток, от флигеля к кардинальской резиденции. Над двором проплыла черная птица — нохский ворон видел, что творится возле аббатства, две сжавшиеся в комок гостьи Левия лишь гадали. Про себя.

— Хорошо... — хрипло сказала за спиной баронесса, — хорошо, что мы с собой ничего не взяли. Констанс настаивал... А мы не взяли.

— Да, — подтвердила Арлетта и прониклась к себе толикой уважения, поскольку голос прозвучал как обычно. — Удачно, что нам нечего спасать.

Драгоценности, которые она привезла, пошли в ход еще до того, как в тайнике Раймонды нашлись блюда с кувшинами, и ладно. Подарки Арно она предусмотрительно оставила в Савиньяке, но удирать, бросив фамильные ценности, в любом случае дурной тон. А в том, что удирать придется, Арлетта больше не сомневалась.

— Мы должны слушать Пьетро. — Лучше, чтоб Марианна поняла это прежде, чем все начнется по-настоящему. — Не Габетто, а Пьетро. Он знает, что делать. Поверьте, когда бежишь, главное — не мешать тому, кто тебя выводит.

— Не беспокойтесь, сударыня. — Баронесса нашла в себе силы улыбнуться, в очередной раз доказав мудрость Ро. — Я не буду обузой.

На сей раз она не напоминала ни о своем происхождении, ни о висельниках с Салиганом, и это тоже было достойно.

— Кто-то идет. — Руки красавица все же стиснула. Не забыть сказать ей, чтобы сняла кольца.

— Я слышу. — Спокойно... Спокойно, графиня Савиньяк, урожденная Рафиано, не позорь своих мужчин. — Любопытно, это Пьетро или наш милый теньент?

Скрипнули, почти взвизгнули дверные петли. Как громко... Впрочем, у страха слух, как у кошки, вот мозгов у него куда меньше, значит, долой страх.

— Брат Пьетро, мы в вашем распоряжении. Что нам делать?

— Пока всего лишь ждать.

С четками монашек не расстался, но взор больше не опускал. Таким он еще сильней напоминал Ли и при этом был откровенен, как Райнштайнер в Сэ. Вкратце объяснил: драка за стенами аббатства еще идет и погромщики все прибывают.

— Заблудших уже столько, — длинные пальцы невозмутимо отсчитывали плохонькие жемчужины, — что оставшиеся в Нохе гвардейцы с ними не справятся. Их просто не хватит, чтобы удерживать стены на всем протяжении. Прорыв неизбежен, после чего у гарнизона останется два выхода. Уходить или забаррикадироваться в резиденции его высокопреосвященства.

— Вы думаете, — дала понять, что она еще соображает, Арлетта, — что подмога придет?

— Это маловероятно.

— В таком случае загонять себя в мышеловку нелепо. Если, конечно, Ноха не окружена...

— Нет, сударыня... пока нет. Я согласен с вами, и я посоветовал офицерам, как только бунтовщики преодолеют внешнюю стену, вывести солдат через внутреннюю Ноху к Желтой площади. Непонятно, ради чего защищали аббатство городские головорезы, но у церковных гвардейцев в отсутствие его высокопреосвященства этой причины явно нет.

«Защищали»... Значит, эта защита уже в прошлом.

— Эти головорезы разбежались?

— Нет, сударыня, они погибли.

— Все?

— Насколько я мог понять, все. Если капитан решит уходить, можно будет...

Топот ног по лестнице, распахнутая дверь. Долговязый солдат из десятка Габетто. Значит, уже «не можно».

— Брат, дело плохо...

Уединяться с гонцом Пьетро нужным не счел, выслушал на месте, не стесняясь дам и не пытаясь их обмануть. Оказалось, что где-то с северной стороны больше полусотни одержимых перебрались через стену. Их перебили, но сейчас лезут в других местах, так что всё, считай, внешняя Ноха захвачена. Габетто сейчас будет здесь, он просит поторопиться со сборами. Очень просит.

Солдат выпалил свои новости и с тем же топотом унесся вниз. Правильно, сейчас не до поворотов через левое плечо. И не до слез.

— Сударыня, разумеется, мы дождемся Габетто, тем более что внутренняя Ноха какое-то время еще продержится. — Пьетро все же монах. Мужчина видел бы лишь ставшую снеговой баронессу! — Но я бы вам посоветовал охрану отпустить.

— Хорошо. — Арлетта не колебалась, как не колебалась, вверяя себя Райнштайнеру. — Габетто и его люди останутся с гарнизоном. Марианна, снимите кольца и повяжите голову. Я видела тут почти платок.

3

Дювье кромсал холодную говядину, клал на хлеб, от души мазал горчицей и передавал сидящему ближе всех Сэц-Арижу. Это было обедом и наверняка ужином, о которых Робер напрочь позабыл, но ввалившийся Карваль сказал, что надо поесть, и вот они сидели, кто на столе, кто на подоконнике — стулья из кабинета коменданта куда-то подевались, и жевали. Проэмперадор, генерал, капитан и сержант. Четверо, счастливое число... А уж какое счастье творится за стенами!

— Монсеньор, — Никола ел быстро и аккуратно, — нужно решать с Багерлее.

— Что, и там?

— Нет, но мы обязаны принять меры. Арестованных по воле ее величества и графиню Рокслей лучше вывезти, остальных — расстрелять, а тюремщиков присоединить к городской страже. Я узнал, что Перт в ней и начинал. И я бы покончил с барсинцами и дезертирами. С теми, что в Доре...

Робер проглотил слишком большой кусок, а может, это горло вдруг стало уже. Хлебная корка, опускаясь к желудку, царапалась, как угодившая в мешок кошка. Никола сосредоточенно сдвинул брови, готовясь спорить.

— Мародеров и насильников мы вешали, — напомнил Эпинэ. — В Доре те, чья вина не доказана.

— Нам больше некогда доказывать. — Маленький генерал вытер тыльной стороной ладони усы и стряхнул с мундира немногочисленные крошки. — Монсеньор, если мятежники получат вожаков-военных, наше положение станет безнадежным.

А так оно не безнадежно? Хотя Дженнифер и Кракла в самом деле лучше вывезти в Ноймаринен. И свежие люди страже не помешают, но убивать людей, пока они еще не свихнулись... Не разоружить, не запереть — просто прикончить!

— Отправьте, кого считаете нужным, с послами. Проворовавшихся поставщиков разогнать к кошкам! Подстрекателей... Да, расстреляйте. Охрану — в город Франциска.

— А Дора, Монсеньор?

— Пока сидят смирно, будут жить. При попытке бунта — стрелять без предупреждения, но не раньше.

— Монсеньор, — доложил с подоконника Дювье, — из дворца. Вроде не вовсе в мыле...

Бывший гимнет и впрямь дурных вестей не привез. Приказ о вывозе принца выполнялся; как только всё подготовят, немедленно выедут.

— Надо найти Мэйталя... — Робер по примеру Никола смахнул с мундира крошки и понял, что все еще голоден. Нашел время! — Конечно, можно послать и Халлора... Гедлера.

— Мэйталь со своими, как и договаривались, сейчас на Триумфальной и вокруг Ружского, — напомнил Никола, — там пока тихо.

— Вот и прекрасно! Кортеж как раз пойдет по Триумфальной, пусть там церковники и присоединяются. — Да уж, «прекрасно»! Принца собирались отправить завтра, а сегодня рас-

считывали на помощь серых в городе. — Никола, я не хочу оставлять те места без присмотра. Выдвинем к Ружскому полсотни наших из тех, что в резерве. И роту гарнизонного полка...

— Монсеньор, мои люди не в резерве. Они сопровождают вас.

— Никола!

— Дювье охраняет вас. И будет охранять, а к Ружскому можно отправить Блора.

— Лэйе Астрапэ, кого?!

— Полковника Блора, Монсеньор. Мне понятно ваше удивление, но после исчезновения Окделла Блор не дал ни единого повода для недоверия. Он был втянут в мятеж так же, как и Халлоран.

— Он сейчас в Новом?

— Да, за Святым Квентином. Там не слишком горячо, стража справится и без северян.

— Хорошо. В случае беспорядков на Золотой и рядом туда можно направить и Блора.

Дювье никуда не уйдет, это ясно. Собственно, Никола о таком предупреждал. Южане будут сперва защищать «Монсеньора» и лишь потом — выполнять его приказы. Кэналлийцы подчинились бы, а эти — нет! Разве что Иноходец станет Вороном, который без раздумий отдаст приказ стрелять по толпе. И под ядра пойдет тоже не оглядываясь.

— Никола.

— Да, Монсеньор?

— Пошлите в арсенал за гранатами.

Глава 2

ТАЛИГ. ОЛЛАРИЯ
БЕРГМАРК. АГМШТАДТ

400 год К. С. 7-й день Летних Молний

1

То, что она висит на руках раненого мужчины, и не абы какого, а самого Проэмперадора, Луиза сообразила, едва открыв глаза. Госпожа Арамона приходила в себя, как и просыпалась,

сразу, правда, объятия полуодетого окровавленного Савиньяка на пробуждение походили мало. Стараясь не шевелиться — Лионель казался половчей Эйвона, но страх быть уроненной продрал глаза вместе с хозяйкой, — госпожа Арамона обеспокоенно заметила:

— Сударь, вас надо перевязать!

Граф односложно согласился и, не выпуская ноши, куда-то отправился. Захлюпало — в довершение всего ее тащили по воде. Луиза видела только Савиньяка по грудь и веселенькое синее небо, а вертеться было себе дороже.

— Поставьте меня. Вы ранены, я пойду сама.

— Вы промочите ноги.

Луиза могла бы возразить, что лучше промочить ноги, чем плюхнуться в лужу, но спор был чреват именно плюханьем, и капитанша смолчала. В конце концов, это ее несли, а не она изображала маршальскую лошадь. Путь оказался недолог, через несколько шагов Проэмперадор успешно поставил даму на травку рядом с брошенным мундиром и, достав платок, зажал рану на груди — кажется, неопасную.

— Сударыня, — отрывисто спросил он, — вы что-нибудь помните?

«Что-нибудь» Луиза помнила. Собственные корыстные намерения, торских кобылок и галантного бергера, от которого она с трудом избавилась.

— Я хотела с вами переговорить, но так, чтобы об этом...

— Госпожа Арамона, на экивоки нет времени. Вы видели Олларию?

— Какую, причеши те... Сударь, я вас не понимаю.

Надо отдать графу должное, непонятливую бабу он не придушил, и вряд ли из страха перед выходцами.

— Я полагал, что вам может привидеться Оллария. Скорее всего, Ноха или ее окрестности.

— Я забыла, — брякнула Луиза и поняла, что лучше объяснить: — Я не запоминаю сны. И бред тоже. Вас надо перевязать.

— Позже, — отмахнулся Савиньяк и твердым шагом куда-то направился. Луиза проследила за ним взглядом и в сотне шагов обнаружила двоих всадников и четырех лошадей. Следующим открытием стало, что саму ее вот-вот вывернет наи-

знанку. Прикрыв ладонью рот, госпожа Арамона бросилась в кусты, благо те зеленели у самого берега. Она успела, хоть и с трудом.

2

Вернувшийся в очередной раз Пьетро тихо сказал, что пора, и Арлетта, напоследок проверив спрятанную за корсаж бумагу, послушно подхватила узелок с обмотанной шалью маской. Ткань глушила дрожь металла, а тащить с собой футляр графиня сочла излишним. Закрытую со всем тщанием шкатулку заперли в бюро, куда прежде всего и полезут мародеры. Арлетта охотно распихала бы гайифскую радость по всему аббатству, но в их с баронессой распоряжении был всего один сувенир, правда, отменный.

— Будем надеяться, добыча достанется самому мерзкому, — шепнула притихшей спутнице графиня и вслед за Пьетро шагнула на лестницу. Монах спускался достаточно быстро, но женщины поспевали за ним без особых усилий. Ступеньки не скрипели, монастырские сандалии ступали бесшумно, лившийся сверху и сбоку свет создавал ощущение сна. Очень короткого, в тридцать шесть не слишком крутых ступенек. Нижняя прихожая была пуста, в ней еще пахло железом и кожей, но Габетто ушел и увел своих солдат, подчинившись то ли графине, то ли секретарю его высокопреосвященства.

— Минуту, сударыни. — Пьетро слегка приоткрыл дверь, впустив в тревожную тишину лязг и вопли. Очень близкие. Средь бела дня они звучали не столько страшно, сколько неуместно. Левий за несколько месяцев умудрился-таки превратить Ноху в благолепное эсператистское гнездо, и вдруг кто-то кого-то режет...

— Идемте, — коротко велел монах. — Вплотную к стене и быстро, как только можете. Не отставайте и не бойтесь.

— Мы поняли. — Арлетта взяла баронессу за руку, на которой не осталось ни единого кольца. Грабеж Марианне больше не грозил, только насилие.

— Да, — подтвердила Звезда Олларии, — мы не отстанем.

Сомневаться в талантах столь уверенно тащившего их куда-то скромника было поздно, а Левий в людях разбирался — раз оставил с ними именно Пьетро, значит, так нужно. Монашек

охотящейся лаской выскользнул за дверь, женщины, не расцепляя рук, двинулись за ним. Арлетта, безбожно шурясь, шла первой, но смотреть в пустом дворике было не на что. Они без приключений добрались до угла, и шум обрел плоть — в проеме арки серые гвардейцы яростно сражались с оравой каких-то оборванцев. Выучка и отличное оружие церковников уравнивались многочисленностью налетчиков. Оборванцы один за другим валились под стремительными и точными ударами, но через невысокий внутренний забор лезли все новые и новые, и было это всего в паре десятков шагов.

Пьетро поднял руку, и дамы за его спиной замерли, из-за угла разглядывая топчущееся на месте побоище, потом раздался быстро приближающийся топот. С другой стороны и совсем рядом. Марианна вздрогнула, Арлетта покосилась на Пьетро: тот был спокоен, значит — свои. Правильно, за правым плечом монаха возникла серая фигура с перевязью.

— Выводишь? — Хриплый прерывистый голос казался знакомым. — Сейчас поможем... Отбросим эту мразь и будем уходить... Через калитку в восточной стене... Ребята от главных ворот отступят туда же... Ланцо, не тяни!

— Да, капитан! — проорал не позабывший о субординации сержант, пробегая мимо во главе уже не серых, а серо-бурокрасных солдат. Графиня представила бойню, из которой они вывалились, и вспомнила, как однажды на охоте ее саму окатило кровью — благородной, оленьей, не то что эта... От отвращения женщину передернуло. Марианна не поняла, в чем дело, и успокаивающе погладила спутницу по руке. У маршала Эпинэ будет толковая жена. Если будет, конечно, если они все будут.

— ...но вот дамы? — Сержант и солдаты уже вовсю дрались, а охрипший офицер все еще разглагольствовал. — Слишком опасно...

— Я не стану подвергать госпожу графиню лишнему риску, — заверил вояку Пьетро. — Выполняйте свой долг, а я постараюсь выполнить свой.

— Удачи тебе...

— Благослови вас Создатель.

Гвардеец, выхватив палаш, огромными прыжками устремился к своим подчиненным. Пьетро оглянулся на дам, вздох-

нул и, ангельски улыбнувшись — мол, с помощью Создателя выберемся, взялся за четки.

— Подождем, пока не очистят двор от одержимых, — объяснил он, — это не займет много времени.

3

Лионель торопливо шел по трупам и пытался понять, каким образом вперемешку с зарезанными, застреленными, убитыми дубиной или камнем очутились мертвецы, которых не убивали. Да, маршал не мог перевернуть тело, да, он допускал, что на ком-то оказалось столько чужой крови, что своей не заметить, кого-то ухитрились прибить «колбаской» из набитого песком чулка, а кого-то ткнули стилетом, и он свалился раной вниз, но не десятками же им таким валяться. К тому же в одном месте: там, где дрались подданные «Тени». Дрались и проиграли, потому что толпа вновь была едина в своей ненависти и мушкеты эсператистов ее уже не сдерживали.

За время отсутствия Савиньяка положение у Нохи изменилось к худшему; собственно говоря, оно стало безнадежным. Если, разумеется, в казармах не держали резервы, а на стенах не имелось молчащих до поры пушек. Увы, в подобное диво маршал не верил, а на площадь с прилегающих улиц выплескивались все новые и новые стаи и стайки, видимо, все же людей. Таких разных, но охваченных единым исступленным желанием добраться до Нохи. Что именно тянет эту сволочь к аббатству, Ли не понимал, но с такими мордами к Создателю не бегут.

Черная лента на рукаве. Лигист! И с ним пара дюжин одетого, как лавочники, зверья. Неужели они когда-то улыбались и предлагали мыло, простыни, пудру? Вот эти? То, что творилось, «было противоестественно и весьма непривлекательно». Так выразился об Октавианских погромах Рокэ... Не из-за этого ли он устроил блокаду? И почему было не сказать прямо?! По крайней мере, мать с Бертрамом не затеяли бы эту проклятую поездку!

Ли еще ускорил шаг, теперь он почти бежал сквозь оскалы, дубины, горящие, несмотря на день, факелы, в шестнадцатый раз пытаясь на ходу представить флигель, в котором ви-

дел мать. Без толку. Пересчитанные окна и трубы на крыше не приближали к цели ни на шаг, он все равно возвращался туда же, откуда «выходил», — к «Солнцу Кагеты». Мало того, он потерял слишком много времени на госпожу Арамона и теперь мог опоздать. Ли не видел смерти отца, но если сейчас...

Додумать рвущуюся то с тыла, то в лоб мысль маршал себе не позволил. Ноха еще не сдана, а Левию нужна живая графиня Савиньяк. *Живому* Левию, но кошачьего эсператиста нигде не видно, как и его воинства. Церковники не пророки, кардинал тоже может угодить как кур в ощип. И Проэмпералор может, особенно если это Эпинэ, а «фульгаты» Реддинга выскочат к предместьям не раньше, чем дня через три-четыре. И они еще не будут ничего знать.

Ворота. Еще целые, еще стоят, сверху бьют мушкеты. Не могли за зиму дюжиной мортир разжиться, слуги Создателевы! Хотя держатся серые отлично — ни суеты, ни ссор. Одни заряжают, другие стреляют, перед воротами трупов, как мешков, хоть баррикаду наваливай, но хорошо, что толпа тупо колотится о ворота, а не лезет на стены, хотя могли бы и догадаться. Или то, что превратило горожан в исходящих злобой тварей, лишило их разума?

Мимо маршала твердой поступью прошел давешний капитан, серьезный и хмурый, впору бергеру. Что-то сказал такому же ветерану-сержанту, тот кивнул. Мушкетеры продолжали делать свое дело, а над воротами солдаты пристраивали вывороченные из мостовой камни и статую какого-то святого: тот, кто ворвется первым, получит эсператистское благословение. Очень весомое.

Бравый, как в любой армии, горнист поднес к губам трубу, и отдыхавшие внизу закопченные стрелки быстро двинулись... нет, не на стены — в глубь аббатства. По тому, как они оборачивались, Савиньяк понял: уходят. Совсем. Незримый маршал Талига коротко отсалютовал исполнившим свой долг серым и ринулся к «материнскому» флигелю. Столь ценную гостью защитники Нохи не оставят, но он должен убедиться, что мать благополучно вывели, а потом придется вернуться и досмотреть все до конца. Нужно знать и кого благодарить, и кого при первой же возможности отправить в Закат. Желательно на морисский манер.

4

Быстрым шагом вокруг дома, в противоположную от драки сторону. Тр-рах! Что-то твердое, камень, наверное, с силой врезается в стену, разлетаются осколки кирпича, бьют по шее и плечу. Ерунда. Сейчас это ерунда... Сзади вскрикнула Марианна, Пьетро обернулся на ходу, увидел, что женщины невредимы, и только поторопил. Вот и угол.

— Ближе к кустам, сударыня. До соседнего флигеля... Быстрее!

Быстрее только бежать, но Пьетро не бежит, и они тоже. Над головой снова плывет ворон. Ничего, он просто провожает... Почему бы ему не проводить союзников? Проросшая между плит трава, уже длинные предвечерние тени, шум позади, шум сбоку — там, где главный храм и резиденция Левия. Там, где ночами подпирает расколотую луну зеленый луч...

— Мы пришли. Минуту терпения.

Нишу в боковой стене сразу и не заметишь. Дикий виноград свисает почти до земли, он еще зеленый, ни единой пестрой прядки. Пьетро ныряет в эту завесу, как нырял в ночное сиянье, но как же не похожи зелень живая и призрачная. Рядом судорожно дышит Марианна, выбившиеся из-под платка пряди прилипли к белому лбу. Жарко. Вообще жарко, а они еще почти бежали...

— Погромщики на площади, — понимает баронесса.

Да, укрыться в монастыре было не лучшим решением, хотя, если вспомнить взбесившихся философов, в городе вряд ли слаще. Иначе вернулся бы Левий, примчался бы Карваль, да и Ро... Если он не здесь, то с принцем. Создатель или кто-нибудь!.. Катарина и Ро расплатились за родню сполна, так защитите малыша Октавия и Марианну. Резкий каменный скрежет. Это в нише, это Пьетро... Шум боя за спиной все нарастает и, кажется, приближается.

— Прошу вас!

Монашек раздвигает тяжелые плети и почти пихает своих подопечных в нишу. Полумрак, пляшут резные тени, в стене — прямоугольная дыра, из нее тянет прохладой. Уж не этой ли дорогой Марсель увел Росио?

— Быстрее, быстрее! Пригнитесь!

Арлетта все еще идет первой, Марианна за ней. Узко, не повернуться. Вниз уходит, теряется во тьме коридор, а у них ни факела, ни фонаря... Что ж, если иначе нельзя, пойдем ощупью, главное — идти, не стоять, не ждать, а идти! Снова скрежет, и уже кромешная чернота. Проход закрыт. Наверное, так и надо — виноградная завеса не слишком надежна.

— Не волнуйтесь, прошу вас. Свет сейчас будет.

Чирканье кресала, еще раз... еще... и в самом деле появляется свет — в руках у Пьетро ласково мерцает большой фонарь. Под балахоном такой не спрячешь, значит, подготовил заранее. Ага, вон их еще три штуки в уголке лежит.

— Пойдемте. Осторожно, скоро будет лестница.

— Кто нашел этот ход?

— Его высокопреосвященство. По всей вероятности, этим путем воспользовался маршал Алва.

— В таком случае на том конце будет безголовая статуя.

— Она там есть.

Вот они, Валмоны! Заплатили единожды, а пообедали дважды, Бертрам будет рад узнать, что она вывернулась благодаря трюку его наследника. Наследник придет в восторг от того, что походя выручил и батюшкину подругу, и свою помощницу в похищении Алвы, хотя предпочел бы получить назад еще и собачку. С бароном ли, без ли...

— Пьетро, прошу вас, подождите.

— Что-то случилось?

— Нет.

Как туго она, оказывается, может затягивать узлы. Прощай, ноготь, но, кажется, подается... Конечно, это глупость, последняя глупость, — в подземелье выпутывать маску, но она должна проверить! Чуть шуршит ткань, послушно освобождая недобрую древность. Впрочем, смысла разворачивать до конца нет: гальтарская маска больше не дрожит, а почему, подумаем позже.

5

Приличные дамы своих спасителей не убивают, как бы навязчивы и болтливы те ни были, а лошадиный бергер ее спас даже больше, чем Проэмперадор. Это Луиза понимала даже сквозь не желающую уходить тошноту, к которой добавилась

головная боль. Больше всего женщине хотелось очутиться в своей найтонской спаленке, но это было невозможно, приходилось сидеть на очередном плаще, ждать занятого невесть чем Савиньяка и слушать спасителя.

Госпожа Арамона уже уразумела, что свалилась меж сараев и лежать бы ей там и лежать, не вздумай лошадник проследить за прекрасной гостьей. Исключительно из служебного рвения, вестимо. Из того же рвения он послал не только за лекарем, но и за маршалом, под чьим покровительством находилась прекрасная — да-да, именно прекрасная — госпожа Арамона. Бывший поблизости коновал, пользовавший не только коней, но и конюхов, попытался помочь, но добился лишь стонов и криков.

— Омерзительное, наверное, было зрелище, — с чувством прошипела Луиза, старясь не клацать зубами, так как тошноту сменил озноб. Галантный бергер с оценкой стонавшей красотки не согласился. Судя по его рассказу, обморочная Луиза выглядела не рожающей козой, но зачарованной принцессой, каковой, по мнению коновала, и являлась.

— Фас уфодили, — клокотал бергер, — мы были бессильны и могли только змотреть...

И тут явился рыцарь Савиньяк, подхватил в седло и умчал спасать. То есть взвалил на своего серого и увез к разливавшемуся летом ручью, посреди которого торчала высохшая добела лиственница. Теперь от солнечных зайчиков на воде уже не мутило, и Луиза разглядела за золотистыми бликами светлую прямую свечу. Значит, дело и впрямь было плохо, но почему днем?!

Холод сменился жаром, невидимая игла пару раз злобно ткнула под глаз, бергер пошел рябью, покраснел, как прогоревшие угли, и вся пакость исчезла. Капитанша, живая и здоровая, только измученная, будто после весенней уборки, сидела на берегу очень славного озерца, а к ней строевым шагом приближался маршал, которого она караулила с полудня.

— Надеюсь, — сказал он, — вам лучше.

— Да. — Луиза постаралась отвести взгляд от красно-бурого пятна на маршальской сорочке, не до конца скрытого шейным платком.

— Вы сможете ехать со мной или лучше прислать носилки?

— Смогу. — Как бы ни болело, да не померло, а упускать такой случай она не вправе, уж больно удачно сложилось. Все сделали обморок и лошадник, а околдовать могут любого, только кому она здесь дорогу перейти успела? Вот в Найтоне, там пара дур, имевших виды на доброго пивовара, вполне могла...

— Вам удобно? — поинтересовался Савиньяк, разбирая поводья.

— Вполне.

— И вы уже знаете, что с вами произошло?

— Мне обо мне рассказали целую балладу.

— Не удивляйтесь, смотритель конного двора в кровном родстве с Дидерихом. Госпожа Арамона, вы все еще не помните?

— Я даже не помню, как упала.

— Подумайте. Есть основания полагать, что вы видели Ноху и озверевшую толпу, которая собиралась ее штурмовать?

— Толпу?

Четверо беглецов, взмывающий вверх камень, позеленевшее солнце...

— Я вижу, вы все-таки вспомнили.

— Только Октавианские дни. Я шла в церковь, навстречу вывалилась толпа лигистов. Они хотели убивать, они убили.

— Теперь они снова хотят. — Голос маршала был спокоен, но Луиза поняла, что переводить разговор на маркграфиню не нужно. И отнюдь не потому, что Савиньяк разозлится.

— Я слышала, — почти не покривила душой госпожа Арамона, ведь вопросы задают, чтоб услышать ответ, — ваша матушка сейчас в Олларии. Ей грозит опасность?

— Пожалуй.

Глава 3

ТАЛИГ. ОЛЛАРИЯ

400 год К. С. 7-й день Летних Молний

1

За плечом Пьетро в скачущем желтом свете показалась винтовая лестница — путешествие подошло к концу. Легким его Арлетта не назвала бы, но в подземелье было, по крайней мере,

безопасно и не гнусно, а вот что творилось за поджидавшим по ту сторону хода безголовым святым? Во что вообще успел превратиться город? Пьетро туманно обещал некое «спокойное место». Что таковое в Олларии имелось, графиня не сомневалась: Левий не мог не обзавестись голубятней, в которую можно быстро перепорхнуть, если Ноха вдруг станет опасна. Однако опасной оказалась не только и не столько Ноха, так что «спокойных мест» могло и не остаться.

— Сударыни, осторожней. Шестая ступенька расшатана.

— Спасибо, Пьетро.

Вверх так вверх... Хорошо, они в сандалиях, ступени — из металлической решетки, каблук наверняка застрял бы. И тесно, юбки, даже такие, обтирают стены от многолетней грязи. Ну и компания выберется наружу — две грязные мещанки и агнец Создателев.

— У выхода приготовлены плащи, — словно подслушал мысли агнец, вешая фонарь, который теперь светил вверх. Желтый теплый росток напомнил о ночном монстре с нохского двора, воспоминания сплелись с шорохом и скрежетом. Серебристый лучик прыгнул вниз, к золотистому, который тут же поблек.

— Еще день, — тихо сказала поднимавшаяся последней Марианна. Значит, баронесса тоже глядела на светлую полоску над головой и тоже думала, как они пойдут по взбеленившемуся городу.

— Ночь или день — сейчас безразлично.

Полоска стала сперва подковой, потом полумесяцем — Пьетро не спешил не то что вылезать, даже голову высовывать. В дыру лился слабый свет, пахло дымом, в Эпинэ тоже им пахло, но городской мятеж оказался хуже.

— Выходим.

Руку дамам монах не предложил, стоял у края облупленной ниши и озирался по сторонам, но подернутые дымком, будто туманом, задворки не привлекли даже собак. Изгрызенная веками стена, рядом полуразвалившаяся, с деревцами на крыше, церковь, дальше — заваленный мусором пустырь, за ним — почти скрытые белесой мглой дома... Уныло и все равно страшно. Каменная рука с раскрытой книгой — Эсператия? — дернулась и поползла назад: статуя возвращалась на

место. Любопытно, что за голова была у каменного ликтора? Книга уцелела, а глаз, чтобы прочесть, и мозгов, чтобы понять прочитанное, не осталось. Аллегория прямо-таки издевательская.

— Пойдемте, — решился наконец Пьетро. — Плащи накиньте.

Пошли. В противоположную от пустыря сторону, вдоль стены, — что там, Арлетта представляла с трудом, но монах шел уверенно, хоть и не быстро. Вокруг было спокойно, вернее, было бы, если бы позади, за стенами, не трещали выстрелы и не поднимался столб, нет — уже два столба дыма.

Они почти добрались до угла, когда Пьетро резко остановился, и тут же навстречу, из-за поворота, выскочила парочка оборванцев самого отталкивающего вида. Первый лохматый, второй лысый, как колено, они очень спешили, о возможных встречах не думали и едва не врезались в застывшего монашка, после чего тоже замерли, дав разглядеть себя во всей красе. Драная одежда, пятна крови, не лица, а настоящие морды, удивление на которых быстро сменилось радостным оскалом.

— Глянь-ка! — Лохмач легонько ткнул своего приятеля шипастой дубинкой в бок. — Там не сдохли, а теперь вот... Ха! Скажи, повезло?

Лысый обошелся без слов: выдернул из-за спины показавшийся огромным нож, и тут же навстречу, ссутулившись сильнее обычного, шагнул Пьетро.

— Братья, — еле слышно прошелестел он, — не творите зла! Дайте дорогу слуге Создателя нашего и добрым дочерям Его и будете спасены. И воздастся вам за кротость вашу жизнью долгой...

— Нам вот прямо сейчас и «воздастся», — осклабился лохматый. Покачивая дубинкой, он уже нависал над монахом. — А тебя, крысеныш...

— Братья, я смиренно про... — резкий взмах руки словно бы рассек слово надвое, — ... шу Создателя о милости к новопреставленным грешникам.

Большой нож падает наземь, лысый тоже. Он хрипит и булькает, вцепившись себе в горло, и лапы его стремительно алеют. Бородач озирается... Озирался.

— А-а-ах! Чтоб тебя Лево...

В этот раз Арлетта успела заметить быстрое движение левой руки, и это было отнюдь не благословение.

— Мэратон. — Лохматый владелец дубинки, скрючившись, валится в дорожную пыль, не закончив проклятия, и затихает. Лысый еще бьется в судорогах, но это недолго — Пьетро быстро наклоняется, будто что-то подбирает, и разбойник успокаивается. Навсегда. Теперь можно разглядеть: из горла покойника торчит нечто бурое. Близорукость не дает разобрать подробности, но главное понятно — смиренный брат Пьетро и в метании ножей неплох.

— «И будете спасены», — повторяет, будто заведенная, Марианна, — «спасены...»

2

Гвардейский патруль, объезжавший прилегающие к дворцу улицы, «обрадовал» Проэмперадора столицы очередной несуразицей — жители оной столицы в большом количестве скапливаются у Старого парка. Новые беспорядки? А что же еще? Не сбор же маргариток! Эпинэ отнял так и льнущие к глазам руки и посмотрел на привезшего новость корнета.

— Кто-то убит? Ранен?

— Нет, что вы! — Офицерик казался слегка растерянным. — Люди ведут себя очень мирно... Очень. Много пожилых и детей, просто все очень хотят в парк, но стражу слушают. И еще, Монсеньор, они с вещами, в каретах, повозках.

— Ладно, идите. Жильбер, что у нас сейчас?.. Можешь не отвечать, разве что-то новое появилось.

— Только про парк, Монсеньор.

— Только про парк... Только... — В Старом парке так спокойно. Шелестят деревья, поет вода, и никого... А если спуститься в нижний храм, к колодцу, сесть на край, опустить руку в воду и хотя бы на полчаса забыть о том, что творится? Нет, не для того он сам врал и подбил Никола с Левием на ложь, чтобы прятаться по подвалам. Вот глянуть на «мирных горожан» не помешает, благо в Старом городе и вокруг дворца все более или менее спокойно. В Новом ребята Халлорана справляются и без полковника, городом Франциска занимается Никола, а где Никола, там сделано все и больше.

— Жильбер, поехали. Посмотрим, кому так нужно в парк. — Да и положение на левом берегу надо бы получше себе представить. — Карваль, если что, пусть ищет нас у Драконьего источника.

Под дверью торчал Салиган, непривычно тихий, синюшный и слегка похожий на удавленника.

— Мы едем кататься? — Неряха чихнул и подхватил Проэмперадора под руку.

— Я еду, — огрызнулся Эпинэ, — а вы сидите здесь и приходите в себя. Что с вами, кстати?

— Чуть не изгадил собой Закат, — едва ли не с сожалением сообщил маркиз, — но кошки такое не едят, и я по-прежнему с вами.

— Сидите здесь и приходите в себя. При казарме должен быть лекарь.

— Врачи, священники и палачи — это для людей приличных, а я уже не помер, в отличие от нашей с вами деточки. Мне ее не хватает, а вам?

— Салиган! — Робер резко остановился. — Что вы несете?!

— Как и в большинстве случаев — правду, что и роднит меня с Вороном. Это вы всю жизнь врете, чужим во спасение, себе во самоуничижение. Куда едем?

— В Старый парк, — сдался Иноходец. — Откуда вы узнали? Про... девочку?

— Оттуда. А вам, выходит, как с гуся вода? Да уж, знатно она вас шуганула... Эпинэ, говорю вам, девчонке конец, и вылижи меня кошки, если это к лучшему.

— Монсеньор, мы готовы.

— Хорошо, Дювье. Салиган, вы точно не свалитесь?

— Если только вы меня не пристрелите, но заряды лучше бы поберечь.

— Заткнитесь.

Усиленный по случаю беспорядков конвой смыкается вокруг особы Проэмперадора и особы Салигана. Кони откровенно на взводе, люди тоже.

— Открыть ворота!

Цокот пары сотен копыт разбивает тишину. Арсенальная площадь, прилегающие улицы и проулки, первая алая прядь на помнящем едва ли не Франциска клене. Покой и безлюдье, едем дальше...

3

Бегство продолжалось. Оставив за спиной покойников, Пьетро со сноровкой хорошей овчарки быстро погнал своих дам дальше, то и дело прислушиваясь. О разбойниках не было сказано ни слова, но монах счел, что маску смирения можно сбросить, как и стесняющий движения балахон. Под эсператистским одеянием обнаружилась обычная куртка обычного горожанина, разве что с ножнами на предплечье, тут же, впрочем, перекочевавшими на пояс; в них отправился тщательно обтертый кинжал, а куда делся выдернутый из трупа метательный нож, Арлетта не заметила.

Очень хотелось верить, что его высокопреосвященство, где бы он ни был, в своем секретаре не слишком нуждается и что они с Левием еще выпьют шадди с корицей. Она пригубит и скажет, что отнюдь не удивлена талантами Пьетро, ведь возле такого змея, простите, «голубя» должны обретаться отнюдь не воробушки. Да уж... Двое в несколько секунд, и как красиво! Только какого демона эти головорезы позабыли в пустом тупике? «Там не сдохли...» Если «там» — это на площади, то и бежали бы прочь, а не кружили возле Нохи. Повезло им, видите ли!

Снова поворот, но Пьетро шага не замедляет. Переулок, в который выходят глухие задние стены, пуст, за третьим домом уютно зеленеет запущенный сад. Через забор перевешивается все тот же виноград, вдалеке торчит желтая колоколенка.

— Это Ласточки, — узнает Марианна, — дальше — город Франциска, ремесленные кварталы...

Опять отведенные в сторону плети ползучих растений, опять лаз, опять нагибаться. В саду пусто, мушкетная пальба то ли стихла, то ли здесь не слышна, но колокола продолжают вразнобой голосить, а глаза щиплет дурно пахнущий дым.

Арлетта предпочитала не думать, почему и откуда несет горелым мясом, она просто шла под руку с Марианной, приотстав на шаг от недавнего агнца, без которого они обе были бы либо покойницами, либо камнями на шее пробивающихся из города гвардейцев.

Навстречу между запущенных гряд вальяжными прыжками следовала жаба, а жаба — это сырость и вечер. Солнце ушло

за деревья, и когда только успело? Впереди тихо, совсем тихо, будто вымерло. Листва поредела, сквозь нее проглядывают дома, пора опускать капюшон — графиня Савиньяк слишком долго стояла рядом с Проэмперадором у гроба королевы, а мимо шли и шли горожане. Тысячи, десятки тысяч переживших безумную зиму людей — как вышло, что лето сделало их зверьем?

Спокойно идущий впереди Пьетро уже знакомым почти незаметным движением обнажил кинжал, не забыв подать знак — стойте, мол, на месте. Ну сколько можно! Должны же Робер с Карвалем в конце концов навести в столице порядок, пусть даже для этого придется вешать и стрелять вдесятеро против зимнего.

— Парень, не сто́ит, — хрипло попросил смородинный куст. — Я не враг, можешь поверить. Не веришь, спроси госпожу баронессу.

— Джанис?! — Госпожа баронесса обладателя голоса явно знала, но что-то в тоне Марианны выдавало ее сомнения. — Ты один?

— Уже да.

— Я сейчас вернусь.

Баронесса быстро юркнула в кусты. Удерживать ее Пьетро не стал, но и кинжал не убрал, так и стоял, уже ничем не напоминая монаха.

— Он в самом деле один. — Марианна, брезгливо поморщившись, сняла с плеча улиточку. — Сударыня, Джаниса вы встречали в моем доме, он — «Тень».

— Тень? Ах да... — Тогда их с Ро ужасно заботило, кто и зачем убил гайифского посла. Вот так живешь и не замечаешь своего счастья.

В проходе меж кустов сидела еще одна жаба, за ней, на крошечной полянке, валялись трупы, по виду — родимые братья тех, кому столь душевно проповедовал Пьетро. Сам Джанис прислонился к корявому стволу, миролюбиво подняв обе руки. Лица «Тени» Арлетта не помнила, но цвет волос и ширина плеч вроде подходили.

— И что вы теперь делать собираетесь? — осведомился предводитель ворья, глядя главным образом на баронессу.

— А ты что посоветуешь?

— Надо убираться отсюда. Из города убираться. Если и дальше эти... «добрые горожане» такое вытворять будут... Нет, чую, такой штормяга заворачивается...

— Где еще «вытворяют»? — Пьетро принял решение и убрал кинжал, хотя с его сноровкой это мало что меняло.

— Я ж говорю, по всему городу! Этот вот, Соня, — «Тень» кивнул на одно из лежащих тел, — не совсем мой... Так, иногда словцо какое подкинет, денежное... Как раз прибежал с Золотой, говорил, там все друг друга режут, и солдаты, и мастера. У Квентина тоже заварушка вышла. Соня еще что-то рассказать хотел, а тут эти уроды вылезли. Боец из парня никакой, сразу ножик поймал, пришлось самому...

Значит, и этот — двоих. Разбойник и монах — отличный эскорт, если, конечно, «Тень» присоединится.

— Ты, случайно, не знаешь, что с бароном? — не выдержала Марианна.

— Не, не знаю. — Джанис быстро обежал глазами собеседников. — У него друзья не промах, помогут. Ежели умный, сделает то же, что я вам говорю. Или уже сделал.

4

Патруль не ошибался и не преувеличивал. Первые подтверждения Робер получил, едва свернув на Родниковую улицу: по ней в сторону парковых ворот действительно шли и ехали люди. При виде отряда они торопливо расступались, давая дорогу, и до Робера доносилось: «Южане... Слава Создателю... Проэмперадор... Я же тебе говорила... они придут!»

— Поздравляю, — с достойным мэтра Инголса выражением объявил уже не столь синий Салиган. — Вы любимы народом или, по крайней мере, его лучшей частью.

— Убирайтесь к кошкам!

— Не едят, — хмыкнул неряха, но заткнулся. Эпинэ заставил себя улыбнуться и кивнуть паре горожанок средних лет, волокших достойные вьючных ослов тюки. Лица женщин озарила неистовая радость, и Роберу от нее стало совсем худо. С ненавистью и недоверием на южан и их вожака глядели, было дело. У тех же халлорановских казарм, когда Проэмперадор с каменной, как хотелось думать, мордой сдерживал заво-

дящегося Дракко, да и сегодня он раз за разом ловил зеленые от запредельной злобы взгляды. Только читать в чужих глазах ненависть не так страшно, как надежду, которую ты вряд ли оправдаешь. На Проэмперадора надеялись, от него ждали спасения и защиты, то есть чуда, а он мог лишь отдать приказ не жалеть пороха и... таких же горожан.

— Я вас правильно понял, вы не хотите стать королем? — напомнил о себе Салиган. — Меня тоже не тянет, но меня никто не просит, а вас не спрашивает. Я бы на вашем месте пустил эту ярмарку в парк. Траву они, конечно, вытопчут...

— Жильбер! — А ведь мог и сам додуматься, если б дурью не маялся. — Давай вперед, скажи открыть ворота.

Адъютант дал лошади шенкелей и скрылся за перегородившей полдороги колымагой. Опять взгляды, неуверенные улыбки, слезы. Горшочек с тоненькой веточкой на руках у старухи, руки морщинистые, худые, а на конце веточки огромный алый бутон. Парень со скулящими дайтами на сворке, тележка с какими-то вещами, двое держатся за руки: она высокая, крутобокая, он бледный и хилый. Что-то бренчит... Пустое ведро привязано к облезлой карете, из окошка таращится румяный старичок, глаза бессмысленные, как у младенца, только что пузыри не пускает. Опять женщины с узлами, девчушка в синем тащит клеточку с морискиллой, но о Капуль-Гизайлях он думать не будет.

— Не беспокойтесь, Эпинэ. Барон и сам не пропадет, и то, что полагает дорогим, не потеряет.

— Может быть... Баронесса и графиня Савиньяк в Нохе.

— Это хуже.

— Вы что-то знаете?!

— Ничего.

— Салиган!

— Виноват. Я знаю барона.

Толпа впереди медленно, но движется, не так уж она и велика, до Доры, слава Создателю, далеко. Без тачек, телег, живности и Желтой площади не заполнила бы. Сейчас не заполнила бы, а если это только начало?

— Бежать, да?! Думала, не найду! Да я ж тебя...

Высокий, усатый, с писклявым голосом. Судя по шпаге — дворянин, судя по всему остальному — сволочь. У женщины

синий плащ, капюшон опущен... Точно, дворяне, хоть и не знать. Она что-то шепчет, мужчина не слышит, хватает за плечо. Рывок, капюшон падает. Рыженькая, белокожая, совсем еще девочка, но на руке браслет.

— А ну пойдем!

— Нет!..

— Ты разве не слышишь, дама сказала «нет»?

— Вот это — дама?! — Усатый и писклявый осадной башней разворачивается к возвращающемуся Жильберу. — Да она, к твоему сведе...

Адъютант выстрелил за мгновение до того, как это сделал бы сам Робер. Женщина торопливо отскочила от грохнувшегося ублюдка и быстро опустила капюшон. Жильбер послал коня к Монсеньору.

— Стражники открыли ворота. Люди заходят.

— Пусть уберут тело.

— Монсеньор, я...

— Ты совершенно прав.

Таких только стрелять, но дворянин, на глазах Проэмперадора напавший на женщину, пусть она ему четырежды жена или любовница?! Пусть он мерзавец, мерзавцев тоже учат, как себя вести, и они ведут. Когда видят тех, кто сильнее... Этот тоже видел и все равно полез.

— Салиган, вы его не знали?

— Вы дурно обо мне думаете. Я обижен.

Однажды Эпинэ уже так хохотал. На дворцовой лестнице, когда его арестовывал Лаптон.

Глава 4

ТАЛИГ. ОЛЛАРИЯ

400 год К. С. 7-й день Летних Молний

1

Люди вели себя тихо, даже дети, и все равно Роберу было неловко, будто ему по дружбе доверили проследить за домом, а он впустил туда чужих. Чувство было глупым, но удивительно

сильным. Когда давешний парень с дайтами спустился напоить своих высунувших языки питомиц, Эпинэ чудом на него не наорал, хоть и понимал, что собакам в жару нужна вода, и взять ее больше негде. Дурацкие мысли породили еще более дурацкие действия. Проэмперадор Олларии сорвал с пояса кошелек и высыпал все, что там нашлось, в Драконий источник. Это оказалось заразным — словно разом свихнувшись, беженцы ринулись к водопаду, и в разбуженную глубь золотым и серебряным дождем посыпались монеты, кольца, браслеты, серьги...

— Мародерам придется помыться, — сварливо заметил неотвязный Салиган, роясь в карманах, — но до чего же людишки привыкли откупаться!

Эпинэ промолчал. Маркиз все с той же брюзгливой миной вытащил украшенную крупной жемчужиной булавку, повертел ее в руках и швырнул в источник.

— Решили искупать лишнего мародера? — не выдержал Робер. — Или записали себя в людишки?

— Не дать взятку, когда все дают, равносильно вызову. Я не столь глуп, чтобы с кем-то бодаться без крайней на то необходимости. Судьбу мы подкормили. Что дальше?

— Дальше вы оставите меня в покое! — рявкнул Иноходец и удрал. Заполонившие прилегающие к источнику аллеи горожане торопливо расступались перед разогнавшимся Проэмперадором. Бедняги не сомневались, что тот торопится по неотложным делам, но Робер никуда не спешил и мало что соображал. Ноги сами сперва вынесли его к храму Октавии, затем затащили внутрь. Лестницу в разоренную усыпальницу вопреки приказу так и не заколотили, и Робера это безобразие искренне обрадовало. Велев увязавшемуся-таки за начальством Жильберу ждать наверху и гнать к кошачьей матери всех, а особенно Салигана, Эпинэ шагнул в пахнущий водой и лилиями сумрак.

Он вновь догонял и не мог догнать спускавшуюся вместе с ним черноволосую женщину и вновь дышал невозможной для подземелья свежестью. Мраморные змеедевы тянули тонкие руки к колодцу, только дождей не было слишком давно, и вода ушла в глубину. Робер видел темное дрожащее зеркало, но не мог до него дотянуться. Он опоздал. Это место не будет

прежним, откажись от пустой надежды, обменяй ее на удачу и не слушай, как ивы плачут, не смотри, как сыплются звезды, с неизбежностью спорить поздно. Ты уже не удержишь вечер, пыль понсоньи развеет ветер, в твоих жилах не хватит крови, чтобы плесень стала листвою, ты уже ничем не помо...

— Тут, конечно, уютно, и при желании можно неплохо утопиться...

— Какого Змея?! — Если Салигана не убить, он так и станет таскаться следом, марая все, до чего дотянется. — Я же, кажется, велел...

— Ваш провинциал хоть и адъютант, а не дурак. Меня пустили сообщить вам пренеприятные известия. Левый берег заполыхал, особенно Нижний город, что неудивительно — где бедней, там и злей. Стражники с моста Упрямцев изрядно перепуганы тем, что творится за рекой. У них хватило ума перегородить мост позаимствованными с Торговой пристани возами, чтобы добрые горожане не хлынули на наш берег, но те к Данару пока не рвутся, бьют друг друга. Уже занялось несколько пожаров, так что ступайте-ка, господин Проэмперадор, наверх и выслушайте лично. Если, конечно, вы не предпочтете прыгнуть в колодец.

2

Салиган не соврал и не перепутал. Было еще не поздно, до темноты оставалось часа два с половиной, а начиналась прямо-таки новая Октавианская ночь, только по всему городу сразу. Не успел Робер отпустить парня с моста Упрямцев, как примчался гонец от Никола — в Новом городе тоже все пошло вразнос: на патрули набрасываются, большие отряды закидывают с крыш камнями, то и дело летят арбалетные стрелы. Кавалеристы уже вырубили несколько банд, пойманных погромщиков начали вешать на месте, но им на смену лезут и лезут новые. Карвалю вторили Мэйталь и Левий, чьи церковники метались по всей западной части Старого города, вешая мародеров и спасая людей, тем же занимался и Блор у Ружского дворца. Не было новостей только со стороны Нохи, посланные туда просто не вернулись.

— Монсеньор, какие будут приказания?

Какие сейчас, к кошкам закатным, могут быть приказания? Тушить, где горит, и ждать известий и темноты, хотя ночью подонки разгуляются окончательно...

— Проедемся по ближайшим улицам, заодно попробуем по трактирам еды раздобыть... Жильбер, Дювье, сколько в парке народу собралось?

— За тысячу точно перевалило. И все идут и идут...

— Что ж, поглядим и на них.

Увиденное вызывало оторопь. Мелкие группы, компании и одиночки, стекавшиеся к Парку, слились во вполне приличный поток. Теперь люди шли без вещей, без повозок и экипажей, словно выскочили из дома в чем были.

— Чисто крысы, — пробормотал Дювье, поймал взгляд Робера и поспешно добавил: — Я не в укор... Просто те так же уходили.

— Я помню. — Сперва крысы, потом — люди, но крысы не пытались стать котами и грызть себе подобных, они всего лишь покидали безопасные, полные еды подвалы. Маленькие серые капельки, ставшие живой рекой, унесшей Клемента, только крысы бежали прочь, а людей несет чуть ли не в сердце города. Почему?

Он попытался узнать, но с тем же успехом можно было расспрашивать Клемента. Беженцы рвались к Старому парку, будто перепуганные лошади к безопасной конюшне, и ничего не могли толком объяснить. Нет, к ним в дом никто не врывался, и вообще на их улице тихо, но сидеть на месте было просто невозможно. Ноги сами несли сюда...

Соседи? Да вот Лысый Клод, живет напротив... Он тоже вместе с внуками сюда пришел. Старший упирался, ну да с Клодом не забалуешь.

На Ароматной улице три десятка домов. Пара семей уехала из города еще раньше, здесь вот еще три. Остальные — как сидели за запертыми дверями, так и сидят. Наверное...

— Монсеньор! Слышите?!

— За мной!

Вопли, визг, нечленораздельный вой — откуда-то слева, от Барбарисовых ворот. Улица, как назло, забита, но выезженные кони находят лазейки в людском потоке, а шагов через сто тот

мелеет. Дракко переходит в кентер, шум ближе, уже совсем рядом. Перепуганные — не солдатами! — люди отскакивают, прижимаются к стенам, к парковой ограде, долговязый малый в студенческой шапочке тычет рукой вперед: мол, там...

Да, там! Орава, человек сорок, пусть вразнобой, но вооруженных, набросилась на скопившихся у Барбарисовых горожан.

— Мрази! И ведь не боятся.

— Всех!.. — только и смог рявкнуть.

Длинные ножи, кинжалы, дубинки и камни — против разогнавшихся боевых коней, тяжелых шпаг и пуль. Против неистовой, тяжелой ярости. Налетчики полегли все, и очень быстро. Трупы убийц поверх трупов жертв, кровь на земле, на каких-то тряпках, на вполовину набитых мешках.

— Плохо дело, Монсеньор, — посетовал Дювье, вытирая клинок, — если уж такие сдохнуть не боятся.

— Ночные птички, — угрюмо откликнулись за спиной, — что ж им еще до темноты-то засвербело?

— Похоже, из пришлых, кого наши «висельники» не догрызли. Но ведь совсем одурели.

— Не совсем, — припомнил мимолетную странность Робер. Когда южане налетели на бандитов, задние только что зубами лошадей за хвосты не хватали, зато орудовавшие у самых ворот пытались удрать, а один аж на колени бухнулся, помилосердствуйте, дескать. Дювье помилосердствовал — полбашки как не бывало. — Обычно кто впереди, тот и злее, а тут бесноватые в арьергарде оказались.

Заныло бедро — похоже, тот, последний, перед тем как околеть, успел-таки махнуть своей деревяшкой. В еще синее небо вцепился лунный коготь. Где-то неуверенно заплакал ребенок, какая-то горожанка попыталась обнять Дракко за передние ноги, полумориск задрал голову и попятился.

— Прекрати, — буркнул Робер, не понимая, приказывает он коню или женщине. — Дювье... Нет, ты, Гашон! С десятком ребят — к Рокслею. Что хотите делайте, но пробейтесь. Собрали там все необходимое, нет ли, принца немедленно вывозить! Направление выбирать самому... Тут Леворукий знает, что творится и где сейчас безопасней.

3

Место Проэмперадора было в городских казармах на Арсенальной, но бросить Старый парк на дюжину стражников Робер не мог — банды вроде той, что вырубили у Барбарисовых, рыскали по всему городу, а здесь собралось слишком много добычи. Искать охрану было некогда, но выход Робер нашел, благо Сэц-Ариж при всем своем упрямстве до Карваля крепко не дотягивал. Эпинэ просчитал до восьми и железным голосом велел:

— Дювье, едем на Арсенальную. Жильбер, остаешься здесь с эскортом. Позже мы с генералом Карвалем найдем, кем вас заменить... Или подкрепить.

Потрепыхаться адъютант все же попытался:

— Нельзя же вам сейчас уезжать почти без охраны!

— Сэц-Ариж!

Странно получилось — одно короткое слово, взгляд, и парень замолк, несколько напряженно отдал честь и шарахнулся к солдатам.

— Не печальтесь, молодой человек, — утешил неизбежный Салиган, — я вас заменю.

Жильбер не ответил, Робер тоже молча завернул Дракко в переулок, объезжая беженцев. Маркиз счел это приглашением.

— Мой дед, — сообщил он, — лелеял честолюбивые замыслы. Он так надеялся, что я стану оруженосцем маршала, а меня выставили из Лаик за не подобающие унару поступки. Зато теперь, если он смотрит на меня из Рассвета... Хотя это вряд ли; если б нас из Рассвета было видно, кто-нибудь бы оттуда да вылетел защитить невинных. Впрочем, если им там не хватает мучеников...

Салиган был в ударе и болтал, будто на обеде у Коко, солдаты начинали посмеиваться, и Робер решил, что от неряхи тоже есть толк, но совсем оттаять не удалось. Уже на Родниковой послышалась отдаленная, но частая стрельба, казалось, где-то возле Триумфальной идет настоящее сражение. Перестроились, перешли на рысь, и тут навстречу вылетел изрядно потрепанный разномастный отряд: десятка три кавалеристов Халлорана, городские стражники и южане.

Возглавлял весь этот компот памятный Роберу еще по зиме Грейндж, возвращенный весной в столицу. Головы парень не потерял и здесь, но от его доклада у Эпинэ потемнело в глазах.

Барсинцы, сволочи такие, проявили себя во всей красе. Как оно получилось, Леворукий знает, но, когда Карваль сначала разослал почти все резервы, а потом и сам куда-то кинулся, эти уроды захватили казармы и, самое главное, Малый арсенал.

— Как?! Откуда взялись? У них же не было оружия!

Грейндж не имел понятия. Он со своим отрядом помогал кавалеристам разгонять погромщиков на Винной площади, когда им в спину внезапно ударили эти твари. Удержаться под огнем было невозможно, пришлось отступить. Боковыми улицами, сделав крюк, вышли к Арсенальной, там помогли прорваться из окружения группе южан. Робер обернулся к землякам, но те мало что могли добавить. Их посылали на север, к Козьему предместью, там все было спокойно, вернулись назад, угодили под пули, а начавшаяся пальба — так это, судя по всему, бунтовщики с кем-то столкнулись.

— С Мэйталем, — как мог спокойно предположил Робер. Вступление в дело барсинцев меняло всё, надежды после этого уже не оставалось. — Что ж, к нему и поедем.

4

Никуда они не доехали. Уже на подходе к Ружской эскорт Проэмперадора обстреляли сразу и с крыш, и из окон здоровенного, украшенного статуями особняка. Двое убитых, один ранен. Стрелков было много, и палили они так часто, что сразу стало ясно — не горожане, слишком шустро перезаряжают. Пришлось отойти за ближайший угол; тенистого от кленов переулка Робер не помнил, хотя какое это имело значение?!

— Грейндж, вы знаете тех, кого привели?

— Я за них ручаюсь! Они не дезертиры и не изменни...

— Лэйе Астрапэ, я о другом! Прорываться, не зная, что впереди, глупо. Отберите ребят потолковей и отправьте в обход искать Карваля, Мевена, Мэйталя и Левия. Не в одиночку, конечно, человек по пять, а мы возвращаемся к Старому парку.

— Слушаюсь, монсеньор.

Ночь они как-нибудь продержатся, воды хватит и людям, и коням, а от голода за сутки не умирают. Беженцев, скорее всего, придется из города выводить, но не раньше, чем станет ясно, на каком они свете. Только б нашли Никола и Левия, и только бы Рокслей не пошел по Триумфальной!..

— Господин Проэмперадор, я вам еще не надоел?

— Нет.

Зачем он соврал? Глупость какая...

— Жаль. Хотелось бы за все хорошее обрадовать вас дважды.

— Салиган, вы можете короче?

— Если постараюсь. Вас обрадует, если эти господа на крышах и внизу оставят вас и Старый парк в покое? Да или нет?

— Да!

— Отлично. Они уйдут, но мне нужен ваш приказ. Письменный. При нынешнем раскладе скорей убьют меня, чем вас, но может статься, и наоборот. Мне так часто сходили с рук мерзости, что я боюсь быть повешенным за благодеяние.

— Что вы будете делать?

— Я поведу их грабить.

— Что?!

— Я поведу их грабить в противоположную от парка сторону. Подобное лечат подобным. Вы о таком слыхали?

— Монсеньор, — подал голос внимательно слушавший Дювье, — это дело! Жар от наших задниц оно оттянет...

— Что вам написать? Закатные твари, нечем мне писать и не на чем!

— Все уже написано. — Маркиз с довольным видом полез в карман. — С вас подпись и осознание, что вы ставите ее в здравом уме и твердой памяти. Прошу.

«В седьмой день Летних Молний 400 года К. С. и далее маркиз Салиган действовал по моему приказу. Проэмперадор Олларии герцог Эпинэ».

Этого он не писал, но это было написано его рукой! Робер дважды перечел записку, вспомнил мэтра Инголса и потребовал объяснений.

— Я взял за образец октавианскую подделку Килеана, — теперь маркиз копался в седельной сумке, — а его письменный прибор я просто взял. Старик Дорак в подобных случаях писал, что все, сделанное имярек, сделано во благо и по приказа-

нию, но это не ваш стиль... А, вот оно! Только, ради Леворукого, не посадите кляксу.

Походный письменный прибор украшал герб Килеанов, но чернила были свежими, а перо отлично заточено. На мгновение стало тошно, только другого выхода не было, Робер, во всяком случае, его не видел. Подпись легла на бумагу, точно всегда там была. Обошлось без клякс.

— Можете оставить прибор у себя. На память о несчастном, — маркиз выразительно шмыгнул острым носом и сунул шкатулку Дювье, — Килеане-ур-Ломбахе.

— Когда... все сделаете, возвращайтесь. И будьте поосторожней!

— Я твердо намерен когда-нибудь вам надоесть. — Салиган спешился и закинул поводья за луку седла. — До встречи, Проэмперадор. И позаботьтесь о моей кобыле, она мне дорога. А не мне, так барышникам.

Пока Эпинэ, онемев от подобной наглости, придумывал ответ, Салиган подпрыгнул и, ухватившись за нависший над дорогой сук, оказался сперва на дереве, а затем на крыше выходящего в проулок сарая, откуда и послал воздушный поцелуй, после чего окончательно исчез.

— Монсеньор, — доложил Грейндж, — люди разосланы.

— Возвращаемся, — хрипло велел Иноходец и понял, что все еще держит в руках дурацкое перо.

Глава 5

ТАЛИГ. ОЛЛАРИЯ

400 год К. С. 7-й день Летних Молний

1

Предместье называлось Огородным, но огородов здесь почти не осталось, все больше сады, благодушно подставлявшие вечерним лучам зреющие яблоки, груши и сливы. Место выглядело удивительно мирным, даже пахло здесь не дымом, а падалицей, которую никто не собирал. И не только падалицу — было самое время снимать ранние яблоки и гонять портя-

щих урожай птиц и птичек, но садовники с подручными будто сгинули. Осознание пустоты вытеснило вызванное зрелищем разомлевшей зелени умиротворение. Арлетта проводила глазами стайку скворцов и вслед за Пьетро ступила на дощатый мостик над пересохшей канавой.

Долго ли еще идти, графиня не спрашивала, но столько она не ходила давно. Если бы не «церковные» сандалии, женщина села бы и захныкала еще в Каменщиках с их покрывавшей дорогу щебенкой, но и так ступни сразу и гудели, и горели, а все остальное — ныло. Арлетте казалось, что на нее напялили тяжеленную торскую шубу, а поверх — корсет, который и затянули изо всех сил; ощущение становилось, вернее, уже стало невыносимым, и все равно графиня шла, не жалуясь и ни о чем не спрашивая. Нытье заветную «голубятню» не приблизит, а занятых своим делом мужчин отвлечет.

Марианна, видимо, думала так же. После встречи с Джанисом баронесса не произнесла ни единого слова, она молчала, даже когда в городе Франциска на них выскочили три твари, судя по юбкам и длинным волосам, недавно бывшие женщинами. На Арлетту они внимания не обратили, но баронесса на них подействовала, как одинокая кошка на собачью стаю. Нет, вреда Марианне никто не причинил — не успели. На душу смиренного монаха легло три новых то ли греха, то ли благодеяния, а красавица опустила капюшон и больше его не поднимала.

Вторая встреча вышла уже почти в предместьях. Улочки были пусты, их обитатели либо бушевали в кварталах побогаче, либо отсиживались за наглухо закрытыми дверями, здесь же никаких беспорядков не ощущалось, разве что время от времени попадались разгромленные лавки. Возле одной как раз копошились мародеры. Пьетро опустил голову и ускорил шаг, дамы последовали его примеру. Казалось, что пронесло, но за углом караулила пара громил, не то изгнанных из стаи, не то пришлых. Хотели они убить или только отобрать узел с маской, Арлетта так и не узнала. На сей раз первым стал Джанис. Сделав дело, «Тень» быстро наклонился над трупами, словно что-то проверяя, но ничего не сказал. Это приключение было последним, ближние предместья будто вымерли, только однажды по ушам резанул отчаянный женский крик, но ни мо-

нах, ни разбойник даже не обернулись, а графиня с баронессой им ничего не сказали.

Солнце валилось на сады огромным, на глазах краснеющим яблоком, птичьи банды кончали кормежку и со щебетом разлетались, в высохшей некошеной траве шуршал кто-то мелкий. Пьетро оглянулся по сторонам и принялся развязывать бечевку, что удерживала притаившуюся между двух плетеных оград калитку. Здесь в самом деле начинались огороды — капустные головы важно лежали на черной земле, за ними виднелось что-то желто-зеленое.

— Огурцы, — разлепила губы Марианна. — Их не убрали... Теперь поздно...

— Возможно, несколько еще удастся спасти, — заметил Пьетро, — для ужина. Мы пришли, сударыня. Дом огородника не слишком удобен, зато безопасен. Хозяева выехали на прошлой неделе, еды и воды нам хватит, чистые простыни тоже есть. Вы что-то хотели сказать?

— Ничего, — с достоинством ответила графиня. — Впрочем, если там найдется пара новых ног, я буду в восторге.

— Ног?! Вот ведь! — заливисто расхохотался за спиной Джанис, и Арлетта поверила, что они выбрались. Очень может быть — потому, что не стали отвлекаться на чужой крик.

2

— Монсеньор, — вполголоса подсказал Дювье, — а народу-то прибыло...

Эпинэ угрюмо кивнул: прибавления не заметил бы разве что слепой. Не от хорошей жизни разросшийся отряд объезжал Старый парк по периметру, местами с трудом пробираясь сквозь мешанину карет и повозок.

— Здесь, — с некоторой оторопью объяснил Робер Грейнджу, — час назад рубили налетчиков.

— Прямо ярмарка, — негромко откликнулся бывший таможенник. — Только невеселая...

Эпинэ похлопал всхрапывающего Дракко по шее и промолчал. Происходящее все сильней напоминало нескончаемый кошмарный сон, хоть и не совсем про то, что пугало «Проэмперадора» до недавнего времени. Не мятеж, когда позабывшая

страх толпа дорывается до ненавистных властей, и не вышедшая на охоту щербатая нечисть, а нечто среднее. И еще закат, дым и почти ярмарочный гул, из которого выныривают то плач ребенка, то лошадиное ржанье. Ночь обещала стать чудовищной, но страдать было некогда.

— Проверим-ка Бобровую.

— Точно!

— Не помешает...

Извилистая Бобровая, ведущая к Посольскому кварталу и дальше, к Гусиному мосту, оказалась пуста. Господ дипломатов к водопадам не тянет, у них свои парки и свои фонтаны, а вот дошло ли до них, что времени лучше не терять? Глауберозе умен, но с казаронами на шее далеко и, главное, быстро не уйдешь.

— Грейндж, гляньте-ка, что там у послов, и поторопите их. Мы больше не можем гарантировать им безопасность.

— Хорошо, монсень...

В глубине Бобровой, за поворотом, заорали так, что даже гул близкой толпы не заглушил. Этого еще не хватало!

— Перекрыть улицу! Живо.

Перекрыть придется все подходы к парку, то есть не перекрыть, выставить заслоны, а имеющиеся силы разбить на пять отрядов, по числу жмущихся к парковой ограде улиц. Если не полезут сразу со всех сторон, сил хватит даже без Левия и Никола, но если придется вообще без них?! Нет, такое немыслимо.

Кавалеристы деловито выстроились по восемь в ряд, то и дело поглядывая на предводителя. Кто-то проверял, как ходит в ножнах клинок, кто-то поглубже нахлобучивал шляпу, кто-то успокаивал не ко времени заплясавшую лошадь. Солдаты собирались поквитаться за стрелков на крышах и отступление, Робера тоже тянуло поднять Дракко в галоп, пронестись молчаливой, залитой вечерним золотом улицей, врезаться в наладившуюся на грабеж банду. Сдержался. У ардорцев — кажется, ближе всех они — есть охрана, а у сгрудившихся в Старом парке талигойцев — только герцог Эпинэ. Значит, к кошкам дипломатов! А крики-то стихли, зато застучали копыта. Южане вокруг напряглись, хотя кого-кого, а кавалеристов-погромщиков в городе пока не видели. Неоткуда им таким взяться!

Непонятные кони приближались быстро, было их немало, и шли они походной рысью. Мэйталь? Прорвавшийся из Нижнего Карваль или... Рокслей? Ну конечно же, он! Своих мозгов не хватает, вот и потащил Октавия к Проэмперадору!

— Грейндж, и все же у меня для вас есть пору... Постойте!

Это был не Рокслей, не южане, не ребята Халлорана. Из-за поворота, на ходу вытирая сабли, выезжали алаты во главе с его превосходительством господином послом, какового Робер видел всего лишь дважды — после смерти Катари и в день затеянного Левием переворота. Тогда это был дипломат, отчего-то избранный сестрой в свидетели, теперь к южанам подъезжал витязь и предводитель витязей.

Лихо топорщились усы, весело блестели зубы, рыжие закатные лучи играли богатым шитьем, румянили и без того раскрасневшиеся физиономии, откровенно довольные. Алаты явно сделали то, что принесло им удовлетворение, а Робер... Робер не мог отвести взгляда от тяжелой сабли в руке посла, не отличимой от той, что положил к ногам Фердинанда Оллара Рокэ Алва. Тот же изгиб клинка, то же широкое лезвие, те же стекающие с него темные маслянистые капли.

3

Пьетро умел не только убивать, но и воскрешать. Вымотанная Арлетта не успела возопить, когда Пьетро предложил размять ей ноги, а потом артачиться стало поздно и глупо. Еще большей глупостью было бы отказаться от предложенной настойки, графиня и не отказалась. Теперь она сидела под грушей на превращенном в подстилку плаще и блаженно щурилась на занятых будущим ужином мужчин. Мышцы продолжали ныть, но терпимо, будто напоминая о прежних своих заслугах и о том, что жизнь продолжается. Дул легкий ветерок, шелестели ветки и сухая трава.

День угасал, но света пока хватало — огурцы, во всяком случае, Джанис узнал и пленил целую дюжину. Пьетро тоже куда-то ходил, но вернулся, как и ушел, с пустыми руками, после чего взял ведро и отправился за водой. Видимо, поблизости имелся колодец — вставать и проверять не было сил, их вообще ни на что не было, вот Марианна, та первым делом сброси-

ла платок и принялась, шипя, разбирать свалявшуюся гриву. Восхитительное зрелище оценила только Арлетта — Джанис то ли созерцал огурцы, то ли о чем-то размышлял, а принесший воду Пьетро занялся другой стихией, и вскоре в кем-то вырытой яме уютно затрещал небольшой костерок.

— Не волнуйтесь, сударыня, — монашек прочел очередную мысль, правда вялую и ленивую, — огонь видно только с нашей крыши, а дыма мало, и его сносит прочь от города. Я очень удивлюсь, если до утра нас потревожит кто-то, кроме нетопырей.

— Нетопыри такие милые. — Арлетта наклонилась и уже сама принялась растирать себе щиколотки. — В сравнении с людьми. Некоторыми...

— Закатные твари! — Джанис отшатнулся от огурцов, словно из них полезли змеи. — Да они все просто перебесились! Я же у Нохи видел вдову мэтра Редбока, законника! Таких сушеных... поискать, она ж по нужде без всяких этих... приличий не пойдет, а тут с мясным топориком, и где взяла-то?! И прямиком на Булыжника — был у меня такой... Глаза выкаченные, визжит, как... ну и раскроили дуре башку. Туда и дорога! Так ведь и другие не лучше, по виду — добропорядочные, а сами... Ну на кой им Ноха ваша сдалась?

— А твоим «орлам» она зачем? — вмешалась заплетшая наконец косы Марианна. — Души спасать кинулись?

— Ну, ты скажешь... — «Тень» хмыкнул и тут же посерьезнел. В сумраке он мог сойти за офицера, не столичного, само собой. — Ду́ши... Шкуры они спасали, а вообще что творится, один Леворукий разберет. Наши, пришлые, городские, все как с цепи сорвались, разве что проэмперадорские держатся, ну и «мыши»... Ваши то есть, церковные.

— Не все, — коротко бросил Пьетро, и Арлетта окончательно уверилась, что эти двое спелись.

— А мои вот все... — «Тень» тронул рукой то ли ворот, то ли что-то, скрытое рубашкой. — Ломанулись к Нохе, как нахлыстанные. Я тоже пошел, хорош бы я был, если б бросил, хотя они б и без меня... И ведь наша же брала, и тут... Снова все, кроме меня! Булыжник вот — рядом же дрались, как раз уродов с Мясной завалили, и тут он раз — и наземь. Думал, споткнулся, какое там, готов. Обернулся, а там Рохля с Розанчиком валятся, и тут черноленточный как заголосит... Дескать,

Создатель помог, ну я его живо успокоил, только что я один мог? Ну пришиб еще одного... радостного такого, и смылся. До Двора нашего добираться через весь город, плюнул на то, что там схоронено, выгорит, позже заберу, нет — не судьба, решил в ближней «норе» отсидеться. Бесноватым не до меня стало — на приступ бросились. Пули, не пули, лезли, как комарье на задницу, вы уж, госпожа, простите...

— Неважно, — отмахнулась Арлетта. — А этот... Соня? Он ведь тоже не умер со всеми.

— Так он не вовсе наш был... Я его уже в «норе» нашел. Другое дело, что я и Соне обрадовался. И вам вот теперь... Один остался, чуть себя не порешил, вот ведь блажь какая! Нет уж, нечисто здесь. Уходить надо...

— Надо, — Пьетро аккуратно отложил нож, — но мы не одни, мы не знаем, что творится на дорогах, и, самое главное, мы не решили, куда идти...

— Главное — это город! — перебила монаха Марианна. — Мы не знаем, что с...

— Мы вообще ничего не знаем, — быстро сказала Арлетта, — а мне к тому же сейчас и шагу не сделать. Мы с баронессой подождем здесь, а вы завтра сходите и посмотрите?

— Слишком близко, — возразил с прежней кротостью Пьетро. — В эту ночь побегут многие, в том числе и в предместья, а где зайцы, там и волки. Мы не можем так рисковать. Вами рисковать...

— И не нужно, — радостно перебила Марианна. — У Коко есть имение, и не так уж далеко, по дороге на Марипоз. Нужен хоть какой-нибудь экипаж, и мы к утру доберемся. Это очень тихое место. Коко купил его на... всякий случай.

4

Глауберозе всё сделал, как договаривались: господа послы целый день удерживали свой квартал и готовились к отъезду, но потом все вокруг будто с цепи сорвались, гонцы к Роберу и Карвалю пропали, какие-то шайки стали появляться чуть ли не каждые четверть часа... В общем, решили уходить немедленно, тут и возникло то, что алат, чье имя Робер благополучно забыл, уклончиво назвал разногласиями.

— Агарийцы повели себя почти неприлично, и я был вынужден им на это обстоятельство указать. — Казалось, у плечистого усача в руках не поводья, а чашечка шадди. — Соответственно, мы несколько задержались и выехали отдельно от других. Я счел правильным разыскать вас и узнать, что происходит, но нам сразу же встретилась шайка несомненных разбойников. Пришлось принять меры.

— Могу вас лишь поблагодарить, — попытался поймать дипломатический мяч Эпинэ. — Однако здесь вы подвергаетесь...

— И что с того? — Алат совершенно не по-посольски подмигнул. — Лучше скажите, что вы собираетесь делать? Я смотрю, тут много мирного народа, им нужна защита, а людей у вас негусто.

— Вы хотите...

— Считайте меня вашим полковником, хотя людей у меня, как у капитана.

— Но ваши...

— Господин Эпинэ, те, кто не может или не желает держать саблю, отправились с Глауберозе, а со своим Альбертом я уж как-нибудь объяснюсь... Если мы с вами выберемся из этой передряги, само собой. Так что нам делать?

— Будем решать вместе.

— Монсеньор... Монсеньор... Его высокопреосвященство...

— Что с ним?!

— Он здесь... У дракона! Жив-здоров, только людей... раздва да обчелся.

Наверное, Робер стал-таки пристойным Проэмперадором — он не сорвался с места, а вежливо пригласил новоявленного союзника — закатные твари, ну как же его звать?! — на совещание с кардиналом.

Левий сидел на той же скамье у водопада, что и они с Эрвином после спуска в разрушенный храм. В сгущающихся сумерках серое одеяние и седина кардинала резко выделялись на фоне ставшей очень темной листвы.

— Мир вам, — негромко сказал его высокопреосвященство. — Хорошее все же пожелание, в полной мере я оценил его лишь сейчас. Чего не мог рассказать мне Сэц-Ариж?

Робер рассказал, алат коротко добавил — он в самом деле вел себя как полковник, и отнюдь не паркетный. Левий тронул своего голубя.

— В городе Франциска тот же ужас.

— А Ноха? — Ну зачем он спросил?! Ведь обещал же себе!..

— Ноху штурмовали, и, по крайней мере, первые штурмы были успешно отбиты. — Кардинал не успокаивал, но от души у Робера слегка отлегло. — Что там сейчас, неизвестно, но будем уповать на милость Создателя и мужество верных слуг Его, как собравшиеся у этих вод уповают на нас с вами.

5

Почти стемнело, и Джанис полез на торчащее на краю огородов дерево, спустился, позвал Пьетро. Тот взобрался еще выше и вернулся с неутешительными новостями — в городе пожары. Горит в разных местах, горит сильно. Значит, все стало еще хуже, чем было.

— Сударыня, мне нужно отлучиться, — кротко уведомил Пьетро, и Арлетта невольно покосилась на пальцы монашка — четок в них не было. — Поверьте, вы в безопасности, к тому же с вами останется Джанис.

— Не нужно. — Они с Марианной сказали это одновременно. Что-что, а читать мужские взгляды умели обе, и тот, которым обменялись за ужином их спутники, означал: нужен экипаж, значит, будет экипаж. — Уводить лошадей лучше вдвоем.

— Вы правы, — не стал настаивать агнец Создателев, и дамы остались одни.

Обещанные простыни в домишке огородника нашлись, но ложиться было страшно. Кое-как умывшаяся Марианна свернулась калачиком на постели, глядя на слишком дорогой для такой халупы фонарь, вокруг которого уже кружили беспутные бабочки. Удирая из Сэ, Арлетта провела одну ночь в крестьянском доме, но это было другое бегство, и беда тоже была другой.

— Сударыня, — внезапно сказала Марианна, — если с ним что-то... Вы мне скажете?

— Прекрати! — Потерявшая самое дорогое женщина обернулась к той, что только боялась потерять. — Никогда загодя не хорони! Знаю, что трудно, но если хочешь дать Роберу счастье, думай, что он бессмертен, а ты уж как придется.

— Я не смогу не бояться... За него. Но я совру, он не догадается!

— Не надо врать, да с Ро и не выйдет. — Чем бы ее отвлечь? Родственниками. Будущими и, к счастью, уже покойными. — Вот его дед был дуб дубом, пока молнией не шарахнет, не поймет, а как шарахнет, поймет не так. Жозина... Мать Робера свекра ненавидела, а старый болван думал, что невестка ненавидит всех, кроме него, такого великого. Надеюсь, Леворукий ему объяснил, что к чему...

Марианна не ответила, и правильно сделала. Анри-Гийому самое место в могиле, и поминать его, когда все летит в Закат, нечего. Арлетта резко, словно боясь передумать, схватила узел с маской и развернула. Древность спала, и не бликам от фонаря было ее пробудить.

— Спокойной ночи, — пробормотала графиня, вновь закутывая трофей в несчастную шаль.

— Я не поеду в Савиньяк! — выкрикнула за спиной Марианна. — Пока его не увижу...

— Никто никуда не поедет, пока не будет лошадей, — отмахнулась с нарочитой беспечностью Арлетта и вышла в ночь, еще рассеченную на западе грязно-рыжей полоской, по краю которой мазнули льдистой зеленью.

Графиня дошла до яблони, под которой они ужинали, — там еще оставались пресловутые огурцы; повертела один такой в руках и уселась прямо на теплую траву. Она жевала и смотрела на небо, принуждая себя узнавать созвездия. С ее зрением это было непросто, но зеленое око Малой Кошки ярко сияло над самой головой; женщина принялась «пририсовывать» к нему не столь броские звезды и занималась этим, пока над погасшим горизонтом не поднялся алый Фульгат. Арно, смеясь, называл его звездой маршалов... Стрекотали цикады, пролетела летучая мышь. Она могла бы видеть пожары, но нетопыри слепы.

6

Людей нужно выводить, причем не утром, а прямо сейчас. К этой мысли подталкивали и появившиеся наконец церковники — не больше пары сотен — с рассказом о том, что творилось у Ружского дворца: огромная толпа всякого сброда, барсинцы и примкнувшие к ним солдаты других полков выбили оттуда Мэйталя, причем с большими потерями. Потом проби-

лись южане от Арсенальной и Фабиановой, со сногсшибательной вестью о захвате дворца. Мародеры буквально смели изысканные решетки и растеклись по дворам, дворикам, садам; им никто не мешал, значит, Рокслей ушел.

Зазвенели выбиваемые окна, бросились наутек задержавшиеся слуги. Их даже не ловили — не хотели терять время. Трое поваров выскочили прямиком на южан как были, в белых колпаках. Робер их слушал, пока не явился кто-то из гарнизона с очередной радостью: половина резервного полка дезертировала и присоединилась к мятежникам, центральная часть города опустела, оттуда все кинулись грабить дворец. Где Карваль, никто не знал, где Мевен — тоже, разве что насчет Инголса алат успокоил — законник как раз был в Посольском квартале и ушел с караваном.

— Я должен вывести людей из города, — твердо сказал Робер, — утром может быть поздно.

— Поздно может быть уже сейчас, — «обрадовал» витязь. — У нас слишком много детей и стариков, пешком они далеко не уйдут. По Триумфальной кареты проедут даже в три ряда, но к ней еще нужно пробиться.

— В Старом городе поутихло, — напомнил тоже оказавшийся на полковничьей должности Грейндж, — а за аббатствами? Плохо о тех местах говорят, кто оттуда выбрался.

— Не получится у нас спокойно добраться до ворот Роз, Монсеньор, — вмешался знавший город едва ли не лучше всех Дювье. — Может, прямо к Данару и через Гусиный на тот берег?

— Мосты узкие. — Робер не выдержал, прикрыл-таки глаза ладонями. — С таким обозом и в совсем уж узкие улочки левобережья? Не получится.

— Глауберозе решил идти вдоль Данара до моста Упрямцев, там в Верхний город и на север, но у него меньше народу...

— А если Небесной благодатью? — Дювье смотрел только на Монсеньора. — Совсем близко же! Поуже Триумфальной, конечно, но тоже ничего.

— К воротам Лилий? — Грейндж свел брови. — Пожалуй... В южных кварталах правого берега пока не так шумно.

— Решено. — Иноходец открыл глаза и оглядел свой странный, даже более странный, чем в Эпинэ, совет. — Уходим ту-

да. Грейндж, проверьте, что творится у Перекатного моста. От Благодати до него рукой подать, вдруг все же выйдет уйти левым берегом? Там попросторней, да и окраина недалеко...

— Будет сделано, Монсеньор.

— Жду вас здесь через час. Раньше этот табор все равно не поднять.

— Пойду к людям. — Левий уже стоял, расправляя складки своего одеяния. — Напомню, что спасение наше в нас самих и в готовности нашей протянуть руку ближнему. Или, если угодно, взять к себе в повозку старика или ребенка.

— Хорошо, — согласился Робер и едва не взвыл, ступив на больную ногу. — Идемте вместе...

Бедро болело, словно по нему саданули копытом, но нога слушалась, значит, кости целы. Дювье молодец, что вспомнил о Небесной Благодати. И алат молодец, и церковники с Левием, вместе они выберутся и вытащат беженцев. Ну а потом придется вернуться в это безумие и попробовать с теми солдатами, кто еще остался, как-то все угомонить.

— Сын мой, если ты запамятовал имя нашего алатского друга, то его зовут Карои. Балинт Карои, и ты смело можешь ему доверять.

— Я доверяю, — заверил Эпинэ. — Ваше высокопреосвященство, как такое могло выйти? С чего?

— Сейчас это неважно. Сейчас не важно ничего, кроме повозок и эскорта. Остальное забудь!

— Да, — пообещал Робер, — я забуду.

Глава 6

БЕРГМАРК. АГМШТАДТ ТАЛИГ. ОЛЛАРИЯ

400 год К. С. Ночь с 7-го на 8-й день Летних Молний

1

Матери грозит опасность? Пожалуй... Граф Савиньяк не считал, сколько раз за день, вечер и, пожалуй, уже ночь он повторил про себя эти слова, но жизни, а значит, *дела,* это не от-

меняло. Просто мать, чем бы маршал ни занимался, стояла у окна и, придерживая портьеру, глядела в пустой нохский двор. Нет, рассуждать это не мешало. Рассуждать, разговаривать, обедать, незаметно поправлять маркграфа, именно сегодня вздумавшего обсуждать ор-гаролисскую главу своего труда.

В соответствующих местах Лионель кивал, поливал кабанье мясо ежевичным соусом и объяснял, что командующему дриксенским авангардом должен воздать по заслугам если не глупый Фридрих, то умный маркграф, а материнские руки все теребили и теребили ярко-синюю ткань. Даже если все обойдется, он их не забудет, как не забыл падающие со стола фок Варзов и разбегающиеся по неровному полу грифели. Капитан Савиньяк их собирал, а маршал рассказывал про Борна.

Отцу незачем было ехать к мятежникам, а матери — в столицу, это должен был понять хотя бы Бертрам! Не понял, да и откуда? Что вы говорите, дорогой Вольфганг-Иоганн? Нет, я не считаю верным принижать таланты дриксенских генералов, в том числе и потому, что это уже делает «Неистовый». Не ценя врага, мы не ценим свои победы, поставив же вражеских офицеров выше принца, мы толкаем принца на новые глупости, столь нам полезные...

Обед, обсуждение, послеобеденное вино с шутками и пожеланиями тянулись, тянулись и наконец кончились, как кончается все. Лионель неторопливо отложил расшитую золотыми корабликами салфетку, поцеловал руку Фриды, прошел коридорами, в которых уже зажгли лампы, выслушал просьбу адъютанта, судя по глупому виду, изрядно в кого-то влюбленного, запер дверь и в очередной раз попытался прорваться в Олларию. Без толку — увешанные бергерскими трофеями стены исчезать не желали, а до двора с чертополохом и разбитыми бочками была неделя быстрой скачки. Даже выехав немедленно и загнав десятки лошадей, ничего не изменишь.

Первым про резню узнает Фажетти, погонит курьеров, и те поскачут, везя в сумке теперь уже вчерашний день. Смысла любоваться маской тоже нет, да и связана ли она с видениями? Маршал убрал антик, в сходстве с которым его заподозрили, а заодно и надежду увидеть Олларию. Знай он Карваля, Левия, нынешнего Эпинэ лучше, можно было бы взглянуть их

глазами и хоть что-то понять, но близко Ли знал лишь мать, Марианну и Инголса, а они ничего не решали. Бунт, кто бы до него ни довел, давят военные, а следы на державных коврах замывают политики, хотя попадаются и те, кто способен как на первое, так и на второе. В себе Савиньяк не сомневался — мятеж в Эпинэ он погасил бы за пару недель, вот только в Олларии ощущалось нечто особенное, что для начала требовалось понять.

Пропавшие церковники, отсутствующие стражники, горожане, прущие на стены, как вариты на агмские перевалы, «висельники», вздумавшие защищать гнездо эсператистов, трупы без ран, странности с вдовой Арамоны и с ним самим — все это не могло не быть взаимосвязано, но, во имя братца-Леворукого, как?! Допустим, стражников нет, потому что в другом месте еще хуже. Церковная гвардия пошла кому-то на помощь и не смогла вернуться. Объявился новый Авнир, и горожане навязали черные ленточки, но погромщиков никто не вел, в этом Лионель не сомневался! Не было у толпы вожака, в отличие от «висельников»...

А если Джаниса на выручку Нохе погнал Эпинэ или Левий? Чушь. Никакая «Тень» не заставит ворье драться за других, да еще с такой яростью; и никакой Авнир не превратит добропорядочных мещан в обезумевших смертников. Похоже, их можно только убивать, но дошло ли это хотя бы до Карваля и сколько в городе бесноватых? Церковников не тронуло или... тронуло раньше, потому-то их и мало...

— Монсеньор, — адъютант казался сразу смущенным и удивленным, — к вам девица Арамона.

— Пригласите.

Нежданная гостья приглашения дожидаться не стала, но сделать очень милый книксен не забыла. Адъютант, поймав взгляд начальства, вылетел за порог. Галантно скрипнула закрываемая дверь.

— Сударыня, — спросил Савиньяк, — чему обязан столь дивной неожиданностью?

За объяснениями дело не стало.

— Вы хотели видеть капитана Гастаки, — деловито напомнила девица. — Зоя сейчас у мамы.

2

Половина первого... Ветер донес от Ружского дворца звон курантов, и Роберу стало по-настоящему страшно. Потому что собранный людьми и для людей механизм действовал, отбивая положенное, а сами люди сотнями и тысячами сходили с ума. Картина вообще была жуткой в своей неправильности. Те, кто не свихнулся, бежали из еще недавно спокойного, казалось, уже оправившегося от зимних бед города вместе с остатками гарнизона. Шли и ехали, ожидая удара с крыш, из окон, из переулков и тупиков, вздрагивая при каждом резком звуке.

Скрипели дряхлые рыдваны, ржали и фыркали возбужденные лошади, то и дело принимались плакать дети, но никто не ссорился, не пытался первым пролезть в ворота, не орал, брызгая слюной, на такого же разом лишившегося всего бедолагу. Все шло на удивление гладко, беженцев даже уговаривать не пришлось — люди с какой-то цыплячьей готовностью соглашались следовать за Проэмперадором. Куда сложней было превратить пусть и послушную, но толпу в подобие обоза. Экипажей не хватало, однако детей и пожилых, особенно женщин, как-то рассадили.

— Остальные — пешком, — как заведенные твердили сержанты, проходя по забитому людьми Нижнему парку. — Придерживайтесь за телеги... Все равно поползем не быстрее пеших. Придерживайтесь... пешком... придерживайтесь...

Натруженные сиплые голоса то перекрывали шум воды, то затихали, и тогда говорил, прощался, плакал источник. Уже стемнело, пришлось заняться факелами, потом кто-то умер, и Левий ушел туда, а Робер собрал оставшихся офицеров, чтобы утрясти порядок следования, и это оказалось непросто.

Наконец, ближе к полуночи, отбив еще пару нападений каких-то шаек, разномастный обоз под прикрытием не менее разномастного конвоя пополз прочь из парка.

В авангарде шли надежные, родные, бесценные южане и приданные им в помощь люди Грейнджа. Дювье за время пребывания в столице неплохо ее изучил, но бывший таможенник всяко разбирался в паутине улиц и улочек лучше. Вдоль колонны вытянулись церковники и кавалеристы покойного Халло-

рана, немногочисленных мушкетеров кучками рассадили по повозкам, хотя куда сейчас стрелять — ночь давно накрыла Олларию набитой страхом периной.

Робер стоял у водопада и смотрел, как мимо удручающе медленно бредут люди с узлами. Дювье уже сворачивал с Родниковой, а последние беженцы лишь тянулись к парковым воротам. Прикрывать «хвост» досталось алатам, они не спорили.

— Сейчас идти сзади не позор, — сказал Карои. — Враг может появиться отовсюду.

— Враг... — повторил Эпинэ, глядя на посла. — Как он получился, этот «враг»? Все было почти хорошо...

— С Изломом породниться — с четырьмя смертями биться, — утешил земляк Матильды. — Вы будете прощаться?

— С кем? — удивился Эпинэ и в тысячный раз понял, что он дурак, причем неблагодарный. Ему раз за разом дарили покой и надежду, он их пил, будто воду, и ничего не понимал. — Простите, я сейчас...

Спуститься к водопаду, подставить лицо мелким брызгам, попросить прощения. Запомнить, как дрожат созвездия в ставшем вторым небом озере. Просто запомнить. Тростники над сонной водою, ты уносишь их сны с собою, плач и стоны да станут песней, ночь умрет, но утро воскреснет; ночь уйдет и проснутся зори, обернутся слезы росою, верь дороге и верь рассвету, ведь еще не кончилось лето...

— Монсеньор, — хрипло взвыли наверху, у скамьи, — его высокопреосвященство в середине колонны! Он вас ждет!

— Иду.

Когда умрет последний из тех, кому Старый парк сегодня дал покой, вода по-прежнему будет падать вниз и петь свои песни, так почему уход кажется предательством, словно ты вновь бросаешь мать? Источник плачет не о тебе и не о себе, он не может иначе, как не могут не шуршать тростники. Это просто натура, как сказал бы какой-нибудь философ, она вечна, она равнодушна и уж точно не боится остаться без тебя. Ты нужен беженцам, а не водопаду!

— Монсеньор! Тут на воротах...

— Сказал же, сейчас!

3

Зоя вряд ли чего-то соображала, как не соображала сама Луиза, когда едва не утонул Герард. Мертвый капитан топала ногами, мотала головой, со страстью поминая якоря, зубанов и прочие малопонятные мещанкам и придворным дамам вещи. Луиза слушала бушующую — а ведь, причеши ее хорек, подругу! — со смесью обиды и двух жалостей сразу — к Зое и к себе самой. И еще задним числом было очень страшно.

Когда в комнату постучали и на пороге воздвиглась капитан Гастаки, причем в ужасающем виде, госпожа Арамона пребывала в каком-то отупении. У нее ничего не болело, но женщина ощущала себя то ли разваренным горохом, то ли перекисшим тестом. Она даже не успела обрадоваться гостье, потому что Зоя немедленно принялась орать и орала до сих пор, то и дело запахивая грязный разодранный камзол. Из грозных и при этом жалобных воплей явствовало, что Луиза чудом не отправилась прямиком к Арнольду.

— И еще платье!.. — негодовала покойница. — Нашла, в чем к нам идти! И волосы эти твои... Мы, чтоб ты знала, в чем уходим, то и носим, поняла?! У меня длинней не вырастет, а могла ведь не хуже, чем у тебя... У нас вся семья волосатая и носатая. Нос никуда не денешь, а волосы я сдуру чикнула, штанастым назло, а ты вот растишь и растишь. *Ему* нравится, *он* мне этими волосами твоими...

Под дверью дико взвыл отпущенный погулять и некстати вернувшийся Маршал. Зоя вздрогнула и заморгала, Луиза бросилась к двери, ухватила растопырившегося кота под брюхо, проволокла через комнату к двери в спальню Селины.

— Сэль! Забери.

Обычно чутко спавшая дочка замешкалась. Луиза, перехватив завывающего зверя за шкирку, распахнула дверь. Спаленка была пуста, но думать о пропаже с котом в руке и бушующим выходцем за спиной капитанша была не в состоянии. Зашвырнув Маршала внутрь, она обернулась к растерзанной Зое и в лоб спросила:

— Тебя что, кошки драли?

— Если бы! — Зоя снова затрясла головой, но как-то осмысленно. — Ободралась, пока к тебе протискивалась. Ты не ушла, узко получилось. Ничего, затянется...

— А пуговицы? — Святая Октавия, ну и ересь же в голову лезет! — Пуговицы совсем потерялись?

— Они тоже будут. — Зоя колыхнула знатной, у Луизы и после родов такой не бывало, грудью. Все верно: с кого шерсть, а с кого — мясо. Арнольда при жизни не на женины косы тянуло, а на чужие задницы. — Не делай так больше! Пока *его* не отпустишь... Он мой!

— Да кому он нужен? То есть да, он твой навеки. Скажи лучше, куда я чуть не угодила, я же не помню ничего! Стояла, ждала...

— Кого?

— Поговорить надо было о Сэль... Зоя, что со мной было?

— Остывала ты. Попалась сдуру, вот тебя и выжимали. Как лимон, одна шкурка осталась бы. Я уж думала, все, конец нашему счастью, только выдернули тебя как-то. Ну как ты могла, мачту тебе в глотку?! Ведь я же тебе говорила...

— Мама! — донеслось из-за двери сквозь кошачье рычанье. — Мам, мы с господином маршалом к вам.

— Не выпускай его! Тут Зоя.

— Мама, мы к Зое...

Наверное, она окончательно отупела, потому что продолжала выговаривать Сэль за кота, когда та уже втащила в комнату настоящего маршала. За руку втащила!

— Зоя, — доченька на мать даже не глянула, — это граф Савиньяк. Я держу его, чтобы он не уснул. Ему надо с тобой поговорить. С папенькой тоже, но сначала с тобой.

— А ничего так! — Зоя быстро одернула камзол и уставилась на явившегося при полном параде Проэмперадора. — Граф, значит? *Ему* не понравится, но я попробую... А не выйдет, так и без благословения обойдетесь. Главное — это любовь, дорогие мои...

— Зоя, ты не поняла!

— А чего понимать? И тянуть тоже нечего! Любить — так любить и не бояться своей любви! Чтоб каждый день, каждый миг у вас как последний был, а всех, кто мешает, — к зубаньей

матери! Родню, деньги, титулы, сплетни, возню всякую... Есть только вы и ваша любовь! Ясно?

— Капитан Гастаки, — Савиньяк не выпустил руку Селины, ну так он и веревку б не выпустил, если бы на крышу лез, — вы несколько заблуждаетесь на наш счет. Я искал вас, потому что вы требовали спасти Олларию. Вы можете сказать, что для этого нужно? И знаете ли вы, что там сегодня произошло?

— Ох! — Лицо Зои стало грустным и помятым. — Теперь не знаю... Теперь уже ничего. Не так все! Совсем не так...

4

Колонна потихоньку протискивалась узким проездом от парка до Радужной площади, откуда и начиналась Небесная Благодать. Начало пути и самая тревожная его часть... Робер делал вид, что все отлично, и ждал неприятностей. Обошлось — никто не напал, никто не застрял, не потерял колесо, лошади не взбесились и не устроили завал из повозок.

— Удивительное чувство, — мягко и чуть ли не растерянно сказал ехавший рядом Левий. — Проповедовать о бегущих скверны и прелестей Врага и увидеть воочию то, что иными словами не назвать...

— Значит, такое уже бывало?

— Что вы сказали? — Левий даже в седле не оставил своей привычки трогать голубя. — Воистину, устами невинными глаголет очевидность. Подобное несомненно случалось, но уцелевшие оставляли потомкам молитвы и предания, а не хроники. Беда же — что снег: выпадает всякий раз заново, и всякий раз приходится прокладывать в нем тропы, чтобы к лету они растаяли. И мы свою дорогу проложим, не правда ли?

— Я об этом не думал.

— Правильно, вы это делали и делаете сейчас. Что ж, каждому свое, проеду-ка я вдоль колонны. Некоторых это успокоит, хотя я, увы, не водопад и не армия.

— Ваше высокопреосвященство, будьте осторожны!

— Взаимно.

Исчезает в ночи хрупкий беловолосый всадник. Уходят назад темные, без единого огонька в окнах дома... Хотя нет, вот отворилась одна дверь, и несколько человек, прилично нагру-

женных, после короткого разговора с церковниками вливаются в колонну. Дальше, дальше, вереница факелов, как змея, ползет городскими ущельями. Один перекресток, второй — и вновь распахиваются ворота теперь уже основательного особняка, и к беженцам присоединяются два экипажа. А кто-то, приникнув к окнам, провожает сейчас взглядами уходящих в ночь. Отсидятся ли оставшиеся, дождутся ли спокойствия или чего-то иного?

— Монсеньор, — докладывает Грейндж, — от Перекатного моста вернулись разведчики. Хорошего там мало.

— Подробнее.

Хорошего немало было, его не имелось вовсе, разве что разведчики оказались не просто толковыми и дотошными, но и везучими. Бывшие таможенники, они прогулялись на тот берег и убедились, что беспорядки в тамошних кварталах набрали силу и пробиться без драки не получится. Мало того, сбившиеся в банды погромщики раз за разом пытаются прорваться на правый берег, но оборонявшие Перекатный стрелки Блора валят всех, кто суется на мост. Люди устали, у них кончаются заряды, но если оставить мост без охраны, мародеры очень быстро окажутся здесь.

— Как обороняют мост?

— Баррикаду соорудили. Там мастерские рядом, стены деревянные поразбирали и вдобавок несколько телег опрокинули.

— Поблизости найдется еще что-то горючее?

— Конечно. Сараи, что вдоль берега. Да и мастерские еще и наполовину не разобраны.

— Халлор... Гедлера ко мне!

Решение простое и безотказное. С Узким мостом получилось отлично, но с Перекатным сложнее, придется в помощь стрелкам посылать усиленную команду, а у ребят Халлорана зуд в кулаках все еще не унялся. И догонять лучше верхами.

— Монсеньор!

— Гедлер, отправляйтесь на Перекатный в помощь Блору. Нужно завалить мост деревом как можно сильнее. Когда колонна минует площадь Августы, все поджечь, посадить стрелков позади себя и догонять нас. У Августы вас будут ждать алаты. На всякий случай.

— Как мы узнаем, когда поджигать?

— Вас предупредит мой адъютант. И не жалейте дерева, гореть должно долго.

5

Савиньяк спрашивал, капитан Гастаки старательно отвечала, и понять ее на трезвую голову и с непривычки мог разве что Алва. Однако главным калибром покойная дама все же саданула. Рокэ — а кто, если не он?! — пытался спасти Олларию, не преуспел и погиб. Об этом знает некий излишне «горячий» спутник, которым мог быть только Валме. Когда и где все произошло, мертвая бордонка не представляла, и Савиньяк пришел к выводу, что смерть сродни вину. Разговор с выходцем, во всяком случае, напоминал беседу с пьяным, и все же маршал не отступал.

— Госпожа Гастаки, вы не знаете...

— Сударыня, вы не припомните...

— Капитан Гастаки, не скажете ли вы...

Лионель спрашивал, уточнял, подсказывал, иногда ему на помощь приходили госпожа Арамона и ее дочь. Часа через полтора беспрерывного бреда маршал окончательно уверился, что Зоя Гастаки при всех своих благих намерениях ничем не может помочь и ничего толком не знает, если не считать того, что Оллария обречена уже окончательно и что она, то есть Зоя Гастаки, прорвалась к жене своего мужа чудом и вряд ли сможет сделать это вновь.

— Я не думала, что будет так, — твердила покойная, мало отличаясь от десятков «не думавших» живых. — Это *он* решил, *он* сам. *Он* теперь там, где хочет...

— Зоя, — вмешалась госпожа Арамона, — ты это о ком?

— *Он* ушел, — в сороковой раз завела нежить, перед которой следовало трепетать и которая вызывала лишь досаду. С треском лопнула последняя надежда получить подсказку из Заката, а на то, что Росио встряхнет стариков и вышвырнет Бруно за Хербсте, Савиньяк и так не рассчитывал. Женщина без тени лишь подтвердила то, что Ли уже принял как данность: если не сделает он, не сделает никто. Мудрых и сильных впереди не осталось, только те, кто старше, и они свое уже отскакали. Рудольф безнадежно сдает, а здешние генералы —

всего лишь генералы, даже если они маршалы. На юге проще. Там Бертрам с Рафиано, там могла бы быть и мать...

— Сударыня, вы не можете сказать, моя мать не «остыла»?

Разумеется, не может. Гастаки — бордонка, крови Рафиано в ней нет, и до смерти довели ее другие.

— Откуда, сожри тебя зубан!

— Благодарю вас.

Он не мог не попробовать, но теперь все. Теперь забыть. Пока армию не догонит «фульгат» с неизбежным письмом.

— Я твою кровь не найду. — Покойная сочувственно насупилась. — Не увижу... Если б вы с нашей козулькой успели...

— Зоя!..

— А ты, малявка, не вмешивайся, у тебя все на носишке написано...

— Капитан Гастаки, я был бы вам признателен, если б вы рассказали о нашей встрече чрезмерно «горячему» Валме. Его вы найти можете?

— Сейчас плохие пути и много старого холода. Везде. Глаза выедает. Мы мало ходим и не видим чужих, а он не наш. Очень не наш. Я сюда едва пролезла, чуть без шкуры не осталась! Из-за нее все! Остывать задумала...

И здесь никакого проку, только знание, которым не поделишься, а тянуть и дальше нельзя. Ты долго шел за Рокэ, и дорога остается прежней. Да, Грато не стать Моро, кто же спорит, но Моро втравили в чужие делишки и прикончили, а Грато бегает, вот и ты поскачешь. Излом — твой барьер, и хорошо, что ты вовремя взнуздал свою армию и при желании в считаные дни подомнешь Западную. Если ее еще не разбили, само собой.

— Я благодарен вам, сударыня, за то, что вы уделили мне время. Итак, вы полагаете, что Оллария погибает и что-то предпринимать бессмысленно. В городе происходит нечто, неприемлемое для мертвых и опасное для живых, которых вы зовете «горячими».

— Нам туда не пройти, а вам поздно. Вы остынете в свой срок, если не тронете. Здесь чисто, здесь далеко...

— Значит, что делать, вы не знаете, а ваш супруг не только не знает, но и не хочет вмешиваться?

— Он устал, он был оскорблен. Горячие его отвергли, и мой рыцарь услышал Ее. Меня призвала любовь, но такие вот, — капитанский палец ткнул в сторону, видимо, все же падчерицы, — не должны... раньше времени и в грязи. Не тяните, нельзя сейчас тянуть...

— Зоя... — Госпожа Арамона отпихнула дочь и что-то торопливо зашептала своей гостье, тесня ее в глубь комнаты. Пора было уходить, но эту безумную встречу назло всему и закончить надо безумно и... достойно. Знакомство, конечно, дикое, но он сам его добивался. Лионель с улыбкой шагнул к выходцу. Любопытно, он угадает, или Рокэ с этой дамой попрощался иначе?

— Был счастлив познакомиться, надеюсь, мы еще увидимся. Вашу руку, сударыня!

Она протянула, и маршал коснулся губами чего-то прохладного, чуть влажного, не живого, но и трупом, мясом, гнилью не являвшегося. Капитан Гастаки облизнула губы и нахмурилась.

— Отвернитесь, — тихонько подсказала Селина и наконец выпустила его руку. — Всё...

Но это было не всё, потому что раздался резкий стук в дверь. Госпожа Арамона живо обернулась к дочери:

— Иди к себе и выпусти кота.

Черно-белый котяра и маркграфиня вошли одновременно. Ли неторопливо поднялся с кресла, в которое успел сесть. Фрида была безукоризненно одета и безукоризненно вежлива.

— Госпожа Арамона, я узнала, что вам стало плохо. Прислать вам лекаря?

— О нет, — рекомая госпожа сделала реверанс, — вы так добры к нам, но мне уже хорошо.

— Госпожа Арамона не только смогла выдержать мое присутствие, — Лионель счел правильным улыбнуться, — но и сможет выдержать дорогу. Послезавтра на рассвете мы выезжаем.

— Вот как?

— Непредвиденные обстоятельства. Сударыня, вы окажете мне честь и позволите вас проводить до ваших покоев?

Будь Фрида из той же корзины, что и Дженнифер Рокслей, он нажил бы врага, но не доставить маркграфиню к дверям су-

пружеской спальни Ли просто не мог, как не мог в свое время не втиснуть королеву Алису в рамочку с розовыми лебедями. Как не мог не поцеловать руку Зое Гастаки и смириться с тем, что творится на севере, на Изломе, на душе.

6

Площадь святой Августы с не дававшим Роберу покоя спуском к Перекатному осталась позади. Пока изрядно удлинившийся за время движения караван полз через площадь, от реки доносилась непрекращающаяся пальба. Заречные бесноватые рвались через мост, Блор их не пускал.

— Жильбер, к Гедлеру, — велел Эпинэ, когда у перекрестка остались только он с немногочисленной свитой, алаты да упавший с какого-то воза и никем не подобранный тюк. — Пусть поджигает.

Адъютант умчался, Иноходец кивнул витязям Карои и пустил Дракко вдоль колонны, лавируя среди бредущих рядом с экипажами людей. Он ехал не спеша, ловя измученные и полные надежды на него, именно на него, взгляды, от которых хотелось провалиться сквозь землю. Иногда в череде похожих на маски лиц мелькали те, с кем уже доводилось столкнуться. Псарь по-прежнему волок притихших дайт, лысый аптекарь с Медной предложил господину Проэмперадору укрепляющую настойку. Робер с благодарностью хлебнул чего-то сладко-горького и тут же вспомнил вытяжку из зерен шадди, брата Анджело и детский плач.

Роберу Эпинэ, останься он человеком, пристало бы спасать сына сестры и свою любовь, но он стал Проэмперадором и выводил чужих, бросив самое дорогое то ли на других, то ли на Создателя. И на судьбу, ну не может же та убивать бесконечно!

— Монсеньор, — длинный горожанин ухватил Дракко за стремя, — это мой трактир! Его не тронули...

— Хотите остаться? Ваше право.

— Нет-нет, но... Погреб полон, еду можно раздать... Мы с женой не управимся, отстанем.

— Дювье, возьми у доброго человека ключи. Спасибо, господин?..

— Боннэ. Гийом Боннэ.

И снова ночь, факелы, взгляды, тележный скрип. Настойка действует, и очень хочется верить, что Перекатный уже превратился в костер, но как же медленно тащатся эти бедняги, куда медленней, чем думалось. И от Карваля вестей нет уже часов шесть. Остальные, те могли потеряться и действовать на свое усмотрение, их молчание ничего не значит, но что же творится там, где сейчас маленький генерал, если он молчит? А вдруг пропали гонцы, и Никола, не зная про Старый парк, рвется к Арсенальной или, того хуже, ко дворцу? Уж не потому ли им везет, что бандитов этого берега кто-то держит за шиворот? Или это дело рук Салигана? Лэйе Астрапэ, из тех, с кем начинали вчерашний день, все еще рядом лишь Дювье и Левий.

Позади начиналось какое-то движение; Робер придержал Дракко в ожидании новостей, но это всего лишь вернулись с Перекатного.

— Сделано, — доложил черный, как углежог, Блор. — Мост завален и горит, там еще долго будет не пройти.

— Выпейте. — Эпинэ протянул северянину аптекарскую склянку. — Это вас взбодрит. Два глотка, в крайнем случае три. Я попробовал, подействовало.

— Спасибо, господин Проэмперадор.

— Как отдышитесь, доложите с самого начала.

— Я предпочел бы сперва доложить. Мы действовали согласно приказу...

А приказ требовал держаться, и сорок с небольшим человек держались, хотя был момент, когда лично Блору показалось, что им всем конец. Как раз перед закатом народ совсем озверел и попер на мост, не боясь смерти. Защитников смяли бы, несмотря на баррикаду, но солдаты сами ожесточились и дрались, не помышляя об отступлении, а когда стало совсем плохо — эти сумасшедшие полезли, как крысы, по внешней стороне ограждения моста, где и ноги-то толком не поставишь, — вдруг пришла помощь...

Вернее, приплыла, а еще точнее — проплыла. Сверху, от пристани у порогов, спустились три под завязку набитые посудины. На них оказалось много стрелков, и они смели своим огнем всех, кто лез снаружи. Каждая барка, проходя под мостом, поддерживала его защитников огнем, что их и спасло.

— Большинство солдат было в мундирах гвардии и дворцовой охраны. — Ровный голос полковника чуть заметно дрогнул. — Господин Проэмперадор, я правильно понимаю, что дворец брошен?

— Надеюсь, что так. — Но какой же Инголс умница, что вспомнил о лодках! — Что дальше?

— Нападение выдохлось, толпа отхлынула, а потом и вовсе занялась грабежами. Тогда и пожары всерьез начались...

Значит, не зря он отказался от мысли уходить другим берегом. От моста бы еще отошли, а дальше... Здесь, считай, уже до города Франциска добрались, и ничего, а за Данаром на каждой улице драться бы пришлось.

— Спасибо, полковник. Говоря по чести, я не представлял, как туго вам придется, иначе бы...

— Иначе бы на Перекатном оказались южане? — Блор невесело усмехнулся. — «Говоря по чести», сударь, мне и тем моим ребятам, кого... не пришлось сегодня пристрелить, мятеж на руку. Если выберемся, нас больше не будут считать предателями и мародерами. Все предатели и мародеры сегодня явили себя во всей красе, вы не находите?

— Надеюсь, что все... Давно хотел спросить, как вы оказались... — Леворукий, как сказать-то? «С нами»? С какими такими «нами»? — Я имею в виду...

— С Люра? — подсказал полковник. — Сперва я толком ничего не понял, потом растерялся, потом струсил.

— А Нокс?

— О, этот все понимал, знал, что делает, и боялся... не стать генералом. Не прикончи его Ворон, это сделал бы если не я, так покойный Халлоран.

— Или еще кто-нибудь, — с неожиданным злым весельем заключил Робер. В Блоре Никола не ошибся, только Блор Карваля не заменит. Никто никого не заменит... Жаль, приходит это в голову, лишь когда ты почти потерял кого-то, без кого себя уже не мыслишь.

— Господин Проэмперадор, какие будут приказания?

— При первой возможности умыться, а то в темноте вас не разглядеть.

Блор засмеялся от души, Робер выдавил из себя смех, потому что сейчас это было нужно.

Глава 7

ТАЛИГ. ОЛЛАРИЯ

400 год К. С. 8-й день Летних Молний

1

Везение не могло быть вечным. Оно иссякло, когда авангарду до ворот Лилий оставалось не больше четверти часа. Первые повозки как раз выползали на Амбарную площадь, огибая церковь покровителя столичных торговцев святого Филиппа, к которой вплотную примыкали пресловутые амбары, вот из ворот одного такого и выскочили смутные тени. Завизжали женщины, грохнул выстрел, сообразив, что происходит, к ублюдкам с двух сторон бросились южане и ребята Грейнджа, и в них, освещенных факелами, из темноты полетели арбалетные стрелы.

— Крыши, — заорал Робер, — крыши!

Проэмперадор обязан беречь свою шкуру, Проэмперадор, выхватив пистолет, дал Дракко шенкелей, и вот они, грабители! Наглые твари, пока дружки отвлекают охрану, решили карету целиком увести. Нацелились на самую большую, а значит, богатую. Не успели. Испуганные лошади не желали слушаться кого попало, и голубчики застряли, а жадность, не позволившая бросить добычу, доконала. Поминая Леворукого и разные его привычки, стражники навалились на обнаглевших грабителей. Робер слышал крики, когда разряжал пистолет в чью-то раззявленную пасть, когда рубил наотмашь гвардейским палашом, когда пустил Дракко на шарахнувшегося налетчика. Полумориск не оплошал — сбив мерзавца грудью, вскинулся на дыбы и добил. Эпинэ почуял эту смерть, словно сам стал лошадью, боевым иноходцем, перескочившим с закатного гербового поля прямо в гущу схватки, которая кончилась столь же внезапно, как и началась.

В брошенной карете кто-то возился, рыдал и... тявкал, возница успокаивал храпящих рысаков, чей-то факел выхватил герб на дверце. Фукиано... Надо же, а он знать не знал, что к каравану присоединилась столь важная персона, сейчас, чего доброго, высунется. Объясняться со склочной старухой Эпи-

нэ не собирался, тем паче за амбаром, на площади и на крыше продолжалась возня.

Да, без него там обойдутся, да, себя надо беречь! Иноходец недрогнувшей рукой послал жеребца в обход кареты прямиком на шум, на ходу доставая из ольстры заряженный пистолет.

Выкрики, лязг стали, один выстрел, другой. Сверху мешками валятся тела. Глухие шлепки, никто не стонет и не пытается встать — трупы. Вот и на Амбарной стихло, стихло вообще, только ветер услужливо доносит с площади отрывки команд. Уверенных. Четких.

Распоряжавшийся голос даже издали казался знакомым, и Робер, не смея поверить до конца, рванулся вперед, обходя устало опускавших оружие солдат.

Точно, Никола! Живой, хотя и нельзя сказать, что совсем уж невредимый, голова обвязана, мундир будто собаки рвали, но рубины на подаренной благодарными горожанами цепи горят чуть ли не ярче прежнего. Рядом знакомые и, вопреки здравому смыслу, счастливые рожи. Закатные твари, а это еще что такое?! Откуда?!

Статная, увешанная оружием фигура выплывает из-за спин южан. Блестя кирасой, господин Бурраз-ло-Ваухсар устремляется навстречу Проэмперадору, ловко управляя белоснежным конем. Дракко, жеребец есть жеребец, хищно прижимает уши, изготовляясь к драке, — что ж, отличный повод уклониться от объятий.

— Любезный Проэмперадор, — кагет тоже вынужден унимать своего красавчика, — я и мои воины искренне рады быть вам полезными!

— Благодарю вас. — Воины всяко не помешают, особенно вон тот верзила в кольчуге. На такого прежде чем полезть, сто раз подумаешь, будь хоть распробесноватым. — Прошу простить, я должен переговорить со своим генералом.

— О, конечно же...

2

Растаскивали сцепившиеся экипажи, перевязывали и распределяли по повозкам раненых, как могли, успокаивали людей. Без Робера, который разве что подвел к Левию давешних трактирщика с аптекарем, рвавшихся делать хоть что-то полез-

ное. Никола, что требовалось, уже сделал — отправил очистившего крыши Дювье проследить за остатками разбитой банды и теперь просил, именно просил, раздери его кошки, разрешения доложить Монсеньору.

— Докладывай! — Лэйе Астрапэ, он согласен на любые слова и на любые выходки! Даже на Бурраза и ведьму Фукиано, если это плата за возвращение Никола.

— Монсеньор, нам удалось гораздо меньше, чем вам...

Маленький генерал рассказывал понятно, коротко и беспощадно. Взрыв беспорядков вынудил его метаться по Новому городу. Сначала южане справлялись, потом стало совершенно непонятно, что происходит и какую дыру затыкать. Грабежи, погромы, драки возникали то тут, то там, пули и петли уже не помогали, а затем пришла новость про барсинцев.

— Попытка немедленно уничтожить изменников не удалась. — По скулам Карваля заходили желваки. — Я думаю, этот сброд возглавил и заставил слушаться приказов кто-то из опытных офицеров, но не представляю, кто именно. Нас встретила не беспорядочная толпа, а две, если не три, готовые к бою роты. Вырвавшиеся из Доры барсинцы успели вооружиться, привлекли на свою сторону негодяев из других полков и всякую городскую сволочь. После серьезной перестрелки пришлось отступить. Говоря откровенно, нас сильно потеснили, но потом у мятежников что-то случилось, и они оставили нас в покое.

— Когда это было?

— Точно не скажу, где-то после пяти. Вам что-то известно?

— Похоже, их отвлек Салиган, он обещал попробовать. Что вы делали потом?

— Я попытался собрать в один кулак всех, кто был рассеян по городу, но до конца этого сделать не удалось. Лигисты, которых следовало выловить и перевешать еще зимой, повязали свои проклятые ленты и привели толпу каких-то головорезов и солдат других полков, последовавших примеру барсинцев. Напали сразу с нескольких сторон, да еще и горожане стали помогать преступникам...

То, что драка вышла страшной, Робер понял, хотя Никола был предельно скуп на слова, а вот что маленького генерала задело по-настоящему, так это предательство города, который

он спасал всю зиму и теперь считал своим. У Робера в сердце сидела та же заноза, но ведь оставался аптекарь со своей настойкой, раздававший сыры и ветчину трактирщик, были Карои и полковник Блор, сказавший что-то важное. Даже Бурраз, и тот остался человеком.

— Никола, предай все, нас бы тут уже не было. Те, кого не убили сразу, вырвались бы из города еще засветло. Налегке. — Робер, чувствуя себя немного Левием, положил руку на плечо Карваля и нащупал под сукном повязку. — Куда вас еще ранило?

— В спину. Ерунда... Вы правы, Монсеньор, были и те, кто помогал. Некоторые даже дрались вместе с нами, но уж больно таких мало... Я потерял половину людей, мне оставалось только прорваться в город Франциска, окончательно отдав центральные кварталы мародерам. Это...

— Правильно, — перебил Эпинэ. Никола посмотрел на него каким-то странным взглядом и продолжил доклад. За площадью Оленя южан оставили в покое, никто не нападал, и они двинулись вдоль старых аббатств. Наткнулись на столь же потрепанный отряд церковников, которых недавно вышибли из Ружского дворца.

— Кто вышиб?

Оказалось, тот же сброд из дезертиров, ворья и горожан. Как и везде, мерзавцы лезли под пули и палаши и в конце концов задавили Мэйталя числом. Полковник погиб, сменивший его капитан понял, что в сторону дворца пробиваться смысла нет, и стал отходить к окраинам, где было потише. Первенство Карваля церковник признал безоговорочно, дальше отправились вместе, по пути схватили компанию оборванцев, от которых узнали, что какой-то заявившийся из Марипоз Горшок объявил себя новой «Тенью» и созывает желающих пощипать беженцев. Мол, там добычи много, но и солдат хватает. Оборванцев прикончили, а сами бросились к Амбарной.

— Ну и вот, как раз помогли Горшка этого... Хоть что-то.

— Прекратите! — прикрикнул Эпинэ, выискивая глазами кардинала. — Больше вас никто бы не сделал, разве только Ворон. Что вам сейчас нужно, так это глоток одного зелья... Я его, как назло, Левию отдал.

— Я найду его высокопреосвященство, — Карваль сдался сразу же, значит, ему еще хуже, чем кажется, — а вам хорошо бы выслушать теньента Габетто. Он из тех, кто по приказу кардинала оставался в Нохе. Мы ведь пытались дотуда добраться, но все уже горело.

— Какого же... Где этот Габетто?

— Монсеньор, не волнуйтесь. Баронессу вместе с графиней Савиньяк успели вывести подземным ходом.

3

Парень в сером, только что споро перезаряжавший пистолеты, теперь обшаривал взглядом ближайшие крыши. Если б не проэмперадорство, Робер, пользуясь передышкой, бросился бы к церковнику сам, а так пришлось посылать Жильбера, который полз, как вконец вымотанная улитка. Эпинэ успел спешиться, подтянуть подпругу грустно вздохнувшему Дракко и проследить взглядом за шагающим вдоль вереницы экипажей Никола. Возле простецкой телеги куталась в плащ молодая женщина... Марианна?! Иноходец вздрогнул, сощурился не хуже Арлетты, и тут какой-то стражник зажег новый факел. Наваждение в очередной раз рассеялось; воистину, те, кого мы любим, всегда с нами, а уж ночью, в пляске теней, чего только не углядишь...

— Монсеньор, теньент Габетто.

— Хорошо, Жильбер. Подержи Дракко. Теньент, мне сказали, у вас есть новости о графине Савиньяк?

— Да, сударь. Я очень надеюсь, что эта дама в безопасности. Доверенный человек его высокопреосвященства увел графиню и ее подругу потайным ходом.

— Куда? — «В безопасности»... Сегодня? В Олларии? Еще утром самыми безопасными казались Ноха и дворец. — Где... дамы сейчас?

— Это может знать его высокопреосвященство. — Одноухий церковник то ли был отменно вышколен, то ли слишком устал, чтобы проявлять хоть какие-то чувства. — Госпожа графиня приняла решение отослать выделенный ей эскорт, и я не раз благодарил Создателя за то, что с нами нет дам. Мы потеряли больше трети людей, и самые большие потери нам на-

несли стрелки на крышах. Если бы они поняли, что мы кого-то сопровождаем...

Габетто не выдержал, махнул рукой. Он не был железным, он просто потерял слишком многих, чтобы тревожиться о женщинах, за которых больше не отвечал.

— Вы уже доложили его высокопреосвященству?

— Это сделает наш капитан. Мне было велено явиться к вам.

— Как графиня и ее подруга себя чувствовали?

— Госпожа графиня два или три раза говорила, что ей уже приходилось бежать от бунтовщиков, и просила не беспокоиться. Госпожа баронесса больше тревожилась о тех, кто остался в городе.

Он бы тоже тревожился, да что там, он бы с ума сходил, будь у него на это время. И право.

— Спасибо, теньент. Можете идти.

Габетто щелкнул каблуками и ловко проскочил между двух двинувшихся карет: Левий и его «уважаемые горожане» восстановили-таки порядок. Ставя ногу в стремя, Робер заметил ветку лилий, такую странную на позабывшей о метле мостовой. Кто-то захватил цветок в Старом парке, надо думать — на счастье, и в суматохе налета обронил. Жильбер тоже заметил и не выдержал, подобрал. Точно, лилии к иконе Октавии таскал адъютант! Перед глазами встала хрупкая светящаяся фигурка. Дом Алвы мародеры разнесут в первую очередь; надеяться, что ублюдки не тронут сапфировых незабудок, нелепо, тем более что других ценностей в гнезде Воронов не осталось.

— Ну и кому ты ее теперь преподнесешь? — Эпинэ и не думал шутить, но Жильбер смутился и принялся что-то объяснять. Робер трепанул адъютанта по плечу и поехал догонять Левия.

За Амбарной улица расширялась, позволяя сопровождавшим колонну всадникам не зависеть от скорости телег, за которые уцепились пешие. Дракко, не дожидаясь команды, ускорил шаг, Робер отпустил повод и тронул полумориска шенкелем, позволяя перейти на хорошую рысь. Замелькали факелы и темные медленные тени — лошади, повозки, люди... Насколько же проще было крысам, у которых нет ничего, кроме них самих, хотя, может, зверушки жалеют о привычных подвалах.

Робер только сейчас вспомнил про родовой особняк и словно увидел, как по затоптанным солдатскими башмаками лестницам мимо старого гербового щита лезут в верхние комнаты мародеры. Они мало что найдут, но дело не в фамильных портретах, без которых никто не сдохнет, просто у тебя здесь был *дом*. Пусть и превращенный в казарму, но входили туда лишь те, кого ты пускал, а теперь особняк Эпинэ, как и десятки других, достанется сволочи, с которой ты не совладал. Тех же барсинцев можно было загодя вывести за город и перебить...

— Монсеньор, вот они.

Четыре звезды — четыре стянувшихся к одному месту факела: его преосвященство так и не расстался с Карвалем. Робер предпочел бы переговорить с кардиналом наедине, но отсылать вновь обретенного Никола было свинством, а пережидать — невмоготу. Пришлось делано засмеяться:

— Ваше высокопреосвященство, уж не обращаете ли вы моего генерала?

— Представьте себе, да. — Левий был сама серьезность, но в глазах плясала смешинка. — Барон Карваль изъявил желание перейти в изначальный эсператизм, и я только что принял его исповедь.

— В изначальный? — пробормотал Робер. — Как тварь?

— Согласен, оборот неудачен. Возвращение к святому Адриану требует иного обозначения. Моего Габетто вы уже повидали?

— Да. Где они могут быть, графиня Савиньяк и...

— Баронесса? — подсказал Левий. — У них надежный хранитель, он выведет из любого Заката.

— Кто?

— Давайте отложим этот разговор. Вы уже потрясены встречей с доблестным казароном, с вас хватит. К тому же святой Адриан не советовал сверх необходимого говорить о том, что для нас важно. Неизвестно, кто может нас услышать и как он поймет сказанное. Хотите шадди?

— Что? — не поверил собственным ушам Робер.

— Шадди, правда, пить его придется остывшим. Это не столь приятно, но морисский орех бодрит в любом виде, а дар вашего аптекаря им же и допит.

— Похоже, мне и в самом деле не помешает.

Холодный шадди казался странным, но отнюдь не мерзким. Иноходец с некоторым сожалением вернул флягу хозяину, и тут в конце улицы заслышался выбивающийся из общего обозного гула конский цокот. Робер переглянулся с Карвалем и принялся торопливо перезаряжать пистолеты.

4

Тревогу подняли те, кого отправили проследить за остатками банды Горшка.

— Дювье, — коротко объяснил Карваль кардиналу; Робер узнал и всадника, и коня всяко не позже самого Никола.

Дювье осадил Мэтра Жанно в шаге от начальства, и Эпинэ припомнились зимний утренний холод и дорога, пока еще только дорога, в Дору. Теперь тоже стало зябко. Сержант перевел взгляд с командиров на кардинала и обратно, он явно предпочел бы обойтись без церковника. Робер забил пулю во второй ствол, он еще ничего не знал, но ему показалось — он знает все.

— Докладывай, — велел Никола, — что наши налетчики?

— Здесь они, — с какой-то тоской доложил южанин. — Через три улицы, у Праведного Симона... Толпа, побольше той, что у парка собралась. Местные, похоже, а заводят их мародеры с лигистами.

— Чем именно заводят? — Робер убрал пистолеты, только надолго ли? — Вожаки есть?

— Так издалека не разобрать. Орут что-то про грабежи и про, уж простите, ваше высокопреосвященство, ереси. Ну и сбежавшие разбойнички дровишек подкидывают. Дескать, казну Проэмперадор увозит, а людишки так, для блезиру.

— Но пока они не двинулись?

— Стояли, как я отъезжал. Разъезд там остался, если что, доложат...

— Не хочу вмешиваться не в свое дело, — рука кардинала коснулась орденского знака, — но заставить людей идти быстрее мы не сможем?

— Попробуем, — решил за «Монсеньора» Никола, — может, и выйдет что. Тут главное, когда эта сволочь куража наберется.

В том, что наберется, не сомневался никто.

Мимо с натужным скрипом поползла допотопная колымага, за ней задирали головы рысаки Фукиано. Эти обогнали бы любую толпу, но дорогу загораживал влекомый одрами рыдван.

— Пока наша ярмарка протиснется через ворота, пройдет уйма времени, — не стал врать ни себе, ни соратникам Робер. — Не успеть...

— Что ж, Монсеньор, — Карваль свел брови и по-бычьи наклонил голову, — придется выставлять заслон и драться.

— В то, что толпу остановит пара хороших залпов, вы уже не верите? — Кардинал продолжал терзать голубя.

— Нет, ваше высокопреосвященство! — Робер с трудом оторвал взгляд от эмалевой птички. В свете факелов символ милосердия стал рыжим, как Дракко. Полумориска ночь превратила в вороного с загаром. — Не хочу вас обманывать...

— Темно, — добавил маленький генерал, — и домá кругом. Подберутся ведь, мерзавцы! Но пришпорить народ надо. Чем быстрее пойдут, тем меньше нам... держать.

— Правильно. Вы, Никола, займитесь головой, а я проведаю алатов. Ваше высокопреосвященство, вы останетесь здесь... И знаете что, пересядьте-ка на Сону, она лучше выезжена. Жильбер, пусть приведут. И быстро!

— Эпинэ...

— Это приказ Проэмперадора. Вы пересядете на Сону и останетесь в середине колонны впредь до новых распоряжений.

Ответа Иноходец решил не дожидаться. Он будет приказывать, хоть бы и кардиналу. Так нужно, а теперь кентером вдоль свитой из беды и надежды людской змеи. Назад, к Амбарной, и дальше по Благодатной, в сторону Святой Августы, в сторону парка, где, забыв о людях, поет вода и распускают белые венчики лилии. Даже странно, что они где-то есть.

— А-а-а...

Плачет взахлеб ребенок. Совсем рядом! Девочка лет пяти на открытой повозке, толстенькая, измученная. *Не та.*

— Что с ней? — Зачем он подъехал? Неужели чтоб убедиться?

— Потерялась, — с неуместной улыбкой отвечает бравый старец. — Во время драки потерялась. Рвется к матери, а где та мать? Не пускаю.

— Не пускайте...

— Плохи наши делá, Монсеньор? Вы не бойтесь, не заору. Я в «Вороных» двадцать лет оттрубил. Навидался...

— Делá не ахти. — Робер попытался погладить девочку по голове, та отшатнулась, прижалась к старику, но рыдать перестала. — Но выберемся. Обещаю. Только нужно спешить.

— Ясное дело.

Ответить помешал выскочивший из-за поворота алат. Витязь пролетел бы мимо, не пошли Эпинэ Дракко наперерез.

— Ищешь меня? — Алатские слова порскнули из памяти, будто фазаний выводок из-под ног.

— Точно, гици! Гици Балинт послал сказать. Следом за нами по Благодатной валит толпа. Двое наших поскакали навстречу, их обстреляли... Хорошо обстреляли, не как горожане.

— Я понял. — Этого еще не хватало! Как бы задержка из-за Горшка не стала роковой. — Передай гици, пусть следит... или нет, я сам гляну.

Алат кивнул, но далеко они не уехали, нагнал Жильбер.

— Монсеньор, толпа двинулась! Не к той площади, где дрались, а по Колодезной.

— ...!!! — Эпинэ выругался. Неожиданно даже для себя. Грязно, зло, неистово — так бранились сдиравшие с него сапоги дезертиры. Жильбер вытаращил глаза, и Робер, в сотый раз разворачивая Дракко, буркнул:

— Выходит, западня у самых ворот... Две стаи, и мы между!

— Две? — переспросил на талиг алат.

— Лэйе Астрапэ, да! А переходы к Воротной в одном месте не перекроешь. Чтобы остановить эту сволочь, придется разделиться.

Глава 8

ТАЛИГ. ОЛЛАРИЯ

400 год К. С. 8-й день Летних Молний

1

Кардинал не спорил, алат тоже, и это не было ни трусостью, ни уступкой, да и с чего бы церковнику с дипломатом при их эскортах уступать талигойцу? Нет, Левий с Карои при-

знали решение Проэмперадора Олларии единственно верным, вот и не стали терять времени на разговоры. Серые гвардейцы сменили южан во главе колонны, витязи частью ускакали вперед, к Воротной площади, частью шли почти вплотную к последним повозкам. Понукаемая военными колонна изо всех своих жалких силенок спешила к воротам Лилий и, разумеется, не успевала.

— На площади защищать людей проще, чем на улице, когда они вытянутся длинной колонной. — Новый командир церковников — человек опытный, так что Левию можно ничего не объяснять, но они все еще едут рядом, не молчать же! — Ваш капитан сразу пошлет стрелков на стены прикрыть уходящих. Разумеется, охранявшая ворота стража отправится с вами.

— Их сменит Габетто, — отрезал кардинал. — Он вас дождется.

— Ваше высокопреосвященство, лучше... Пусть Габетто ждет нас столько, сколько это будет возможно.

— Мэтр Инголс сказал бы, что данная формулировка ему не нравится. Вас благословить?

— Не знаю... Нет, пожалуй, нет. Ваше высокопреосвященство, я не собираюсь умирать, я просто делаю свое дело...

— Благословляют не только на смерть, но и на дела, — суховато уточнил Левий. — Вы не замечали, что людям, которым предстоит расстаться, не о чем говорить? Даже готовые спорить ночь напролет друзья, даже влюбленные перед лицом разлуки либо замолкают, либо выжимают из себя бодрые глупости. Оставьте вашу вежливость на потом. Нам будет что обсудить, уверяю вас.

Эпинэ с благодарностью замолчал. Голова не желающей становиться добычей людской гусеницы, посверкивая факелами, миновала последний поворот, но хвосту оставалось ползти и ползти.

— Допивайте, — внезапно велел Левий, протягивая флягу с шадди. — Вам нужнее.

Допить Иноходец успел, а дальше из сумерек возник Жильбер. Произойти могло всякое, но Робер как-то понял, что дело в толпе за спиной, вернее в том, что пора драться. Адъютант мог бы и не докладывать, но на войне как на войне. То есть как положено.

— Монсеньор, нас догоняют... Карваль приказал перегородить улицу выше перекрестка...

Это для реки — выше и ниже, а для улицы? Может, просто «у чего-то там»? Закатные твари, какая же дурь лезет в голову перед боем, перед мятежом, перед казнью...

— Поехали, — решил Робер, но у Сэц-Арижа были и свои дела.

— Ваше высокопреосвященство...

Так и таскавшийся с лилией адъютант сунул находку кардиналу и отдернул руку, будто стебель начал жечься. Левий улыбнулся, но цветок принял.

— Удачи, дети мои! Господин Проэмперадор, напомните мне при случае объяснить вам и баронессе суть брака, как ее понимает святой Адриан...

— Напомню. Не волнуйтесь, я хочу увидеть Марианну. И жить я тоже хочу...

— В таком случае благословение уже с вами.

Леворукий знает, в который за сегодня раз, — назад, мимо беженцев, под ожидающими, испуганными взглядами. Седой всадник на вороной мориске остался позади, рядом Жильбер и ночь. Мелькают факелы, редко, слишком редко блестят мушкеты. Если повезет, южане догонят Левия уже в полях, нет... Ну, значит, нет — куда денешься.

Кареты, повозки, тележки, тачки — факелов ближе к хвосту меньше, суеты и страха больше. И вдруг — песня. Как разрывающий предгрозовую духоту гром. Алаты. Едут, подбоченившись, за последними телегами и поют. Сабли в ножнах, но выхватить их — доля мгновенья.

Оседлаю я коня, гейя-гей, помни, милая, меня, гейя-гей...

— Живи[1], Эпинэ. — Карои с молодым парнем — адъютант? оруженосец? — отстают от своих на пару корпусов. — Догоняйте!

— И вы живите...

Скоро мне врагов рубить, гейя-гей, а тебе любовь хранить, гейя-гей...

Прошли, скрылись за похожим на утюг домом, а песня еще тянется алым сакацким плащом. Впереди грохот — южане, перегораживая улицу, опрокидывают телеги.

---

[1] Принятое у витязей прощание.

— Монсеньор, — объясняет подскочивший земляк с обмотанной тряпкой в горошек головой, — мы лошадей во двор завели. Так спокойней.

— Где Карваль и те, кто идет на Колодезную?

— За завалом у перекрестка... Вас ждет.

Дракко с трудом протискивается сквозь оставленную в баррикаде щель. Рядом — готовая ее заткнуть телега, на которую навалили что-то страшное и рогатое... перевернутый трактирный стол. А вот впереди, у перекрестка, и сам трактир; дом хороший, большой, ворота настежь... Жили себе люди, жили, кормили других, даже двери к лету покрасили, а пришлось все бросить и уходить. Дальше в переулке сгрудились солдаты и лошади. Никола держит под уздцы своего белоносого, рядом, ясное дело, Дювье с Мэтром Жанно, куда ж без них!

— Что тут у вас?

— Все в порядке, Монсеньор. Улицу, как вы видите, перегородили. Место не самое плохое, но и не самое лучшее: дом справа подгулял. Зато Благодатная тут не так широка, как дальше... Час продержаться можно спокойно.

— Отлично. Командуйте, а мы — на Колодезную.

— Нет, Монсеньор. На Колодезную еду я. Поверьте, так будет лучше.

— Точно, Монсеньор. Мы управимся...

И Дювье туда же! Значит, что-то узнали и опять, кошки их раздери, спасают.

— Никола, это мое дело.

— Нет, Монсеньор, мое. Его высокопреосвященство со мной согласен.

— Левия это не касается.

— Это касается *меня*, Монсеньор. Я никогда вас ни о чем не просил, а теперь прошу. Останьтесь здесь, его высокопреосвященство вам потом все объяснит.

— Мне объясните вы, причем сейчас.

— Монсеньор, нет времени. Для меня это *очень* важно.

— Генерал! — Парень в мундире стражника едва не сбивает Карваля с ног. — Эти... Мыльную прошли...

Спорить некогда, надо драться здесь, и надо успеть на Колодезную, Грейнджу там одному не управиться.

— Хорошо, Никола, будь по-вашему.

— Спасибо, Монсеньор. — Маленький генерал уже в седле, как и те, кому выпало драться через три улицы. Полсотни всадников, торопясь заступить дорогу прежде, чем к завалам выкатится толпа, срываются с места и пропадают в ночи, будто в трясине.

2

Баррикада была, мягко говоря, не Барсовыми Вратами, но и среди погромщиков Ворона не сыскать, все больше ызарги. Только ызарги, когда их много, сожрут хоть бы и волка, особенно если тот в западне.

Темная улица уходит во тьму горной расщелиной, из которой доносится глухой жутковатый гул. Судя по нему, покоя остается минут на пять, не больше. Слева — здоровенный склад. Каменный цоколь, а выше толстые бревна, редкие окошки забраны решетками, ворота где-то сзади. Склад, насколько Робер успел заметить, примыкал к другому, такому же. Вот справа, как и предупреждал Никола, хуже. Дом какого-то торговца, сейчас пустой и наглухо запертый, и сам был невысок, и ограда подкачала, и ворота во двор — как раз со стороны мародеров. А здание напротив, как назло, на целый этаж выше. Если там, наверху, засядут с мушкетами...

— Монсеньор, тут...

— Оставь, адъютант! Не надо глупых слов, надоело. Я и мои воины готовы встать рядом с тем, кто не бросает тех, за кого в ответе...

— Господин Бурраз! Что вы тут делаете?!

— То же, что вы делали у Дарамы. — Кагет завозился, утверждаясь на заваленной лавками телеге. — Не бойтесь, вам не придется выносить меня на руках...

— Вы хоть понимаете...

— Да. — Гортанный выговор почти исчезает вместе с громкогласием. А глаза у красавца-казарона серьезные и усталые. — Вы поставили стрелков на крыши?

— Десяток парней уже наверху. — Робер махнул в сторону склада. — Если погромщики пойдут с той стороны в обход, им придется непросто. Вот справа жди сюрпризов...

— Мы будем там, — решил Бурраз и, больше ничего не говоря, тяжело спрыгнул вниз. Гнать поздно, так что пусть оста-

ется, десяток лишних сабель не помешают, а горло «ущелья» уже пошло прыщами чужих факелов. Днем можно было бы разглядеть первый ряд, сейчас только темень, гул и растущие огоньки.

— Монсеньор, они ведь сумасшедшие? — Какой Жильбер все же мальчишка! Особенно ночью, с пистолетом и с недоумением на физиономии. — Они не могут быть не сумасшедшими...

— Церковники объявили их одержимыми, надо думать, так оно и есть. Так что изволь не высовываться. Ясно?

Факелы приближались, несущий их народ что-то орал. Коротенький разговор проглотил последние мгновения, и хорошо. Если слишком часто умирать, это в конце концов надоест, Роберу Эпинэ надоело. Он не собирался подыхать среди перевернутых телег и до сих пор пахнущих пивом столов, его ждала Марианна, ему что-то хотел рассказать Левий, и вообще Повелитель Молний еще проводит сыновей в Лаик!

Огни дернулись и застыли — толпа увидела баррикаду и приостановилась, не выходя на перекресток. Совсем близко. Света, даже такого, хватало, чтобы рассмотреть, и Робер смотрел, уже не думая ни о чем, кроме схватки. В ызаржью стаю сбились всякие — и оборванцы, и обычные горожане, и, что хуже всего, мелькнуло несколько мундиров. Оружия хватало, в основном собранного наспех: дубинки, колья, ножи, топоры и молоты, но кое-где торчали и пики, и алебарды.

— Сброд, — припечатал позабывший, как выглядели радетели за Великую Эпинэ, Жильбер. — Не бойцы.

Понятно, что не бойцы, но их тут уже несколько сотен. И женщины есть, хоть их и мало, и выглядят... Страшней сумасшедшей в деревне Мильжи.

— *Шил-шил-шила, киска крыску задушила...*

— Монсеньор, что вы ска...

— Ничего!

То, что затишью конец, Робер почуял за мгновенье до того, как открылась первая слюнявая пасть. Заводя себя, мародеры орали громко и грязно. Про то, что увозят награбленное, их кровное добро, про убийц, про насильников и чужаков, с которыми давно пора сквитаться. Размахивали факелами, потрясали кто пикой, кто дубиной, а потом сбоку и сзади — на

Колодезной — загремели выстрелы, и это словно спустило курок. Бесноватые, очертя голову, ринулись вперед, на завал, и были встречены не собиравшимися никого щадить солдатами.

3

В первые минуты удавалось сбрасывать атакующих быстрей, чем взбирались новые. Трещали выстрелы, в прыгающем факельном свете мелькали клинки, тела скатывались вниз, но по ним лезли и лезли ополоумевшие самоубийцы. По стенам метались чудовищные тени, словно там шла своя драка, столь же неистовая. Робер пытался командовать, то есть торчать за чужими спинами и смотреть, как его ребята лупят прущую на баррикаду нелюдь, но выдержки хватило ненадолго. Особо ретивые бандиты надавили слева, один из солдат отшатнулся и, схватившись за лицо, начал заваливаться назад, его подхватили, в защите образовалась прореха, и Робер заткнул ее прежде, чем это сделал кто-то другой, после чего тени на стенах стали неважны.

Бесноватые лезли, их убивали, и они падали, становясь лестницей для новых не мужчин, не женщин, не юнцов — ошалевших от крови тварей. Их ничто не унимало и ничто не пугало, но южане как-то держались. Эпинэ орудовал сразу шпагой и бирисским кинжалом, справа дрался Жильбер, слева тоже кто-то раз за разом открывал дверь в Закат. Атакующие вопили, южане кричали в ответ, орал и Робер. Кажется... Дезертир в болтающихся поверх мундира дворянских цепях, худющий черноленточник, двое мальчишек, столь мерзких, что даже их возраст ни на мгновение не задержал разогнавшуюся руку, опять дезертир, из городских стражников, и тут же за ним жуткая растрепанная тетка. Они возникали из темноты, чтобы сдохнуть, и сдыхали, а потом на крыше дома напротив сверкнуло: один выстрел, другой, и еще... Считать упавших возможности не было, тем более что били не рядом.

— Проклятье! Этого я и боялся...

— Монсеньор!

— К Леворукому!..

Стрелки на крыше, они уже стреляют в ответ, но этого мало. Рявкнуть «Сомкнитесь!», выскочить из свалки... Рядом Жильбер, за ним кто-то еще, кто — не разобрать.

— За мной! — Робер в два прыжка взлетел на ограду, с нее перемахнул на крышу, едва не потеряв равновесие на плохо держащейся черепице. Боль в ноге заставила зарычать, солдаты решили, что от злости. Вот пусть так и думают, и вообще дело не в нем. Мозги у бесноватых до конца все же не отшибло или отшибло не у всех. Кто-то догадался погнать стрелков наверх, и стрелков хороших. Опять барсинцы или уже нет?

— Сможете достать этих?..

— Монсеньор, так не видно ж ни демона! — В голосе мушкетера тоска и ненависть. — Выпалили и спрятались.

— Перезаряжают, сволочи, а как вылезут — пока не выстрелят, не заметишь. Луны нет, сплошная тень...

— Может, факелов туда закинуть?

— Далеко, не добросить.

Договорить не удалось.

— Внизу! — Жильбер не смотрел на дальнюю крышу, вот и заметил, как в сорванные ворота лезут ублюдки с факелами. Сейчас перебегут двор, взберутся на ограду...

— Стреляй! Лэйе Астрапэ, стреляй!

Залп остановил шайку лишь на мгновение. Ну, куда теперь? Так и есть, в дом не ломятся, сворачивают к боковой стене, за которой отбиваются южане.

— За мной! — И сам не заметил, как оказался внизу. Опять нога, ну и кошки с ней! Первый, толстяк с мясницким топором, упал, так и не заметив удара из тени, а дальше все закрутилось в суматошной и полуслепой свалке.

4

Было не размахнуться, и в ход пошел подарок Мильжи. Робер колол, резал, пинался, отпихивал валящиеся на него трупы. Или еще не трупы, значения не имело. Мыслей в голове не осталось, человек сросся с кинжалом, став придатком клинка, и был им, пока рука не встретила пустоту. Рядом тяжело дышал, опустив шпагу, Жильбер, у ног адъютанта корчился кто-то в кавалерийских сапогах, и был он, судя по всему, последним.

— Вроде бы отбились...

— Не сглазь... Ворота закройте... пока есть возможность.

— Подпереть бы...

— Чем? Этими, что ль?

— А хоть бы и так! Дохлятину пока еще сдвинешь...

С крыши палили мушкеты, с той стороны — тоже, но во дворе живых врагов не осталось. Кроме, Леворукий ее побери, ноги... Теперь мерзавка отыгрывалась за все, и Робер не выдержал, потер больное место. Лучше не стало, хуже, пожалуй, тоже. Пора было возвращаться на баррикаду, пока там не всполошились и не бросились искать драгоценное начальство, но Эпинэ отчего-то медлил. По лицу текла чужая кровь, Робер сорвал шейный платок и попытался утереться, вполглаза следя за бросившимися к полураспахнутым воротам солдатами. Больше оттуда никто не лез, но подпереть и в самом деле нужно.

— Монсеньор, справа... калитка!

Действительно калитка, и в нее ломятся так же, как несколько минут назад ломились в ворота.

— Вперед! Не давай прорваться!

Шаг за шагом они теснили бесноватых назад, словно пропихивали свихнувшуюся пробку назад, в бутылку. Пропихнули — схватка выкатилась в соседний двор. Уворачиваясь от острия алебарды, которое ему попытались вогнать в живот, Робер успел заметить, что стало светлее. Обдумывать сие было некогда, место свалившегося с располосованным горлом алебардщика заняли двое шустрых оборванцев — длинные ножи в умелых, опытных руках не позволили отвлечься ни на мгновение...

— Леворукий! — Как неудачно! Шпага застряла между ребрами свежего покойника. Выдергивая ее, Эпинэ потерял всего мгновение, а над головой уже взлетела чья-то дубина. Внезапная боль сковала ушибленную ногу, отшагнуть не вышло, пришлось рискнуть и отводить удар клинком. Рукоять чуть не вывернулась из ладони, онемела кисть, но голову он сберег.

— А-а-а-а-х, бацута... ... ...!

Темная полоса на мгновение перечеркнула руки громилы, и вместе с зажатой в них дубиной они упали на землю. Отдельно от тела, которое тут же лишилось еще и башки. Рявкнув что-то восторженное, здоровенный кагет в кольчуге ринулся дальше, вдохновенно орудуя саблей. Робер успел заметить, как почти одновременно осели двое очутившихся на пути великана го-

ловорезов, потом обзор закрыли спины следовавших за своим вожаком воинов. Один обернулся, оказался господином послом и проорал:

— Не только Алва умеет рубить!

Последний негаданный резерв пришелся больше чем кстати.

Глава 9

ТАЛИГ. ОЛЛАРИЯ

400 год К. С. 8-й день Летних Молний

1

Небо полыхало все сильнее. Мерцающее зарево глотало звезду за звездой, порожденного им света хватало если не для чтения, то для прогулки, но графиня Савиньяк упорно сидела под деревом, глядя в сползший к северу неурочный закат. Сидеть было неудобно, но женщина слишком устала, чтобы вставать. Неподалеку в зарослях расторопши скрывался тайник, в котором можно было укрыться от незваных визитеров. Заботливый Пьетро, уходя, заставил дам его осмотреть, но на облюбованных церковниками огородах могли сыскаться и вещи полюбопытней. Отлучался же куда-то перед ужином агнец Создателев, не за петрушкой же!

— Годы, годы... — с усмешкой посетовала Арлетта. В сорок она смогла бы пройти больше, в тридцать, оставшись без присмотра, облазила бы всю «голубятню», в пятнадцать — навязалась новоявленным конокрадам, разумеется, если бы среди них был Арно. Юность редко понимает, что может помешать, не выучившаяся этому зрелость чревата убийством...

Сказочка о голодной волчице и дружелюбном кабане придумалась неожиданно. Оллария и ступни горели, поясница ныла, а в голову лезли подробности испорченной услужливым вепрем охоты. И все равно шорох за спиной она услышала.

— Вы встали? Зря... Такое небо лучше не видеть.

Марианна разговор не поддержала, хотя вопрос о смысле созерцания зарева при подобном к нему отношении напрашивался. Баронесса присела рядом, перекинув косы на грудь, буд-

то алатская поселянка со сгоревшей в Сэ шпалеры. Сравнение было удивительно несвоевременным, и Арлетта попросила:

— Если вам не трудно, уберите волосы назад.

Баронесса убрала, по-прежнему не говоря ни слова. В горящем городе оставался тот, кого она любила, — будь иначе, Звезда Олларии не забыла бы о вежливости, уж больно хорошо ее вышколили, только кто — барон или жизнь? В любом случае, оставлять возлюбленную Ро на съеденье главному женскому страху Арлетта не собиралась.

— Какое оно, ваше имение? — Вот так, небрежным тоном о ерунде, и пусть попробует не ответить.

— Маленькое.

— Барон Констанс его давно купил?

— Нет.

— Там кто-то есть?

— Должен быть смотритель... Сударыня, это ведь горит Новый город?

— Да. Там, помнится, много складов... — Отлично, мы заговорили о пожаре, еще немного — и дойдем до того, что нам действительно важно. До Ро. — Я так понимаю, о вашем имении мало кому известно?

— Коко вел всякие дела. Некоторые требовали... уединений. Если нам... не нам — Нохе не помогли, значит...

— Значит, были заняты. Марианна, у нас с вами было меньше шансов, чем у Проэмперадора и при этом Повелителя. Барон так увлечен древностью, неужели он вам не сообщил, что Повелитель, пока у него нет наследника, не погибнет? Ведь их пока нет?

Вздохнула, затрясла головой, заплакала. Все в порядке, теперь с ней все будет в порядке, а вот с Ро... То, что при Эрнани верили — перед концом света у Повелителей не останется наследников, отнюдь не значит, что отсутствие наследников спасает от пуль и клинков. Закатные твари и заодно рассветные, это вообще ничего не значит.

2

Спасибо кагетам, новую шайку, поменьше и послабей первой, не втоптали в конский навоз лишь потому, что в забитом всяческим хламом дворике навоза не оказалось. Старые плете-

ные стулья были в изобилии, как и корзины, и какие-то бочки, а вот навоз — извините... Взмокший во время схватки Робер мотнул головой, пытаясь отбросить со лба липнущие лохмы. Громкий хлопок где-то за спиной заставил вздрогнуть, шею и плечи обдало жаром, и стало совсем светло. Слишком светло.

Крики сзади, но повернуться, поглядеть, что там, нельзя, новая, уже третья, волна ощеренных, с безумными глазами, рож накатывает на южан и кагетов.

— Сэйчас! — вопит союзник, крестя саблей багровую ночь. — Нада! Ых!

— Воистину!

Уклониться, ударить, нырнуть в сторону, подставив врага под клинок Бурразова верзилы, самому проткнуть бок одному из навалившихся на Жильбера дезертиров и опять уклониться... Булькая разрубленным горлом, голый по пояс разбойник валится под ноги, рядом стучат клинки, но глянуть по сторонам теперь можно.

— Разрубленный Змей!

Кругом горело все, с треском и шипением, выплевывая стайки искр. Уже знакомый хлопок, струя пламени бьет в груду стульев, и те вспыхивают, словно солома, да по сути они солома и есть. Кое-как сваленная куча рушится, будто в страхе разбегаются четвероногие огненные твари. Пламя рычит и машет башкой, норовя перепрыгнуть с мертвого дерева на пока живой тополь.

— Монсеньор!

— Жильбер, спокойно. Отходим. Туда... К Бурразу.

Бесноватые больше не лезут — даже до них доперло... Теперь с этой стороны лишь пожар, то есть со всех сторон. Кагетский гигант опускает саблю и что-то шепчет. Мóлится? Робер тоже б молился, если б знал кому.

— Создатель, — будто в ответ стонет тоненький голос, то ли незнакомый, то ли изменившийся до невозможности, — как же это?.. Как...

— Масло... или что-то похожее... — Не потерявший голову Бурраз тыкает саблей в смыкающееся жаркое кольцо. — Бочки стояли у забора... Зарубил бы дураков.

— Если уже не зарубили...

Счастье, что вдоль забора — водосток, не будь его, горящая дрянь залила бы двор, но это лишь отсрочка. Воздух уже обжи-

гал и при этом еще и страшно вонял, начинали слезиться глаза. Пожар наступал, люди пятились к единственной еще не объятой пламенем стене. Без дверей, но это поправимо...

— Влезть можно, а там по крыше, и назад...

— Леворукий!

Из окошка прямо над головой высунулся веселенький огненный язычок, приветливо помахал и скрылся. Чтобы тут же появиться в компании нескольких приятелей. Вот ведь...

3

— Где я смогу найти Констанса Капуль-Гизайля?

— У него... — Марианна отвечала бездумно, как музыкальная шкатулка, — открыли, заиграла. — Там, куда мы поедем...

— Отлично, — бодро заявила графиня. — Я объясню вашему супругу, что он может за вас не тревожиться, этим займемся мы с регентом. Я имею в виду герцога Алву, который вам очень обязан.

Пустые глаза, в которых если что и живо, то дальний пожар. Ей нет дела до Росио, ей нет дела даже до собственного развода, только до огня, в котором сейчас мечется ее Проэмперадор.

— Все потомство Анри-Гийома эсператисты, а вы?

— Я давно не думаю о Создателе.

— Не думать о Создателе просто, трудно не принадлежать ни к одной из церквей.

— Я как все... Подданная Талига.

— Значит, согласно договору, подписанному Левием и Катариной как регентом и главой олларианской Церкви, вы вправе перейти в эсператизм. Если не думать о Создателе, это труда не составит, а кардинал может сочетать браком эсператистку с эсператистом без предварительного оглашения. Что до вашего развода... Прошу меня простить, но имел ли место сам брак?

— Однажды, — лицо Марианны стало осмысленным, — когда Коко решил, что из меня получается дама... Вы говорите о свадьбе, потому что Оллария горит и Робер там?

Как же они похожи, Ро и эта женщина! Вот так и находят свое счастье — или беду, если смерть отгрызает от души по-

ловину, только последний сын Жозины уцелеет! Судьба, она кошка, змея, волчица, но не ызарг же...

— Оллария горит. — Арлетта взяла баронессу за руку. — Робер там, Левий и прорва народа тоже, и что? Это отменяет жизнь? Как бы не так, это ее лишь подхлестывает, а ваш Коко слишком любит мрамор и бронзу, чтобы заботиться о женщине. Серьги он подобрать может, но и только...

— Сударыня, — Марианна вымученно улыбнулась, — барон женился на мне, когда я к желтому надела гагаты.

— Не янтарь и не рубины? — Графиня наконец перевела дух. — Неожиданно... Увы, желтое мне не к лицу уже лет десять, а ведь было время! Вы что-то хотите сказать?

— Я не думала, что мать... мать...

— Графа Савиньяка? И как вы его находите? Только без прикрас, дифирамбами я сыта по горло.

— Вы хотите...

— Я хочу перемыть кости моему старшему старшему. Было бы неплохо понять, к чему ведет союз Волн и Молний.

4

— Если крыша провалится... — начал Робер и запнулся. Представлять, что будет дальше, не хотелось, а другого выхода из огненной ловушки он не видел. Только через крышу в соседний двор, где хотя бы нет бочек с горючей дрянью.

— Нельзя терять времени. — А сколько они уже потеряли, пялясь на несчастный тополь, который, в отличие от людей, мог лишь стоять и ждать огня? — Жильбер, очнись. Проверь раненых, тех, кого нужно тащить.

Адъютант отвел глаза от чего-то, видимого лишь ему, и метнулся к темным грудкам в центре двора. Чем дольше они провозятся, тем меньше шансов, но гнать людей в огонь...

— Пятеро, Монсеньор.

Пятеро не способных идти, не то что лезть на стену. И при них восьмеро южан, шестеро стражников и кагеты Бурраза, тоже полдюжины.

— Не думал, — казарон смотрел то ли на странно высокую трубу, то ли на багровое небо, — о таком нет, не думал... Ты легче, иди первым.

— Согласен.

— Раненых надо добить. Твои — моих, мои — твоих, но ты не жди.

Все верно, но *это* он должен сделать сам, а Жильбер еще легче и пока что не забыл, как гонять на замковых крышах голубей.

— Сэц-Ариж!

— Да!

— Полезешь первым, проверишь, надежно ли. — А у тебя еще одно дело, у тебя и кинжала Мильжи. — Справишься?

— Монсеньор!!!

Нет, это не обида, не протест, не укор... Счастье?!

— Монсеньор, сзади! Смотрите, да смотрите же!

Никто не молился, но пламя опало, и как раз в том месте, где калитка! Не исчезло совсем, но притихло, будто его сбили гигантским плащом. Можно проскочить, хоть и опалив одежду.

— Бурраз-ло... К кошкам, теперь первым ты и твои...

— Нет.

— Да. — Горы, закат, розы... Давно умерший казар, давно убитый казарон. — Да... Вдруг там еще есть... бацуты кошачьи!

Поняли, даже верзила. Ну и хвала Леворукому!

— Эгей! Первыми — кагеты, потом несем раненых.

— Монсеньор, вы должны...

— Заткнись.

Воды бы им, облиться перед броском! Той самой, что поет в покинутом парке, той, что качала цветы в колодце... А пламя пятится, отмахиваясь рыжими лапами, не рискуя вцепиться в огромного кагета. Черная тень, взмахнув поймавшим алый сполох клинком, бросается в черно-красную дыру, как в бой, исчезает, и тут же в проход кидается следующий. Господин посол.

5

Пьетро с Джанисом раздобыли двуколку и пару разномастных крепких лошадок.

— Вы с баронессой сядете в экипаж, — без обиняков объявил монашек, — я — на запряжную лошадь, на второй поедет Джанис. Если потребуется, лошадей поменяем.

— Хорошо, — согласилась вышедшая на шум к калитке Арлетта. — Что в городе?

— Неутешительно, — не стал юлить Пьетро. Странное словечко напомнило графине, что перед ней все-таки церковник. — Люди бегут. В ближнем предместье начинается безобразие, дальше мы не ходили... Нам лучше поспешить.

— Пожалуй. — Арлетта погладила верховую лошадку по бархатистой морде. — Кем были их хозяева?

— Кто ж их знает, — усмехнулся поигрывавший вожжами Джанис. — В Закат мы турнули мародеров... Лежат вместе с награбленным барахлом, барахло в крови.

— Трудно было?

«Тень» пожал плечами, дескать, и не такое видели, Пьетро понял лучше.

— Вы ждали, что мы кого-нибудь приведем?

— Нет, — честно призналась графиня. — Тот, кто меня вам навязал, не теряет времени, когда оно дорого, и мы уже проходили мимо криков. Вечером. Я приведу баронессу и заберу свой узел.

Жесткая трава негромко и ласково шуршала, зарево осталось за спиной, впереди были ночь и звездное небо, часть которого загораживал дом. На его пороге лежала Марианна, и Арлетта сразу поняла, что герцогиней Эпинэ станет другая. Если, конечно, в Талиге еще останутся Иноходцы. Если, конечно, еще останется Талиг...

— Вы не ожидали? — Значит, Пьетро ее провожал, а она отвлеклась на созвездия и не заметила.

— Нет. Она хотела жить, и здесь не должно быть ядовитых змей.

Монах щупает запястье, слушает сердце, переворачивает. Все верно, это мог быть обморок, это должен быть обморок от усталости, напряжения, страха, но это смерть... Почему она сразу поняла, что это — смерть?! Только взглянула и поняла?

— Мы не можем задерживаться. — Пьетро прикрыл смотревшие в зенит глаза. — Покойная объяснила вам, где имение ее мужа?

— Нет. — Бедный Ро... Опять один. — Мы не будем задерживаться, но хотя бы в тайник вы ее отнесете?

— Разумеется. Она была олларианка?

— Баронесса Капуль-Гизайль собиралась перейти в эсператизм, так что можете читать по-гальтарски.

6

Вновь разбушевавшийся огонь внезапно отшатнулся, давая уже не дорогу — лазейку. Надолго ли? Кагеты выбрались, раненых утащили, в почти ставшем Закатом дворике оставалось шестеро южан, ну и они с некстати уторевшим Жильбером.

— Выносите! — крикнул Робер сержанту в дымящемся мундире. Двое, пригибая головы, подхватили сомлевшего адъютанта, кинулись к калитке, исчезли. Четверо и один...

— Мон-кха-кха-кхе...

Робер обернулся на вопль, ожидая увидеть валящийся на них и на калитку охваченный огнем сук, и... ринулся к полыхающему дереву, навстречу тянущей к нему руки женщине. Марианне! Со спутанными волосами, в полуобгоревшем платье, она еще пыталась улыбаться.

— Прости... Я не могла иначе... Не могу потерять...

— Лэйе Астрапэ, как?!

— Зачем тебе это?

Незачем. Тополь охвачен огнем, дышать невозможно даже мужчинам.

— Возьмите ее!

— Нет... С тобой... Только ты. Вместе везде. И здесь.

Четверо, двое и огонь... Она права. Вместе хоть бы и в Закат!

— Я больше... не могу.

— За мной! Живо.

Схватить за руку, дернуть на себя, потащить к калитке. Мужчины, солдаты, его южане, то ли шарахаются, то ли расступаются, они понимают, они первыми не пойдут, они не отберут у Монсеньора *ее*. Даже прикажи он сто раз.

— Скорее... Трудно...

Вот она, стена, ветки над головой, по ним уже вовсю скачут огоньки-морискиллы. Калитка — черный провал, но до него еще надо добраться, огненные зигзаги расползаются по стене, смерть машет перед глазами багровым с золотом веером, и жарá, невыносимая, жуткая. Нет, здесь не пройти.

— Я с тобой... Мы вместе.

Обвивающие шею руки, черная прядь, потрескавшиеся губы.

— Вместе! Навсегда...

Шаг в огонь, в жар, — в прохладу, в зеленоватый туман, в жизнь. Легкость касаний, дождь на губах, дальний плеск. Это пламя зови судьбою, эти тропы пройдем с тобою, аметисты янтарь укроют, и не пеплу спорить с волною... Треск, словно парус лопнул, в прореху рвется рыжее щупальце.

— Прочь! Не твое...

Плач воды, запах лилий, отдых на покрытых росой травах, должна же у водопада расти трава.

— Целый!

— Слава Создателю!

— Монсеньор!

— Выбрался. Раздери его кошки!

— Уж и не ждали...

— Надэится нада да канца!

— Истинно так...

Закопченные, обожженные, родные, сразу и не разобрать кто. Разве что потрясающего саблей великана ни с кем не спутаешь. Значит, рядом господин посол... Ветер бросает в лицо пригоршню пепла, вынуждая чихнуть, закашляться, окончательно очнуться.

Здесь тоже горит, но пожар не такой уж и сильный, не сравнить. И дышать можно.

— Что раненые?

— Ничего так... Живы.

— Все?

— ...Д-да.

Показалось или мешкают с ответом? Смотрят в огонь, будто ждут. Кого, ведь он шел последним?

— Упокой их Создатель...

Это Гашон, он всегда был набожен.

— Уже не выйдут. — И этот усталый обгорелый вояка — тот самый Бурраз?! — Дерево.

Да, дерево. Чудовищный склоненный факел, и склонился он перед калиткой, но ведь живых там не оставалось, здесь все! Шестеро кагетов, раненые с Жильбером, стражники и южане... Четверо из восьми?!

— Не понимаю. Я же был последним...

— Потом будешь думать. Вместе будем. — Некогда роскошный казарон простецки утирается рукавом. — На улице не стреляют. Почему?

— Пожар... — Лучше думать, что пожар и защитники баррикады просто ушли. — Вам опять первыми. Ребята, раненых поднимайте!

— Монсеньор...

— Что?

— Адъютанта вашего как? Берем...

— Он умэрал, — объясняет великан-кагет. — Я смотрэл. Это так.

«Это так...» Вот и все, капитан Сэц-Ариж, мальчишка, сжегший Сэ и прощенный Олларией. Если и были у тебя грехи, сегодня они сгорели.

— Так как? Брать?

— Здесь остался не только Сэц-Ариж, пусть все они придут... в Рассвет вместе.

Молчат, значит, согласны. Кагеты уже на стене, смотрят вниз, на улицу, призывно машут, дескать, путь свободен. Стражники и южане поднимают раненых, а на камнях двора белеет растоптанный кем-то цветок. Лилия. Опаленная, она все еще пахнет. Поднять, положить Жильберу на грудь; вот теперь в самом деле все, остается с грехом пополам перебраться через ограду на улицу. В жизнь. Прекрасную. Скверную. Страшную. Эта ночь не тебя уносит, не твою траву вечность косит, все оплачено, все допето, в омут памяти канет лето... Как же, канет оно! На другой стороне тоже горит; похоже, начался большой пожар, и в его огне сгорает даже одержимость. Во всяком случае, полуразрушенную баррикаду никто не атакует. И не защищает. Нет, кто-то бродит среди перевернутых телег и опрокинутых столов. Переворачивает покойников, смотрит, идет дальше.

— Монсеньор! Вы живы! — Только по голосу и можно в этом черномазом оборванце узнать Дювье. — Надо уходить, все уже за воротами. Мы тоже... отбились.

Часть третья

ДЕВЯТКА ПОСОХОВ

●

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

«ДЕВЯТКА ПОСОХОВ»[1]

Вы будете жить.
Убивают только лучших.
Шарль де Голль

Глава 1

ТАЛИГ. ВНУТРЕННЯЯ ЭПИНЭ. ФОЖЕРЕ ПОМЕСТЬЕ ЛАИК

400 год К. С. 8-й день Летних Молний

1

Завизжало. Пронзительно и над самым ухом. Марсель, пребывающий средь цветущих вишен в обществе птице-рыбо-девы, только что отстегнувшей накладные, как выяснилось, излишества, попробовал отрешиться. Увы, визг не прекращался, а к аромату цветущих садов примешалось нечто прямо противоположное. Напоминающая Франческу дева, все еще оставаясь

[1] **«Девятка Посохов»** — младший аркан Таро. Символизирует проникновение на высшие уровни сознания, получение представления о себе самом, на социальном уровне, избрание для себя базисной системы ценностей. Это предстоящие трудности, перемены, вражда, разрушение. **П. К.** — узость взглядов, потеря связи с действительностью, плохое здоровье, препятствия, проблемы.

таковой, канула в никуда, и Валме открыл глаза там же, где и закрывал. В славной придорожной гостинице родимого графства. Рядом визжала очередная Лиза и что-то клубилось. Марсель потряс головой, вгляделся, внюхался и опознал Валтазара.

На визгунью Валме цыкнул, та не поняла, пришлось отвесить легонькую затрещину.

— Прекрати. Он не кусается.

— А-ып!..

— Говорю же, не кусается, — заверил Марсель, усаживаясь на кровати. — Тут что-то одно, или зубы, или аромат... Святой отец, вы несколько неожиданно. Что-то срочное?

Валтазар даже не закивал, забил полупрозрачной башкой. Он выглядел встрепанным и несчастным, а Валме искал явно не от хорошей жизни и ведь нашел! Виконт глянул на разбросанную по комнате свою и не очень одежду и распорядился:

— Сударь, расточитесь-ка на пару минут. Мне нужно расстаться с дамой.

Валтазар понимающе блеснул призрачной тонзурой и растаял вместе с запахом; в окно немедленно задышало позднее яблочное лето, напоминая, что в этой жизни случается и хорошее. Лиза легонько шмыгнула носиком, но с места не двинулась. Иногда сделать проще, чем объяснить, и виконт, выпутавшись из простынь, самолично собрал пестрые женские тряпочки.

— Одевайся. Потом сваришь шадди, и спать!

— А... Он-но...

— Это монах, — объяснил Валме, — эсператистский. Давно покойный и очень-очень добродетельный. Взывает к совести распутников, вынуждая их жениться на совращенных девицах, так что кыш!

Повторять не пришлось — дурочка натянула рубашку и, подхватив остальное в охапку, шмыгнула за дверь. Марсель зажег свечу и вдумчиво натянул штаны. Валтазар уже был тут как тут — воздевал руки к потолку, а полупрозрачный лик являл нешуточные муки.

— Что, — посочувствовал виконт, — плохо дело?

Кивок, и какой выразительный! Не иначе, у бедняги отбирают вазы. Изысканный барон, не в силах бесплатно терпеть в своем доме подобную жуть, предпринял какие-то меры, но до-

говор есть договор. Придется посылать нáрочного, заодно он может и собаку привезти.

— Коко... Хозяин дома утопил ваше счастье в Данаре?

Мотание. Значит, не Коко.

— Потоп? Пожар? Совесть?

Воздевание рук, искривленный, страдальческий рот. Мученик, как есть мученик!

— Сейчас... — Карточек с буквами под рукой, само собой, нет, придется что-то изобретать из подручных средств. — Я понимаю, вы находитесь в состоянии глубокого «душевного», если так можно сказать о призраке, волнения, но уж потерпите. Ага, вот оно!

Книга Ожидания, гордость трактирщика, торжественно внесенная в комнату наследника графа Бертрама, лишилась трех десятков страниц. Вытащив походную чернильницу, Валме пальцем, не заботясь о каллиграфии, торопливо выводил поверх святого текста буквы. Выходило кривовато, но понятно. Валтазар маялся рядом, прямо-таки исходя беспокойством и нетерпением, что немало усиливало присущий призраку аромат. В дверь заскреблась Лиза — она таки сварила шадди; Марсель едва не потрепал малышку по тугой щечке, но вовремя вспомнил, что пальцы в чернилах, и ограничился поцелуем.

— Он... уйдет?

— Рано или поздно.

— А я?.. Мне ждать?

— Не стóит... Беги спать.

Быстрый кивок, легкий топоток по лестнице. Славная девчушка, может, даже и не Лиза...

— Не судите строго это дитя. — Валме с удовольствием отхлебнул из чашки. — Если б не она, я бы вас просто проспал. Итак?

Призрачный палец немедленно ткнул первую букву. Потом следующую.

— М.О.И.В.А.З.Ы.В.Б.Е.Д.Е... — Начало было ожидаемым, а он спросонья всполошился, вот и наказал сам себя. Чернила не кровь и не соус, пока еще ототрешь...

— П.Р.О.М.Е.Д.Л.Е.Н.И.Е.С.М.Е.Р.Т.И.П.О.Д.О.Б.Н.О.

— Понимаю ваши опасения. — А вот с сахаром «Нелиза» перестаралась. — Но что именно произошло?

— П.О.Д.Л.Ы. Е.Е. Р.Е. Т.И. К.И. В.С. Ё.Ж. Г.У. Т.

2

Ночь, как известно, темней всего перед рассветом. Левий не преминул бы обыграть сию очевидность, сведя беседу к возрождению в Талиге правильного эсператизма, но где носило кардинала, знал разве что святой Адриан, а Пьетро ограничивался краткими советами — надо отдать ему справедливость, толковыми. Без взятого по настоянию... ладно, пусть будет агнца, плаща Арлетта окоченела бы от навалившегося за городом холода.

Выбравшись на пустой тракт, три человека и две лошадки будто провалились в стылое нигде. Кони бежали, колеса вертелись, по сторонам вставали и пропадали то высокие, то приземистые тени, из низин выползали белесые туманные языки, их сменяли резные стены рощ и перелесков, над которыми цвели созвездия. Что это всего-навсего дорога, графине не верилось, особенно когда исчезло глядящее в спину зарево. Женщина полуспала-полубредила, кутаясь в плащ и пытаясь унять достойный лихорадки озноб.

Арлетта помнила, что они бегут из Олларии, Марианна умерла, а город горит, и при этом трясла мэтра Капотту, шла со свечой вслед за призрачным аббатом, шнуровала платье Марианне, та оглядывалась, становясь Алисой, совсем юной и напуганной. Путаясь в траурных юбках, королева убегала от черного Диомида длинными дворцовыми коридорами, открывала дверь в будуар Катарины и оказывалась в «лебединой» рамке, которую с двух сторон поджигали Левий и Сильвестр. Это не удивляло, ведь эсператисты и оллариацы заключили перемирие.

Розовые лебеди горели, не забывая гордо выгибать шеи и терзать клювами убитых Пьетро оборванцев. Зрелище было омерзительным, но неотвязным. Арлетта задрала голову, пытаясь сосредоточиться на ночных небесах. Летние Молнии... Время падать звездам, но сегодня они осыпаться не желали.

— Пьетро, — спросила графиня, — вы не можете погасить лебедей?

— Нет, сударыня, — спокойно откликнулся монах. — Потерпите еще немного, мы почти на месте.

— Хотелось бы верить. — Зубы так и норовили выбить нечто кэналлийское. — Понимаете, я брежу.

— Усталость, волнение и настойка, которую я вам дал. Вместе они могут вызвать видения.

— Они вызвали, и препротивные.

— Вы дурно провели последние часы, это не могло не сказаться.

Вот что церковники умеют, так это подбирать слова! Дурно провести время можно в гостях у каких-нибудь Гогенлоэ, но в охваченном бунтом городе...

— Спасибо, вы меня очень утешили.

— Такова моя стезя. Сударыня, вы решили, что скажете коменданту Лаик?

— Про Олларию — правду, про вашу стезю и Джаниса — то, что вы сочтете утешительным.

— Обо мне лучше правду или же ничего. Джанис — бывший моряк, волею судеб оказался в столице. Нас свел случай, новый знакомый оказался полезен.

— И это тоже правда! — невольно восхитилась Арлетта. — Мы в самом деле скоро доедем?

— Видите Всадницу? Копыто ушло за деревья, это парк Лаик. Вы сможете удержать лошадь? Я переберусь через ограду и открою ворота. Не стоит будить караульных до... утешения Сэц-Пуэна.

Пьетро помнил дорогу и имя одноглазого коменданта, был лекарем, монахом и убийцей. Как же ей повезло с ангелом-хранителем и с тем, что объясняться с Ро не сейчас... Бедная Марианна, так любить и не дождаться!

Графиня Савиньяк ждала, сжимая вожжи и вспоминая ставший могилой церковный тайник. Рядом вздыхала лошадь Джаниса; «Тень», как и положено тени, безмолвствовал. Его «подданные» перемерли, будто мухи, а он уцелел. Почему?

Темнота негромко стукнула, затем заскрипела. Стражники и не подумали вылезать из караулки, а собака если и была, то у самого дома. Возникший из ночи Пьетро взял лошадь

под уздцы и повел по узкому, но крепкому мостику к воротам. В прошлый раз здесь было болото и гнилье, но Сэц-Пуэн не бездельничал.

— Этот мост не поднять, — разлепил губы Джанис, — и стена мне не нравится... Любой увалень переберется.

— Не беда, — с непонятной уверенностью откликнулась Арлетта. — Сюда они не пойдут.

Спутники промолчали, зато издали раздался полусонный лай. Собака в Лаик все же имелась, но, главное, здесь имелись кровати. И тишина, потому что скрип ворот и миролюбивое гавканье есть тишина, покой и блаженство.

3

Марселя никто не будил, он сам решил подняться с петухами и поднялся. Просыпаться до света было отвратительно, но иные новости бодрят не хуже Герарда, к тому же по ошибке приволокшего кипяток. От жалости к себе, встающему, Валме выругался, соединив в проникновенной тираде адуанскую грубость, бакранскую естественность и гайифскую куртуазность. Итоговый муже-козло-павлин был великолепен и невостребован, ибо виконт почивал в гордом одиночестве. Умненькую Нелизу он выставил сам, а выплакавшийся Валтазар расточился, сжав руки столь молитвенно, что Марсель ощутил себя кем-то вроде Создателя.

Чувство было не из приятных, к тому же призрак толком ничего рассказать не смог. Валме только что в узел не завязывался, изобретая вопросы, но покойный мздоимец был туп и ограничен в передвижении своими горшками, горшкам же угрожали какие-то еретики, вломившиеся аж в Ноху.

Марсель переспрашивал и так, и эдак, но Валтазар был тверд — вазы вернулись в резиденцию кардинала, а там бесчинствуют ужасные злодеи, которым никто не противостоит. Это пахло либо ссорой Левия с властями, читай с Эпинэ, либо общей заварухой. В первое Марсель не верил, второе ему очень не нравилось, а значит, согласно родовому девизу, подлежало искоренению. Виконт в последний раз потянулся и принялся стремительно одеваться. Спустя несколько минут из спальни вышел — нет, не наследник Валмонов, но офицер для особых

поручений при сиганувшем в дыру регенте Талига, и офицер сей волей оного регента отменял решение Проэмперадора Юга.

Папенька настаивал и настоял на путешествии к Лионелю, дабы, вступив с ним в сговор, дать шенкелей старику Рудольфу. Марсель уступил, хоть и с неохотой, — душа рвалась в Сагранну к раскручивавшейся без присмотра интриге, но явился Валтазар, и юг с севером были равно посланы к кошкам. Рокэ не зря понаставил вдоль Кольца кордонов и застав, и кордоны эти требовалось немедленно оповестить, потому что дело в Олларии было худо и в смысле человеческом, обычном, и в смысле дряни, от которой шарахаются даже выходцы. Правда, покойный ворюга никакой скверны не заметил, а Зою за глаза обозвал еретичкой и прелюбодейкой, но выходцы выглядели убедительней, Алву они, во всяком случае, убедили.

— *Это было нечестно,* — пробормотал виконт, — *удалиться в дыру; это ложь, что прелестно вставать поутру...*

Внизу у стойки сонный трактирщик перетирал стаканы, за окошком нежненько розовело. Нелиза не показывалась, и Марселю стало слегка жаль — славная девочка чем-то напоминала принцессу Елену, другое дело, что та при виде Валтазара не завизжала бы, а сдержанно разбудила супруга, потому что делить ложе с посторонним кавалером для урготской ласточки немыслимо. Рокэ хотел, чтобы он занялся Еленой, а Франческа хотела белокурого военного, вкупе два этих обстоятельства не оставляли выхода. Уезжая от батюшки, Валме написал принцессе огромное письмо, которое через четыре дня должно оказаться в Урготелле. Сам Марсель в это время собирался миновать Корбьер, но когда он в последний раз оказывался там, где собирался?

— Шадди, — велел виконт потрясенному хозяину, — и дюжину ведер холодной воды. По одному на каждого из сопровождающих меня бездельников. Мы едем сразу после завтрака, а завтракаем мы немедленно.

— Сейчас, сударь! — Трактирщик отбросил полотенце. — А с собой? В дорожку покушать? У меня есть...

— Упакуй, — с ходу одобрил Валме, успевший вечером оценить и кухню, и винный погреб, — только быстро. Ждать не буду.

Окрыленный хозяин вылетел за дверь, можно было вернуться к себе и в ожидании процессии с подносами отписать отцу, но виконт предпочел плюхнуться на скамью. Он был отнюдь не уверен в собственной убедительности и, хуже того, в собственной правоте. За окном не шумел серый ливень, за спиной не сопел Герард, и все равно происходящее так и норовило напомнить осенние скачки за кошачьим хвостом. То есть за удравшим Алвой...

Батюшка принял известие о надорской дыре с раздражением и велел помалкивать; с этим Марсель не спорил, но за обсуждением будущего павлиньего рагу и промахов последнего уцелевшего регента они как-то выпустили из виду недавние странности. Камни *уже* остановились, морисков и дриксов еще только предстояло выставить, это казалось самым важным, но в Нохе не водилось ни гусей, ни павлинов...

— Шадди, — возвестил хозяин и обрадовал: — Сыр уже жарится. И цыплята...

Марсель развязал кошелек. Папенька полагал себя скупым и потому всегда переплачивал хорошим мастерам и куаферам. Дескать, посеешь пять суанов, соберешь десять таллов. Рокэ, Леворукий его побери, то есть возверни, просто швырялся деньгами и сапфирами. Марсель поступал то так, то эдак; сегодня он уподобился Ворону.

— О, — простонал потрясенный трактирщик, — сударь...

— Купишь киске, что прислуживала за ужином, бусы. Ей пойдет желтое.

Виконт пил шадди и перебирал Валтазаровы стенания. Перебрал, ничего нового не выкопал и взялся за подоспевший сыр. Это помогло — дожевывая второй кусок, Марсель сложил наконец два и два, то есть пятнадцатый день Летних Волн, в который Алва утихомирил каменных ползунов, и ночь с седьмого на восьмое Летних Молний. Вышло... Вышло, что если еретики начали засветло, то день этот был шестнадцатый, считая с гибели Алвы, а если затемно — шестнадцатый от крысиного исхода!

— Гальбрэ, — за неимением Котика объявил Валме раскормленному полосатому коту, — вылитый Гальбрэ и птицерыбо-Зоя в придачу.

Глава 2

ТАЛИГ. ОКРЕСТНОСТИ ОЛЛАРИИ ПОМЕСТЬЕ ЛАИК

400 год К. С. 8-й день Летних Молний

1

Разбудивший Робера малый оказался цирюльником. Выдираясь из мягких, но цепких лапок сплюшцев, Эпинэ припомнил, что прислать цирюльника грозился Левий, прогоняя уже мало на что годного Проэмперадора спать.

После этой проклятой драки у ворот народ так перепугался, что еще пару часов колонна в кромешной темноте ползла прочь от горящей Олларии, а потом у всех как-то сразу кончились и силы, и желание идти. Измотанные люди, многие из которых, да что многие — большинство, не имели ни малейшего походного опыта, падали где стояли. Эпинэ пытался трепыхаться, хотя слезящиеся глаза закрывались, а голоса звучали глухо и невнятно, будто сквозь одеяло или толщу воды. Тогда-то вынырнувший из лиловых глубин не хуже спрута Левий и отвел Робера к безымянной речонке, как отводят в конюшню загнанную клячу, и та бредет, опустив голову и роняя в пыль хлопья розовой от крови пены.

Кругом мельтешили какие-то фигуры, плакали дети, кто-то кого-то звал, кто-то что-то искал, шуршала листва, плескалась, смывая гарь, дивно холодная вода. А потом уже не Левий подал чужую одежду и почти поволок засыпающего на ходу Эпинэ к темному шалашу. Дохну́ло зеленью, и все кануло в тишину, которую и пробил сахарный голос, а за ним, будто нить за иглой, потянулась память.

— Монсеньор, — бойкий человечек с обезьяньим лицом прилаживал к кривой ветке зеркальце, о которое бились солнечные лучи, — мне так жаль, но ваши дивные волосы очень-очень пострадали... Боюсь, мне придется подстричь вас очень-очень коротко...

— Стриги, — махнул рукой Эпинэ, усаживаясь на подвернувшуюся колоду. Кажется, их занесло на заброшенный вы-

гон: водопой, пара шалашей и пустота. Пастухи ушли, скот либо угнали, либо зарезали.

— Монсеньор, я очень-очень вас прошу сидеть спокойно.

Цирюльник работал ножницами и языком, Эпинэ просыпался, зеркало отражало получужое лицо. Что волосы обгорели, не удивляло, а вот как сам он обошелся без ожогов, и что теперь делать? С беженцами, с бесноватыми, с приказом не покидать пределов Кольца?

Последние обгоревшие пряди упали наземь; мастер рвался что-то подравнивать, Робер остановил его жестом, привычно взялся за мундир, разглядел, что тот серый, церковный, и остался в рубашке, благо уже начинало припекать. Цирюльник убрался, что послужило знаком для болтавшегося поблизости Габетто, — кардинал продолжал опекать Проэмперадора. Робер предпочел бы Жильбера, но адъютанта больше не было, не было многих.

— Господин Эпинэ, — церковник молодцевато отдал честь, — с добрым утром.

— Будем надеяться, что так. Это вы меня сюда водворили?

— Его высокопреосвященство оставил меня в ваше полное распоряжение. — Одноухий теньент вытащил из сумки два ломтя переложенного мясом и зеленью хлеба.

— У меня есть свои люди...

— Они частично прикрывают отход, частично находятся в поиске. Мы же, как вы помните, сопровождаем вас от ворот Лилий.

То, что случилось после пожара, Робер помнил отвратительно, но Габетто врать было незачем.

— Зачем меня сюда затащили?

— Распоряжение его высокопреосвященства. Вы нуждались в отдыхе.

— Не только я... — Он дрых, а Никола занимался делами, хотя маленькому генералу с Дювье досталось не меньше! — Где генерал Карваль?

— Сегодня я его не видел. Вам надо поесть.

— Я ем. — Робер честно впился зубами в незатейливый, но вкусный завтрак. Лишние пять минут ничего не решали, тем более что все нужное наверняка уже сделано. — Где все?

Вопрос был глупым, в отличие от собеседника.

— Общий лагерь чуть ниже по течению, горожане разместились на поле у дороги, с ними остатки городского гарнизона и гвардии его высокопреосвященства. Про южан я уже докладывал. Алаты стоят у брода. На всякий случай.

— Ничего нового нет?

— Срочного ничего. Его высокопреосвященство хочет вас видеть, но это терпит.

Это в самом деле терпело, сегодня терпело все, потому что вчера все рухнуло.

2

Монахов и разбойников Арлетта еще не провожала, хотя они мало чем отличались от просто уходящих на просто войну.

— Сударыня, — напомнил Пьетро, садясь в седло, — обещайте в случае опасности спуститься в тайник.

Арлетта пообещала. Она собиралась обшарить лаикские подвалы вне зависимости от опасности, а времени было мало. Выдернутый из предутренних грез Сэц-Пуэн узнал в ночной гостье графиню Савиньяк и тут же согласился, что возле разворошенного осиного гнезда сидеть не стоит.

В то, что Эпинэ с Левием за ночь передавят всех ос, не верилось, оставалось понять, кто жив и куда уходить. Пьетро с Джанисом и вертким лаикским сержантом отправились в город. Арлетта поднялась на террасу и следила за огибающими пруд всадниками, пока те не скрылись в густой парковой зелени. Было чуть за полдень, крестьяне из ближайшей деревушки, воюя с болотом, рыли водоотводные канавы, у пруда возились щенки, ласточки, обещая дождь, чиркали крыльями по зацветшей воде.

— Странно, что вы поверили. — Арлетта посмотрела в лицо не покидавшему ее коменданту. — Мне самой не очень верится, что в десятке хорн отсюда жгут и режут.

Мальчишка в мундире широко раскрыл единственный глаз, по-оленьи красивый.

— Госпожа графиня, вы же мне рассказали...

Роскошно! В крепость заявляется единожды виденная дама, объясняет, что по соседству обосновался дракон, и ей по простоте душевной верят. Ну ладно, не в крепость и не дракон, но

Сэц-Пуэну надо бы научиться не только верить, но и соображать. Не сейчас, конечно, сейчас ему лучше исполнять.

— Мы с вами должны сделать еще одну вещь, неприятную, странную, но неотложную. В Лаик замурованы записи Эрнани Последнего. Их нужно достать, причем немедленно.

Решение ничего не объяснять было верным. Сэц-Пуэн подробностями не интересовался; надо что-то добыть — значит, добудем. Срочно? За ломами послано. Тайно? Это сделают солдаты, они из Пуэна, им можно доверять. В гробнице? Ну, раз надо... Хоть и влезший в бунт, парень был рожден в Талиге Олларов — вскрытие по казенной надобности эсператистской могилы его не волновало... в отличие от чего-то, явно висящего на языке.

— Вас что-то беспокоит? — спросила графиня, с сожалением отрывая взгляд от сонной воды.

— Мэтр Шабли... Одному ему не выжить, он не слуга, не мастеровой, и потом этот его кашель...

— Вы хотите взять мэтра с собой? — догадалась Арлетта. — Так возьмите.

3

Маркиза Фукиано требовала внимания и раболепия. Маркиза Фукиано негодовала и выговаривала. Маркиза Фукиано желала добраться до своих ближних владений. Проэмперадор был счастлив — отъезд маркизы не просто избавлял от старой ведьмы, с ней уходили те, у кого в Фукиано или по дороге туда имелась родня.

— Я выделю вам сопровождение, — пообещал Эпинэ, глядя снизу вверх на восседающую в карете старуху.

— Оставьте ваших неумех при себе! — гавкнула Фукиано, и к хозяйке немедленно присоединилась пара левреток. Собачонки в бантиках напоминали о Капуль-Гизайлях; это было лишним поводом не злиться, как бы маркиза ни язвила. Старая перечница была злопамятна, наблюдательна и неглупа. То гладя левреток, то цыкая на них, Фукиано басила про вечно виноватых перед «добрыми горожанами» солдат, не перевешанных вовремя барсинцев, не выставленного из дома Алвы Окделла и оскорбительную для олларианцев дружбу с эсператистским

кардиналом. С последним Эпинэ попробовал спорить, но напоминание о воле королевы грымзу лишь подхлестнуло.

— Катарина и так мало что соображала, — отрезала старуха, — а уж на сносях и вовсе. Эдакая горлица Создателева... Были б мозги не птичьи, молилась бы хоть Леворукому, только втихаря, а она серых развела, не продохнуть! Белль, ах ты поганка!

Не угодившая хозяйке собачонка вылетела в окошко и заскулила; пожилая девушка в оборках неуклюже вылезла из кареты, подхватила изгнанницу и тут же была укушена. Фукиано хрипло, по-мужски, захохотала.

— Вот что значит помогать мелкой дряни! Вы распустили чернь, молодой человек. Ракан не церемонился, и при нем было тихо.

— Дочь моя, — подоспевший Левий, хоть с трудом доставал Роберу до плеча, выглядел снисходящим до засевшей в карете грешницы, — не возводи хулу на спасших тебя, и Создатель тебя не осудит. Господин Проэмперадор, нас ждут более важные дела.

От неожиданности и возмущения Фукиано аж задохнулась, и Робер, воспользовавшись паузой, благополучно ретировался.

— Плохо, — сказал Левий, когда они отошли. — Отвратительно. Вчера вы явили себя истинным Проэмперадором, ваше главенство признали даже мои офицеры, а сегодня с виноватым видом слушаете старую дуру.

— Она во многом права.

— Возможно, она *будет* права зимой у камина. Если она, вы, я, Талиг, Церковь доживут до зимы. Оглядываться назад и копаться в ошибках сейчас могут одни дураки. Ваш долг — позаботиться о доверившихся вам людях и уведомить власти. Идемте.

— Куда?

— К реке, там все, кто на что-то способен, кроме южан. Они еще на тракте.

Тихую заводь обнимали ивы, на темно-зеленой воде важно лежали листья водяных лилий, среди них белел запоздалый цветок. Как бы он пошел Марианне...

— Добрый день, господа! — поздоровался Эпинэ.

— Приветствую, — по-алатски откликнулся Карои. За всех. Одиннадцать офицеров, пятерка полузнакомых горожан и одетый по-талигойски и к тому же стриженый казарон ограничились кто безмолвным военным приветствием, кто поклоном.

— Докладывайте, — велел неизвестно кому Робер.

Откликнулся Блор.

— Монсеньор, — сообщил он, — народ продолжает прибывать. Люди выбирались из города мелкими группами, семьями и поодиночке, но вырвавшиеся так или иначе стягиваются к тракту. Разъезды заворачивают их сюда. При этом те, у кого поблизости имеются родственники или собственность, просят разрешения покинуть лагерь.

— Разрешите. — Пусть уходят. Они сами так решили, значит, о них заботиться не надо, но ведь еще сколько остается! Их надо кормить, успокаивать, куда-то вести... Куда-то? Тракт южный, значит, на юг, самое малое до Фрамбуа, где дорога раздваивается. — Мы слишком близко к Олларии, чтобы задерживаться. После обеда надо двигаться. В городе какая-то... скверна. Не стоит надеяться, что она развеется без следа. Что говорят вновь прибывшие?

— Их рассказы дополняют картину всеобщего помешательства. — Левий тронул пережившего безумную ночь голубка. — Господин Проэмперадор, выборные от беженцев просят их выслушать.

— Монсеньор, — тут же подал голос немолодой горожанин, кажется, трактирщик, кажется, Боннэ. — Мы собрались... Мы решили, лучше помогать военным, чем просто ждать от вас заботы! Мы никогда, никогда не забудем... Мы до конца жизни будем...

— Прекратите! — прикрикнул Иноходец и, боясь выдать отнюдь не проэмперадорские чувства, отвернулся к заводи. — О прошлом будем говорить... зимой у камина... А сейчас помогайте офицерам, у нас мало времени. Блор, вы временно замещаете генерала Карваля. Разберитесь с наличными силами и готовьтесь к выступлению. Новые назначения мы обговорили, так что вперед. Вы — человек опытный, что нужно, знаете. Ваше высокопреосвященство, я прошу вас взять на себя тылы. У вас есть подходящие люди?

— Капитан Агили.

— Пусть принимается за дело немедленно. Напоминаю, господа, после обеда мы выступаем, так что идите и займитесь делом. Ваше высокопреосвященство, господин Бурраз, Балинт, прошу вас задержаться. Нужно составить письмо регенту.

Проэмперадор победил сентиментального слабака — подступившие было слезы так и не вырвались на свободу. Только пить внезапно захотелось. Кромка берега была топкой, на ней росло что-то высокое, с бледно-розовыми соцветиями. Чавкая сапогами по грязи, Эпинэ вошел в заводь, наклонился, набрал пригоршню воды, выпил. Впереди качался одинокий белый цветок, дальше полоскали ветви ивы, за спиной ждали дела. Робер пригладил мокрой ладонью непривычно короткую шевелюру, заставляя себя вернуться, и тут за спиной раздался плеск.

— Сударь, — с тенью былого великолепия произнес тоже влезший в речку Бурраз, — вы называете алата Балинтом, а я для вас по-прежнему «господин». Это огорчительно.

Ставший ловушкой двор, огромный кагет с саблей, обреченный сгореть заживо тополь, почти обреченные люди, мертвый Жильбер, красные жаркие отсветы на стенах и на лицах... Это было? Это было *вчера*?!

— Лэйе Астрапэ! — Робер протянул казарону руку. — Мы в самом деле в... одной упряжке. И к кошкам дипломатию!

4

Ро рассказывал, как вскрывали гробницу Франциска, так рассказывал, что Арлетта будто сама видела, как разлетаются пестрые осколки, хлещет не самая виноватая кровь, змеятся по сдавшемуся наконец мрамору трещины. Альдо Сэц-Придд крушил с размахом — главным для него было ощутить себя победителем чужого величия. Дурак, бездарь и мерзавец, он начал войну с мертвецом и проиграл ее, но графиня Савиньяк ни с кем не воевала и не хотела разрушений, она всего лишь искала минувший Круг...

Трое солдат-южан осторожными ударами выбили закрывавшую вход плиту с именем Диамнида. Королеву Октавию за-

щищала понсонья, того, кто лежал в Лаик, — лишь строки на древнегальтарском.

«Ураторе Кланниме, те урсти пентони меи нирати», — задумчиво прочла женщина, забрала у солдата фонарь и шагнула в темную дыру, опередив собиравшегося лезть первым коменданта.

Арлетта знала, что увидит. За две с лишним сотни лет до Эрнани конклав определил, какой быть усыпальнице влиятельного эсператиста, а хозяева Рафиано в те поры слыли таковыми. И очень запасливыми — склепов с избытком хватило и до конца Круга, и до конца веры. Любопытная, как кошка, Арлетта не могла не сунуть нос в пустующие склепы. Разные снаружи, внутри они были одинаковы, как ромашки на лугу. Мраморное основание для гроба, украшенное не подлежащим изменению орнаментом, в который вплетен вензель живущего Эсперадора. В ногах — скамья для бдящих, в головах — позолоченный язык пламени, в стены вделаны кольца для факелов, на полу — семь каменных ваз для цветов. Всё.

Протиснувшийся следом Сэц-Пуэн взял из рук графини фонарь; желтый свет робко погладил бронзовые накладки гроба. Пыли не было, но здесь ее не было нигде.

— Сударыня, — деловито спросил комендант, — это тоже надо открыть?

— Да, — подтвердила Арлетта, опускаясь на скамью. — Вам удастся обойтись без солдат?

Ему удалось. Гроб запирался, как шкатулка, и в замке по старой традиции был оставлен ключ. Те, кто хоронил брата Диамнида, не опасались грабителей. Арлетта Савиньяк долго смотрела на хилое тельце. Это мог быть как Эрнани, так и обычный, пусть и много проживший монах. Древние то ли боги, то ли демоны не пускали под эти своды тление, и время пощадило полуседые волосы, монашеский балахон с совой и кожаные сандалии, превратив самого покойника в подобие засушенного насекомого.

— Поднимите фонарь, — велела графиня. Будь она с Левием и шуми в столице не погромы, а ярмарки, она бы отступила. Не от страха — от стыда, и пусть бы мертвец хранил свои тайны и дальше, но вчерашний кошмар не оставлял места для чистоплюйства. Мимоходом пожалев об отсутствии перчаток,

Арлетта сунула руку под тонкую ритуальную подушку и сразу же нашла. Пальцы коснулись чего-то гладкого и твердого. Воззвав сама не зная к кому, графиня осторожно потянула находку на себя. Ящичек оказался увесистым и не столь уж маленьким, но ей все же удалось ничего не повредить, только высохшая головка покойного устало откинулась назад.

— Нашли?! — Одноглазый мальчишка изнывал не от страха — от любопытства. Ему было скучно в тихой Лаик, он не носился вчера по городским улицам, не слышал криков о помощи, не прятал глаз, торопясь поскорей оставить чужую беду позади.

— Нашла, — подтвердила Арлетта, разглядывая внушительную шкатулку, на крышке которой занимался безмятежно-прозрачный рассвет.

5

— Ночуем в Жалá и на лугу возле, — объяснил Эпинэ, глядя, как Левий управляется с Соной. Управлялся его высокопреосвященство недурственно. — В домах мест не хватает, да и не всем по карману запрашиваемые цены... Спасибо Блору, догадался сразу же разослать фуражиров. Пока местные не знают нашего положения, с ними еще можно иметь дело.

— Наживаться на горе ближнего своего дурно, — рассеянно откликнулся кардинал, — но природа человеческая далека от идеала.

— Боюсь, цены на провизию взлетят еще круче, чем плата за ночлег, — буркнул Эпинэ. Предусмотрительность Блора позволила раздобыть продовольствие по приличным ценам, но это сегодня. — Завтра беженцы напугают местных, как своим видом, так и рассказами, и начнется... Поеду проведаю своих, может, есть новости.

— Будь что-то срочное, нас бы догнали. Вы подсчитали, что мы ползем медленней слухов, но крестьянские слухи не обгонят кавалерийских лошадей. Вы уже выбрали дорогу от Фрамбуа?

— Почти. — Когда ты на Дракко, а собеседник на Соне, говорить одно удовольствие, особенно если иных удовольствий нет и не предвидится. — От Олларии надо держаться подаль-

ше, это ясно, а вот куда идти... Выбор есть, пусть и небольшой: городков по Кольцу достаточно, и ближайшие — на юге.

— Барсина, слава Создателю, избавлена от своего «гарнизона». — Левий слегка придержал кобылу, а затем решительно повернул в поля, увы, не засеянные. — В соседних местечках подобной публики тоже нет, а за Кольцом — кэналлийцы и люди Дорака. На них можно положиться, если только... нас не посчитают разносчиками «чумы».

— Сейчас все равно деваться некуда; доберемся до Кольца, попытаемся разобраться. С вашего разрешения я в арьергард...

— Нет, — твердо произнес Левий. — Ваше место в центре колонны, так же, как и мое. Нас должны видеть.

— Хорошо, — сдался Эпинэ. — Отправлю кого-нибудь к Карвалю. Он наверняка...

— Нет.

— Ваше высокопреосвященство!

— Арьергард ведет Гедлер, генерала Карваля там нет. Он и бóльшая часть его отряда были отрезаны пожарами. Если они вырвались, то другой дорогой. Сержант Дювье с южанами идут в охранении уже за арьергардом. Когда Карваль появится, он первым делом наткнется на них.

— Но...

— Вечером Дювье доложит в подробностях. Он считает, что Карваль прорвался к Старым Аббатствам. Там нечего грабить и почти нечему гореть.

Огонь прекратил драку, а город Никола знает. Через Старые Аббатства к Ржавым воротам и оттуда — на Придду. Особой разницы между Приддой и тем же Дораком вроде бы нет, не все ли равно, куда уходить, но Никола и север, Никола и брошенный «Монсеньор»?! Значит, обойдет город по дуге и выскочит на южный тракт у того же Фрамбуа...

— Успокойтесь, — по-своему понял молчание Робера Левий. — Считай я генерала Карваля погибшим, его просьба была бы уже исполнена, но я делать этого пока не собираюсь. Мы, кажется, говорили о провианте и о том, что наживаться на чужой беде грех. Мой вам совет — давать за продовольствие позавчерашнюю цену, и ни суаном больше. Вы накормите голодных и убережете алчные души от греха.

— Они не станут продавать, — отмахнулся Робер. Никола не может пропасть, не может! На Колодезной пожар был не сильнее, чем тот, из которого вырвались они, сильнее просто не бывает.

— Очнитесь! — потребовал кардинал. — У тех, кто не станет продавать, будете забирать. В *вашу* Двадцатилетнюю *ваш* предок в подобных случаях приравнивал скаредность к мародерству и был прав как в глазах малых сих, так и в глазах Создателя. Закон защищает слабых, вы — закон, а слабые идут в вашем караване и хотят жить, есть, пить и спокойно спать. Жизнь вы им дали, извольте дать и все остальное.

Глава 3

БЕРГМАРК. АГМШТАДТ
ТАЛИГ. ПОМЕСТЬЕ ЛАИК

400 год К. С. 9-й день Летних Молний

1

Цилла училась ходить, и учил ее Арнольд. В парадном мундире, умильно выпятив губы, очень серьезный, он вел годовалую кроху по яично-желтой от одуванчиков поляне, и Луиза в этот миг его не ненавидела. Муж дал ей имя, дом, детей, она вырвалась от матери с ее рюшечками, пощечинами и обысками. У них всяко не хуже, чем у людей, а сегодня еще и погода хороша как никогда. Госпожа Арамона подставила лицо разгулявшейся весне и улыбнулась. Цилла — пятая, но кто сказал, что последняя?

— Ха! — громыхнул Арнольд и обнял жену за плечи. — Ну и тоща же ты, мать моя! Ты что, сама не ешь, косы кормишь? А ну-ка расплети!

— Здесь? — засмеялась Луиза. — Ну ты и скажешь...

— Здесь, здесь... Ах ты, манюсенька моя! — Муж присел на корточки, сразу сделавшись похожим на добрую жабу. Какая яркая трава, и она светится, будто внизу восходит зеленое солнце.

— Ах ты, маню-маню-манюсенька, — манил старательно вышагивающую дочку Арнольд, вытащив курочку на палочке, тоже пронзительно-зеленую, — смотри, что есть у папеньки! Куку-я-пайки есть у папеньки...

Круглолицая девчушка смешно пискнула, попробовала побежать, запнулась и провалилась в изумрудную топь. Луиза бросилась к дочери, но ее отшвырнули. Муж... нет, Проэмперадор в белых с отворотами сапогах заступил дорогу. На обтянутом мундиром плече выгибал спину черно-белый Маршал, и перевязь тоже была черно-белой.

— Сударыня, — резко спросил Савиньяк, — что вы видите? Я должен знать!

— Цилла! Там Цилла... Моя дочь!

— Где?

— Пустите! — Маршал торчал на пути, будто какое-то подлое дерево, и Луиза, обходя препону, бросилась в сторону. — Цилла!!!

Ни поляны, ни трясины — серая, выстывшая церковь и одинокая прямая фигура на господской скамье. Мирабелла Окделл и... спящая Цилла у нее на руках.

— Ты украла мою дочь, мещанка, я забираю твою!

— Не смей!!! Моль надорская!

— Мама... Мамочка... Что с тобой?! Проснись! Мама!

Огонек свечи, чужой потолок... Сэль с ночными косицами, настороженный Маршал прижимает уши на комоде. Святая Октавия, это всё сон...

— Мама, что с тобой? Хочешь пить?

— Я орала? — спросила Луиза. — Прости, пожалуйста.

— Ну что ты!.. Мама, тебе что-то снилось?

— Не помню. Иди, ложись...

— Мама, попробуй вспомнить, это может быть важно. Что-то произошло, и с тобой, и везде... Мы должны рассказывать графу Савиньяку все, что знаем, иначе он сделает что-нибудь неправильно.

Ах да, Савиньяк! Ручка Сэль в сильной, красивой мужской руке, такой как подхватит, как закружит... Зоя вот сразу решила, что они — пара, а выходцы много чего чуют, да и маркграфиня, причеши ее хорек... О здоровье она во втором часу ночи справлялась, как бы не так! У мармалюки от ревности уши

светятся, да и есть с чего. Сэль красавица, а Савиньяк хорош отменно. Неважно, что граф и Проэмперадор, важно, что под носом гуляет чье-то счастье, и почему бы не дочкино?

— Ты видела Олларию, да? У Проэмперадора там мама, а Зоя про тех, кто остался, так страшно говорит...

Точно, Савиньяк спрашивал о матери, а Сэль запомнила. И он Сэль запомнит — девушку, нашедшую тебе выходца, попробуй забудь, а тут еще и золото Манлия, и ревнивая красотка.

— Сэль, со всякими глупостями иди к маршалу сама. Мне это неприлично.

— Хорошо, мам, я пойду. Ты вспомнила?

— Нет пока... — Счастье Сэль сто́ит ночного страха, но врать нельзя, надо вспоминать, оно и вправду важно. — Ты разобрала, что я кричала?

— Ты звала Циллу.

— Значит, Циллу... — Имя сорвало забвение, как присохшие к ране бинты. Хлынула память, страшная, черная, неостановимая.

— Да, так и было. Звала.

Бежала, рвалась к тонущей дочке, только было это не во сне, на самом деле это было! Что там с графиней Савиньяк, кто ее знает, а малышки теперь нет. Нигде. Маленький выходец больше не станет корчить рожи и топать ногой, требуя своего короля. Не было короля, а Циллы не будет...

— Мама, только не плачь! Если так... Не вспоминай, забудь!

— Теперь уже не забыть. Сэль, утром ты расскажешь Савиньяку, что... в Олларии вчера умерла Цилла и там теперь беда.

2

За завтраком Вольфганг-Иоганн объявил, что на встречу с Хайнрихом не едет. Прикончив очередной ломоть пирога с кабаньим окороком, сыром и рыжиками, маркграф осушил кружку своего любимого темного и с очевидным удовлетворением провозгласил:

— Хорошо, что до варита при всей его тупости дошло, что Излом нельзя нагружать еще и войной, но всему есть предел, и моему терпению тоже. Мне будет трудно не убить медведя и

не выглядеть при этом дурнем. То ли дело вы! Я подписал открытый лист на любую дипломатию, делайте с ним что хотите.

Лионель немного посомневался, вынудив союзника повторить доводы, и уступил. Тащить маркграфа с собой в планы маршала не входило. Главным образом потому, что при встрече агма с варитом дурнем рисковал показаться отнюдь не варит.

— Я внес изменения в ор-гаролисскую главу. — Мысли сотрапезника уже вернулись к главному труду его жизни. — Война мало чем отличается от охоты, а что скажут об охотнике, взявшем на рогатину кабана и объявившем его зайцем?

— Мне подобные охотники не попадались. — Вольфганг-Иоганн шутил, и Ли улыбнулся, как улыбнулся бы и в любой другой день. Из Бергмарк ни матери, ни Олларии не помочь, значит, думать о них не надо, и тем более вон из головы Рокэ! До конца войны или до встречи с матерью, если они все же встретятся... Что важно, что по-настоящему важно, так это Рудольф. В Талиге остался единственный регент, худший из всех, пора решать, выкручивать ли ему руки уже теперь, или положение еще терпит...

Савиньяк с должным вниманием выслушал свои вчерашние советы, за ночь превратившиеся в озарившие маркграфа мысли; теперь можно было ехать, не опасаясь хотя бы за Агмштадт.

— Если вам опостылеют перо и бумага, — бергерская физиономия стала почти хитрой, — навестите меня после ужина. Летом я ложусь *очень* поздно, а... стаканчик-другой мужчине не повредит. Старое вино и... свежие ягодки на дорогу — это полезно.

Вольфганг-Иоганн подмигнул. Предложение требовало уже не улыбки — смеха, и Ли рассмеялся, предоставив хозяину толковать оный смех по своему усмотрению.

В приемной Сэц-Алан с деланым равнодушием доложил, что маршала по срочному делу хочет видеть девица Арамона.

Лионель обвел ленивым взглядом немногочисленных придворных. В Олларии соглядатаев водилось не в пример больше, но сторожевых ворон хватало и у Фриды, а ее визит к талигойкам слишком уж напоминал хорошо воспитанную ревность.

— Пусть оседлают лошадей для меня и девушки, — небрежно приказал Савиньяк. — Эскорт обычный.

Мать Селины была слишком умна, чтоб выцеливать для дочери жениха выше барона, а сама девушка при всей своей красоте по сторонам вообще не смотрела, что красоту эту подчеркивало необычайно. Офицеры-южане были очарованы, северяне пока держались, но если местные красотки уподобятся Фриде, не устоять и красавцам. Дамы редко понимают, что их ревность указывает мужчинам путь не хуже звезды Ретаннэ; другое дело, что Селина никак не отойдет от гибели Надора, ей не до нежных чувств, а вот думать девица Арамона умеет, и смелости ей не занимать. Ночью произошло что-то, о чем девушка решила рассказать. Вернулась мертвая мачеха?

Капитан Гастаки в тактическом смысле оказалась почти бесполезна, но кое-что стратегическое из встречи с выходцем Ли все же вынес. То, что сотрясло горы и остановило Хайнриха, не было смесью совпадений и суеверий, оно подчинялось каким-то своим законам, а следовательно, его можно было понять и унять. Второе Рокэ удалось, но вот первое... Если Алва нашел ответ, его знает и бывший с ним Валме, нет — виконт по крайней мере понял, по каким доскам лучше не ступать.

— Монсеньор, лошади у крыльца.

— Иду. Девицу возьмите на себя.

Голубое платьице, то же, что и ночью, а глаза припухли. Она плачет о Надоре, будет плакать и об Олларии.

— Добрый день, сударыня. Вы хотели меня видеть?

— Да. Я должна вам рассказать...

— Тогда давайте прогуляемся. Утром я видел выводок горных куропаток. Они весьма красивы.

На лошадь прелестницу водрузил адъютант. С благоговением. Лионель в это время сосредоточенно осматривал подковы Грато. На крыльце мелькнула немолодая дама с густыми — впору кэналлийке — бровями. Кормилица маркграфини, ее Ли помнил еще по Ноймару. Савиньяк вскочил в седло. По этикету дама опережает кавалера на полкорпуса, но Селина об этом забыла, не стала она говорить и о птичках.

— Мама вспомнила, — поделилась девушка едва ли не в воротах. — Ей стало плохо, потому что она видела, как погиба-

ла Цилла. Это моя младшая сестра... Мы вам о ней говорили, Циллу увел папенька, а теперь...

Селина очень хотела заплакать, но как-то справилась, только прикусила губку и глубоко вздохнула.

— Мне жаль, — сказал Лионель, не уточняя, что жаль ему не маленького выходца, а его сестру, за которую распустившего язык Манрика следовало убить без всякой политики.

— Мама любит нас всех, — призналась собеседница, — только Цилла все время пакостила. Мама ее наказывала, а сейчас винит во всем себя... Вам это совсем не нужно, вы хотите знать, что случилось с мамой. Она все расскажет, только привыкнет, что Цилла умерла еще раз. Выходцы тоже умирают. Второй раз совсем.

— Вы знаете о них удивительно много.

— Зоя много рассказывает. Мама забывает, а я помню, потому и начала понимать. Немного, конечно... Цилла уводила маму, это вы ее спасли. Нас... Нас все время спасают — вы, Зоя, ее величество, Монсеньор... А мы — никого! Это несправедливо.

— Справедливость, как и многое другое, живет в нас. — Грато обернулся, спрашивая, сворачивать ли ему с тракта на знакомую тропу, и Лионель, подтверждая, отдал повод. — Я бы сказал, что в вашем случае справедливость торжествует. Вы должны жить и быть счастливы. Ваша матушка ничего больше не вспомнила?

— Она пыталась, пока не уснула. Уже под утро, я дала ей кошачьего корня... Мама ходила по Нохе, там было пусто, только она и Цилла. Цилла сперва злилась, потом радовалась. Она залезла на крышу, на самый верх. Плясала, выхвалялась... В Багерлее она тоже прыгала по крыше и дразнилась. Она всегда дразнилась... Я не знала Зою раньше, но Цилла и папенька, они почти не поменялись. Мама даже забывает, что они выходцы.

— А вы — нет?

— Так получается. Наверное, я недостаточно их любила... — Селина сдвинула брови, явно подбирая слова. — Еще мама видела фонтан, он бил зеленым, и потом из него вылез голый человек с усами. Очень красивый, но отвратительный. Они с Циллой стали ссориться, и тогда из часовни вышел Аль-

до и сорвал с малышки корону, я забыла сказать, она была в королевской короне... Дальше мама помнит только Циллу. Как она тонет в этом зеленом и зовет... Маму зовет, а сперва звала короля, только он не пришел.

Госпожа Арамона видела много, но ее Ноха ничем не походила на ту, по которой метался сам Лионель. Пустота, фонтан, из которого кто-то поднялся, покойный Альдо, так и не утерявший тяги к коронам... Было ли это бредом, или женщину затягивало на тропы выходцев? В любом случае, он шел другой дорогой и видел мятеж и солдат, а не зеленые кошмары. Хотя это ли не кошмар — смотреть, как смерть тянет лапы к твоей матери, и быть не в силах защитить?

— Спасибо, сударыня. Вы мне очень помогли.

— Нет... Это вы вернули маму, без вас бы... Без...

Теперь она плакала, судорожно сжимая поводья, беззвучно и безнадежно. Осадив Грато, Савиньяк рывком пересадил девушку к себе и обнял. Будь у него младшая сестра, он обнял бы ее точно так же, но ему достались лишь братцы и война.

3

Пьетро с Джанисом объявились, когда Арлетта из последних сил читала добытые в гробу поучения. Графиню тянуло послать находку к Леворукому и растрепыхаться, но Сэц-Пуэн чуть ли не по потолку бегал, вот и приходилось отмахиваться сразу и от своих страхов, и от комендантских. Дескать, ничего с разведчиками не сделается, вернутся. Вернулись. И притащили пятерых городских стражников и отбившегося от своих кавалериста-южанина. Измазанных, голодных, ничего не соображающих...

— Сбесились, — твердил конник, по-лошадиному мотая головой, — точно сбесились... Будто и не люди. Даже не зверье... Не знаешь, как и назвать-то.

— Да уж, — подтвердил «Тень», — пропал городишко... Теперь только жечь.

— Уже жгут... — утешил бывший сержант городской стражи. — Ублюдки поганые!

Выразиться покрепче бедняге мешала хоть и переодетая, но графиня. Проводы Катарины продолжали приносить плоды, на сей раз не ядовитые.

— Что? — выдохнул Сэц-Пуэн, когда пополнение вместе с Джанисом спровадили в казармы. — Что там? Что Монсеньор?!

— Если верить пленным, из города вырвались три колонны. — Пьетро сохранял спокойствие, только каким же... нецерковным оно было! — Первой ушла Посольская палата и примкнувшие к каравану горожане. Это было днем, погромщики тогда еще опасались нападать на большие отряды. При желании мы сможем догнать господ дипломатов. Они вряд ли двигаются быстрей армейского обоза, то есть...

— Я представляю, — перебила Арлетта — а наш хозяин тем более. Итак, Глауберозе — ведь это он их ведет? — вырвался.

— Грабители не знают дипломатов по именам, но прорывом несомненно командовал военный, то есть либо дриксенец, либо алат. На закате через предместья на юго-запад пробился еще один сборный отряд. Видимо, отсеченные от главных сил военные. Эти уходили налегке, и мародеры их не тронули.

Основные события разгорелись ночью. Либо нам не повезло со свидетелями, либо таковых не осталось. Мы точно знаем, что после обеда к Старому парку стали стекаться... не впавшие в безумие горожане. Его высокопреосвященство, Проэмперадор и генерал Карваль были там же. Когда стемнело, беженцев начали выводить из города; сперва им сопутствовала удача, но у ворот Лилий началась резня, которую прекратили пожары.

Брошенных телег и повозок очень мало, так что колонна из города ушла. Наверняка ее прикрывали, наверняка многие из стоявших в заслонах погибли либо в бою, либо от огня. От ворот Лилий уцелевшие могут двигаться только на юг.

— Их можно догнать? — спросила Арлетта, почти зная ответ. — Они вышли позже и, если там горожане, идут медленней посольского обоза.

— Там мародеры, — ровным голосом напомнил Пьетро. — Люди все еще бегут из города, и бегут вслед за Проэмперадором...

— Значит, он жив?!

— Для беженцев — несомненно. Они хотят оказаться под защитой, а мародеры желают грабить. Убивать и насиловать они хотят тоже, но это дополнительный приз. Разбойники сбиваются в конные шайки по нескольку десятков человек и тянутся на юг. Нам встречаться с ними излишне.

— Сударыня, — подал голос отдышавшийся Сэц-Пуэн, — давайте... Лучше отступать на север. Мы догоним дриксенцев.

К Ро, если только он жив, ехать нельзя! Не из-за разбойников, хотя их со счетов не сбросить, — из-за Марианны. Военные вправе плакать, когда их война или хотя бы сражение окончены, не раньше.

— Хорошо, — кивнула графиня. — Хорошо в том смысле, что не сто́ит искушать мародеров. Мы налегке и на лошадях, так зачем нам плестись с обозом?

Внимательные светлые глаза, встревоженный черный. Они послушают, потому что один спешит к своему кардиналу, а второй жаждет обрести начальство, и желательно военное.

— Я думаю... — Думала она вчера, но немного неуверенности одинокой стареющей даме не повредит. — Думаю, лучше всего отправиться к армии одного из моих сыновей. Лионель должен быть ближе, а мародерам в той стороне делать нечего. Вы согласны?

— Да! — сверкнул глазом Сэц-Пуэн. — Да!

— Нужно узнать дорогу. — Пьетро был спокойней, но решение ему нравилось. — Помнится, отсюда в ту сторону ведут лишь проселки.

— Мэтр Шабли! — Комендант чуть не хлопал в ладоши. — Он вычертил карты всего Кольца. Видите, как удачно...

Хилый мерзавчик балуется картографией? В самом деле удачно, но, главное, она скоро увидит Ли! Вот так и понимаешь, что тебе есть, к кому бежать, на кого вывалить то, что скопилось и в голове, и на душе... Ли поймет, должен понять, или она *не понимает* его. То, что творится в Олларии, по зубам только старшему с Росио. Ну, может быть, еще Валмонам и Левию, если бы тот успел вернуть свой эсператизм к своему же Адриану, только мародерские души нужно не спасать, а упокаивать. По возможности картечью.

— Сударыня, с вашего разрешения... Я займусь сборами. Лучше не медлить!

— Вы меня спрашиваете? — Глаза пошире, как в молодости, когда старый, нет, еще молодой ызарг Штанцлер принимался восхищаться Рафиано и Савиньяками. — Но ведь комендант — вы. Я даже не гостья, беженка.

— Сударыня!..

Подавился чувствами, чихнул и умчался. Первым делом предупредит своего Шабли. Если их не разлучить, ментор вцепится в доброго вояку, как омела в дуб. Намертво и с презрением, тех, из кого сосут соки, всегда презирают.

— Пьетро, вы в самом деле готовы ехать к Северной армии?

— Я за вас отвечаю. Когда вы воссоединитесь с сыном, моя совесть будет спокойна.

— Вы ничего не сказали о маленьком Октавии.

— Мне нечего сказать. Когда грабили дворец, ни принца, ни охраны там уже не было.

— Так дворец разграблен?

— Иначе и быть не могло. Я бы сказал, что именно это позволило беженцам беспрепятственно дойти до ворот Лилий. Дальше ушедших защищал пожар.

— Во время мятежа в Эпинэ, — задумчиво произнесла графиня, — были вожаки. Я не про Ро и даже не про Карваля... Сплошь и рядом возникали заводилы, подбивавшие десяток-другой крестьян на бунт. Потом они становились либо сержантами, либо мародерами...

— Бунт в самом деле не может не породить вожаков. Если это бунт, а не чума.

— Вы не были в Нохе?

— Я провел там ночь. Вы подумали о свечении? Оно исчезло.

— А я провела ночь над поучениями Эрнани Последнего. Его высокопреосвященство угадал, они в самом деле хранились в гробнице. Вы читаете по-гальтарски?

— С трудом.

— Иссерциал у меня шел не в пример легче. Правда, я не видела его рукописей... Боюсь, я буду разбирать этот манускрипт месяцами.

— Я вряд ли смогу быть вам полезен... В этом.

— Очень жаль, — негромко посетовала Арлетта. — Знаете, а я ведь поняла, почему ваше лицо, когда вы стали военным,

показалось мне знакомым. Конечно, все люди на кого-то похожи, особенно если смотрящий близорук и видит только основное... Сперва вы напомнили мне моих сыновей, потом я решила, что у вас больше общего с Аларконами...

Паузы графиня выдерживала мастерски, однако Пьетро и бровью не повел. Четок у хитреца больше не было, но руки спокойно лежали на коленях. Арлетта мысленно зааплодировала.

— Не знаю, на что списать ваше спокойствие. Мой старший не удивляется, дабы не решили, что его можно удивить, а младшие — когда знают, о чем речь. Я думаю, что вы знаете... До переноса Святого престола в Агарис и охоты на демонов художники и скульпторы молились на Диамни Коро. Гении были наперечет, но Савиньяк на портретах оставался Савиньяком, а Эпинэ — Эпинэ. Когда Анри-Гийом обиделся на признавших Франциска родичей и выставил их из портретной галереи, пустоты заполняли чем придется, лишь бы оно было древним. В ход шли не только предки, но и вассалы, главным образом Ариго, однако нашлась и парочка Гайярэ.

Ваш герб, сударь, не имели права разбивать. Герб с золотой выдрой на алом, рассеченном золотой молнией поле. «Предвещает возвращенье...» Граф Гайярэ, вы готовы вернуться?

4

Карту Нохи, совершенно бесполезную, он нарисовал по памяти. Ментор землеописания остался бы доволен, толкуто? Савиньяк отметил наиболее уязвимые места, потом места замеченных им схваток и расположение церковных гвардейцев. Что бы он делал в шкуре неведомого Левия или ставшего чужим Робера? Одна их ошибка была очевидной — из Торки, не из Олларии. Проэмперадор с кардиналом недооценили горожан. Лионель тоже недооценил бы, потому что слабый бросается на сильного либо от отчаянья, либо спьяну. Отчаянье, судя по письмам матери и рассказам Рудольфа, если и было, то зимой, а вот на опоенных самоубийцы с площади походили. Пьяному Рассанна по колено, а Сагранна по пояс, пьяный станет махать кулаками, не чувствуя боли, пока не свалится. Значит, пьяны, но чем? И куда девать Джаниса с его орлами?

«Висельники» — твари ночные, трусливые и хищные. Броситься в бой, защищая других, они в здравом уме не могут. Тоже перепились? Трезвые гвардейцы в стенах, колотящие друг друга пьяные на площади. В кабаках дерутся часто и порой насмерть, но разбойников убили не камни и топоры...

Лионель вынул маску — она была спокойна и совершенна, хоть сейчас на стену. Капуль-Гизайля бы сюда с его любовью к антикам, глядишь, что-нибудь бы да понял! Савиньяк всмотрелся в черные каменные глаза. Не карас, не черный агат и не обсидиан. Что-то вроде непостижимым образом почерневшего коралла... Оборотная сторона черна при серебряных глазах и отнюдь не кажется изнанкой, но как же барон жаждал заполучить пару к своей золотой редкости. Там — золото, здесь — серебро, и в придачу и к тому и к другому чернота. Зачем?

Вечерело, в комнату могли... могла зайти Фрида, и Савиньяк убрал так и не открывший своей тайны лик. Говорить о нем не хотелось, разве что с госпожой Арамона, но он выжал несчастную мать досуха. Если б только свести потустороннюю муть с уличными боями... Голый красавец из фонтана, Альдо, корона... Бред. Бред?! Подожги лекарский порошок, и в тигле начнет извиваться змея. Тоже бред, скажете? Нет, пепел...

Мысли нарезали круги вокруг Нохи, залитой то непонятной зеленью, то кровью. Если б упавшую среди сараев мать Селины вовремя не нашли, женщина исчезла бы, как исчезают уведенные выходцами, или тело осталось бы лежать? Мертвое тело, без ран и ушибов... Бездыханные трупы на перекрестках, которыми пугают кормилицы и няньки, — не родня ли они трупам на площади? Пусть площадь при желании можно назвать перекрестком, но заката не было, только солнце и мертвые «висельники». Отребье, за какими-то кошками сбежавшееся защищать эсператистов.

Уже знакомый скрип доказал, что маску он убрал не зря. Лионель поднял голову от карты, «узнал», встал, поклонился.

— Сегодня вы не в гостях? — улыбнулась Фрида. — Как мило...

— Я в гостях, — Савиньяк тоже улыбнулся, — у хозяев Бергмарк.

— И завтра уезжаете... В третий раз. Вы вернетесь.

— Возможно.

— Вам придется возвращаться, пока вы не поймете, что это судьба. Мы предназначены друг другу, как Манлий и Юлиана. Противиться этому глупо.

— Фрида, судьбы не существует. Есть не зависящие от нас обстоятельства, и есть наша воля. Из их столкновения рождается нечто, что часто называют судьбой, но мне больше нравится слово «жизнь».

— Вам просто не нравится признавать, что вы не свободны, женщине в этом смысле проще. Я никогда не была по-настоящему свободна, но подчиняться высшей воле не столь унизительно, как людям. Маркграфом нужно управлять, и меня во имя Талига отправили сюда. Мать, отец, Сильвестр... Люди. Я нужна для другого, большего, и мне послали вас. Почему вы не предлагаете мне вина?

— Хотите вина?

— И вина тоже. Судьба будет на нашей стороне. Нужно только не спорить с ней.

— Это невозможно, сударыня. По причине, которую я вам уже назвал. Судьбы не существует, но если б она была, я не позволил бы себя оседлать. Впрочем, это не повод не выпить за вас. Вы красивы, молоды, умны, так будьте же счастливы.

— Буду. — Дочь регента и супруга маркграфа осушила бокал и засмеялась. — Вместе с вами. Вам не нравится судьба, поговорим о любви.

— Зачем... говорить?

— Затем, что я не стану называть то, что нас связало, судьбой, потому что это можно назвать и любовью. В нее вы, надеюсь, верите?

— Я ее видел. В Савиньяке до восстания Борна и еще несколько раз.

— Вы ее видите сейчас. Я люблю вас, маршал. Так, как могу любить я. Так, как могу любить только я и только вас. Я хочу, чтобы вы это знали. Я поняла это, когда увидела рядом с вами эту лазоревку... Синичка и коршун. Нелепо.

Смелость украшает женщину не всегда, но Фриде смелость шла. Как и зеленое с золотом платье. Вечером на ней были хранящие целомудрие изумруды, сейчас — крупный жемчуг. Это ожерелье Савиньяк уже расстегивал и с удовольствием бы расстегнул снова.

— Фрида, — Лионель резко поднялся и прошел к окну, — утром мне в любом случае будет неприятно, но вы этого чувства еще можете избежать. Вам показалось, что вы видите руку судьбы. Бергмарк располагает к суевериям.

— Бергмарк располагает к одному. Желанию позабыть о своей участи хотя бы ночью. Я жду ответа, Лионель. Ответа, не поцелуев.

Ночной ветер холодил затылок, заржала лошадь, звякнул полуночный колокол. Фрида ждала, и на ее шее мерцал южный жемчуг. Если б она просто пила вино и улыбалась...

Лионель был бы рад сейчас остаться с женщиной, при условии, что та будет молчать. Или смеяться, петь, болтать о ерунде, просить денег, наконец, лишь бы не любви в самом неподходящем смысле этого слова. Фрида просила, и это было глупо и, наверное, жалко, будь Савиньяк сейчас способен жалеть кого-нибудь, кроме Западной армии.

— Я не верю, что вы меня любите, Фрида. Будь так, все было бы иначе и для вас, и для меня. Нам нравилось быть вместе, не более того. Мы — прежде всего союзники.

— Извольте не решать за меня. — Она резко поднялась. — Я имею обыкновение отвечать за свои слова.

— Тогда прошу вас вспомнить то, что вы сказали, придя в эту комнату впервые.

— Я помню. А еще я помню, что вы говорили о вашей красотке. Она столь чиста, что приходит к вам среди ночи, и столь невинна, что ищет вас в приемной маркграфа. Катарина Ариго могла научить многому. И научила... Манрик это успел оценить, или лазоревка предпочла моего дядюшку Фердинанда? Не желаете вызвать меня на дуэль, защитник девичьей чести?

— Вы — дама. Если девушку приметесь оскорблять вы, мне останется лишь жениться на ней. Простите, мне надо еще написать несколько писем.

— Пишите, но я этой ночи вам не забуду.

— Вы вольны меня возненавидеть, — вежливо согласился Савиньяк, разворачивая карту, — но я вряд ли от этого кого-нибудь полюблю. О том, что у меня нет сердца, мне уже говорили. Это уродство порой мне обходится в немалую сумму...

— Вы были правы, — светским тоном заметила Фрида, — Бергмарк в самом деле располагает к суевериям. И еще к тому,

чтобы видеть в графе — короля, в пиве — вино, а в скуке — любовное увлечение. Я пришлю вам на свадьбу лучшего местного пива.

— Благодарю, сударыня. Теперь мне придется сообщить вам о грядущем событии заранее.

На пороге маркграфиня все же слегка задержалась. Правильно, потому что удержать ее Лионелю хотелось. Эта ночь стала бы светлее, не заговори женщина в жемчугах о том, чего не испытывала. Не считать же то, чего она искала, любовью! Впрочем, Фрида не только дочь Рудольфа, но и внучка Алисы, и троюродная племянница Гудрун. Дриксенские принцессы идут к цели напролом, это следовало учесть, новый Анри-Гийом Талигу не нужен...

Ли развернул-таки карту и отметил, куда мог добраться Реддинг, если решил прыгнуть выше головы, на что и была вся надежда. Что понимали в любви Алиса, Фрида, Марианна, Катарина?! Две последние об этом хотя бы не говорили, но баронесса любви все-таки хотела, потому и злилась. Чего искала Катарина, Лионель не представлял, но от желания близости головка у нее порой кружилась. Савиньяк это чувствовал дважды, но Ариго была слишком королева, чтобы признать свою слабость, свою *истинную* слабость. Вот показать себя в любви они с Росио умели.

Когда, «уступив» Сильвестру, капитан личной королевской охраны граф Савиньяк провел кардинала в зимний сад, он едва не забыл, что сделал это по сговору, и невольно залюбовался достойной Иссерциала сценой.

— Мне показалось, ты увлекся, — сказал он вечером Алве.

— А мне показалось, что увлекся ты, — парировал тот. — Или лишней четвертью часа мы обязаны нескромности Сильвестра?

Тот вечер они завершили еще более нескромно, но кузинам Фарнэби это понравилось, а запертому в летних лагерях Эмилю — нет...

Лионель потянулся и отправился к маркграфу. Вольфганг-Иоганн сперва удивился, потом довольно расхохотался и предложил выпить. Разделявшая одиночество сюзерена черноволосая дама улыбнулась, разлила вино, извинилась и вышла «сме-

нить платье». Через четверть часа она вернулась с пухленькой блондинкой.

— Ко мне зашла моя подруга. — Черноволосая лукаво посмотрела на гостя. — У нее закончился алый шелк для вышивания... Я ее задержала. Я права?

— О да. — Платье вышивальщицы позволяло оценить высоту груди и нежность кожи. — Что вышивает ваша подруга?

— Леворукого, — захохотал маркграф, — клянусь торосами Агмарена, сегодня она вышивает Леворукого! И будет трудиться до утра.

— О, — прошептала подруга. — О... Я так люблю рукодельничать по ночам.

В покоях фаворитки маркграфа имелось несколько спален, и одна была выдержана в алых тонах. Когда в окне забрезжил рассвет, Савиньяк покинул спящую сном праведницы вышивальщицу, на груди которой уже проступили следы его ночного рвения. Впрочем, собственные плечи маршала тоже украшала обильная «вышивка».

Глава 4

БЕРГМАРК. АГМШТАДТ И ОКРЕСТНОСТИ ТАЛИГ. ЮЖНЫЙ ТРАКТ

400 год К. С. 10-й день Летних Молний

1

Это была странная мысль — забраться в Старый парк и затащить туда Марианну, но Робер выучился сходить с ума не хуже прочих. Двое рука об руку проскользнули мимо клюющих носом стражников и побежали сквозь ночь к источнику. Эпинэ не представлял, что его подруга столь проворна и столь вынослива. Когда впереди блеснул поймавший ущербный месяц поток, Робер задыхался, а Марианна лишь слегка улыбалась. Иноходец не заметил, когда и где она сбросила туфли и куда делись гребни и шпильки. Волосы женщины лились вторым водопадом, и в них, бросая вызов луне, светлел цветок.

— Куда ты? — Эпинэ удержал возлюбленную у самой воды. — Утонешь.

— Я? — удивилась та, широко раскрывая бездонные глаза. — Никогда... А разве мы не будем купаться?

— В Драконьем источнике? — не поверил своим ушам Робер. — Но это же невозможно!

— Почему? Ведь он зовет. Послушай... Он ждет, он хочет тебя напоить, он тебя помнит, любит и не оставит. Он всегда пребудет с тобою дальним плеском, звездной росою, ароматом полночных лилий, водопада жемчужной пылью, дрожью трав над зеленым плёсом, лунным гребнем в ивовых косах. Будет долгой твоя дорога от порога и до порога, от озерной сини к небесной, от дождя к полуденным песням...

— Марианна! Лэйе Астрапэ, я что, уснул?

— Ты устал... Ты долго уставал, но это проходит! Уже прошло.

— Действительно, уснул! Извини... Я видел тебя босой и с цветком в волосах. Только не помню с каким.

— Но тебе понравилось? — Женщина знакомо подняла бровь. На белой шее мерцал жемчуг, который он бросил в источник. Выходит, ожерелье достали, а он позабыл, сколько же всего он позабыл! Балбес, он даже не помнит, как и когда нашлась сама Марианна... Вечером, когда средь ивовых зарослей сверкнули плесы Жала, Робер мог лишь надеяться, что баронесса жива, что они выживут и будут вместе.

— Ты... Когда ты пришла?

— Зачем? Зачем думать об этом сейчас? Будет утро, будут слова...

Он отвык от вкуса ее губ, от покоя, от надежды, казалось, в мире не осталось ничего — только пепел, серый и сухой. Казалось... Больше не кажется! Эпинэ не представлял, что может любить так неистово, так радостно. Они потеряли друг друга, чтобы найти. Чтобы понять, как велика, как прекрасна любовь...

— Это только начало, Марианна. Только начало!

— Да... Начало... Да...

И снова поцелуи, ночная прохлада кожи, струящиеся черные пряди, тихие стоны, жемчуга под руками. У них случались такие ночи, почти такие — до подобного исступления прежде

не доходило. Нужно было пройти огонь и стряхнуть с ног пепел. Нужно было почти сгореть...

— Монсеньор! Монсеньор... Проснитесь!

Разрубленный Змей, неужели нельзя...

— Монсеньор! Нашлись!

Еще бы не нашлись.

— Слышишь? Ты нашлась... Марианна!!!

Никого. Никого, но тогда почему он раздет и счастлив? Эти сны сведут с ума любого, и пусть сводят! Марианне он тоже снится, она говорила... Этой ночью они не были вместе и все-таки были, потому что живы, любят, чувствуют друг друга, сколько бы хорн их ни разделяло.

Робер выскочил из сарайчика, где ночевал, с улыбкой. Оказалось, снаружи холодно. По приречной низине стелился туман, из которого вырастали черные груды повозок и карет. Туман походил сразу на снег и облака, и еще он извивался белыми прядями. Неужели у ночи светлые волосы? Как странно...

— Монсеньор, — в шестнадцатый раз повторил сменивший Жильбера корнет, — тут...

— Уймись, дитя! — цыкнул знакомый голос. — Ну что, господин Проэмперадор? Доложу-ка я тебе, что Октавий жив, ну и мы заодно.

— Иоганн!

— Собственной персоной, — подтвердил заросший, но целехонький Мевен. — Думал лошадьми разжиться, а разжился начальством. Принимай командование, пока мы с Дэвидом друг друга не покусали.

— Дэвид? Где он?!

Оказалось, в трех хорнах ниже по течению Данара, вместе с принцем, королевскими регалиями и полутора сотнями солдат и слуг. От погромщиков река защитила, и она же стала новой угрозой. Из трех найденных во дворцовом хозяйстве барок лишь одна, самая на первый взгляд паршивая, оказалась более или менее в порядке, вторая подтекала, а уж третья, «парадная», — так вообще... Плыть дальше в дырявых лоханках не получалось, чинить лодки никто не умел, пришлось выбираться на берег. В рыбацкой деревушке отыскалось с полудюжины кляч, Мевен отправился на рекогносцировку и вечером налетел на разъезд церковников.

— Вот гляжу на тебя, — признался виконт, — и понимаю, что цел. Приятно, Леворукий побери! И ведь вроде ничего такого с нами не было, плыли себе и плыли, аж стыдно! Разве что под Перекатным пару залпов дали... Защищался там кто-то.

— Блор со своими. Без вас им бы конец, а так вырвались.

— Блор? Надо же!.. Ну и как он?

— Не хуже других, — понял намек Эпинэ. — А вот как Дэвид?

— Пока под седалищем горело, на человека походил, а сейчас опять в гроб лезет. У тебя приличной лошади не найдется? От моего скакуна рыбой прет... Чешуей его кормили, что ли? А Карваль что, правда пропал?

— Правда.

— Найдется. Не может быть, чтоб не нашелся.

Робер тоже так думал. После сегодняшнего сна, после появления Мевена и вестей об Октавии Иноходец не сомневался — худшее позади.

2

Если бы щука прорыдала всю ночь, она бы выглядела в точности как вдова Арамона, но щуки не рыдают, а с коронованными или вроде того особами встречаются разве что возлежа на тарелках. Луиза сделала положенный реверанс и воззрилась на маркграфиню, сожалея, что рядом нет выходцев. Гаркнули б на ревнивую волчицу, и та убралась бы, если не в обморок, то в церковь. Страхи замаливать.

— Нам будет очень вас не хватать, — заверила волчица, — вас и вашей милой дочери. Знайте, что вы отнюдь не обязаны исполнять прихоти графа Савиньяка. Его власть кончается за пределами Надора, а вас желают видеть при дворе моей матушки, к тому же вам лучше воздержаться от горных дорог. Я доверяю своему врачу, а он настоятельно советует вам покой. Задержитесь до осени, и я охотно возьму вас с собой в Ноймар.

— Ваше величество так добры... — Лишнее «величество» всяко не помешает, но из Агмштадта нужно убираться.

— Вы оказали услугу талигойской короне, — нежно напомнила Урфрида, — за вас просит мой брат. Разумеется, я сделаю для вас все, что в моих силах.

Все, что в твоих силах, ты, милочка, делаешь, чтобы ухватить Савиньяка. Вот так и понимаешь, кто — королева, а кто, причеши ее хорек, урожденная дура, хоть и маркграфиня.

— Я была бы не достойна ваших добрых слов, если б отказалась помочь Проэмперадору, — почти всхлипнула Луиза. — Он, как и добрые подданные вашего величества, очень серьезно относится к гибели Надора. Мы с дочерью — единственные выжившие свидетели, и мы исполним свой долг.

Святая Октавия, ну и завернула! То есть для Герарда в самый раз, но для сорокалетней наседки... «Ха!» — как говорит покойный муженек, хотя долг, как его ни назови, долг и есть. Паруса эти дурацкие Зоины крепить надо, так что о Дворе пришлось бы забыть, даже не косись на Сэль ревнивая коза.

— Ваше величество, мы не можем остаться обе. — Селина! Вот только ее и не хватало... — Если маменьке нужен покой, поеду я. Мама, я все помню... Если его величество Хайнрих спросит про Надор, я расскажу, а вам лучше лечь.

Луиза растерялась, маркграфиня тоже. Отчего-то вспомнились Оллария, обморочная королева и блеющий король. Невинность с хитростью воистину гуляют по одним лужайкам, но Сэль не удержать. Супруга маркграфа это поняла и тотчас утратила интерес к едва не скончавшейся вдовице. Холодно кивнув «милой дочери», хозяйка пожелала гостьям доброго пути. Селина сделала положенный книксен, и — о ужас! — заколотые на скорую руку локоны рассыпались по обтянутым голубеньким батистом плечам. По-королевски рассыпались. Будь это Катарина, Луиза заподозрила бы утонченную месть, но дочка просто оплошала с прической. Травили и за меньшее.

— Сэль, — они возвращались длинными каменными коридорами, и Луиза старалась говорить спокойно, — если Бергмарк не королевство, это еще не значит, что можно нарушать этикет. Маркграфиня к тебе не обращалась.

— Прости, мама, — в незабудковых глазищах светилось честное раскаянье, — но ведь тебе сказали лежать. Доктор...

— Не понимает ни кошки! Сэль, тебе нравится Проэмперадор?

— Очень. — Ни заминки, ни опущенных глаз, ни румянца. Так признаются в любви к варенью. — Он что-нибудь приду-

мает. У него в Олларии мама, он ее не оставит... Ох... Я даже не знаю, как тебе сказать...

— Уж говори как есть. — Святая Октавия, ну что с тобой такой делать?! Только замуж за умницу с большой шпагой.

— Ты не волнуйся... Это не про Герарда и не от... господина Креденьи... Мама, не смотри так! Со мной все хорошо!

— Тогда с чего слезы? — буркнула ничего не понимающая капитанша. Что дочка темнит, было ясно еще вчера, но Луиза грешила на Зою, с которой Сэль и раньше вступала в заговор.

— Я... Давай когда придем. Я кошачьего корня заварю.

— Не нужно. От него спишь на ходу, а нам через час выезжать. Что все-таки стряслось?

— Я рассказала Проэмперадору про Циллу. Я говорила, что лучше бы ты сама. Он все равно к тебе приходил...

— Мне надо было лежать.

— Значит, доктор прав? Тебе нельзя ехать! Давай я! Савиньяк — очень добрый человек... как ее величество, только мужчина... И очень хорошо к нам относится.

— Проэмперадор — человек в самом деле хороший, — подбросила поленце на пробу Луиза. — Жаль, несладко ему сейчас: и война, и мать в Олларии.

С войной черноокий красавец как-нибудь да совладает, а вот с четырьмя бабами, одна из которых мертвая, причем с Зоей проще всего...

— Мама, тебе лучше остаться.

— Не говори глупостей. Ты мне что-то хотела рассказать.

— Ее... величество... Граф Литенкетте... Он...

Еще один красивый граф, но этот-то каким боком?

— Нет, это не мне кошачий корень нужен, а тебе! Давай отложим до вечера. На привале...

— Ее величество убили, — прошептала Селина. — Ричард... Кинжалом. Он его всегда с собой носил...

— Святая Октавия! — Луиза уставилась на дочь, не веря собственным ушам. — Катарина же умерла родами...

— Так объявили, чтоб не стало... как в Октавианскую ночь, а на самом деле это Ричард. Помнишь, Литенкетте писал, что ничего не случилось бы, если б мы не уехали? Мы думали, он это так... с горя... Ведь ты не доктор, что бы ты могла?

— Люди часто после беды думают, что могло быть иначе.

— Мама, но ведь могло! Ты бы заметила, что Дженнифер сняла с колокольчика язычок. Все вышло из-за нее.

— Это тебе Савиньяк рассказал?

— Да, — подтвердила Селина. — Ричард еще и Розалин убил... Чтобы не позвала на помощь, а сам сбежал. Маршал думает, что в Гаунау, а их король будет нас спрашивать про Надор и про Зою. Мама, ты как хочешь, а я ему скажу, что... что нельзя укрывать убийцу.

— Нельзя, — согласилась Луиза, с оторопью глядя на больше не льющую слезы дочь, — только, уверяю тебя, Савиньяк скажет, что нужно, сам. И все равно как-то не верится... Ричард — кукушонок, а не волк. Он ведь даже Айри пальцем не тронул.

— Это он. — Сэль сама сейчас походила на Катарину, когда та говорила про Колиньяров. — Ричард пытался отравить Монсеньора! Мама, он мог, и Айри это знала...

3

Люди радовались. Потерявшие почти всё бедняги с умилением смотрели на пышущую здоровьем кормилицу, прижимавшую к груди августейший сверток. Робер угадал — беженцы, как и сам он, в появлении Октавия видели добрый знак. Непривычно умиротворенный Проэмперадор узнавал и показывал молчащему Дэвиду «знакомых» — парня с дайтами, раздающего внукам затрещины Лысого Клода, еще более лысого аптекаря, подобравшего чужую девчушку старого кавалериста, старуху с цветком в горшке...

— Хорошо-то как, монсеньор, — сказал ставший кем-то вроде старейшины трактирщик Боннэ. — С принцем нас примут.

Робер кивнул, он тоже так думал, хотя ответа от Валмона раньше, чем на десятый день, ждать не приходилось. И то если у Кольца знают, где сейчас Проэмперадор Юга, и если того не занесло куда-нибудь в Приморскую Эпинэ.

Встреча продолжалась. Октавия в сопровождении дворцовых гвардейцев, которым для такого случая церковники уступили приличных лошадей, доставили на деревенскую площадь, куда высыпали местные, тут же перемешавшиеся с

беженцами. Праздничный колокольный звон и яркое солнце довершили дело — лица расцветали улыбками, от которых Эпинэ почти отвык.

— Монсеньор, — рыженькая женщина, тоже знакомая, протиснулась к ним и теперь старательно задирала подбородок, — монсеньор...

— Да, милая? — А ведь она похожа на Мэллит! Пусть не столь красивая, но хрупкая, трогательная и... смелая. Гоганни ушла от Альдо, талигойка от этого, покойного усача...

— Монсеньор, вы не могли бы... Офицер, который был с вами у Старого парка, он обещал... хотел меня найти...

— Жильбер Сэц-Ариж погиб на пожаре, — хрипло сказал Эпинэ. Рыженькая вздрогнула и даже не отошла — исчезла в веселой толпе, как в омуте.

— Кто это? — подал голос Рокслей.

— Не знаю. Прибилась к нам у Старого парка. Какой-то урод ее не пускал, Жильбер его прикончил. Я и не знал, что они хотели встретиться.

— Нет!

— Нет? — не понял Робер. — Но ты же ее впервые видишь!

— Создателя нет, — уныло объяснил Дэвид. — Если случается такое, то мы одни...

— Лэйе Астрапэ, мы всяко одни! Создатель ушел, старые боги ушли, Алву куда-то унесло... Но Блор отбивался до последнего, а ты его выручил и спас Октавия. Ты для них, — Робер ткнул рукой в пеструю солнечную площадь, — сейчас поважней небожителя. Мы еще не на Кольце, а Карваль еще не вернулся, так что страдать некогда.

— Я не страдаю, — огрызнулся Рокслей, — просто ну не может же быть, что Он согласен на... такое. Или Леворукий сильнее?

— Я тебе что, кардинал? И вообще, — мелькнула престранная мысль, и Робер чудом ухватил ее под уздцы, — из Олларии разбежались не только крысы, но и кошки, так что Леворукий ни при чем. Значит, ты взял не только регалии, но и гарнизонное жалованье?

— Все, что было в мешках. — Теперь Дэвид напоминал просыпающегося. — Я подумал, что нам понадобятся лошади.

— Прежде всего нам требуется провиант и фураж. — Вспоминать мельника, задравшего цену раз в двадцать против обычной, не хотелось. Повесили и повесили. С благословения Левия. — Я еще не сказал тебе спасибо.

— Было бы за что, — отмахнулся последний из Рокслеев. — Каковы будут мои обязанности?

— А ты сам куда хочешь?

— Куда скажешь! Только чтоб дети под ухом не плакали.

— Значит, — сделал вывод Эпинэ, — в арьергард к Блору. Если что не так, сам виноват — спас у Перекатного, теперь терпи.

Шутка вышла глупой, ничего удивительного, что Дэвид не улыбнулся. Отдал честь, будто чужому, и пропал в толпе, как и узнавшая о смерти Жильбера рыжая. Иноходец поправил плохо державшуюся на слишком коротких волосах шляпу, немного постоял, слушая почти праздничный гул, и отправился к обозникам — задерживаться в трех переходах от свихнувшейся столицы было опрометчиво, а праздник... праздник они еще устроят. Когда все закончится и Проэмперадор Олларии отдаст поводья Проэмперадору Юга, а повезет, так и регенту. Не Ноймаринену — Алве.

4

Савиньяк придержал Грато у моста через веселую белогривую речку, так и норовящую умыть прибрежные кусты. Листья маршал узнал — такую веточку, едва распустившуюся, он весной сорвал в Гаунау и назвал калиной. Лето подтвердило догадку зелено-оранжевыми ягодными гроздьями, лето подтвердило слишком многое... Догадливость льстила самолюбию, но лучше бы ошибался Проэмперадор, а не регент! Ли поправил шейный платок и послал Грато на мост. На той стороне было такое же лето и такая же калина. Шестнадцать дней Торку изменили мало, она все так же радовалась теплу, не забывая, что впереди холода.

Чуть ли не из-под копыт выскочила полосатая торская белка, она тащила гриб. Звери мудры, они готовятся к зиме; это людям лето, мир и молодость кажутся вечными. Счастливым людям... Граф Савиньяк знал цену лета — цену передышки, но

сегодня можно было не торопиться — Хайнрих обещал быть на перевале лишь через два дня.

Липпе был от границы дальше, чем Агмштадт; правда, гаунасский медведь мог менять лошадей и не тащил с собой дам. Мысль о спутницах оказалась пророческой — госпожа Арамона не замедлила напомнить о себе. Наездницей белокурая дама была средненькой, но от возка отказалась. Очень похоже — ради беседы с глазу на глаз.

— Сударыня? — Ли галантно приподнял шляпу. Еще одна полосатка распласталась на дереве вниз головой, таращась на всадников. Бергеры редко бьют белок — не та добыча...

— Я рискну заговорить с вами о моей дочери, — четко произнесла супруга выходца. — О моей живой дочери Селине. Прошу простить мою наглость, я — мать, как бы напыщенно это ни звучало.

— Я слушаю вас.

— Монсеньор, вы вряд ли подобное замечаете, но меня беспокоит маркграфиня Урфрида. Есть вещи, говорить о которых почитается непристойным, но Селина многого не понимает, а маркграфиня понимает превратно. Мы приглашены, вернее сказать, истребованы ко двору регента и после встречи с королем Гаунау должны отправиться в Ноймар. Маркграфиня собирается туда же. В свое время меня выдали замуж, не считаясь с моими чувствами. Мне с моей внешностью рассчитывать было не на что, но Селина достаточно... недурна собой для брака по любви. Монсеньор, я боюсь, что супруга регента устроит судьбу *моей* дочери по просьбе *своей*.

Госпожа Арамона говорила, будто писала очередное неимоверное письмо. Она загодя продумала каждое слово, и Савиньяку это нравилось, тем более что женщина вряд ли ошибалась.

— Чего вы хотите?

Она в самом деле умна, Рокэ можно в очередной раз поздравить, только поздравлять некого.

— Я понимаю, как это звучит, но... Я просила бы изыскать для нас возможность вернуться в Надор без урона для чести Селины. Я знаю, что моя мать стала супругой моего отца, но пребывание в Креденьи для нас было бы тягостно.

— Вы могли бы добавить, что положением, в котором вы оказались, обязаны мне. В Найтоне вы написали весьма примечательное письмо, но почему в нем нет упоминания о моей дуэли с сыном тессория?

— Потому что моя дочь была лишь поводом.

— Вы были преданы королеве?

— Я — нет, моя дочь и Айрис Окделл ее величество любили.

— А вы, именно вы?

— Теперь мне ее жаль... — Не ожидала подобного вопроса и, кажется, не врет. — Окделл, если он убийца, должен быть наказан.

— Он убийца, сударыня. Так что вы думаете о Катарине Ариго?

— Она защищала свою провинцию и тех, кого могла, она очень рисковала... Если б только ее величество не удерживала... супруга в столице после бегства Манриков! Нужно было бежать, а она ждала. Чего?

— Кого, сударыня. Первого маршала Талига. — Если б не несчастливое стечение обстоятельств в лице Рокслея, Алва исправил бы положение, а покинувшая столицу королевская чета поставила бы себя вровень с Манриками. — Сударыня, и все же, почему вы не напоминаете, что ваши нынешние неприятности связаны со мной?

— Потому что не хочу походить на свою мать.

Даже если это не так, красиво. Очень красиво.

— Мой маршал!

— Простите, сударыня. В чем дело?

— Нас нагнал маркграф. Его люди поят лошадей ниже моста, а он срочно хочет вас видеть.

— Командуйте привал. Сударыня, как вам известно, моя мать сейчас в Олларии. При первой возможности я попрошу ее принять под свое покровительство вас и вашу дочь. Если же у моей матери подобной возможности не будет, я приму свои собственные меры, чтобы защитить репутацию Селины, не лишив ее при этом счастья, которого девушка, без сомнения, заслуживает. Сейчас же прошу меня извинить.

Он не гнал Грато вскачь — несколько минут ничего не решали. Маркграф узнал что-то, поставившее его в тупик, и бросился догонять выехавшего после завтрака гостя. И догнал.

Значит, новости пришли вскоре после полудня. Конечно, Вольфганг-Иоганн мог всего-навсего передумать и захотеть взглянуть на тупого варита, но Лионелю в подобное верилось плохо. Бергеры не имеют обыкновения гордо возводить забор, а потом подглядывать в щелку.

Когда Савиньяк спрыгнул наземь и, топча горные жарки́, пошел к поднявшемуся с медвежьей шкуры союзнику, он почти не сомневался в том, что услышит. Бруно загнал-таки Вольфганга в угол и, скорее всего, разбил, о чем и доносит командующий бергерским корпусом. Будь иначе, рядом с маркграфом маячил бы талигойский курьер, но фок Варзов не напишет Проэмперадору Севера, минуя регента. Лионель спокойно пожал руку бергера, зная, что тот заговорит первым.

— Я, — с достоинством произнес маркграф, отвечая на рукопожатие, — решил взглянуть на варитскую пивную бочку. Возможно, вы решите прервать поездку, но гость, каким бы он ни был, приглашен, а Излом завязывает ножны всем, у кого в голове есть хоть что-то.

— Я решу повернуть? — умеренно удивился Лионель. — Почему?

Чем был хорош маркграф, так это тем, что, бросив вызов Пфейтфайеру, он научился связно и толково описывать сражения. Хотя очень может быть, что толковость звали барон Райнштайнер. Лионель словно пролетел над тремя далекими курганами, наблюдая достойную Двадцатилетней войны мясорубку. Это было познавательно, но Западная армия съежилась до кавалерийского корпуса, усиленного пехотой и остатками артиллерии. Барон Райнштайнер считал, что фок Варзов следовало передать армию Ариго до сражения, а не после, и, похоже, был прав.

— Я не вижу причин прерывать поездку, — решил Савиньяк. Он ждал неудачи, но не столь чудовищной. Правда, добивший Вольфганга ураган привел в расстройство и Бруно. Надолго ли? Лионель на месте фельдмаршала все равно прыгнул бы первым. Очень возможно, дрикс так и поступил, но не раньше, чем высохли дороги. — Я не успею помочь генералу Ариго, а эта странная буря напоминает мне едва не похоронивший нас с гаунау обвал.

— Это надо обсудить, — согласился маркграф, — но сперва возьмите письмо, адресованное лично вам... Проклятье, я спешил, как какой-то курьер, но теперь, раз уж я вас догнал, неплохо бы пообедать. Жирный медведь не должен видеть нас тощими и смущенными.

— Несомненно, — согласился Савиньяк. Письмо он вскрыл лишь оставшись в одиночестве, когда утомленный погоней и обсуждением просчетов Маллэ и фок Варзов союзник впал в послеобеденную дрему.

«Прошу простить мою краткость, — писал граф Ариго. — *Генерал Райнштайнер отправил маркграфу подробный отчет и просьбу сделать для вас копию. Я же должен сообщить, что Ваш брат Арно, служивший моим адъютантом...»*

Ничего не изменилось, разве что дела стали еще неотложней да кирасирским палашом рубанула по душе память о выскочившем на дорогу и походя пристреленном олененке. И о матери, которой еще предстоит узнать...

Глава 5

ТАЛИГ. ОКРЕСТНОСТИ СТАРОЙ ТОРСКОЙ ДОРОГИ КОЛЬЦО ЭРНАНИ

400 год К. С. 11-й — 12-й день Летних Молний

1

О святом Оноре Арлетта вспомнила на второй день пути. В связи с Октавианскими погромами, само собой.

— В прошлом году я не мог видеть всего. — Граф Гайярэ, настоятельно просивший называть его Пьетро, умело направил двуколку меж двух почти выползших на тропу валунов. — Подробности я узнал по возвращении в Олларию, но октавианские лигисты не явили и десятой доли нынешней прыти.

— Да, — согласилась Арлетта, — сейчас не стали бы ждать утра под дверью Первого маршала и не разбежались бы от единственного выстрела. Я было решила, что, оставшись без крыс и кошек, люди перестают быть людьми, но почему не

все? Или они людьми и не были, только притворялись? Тогда мы живем в очень страшной сказке...

Пьетро промолчал, сосредоточившись на болотце, которое следовало преодолеть. Они ехали напрямик, надеясь к вечеру выбраться на Старую Торскую дорогу; ехали быстро, делая короткие остановки, чтобы размять затекшие мышцы и напоить лошадей. Так графиня Савиньяк не путешествовала еще ни разу, но дорожные тяготы не мешали чувствовать себя заново рожденной и при этом внезапно проснувшейся. Женщина помнила все, и этого «всего» было столько, что чувства словно бы онемели. Страх, омерзение, жалость, стыд, радость, ненависть гасили друг друга, и только мозг лихорадочно работал, выстраивая картину чудовищную и непонятную, будто мозаика безумного художника. В один прекрасный летний день горожане проснулись, позавтракали и пошли рвать в клочья себе подобных. Не еретиков, не детоубийц, даже не ювелиров с ростовщиками — соседей, с которыми вчера пропускали по стаканчику.

Болотце благополучно осталось позади, тропа стала шире, обещая самое малое хутор.

— Оноре знал, кто вы? — вновь пошла в атаку Арлетта. — Я не о вашем происхождении, само собой.

— Это он как раз знал.

Столь интригующий ответ подразумевал вопросы и уход на обширные пастбища из века в век нарушаемого Славой целибата, но графиню занимало другое.

— Преосвященный знал, что его, как и меня, хранят ваши... молитвы? Если да, почему он просил убежища? Вывести из Олларии двоих мужчин *тогда* было проще, чем двух женщин *сейчас*.

— Он хотел мира.

— То есть?

— Бегство в глазах олларианцев стало бы признанием вины. Оноре решил искать укрытия в доме талигойского вельможи, а позднее при свидетелях потребовать объяснений у Дорака.

— Тогда почему он этого не сделал?

— Он сказал, что не хочет ставить в трудное положение маршала Алву.

— «Сказал»... — с чувством повторила Арлетта. — Клирики умеют подбирать слова не хуже дипломатов. Рискну предположить: преосвященный, уверившись, что невинных защищает не только Создатель, но и Ворон, задумался о грешных. И надумал нечто столь неприятное, что бросился в Агарис.

— Так могло быть, — спокойно согласился Пьетро и остановил лошадку. — Сударыня, позвольте...

Арлетта с удовольствием спустилась в траву. Заросли расступались, уже можно было разглядеть луг, небольшое стадо рыжих коров и шпиль колоколенки.

Подошел Сэц-Пуэн, расстелил плащ, но Арлетта покачала головой — она устала сидеть.

— Сударыня, впереди село. Судя по карте, за ним начинается проселок. Нужно проверить, все ли там в порядке.

— Отлично, — не стала вдаваться в мужские дела графиня. — Я, кажется, вижу ежевику...

Пьетро вскочил на верховую кобылку и вместе с Джанисом потрусил к деревне. Право этих двоих на разведку не оспаривал никто. Графиня подобрала юбку и медленно двинулась вдоль пахнущей ягодами опушки. Очень просто принять нечто как данность, но стоит задать один вопрос, и начнется... «Отравители» угодили именно к Росио относительно случайно, или в этом был какой-то замысел? Если да, то шли в дом Алвы или к сыну Окделла? И, главное, что заставило святого броситься назад?

Названную самим Оноре причину Пьетро даже не пытался выдать за истину. «Подвести Алву»... Умолять страшного маршала прекратить погромы, добиться своего и даже не поблагодарить. Недостойно гостя, назвавшего хозяина щитом слабых... Да желай Оноре в самом деле переговоров или хотя бы объяснений, он бы при всей своей святости не упустил подобный шанс! Выходит, преосвященный убедился, что корень зла в Агарисе? «Так могло быть», — признал Пьетро, только было ли? Воду отравили, чтобы сорвать примирение и, очень может быть, погубить наперсника Эсперадора? Тогда тем паче следовало собрать доказательства и попытаться этот самый договор спасти...

— Госпожа графиня, нижайше прошу уделить мне несколько минут.

— Извольте, — с некоторым раздражением произнесла Арлетта, не прекращая прогулки.

Мэтр Шабли заковылял следом, неуклюже опираясь на вырезанную Джанисом трость. Поездка на одной лошади с сердобольным комендантом скрючила мэтра не хуже зависти, но брать поганца к себе в двуколку Арлетта не желала, хотя справилась бы с лошадью и без Пьетро.

— Госпожа графиня, господин комендант рассказал, что вы разбираете старинную рукопись. Осмелюсь предложить свои услуги в этом нелегком деле. По мнению моих наставников, я овладел древнегальтарским в совершенстве и мог бы...

— Нет! — отрезала Арлетта. Не хватало, чтобы тайна Эрнани досталась этому траченному молью суслику! То-то он возликовал бы, обнаружив, что короли тоже бывают бессильны и несчастны. Не по Дидериху, а так, как бывает в жизни.

— Госпожа графиня, я понимаю, что дал повод сомневаться в своей добросовестности, но если бы вы, упаси вас Создатель, заболели и рядом был лишь один врач... Врач, который, желая защитить своих больных от грубости и невежества, некогда решился на невинный подлог. Неужели вы...

— Если б я была без сознания, за меня решали бы другие, но, находясь в здравом уме, я подпускаю к себе лишь тех, кому доверяю.

— Сударыня! Сударыня!!!

Притащи ей сейчас Сэц-Пуэн хоть лягушку, графиня выразила бы восторг, но руки выскочившего из кустов коменданта были пусты, зато рядом с ним шагал кто-то легкий, смуглый, в таком знакомом мундире. «Фульгат»! Здесь?!

— Госпожа графиня, — Арлетта сощурилась, и расплывчатая физиономия стала четкой, — разрешите представиться! Капитан Уилер, Северная армия.

— Ваше имя мне знакомо. — Сердце бешено и счастливо колотилось, но это было бы слишком хорошо, чтоб оказаться правдой. — Вы, часом, не захватили тюрегвизе?

— Сударыня! — Будь капитан собакой, он бы от удивления осел на задние ноги. — Прошу простить... Всю тюрегвизе выпили в Торке. У меня есть можжевеловая...

— Все в порядке. Я знаю, как ваша тюрегвизе послужила делу мира, так что вы — это действительно вы, но какими судьбами?

— Приказ маршала Савиньяка. Конный корпус под командованием генерала Фажетти форсированным маршем выдвигается к Олларии. Нам приказано...

Ли! Это Ли!.. Какое счастье — родить сына, который все поймет и пришлет, когда нужно, кавалерию... А что не лезет с нежностями, так не левретка же!

— Капитан Уилер, вы не будет возражать, если я вас поцелую?

2

То, что кэналлийского он как не знал, так и не знает, Марселю стало ясно после первой же отпущенной дежурным офицером шутки. Большинство слов виконт опознал, но смысла в них не было никакого. Валме учел общий тон разговора, рассмеялся, кажется, угадал, и тут они пришли. Рэй Эчеверрия сидел под увешанной зелеными плодами грушей и вопреки своему кэналлийству даже не думал играть на гитаре. Перед наместником высилась кипа бумаг, до отвращения похожих на отчеты управляющих и прочую усугубляющую папенькины хвори дребедень, а вот что было кэналлийским, так это быстрый взгляд и короткий, резкий жест. Дескать, садись, приятель. Ни поклонов тебе, ни расшаркиваний. Удобно и красиво.

— Мне сказали, ты один?

«Ты» — значит, «свой», и долой титулы и подданство. «Один» — ты явился без соберано, даже если привел армию. Похоже, кое-что он таки усвоил! Марсель снял шляпу и, презрев скамью, плюхнулся прямо в травку, не слишком удачно: под боком оказалась падалица, с кулак величиной и жесткая, будто камень; пришлось вытаскивать и швырять в кусты крыжовника.

— После Сагранны соберано пошел особой дорогой, — объяснил виконт, проследив за брызнувшими из кустов скворцами. — Там ему не нужен никто, но дел нам с вами хватит, и дел препротивных.

Не ложь, и сказалось само. Первую фразу будущего разговора Марсель обдумывал два дня, но язык решил по-своему и удачно.

— Соберано знает, куда идет, — обрадовал рэй Эчеверрия, и Валме отчаянно захотелось разделить сию великолепную уверенность. — Что за дела тебе не нравятся?

— Столица. — Вот так и начинаешь изъясняться кратко. С кем поведешься... — Вы верите призракам?

— Они есть, — слегка удивился кэналлиец, — но они не опасны.

— Вы недопоняли. Я спросил, поверите ли вы тому, что сообщит призрак.

— Призраки молчаливы.

— Но пальцы-то у них есть, а Валтазар — о Валтазаре из Нохи вы, надеюсь, осведомлены — знает грамоту. Если ему подсунуть карточки с буквами, он все выложит; мы, когда подстраивали побег соберано, так и договаривались... Так вот, Валтазар третьего дня нанес мне визит и с тех пор навещает меня каждую полночь. Я могу ошибаться, но, похоже, началось.

— Что?

— То, из-за чего соберано вас здесь поставил. Сожгли Ноху, но Эпинэ этого не допустил бы, если бы мог. Даже устрой Левий какую-нибудь пакость, что ему сейчас невыгодно, гарнизон не стал бы поджигать город, а вот в Октавианскую ночь жгли за милую душу...

— Октавианские погромы остановили. — Эчеверрия и прежде напоминал коршуна, сейчас милая птичка расправила крылья, и Валме захотелось втянуть голову в плечи. Так, на всякий случай.

— Эпинэ и Карваль — не Алва с Савиньяком, да и в гарнизоне не без дряни, только вряд ли дело в них. Рэй Эчеверрия, Ноху сожгли на шестнадцатую ночь после ухода крыс. Вы понимаете, что это значит?

Сам Марсель понимал лишь, что дело плохо, кэналлийский наместник пришел к тому же выводу.

— Приказ соберано — никого не выпускать и самим Кольцо не переходить. Как быть? — Взгляд рэя, в отличие от слов, растерянным отнюдь не казался. — Посоветоваться бы с соберано, но он на иных дорогах. Ты понимаешь больше всех. Что будем делать?

Желание нашарить в траве парочку груш пожестче и запустить ими в сухощавого хищного красавца было мучительным, но Марсель как-то сдержался.

— Объявите тревогу, подтяните дополнительные силы поближе к Кольцу и ждите. — Желаете приказ, ну вот он вам! — Пока не станет ясно, что творится за Кольцом, не выпускать оттуда никого, даже курьеров. Будем переговариваться, как в сказках, через перекрестье дорог, там, где столбы торчат. Ничего умнее, уж простите, предложить не могу.

— Есть еще Проэмперадор Юга, — напомнил кэналлиец, — почему бы не узнать, что думает он?

— Мой достойный батюшка слишком материален для этого бреда. — Валме нащупал-таки упавшую грушу. — Вроде не червивая... Как вы думаете, почему одни падают, а другие вызревают?

— Если все цветы станут плодами, не выдержат ветви.

— Вот-вот...

Что-то в этом есть, но буря собьет и то, что должно висеть и зреть. Сейчас буря — по крайней мере, так думает гаунасский Хайнрих, иначе он ни за что не сговорился бы с Савиньяком.

— Зеленые груши чем-то значимы?

— Наверняка. — Марсель рассеянно тяпнул опавший фрукт; тот оказался жесток и почти безвкусен. — Фу... Хотя козлу понравилось бы. Рэй Эчеверрия, если Оллария горит, люди разбегаются, в том числе и в нашу сторону. Выпускать их мы не можем, но кормить и устраивать придется. Мы с соберано как-то ночевали в развалинах под Старой Барсиной. Очень милое место возле самого Кольца, а какие там колонны...

— Я их видел, но почему бы вам лишний раз не покормить барсинских кошек?

— О! — возрадовался Марсель. — Так это все же были не лисы, а кошки? Я отчего-то так и подумал.

«...повстречали мародеров довольно-таки далеко к западу от столицы, и обстоятельства этой встречи были столь странны, что пленного сразу не повесили, а взяли с собой, собираясь предъявить начальству».

Графиня Савиньяк отложила перо и пошевелила уставшими пальцами. Послание Бертраму выходило куда длинней письма Левию, который сможет расспросить Пьетро. Экономя время, Арлетта ограничилась сообщением о лаикской находке, в которой на первый взгляд ничего полезного не было, хотя Иссерциал с Дидерихом за подобный сюжет и отдали бы душу. Валмону графиня расписала все, кроме смерти Марианны.

Дымный закат, разговор о любви, теплые, но уже неживые руки — это не для бумаги; рассказать она бы еще смогла. Наверное... Женщина потерла уставшее запястье, вспомнила похожий жест Ро, вздохнула и вернулась к письму.

Отправлявшийся на юг сержант казался толковым, и расписывать похождения Уилера графиня не стала, к уже сказанному это прибавило бы мало; другое дело, что «фульгаты» до встречи с шайкой делили рассказы беженцев на десять. Они и сейчас до конца не верили.

— Сударыня, теперь, после ваших слов и слов ваших людей, — Уилер был сама галантность, но в умных глазах читалась... нет, не растерянность, ее тень, — я готов признать, что нам попались не просто свихнувшиеся бандиты. Вы только подумайте: полтора десятка оборванцев, дубины, ножи, три сабли, пяток стражнических алебард, один пистолет — и они вздумали тягаться с моими ребятами!

— Я уже не удивляюсь подобному, капитан, — призналась Арлетта, и тут «фульгата» прорвало.

— Один пистолет на всех, и этот тупой... ... палит из него в моего капрала! В бок, и попадает в коня...

Выглядело это действительно дико — кавалеристы Уилера напоролись на разбойничков отнюдь не в чистом поле, где от всадника не убежишь. Рядом был лес, так и звавший укрыться в своей чаще. Ну, бросили бы телеги с награбленным, зато

остались бы живы, так ведь нет! К изумлению бравых вояк, непонятный сброд кинулся в атаку.

Косорукие неумехи — на опытных солдат, пешие — на конных, кое-как вооруженные — на полностью экипированных... Результат был предсказуем. Может, гарнизонные мямли и растерялись бы, но не «закатные кошки». Самоубийц в течение пары минут порубили, постреляли, стоптали лошадьми. Живыми взяли только главаря — ему потерявший коня капрал эфесом палаша прямо-таки раздробил лицо, хорошо хоть нижняя челюсть цела, говорить может. Допрос, правда, ничего не дал. На все «Кто ты?», «Чего полез?» и «Кто у вас главный?» пленник отвечал воплями и брызганьем слюной, что его и спасло. Уилер, не желая выглядеть в глазах начальства лгуном, прихватил «бесноватого» с собой в качестве подтверждения своих слов.

Сей сомнительный трофей Арлетта видела — его видел весь лаикский отряд. Бледный, нескладный какой-то, одежда приличная, но явно с чужого плеча, помоги Создатель ее прежнему владельцу... Багровое месиво вместо носа, а над кровавой коркой дикой злобой горят глаза. Сразу захотелось убедиться, что тварь связана надежно, не вырвется и не нападет. Потому что такому лишь дай возможность...

«Со мной все на удивление благополучно, но, мой дорогой Бертрам, мы вряд ли скоро увидимся. Я не в силах отказаться от встречи со своим старшим, хотя постараюсь не впасть в материнское безумие, и я не вправе и далее избегать разговора с регентом...»

Сиди они на балконе в Валмоне или Савиньяке, она бы призналась, что не верит в способность Рудольфа удержать вожжи, зато появление авангарда Фажетти превратило ее надежду на Ли в веру. Но... Но доверять бумаге некие мысли еще опасней, чем чувства, а Бертрам в любом случае пошлет за Росио, только Сагранна далеко. Это Ли почти близко, так что сбивать пламя придется ему. Арлетта приложила к воску печать, в крохотном круге взмыл в прыжке благородный олень. «Предвещает погоню...» За чем на этот раз? За вчерашним днем, упущенными возможностями, за не понятой вовремя безумной бедой?

Двенадцать лошадей, шесть человек... Пьетро, Джанис, сержант и трое солдат. Должны доехать.

— Пьетро, вы мне нужны. Вы не прочь немного пройтись?

— К вашим услугам.

— Вот письмо его высокопреосвященству. — Обопрется ли она когда-нибудь на эту руку вновь? — О том, что случилось, вы расскажете лучше меня, а я хочу вас поблагодарить. Вы мне спасли жизнь.

— Это воля Создателя.

— Неужели Он желал смерти Оноре?

— Это *моя* ошибка. Я поговорил с капитаном Уилером, ему я могу вас доверить.

Поговорили они... Принесший воск для печатей Сэц-Пуэн не удержался, рассказал, как Пьетро попробовал застать «фульгата» врасплох и тот, кошка эдакая, упал на все четыре лапы!

— Уилер — лучший разведчик Северной армии и редкий сорвиголова. — Арлетта не выдержала, улыбнулась, потому что смотрела на Пьетро, а видела Ли. — Бродяга рад, что именно он нашел мать своего маршала. Ссылаться на волю Создателя капитан не станет, но доверять ему можно. Джанис возвращается в Олларию или едет дальше?

— Дальше. Он уже начал спасать свою душу и не намерен останавливаться.

— Орстон! Пусть о судьбе баронессы герцогу Эпинэ скажет его высокопреосвященство. Когда и если сочтет возможным.

— Это единственно возможное решение.

— И я могла бы вам о нем не говорить. Могла бы, да не смогла. Удачи вам, Гайярэ.

— Пьетро, сударыня. Всего лишь Пьетро, храни вас Создатель.

Они вернулись к коновязи в обход пленника и еще больше в обход таращившегося на него Шабли, а потом графиня Савиньяк, как простая крестьянка, стояла у забора и, щурясь, смотрела на уходящую к лесу кавалькаду. Сердце, как и при любой разлуке, сперва сжалось, потом быстро-быстро заколотилось и, наконец, успокоилось.

4

Благородные руины настраивают на возвышенный лад, а эти были благородны необычайно. В прошлый раз Марселю застил глаза Алва, но сейчас виконт в полной мере оценил вкус как доэсператистских зодчих, так и тех, кто на древнем фундаменте возвел нечто вроде Лаик. Кэналлийцы шуровали в окрестностях, эскорт Валме ублажал кошачью мамашу и ее пестрый выводок, а сам виконт с восторгом провинциала бродил от колонны к колонне, то и дело касаясь рукой словно поднявшегося из земли светлого камня. Не избежала внимания и пьедестальная лужа — вода в ней, несмотря на лето, оставалась ледяной. Марсель не выдержал, попробовал — было вкусно, но зубы тут же заломило.

— «*Зубы стынут средь древних забытых камней*», — пробормотал виконт и иссяк, ибо творить не тянуло, что бы Рокэ ни говорил о предпочтительности чужих дам перед свободными. Ворон, когда не прыгал в дыры и не лез на корабли, был чудесным человеком, но в деликатных делах разбирался отвратительно. Звезда не может лежать в чужой шкатулке, а чужая невеста — вдохновлять, тем более невеста твоего же собутыльника. Валме еще согласился бы на супругу нар-шада, но графиня Лэкдеми, у которой, чего доброго, через год-другой появятся белобрысые близнецы... Увольте!

— «*Это будет ужасно,* — пробормотал Марсель, — *навестить даму сердца и оглохнуть от воплей несносных младенцев!*»

Ироничный взгляд заставил виконта обернуться. На одном из постаментов возлежала трехцветная мамаша и разглядывала наследника Валмонов круглыми зелеными глазами.

— Я знаю, что говорю, — сказал хозяйке Старой Барсины Валме, — человеческие младенцы — это совершенно непоэтично, а когда они подрастают, то принимаются таскать таких, как ты, за хвост. Учти это.

Кошка учла и стала вылизываться. Весной здешние обитательницы внутрь не забирались, предпочитая таиться в зарослях; впрочем, их не прикармливали — нечем было. Весной... Марсель отступил к лжеколодцу, сосредоточился и вспомнил, где сидел Алва, на которого виконт в данный момент не злился. Смерть, то есть память о ней, из головы никуда не делась,

но заноза из сердца выскочила, и на ее место тут же шмыгнула досада на Франческу.

— Рокэ, — шепотом окликнул виконт, — вы, часом, не живы?

Ответа не было, разве что подданная Леворукого дернула хвостом. При желании это можно было истолковать, но Валме не успел. Его позвали, причем по-кэналлийски. На заставу, где они с рэем Эчеверрией обсуждали груши, примчался гонец от герцога Эпинэ. Само собой, его задержали, но до развалин было ближе, чем до наладившегося в Валмон папеньки.

— Герцог Эпинэ пишет Проэмперадору Юга. — Кэналлийский офицер протянул Марселю футляр. — Рэй Эчеверрия ждет решения.

— У меня пропала собака, у меня ушел соберано, моего решения ждут, придется спрашивать кошек. — Язык привычно порол чушь, но по спине бежал холодок. Читать не хотелось, не читать не выходило.

«Господин Проэмперадор Юга, надеюсь, что Вы успеете принять решение прежде, чем беженцы из Олларии, числом до десяти тысяч человек, достигнут Кольца Эрнани...»

Валтазар не врал, а Рокэ не ошибался. Все было отвратительно, и отвратительней всего были взгляды адуанов и кэналлийцев. Марсель на подобную прелесть насмотрелся вдоволь уже в Фельпе — так господа вояки в ожидании чудес и приказов таращились на Ворона. Все, включая распрекрасного Эмиля...

Валме злобно перечитал письмо. Описание событий, толковое, будто и не Эпинэ писал, подтверждало самые гадкие из догадок. Скверна, и не в Агарисе, а в Олларии, где приличных морисков днем с огнем не найти! Значит, придется самим, но беженцы, с ними-то как? Эпинэ пишет, их несколько тысяч... Пока. Вряд ли все, кому стало невмоготу в городе, собрались в один караван, многие выбираются сами. А где-то там еще и графиня Савиньяк...

Если «малышка Арлетта» погибнет, отец заживо съест полпровинции, а не уберегшим графиню Левию с Эпинэ лучше сразу удавиться. Или во избежание греха прикончить друг друга, что тоже грех, но меньший. Виконт с некоторой затравлен-

ностью обозрел развалины. Если вдуматься, бастионы и реки, даже с бревнами, далеко не самое неприятное, самое неприятное — решать, кому, когда и зачем умирать, а Рокэ, укуси его Этери, вздумал провалиться. Эх...

— Отправьте Эпинэ с его же гонцом указание, пусть тащит беженцев сюда, — изрек Валме, подхватывая кэналлийца под руку, — только упаси его Бакра переходить Кольцо. Ну а мы, *мы*, а не я, не мой родитель и не птице-рыбо-дура, займемся безобразием, которое уже произошло, и будем думать о тех, что еще только на подходе.

Сомнений насчет того, что безобразия подойдут обязательно, у Марселя не было ни малейших.

5

Ускакавшего Пьетро сменила пара ветеранов-сержантов. Новые хранители лезли из кожи вон, обороняя маршальскую родительницу от придорожных лип и взлетавшего с них воронья. Это раздражало бы, если б в хвосте отряда не везли пленного мародера. Пусть связанного, пусть нескладного — Арлетте он все равно казался опасным. Готовая обернуться страхом тревога напоминала начинающуюся простуду: жара еще нет, но кости уже ломит.

Для ночлега выбрали оседлавшую крутой холм мельницу. Пустую — умный мельник, судя по царившему везде порядку, снялся с места еще зимой, и это было отлично. Новых лиц Арлетта не вынесла бы, особенно услужливых.

«Фульгаты» устраивались основательно и умело. Кололи дрова, носили воду, расседлывали и обтирали лошадей. Графиню так и подмывало напомнить про бдительность, но остатки здравого смысла велели не учить ученых. Застать «закатных кошек» врасплох почиталось невозможным, но об одном Арлетта все же сказала. Уилер охотно согласился.

— Мерзкое зрелище, госпожа графиня, но вы не тревожьтесь, вязали ублюдка на совесть. Впрочем, засунем-ка мы красавчика в подвал...

Зачем Арлетта пошла на это смотреть, она не знала. Арно как-то говорил, что страх — штука несвоевременная. На тех, кто послабей, накатывает прежде времени, а сильные получа-

ют свое задним числом, когда все закончилось. Что ж, запишем себя в сильные и полюбуемся на закат...

Вид с холма завораживал; это еще не было севером, но обилие воды и россыпи валунов навевали мысли о Марагоне и о том, как Ариго привез ее к мужу. Один-единственный раз! Она не просила, но война притихла, а Пьер-Луи хотел сделать другу подарок. Сделал... Назад в Сэ графиня Савиньяк увезла серебряные марагские подвески, охапку кипрея и Ли с Эмилем.

Лето кончалось, кипрей почти отцвел и поседел, мальчишки стали маршалами — оба, — а в Марагону пришла война и утянула младшего. Арлетта смотрела в малиновый, будто марагская кокарда, закат и повторяла про себя письма Жермона и Придда. Они надеялись. Оба... Желание немедленно написать в Марагону было не из умных, но унять себя женщина не смогла. Отступив от обрыва, она пошла к дому, и тут же с травы вскочили сторожевые «фульгаты». Бедняги, как же им хочется посидеть у костра, почесать языки...

— Госпожа графиня, постойте!

Шабли никто не неволил, мэтр искал встречи сам. Похоже, кто-то из вояк угостил ученого мужа касерой, что явно придало ему смелости.

— Мне некогда, мэтр Шабли.

— Но выслушать меня вам придется!

— Хорошо, — согласилась графиня, завидев за спиной ментора вряд ли случайно сюда забредшего Сэц-Пуэна, — говорите, но я устала.

Шабли тоже мог бы устать — давно не путешествовал, да и здоровье... Однако начал страдалец бодро.

— Я требую, чтобы мне показали рукопись! — заявил он. — Профаны светские и, того отвратительней, церковные ничего не смыслят ни в истории, ни в словесности. Вам повезло, что рядом оказался я, более того, я предложил вам свои услуги. И что же? Меня, магистра описательных наук, отшвырнули, как подавшего не ту тряпку лакея!

Наверное, он в первый раз в жизни выпил. Наверное, он в первый раз в жизни не гадил исподтишка, а шел напролом, и Арлетте стало почти смешно.

— *«О не взглянувший под ноги путник, исполненный желчи*, — нараспев произнесла графиня, — *перстень, что поднят другим, лучше тебе позабыть*!»

— Отвратительный перевод, — воскликнул мэтр, повергнув графиню в изумление, — не передающий и сотой доли глубины оригинала.

— Вы предпочитаете: «*путник, прошедший беспечно мимо сокровищ забытых, рук не протягивай к ним, клад отыскавших коря*»?

— Чушь! — Мэтр повысил голос, и Сэц-Пуэн удивленно взглянул на расхрабрившегося подопечного. — Полная чушь и безвкусица, но она меня ранит! Я не могу спокойно слышать, как презренный фигляр калечит божественного Иссерциала.

— Иссерциала? — Арлетта неплохо знала великого гальтарца и не могла вспомнить ничего похожего на только что придуманные ею строки. — Вы, часом, не путаете его с... Павсанием Кабитэлским?

Магистр описательных наук не путал, он, даже не думая задыхаться, брызгал слюной и призывал на головы невежд и их покровителей громы, молнии и казни, до которых не додумались даже в Агарисе при эсперадоре Теонии. Беседа из забавной становилась неуютной, но уступать пьяному ментору Арлетта не собиралась, и тем более она не собиралась слушать злобный бред.

— Прекратите, — велела графиня. — Вы уже убедили меня в том, что доверять вам древние документы нельзя. Еще немного, и вы убедите меня, что вам нельзя доверять унаров. Отправляйтесь спать.

— О нет! — Шабли погрозил набалдашником трости зависшим над головой звездам. — Вы меня не прогоните, я уйду когда хочу, сказав что хочу! Вы думаете, я вас боюсь? Да я вас ненавижу! Вас, ваших наглых сыновей, которые скоро обломают зубы о дриксенских молодцов... Талигу давно пора проиграть и сдохнуть! Я хочу видеть, и я увижу, как ваш драгоценный Талиг едят черви! И вот тогда я...

Мышь пыталась лаять на сыр, ей казалось, что у нее получается. Из этого могла выйти забавная притча, но как же было противно...

— Мэтр Шабли, — не выдержал Сэц-Пуэн, — вы хотели говорить о переводах. Сударыня, прошу нас извинить! Мэтру Шабли... нехорошо, он не может отвечать за свои слова.

Это оказалось последней каплей — «больной» обрушился на Сэц-Пуэна с базарной руганью, бедняга ошалело захлопал глазом и хриплым шепотом напомнил:

— Здесь дама... Графиня...

— Старая безмозглая сука! — уточнил ментор описательных наук. — Что она понимает, а вот ты, недоумок! Ты перебежал к ней... Еще бы! Савиньяки бросят кость и одноглазому уроду, если тот их позабавит. У дворян костей много, но мясо они жрут сами! Наглые, жирные уроды, отцы тупых ублюдков, из которых и четверть не носит своего настоящего имени. Такие, как вот она, делают наследничков с лакеями и кучерами, а потом ублюдки, выхваляясь якобы предками, швыряют в канавы уже своих сыновей от простых девушек...

— Я поняла, — холодно перебила графиня. — Савиньяки принадлежат к породе невежд, третирующих великие и непонятые умы. Так было и так будет. По крайней мере, с вами.

— У кобылы... У любой кобылы...

— Теньент, вам лучше бы пожалеть вашу лошадь. Ей ваша благотворительность обходится дороже всех, — посоветовала графиня Сэц-Пуэну, словно не слыша, как мэтр орет про отсутствие мозгов, зверино-дикарскую сущность Талига и его непростимые прегрешения перед просвещенными соседями и поруганными светочами мысли.

— Сударыня, — несчастный комендант не знал, куда деваться, — я... Это... Мои извинения... Я... Конечно же, я...

— Успокойтесь. — Арлетта безмятежно зевнула и быстро прикрыла себе рот ладонью. — Прошу простить, я просто засыпаю на ходу. Покойной ночи...

Ментор продолжал изрыгать брань, но женщина уже повернулась к ранимой натуре спиной. Шаг. Возглас Сэц-Пуэна, полувизг-полурычание и будто из ниоткуда выросшая черно-белая фигура с обнаженным палашом. Две фигуры!

Обернуться женщина не успела, ее толкнули в сторону и тут же подхватили, не дав упасть. Тонко свистнул рассекаемый воздух, раздался стук и какой-то влажный, с гнусным чмоканьем хруст.

— Все хорошо, госпожа графиня. — Как же тихо, как жутко тихо! — Порядок!

Новый ангел-хранитель. Оба... Второй — в шаге от товарища, тщательно обтирает клинок, а у его ног — мэтр Шабли, теперь уже покойный, и разрубленная пополам трость. Голова кружится, но не сильно, в запахи мирного вечера вплелась чужая, резкая струя. Это кровь — «фульгат» рубанул наискось, по плечу; темная одежда ментора от крови стала совсем черной, но лицо не задето, и на нем — то же выражение дикой, исступленной ярости, что и у пленного мародера. Мышь не только тявкала, мышь прыгнула, целясь в горло!

— Иначе никак было нельзя. — Сержант вбрасывает саблю в ножны, виновато разводит руками. — Мы с утречка на бесноватых насмотрелись, так у этого... зенки такие же стали. Спятил, вот и кинулся.

— Палкой размахался, — хмуро подтвердил второй. — А господин капитан сказали: следить, чтоб никакой беды! Да мы и сами с понятием.

Арлетта с трудом оторвала взгляд от крысиного оскала, и на глаза немедленно попался набалдашник менторской трости. Что бы свихнувшийся мэтр ни орал про отсутствие мозгов, попади он этим по затылку...

— Сударыня, — ожил обомлевший Сэц-Пуэн, — вам плохо?

— Все в порядке. — Только рука тянется к шее ослабить и так расстегнутый воротник. — Это слишком неожиданно даже для меня. Парни, где ваш капитан?

— У костров, должно быть. Кликнуть?

— Проводите меня к нему.

Хорошо, что темнеет, хорошо, что она близорука, хватит с нее перекошенных морд и крови. Такой тихий мэтр, такой безобидный... А если еще кто-нибудь свихнется? Взбунтовались же в Нохе вроде бы надежные гвардейцы.

— Сударыня, под ноги глядите. Каменюки тут.

Каменюки не бросаются на людей, это люди сдуру разбивают о них коленки, носы, головы, но уж лучше булыжник, чем ментор с палкой. Сколько же таких вот, до поры до времени смирных, оказалось в Олларии!

— Госпожа графиня! — Они только подходили к костру, а Уилер уже был рядом. — Что-то случилось?

— Капитан, — отчетливо произнесла графиня, — пленного мародера нужно немедленно убить. Похоже, это заразно... И знаете что, давайте вашу можжевеловую.

Глава 6

ТАЛИГ. ЮЖНЫЙ ТРАКТ ГРАНИЦА ГАУНАУ И БЕРГМАРК

400 год К. С. 13-й день Летних Молний

1

«Эр Проэмперадор Олларии! Спешу уведомить Вас, что письмо Ваше прочел не мой родитель, а я. Не волнуйтесь, я уже несколько месяцев, как не проклят, положение же Ваше таково, что быстрота ответа искупает подпись под ним. Герцог Алва, офицером для особых поручений при особе коего я остаюсь, никогда не придавал значения формальностям, и я пришел к выводу, что гнать курьера в Валмон, куда сейчас направляется мой отец, — чистоплюйство и бегство от ответственности. Судьбе было угодно, чтобы Ваше послание я вскрыл в заброшенной резиденции ордена Славы, где мы с регентом Талига некогда провели ночь. То, что Ваше письмо настигло меня именно здесь, показалось мне весьма значительным предзнаменованием, и рэй Эчеверрия со мной полностью согласен.

Надо сказать, что эти весьма живописные руины достаточно удалены от жилья, чтобы устройство на окрестных лугах временного лагеря не нарушило запрета о переходе Кольца. Резиденция расположена в стороне от Южного тракта, но до нее можно добраться проселочными дорогами. С внешней стороны Кольца — от Старобарсинской заставы, и с внутренней — от моста через Барсинку, что у поворота к нынешней Барсине.

Я где-то вычитал (возможно, Его Высокопреосвященство Левий освежит мою память), что человек является высшей ценностью. Утверждение спорное, но несколько тысяч беженцев, на мой взгляд, важнее пошедшего на печати воска. Разумеется, я переправил Ваше письмо Проэмперадору Юга, но устраиваться у Старой Барсины Вы можете уже теперь, только прошу Вас не

переходить тракта. Надеюсь, Вас не оскорбит присутствие на другой его стороне кэналлийцев, — запрет регента не отменен, и мы не можем позволить выходцам из Олларии (не правда ли, это звучит неоднозначно?) беспрепятственно растекаться по Вашей родной провинции.

Что до Его Высочества, Его Высокопреосвященства и послов зарубежных держав, то они будут препровождены во временную резиденцию рэя Эчеверрии и размещены со всеми возможными в таком захолустье удобствами, а мы с Вами наконец-то составим партию в карты. Разумеется, в честь Вашего появления будет дан небольшой дружеский обед в кэналлийском стиле (жаренное на угольях мясо, мягкий сыр, лепешки с четырьмя соусами, овощи и вино). К сожалению, мы слишком далеки от моря, чтобы откушать осьминога по-алвасетски и печеных креветок.

С наилучшими пожеланиями, виконт Валме. Офицер для особых поручений при особе регента Талига, а остальное в данном случае неважно.

P. S. Я понимаю, что вопрос бестактен и неуместен, но я беспокоюсь о судьбе своей собаки и буду весьма признателен за любые сведения о Готти».

— Это лучшее из возможных решений. — Левий вернул Роберу исписанный лист. — Не могу вспомнить, кому принадлежат процитированные виконтом слова, но вряд ли кому-то известному, иначе конклав их заклеймил бы. Вы бывали в окрестностях Старой Барсины? Когда, кстати, мы туда подойдем?

— С учетом завтрашней дневки — пятнадцатого.

— Вы уже отправили ответ?

— Вас не могли найти, а курьер торопился...

— Сын мой, — улыбнулся кардинал, — я спросил, ответили ли вы, и только. Не во всех вопросах есть двойное дно, даже если их задает клирик. Хотел бы я знать, что маршалу Алве потребовалось в бывшей резиденции Славы. В любом случае, я буду рад там побывать.

— Вряд ли там многое уцелело...

— Как сказать. Адрианова обитель опустела, когда Святой престол перевели в Агарис. Пусть Золотая империя и распалась, Кабитэла еще долго оставалась центром мира. Оспаривающие друг у друга первенство ордена не могли допустить,

чтобы в бывшей метрополии кто-то обрел бóльшую силу. По решению конклава ордена одновременно покинули прежние резиденции, именно покинули. Даже зéмли, на которых стояли монастыри, отошли к талигойской короне, правда, без права использования или же передачи в чьи-либо руки.

У меня сложилось впечатление, что Эсперадор Теоний целил именно в Славу; ради уничтожения Адриановой обители он не пощадил даже Чистоту, из которой вышел сам. Слава подчинилась, объезжавший покинутые резиденции легат Эсперадора подтвердил, что Барсина пуста. Наследники магнуса Александра оказались столь любезны, что, уходя, засыпали рвы и разрушили внешние стены. Подобного не сделал никто, что наводит на определенные размышления, но вам это вряд ли интересно.

— Нет-нет, — вежливо запротестовал Эпинэ, — просто я плохо знаю историю.

— Скорее эта дама вас не волнует, а вот она вас, кажется, отличает. Жаль, графиня Савиньяк не с нами, возможность прикоснуться к тайнам Славы ее бы развлекла. Признаться, я надеялся, что она нас догонит.

— С графиней все в порядке, — бездумно заверил Робер и понял, что надо объясниться. — Она с баронессой Капуль-Гизайль, а нам снятся одни и те же... сны. Если бы что-то случилось, я бы почувствовал, но Марианна жива, здорова и очень... скучает. Графиня Савиньяк говорила, что ей нужно переговорить с Ноймариненом, она могла отправиться к нему.

— Очень может быть, хотя маршала Эмиля я бы со счетов тоже не сбрасывал. Мать есть мать, тем более что графиня в неведении о судьбе своего младшего сына, а нынешний год для братьев Савиньяк крайне опасен. Госпоже Арлетте я об этом, разумеется, не сказал, но в Талиге есть и другие астрологи... Вам не кажется, что вместе с его высочеством на Старобарсинскую заставу следует отправить королевские регалии и золото?

— Регалии отправлю, а оставшиеся деньги раздам.

— Не советую. — Левий погладил верного голубка. — В дороге вы даете людям все необходимое, а встать на ноги на новом месте им поможет Проэмперадор Юга. Деньги пробуждают в людях худшее, а дурные примеры слишком свежи в памяти.

— Эти люди не поддались...

— Чему, герцог? Даже золото бывает разным, цену ему узнают по тому, как оно держит пробу, то же относится и к душам человеческим. Возможно, души наших беженцев и золотые, но одинаковой ли пробы это золото? Я бы не рискнул проверять это прямо сейчас.

— Наверное, вы правы. Дойдем до места, а потом...

— Не стоит загадывать, сын мой, тем более сейчас. Я не зря заговорил о регалиях. Вы держали в руках меч Раканов, как он вам?

— Никак... Фехтовать им я бы не стал.

— Именно, и это вызывает недоумение. Я невеликий боец, но Слава знает толк в оружии, в том числе и древнем. Владеть гальтарским мечом и щитом то же, что гальтарским языком: вроде и не нужно, но придает некую значимость. Можете мне поверить, настоящие гальтарские клинки очень неплохи; такие короткие мечи в рукопашной пригодятся и теперь. Мы же имеем меч, годящийся лишь для того, чтобы висеть на стене...

— Р-р-р-ряв!

— Лэйе Астрапэ!

Нечто грязно-белое, громадное, с высунутым языком вывалилось из-за возов, встало на дыбы и обслюнявило Роберу лицо, едва не опрокинув застигнутого врасплох Проэмперадора наземь. Спасибо Левию, удержал.

Отчаянно виляя украшенным репьями обрубком, зверь гавкнул, ухватил Робера за обшлаг мундира и, пятясь, куда-то повлек.

— Готти! — выдавил Иноходец, не веря собственным глазам. — Готти...

Львиный пес еще яростнее завилял свалявшимся помпоном, сквозь запыленную гриву, исключая ошибку, знакомо блеснул алый шелк.

— Он вас знает, — объяснил очевидное Левий, — возможно, у него в ошейнике письмо.

Так и оказалось. Барон Капуль-Гизайль обретался неподалеку и был бы счастлив лицезреть дражайшего друга, тем паче что имел при себе некое послание, подлежащее передаче лишь из рук в руки.

2

Хайнрих раскрыл объятия. Это могло быть варварством, политикой и просто радостью. Лионель неожиданно понял, что лично он рад встрече. Вот рад, и всё!

— Жаль, — признался «медвежий» король, усаживаясь за знакомый стол под знакомой сосной, — жаль, что ты — Савиньяк. Когда я вижу хороших сыновей, начинаю чувствовать себя слабосильным и тут же понимаю, что должен жить, жить и жить до хороших внуков... То письмо, что я тебе не дописал, немногим отставало от твоего, но куда ты дел агма?

— Он будет позже, — не стал вдаваться в подробности Ли. Первый разговор с Хайнрихом не предназначался для чужих ушей, и обильно поужинавший маркграф с утра слегка занемог. Так, по крайней мере, счел он сам, хотя нарианский лист, по утверждению лекарей, причиняя временные неудобства, способствует исключительно исцелению.

— В нужнике сидит? — в упор спросил Хайнрих. — Молодец...

Лионель улыбнулся — предполагать его величество мог что угодно.

Юное солнце весело освещало вершины гор. Утро выдалось ветреным, и шум ветвей сливался с шумом потока, мешая подслушивать, но подслушивать здесь могли разве что орлы.

— Я привез женщин, о которых писал, — начал с самого простого Савиньяк. — Мать и дочь Арамона по-прежнему имеют дело с выходцами. Теперь выходца видел и я, но узнал от него меньше, чем надеялся.

— О вернувшихся мы поговорим. — Хайнрих поднял кружку, с видимым удовольствием глядя на пену. Перед Лионелем стояло кэналлийское — гаунасские контрабандисты были не промах. — Прежде чем считать поросят, пересчитаем коров, только для начала проводим-ка одного болвана к синим торосам... Чтоб узнал там всех, кто ему нужен!..

Отвечать на варитский манер Ли все же не стал, хоть и представлял, о чем речь. Привычные слова тоже не годились.

— Лэйе Абвениэ! — Маршал Талига поднял стакан в память чужого умершего. — Чтобы дошел!

— Чтобы дошел... — откликнулся король Гаунау и объяснил, что вечером шестнадцатого дня Летних Волн умер кесарь Готфрид, и это было единственным, что не вызывало оторопи.

Рассказывать Хайнрих умел: ни единого лишнего слова, ни единой невнятицы. Только важное и при всей своей достоверности невероятное.

На рассвете шестнадцатого дня Летних Волн в бухту Ротфогель на всех парусах вошел флагман остатков Западного флота Дриксен и врезался в кесарский фрегат. При полном штиле. Корабль был пуст, если не считать двенадцати повешенных офицеров, среди которых оказался и адмирал цур зее Бермессер. Моряки и жители Ротфогеля, увидев в этом волю моря, вышвырнули прочь из города нового коменданта, благо тот был назначен одновременно с Бермессером. Вышвырнутый бросился в столицу, и Фридрих решил отправить на усмирение Ротфогеля войска. Регенту возразил его главный советчик и троюродный братец по матери герцог Марге-унд-Бингауэр, но разошедшийся Фридрих упек спорщика в замок Печальных Лебедей. Вслед за Марге в тюрьму отправились и другие соратники, среди которых был весьма любимый гвардией генерал.

Утром гвардейские офицеры, пользуясь старым варитским правом, при полном параде явились к Деве Дриксен, но та их даже не приняла. Уткнувшись в запертые ворота, ходатаи обиделись и вывели из казарм солдат. Регент велел открыть огонь, но мятежников это не остановило.

Прояви гвардейцы подобную прыть в Кадане, кампания могла бы кончиться иначе, но получилось, что смолотый на востоке порох взорвался в Эйнрехте. Взбунтовавшиеся вояки, к которым примкнуло немало горожан, смели дворцовую стражу и захватили Фридриха с Гудрун, к несчастью для последних — живьем.

Регенту и принцессе вспороли животы, зашили туда кожаные мешочки с порохом и, посадив бывших кумиров на колья, под барабанный бой взорвали, после чего бунтовщики разделились. Кто-то грабил дворец, кто-то — лавки, кто-то взялся за личных недругов, но большинство, под предводительством заварившихся кашу офицеров, повалило к замку Печальных Лебедей. Комендант оказался настолько умен, что, загодя отперев ворота, сбежал. Марге-унд-Бингауэр вместе с гвардей-

ским генералом как-то сумели подчинить толпу и натравить ее частью на политических противников, частью на мародеров. К утру в городе был восстановлен относительный порядок, а Марге оказался хранителем короны Торстена и «вождем всех варитов».

Выезд из Эйнрехта был запрещен, но люди Хайнриха сумели отправить донесение своему государю. Новость застигла его величество по дороге к Рассветной Гриве, но король продолжил путь, отдав на всякий случай приказ закрыть границу с Дриксен.

— Моя дочь — вдова. — Хайнрих хмуро глянул в пустую кружку. — Это было бы отлично, овдовей она иначе. Эй, там! Пива!!! Ты можешь не верить, я сам не верю, но тебе лучше это знать.

— Да, — кивнул Лионель, — я предпочитаю знать... А вам лучше поверить. Эйнрехт не одинок. Оллария тоже обезумела, и, можете теперь не верить уже мне, я видел это собственными глазами, хоть и сидел в Агмштадте.

3

Готти остановился возле ничем не примечательных зарослей и негромко гавкнул; в ответ раздалось упоительно-родное тявканье, и у Робера зашлось от радости сердце. Поверить в возможность немедленного счастья Иноходец не мог и... все-таки, кажется, поверил.

— Барон, — окликнул дрогнувшим голосом Эпинэ. — Барон, вы здесь?

— Мой друг! Наконец-то!

От зарослей отвалился увядающий куст, в брешь немедленно юркнул Готти, и тут же оттуда выкатился, раскрыв объятия, Капуль-Гизайль. Не будь манеры барона столь примечательны, Иноходец не узнал бы его в одетом по-походному воинственном господине. За поясом «милого Коко» торчали морисские пистолеты, щеки украшала щетина, а из-под скромной шляпы выбивались жесткие прямые волосы.

— Ваше высокопреосвященство, — Капуль-Гизайль остановил разбег и отвесил роскошный поклон, — какая честь, ка-

кая неожиданная радость, и какой стыд! Я не брился четыре дня, это ужасно...

— Вы один? — прервал грозившую затянуться руладу Эпинэ.

— О нет! — Барон обернулся к кустам. — Марий, мальчик мой, можешь покинуть спасительную сень...

Барон путешествовал с юношей-флейтистом, четырьмя верховыми лошадьми, парой вьючных и двумя собаками.

— Это не столь страшно, — утешил он. — Мне случалось вывозить антики в обход гайифских и агарийских таможен, а ведь тогда у меня не было такого чуда, как Готти. Признаться, я не представляю, как до недавнего времени обходился без львиной собаки, но, мой милый Эпинэ, давайте отвлечемся от моей скромной персоны. У меня к вам письмо от нашего общего знакомого и его же поручение на словах. Достаточно важное, чтобы поглотить все внимание, как ваше, так и его высокопреосвященства, поэтому сперва я позволю себе спросить, цела ли вещь, доверенная мною графине Савиньяк.

— Вещь?

— Известный вам гальтарский лик.

— Несколько странно, — вмешался Левий, — что вы не справляетесь о судьбе вашей супруги.

— Прошу простить, — признал свою ошибку барон. — В дороге я несколько опростился и начал разговор непосредственно с занимающего меня предмета. Разумеется, я беспокоился о Марианне и графине Савиньяк, но лишь до встречи с вами. Вы здесь, вас сопровождают ваши гвардейцы, следовательно, находящиеся под вашим покровительством дамы вне опасности, но вот что они сочли нужным взять с собой? Я, осознав всю степень опасности, грозящей моей коллекции, несколько растерялся и не уверен, что не ошибся в своем выборе. Мне удалось вывезти в лучшем случае десятую часть. Конечно, в первую очередь пришлось жертвовать громоздкими предметами. Кстати, дорогой друг! Разрешите презентовать вам эту камею. Некогда она вам приглянулась.

Излеченная из кармашка на поясе вещица сверкнула закатным золотом. В солнечных лучах осенняя кавалькада казалась еще неистовей, еще прекрасней. Эпинэ торопливо отвел взгляд.

— Констанс, вы ошибаетесь. Марианна и графиня Савиньяк не с нами, они успешно выбрались из Нохи и, видимо, отправились в Придду.

— Материнское сердце, — с чувством произнес барон. — Разумеется, это не повод не делать вам подарка, но возникает определенная трудность. Марианна знает, как ухаживать за слоистым агатом, но готовы ли принять на себя такую ответственность вы? Готти! Готти, что ты опять наделал?! Марий, мальчик мой, ты не должен был оставлять лукошко...

Огромный пес с извивающейся возлюбленной в пасти пушечным ядром вылетел из баронского убежища, едва не сбил с ног Левия и достойным мориска галопом помчался по поляне. Капуль-Гизайль с осуждением покачал головой.

— Живость характера — это прекрасно, однако я понимаю и тех, кто использует строгий ошейник, но вернемся к моему поручению. Увы, наш общий знакомый не располагал собственной печатью и воспользовался той, что ему удалось спасти вместе с рядом других предметов. Надеюсь, вы не примете его за мародера, хотя со стороны очень, очень похоже!

Печать, которой «воспользовались», принадлежала геренции, почерк был незнаком, но догадаться, чей он, смог бы даже Готти.

«Поручаю подателю сего письма сообщить как о сделанном мною во исполнение договора от седьмого дня Летних Молний 400 года К. С., так и о том, что случилось без моего вмешательства, по воле Создателя или же иных сил. Дукс Свободной Данарии Жан-Поль Салиг».

4

— Селина, — поморщилась Луиза, — возьми другое платье. Ты не в Найтоне.

— Зачем? — не поняла дочка. — Не все ли равно...

— Нет, — отрезала капитанша, понимая, что еще немного, и она возьмет ножницы и раскромсает голубенький батист в лапшу. — Нужно уважать и себя, и других. Проэмперадор, король и маркграф — это тебе не пивовары.

— Зачем графу Савиньяку мое платье? У него в Олларии мама, а там сейчас то же, что было, когда тебя... чуть не убили. Ты все время плачешь, везде война...

— Да, я плачу, — шмыгнула носом капитанша и поняла, что сейчас подтвердит слово делом. — Сэль, жизнь не кончена, кто бы у кого ни умер! Нельзя опускаться, махать на себя и на других рукой. Уверяю тебя, Проэмперадор меняет белье и бреется. Думаешь, ему понравится, если фрейлина ее величества выйдет к чужому королю в мещанском платье? И, в конце концов, я что, зря гладила оборки?

Сэль сдалась. Траур шел ей невероятно, и госпожа Арамона ощутила законную гордость за дочь и за себя, подсмотревшую фасон у баронессы Капуль-Гизайль и приспособившую его к молоденькой блондинке.

— Мама, — взялась за свое Селина, — раз траур, я не буду менять серьги.

— Хорошо, — разрешила капитанша, убедившись, что этому платью броские драгоценности лишь вредят.

Когда они в сопровождении адъютанта Савиньяка и пары гаунау поднимались на увенчанную купой сосен вершину, Луиза жадно вбирала восхищенные офицерские взгляды. Сэль мужского внимания не замечала, явно ведя беззвучный разговор с кем-то невидимым, Луиза очень надеялась, что с Савиньяком. Ну не могли же маркграфиня с Зоей ошибиться обе, а пара получалась чудесной, даром что маршал тоже блондин. То, что Проэмперадор в делах, а Сэль — в страданиях, для начала даже неплохо: дочка и не заметит, как от тоски по погибшей подруге перейдет к тревоге за воюющего покровителя. Как поймать маршала, Луиза пока не придумала, но в голове вовсю крутилось что-то смутное и при этом обнадеживающее.

— Сударыня, — доложил, взирая на Селину, адъютант, — мы пришли.

— Его величество хочет видеть вас за своим столом, — подхватил ражий гаунау, пожирающий дочку взглядом не хуже талигойцев. — Прошу вас!

Бурый с золотом король расположился под могучей сосной у столь же могучего стола. Тут же сидел маркграф; обычно румяный, сейчас он был бледен, возможно, из-за бирюзового камзола. Бедняга, этот цвет не «убил» бы разве что Алву...

Ярко-алый Савиньяк среди солидных северян казался степной прыгучей рысью, причем галантной — в отличие от августейших сидней, он поднялся.

— Ваше величество, — безмятежно представил он, — госпожа Арамона и ее дочь Селина — те женщины, которые пережили гибель Надора и неоднократно встречались с выходцами.

— Что ж, — прогудел гаунау, — начнем, только сядьте. Не терплю задирать голову. Эй, там!.. Подайте-ка даме темного, а девице ежевики! Ну так что там вышло с Надором?

Тень от сосны, прямая, будто гвардеец, медленно перемещалась, ординарцы подносили то пиво, то закуски, лучшей из которых оказался заплетенный в косу копченый сыр. Гаунау спрашивал, порой в беседу вклинивался бергер; не по разу слышавший все Савиньяк больше помалкивал. Когда солнце улеглось на закатный хребет, подпалив далекие ледники, дошло до недавнего кошмара. Вспоминать, как она билась меж мокрых стен, было мучительно, но Луиза знала, что не вправе не только врать, но даже умалчивать. Она рассказывала и будто вновь тонула в жадной холодной грязи, вновь металась от тупика к тупику, вновь понимала, что выхода отсюда нет, вновь уже навсегда теряла Циллу... Если б только дочка продолжала где-то плясать и дразниться, пусть и без тени, зачем ей тень? Малышка не понимала, что мертва, как не понимала своего безобразия, а так выросла бы, взглянула в зеркало, и вот где была бы погибель!

— Сужающиеся проходы, — произнес маркраф. — Как в песне об удачливом Ульрихе.

— Герцог Эпинэ тоже видел стены, которые не отпускают. — Селина так и сидела над блюдом ягод. — Мне рассказывала Айрис Окделл. Герцог Эпинэ очень сильно болел. Он бредил, и ему казалось, что он заблудился в агарисском аббатстве и никак не может выйти. Когда герцог Эпинэ пришел в себя, он все забыл, но те, кто его лечил, запомнили и ему рассказали.

— Откуда они это узнали? — спросил маркграф.

— Кто они? — пошел дальше Савиньяк.

Селина вздохнула.

— Ты не любишь ежевику? — рыкнул Хайнрих. — Сейчас принесут сливок.

— Я люблю. — Селина взяла верхнюю ягодку. — Благодарю, ваше величество... Ваше величество, я хочу просить у вас помощи. Если убийца ее величества в Гаунау, не укрывайте его, это неправильно.

— Еще бы! — Королище стянул с пальца кольцо, которому до браслета оставалось совсем немного. — Это тебе, горностайка. Мой залог.

Селина спокойно приняла кольцо и посмотрела на маршала, но ответил бергер:

— Когда тебе принесут голову убийцы, залог нужно будет вернуть.

— Да, ваше величество, — подтвердила Селина, — я верну.

— Вот ведь, — умилился гаунау, чем-то напомнив Зою, — не то что некоторые... Так о чем мы там?

— О видении герцога Эпинэ, — подсказал Савиньяк, попивая вино.

— Я больше ничего не знаю. Герцог Эпинэ провожал нас в Надор, мы ехали в карете, а они с Айрис Окделл были верхом. Когда Айрис показывала мне Надор, она вспомнила про стены, которые не отпускают, и мы заговорили о другом.

— Должен добавить, — негромко подхватил Савиньяк, — что очень похожее место видел во сне и герцог Алва. Это произвело на него столь неприятное впечатление, что Алва немедленно выехал в Олларию и прибыл к Октавианским празднествам. Сударыня, вы что-то хотите добавить?

— Да! — выдохнула Луиза, глядя не на Проэмперадора, а на гаунау, у которого в Олларии не осталось матери. — Да... И как только я сразу не сообразила, я же видела эту зелень! В первый день Октавианских погромов... По дороге в церковь я напоролась на толпу, гнавшую четверых. Кто они были, не знаю, но самый старый выбился из сил и упал. Один, рыжий, высокий, его не бросил, и тут... Я не спала и не бредила, только все стало как в зеленом меду. Ворона летела, а казалось, что плывет, юбки и волосы тоже колыхались, будто в воде, но медленней. И те, кто убивал, и те, кого убивали, кричали, а я не слышала, хотя видела, как раскрываются рты...

— Вы, — уточнил маркграф, — могли рассмотреть подробности, но ничего не слышали, и это не было сном?

— Да, — подтвердила капитанша, все еще не в силах поднять взгляд на Савиньяка. — Но оно очень быстро прошло, и всё стало как всегда. Толпа меня подхватила и потащила с собой, но это уже был просто грабеж.

5

— Нет! — взревел Рокслей. — Я не уйду! Хватит! Сколько можно?! Сдохнуть я смогу не хуже других...

Лежащий у ног Робера Готти поднял голову и еле слышно зарычал, Эпинэ положил руку на утративший белизну мощный загривок.

— Дэвид, это не обсуждается. — Иноходцу как-то удалось не повысить голоса. — Ты отвечаешь за жизнь принца и королевские регалии. Иди, поднимай эскорт.

— От войны не сбежишь, — утешил разъяренного Дэвида Карои, — а вот догнать ее, заразу такую, можно. Передайте принца людям Валме и возвращайтесь. Мы будем вам рады.

— А мародеров никто не будет спрашивать, — подхватил кагет. Все же без усов и акцента он выглядел странно.

Господ дипломатов Робер оторвал от выяснения, как и чем лучше рубить супостатов. Узнав, что по следам беженцев идут барсинцы и увязавшиеся за ними погромщики из цивильных, спорщики в один голос объявили, что вот теперь-то все станет ясно даже кошке. Покидать караван послы отказались наотрез, чему Робер искренне обрадовался. Кагетов не набиралось и дюжины, но те, кто был, стоили дорого. Что до алатов, то витязи давали фору лучшей кавалерии, правда, в чистом поле, которого поблизости не наблюдалось.

— Я вернусь, — угрюмо пообещал Дэвид.

— Хорошо. — Против этого Робер ничего не имел, а о том, что возвращение может оказаться бессмысленным, говорить не хотелось. — Возьмешь с собой Капуль-Гизайля. Ваше высокопреосвященство?

— Сын мой, мы, кажется, решили, что я отвечаю за обоз. — В голосе Левия послышался легкий укор. — Разумеется, Агили с солдатами в вашем распоряжении, я обойдусь парой десятков и легкораненными.

— Спасибо. — Если что, легкораненый Диксон стукнет кардинала по сединам и вытащит за Кольцо, но до этого лучше не доводить.

Робер оглядел своих соратников. То, что придется несладко, понимали все, но безнадежности в глазах не было; ушедший наконец Дэвид и тот рвался не умирать, а драться. Балинт поймал взгляд Робера и красноречиво погладил саблю, вызвав улыбку обычно серьезного Блора. Вторым открытием Проэмперадора стало осознание, что он и сам улыбается. Нашел время! От него ждут диспозиции, впереди бой, за спиной хуже, чем просто враги, а он?!

— Господа, — громко, громче, чем надо, объявил Эпинэ, и мирно лежащий Готти поднял голову и насторожил обрубки ушей, — мы быстро, как только сможем, пойдем к Старой Барсине, верней, чуть ближе — к бывшей Адриановой обители. Дорога плохая — извилистая и узкая, но она плоха для всех. Есть надежда добраться завтра к вечеру, но очень может быть, что «бесноватые» догонят нас раньше. Следов не скроешь, сбить погоню с толку надеяться нечего.

— Зачем сбивать, — подкрутил усы Балинт, — лучше сразу бить. У нас сотни три всадников против, прямо скажем, не лучшей пехоты, грех не использовать.

— На открытой местности это было бы весомо, — согласился Робер, — но по́ля тут, к сожалению, маловато, а дальше еще меньше. В мелколесье и буераках не разгонишься, а буераки здесь знатные. Будь у меня пара пехотных полков, я был бы спокоен, только с пехотой у нас паршиво: городские стражники, чуть больше роты из солдат гарнизона и рота его высокопреосвященства. Против барсинцев маловато, если дойдет до боя, задавят числом.

— Это если они кураж не растеряли, — задумчиво произнес Блор. — Зимой они свою шкуру, знаете ли, берегли.

— Они ее берегли еще месяц назад, и что с того? Сейчас нам остается принять арьергардный бой и задержать погоню, самое малое, на два дня. Письмо на ближайшую заставу отправлено, но вряд ли кэналлийцы подоспеют раньше, чем семнадцатого, причем туда, куда велел Валме. В других местах мы рискуем найти разве что разъезды, а лишний пяток палашей погоды не сделает.

— Семнадцатого... — задумчиво произнес алат. — А стоит ли ждать? Тут есть где развернуться, а если слегка вернемся, то и подавно. Всех, конечно, не перебьем, но на пятках повиснем. Полдня, а повезет, и целый день выгадаем.

— Только себя берегите, — попросил Робер и понял, что уже согласился, — и... не увлекайтесь. Если вы задержитесь...

— Мои парни брали уставших детей к себе в седла, — резко бросил Балинт, — этого мы не забудем. И не отвлечемся.

— Тогда...

— По коням. — Карои больше не улыбался. — Живите!

Витязи ушли из лагеря первыми под ту же песню об оседланном коне, что саблей рассекла отчаянье на улицах Олларии. Робер слушал затихающее «гейя-гей» и вспоминал Матильду. Вспоминал, пока его не ухватил под руку желающий попрощаться барон.

— Мой милый Эпинэ, — Коко успел побриться и сменить платье, но с пистолетами не расстался, — я был счастлив вас повидать и буду вдвойне счастлив принять вас в своем именьице в Ариго. Уговаривать вас присоединиться к нам с графом Рокслеем полагаю бессмысленным?

— Сударь!

— Вот потому-то я и считаю преждевременным давать Марианне развод. Нет, я не собираюсь прощаться с вами на столь пошлой ноте, хотя в некотором роде она предпочтительна. Вы вспомните пока еще мою супругу и, возможно, — заметьте, я лишь предполагаю, — станете чуть осмотрительней.

— Спасибо, Констанс. Я в самом деле попробую сберечь свою голову для Марианны. Разумеется...

— А вот этого не надо! Оговорки отвратительны, давайте лучше проясним положение Готти. Кто-то из нас должен вернуть животное Валме, по возможности не задев его чувств. Конечно же, я имел в виду Готти. Похоже, я в самом деле непозволительно опростился... Эвро я увожу, а ей было бы приятно иметь своего рыцаря при себе. С другой стороны, Марианна предпочла бы, чтобы Готти защищал вас, и я склоняюсь именно к этому. Что скажете?

— А давайте, — Робер не выдержал и потрепал кудлатый загривок, — он решит сам.

— Это выход. — Барон поправил шляпу. — Но не перекладывайте на других то, что требует вашего решения, слишком часто, для Проэмперадора это неприлично. Итак, я жду вас в своем скромном Капуле.

— Я обязательно приеду, ес...

— Вы обещали, этого довольно. — Барон вытащил из кармана нечто завернутое в платок. — Вы знаете, как Салиган относится к драгоценностям, но это он просил отдать вам, и я, что самое печальное, дал слово. Будет лучше, если вы развернете, когда я буду в пути. Мне не хотелось бы присутствовать при том, что меня не касается.

— Хорошо, — пообещал Робер, и тут же с докладом примчался Дэвид, а дальше были не знавший местности Гедлер, потерявшая шестилетнего сына мать, сцепившиеся в очередной раз возы, разосланные разъезды, тронувшийся наконец караван, первый гонец от Балинта...

Платок Эпинэ развернул почти на закате. Золотая массивная цепь оплавилась, почернела и потеряла бóльшую часть украшавших ее рубинов, но узнать дар благодарных горожан генералу Карвалю было можно, и Робер узнал. Сразу. Нет, он не взвыл, за него это сделал оставшийся с Проэмперадором и войной Готти.

Глава 7

ГРАНИЦА ГАУНАУ И БЕРГМАРК ТАЛИГ. АДРИАНОВА ОБИТЕЛЬ И ОКРЕСТНОСТИ

400 год К. С. 14-й день Летних Молний

1

Золотой Договор составляли лучшие законники, но время вывернуло его наизнанку. То, что после Двадцатилетней было на руку победителю, стало подспорьем для его отлежавшихся врагов; то, что некогда по словечку протаскивали разбитые Гайифа с Дриксен, со временем принялось служить потерявшему хвост и уши Талигу, только сейчас в Закат летело всё и вся.

— Мы собрались тут, — Хайнрих взмахнул бревноподобной ручищей, будто призывая в свидетели горный хребет, — чтобы счистить прилипшее к ногам дерьмо. Золотой Договор сдох, и вместе с ним сдохли другие союзы. Я объявляю о разрыве с Дриксен, Гайифой и их прихлебателями. Мое дело — провести Гаунау через Излом, и я сделаю это, кто бы ни висел у меня на загорбке, а навязавшие нам дурные обычаи и пустую веру пустомели могут убираться в задницу! Гаунау — королевство не забывших себя варитов, и да помогут нам наши предки и наши боги, если они еще с нами. До Осеннего Излома остается восемь дней, но мы не можем ждать, к тому же все уже сказано в Излом Летний. Я, хозяин Гаунау по праву рождения, по праву избрания и по праву меча, подтверждаю свой договор не с Талигом, кто видел Талиг? Кто говорил с Талигом? Кто ел с Талигом мясо и пил можжевеловую? Я подтверждаю свой договор с талигойским вождем, и я жду от него того же. Пока Савиньяк держит слово, он может на меня рассчитывать. Порукой тому — слышавший нас полдень, текущая вода и мои предки.

Хайнрих закончил — он сказал ровно то, что хотел. Прямой и бесхитростный варвар... Хитрец, умница, дипломат, успевший утопить в волнах прошлого свежий эйнрехтский труп, прежде чем тот явится, чтобы увести союзника. Не восхищаться Ли не мог, но делал это молча. Дядюшка Гектор племянником гордился бы: маршал и не подумал принять брошенный варитом мяч, он уступал это право умному агму.

Маркграф, если Савиньяк разгадал его верно, лихорадочно подыскивал другую корку для той же начинки. Гаунау и бергеры за одно упоминание об их сходстве разорвали бы любого, но и те, и другие были отродьями разрубленного мечом истории седоземельского спрута.

Вольфганг-Иоганн сдвинул пшеничные брови.

— Золотого Договора больше нет, это так. — Для своей речи бергер предпочел талиг, и это было мудро. — Дриксен развязала войну, Агарис исчез, Гайифа исчезает, но, пока существует Талиг, Горная марка будет ему верна. Мы не вложим меч в ножны, пока дриксы на талигойской земле истребляют марагов, но мы помним, что нынешний год не терпит крови. Проэмперадор Надора заключил мир, я признаю этот договор

и присоединяюсь к нему, однако нужно решить, как быть с Каданой и Дриксен.

— Нужно, — согласился Хайнрих, — и мы будем об этом говорить. Если будем говорить вообще.

— Я поклялся кровью, — чуть улыбнулся Лионель, предоставив додумать недостающее варварским мозгам. Некоторые вещи лучше говорить с неохотой, лишь отвечая на заданные в лоб вопросы.

— Регент Талига одобрил перемирие, — напомнил маркграф, и Лионель мысленно подобрался, будто готовясь к прыжку. — Он должен одобрить и мир. Гонец выедет с рассветом.

— Регент Талига слишком далеко на юге, — словно бы с досадой проговорил Савиньяк, — он не видит ни нашей войны, ни наших... обвалов. Его величество Карл ближе, но он пока не может ни воевать, ни заключать и разрывать союзы. Излом не дает времени никому; решать нужно здесь и сейчас, а решив, не юлить и не отступать.

— Мне не перед кем отчитываться, — буркнул Хайнрих именно то, к чему Ли и подводил. — Я снимаю войска с перевалов и выдвигаю их к Каданской границе. Если Джеймс нарушит границу Северного Надора... Тем хуже для Джеймса.

— Дорогой Вольфганг-Иоганн, — совсем тихо, словно не желая говорить при Хайнрихе, напомнил Савиньяк, — армии фок Варзов, по существу, больше нет, вся надежда Марагоны и Проэмперадора Севера на армию моего брата, но очень может быть, что Эмилю придется повернуть к Олларии...

— Каждому своя ноша! — отрезал бергер, и Лионель понял: победа! — Мы не оставим без помощи ни марагов, ни столицу.

Дальше стало совсем просто. Фрида, которая могла бы вмешаться, злилась в Агмштадте, а трое союзников слишком спешили и слишком во многом сходились, чтобы пререкаться из-за мелочей.

2

Карои вернулся, когда голова каравана выползала на Старую Королевскую дорогу, которая, по словам Левия, некогда называлась Львиной. Алат не потерял ни единого человека и отнюдь не казался вымотанным.

— Мы делали что могли, — рассказывал витязь, обтирая запыленного, но отнюдь не загнанного коня, — но эти твари, как бракованные гончие, руби не руби, прут вперед. За казной.

— Что?! — не поверил собственным ушам Робер.

— Так кричали вожаки, когда мы выманивали кавалеристов. Конница у них, к слову сказать, есть. До эскадрона... Хотел бы я сказать, что она *была*, но эти скоты так из-за пехоты и не вылезли, а пехота пряталась за деревьями. И какой осёл вздумал обсаживать дорогу!

Эпинэ словно вживую увидел немалые тополя, тянувшиеся в две линии до самого поворота на Старую Барсину. Деревья могли бы прикрывать и отступающих, но возиться с дорогой к давно брошенному городу никто не стал.

— Кажется, был приказ Франциска, — припомнил Робер. — Сажать вдоль трактов деревья, чтобы люди зимой не сбивались с пути... Балинт, как *они*?

— Ничуть не изменились, — пожал плечами алат. — Мы обогнали их на пару часов. Что делаем?

— Вы поите лошадей и отдыхаете, мы перегораживаем дорогу. Не здесь, ближе к Кольцу. Продержимся сколько можем, потом отойдем, а вы нас прикроете. Пока останетесь в тылу и на обочине.

— Хорошо, — кивнул все же уставший витязь. Он мог сколько угодно досадовать хоть на тополя, хоть на засевших за спинами пехоты вражеских конников, но без алатской «прогулки» драка началась бы уже к полудню, а так пришлось ждать и ждать.

Барсинцы задержались не на два часа, а на все три, и это было очень хорошо, поскольку долгого боя не вышло. Замаячила и убралась назад, за поворот, группа всадников, а потом и по дороге повалила, и из кустов полезла пехота. Подошла, развернулась и открыла огонь, под прикрытием которого часть мерзавцев со всех ног бросилась вперед. Стрелки Робера ответили, но остановить атаку не могли.

Карои не ошибся: бесноватые остались бесноватыми. Смерти не боялись, перли как одержимые, причем солдат в первых рядах не было, только вооруженные чем попало горожане. Они таки дорвались до баррикады, и повторилось то, что

было в Олларии, только второй волной здесь шли дезертиры, стрелять по которым было уже некому.

Командир барсинцев рассчитал верно, и Робер приказал отступать. Выручили витязи, дали возможность отойти, потом все вместе, огрызаясь на ходу, пятились к Кольцу. Начинало темнеть, дорога уводила дальше и дальше в невысокие заросли, потом показалась прогалина.

— Надо бить, — сказал Карои, и Робер согласился.

Алаты больше не пели. В полной тишине они укрылись за деревьями, выждали и, пользуясь последним светом, саданули барсинцам в бок, вырубив и втоптав в дорожную пыль авангард. Как ни странно, этого хватило. Робер стоял бок о бок с вытиравшим саблю Балинтом и ждал, то вслушиваясь, то глядя на застывшего рядом Готти. Потом пес еле слышно тявкнул, почти кашлянул: вернулись свои.

— Отстали, — устало доложил коренастый витязь, — на бивак встают.

— Хорошо бы их потревожить, — хрипло сказал Карои, — только лошади на пределе.

— Не только лошади. Балинт, мы отыграли один день из двух. — Это если кэналлийцы успеют, захотят успеть... — Мы сможем разнести эту сволочь ночью так, чтобы завтра она сидела смирно?

— Нет.

— Значит, загоним беженцев хоть в какое-нибудь укрытие и будем держаться, но это утром, а ночью — отдыхать.

Карои не спорил, что говорило само за себя. К Кольцу выбрались уже почти в темноте. Изгрызенный непогодой столб тянулся к прорывающим пока еще синий бархат звездным гвоздям, в зарослях кто-то скрипуче орал. Чтобы все окончательно стало дурной сказкой, не хватало лишь закатной твари. Чтобы стало страшно, не хватало страха.

3

Вечер пах пивом и мясом — очищенный желудок маркграфа требовал пополнения и получал его, однако ум союзника был занят отнюдь не ужином.

— Я много думал, — признавался, работая челюстями, Вольфганг-Иоганн. — Много и нехорошо... Я писал тестю, я писал фок Варзов, но они продолжают воевать не просто плохо, они воюют недостойно. Пятиться от варитов, потерять не только Гельбе, но и южнобережье! Вы бы такого не допустили.

— Постарался бы не допустить, — поправил Лионель, — но никто не знает, что бы у меня получилось. В любом случае, я ничего не смог бы сделать с бурей.

— От бури вы бы ушли, как ушли от обвала. Я спрашивал Вайспферта не только про Ор-Гаролис и очень рад, что вы наконец взглянули правде в глаза и одумались. — Вольфганг-Иоганн оттолкнул блюдо, глаза бергера нехорошо блеснули. — Можете на меня рассчитывать, и не только на меня — приказ Райнштайнеру уже в пути. То, что осталось от моего корпуса... бездарно загубленного корпуса, отныне входит в вашу армию. Проклятье! Четыре отличнейших полка! Я знал в лицо едва ли не каждого солдата... Сколько пользы они принесли бы в ваших руках, а теперь у Райнштайнера всего тысяча сто двенадцать человек! Я плакал, когда читал его доклад. Я! Плакал! Вы можете мне поверить?

— Я обязан верить, — вывернулся Савиньяк, — но на дороге, когда я вас увидел, вы были спокойны.

— Горы, — объяснил бергер. — Они сушат слезы и проясняют мысли. Я понял, что должен отложить разговор до встречи с варитом. Вы могли повести себя, как другие талигойские генералы, мы поссорились бы, а у Хайнриха хороший нюх...

— Хуже, чем я надеялся, — попытался развернуть союзника Ли. — Я не бергер и не кэналлиец, разве что немного алат. Очень немного, а то, что творится в Золотых землях, в состоянии понять лишь те, кого в Гайифе зовут варварами. Король Гаунау мог что-то заметить, вспомнить, угадать... Горы раздумали трястись, когда Хайнрих прекратил войну; Бруно этого не сделал, и вмешалась буря.

— Я не верю, что горы охотятся за армиями, и еще меньше верю, что марагонский ветер хотел мира... Когда вызревают лавины, те, у кого на плечах головы, а не горшки, в горы не идут, но лавины не гонятся за людьми! Они просто срываются, просто катятся вниз, погребая под собой все, что попадется на пути. Ты и гаунау успели сойти с дороги, фок Варзов с Бру-

но — нет, только у Бруно осталась армия, а у фок Варзов... Да что теперь говорить!

Сейчас на моих перевалах двадцать восемь тысяч. Двадцать я отдаю новому командору Горной марки. Победителю при Ор-Гаролис. Вам, Лионель. Фок Варзов больше не вправе нести это звание, но не потому, что проиграл сражение, а потому, что позволил загнать себя в угол, и еще потому, что сдал Гюнне и пустил «гусей» в Марагону. Зная, что дриксы мечтают вырезать южных марагов подчистую.

— Фок Варзов сделал все, что мог. — Лионель улыбнулся, только бергеры не верят в Леворукого. — Герцог Ноймаринен не хочет менять командующего, и основания у него для этого есть.

— Мои письма в пути третий день. Тесть может думать что хочет, но Райнштайнер подчинен новому командору Бергмарк.

Двадцать тысяч бергеров и Ойген... С Бергмарк за спиной говорить с Рудольфом-регентом проще, а вот с Рудольфом-человеком...

— Вольфганг-Иоганн, я благодарю вас за доверие. — Дружбе с Ноймариненом конец в любом случае, но лучше потерять человека, чем позволить ему и дальше с умным видом отступать. — Я постараюсь сохранить ваших людей. Скольких сумею.

— Они воины и, если нужно, умрут, но под вашим командованием это будет не зря. Об этом я тоже написал.

Разговор с Ноймариненом обещал стать еще тяжелей, чем думалось, но следующий совет Ли дал отнюдь не потому, что хотел избавить себя хотя бы от женской злобы.

— Не знаю, что творится в Олларии, но сейчас не время отпускать близких от себя. Удержите жену в Агмштадте. Если сможете.

— Она останется, — с ходу решил Вольфганг-Иоганн. — Вы вышвырнете дриксов за Хербсте?

— Если речь пойдет лишь о Бруно, мы с братом готовы попробовать. — Лионель выдержал строгий взгляд все еще не жующего собеседника. — К весне. Если гонцы поскачут к перевалам сегодня, армия доберется до Придды не раньше, чем через два, а если погода испортится, то и три месяца, которые еще

нужно продержаться. Нам сказочно повезет, если Бруно, узнав о гибели Фридриха, вернется в Дриксен, но я в это не верю.

— Он не уйдет, — согласился бергер. — Дриксы сами не уходят никогда, их можно только гнать, но первое сражение у тебя будет с Проэмперадором Придды.

— Мы не враги, а Южная Марагона не считается Приддой.

Не враги... А разве Сильвестр был врагом? Кардинал жил для Талига и тянул свой воз до последнего, только коней надо менять вовремя.

4

Что было в похлебке, кроме не скрывающего своего присутствия чеснока, Робер не разобрал. Отложив ложку, он вернул миску Дювье и в сопровождении зевающего пса поплелся к Дракко, но оказалось, что жеребца уже обиходили. Эпинэ оставалось разве что угостить коня; увы, в карманах не нашлось ничего подходящего. Нерадивый хозяин растрепал полумориску гриву, что-то кому-то ответил и вернулся к костру.

Осознание, что за спиной несколько тысяч очумелых мародеров, второй день кряду гнало караван вперед, но теперь они были у цели. Конечно, при необходимости люди шли бы всю ночь, только от Старой Барсины до первых сел было не менее пяти хорн, Валме настрого запретил переходить Кольцо, и, самое главное, помощь должна была подоспеть именно сюда.

Мысль разогнать беженцев в разные стороны Робер отбросил сразу же — жаждущие наживы мародеры обошли бы заслоны и набросились на обремененных телегами и узлами бедняг, как крестьяне с дубинками — на линяющих уток. Защищать лагерь казалось делом не столь безнадежным, и, пришли Валме курьера, Эпинэ чувствовал бы себя почти спокойно, однако от местных властей не было ни слуху ни духу. Это не отнимало надежду, но и не питало ее. Какое-то время Робер смотрел в огонь, потом отправился за утешением.

Кардинал отыскался в развалинах. Даже не верилось, что именно здесь церковная армия обломала зубы об оплот мятежного ордена. Завтра пережившим богов и династии руинам предстояло тряхнуть стариной, но сейчас, несмотря на костры

и часовых, развалины выглядели мирно и при этом достойно. Как красивый старик.

— Вы не спите? — Его высокопреосвященство казался удивленным. — В Славе нас учили, что отдых перед боем обязателен.

— Для солдат и младших офицеров, — уточнил Эпинэ, — но это я вас сюда завел. Что будет с людьми, если мы не удержимся, а Эчеверрия с Валме опоздают или... не захотят вмешаться? Кольцо нам переходить запрещено, а здесь семь тысяч человек, никому особо не нужных. Октавия мы отдали, а послы...

— Не столь ценны? — улыбнулся Левий. — А эсператистский кардинал еще и вреден... Вы становитесь политиком, причем тогда, когда не нужно. Что вам опять пришло в голову? Что Валмон, Дорак, Эчеверрия подождут, пока вы с барсинцами друг друга не перемелете, и добьют уцелевших?

— Нет... То есть да, боюсь.

— Вы слишком много времени провели с Альдо Раканом. Покойный из всех возможных ходов безошибочно выбирал самый подлый, и к чему его это привело? Валмоны слишком умны для подобного. Вы заходили внутрь?

— Смотрел, есть ли смысл ставить стрелков. Будь у нас время и дерево на настилы, мы бы угостили барсинцев еще и оттуда, но сейчас к верхним окнам не подобраться.

— Жаль...

— Да, позиция была бы отличная.

— Жаль, что вы не оценили красоты. Внутренний храм удивителен даже теперь. Если эсператизму суждено воскреснуть, то возрождение начнется отсюда. Представьте, здесь до сих пор водятся трехцветные кошки! Сколько поколений сменилось, а они так и не ушли, это обнадеживает.

— Почему именно трехцветные, — полюбопытствовал Робер, — и разве церковь до большой чумы не запрещала держать кошек?

— Конклав запрещал мирянам немало из того, что дозволял себе. — Рука кардинала знакомо ласкала голубя. — Истина пыталась прорыть ход к Славе, но мышей встречали кошки, а почему трехцветные... Так повелось. Возможно, Адриан некогда подобрал такого котенка. По легенде, Слава изначально хотела сделать своим символом леопарда, но ей напомнили,

что леопард-оборотень — спутник самого зловредного из абвениатских демонов, к тому же он слишком велик и нескромен. Адриан выслушал и согласился на маленькую скромную кошку, чем поверг собратьев во Ожидании в ужас, ведь кошка, по мнению первых эсператистов, презирает Создателя и оказывает услуги Врагу. Выслушав разъяренных магнусов, Адриан уступил еще раз и назвал льва. Больше возражений не нашлось... Можно мне угостить вашего стража?

— Да, — разрешил Робер. — Готти, возьми. Надо было отправить его к Валме.

— Зачем? Пусть придет и заберет. В этом году Фульгат и Эврот необычайно ярки, хотелось бы знать, к чему.

— Вам всегда хочется знать.

— А вам разве нет?

— Мне хочется знать, что все живы, а я знаю только про Марианну.

— Не лукавьте. Вы это же знаете про Октавия, Рокслея, Мевена, нашего изумительного барона, всех, кто здесь, с вами, и даже про не забывшего вас Салигана. Потерялась графиня Савиньяк, но она была с вашей дамой, за которую вы спокойны. Вы верите своему чутью, а я верю Пьетро. Его молитвы угодны святому Адриану.

— Да, — согласился Эпинэ, — глупость я сказал. Я хочу, чтобы все остались живы, и, ваше высокопреосвященство, я не верю в гибель Карваля. Не могу поверить! Салиган нашел цепь, с которой Никола не расставался, но на пожарах теряют и не такое. И Констанс... Ну почему он тянул с рассказом?!

— Помочь вам он не мог, а тяжелые сцены его убивают.

— Если Никола погиб, то вместо меня. Это я должен был идти на Колодезную, он меня не отпустил. Опять все из-за меня...

— Через десять дней Осенний Излом. Листья облетят тоже из-за вас?

— Простите... Я в самом деле пойду спать.

— Чуть позже. — Левий подхватил Робера под руку. — Во-первых, вам стоит взглянуть на былое величие при звездном свете, а во-вторых, я кое-что вам расскажу...

В свете факелов развалины напомнили Роберу разве что трапезную Лаик, насаженную на древнюю колоннаду. Левий

обошелся даже без фонаря, и ночь достроила обрушенные стены, а звездное небо стало крышей. Иноходцу показалось, что в целом мире их лишь двое — он и кардинал.

— Я не успел найти нижний храм, — сказал Левий, — но его не может не быть.

— Наверное, вход замуровали. — Эпинэ припомнил усыпальницу Октавии и Франциска. — Неужели адрианианцы оставили в храме колодец?

— Меня это тоже удивило, — откликнулся Левий, — но это не колодец, хотя вода в нем сейчас и стоит. Загляните, это по меньшей мере любопытно.

Робер послушно шагнул вперед, но его опередил Готти. Пес вел себя странно. Открыв пасть, он задышал часто и коротко, как в жару, при этом увенчанный запыленным помпоном обрубок хвоста ходил ходуном. Затем он попытался копать, когда же из этого ничего не вышло — покружил, возбужденно поскуливая и нюхая воздух, и дурашливо боднул Робера башкой, виляя уже не хвостом, а всей задней частью туловища. Растянутые в улыбке губы и прижатые уши превратили его внушительную физиономию в морду разыгравшегося щенка.

Мимоходом погладив пса, Робер заглянул внутрь; он ничего не ожидал, а перед ним лежала красная звезда. Казалось, кто-то бросил на зеркало алую ройю на тоненькой цепочке, только не из золота, а из созвездий. Иноходец поднял голову — Фульгат подбирался к зениту, и он был по-предосеннему ярок, но вода ласкала иную звезду.

— Что это? — Руку словно потянуло к темному кругу. Зеркало разбилось, пальцы обдало чистым холодом, и они коснулись скользкого ровного дна.

— Кто знает, но Слава это не тронула, возможно, как-то скрыв. Не представляю, как они могли это сделать, церковные каноны и геометрия храма этого не позволяют, разве что помещение разделяла стена, от которой ничего не осталось.

— Вы видели?

— Что и где?

— В... — Как же объяснить? На язык просится слово «ара», но разве можно назвать воду золотом?! — Отражение звезды...

— Когда я смотрел, в зените стоял Конь. Само собой, я видел его в чаше.

— Фульгат тогда еще не поднялся. — Значит, «чаша»? Углубление, вода... Не придерешься, но не чаша оно. Не чаша! — Посмотрите сейчас.

— Охотно.

Алая ройя в воде и всего лишь звезда над головой, блуждающая звезда, что сейчас догоняет солнце.

— Видите?

— Только звездное небо. Отражение, надо признать, удивительно четкое. Фульгат просто изумителен.

— Это не Фульгат! Он ярче и... алей. Как ройя, а прочие звезды — золотая цепь. Я брежу?

— Не думаю. У меня есть два объяснения... Первое — в ордене Славы было много вашей родни и ваших вассалов. Отстоявший Барсину магнус Александр в миру звался Энио Марикьяре. Надо думать, он часто смотрел в эту воду, если тут, конечно, была вода...

— Р-ря!

— Готти! Готти, да что с тобой такое? По-моему, он что-то чувствует, что-то недоступное людям.

— Когда вы искали, куда ставить стрелков, пес был с вами?

— Нет, я оставлял его с Дракко за стенами.

— Тогда я объяснил бы его поведение самым простым образом: пес учуял хозяина. Валме написал, что был здесь, а волкодавы славятся остротой верхнего чутья. К слову сказать, у наследника Валмонов — престранный гороскоп: его солнце гармонизировано растущей луной, и при этом ни один аксенай толком не аспектирован. Мне подобного видеть не доводилось.

— Это что-то значит? — из чистой вежливости спросил Эпинэ.

— В том-то и дело, что почти ничего. Совесть нашего друга подобна кошке: если и падает, то на четыре лапы, а в остальном эта книга не для астролога. Впрочем, ваш гороскоп при всей его кажущейся простоте не лучше. Согласно науке, шанс выбраться из Ренквахи имел ваш брат Арсен, но не вы. И не спрашивайте меня почему, я не знаю ни как вы с Вороном выжили, ни отчего Карлос Алва, Эгмонт Окделл и ваш брат мертвы.

— Значит, Арсен погиб вместо меня!

— Вы опять! И почему «вместо»? В вашем роду время от времени рождаются люди, над которыми звезды в лице астрологии не властны, мы говорили об этом с графиней Савиньяк. Да, вы спаслись, или вас что-то спасло, но не разумней ли причину гибели вашего брата искать в нем самом? Впрочем, у цепи с красным камнем, которую вы видите, может быть и другое объяснение — вы тревожитесь о генерале Карвале, и вам мерещится находка Салигана. Возможно и нечто среднее: вы думаете о вашем Никола, а это место превращает вашу тревогу в видение.

— Я бы предпочел увидеть самого Никола.

— Ну, извините!.. Однако услышать его вы услышите, только давайте присядем. Мне кажется, на этих обрубках можно устроиться и вдвоем. Вы ведь знаете, что ваш генерал перешел в эсператизм?

— Припоминаю...

— Герцог, вы очень похожи на безбожника, что делает ваше подвижничество особенно ценным в глазах Создателя. Если Он существует, разумеется. Не смотрите на меня так, я не знаю ответа, но мой друг Оноре верил всей душой. Святой ни на миг не усомнился, что Адриан, Эсперадор Адриан, пребывает в Рассвете, а тот веровал не сильней герцога Алвы, уж это-то я знаю точно.

Поймите: претерпеть временные неудобства ради последующей награды могут многие — контрабандист ради барыша, затянутая в корсет кокетка ради мужских восторгов, ходящий в обносках подмастерье ради будущей аптеки или кондитерской. Чем лучше их верующий, что изнуряет свою плоть, твердит молитвы и жертвует на храм, чтобы пройти в Рассветные врата? Ничем. Тот же, кто отдает жизнь благому делу или малым сим, не только не думая о воздаянии, но и не веря в него, служит Любви и Милосердию, а значит, Создателю. Он и войдет первым в Рассвет. И очень удивится...

— Вы в самом деле так думаете?

— Иногда, но оставим это, иначе я никогда не исполню просьбу вашего Никола. Признаться, до ваших слов о красной звезде я колебался. Как и вы, я не считаю найденную цепь доказательством гибели ее хозяина, а брат мой во Ожидании просил передать вам свое признание, только если он умрет.

— Тогда я не хочу ничего слышать!

— Вы не правы. Именно сейчас вы, как ни в какое другое время, поймете, простите и забудете. Когда — заметьте, я говорю «когда», а не «если», ваш генерал вернется, между вами не будет стены.

— Ее нет...

— Для вас. Карваль бьется об нее с осени. Если б не это и не Адрианова исповедь, он вряд ли перешел бы в эсператизм.

— «Адрианова исповедь»? Что это?

— Я вам потом расскажу, если вы не поймете сами. Никола Карваль был отличным офицером, но его сперва перевели из Торки в Тронко, а потом вышвырнули вон. Он лгал, когда говорил, что не нюхал пороха.

— И что с того?

— Вы слушайте. Капитан Карваль решил добиваться справедливости. Доберись он хоть до Алвы, хоть до Манрика, Талиг имел бы сейчас отличного полковника, но Ги Ариго дал бывшему подчиненному письмо к кансильеру. Карваль понял, что его выбрали в помощь Анри-Гийому, много позже. Штанцлер повернул дело так, что, получив место капитана Эпинэ, бывший офицер почувствовал себя обязанным.

— Старая сволочь! Я о...

— О Штанцлере. К счастью для Талига, он был более труслив, нежели честолюбив, но забудьте о нем. Карваль увяз в заговоре, втянув в него и брата. Ваш дед был более смел и упрям, нежели умен, но капитану из ординаров старый герцог казался великим. Мекчеи удалось с помощью Талига оторвать Алат от Уэрты, Анри-Гийом решил сделать то же, но опираясь на Гайифу. Уразуметь, что алаты с агарийцами несовместимы, а талигойцы несовместимы с гайифцами, герцог Эпинэ не мог. Восстание усиленно готовили, и его главой ваш дед видел вас, и только вас.

— Я знаю.

— Только не то, что вам предстояло очень быстро умереть. Этого старый герцог не знал. Штанцлер объяснил Карвалю, что внук Анри-Гийома ни на что не годен и при первом же появлении королевских войск бросится к Савиньякам, примирения с которыми хочет его мать. Довести дело до победного конца предстояло Карвалю, вам же отводилась роль мученика

и жертвы. Ваша смерть на чужбине от руки убийцы послужила бы сигналом, и вас собирались убить, когда у Талига возникнут сложности еще и с Каданой, но Анри-Гийом почувствовал, что умирает, и пожелал проститься с единственным внуком. Нарушить последнюю волю в самом деле обожаемого человека Карваль не смог. Он не только пошел против Штанцлера, но и рискнул любимым братом, хоть и не верил в ваше возвращение; тем не менее вы вернулись.

Заговорщики растерялись, и тут им невольно помогли Мараны, донесшие на вас властям. Мало того, ваша тетка, обоснованно не доверяя Райнштайнеру, подбила вас на побег и послала следом убийц. Карвалю оставалось позволить им сделать свое дело, перерезать драгун, повесить Маранов, разгромить Сэ и предъявить сподвижникам ваш труп. Последнее не удалось.

— Я поехал не той дорогой...

— Почему?

— Смешно сказать, но мне стало страшно въезжать в рощу.

— Я бы не сказал, что это смешно. Восстание началось, вы его возглавили и оказались очень неплохи, но Карваля это не устраивало.

— Если Никола мне не верил, он был прав. Я хотел увести повстанцев в Ургот и сдаться Алве.

— Примите мои поздравления, это был единственный выход, однако Карваль вас не подозревал. Он просто хотел стать первым и попытался им стать, но ваша лошадь очень кстати споткнулась...

— Шуэз!

— Карваль. В вас стрелял ваш тогда еще капитан, решивший свалить убийство на человека, пытавшегося прекратить мятеж. Вот этих-то своих выстрелов генерал Карваль и не может себе простить.

— Когда... Когда он раздумал... меня...

— Как ни странно, когда помогал вам скрыть убийство, совершенное вашим сюзереном. Карваль жалеет лишь о том, что не прикончил еще и самого Ракана.

Кровь и мозги на полу, досадливо-виноватый взгляд Альдо, спокойное до отрешенности лицо Никола и решение. Единственно возможное. Отвратительное. Неизбежное.

— Я почти не вспоминаю ту ночь, ваше высокопреосвященство, но, когда все кончится, она мне будет сниться. Люди, которые мне поверили: старик, мальчишка... Потом мы пытались не дать убить другого паренька, это было уже в Олларии, и я отступился. Я боялся, что меня заподозрят и мне не удастся... сдать город Савиньяку.

— А ведь вы мне сейчас исповедуетесь, — мягко заметил Левий. — Святой Адриан, к слову сказать, отпустил бы вам все ваши грехи. Солдаты долго верили, что Адриан перед боем слышит их разговоры, читает в душах и дарует прощение, а мальчик у оврага вам не приснится. Он жив, здоров и сейчас в Лэ, но Карваль пощадил его отнюдь не из жалости: нашему другу хотелось понять, что происходит...

— Жив?!

— Да, и я намерен его расспросить. Юность невинна далеко не всегда. Убитый Альдо гоган взял с собой тех, кого почитал надежными, в том числе и сына своей сестры. Так вы поняли, что Карваль пытался убить вас и убил Шуэза?

— Да...

— Это последнее, в чем генерал себя винит. Насколько я понимаю, он узнал, что на Колодезной пожары, и отправился туда вместо вас, желая сжечь свою вину. Умирать он не собирался, но на всякий случай доверил мне свой секрет. Кажется, вас ищут...

Но искали не Робера, а Левия. Мэтр Боннэ прислал сказать, что беженцы беспокоятся. Нет, не из-за погони, они верят Проэмперадору, а из-за близости развалин, про которые говорят очень нехорошо. Кое-кто хочет уйти, стража не пускает, и унять недовольных не получается.

— Хорошо, я приду, — пообещал Левий. — Порой страхи хранят лучше рвов и стен, но успокоить людей надо, а вам надо остаться одному. Если вы не боитесь «дурного места», конечно.

— Я посмотрю, не исчезла ли цепь из ары...

— Откуда?

— Из чаши, — не стал вдаваться в подробности Робер. — Ваше высокопреосвященство, возьмите Готти.

— Не нужно. — Кардинал тронул голубя; знакомый жест словно бы указывал на иную, высшую защиту.

— Готти, — упрямо велел Иноходец, — охраняй его высокопреосвященство. Понял?

Пес смотрел с сомнением; кажется, он был не согласен, но Проэмперадор не для того приказывает, чтобы с ним спорили.

— Готти, — Эпинэ слегка повысил голос, — паси кардинала. Паси и охраняй.

Когда человек с собакой скрылись, Робер наклонился над бьющейся, будто сердце, звездой, коснулся воды, а затем опустился на колени, вытянув руки и прикрыв глаза, как некогда в доме достославного Жаймиоля. Он ничего не ждал и сам не понимал, что творит, но ночь внезапно налилась горячим золотом, пахнуло дымом, а потом тишину разорвал стук копыт.

Глава 8

ГРАНИЦА ГАУНАУ И БЕРГМАРК ТАЛИГ. АДРИАНОВА ОБИТЕЛЬ И ОКРЕСТНОСТИ

400 год К. С. 15-й день Летних Молний

1

Спина от долгого сидения над картой теперь уже Южной Марагоны затекла, и Лионель, убрав бумаги, прошелся по устилавшим полы шкурам — сторожившие Рассветную Гриву гаунау баловались охотой, главным образом волчьей. Вечер давно стал ночью, а ночь в свою очередь собиралась стать утром, но маршал так и не лег. Хозяев он не опасался, спать мешала раз за разом мелькавшая, но все еще не ухваченная за жабры мысль, к тому же Савиньяк ожидал срочного отъезда гаунау. Будучи королем время от времени вежливым, Хайнрих не может не попрощаться; агма он будить не станет — все сказано и даже подписано, а вот варвара-талигойца...

Повелителя медведей Ли собирался проводить, и желательно с пойманной мыслью, ибо та была связана с Фридрихом, не дождавшимся от благодарного Талига ордена Полезного Дерьма. Надеяться, что преемник незадачливого регента будет столь же полезен, было бы опрометчиво.

Про герцога Марге-унд-Бингауэра Савиньяк расспрашивал дядюшку Гектора, когда вживался в перья покойного принца. Экстерриор полагал главного советчика Фридриха эйнрехтской разновидностью Штанцлера, с той разницей, что дражайший кансилльер видимой выгоды из своих художеств не извлекал, Марге же... Правнук, хоть и по женской линии, Ульбриха Хмурого и родной племянник Алисы тащил на престол «Неистового» осла, дабы потом возить на нем свою воду. На военные таланты Фридриха этот союз не влиял, и эйнрехтский интриган Лионеля занимал постольку-поскольку, однако лишних знаний не бывает. В отличие от любовных интрижек... С Фридой вышло не то чтобы глупо — не ко времени, но кто же знал, что дочь Рудольфа захочет большего, а сам Рудольф окажется Сильвестром наоборот. Кардинал напоследок принялся ломать то, что всю жизнь строил, а регент трясется над обломками, хотя регентом старика лучше не называть даже про себя. Хватит.

Савиньяк провел ладонью по лицу и распахнул окно. Рассветная Грива, по крайней мере по эту сторону комендантского дома, спала, но ставший «медведем» «олень» уже натянул сапоги и ожидал завтрака, подбирая слова для «случайного» разговора, очень может быть важнейшего из всех, что слышали здешние сосны. Гаунау и Талиг спина к спине против непонятно чего... Чушь кошачья!

Еще год назад «фрошеры» были в числе главных врагов, еще год назад все шло — нет, не хорошо, логично. Армии воевали, политики интриговали, обычные люди жили и очень не хотели умирать. Ли, теперь уже Ли, поморщился, вспоминая перекошенные, уже почти не человеческие морды, и вернулся в Эйнрехт к Фридриху и Марге.

После смерти кесаря принц повел себя на удивление здраво, но в душе спесивец несомненно кипел. От необходимости идти на поводу у союзников. От интриг тетки Элизы и военных успехов старого Бруно. От необходимости заигрывать с чернью, годящейся лишь на то, чтобы платить налоги и поставлять армии солдат, а веселым господам — смазливых девок. Регент ярился, но терпел, пока в один странный день его не прорвало.

«Неистовый» выказал редкую даже по своим меркам глупость, Марге родича поправил, как поправлял десятки раз, а тот взорвался. Для начала — политически, но многолетние союзы полетели к кошкам. Гудрун, само собой, осталась верна своему кумиру, а остальные?

Дриксенские высшие сановники и генералы попадали в замок Печальных Лебедей не чаще, чем талигойские — в Багерлее. Случалось, неудачников жалели, подчас весьма громко, а то и пытались выручить, вытащил же Рокэ Бонифация, но штурмовать дворец?! Обиталище кесарей, хоть и не было полноценной крепостью, легкой добычей никак не являлось, к тому же в нем не могло не быть известных лишь избранным убежищ и тайных выходов. Либо регента с принцессой схватили свои, либо парочка решила... остаться. Вопреки здравому смыслу, вопреки Ор-Гаролис и Альте-Вюнцель, откуда Фридрих удирал, как нахлыстанный. Пусть за подкреплениями, самого бегства это не отменяет. Зато интриган Марге...

Присвоить древний титул — это надо суметь! Альдо и тот при всех своих туниках и гимнетах назвался королем, а не анаксом, а в Эйнрехте тронулись умом не только регент с новоявленным «вождем всех варитов», но и горожане. Обыватели то лезли под пули дворцовой стражи, то били соседей, и это в городе куда более благополучном, чем пережившая зиму с Та-Раканом Оллария! Две столицы двух воюющих держав... Два непонятных кошмара.

Учтивый стук в дверь застал полностью одетого маршала возле окна. Узнав, что Хайнрих получил срочное донесение и выезжает немедленно, но желает проститься, Лионель усмехнулся и взялся за плащ. Разумеется, алый, хотя ночью алого от бурого не отличишь.

— Если его величество не возражает, я присоединюсь к кортежу.

Небо на востоке еще и не думало розоветь, однако караулы — талигойские, бергерские, гаунасские, были начеку. Обрадованный Грато бережно прислонился лбом к хозяйскому плечу, зато коновод при виде начальства спросонья едва не осенил себя знаком. Савиньяк махнул рукой и взялся за седло сам — после «Гаунасской охоты» маршал мог позволить себе и

не такие вольности, а возня со сбруей ему всегда помогала думать. Затягивая подпругу, он нашел то, что искал вторую ночь, а найдя, подосадовал на собственную недогадливость.

2

— Монсеньор? — прозвучало сквозь рычанье грома, и башня, до которой было уже совсем близко, исчезла. — Поднимать наших или как?

— Что?! Что такое?

Робер открыл глаза. Он так и сидел возле «чаши», глядя снизу вверх на держащего факел Дювье. Один сапог у сержанта был прожжен, память о Колодезной, надо думать...

— Вы велели, — с явным сожалением напомнил южанин, — чтоб за полчаса до общего подъема.

Эпинэ глянул в дверной провал и увидел слабый намек на рассвет. Значит, он скакал к застрявшему в черных зубцах солнцу всю ночь и при этом умудрился выспаться.

— Собери офицеров на галерее. — Прожженные сапоги можно сменить, а спекшийся золотой ком отдать Левию, закопать, оставить в этих руинах, в конце концов! — Я сейчас подойду.

— А позавтракать? — Дювье изо всех сил пытался заменить сразу Никола и Жильбера. — Ведь целый же день в рот ничего не возьмете.

— Завтрак туда же. На всех.

Небесный Фульгат давно скрылся за горизонтом, но красная звезда на дне чаши мерцала упрямо и тревожно. Глупейшим образом оглянувшись, не видит ли кто, Эпинэ пошарил по дну и не нашел ни ройи, ни хотя бы жабы. Если Никола не вернется, его цепь упокоится здесь, но это если не вернется. Робер провел мокрой ладонью по лбу и щекам, от одного постамента к другому обошел непонятный храм и выбрался из руин. Светила подросшая луна, горели костры, у которых кто-то не спал. Проэмперадор махнул рукой, привставшие было вояки послушно сели, и тут сбоку треснул мушкетный выстрел, а потом еще один.

— Тревога! — зло подтвердили из темноты. — Идут!

Развалины всегда готовы подсунуть под ноги не камень, так яму, но позабывшему про всякую осторожность Иноходцу удалось взлететь по громоздящимся друг на друга глыбам, даже не споткнувшись.

Некое подобие террасы, образовавшейся после обрушения части стен и крыши северного крыла, Эпинэ облюбовал еще вчера. Удобно, довольно безопасно, если совсем уж в полный рост из-за обломков не высовываться, и, самое важное — неплохо просматривается луг, откуда следовало ждать основного удара. Видимо, раньше это было галереей, опоясывавшей главное здание где-то на уровне второго этажа. Ну за какими кошками Слава, уходя, засыпала рвы и снесла укрепления?!

— Что тут у вас? Барсинцы?

— Монсеньор, — затараторил поднявший тревогу часовой, — точно они там были! На опушке, а сейчас затаились, гады!

— Где именно? — Ага, это парни из городской стражи, капрал вроде бы даже в Торке повоевал. — И сколько?

Когда все идет вразнос, такая в общем-то обычная вещь, как толковые часовые, вызывает умиление. Вот ведь молодцы, не проспали! То ли услышали, то ли смогли что-то углядеть в едва начавшем светлеть сумраке, но сейчас темный, усеянный еще более темными пятнами кустов луг казался пустынным. Капрал, однако, не сомневался:

— Вон там! От чащи лезли, кустами прикрывались... Было б мало, может, и не заметил бы, а как повалили кучей — пусть и ночь, а видно, у меня глаз наметанный.

— Экие умники нашлись, затемно... — Робер вгляделся в зубчатый лесной гребень, кажется, справа и впрямь что-то блеснуло. — Хорошие у тебя глаза, приятель!

— Так Торка ж, — смутился стражник. — Насобачился... Монсеньор, а когда подмоги-то ждать?

— К вечеру. — Или завтра, или никогда, потому что перерезанным нужны только могильщики, ну, может, клирик еще. Тем, кто верует... А внизу уже вовсю шумят: команды офицеров, ругань, стук и лязг расхватываемого оружия, топот десятков, а вот уже и сотен ног. Хорошо, беженцев устроили в низине за развалинами; когда в военную суету вливаются люди мирные, прибавляются не просто крики и плач. Безнадежность прибавляется.

— Доброе утро, Монсеньор...

— Кажется, кому-то не спится...

— Где они?

— Разрешите доложить...

Блор спокоен, Балинт злобно весел, Гедлер и Грейндж просто злы, Агили, как и подобает церковнику, сдержан, Дювье озабочен, но барсинцами или тем, что «Монсеньор» вконец оголодает?

— Доброе утро, господа. Я думал предложить вам завтрак, но, похоже, драться придется натощак. Часовые заметили на опушке людей, и вряд ли это дровосеки.

— Это дрова, — хмыкнул алат. — А дроворубами снова быть нам.

У леса, будто в ответ, взвыл барсинский рожок, за ним еще один, и на луг выползла темная туча. Капрал из Торки не ошибся — такое даже предрассветный сумрак не скроет.

— Решили больше не прятаться, поняли, что врасплох не застанут, — буркнул Робер и повернулся к своим офицерам: — Еще чуть-чуть посветлеет, и жди атаки. Что ж, будем драться. Здесь им не Оллария, так что помощь если и подойдет, то к нам.

— «Если»? — переспросил Гедлер.

— Сегодня — «если», — объяснил подоспевший кагет. — Завтра будет «когда»...

— Давайте прикинем еще раз, — прервал скользкий разговор Иноходец. — С двух сторон у нас луга, с третьей — остатки садов, сами по себе густые, да еще и кустарником заросли́, пробираться через них то еще занятие... Ну а с четвертой — лес. Оттуда ждать штурмовых колонн не стоит, через чащу, да еще с густым подлеском, даже этим сумасшедшим не пробиться. А вот на то, чтобы послать несколько банд в обход, чтобы в разгар боя ударить по беженцам, у них мозгов хватит.

3

Хайнрих внимательно, очень внимательно смотрел на Савиньяка. Первые солнечные лучи уже играли с ледниками Рассветной Гривы и подбирались к вершинам Ветровой, а ниже, в

долине, клубился лиловатый утренний туман. Рождался день, и могло бы быть очень радостно.

— Я готов к любой пакости, — подбодрил собеседника гаунау, — и я предпочитаю знать, как есть, а череп у меня крепкий. Выдержит.

— Возможно, я мешаю тюрегвизе с вином и пивом, — полуулыбнулся Лионель, — но мне кажется, это делаю не я, но Излом. Вы знаете, что видели в Нохе я и госпожа Арамона. Если это — бред, бред и моя догадка, но я считаю, что три, если не четыре, города поражены, скажу по-морисски, скверной. Наши глаза ее не видят, но госпожа Арамона той же крови, что и ее дочь-выходец.

Как вы помните, я видел в Нохе солдат-церковников, за ее стенами — бой, а дальше дома, как пустые, так и те, в которых еще оставались люди. Госпожа Арамона видела свою дочь-выходца, похожую на мед зелень и поднявшегося из непонятного колодца голого человека, с которым схватилась ее дочь. При этом и госпожа Арамона, и я, пусть и по-разному, видели драку «висельников» с горожанами, которые, судя по всему, вели себя, как эйнрехтцы.

Госпожа Арамона успела заметить, что голый одерживает верх, после чего едва не умерла сама. Не представляю, что ее спасло, — солнце, текущая вода, костяное дерево, моя кровь или что-то еще...

— О «чем-то еще» будем думать, когда другого не останется. Забыл в прошлый раз спросить, с чего ты вздумал пустить себе кровь?

— У меня не было времени на сомнения, а лекарь ничего не понимал. Я вспомнил, что Придды, как и Савиньяки, вправе приносить клятвы на крови. Прошлой зимой Придд своей кровью остановил выходца, явившегося за жертвой. Если госпожу Арамона убивала ее мертвая дочь, моя кровь могла помочь. Я попробовал.

— И у тебя вышло. Я бы не догадался, хотя этот способ применяли и в моем роду.

— Я не мог позволить госпоже Арамона умереть, она мне нужна. Потом, как вы помните, я «вернулся» в Ноху, но к тому времени дравшиеся с горожанами «висельники» погибли. Тогда я, к своему стыду, ничего не понял, но сегодня на конюшне

мне на глаза попались старые подковы, и я вспомнил клятву «висельников».

— Я знаю, чем клянется ваше отребье, — обрадовал Хайнрих. — Наше присягает голому волку... Подонки любят выхваляться даже больше, чем себя жалеть.

— Потому-то меня и удивило, что «висельники» защищали эсператистское аббатство, как свои шкуры, только клятва клятве рознь. Эсператисты клянутся Создателем, дворянство — честью, но за этими клятвами нет ничего, кроме совести поклявшегося.

— Есть места, которые слышат и помнят, есть море, лед и камень, есть вернувшиеся, наконец.

— Вы — варит. В Золотых землях было что-то еще. Не знаю, сколько правды в старых преданиях, но древние клятвы давались не просто так. Что, если те, кому присягали, знали, как стребовать свое? Госпожа Арамона видела на голове своей дочери корону, очень похожую на венец Раканов. Другие выходцы попасть в Олларию не могли, только эта девочка.

— Королева холода. Про нее я тоже слышал, но не подумал. Глупо.

— Я о ней ничего не знаю.

— Королевой холода у нас пугают мальчиков, слишком резвых, чтобы вовремя засыпать. Днем она собирает людской яд, а ночами заглядывает в окна и забирает тех, кто ей приглянулся. Она танцует у ложных маяков, и те начинают мерцать. Нельзя верить свету, если он дрожит и кривляется. Нельзя уйти от королевы холода, если она выбрала. Я очень боялся.

— Нас с братом кормилица пугала мармалюкой... Ваше величество, а что, если разбойники, клянясь слепой подковой, сами того не зная, отдают себя королеве холода? Тогда они не могли не явиться на ее зов. Сперва госпожа натравила их на рвущихся в Ноху горожан, потом с кем-то сцепилась, сил не хватало, она сожрала своих подданных и потянулась за кровной родней, начав с матери. Не вмешайся я, она продержалась бы чуть дольше, но без какого-то не явившегося короля исход был предопределен.

— Похоже на правду, но что нам с того?

— Если б я не понял Фридриха, я б его не разбил. Теперь я хочу понять Эйнрехт и Олларию. Трус становится храбрецом,

либо когда его загоняют в угол, либо будучи уверен в своей безнаказанности. Госпожа Арамона видела зелень уже прошлым летом. Жители Олларии, тогда еще благополучные, позабыв страх, убивали соседей и громили склады. Потом они опомнились и вели себя как протрезвевшие пьяницы, натворившие во хмелю дел.

— Я еще не видел пьяного, — осчастливил наблюдением собеседник, — из которого лезло бы чужое дерьмо. Только свое.

— Я тоже, потому и считаю, что скверна дает мерзавцу уверенность в том, что с ним ничего не случится, а раз так, дозволено все. *Ему* дозволено. Те, кто попроще, грабят и насилуют. Те, кто вожделел не серебряных ложек и соседской жены, а перевязей, орденов, титулов, начинают переть напролом, при этом заводя тех, кто послабей и сам не знает, чего хочет. В Олларии я не заметил вожаков, в Эйнрехте таковые нашлись. Герцог Марге, надо думать, лет тридцать грезил о троне, но решался лишь подсаживать Фридриха. В надежде, что с помощью принца удастся потеснить «братьев кесаря».

То, что у него уже есть, Марге ценил и боялся потерять, но в мечтах он себя не ограничивал, продумывая ходы, подбирал союзников, сочинял манифесты. Ему не хватало шанса и смелости, первый выпал случайно, второй он хлебнул вместе с Эйнрехтом, и готово — вождь всех варитов.

Ваш Торстен и наш Франциск оседлали свои времена без зеленого «меда», им достало собственной воли и готовности бросить на весы все. Трезвый герцог Марге никогда б на подобное не замахнулся, ему хватило бы должности канцлера при Фридрихе с Гудрун, но он пьян, как и верхушка гвардии. Если они обыграют герцогиню Штарквинд и Бруно, Талиг получит страшного врага. Что до Гаунау...

— Дриксу не стать верховным вождем *всех* варитов, пока мы с агмами и марагами этого не признаем, а мы не признаем. Мне не нравится то, что ты надумал, только мне не нравятся и мои годы, и мое брюхо, но они есть. И то, что ты говоришь, тоже есть. Я напишу герцогине Штарквинд, а мой гонец с письмом к Бруно догонит тебя еще до темноты, но Кэналлийскому Ворону пора лететь на север.

— Он всегда решал сам, — соврал не словами, но голосом Лионель. — Мориски искали скверну в Агарисе, теперь они

ищут ее в Паоне. Если шады не ошиблись, юг уже полыхает. Пока я вижу четыре чумы: Агарис, Паона, Кабитэла-Оллария, Эйнрехт, или Энара, как называли ее в гальтарские времена... Есть города и подревнее, но сейчас они захирели, а Фельп и Хексберг заметно младше.

— Липпе не больше семисот. Это важно?

— У меня из головы не идет один разговор. Дело было в доме одного знатока редкостей; мы тогда смеялись над холтийским обычаем каждое царствование переносить столицу и менять ее название. Холтийцы бесстрашны и ненасытны, но они шарахаются от большой воды, а ведь разнести Нухут им ничего не стоит.

— Чтобы наши потомки от чего-то шарахались, они должны родиться и выжить. Раз Алва остается на юге, север спросит с тебя. Ты едешь к Ноймаринену, но Хербсте глубока... Вот мой совет: если не можешь продлить жизнь лошади, пристрели ее перед переправой, иначе она пойдет ко дну вместе со всей поклажей.

— Грато переплывет любую реку, — заверил Лионель, и мориск, услышав свое имя, обернулся. — Ведь переплывешь?

— Мне нравится твой конь, — усмехнулся Хайнрих, — но я бы своим задом его уморил. Как и когда скверна попала в Эйнрехт?

— У меня нет ответа.

Туман уползал вниз, в долины. Вокруг пестрели горные луга, где доцветало все, что могло. Торка намекала на то, что лучше жить, чем умирать, люди не понимали.

— Ты так и не сказал, как попал в Олларию. Сам не знаешь или не хочешь говорить?

Как? Так же, как госпожа Арамона... Дочь звала мать, а мать — сына. Поняла, к чему идет, и позвала, а он как-то услышал. Хайнрих ждал ответа, и Лионель ответил:

— Как, я не знаю, а вот почему... В Олларии была моя мать. Не представляю, что с ней сейчас, но стараюсь надеяться. — Перехватить поудобней поводья и улыбнуться: ты носишь алое, у тебя светлые волосы и черные глаза, так изволь соответствовать. — В последнее время нашему семейству не слишком везет. Мой младший брат пропал на Мельниковом лугу.

Он был адъютантом у генерала Ариго. Последний раз его видели перед бурей.

Зачем он это сказал? И кому? Не поделиться ни с союзником, ни со свитой и брякнуть вражескому королю! Эмиль бы такого не понял, а уж дядюшка Гектор...

— Вот ведь... — вздохнул Хайнрих. — Выпало же нам времечко, и ладно бы только нам! Я попрошу варитских богов за твою мать и за твоего брата. Большего сделать не могу, мог бы — сделал.

Потомственный враг в расстегнутом на необъятном пивном брюхе кафтане хмуро смотрел на Ли, и от этого взгляда пока еще не Первому маршалу Талига отчего-то делалось легче.

4

Завалить обломками, да и то лишь до половины, за ночь удалось лишь те «ворота», к которым выходила дорога, но к услугам атакующих с луга было аж три здоровенных дыры. Их как могли загромоздили опрокинутыми возами и точно так же обошлись с брешью в «садовой» стене, а вот не слишком широкий пролом, глядящий в лес, остался почти не перекрытым. Так, накидали и натаскали камней, вышла стенка по грудь взрослому человеку. Казалось невероятным, что некогда эти руины устояли перед целой армией, но Иноходец ждал здесь боя почти спокойно, и это не было спокойствием обреченного. На скорый подход кэналлийцев Эпинэ надеялся не слишком, но умирать не собирался, напротив, это утро... предвещало победу.

— Я понял, — поделился Робер своим открытием с Балинтом, — как мои предки выбирали девиз.

— Забрались утром на башню, поглядели на врагов и поняли, что ублюдкам конец?

— Да, — Эпинэ с удивлением глянул на алата, — но как ты...

— Каждый судит по себе. Мне хочется петь и драться, но петь больше. Ну сколько можно сидеть и ждать, то есть, прости, внушать подчиненным уверенность своим видом?!

— Не заводись, — весело посоветовал Иноходец. — Не торчать же нам с мушкетами у пролома. Защитников там и без нас

хватает, да и Блора дергать незачем, человек только-только отмылся от... Люра.

— Повезло вам, — позавидовал Карои, — хотел бы я хоть одним глазком глянуть на пресловутую «перевязь». Как хочешь, а это был удар Балинта Мекчеи! Приятно, что помнят.

Медленно раздваивающийся мерзавец, красно-солнечная, свершающая жуткий круг полоса... А ведь это тоже было, и не так уж давно!

— Монсеньор, — заорали с чудом не обвалившейся колокольни, — с тыла заходят! Десятка три... На лагерь нацелились!

— Агили, вычистить.

И как слово сорвалось! Но объяснять не понадобилось, церковник только кивнул и умчался, придерживая шпагу.

— Сейчас и у нас начнется. — Эпинэ глянул на грязно-белый от каких-то растений луг. — Вы уж потерпите, пока не втянутся, чтоб перестроиться не успели.

— Да разве я против? — Балинт не удержался, погладил саблю. — Кажется, я готов благодарить Альберта за то, что он меня выставил из Алата. У нас разве что с кабанами повоюешь.

— Я бы предпочел кабанов, — не согласился Робер и понял, что врет, что не променяет этот бой ни на какую охоту и ни на какой праздник. — Балинт, они не должны уйти!

— А как же иначе? — удивился алат. — Вы их только ухватите, а дальше уж наше с Гедлером дело.

— Монсеньор! Монсеньор!

На хозяине дайт, обычно столь же дружелюбном и веселом, сколь и его питомицы, не было лица.

— Монсеньор... Кардинал... сильно ранен... Зовет... Вас зовет!

— Балинт, присмотри здесь! Дювье, со мной!

Вроде бы алат кивнул, оглядываться было некогда, растерянные, полные ужаса глаза вестника молили, торопили, гнали в обход словно бы в сотню раз разросшихся развалин, как в насмешку залитых веселым утренним солнцем. Парень мчался рядом, на бегу пытаясь объяснить, что стряслось. С вечера несколько человек хотели уйти, пугались «дурного места», родня их удерживала, потом пришел Левий, объяснил, что ничего греховного в руинах нет, напротив, на них лежит благодать. Вроде успокоились, а утром — опять! Зачинщики, трое их, да-

ром что всегда тихие были, как с цепи сорвались, начали орать, что хватит удирать и вообще в Олларии умным людям сейчас самое то. Одного из крикунов принялась унимать жена, он ее ударил, сбил с ног. Урода скрутили, а заодно и его приятелей, побежали за Левием, тот был неподалеку. Кардинал успокоил женщин, повернулся уходить, и тут Тома, старший внук Лысого Клода, швырнул камень. Попал и сам попался...

— Пес-то... Прыгнул на плечи, повалил, и всё... Костей не соберешь!

Дослушать Робер не успел, щербатая, оседланная кустами стена наконец-то закончилась, и они выскочили на когда-то замощенную квадратными плитами площадь. Парень тыкал рукой, порываясь объяснить, но Эпинэ уже и сам видел понурые сомкнутые спины. Люди сбились в круг у поваленного обелиска, они на что-то смотрели, перед глазами Иноходца мелькали рыжие кудри, траурный чепец, облезлый берет. Скулили привязанные дайты, дальше, у стены, гремели выстрелы — церковники били по барсинцам.

— Дорогу!..

— Проэмперадор...

— Наконец-то!

— Создатель, что же это? Что?!

— Сюда, сюда!!!

Расступаются, кто-то шмыгает носом, кто-то бормочет, кто-то дышит, как загнанный конь. Дальше, у белого обломка, тот самый Лысый Клод и четверо парнишек. Одни, они теперь долго будут одни.

— Где Левий? Где?!

— Там!

Это значит — за обломками. Обойти бы, но это опять время, опять отчаянье пополам с надеждой, лучше уж сразу. Прыжок на камень, прыжок вниз. Теперь люди стоят лицами, опустив головы. Все, кроме двоих лежащих... Неловко изогнувшегося, будто сломанного мальчишки и седого, очень маленького человека. Левия. Рядом скулит Готти, скулит — не воет! Значит, еще не все!

Два шага, три каменных плиты. Бледное, даже серое лицо, посиневшие губы — и улыбка! Лэйе Астрапэ, улыбка!

— Вспоминайте... иногда... наши разговоры... Повелитель... Молний...

Жозина, Катари, Жильбер, Никола, а теперь и Левий!

— Нет! Ваше высокопреосвященство, я...

Голубые, все понимающие глаза, еще живые, уже обреченные, в уголке рта розоватая пена. Ну не может удар по голове такое вызвать, да и удар-то был не особо силен...

— Скажите графине Савиньяк... Астрологии все же... надо доверять... в таких вот... ординарных случаях...

Волосы надо лбом кардинала белые, легкие, крови на них не видно, ее не видно нигде, так почему?! Брат Анджело уехал с Октавием, но есть же в лагере врачи, хотя... ничего тут уже не сделаешь.

— Ваше высокопреосвященство, спасибо вам! Спасибо, что вы были с нами, с сестрой... Без вас мы...

— Смотрите... Альбина... вернулась...

Бред? Нет, кошка. Трехцветная, худая, остромордая. Вылезла откуда-то, уселась на обломке, смотрит, будто ждет. Солнце светит, стрельба становится громче, ветер носит пороховую гарь, но Левий умирает не от пули.

— Альби...

Рука кардинала, красивая, с длинными пальцами, вздрагивает, двигается, будто гладя кошку, замирает. Всё! Здесь всё.

Что-то тычется в руку. Окровавленная собачья морда, плачущие, виноватые глаза. Не уберегли... Ни ты, ни пес, ни Создатель — звезды, будь они неладны, оказались сильнее.

— Монсеньор, дозвольте! — Старуха. Плачет, а в руках — алый цветок, с того кустика, что она тащила от самой Олларии. — Дозвольте вложить...

Робер не ответил, просто посторонился. Белое и алое, седины и орденский голубь, кровь и лепестки. Это не пожар и не война, это злоба, помноженная на судьбу.

— Раньше... — У мэтра Боннэ трясутся губы. — Монсеньор, раньше... Это всегда решал его высокопреосвященство, что я...

— Дювье!

— Да, Монсеньор?

— Теперь за беженцев отвечаешь ты. — Солнце, полный горя и бессильной ярости собачий вой, мушкетная трескотня. Твое место на галерее, Проэмперадор. — Готти, идем!

Глава 9

ТАЛИГ. АДРИАНОВА ОБИТЕЛЬ И ОКРЕСТНОСТИ

400 год К. С. 15-й день Летних Молний

1

Мориска была пегой, собственно, за это Марсель ее и выбрал. Должен же он был хоть как-то дать понять если не Алве, так Зое, что они повели себя отвратительно. Булыжники ползли себе по Надорам и ползли, пока бы они еще доползли до чего-то нужного, Рокэ шестнадцать раз успел бы выставить морисков, ощипать «гусей» и унять Олларию, так ведь нет! Свалился в дыру, а расхлебывать молодоженам, старику с больной спиной и Эпинэ, которому вообще-то надо выспаться и жениться... Валме похлопал кобылу по скорее белой, чем гнедой, шее и привстал в стременах, озирая окрестности. Три кэналлийских полка выходили на позиции, и в недалеком будущем впереди светили скачка и рубка, к коим Марсель не испытывал ни малейшей тяги. В отличие от некоторых.

— Я не понимаю, — завел свое Мевен, — почему Дэвида... то есть графа Рокслея, оставили на заставе и почему я не могу участвовать в бою.

— Потому что оба вы сомнительны, — охотно объяснил Валме, — но ты несколько меньше, ибо мой однокорытник. И вообще должен тебе заметить, что никаких упоений в боях, безднах и тем более лодках нет.

— Можно подумать, — взвился Мевен, — я не знаю, что такое война!

— Можно, — подтвердил Марсель. — Если бы знал, не рвался бы в драку. Уверяю тебя, после кэналлийцев дело тут найдется разве что ызаргам, но их у Кольца не водится. Зато, говорят, когда-то в Старой Барсине росли удивительные огурцы. Не то чтобы я верил...

— Ты дождешься, что я тебя вызову!

— До конца нынешних безобразий дуэли под запретом, — напомнил виконт, — на этом сошлись не только все регенты, сколько бы их ни было, но и покойный анакс в разноцветных...

— Рэй Валме, рэй Эчеверрия зовет.

— *Сейчас прибуду*, — по-кэналлийски откликнулся Марсель, — *сохраняйте мне этого рэя, ибо он готов бежать в сражение.*

— Да, рэй. — Обычно кэналлийцы изъясняющегося на их языке Марселя понимали, но ржали при этом, как лошади, однако передавший приглашение кавалерист даже не улыбнулся. Кэналлийцы прекратили улыбаться еще до того, как отряд, миновав знакомый обелиск, свернул к Старой Барсине. Никакого заката не было и в помине, но полторы тысячи всадников словно бы тащили его с собой. Вместе с очень голодными закатными тварями. Валме и сам не рад был, но в согласном конском топоте упорно проступала если не ночь, готовая расколоться, ай-яй-яй, струнным звоном, то сама струна, которая должна, видите ли, звучать. Кое-кто щипнул пару раз и изволил провалиться, а ты звени, звени, звени...

— Вечно, — пробормотал сквозь зубы виконт, посылая пегую к сгрудившимся у обочины офицерам. — Чтоб оно звенело вечно.

Валме оказался последним, а может, Эчеверрия решил больше никого не ждать.

— Все будет очень просто. — Переходить на талиг ради одного талигойца рэй счел излишним. — Нужен один решительный, в полную силу удар. Смять, окружить, рассечь на части и вбить в землю. Чтобы не успели опомниться и собраться. Дальше, за малыми руинами, брошенный город; если уйдут туда, достать будет трудно. Лагартос, мне нужны пленные. По паре горожан, солдат и офицеров. Не больше. Остальные не нужны никому, и их остаться не должно. Начинает первый полк, затем — второй, третий отрезает бегущих от брошенного города. Я остаюсь на тракте. При мне два эскадрона. Строимся за рощей на краю поля. Рэй Валме!

— Да, рэй Эчеверрия.

— Будете со мной.

Ну вот и славно, в бой можно не лезть. Никаких тебе сломанных шей и шальных пуль, а кэналлийцы не подведут... Только офицеру для особых поручений при особе Рокэ торчать в тылу, хоть бы и с наместником Алвасете, как-то неприлично.

— Вы в атаке участия не принимаете? — Вновь пускать в ход свой кэналлийский Марсель не рискнул. — Если нет, прошу разрешения вас покинуть. Понимаете, у меня там собака, и я не уверен, что Эпинэ за ней должным образом ухаживает.

— Львиная собака, я знаю. — Удивленным рэй не казался. — Запрещать вам я не могу. Вы — это вы. Отправляйтесь во второй полк. Эномбрэдастрапе.

2

Атака действительно началась, но Робер не чувствовал даже ненависти. Глупое и почти радостное ожидание боя Адрианова обитель выпила вместе с кровью Левия, и война вновь стала необходимостью выдержать, не отдать на растерзание семь тысяч человек, хотя и среди них нашелся... Нашлись...

— Балинт, что тут у вас?

— То же, что вчера. Блору пора, нам пока рано. Умер?

— Да, — не стал вдаваться в подробности Эпинэ.

— А убийца?

— Тоже.

Готти, словно поняв, виновато заскулил. А чем он виноват и что бы сделали с псом, загрызи он мальчишку прежде, чем тот швырнул роковой камень? Что ты сам делал с солдатами, стрелявшими в горожан, уже ставших убийцами, но еще не начавшими убивать? И чего не сделал с барсинским отребьем, хотя следовало? Когда толпа с кольями и топорами прет на баррикаду, все ясно; когда человек, один, пока еще один, бежит по улице, поди разбери, жертва он или мародер!

— Монсеньор, от Блора. Подходят.

— Вижу.

Как и прежде, «бесноватые» наступали с пугающей решительностью, не обращая внимания на стрельбу со стен и собственные потери. Шли, подбадривая себя то ли криком, то ли воем, останавливались, чтобы выпалить по врагу, и снова шли. Не бегом, конечно, по такому лугу особо не побегаешь, но и не черепашьим шагом. И вновь возглавляли атаку не солдаты, как было бы в любой пристойной армии, — нет, первыми валили мародеры из горожан.

Нестройные, кое-как сбитые ряды неотвратимо приближались. Пули стали чаще посвистывать над террасой, а то и выбивать каменную крошку из многострадальных стен, но и из атакующих шеренг начали выпадать разномастные фигурки, словно проваливаясь в густой бурьян. Чем ближе к цели, тем точней стрельба, но добрых горожан это не пугало и не останавливало. Еще сотня шагов, и доберутся до проломов, начнется рукопашная, пойдут потери... Непозволительные потери.

— Живо к Блору! — Робер ухватил за плечо парнишку из беженцев, вызвавшегося, как и еще несколько ребят, быть посыльным. — Пороха не жалеть!

— Ага, монсьор!

— На сегодня пороха всяко хватит, — поддержал Карои, — а на завтра... Надо, чтоб не хватило барсинцев.

Распоряжавшийся у ворот Блор тоже понял, что врага лучше останавливать сейчас и с расстояния. Его люди начали бить чаще — помощники, заряжавшие мушкеты, трудились в поте лица. Дыма становилось все больше, белесые клубы заволакивали стрелков, грозя скоро скрыть происходящее на стене, но луг просматривался отлично, и там творилось нечто странное. Чем ближе подходили атакующие, тем медленней делался их шаг, а воинственные выкрики — тише и реже.

— Странно, — удивился и Карои, — сейчас им как раз нужен натиск, рывок. Пусть этого не понимают горожане, но уж офицеры-то должны сообразить.

— Может, обход затевают?

— Значит, — Карои протянул руку, — мне пора!

— Удачи! Приглядите там за «Лесным» проломом.

— Приглядим. — Витязь улыбнулся и внезапно сделал задумчивое лицо. — Как думаешь, кто теперь больше барсинцы, они или мы?

Робер зачем-то оглянулся. При свете дня бывшая резиденция ордена Славы выглядела беспомощной и жалкой, но предать ее было столь же невозможно, как и сгрудившихся за руинами людей.

— Мы, — твердо сказал Иноходец.

— Вот и я так думаю. Слава не отдала, и мы не отдадим. Живи!

— Живите!

Узнать бы, как оно было восемьсот с лишним лет назад, ведь остались же какие-то хроники! Левий должен знать... Лэйе Астрапэ, ничего-то кардинал больше никому не должен, так что не будет ни хроник, ни шадди, ни своевременных, подчас резких слов. Только то, что уже сказано. «*Жизнь — величайший дар и величайший долг. Это я и вам напоминаю, герцог. На всякий случай*». Что ж, долги приличные люди отдают. Сколько и пока могут.

— Монсьор, готово! Тоись все пердал. Полковник грит, понял!

— Молодец. Теперь давай к «Садовой», узнай, не идут ли еще и там.

Время шло, Блор не жалел пороха, наступающие скромничали, будто и не они вчера по собственным головам рвались на завалы. У «Садовой» стены никого не было, Балинт передал, что в лесу тихо, уставший страдать Готти улегся у ног Робера и зевнул. Робер зевать не мог, он уже почти хотел, чтобы взвыли рожки и начался решительный штурм, но мародерские вожаки всё медлили и медлили.

3

— Эномбрэдастрапэ!.. Эномбрэдасоберано!..

И что-то еще, что Марсель перевел как «Сме-е-е-ерть!».

Ну всё, теперь только вперед! Виконт торопливо, главным образом чтоб занять руки, проверил шпагу и пистолеты. Проверять подпругу было и некогда, и глупо, хотя внутренний трус вдохновенно расписывал сползающее на бок седло, жесткую землю и переломанные кости.

— А на абордаж не хочешь? — поддел «пророка» Марсель. — А на бастион? У нас все прекрасно, и подпруга тоже.

Вот пейзаж скучноват, это да. Ни тебе величавых гор вокруг, ни славного Мэгнуса под седлом, но пегая мориска и благородные руины — это тоже недурно. Конечно, никуда не скакать спокойней, но тогда придется завиваться, а потом пузо, подагра, астры... И вообще карте место!

— Рэй Валме. — Лагартос сдерживал пляшущего от возбуждения вороного, а сзади виднелись хмурые, будто и не кэнал-

лийцы, разведчики. — Рэй Эчеверрия сказал, мы опять идем вместе. Я рад.

— Я тоже, — торопливо заверил виконт, глядя в словно закаменевшее лицо. Лица... Как-то уж оно слишком! Тяжелая, безжалостная сосредоточенность, охватившая обычно легких и живых парней, настраивала на закатный лад. И еще эти лезущие в голову песни...

— Случается, — признался Марсель, — что я во время атаки кричу или пою. Вас это раздражать не будет?

— Ты зовешь тех, кто слышит. Так бывает.

Уточнить, кто именно его слышит, виконт не успел. Проорав свое «Сме-е-ерть!», кэналлийцы дальше действовали молча и быстро. Эчеверрия со зверским выражением на обычно невозмутимом лице махнул саблей, и передняя шеренга буквально с места бросила лошадей в галоп, обходя плохонькую рощу. За ней — вторая и третья.

До беспечно расположившихся на открытом месте «бесноватых» было рукой подать, так что силы коней не берегли. И слева, и справа, как догадывался Марсель, творилось то же самое.

— Пошли! — И эскадроны второго полка хлынули на луг, обходя вспыхнувшую схватку слева и пробиваясь к зарослям, из-за которых растрепанной седой шевелюрой расплывался пороховой дым. Любопытно, кто больше удивится, Эпинэ или «бесноватые»? У столичных красавчиков остался один выход — вломиться в руины, куда кавалерии ходу нет... Впрочем, кэналлийцы и спешиться могут.

Сам виконт мериться лихостью с лучшими алвасетскими рубаками не собирался и в первую линию никоим образом не рвался, а его туда никто не звал, но одно дело в мыслях о подпруге ждать атаки, и совсем другое — уже мчаться вперед. Пегая летела роскошным галопом, впереди палили и дымили, рядом несся Лагартос, но его вороной отставал. Немного, но чтобы преисполниться ликованья, хватило. Марсель, чувствуя, как у него отрастают крылья, выхватил шпагу и завопил:

— Ребята, бей! Энобрэдасоберано! Вечно!..

— Монсеньор! Монсеньор! — На террасу карабкался, рискуя грохнуться, парнишка-посыльный. Этот вроде был приставлен к алатам. — Велено передать... Ох, простите — в лесу... видели «бесноватых»... сюда идут! Мно-го! Алаты у завала караулят, как те станут перелезать, вломят. Сказали, чтобы вы не беспокоились, они всех там порубят. Поклялись этим... Мячиком! Он у них...

— Он у них вроде Франциска. — Что барсинцы пошли в обход, не удивительно, только почему сейчас? Не рано ли? — Где церковники стоят, знаешь?

— Кажись, там, за углом.

— Верно. Передай им то же, что и мне. Пусть готовятся помочь алатам, как договаривались.

Выдохнув «да, монсеньор!», парень рванул вниз, рискуя свалиться с заменявших лестницу обломков. Робер рявкнул вслед, чтоб поберегся: калека приказа не передаст. Куда там! Когда в голове лишь бы быстрей добежать, под ноги не глядят, особенно если тебе пятнадцать, а ведь убийце Левия было не больше...

Неуместная в бою боль царапнула трехцветной кошачьей лапкой; пытаясь взять себя в руки, Робер с ненавистью уставился на кишащий мародерами луг. Штурм так и не начался, и это тревожило сильней оголтелой нерассуждающей злобы, когда двуногие белоглазые твари прут вперед, и остановить их может разве что пожар. Иноходец хорошо, слишком хорошо помнил исход из города и вчерашнюю стычку, чтобы верить собственным глазам, но и не верить тоже не мог. Оставалось предположить худшее — «бесноватые» обзавелись командиром, у которого не отшибло мозги, отсюда и представление в бурьяне. Дело мародеров — не лезть на стены, а отвлекать защитников, вынуждая их впустую тратить драгоценный порох, но тогда почему идущие в обход не дождались, когда все силы обороняющихся стянутся к «Луговой» стороне?

Торчать на галерее, давясь собственными сомнениями, становилось невмоготу. Сознавая, что он, мягко говоря, неправ, Робер наскоро объяснил посыльным, где его искать, свистнул Готти и помчался к Блору. Поднявшийся ветерок слегка

разогнал пороховой дым и пригнал взамен тучу грязно-белого травяного пуха. Разумеется, летучая дрянь попала в глаз, пришлось останавливаться и вытаскивать. Утирая слезы, Эпинэ не сразу заметил, что стало тише, а потом по ушам саданул вопль:

— Отступают, твари такие! Не выдержали!!!

Робер бросился к «воротам» достойными Готти прыжками. «Бесноватые» были уже на середине луга, и они почти походили на людей, то есть на толпу горожан, которых непонятно зачем занесло в какой-то бурьян. Никакого строя не было и в помине, но оружие бывшие мастера и торговцы не бросали и бежать не порывались. Выманивают? Нет, тогда именно что бежали бы.

— И вроде бы совсем близко подошли, — устало удивлялись вокруг, — и на тебе, не вперед, а назад!

— Порох кончился?

— Они и без пороха обходились... Забыл, с чего началось?

— Но ведь отступают! Отступают же!

— Что-то слишком уж хорошо, — пробормотал себе под нос изрядно закопченный Блор, разглядывая пятящийся к опушке строй. — Слишком...

— Вот именно, — согласился Робер. За хорошим в последнее время всегда шло скверное, но непоправимая подлость сегодня уже была, так, может, обойдется? — Посыльный!..

Алаты, конечно, рубаки лихие, но лучше сразу помочь. И быстрее управятся, и дешевле обойдется.

— Монсеньор...

— Передай церковникам, пусть как могут быстро идут к «Лесной». Раз отсюда больше не лезут, резервы пока не нужны. На обратном пути заскочи к мэтру Боннэ. Пусть займется ранеными и подкормит людей.

— Вы не думаете, что это конец? — уточнил Блор. — Эти твари сами на себя не похожи.

— Конец будет, когда подойдут кэналлийцы. — Робер отмахнулся от очередного пухового облачка. — А что полезут, то полезут, вопрос — когда. Хорошо бы Карои с Агили успели управиться.

— Р-ряв!

Уже минут пять как нюхавший ветер Готти странно и коротко взлаял и, подскочив, дунул вдоль стены, прежде чем Ро-

бер успел ухватить беглеца за ошейник. А потом стало не до пса: сзади, у «Лесной», дико заорали, и тут же залязгало, загремело, горохом раскатились хлопки выстрелов. Руины, будто огромная слуховая раковина, доносили причудливо искаженные звуки. Разобрать в них что-либо было невозможно, но звериное ожесточение вспыхнувшей схватки они передавали в полной мере.

5

— Вечно! — вопил Марсель, вышибая чьи-то перебродившие мозги. — Чтоб струна звенела вечно!

Таранить на полном скаку строй вражеской пехоты виконту не довелось и на сей раз: строя у «бесноватых» никакого не было, но без дела никто не остался. Непонятные голодранцы оружия не бросали и отбиваться пытались до последнего. Порой это было весело, чаще — не очень.

Какой-то толстяк с голым торсом едва не подрубил тесаком ноги лошади виконта. Самую малость не успел и рухнул с рассеченной физиономией.

Дезертир с мушкетом... Этого сзади по шее рубанул подоспевший кэналлиец. Которому тут же чуть не проткнул спину пикой кто-то мелкий и быстрый, в мундире судейского. Здесь уже пришлось поспешить Марселю. Пуля судейских не любила, а может, наоборот. Перелетев через свеженький трупик, виконт догнал Лагартоса, нарвавшегося на кучку окрысившихся пехотинцев. Валме едва не проскочил мимо, но по ушам саданула омерзительная брань, и чья-то лапа потянулась к поводьям, вот только боевые мориски такого не любят, даже дамы. Пегая, зло заржав, вильнула в сторону и отбила задом. Марсель тоже не сплоховал, достав клинком очередную скотину. Подоспел с десяток кэналлийцев, стало мило, но тесно, Лагартос что-то крикнул, и половина прибывших кинулась искать новую добычу. Марсель задержался. Ненадолго и без особого удовольствия, но кто начал, тому и заканчивать.

Оставив позади с дюжину покойников, помчались дальше, туда, где сквозь заросли виднелись серые стены. Ай-яй-яй, знакомые стены... На пути воздвигся верзила с алебардой. Это он здорово придумал — в одиночку на отряд кавалеристов...

Лагартос сверкнул саблей, из обрубка шеи рванул красный фонтан.

— Вечно, чтобы мразь рубили вечно!

Заросли приближались. Люди Эчеверрии, вогнав в землю ближайших «бесноватых», не ослабляли натиска. Все было бы отлично, если б не взлетавший с какой-то травы гнусный пух. Пришлось выбирать дорогу, враги были повсюду, а пухоносцы — нет. Марсель дернул повод, огибая поганые заросли и, увы, даруя тем самым жизнь тощему мародеру, и тут откуда-то выкатилось нечто светлое и стремительное. Понеслось рядом, сбило с ног и подмяло под себя плечистого детину; его приятеля-мушкетера уложил Марсель. Быстро уложил, но когда обернулся, серое, ставшее слегка красным, «доедало» уже второго.

— Ты быстрее! — честно признал Марсель и с ужасом понял, что у него нет пряников.

6

Помощь пришла, и он свободен. Лэйе Астрапэ, свободен! Даже если его сейчас убьют, караван *уже* цел, а барсинской сволочи — конец. Вот только его не убьют! Не сегодня! Не под этим солнцем и не у этих стен!

— Монсеньор...

— Оставьте! Все хорошо... Скажите людям, что теперь все будет хорошо!

Застоявшийся Дракко стрелой вылетел из пролома и понесся по лугу, перескакивая через трупы, сразу оставив позади не только Мэтра Жанно, но и кагетских жеребцов. Алаты ушли вперед, но бой продолжался, и место Робера было там. Золотой полумориск летел наметом, возвращая недавний сон, только наяву гром заменяли выстрелы, а коронованную солнцем башню — схватка, ставшая с подходом кэналлийцев честной. Потому что загонявшие беженцев падальщики наконец-то нарвались...

Алатские сабли хлебнули чумной крови от души, теперь мертвецы валялись друг на друге, но полумориск не сбавлял; до черных с алым всадников оставалось корпусов десять, пять, три... Они с Дракко ворвались в схватку, опрокинув вопящего

барсинца, рожу которого перекосил предсмертный ужас. Что?! Понял? Поздно, тварь!

Снова дезертир, потом — бросивший мушкет мародер. Жеребец летит через невысокий, высунувшийся на луг куст, и... Враги как-то внезапно кончаются.

— Там они! — Алат в азарте кричит на родном языке, но Робер понимает. — Справа!

Немаленьких размеров островок какого-то высокого, выше человеческого роста, кустарника, но ветки не столь густы, чтобы не разглядеть мелькнувшее коричневое пятно. Прячемся, голубчики? Не поможет!

Пистолет оказывается в руке, рядом свое оружие вскидывают подоспевший Дювье и пяток алатов. Нестройный залп, пули прошивают невезучие кущи, кружатся сбитые листики, и следом — крик боли, а потом удаляющийся треск.

— Уходят!

— Ну нет!..

— В обход!

Кони срываются с места, потревоженный бурьян сыплет пухом, откуда-то выныривают кагеты и парни Гедлера, мелькает пыльная зелень...

Они не успели. Новые вопли, выстрелы и ржанье по ту сторону зарослей возвестили, что два клина — алатский и кэналлийский, сошлись именно здесь.

— Все, Монсеньор. — Дювье, верный неизменный Дювье стряхнул со шпаги кровь. — Конец ублюдкам.

— Здесь конец. — Робер скользнул взглядом по трупам и понял, что ненавидит барсинскую гнусь даже мертвой. — Посмотрим, что за кустами.

Там драться тоже было не с кем. Ветер гонял все тот же пух, засыпая неподвижные, разбросанные тут и там груды. С десяток кэналлийцев выискивали недобитых, одного нашли. Раздался выстрел.

Откуда-то вынырнул облепленный репьями Готти, подскочил к Роберу, радостно, по-щенячьи, подпрыгнул, гавкнул и помчался назад. Значит, он удирал к хозяину и, похоже, нашел! Остается объяснить кэналлийцам, что герцог Эпинэ хочет видеть виконта Валме. С чего начать разговор, Иноходец не очень представлял, но кэналлийцы, не рассчитывая на свой

талиг, выпустили вперед адуана на пегой мориске. Вот и отлично! Эпинэ, убрав наконец шпагу в ножны, двинулся навстречу, но первым оказался улыбающийся, будто на дворцовом приеме, казарон.

— Мой дорогой друг, — проворковал он, раскрывая объятия, — как же вы исхудали!

— Увы, любезный господин ло-Ваухсар, все так зыбко! — Адуан изящно отстранился. — Возвращение в лоно изначального отечества мало кого полнит, но вы, вы! Как вы отважились сменить куафера? Ваша новая прическа меняет вас до неузнаваемости, но, согласен, она молодит!

Валме! Вот этот адуан со стянутыми на затылке волосами — Валме?! Щеголь, трус, картежник, бездельник... Наследник старого крокодила, офицер для особых поручений при Вороне. Лэйе Астрапэ, да знает ли его по-настоящему хоть кто-нибудь?!

— ...я имел счастье не столь давно беседовать с казаром Баатой и его неповторимой сестрой. Вы не поверите, она нашла между мной и вами некоторое сходство.

— О, неужели? — встрепенулся кагет. — Ее высочество мне льстит!

— Позвольте с вами не согласиться. — Валме снял с рукава приставшую пушинку. — Ее высочество льстит *мне*...

Окровавленные туалеты обоих дипломатов и тела под копытами казаронского жеребца и кобылы виконта придавали беседе особую пикантность, но Робер был не в состоянии наслаждаться ситуацией. Шум схватки откатывался все дальше, а они стояли и болтали.

— Лошади уже отдохнули, — бросил Иноходец. — Нужно возвращаться в бой.

— Зачем? — удивился Валме. — В непосредственной близости убивать больше некого, а разбежавшихся отловят и без нас. Эпинэ, у вас, случайно, нет при себе печенья? Понимаете, я как-то не подумал о Котике. Вы знали его как Готти, это дипломатическое имя...

— Печенья?!

— Наша общая знакомая говорила, что вы носите печенье для своей крысы.

— Клемент ушел... С сородичами.

— Значит, он больше Креденьи или Рафиано, чем Эпинэ. Поверьте, так лучше для всех, и в первую очередь для самого Клемента, ему не придется оспаривать первенство у левретки.

— Виконт, если вы не хотите...

— Не хочу и вам не дам. Успокойтесь и подумайте о чем-нибудь приятном. О погоде, об отдыхе, о вашей даме...

Было уже совсем тихо, а сбитый пух летал и летал. И еще лез в нос; наверное, поэтому в нем и защекотало.

— Мы дошли, — сказал Робер такому незнакомому Вальме. — Вы понимаете?! Мы дошли!

Часть четвертая

ТУЗ ПОСОХОВ

●

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

«ТУЗ ПОСОХОВ»[1]

Нужно уметь становиться грубее, сохраняя в себе свою нежность.

Эрнесто Гевара Линч де ла Серна

Глава 1

ТАЛИГ. ЮЖНАЯ МАРАГОНА КОЛЬЦО ЭРНАНИ

400 год К. С. 18-й день Летних Молний

1

Дороги сплетались, как змеи, пожирая то друг друга, то самих себя, дороги были длинны и полны тревоги, но сегодня тревога истаяла. Люди из Марагоны сказали, что путь свободен, — враги остановились, и поэтому ожидался праздник.

— Нет, — поправила названная Юлианой и улыбнулась. — Нет, Мелхен, праздник будет потому, что надо поблагодарить лето и встретить осень. Еще не твою, но в будущем году ты наденешь браслет, уж об этом мы с Куртом позаботимся.

---

[1] **«Туз Посохов»** — младший аркан Таро. Символизирует новую идею, переход на новый уровень понимания или положения, толчок, творческую мысль, везение, возвышение, славу. **П. К.** — означает отсутствие новых идей, неприятие нового, узколобость, неадекватное восприятие действительности, заблуждения, потерю смысла и цели.

Мэллит опустила глаза; спорить с роскошной она не могла и не хотела. Слишком много пришлось бы объяснять той, что исполнена простоты и счастья, будто лучшая груша — сока. День за днем гоганни четыре раза по четыре выслушивала, как нареченная Юлианой впервые увидела того, кого называла Куртом и кто был ее луной и солнцем, водой и хлебом, ароматным цветком и сладким плодом. Жена воина и мать многих детей, она желала такой же судьбы и Мэллит, не понимая, что значит ступить на облако и упасть в грязь. Небо роскошной было истинным, небо недостойной — отражением тропы Кабиоховой в зловонной луже.

Да, нашлись те, кто протянул упавшей руку, девушка помнила каждого и молилась за всех. Юлиана объяснила, что талигойцев с бергерами защищают Создатель и очень много святых, они добры, но не любят недомолвок и обилия слов. Трясясь в повозке, засыпая на постоялых дворах, вступая на доски паромов, гоганни упорно твердила про себя имена своих защитников и спасителей. Это было очень трудно — просто перечислять, но так решил Создатель. Мэллит представила его себе, сильного и быстрого, с глазами из голубого льда и неподвижным лицом. Создатель походил на того, кого называли бароном Райнштайнером, хотя имя его было Ойген, а звание — генерал.

Гоганни помнила, как Райнштайнер обрывал непонятливых, и говорила с похожим на него богом по правилам. Она просила защитить принцессу Матильду, герцога Эпинэ, сержанта Дювье, генерала Карваля, полковника Придда, вице-адмирала Вальдеса, капитана Джильди, баронессу Вейзель и генерала Вейзеля, ничего про них не объясняя. Детей Кабиоховых недостойная тоже просила, стала просить после встречи с тем, кто при жизни звался Енниолем. Отринь бывшую Залогом ее кровь, разве нашли бы ее, освобожденную первородным?

Достославный из достославных и юноша в странном платье знали, что грядет беда, и хотели, чтобы ее отвели, но ничего не могли. Они потеряли тень и сами стали тенями, а тень не помнят, не слышат, не понимают.

Будь Мэллит счастлива и любима, она бы ночами спала, целуя во сне свою любовь, но боль чутка, как лисица, она ус-

лышала зов. Достославный из достославных говорил, девушка пыталась его понять, но кто поймет туман и кто его удержит? Девушка старалась запомнить, чтобы передать мудрым, но до них было так далеко! Роскошная не понимала, но обещала, что ее Курт найдет ответ; она везла Мэллит к нему, но им мешала война.

У города, чье имя было слишком длинным, чтобы его повторить, солдаты с усталыми глазами сказали, что дальше ехать нельзя. Юлиана заговорила с офицером как жена генерала Вейзеля и получила в спутники сержанта, высокого и желтоволосого, с круглым розовым лицом. Их повезли вдоль реки, чьи берега поросли высокими, подобными свечам цветами. Мэллит любовалась сотканными летом коврами, но радость была хрупка, словно стекло, а новости, что настигали путников, крушили, подобно молотам.

— Это ужасно, — сказала роскошная, выслушав старика в кирасе и с шарфом того же цвета, что и свечи-цветы. — Это ужасно и невозможно, но дриксов пустили в Марагону! Курт, должно быть, вне себя, я даже представить не могу, что он скажет маршалу, но, дорогая моя, нам придется повернуть.

— К морю? — испугалась Мэллит. — Я не могу... Я поклялась рассказать...

— В Хексберг прекрасный воздух, но даже он будет отдавать дриксами! — Лицо баронессы Вейзель стало грозным. — Можешь не сомневаться, я спрошу Курта, как такое могло произойти. Маршал стар и нездоров, но куда смотрит регент?! Мы не для того брали Гельбе, чтобы «гуси» плескались в Хербсте! Что ж, едем через Нойвид.

И они ехали, а дриксы оказывались всюду, обрывая дорогу за дорогой, как в дурном сне. Нареченная Юлианой была полна гнева и тревоги, а Мэллит... Мэллит каждую ночь ждала достославного или его молодого спутника, но к ней никто не приходил.

Девушка смотрела то на луну, то во тьму и не знала, есть ли еще у столицы талигойцев месяц, неделя, день... Гоганни не обременяла спутницу жалобами и вопросами — та и так стремилась к цели, забывая о своем чреве. Однажды это едва не обернулось бедой. Роскошная пролежала шесть дней, и Мэллит сидела рядом, чувствуя, как утекает время. Если б девушка

могла отыскать дорогу сама, она бы сбежала к тем, кому задолжала больше, чем отцу и отцу отца, но леса Марагоны были слишком похожи, а люди в малиновых поясах — несговорчивы. Суровые, они чтили генерала Вейзеля и потому слушали роскошную.

Мэллит смирилась, а утром сержант узнал, что была большая битва и большая буря. Рассказавшие об этом ополченцы шли во Франциск-Вельде.

— Не в Гюнне? — удивилась роскошная, но Гюнне был взят, и нареченная Юлианой заплакала. Она любила этот город. В Гюнне на общие праздники съезжались бергеры и мараги, малиновый цвет мешался с бирюзовым, девушки дарили воинам венки и получали от них браслеты.

— Там пекли пирожки с черникой. — Баронесса Вейзель громко всхлипнула. — Теперь нашу чернику собирают дриксы... Чтоб им гадюк насобирать! Ты хоть раз ела чернику?

— Нет... Наверное, нет.

— Наверное?! Это лучшая ягода в мире! Правда, не для тех, у кого излишне крепкий желудок... Ты должна научиться печь пирожки с черникой, без этого хорошего дома не выйдет. Жена печет пирожки, муж жарит мясо, остальное можно доверить слугам. Мясо тоже можно, если мужчина занят, как бывает занят Курт, но хозяйка, не способная замесить тесто, — это немыслимо!

— Я умею жарить кур, — зачем-то сказала гоганни, — и запекать рыбу.

— Бедная девочка. — Голос роскошной дрогнул. — Конечно, я научу тебя всему, но я не понимаю твоей матери! С чем ты жаришь кур?

— Нужно одиннадцать и четыре травы, — покорно начала Мэллит. — Как сутки вмещают в себя ночь и день, так запах курицы вмещает в себя соблазн и отвращение. Одиннадцать трав... поднимают? Подвышают? Делают больше?

— Усиливают...

— Да! Усиливают соблазн, три убивают отвращение...

— Курт не выносит куриного бульона из-за запаха. Что это за травы?

— Я не знаю, как их назвать на языке роскошной...

— Что? Не поняла. Что за «роскошная»?

— Я... Мы говорим о людях, как будто их тут нет... Не по имени, а как видим...

— Значит, я для тебя «роскошная»? — Нареченная Юлианой прижала Мэллит к себе. — Курту понравится. Очень понравится! Ты не можешь назвать твои травы, но если ты их увидишь, ты их, надеюсь, узнаешь?

2

Папенька, когда Марсель виделся с ним последний раз, немало рассуждал о том, что делать с эсператистским кардиналом. Большинство идей было не лишено фамильного изящества, но все они подразумевали кардинала живого, а Марселю достался мертвый.

Против покойников как таковых виконт ничего не имел, но похорон, будучи человеком жизнерадостным, терпеть не мог. Обычно от уплаты последнего долга удавалось увильнуть, но сейчас положение было безнадежным. Убитый «бесноватым» Левий лежал на офицерском плаще средь древних колонн и не воскресал ни как человек, ни хотя бы как Зоя. Исцелившие Рокэ развалины на кардинала не действовали, а его смерть порождала кучу сложностей, которую следовало немедленно разгрести, причем, как с тоской убедился Валме, не кому-нибудь, а ему.

Рэй Эчеверрия наотрез отказался вмешиваться в отвратительное для любого кэналлийца дело; Эпинэ вбил себе в голову, что Левия нужно похоронить в Адриановой обители, при этом достойный «Прымпердор» толком не знал, может ли считаться эсператистом он сам. Бурраз таковым являлся, но после боя на кагета накатила дипломатичность, и он объявил, что не уполномочен вмешиваться в дела церкви. Карои рассказал об алатском обычае сжигать тела погибших на чужбине и привозить на родину прах; оживившийся Эчеверрия согласился, что обычай правильный, но объявил его кэналлийским и морисским. Уцелевшие офицеры-церковники собственного мнения на сей счет не имели, зато усиленно намекали, что готовы служить Талигу на тех же условиях, что Создателю.

Кто-то вспомнил, что состоящий при Октавии врач — монах, и за ним срочно погнали двоих адуанов. Увы, брат Анджe-

ло, во-первых, не знал всех положенных при отпевании молитв, а во-вторых, опасался оставлять занемогшего животиком принца. Мало того, святой отец сослался на волю покойного, полагавшего, что спасать живых важней, чем возиться с мертвыми. Валтазар, который мог дать хоть какой-то совет, не проявлялся больше недели, и Марсель уже начинал волноваться, взывать же к далекому папеньке было крайне нежелательно из-за жары и неизбежной отповеди, оставалось решать самому. Валме вздохнул, свистнул Котика и после завтрака отправился навестить покойного.

Если не считать часовых-кэналлийцев и кошек, Старая Барсина была пуста. Марсель прошелся вдоль остатков внешней стены, взобрался на террасу, полюбовался на истоптанный луг и обреченно полез в руины, где обнаружил зевающую кошку и скорбящего Эпинэ. Поза и выражение лица последнего давали фору лучшим кладбищенским скульптурам, и виконт понял, что сейчас у него заболят зубы. Скорбь следовало прекратить, по возможности тактично, и Марсель тихонько прищелкнул пальцами. Не забывший адуанской науки Котик гавкнул, кошка взлетела на ближайший постамент, истукан в мундире вздрогнул и обернулся.

— А... Это вы.

— Мы, — кивнул Валме. — Надо поговорить, заодно и с его высокопреосвященством попрощаюсь. Странная развязка...

— Странная? — Лицо Эпинэ стало удивленным, не утратив при этом скорбности.

— Редкий кардинал умирает вовремя. — Марсель подхватил вставшего герцога под руку и повлек к выходу. — Левий ушел раньше, чем нужно, но насколько я понимаю, он мало в чем уподоблялся собратьям. Не серчайте, многие клирики живут непозволительно долго.

— У вас дело? Какое? — «Прымпердор» очень старался не злиться. — Вы его почти не знали, и вы, к вашему счастью, еще не теряли тех...

Начинается! Сейчас будет пятиться по жизни от Левия к Ренквахе и скорбеть над каждым гробом. Иноходец? Рак! Да еще печального образа, а ведь после боя улыбался. Марсель вызывающе погладил вновь обретенного Котика.

— Папенька не советует терять то, о чем придется жалеть, и жалеть о том, что уже потеряно. — К дыре бы тебя, страдалец, и песню в уши! Про струну... — Вы в самом деле думаете хоронить здесь?

— Он бы этого хотел. Тут должен быть затопленный храм, это...

— Я знаю, что это такое, но мы вряд ли его отыщем. Орденские тайны не для чужаков, а призраки здесь не водятся, так что спрашивать некого.

— Простите? — Эпинэ прикрыл ладонями глаза, и в душе у виконта этот жест немедленно отозвался струнным звоном. — Я что-то плохо соображаю...

— Заметно, — подтвердил очевидное Марсель. — Да будет вам известно, что нашим своевременным появлением вы во многом обязаны Валтазару. Это он прежде всех гонцов донес мне о столичных безобразиях, и мы успели собрать силы, ну а познакомились мы с покойным святым отцом, когда я искал проходы в Ноху. Призраки при должном обращении весьма полезны, вот только здесь их нет, значит, мы ничего не найдем. Хоронить придется либо здесь, либо во дворе. Долбить пол бессмысленно и некрасиво, закопать снаружи и уйти? Это не нравится даже мне.

— Вы правы.

— Я знаю. — Валме решительно повлек спутника на улицу, на пороге святилища виконта осенило. — Вроде бы ваш дед, вернувшись в эсператистское лоно, привел в соответствующий вид домовую церковь? Помнится, на него за это доносили, мой родитель еще объяснял Сабве, что умоленность — признак болезни, а не крамолы... Очень похоже, что ближе Старой Эпинэ места для эсператистского кардинала не найти, к тому же покойный начинал в Славе, а ее основал ваш родич. Да, гроб в ближайшей деревне я заказал, столяр обещал управиться за день. Конечно, будет не слишком роскошно...

— Какое это имеет значение! Довезти бы, а в Эпинэ все есть... было.

— Если было, то и есть. Папенька никогда не поставил бы управляющим древоточца, а Мараны слопать ваше наследство не успели, так что отправляйтесь-ка вы домой.

— Куда? — На лице Повелителя Молний было такое непонимание, что Валме чуть не прослезился.

— Вы забываете некоторые слова, — со вздохом объяснил виконт. — Домой — это значит туда, где вы можете жить, то бишь в Старую Эпинэ. Если послезавтра двинетесь, как раз успеете к Излому. В прошлом году у вас вышло не слишком удачно, но раз на раз не приходится.

— А беженцы? — Положительно, этот Проэмперадор о себе думать не умел. — Я за них отвечаю...

— Отвечали. Теперь это забота Проэмперадора Юга и регента. Мой родитель, скорее всего, пойдет вам навстречу, но для начала нужно понять, куда эти семь тысяч девать. Пока папенька не отпишет, беженцы останутся у Кольца на попечении рэя Эчеверрии. Вместе с Рокслеем, которому самое время заняться чем-то полезным. Мевена можете взять с собой, ну и принца, хотя про него папеньку спросить придется, никуда не денешься, этикет.

— Но объяснить людям, что их ждет, должен я.

— Если вам так хочется, — протянул виконт, устраиваясь на каком-то обломке. — Только это не повод стоять. Садитесь.

Герцог Эпинэ послушно пристроился рядом и почесал Котика за остатками ушей. Сейчас скажет что-то проникновенное.

— Поймите, Валме, — немедленно оправдал ожидания полуседой бедолага, — я вам очень благодарен, вы даже не представляете как, но мы с вами слишком разные люди...

— Естественно. — А вот сейчас ты у меня кое-кого вспомнишь и возлюбишь бытие земное! — Будь мы с вами одинаковы, у Марианны не было бы никакого резона бросать меня ради вас. Кстати!.. Откуплю-ка я у Коко одну из гальтарских урн, лучше всего из красной яшмы, с львиными мордами, он ее вывез, я видел. Если вы послушаетесь Карои и похороните его высокопреосвященство на алатско-кэналлийско-морисский манер, она вам пригодится. И почему бы вам не пригласить алатов? Похороны похоронами, но жизни это не отменяет. Графиня Савиньяк писала моему родителю, что кардинал говорил нечто похожее.

— Да, — подтвердил Робер Эпинэ, — говорил.

3

Ополченцы обедали в харчевне с носатой птицей на вывеске. Птица была в малиновой шляпе и черном мундире и казалась веселой.

— Это капитан Дятел. — Названная Юлианой улыбнулась. — Он большой проказник и всегда побеждает генерала Гуся, потому что тот дурак.

— Это сказка? — спросила Мэллит, вспоминая ловкого поваренка Хорька и трактирщика Барсука, глупого и злого.

— Сказка, но дурак не должен быть генералом... Я еще посмотрю в глаза тем, кто проспал Гюнне, а теперь обедать!

Их усадили на почетное место возле увитой хмелем решетки. Отсюда было хорошо видно, как во дворе обедают ополченцы с малиновыми повязками. Их кормили даром. Такого закона не было, марагонские трактирщики это решили сами.

— Я — старший в семье и не могу бросить дело, — сказал толстяк в фартуке, — но я мараг. Если до нас дойдут дриксы, у меня не останется ничего, кроме фуры и семьи. Мы уйдем, чтобы нас не зарезали, все бросим и уйдем... Как я могу жалеть пиво и колбасу тем, кто за меня идет бить «гусей»?

— Бруно сюда не пустят, — отрезала роскошная. — Я — баронесса Вейзель и еду к своему мужу. Курт не позволит дриксам разгуливать по Марагоне, даже если кое-кто выстарился. Мелхен, не прячься... Хозяин, покажи ей травы, которые ты кладешь в мясо и птицу. Не сейчас, сперва мы покушаем. С чем у тебя суп?

Мэллит понравился суп с головками капусты, маленькими, точно каштан. В Агарисе такого не было, а ведь если эту капусту, отварив, протереть вместе с морковью и орехами и подать с соусом из сыра, который готовил отец отца... Девушка сказала об этом, удивившись своей несдержанности. Роскошная отложила ложку и улыбнулась.

— Мы попробуем, — пообещала она, — мы обязательно попробуем. Курту должно понравиться, он любит и капусту, и сыр...

Гоганни улыбнулась в ответ и поняла, что хочет встать к жаровне, но сказать об этом не успела. Розоволицый сержант

принес весть, что в деревню входит кавалерийский отряд и ведет его полковник Придд.

— Придд? — повторила Юлиана и посмотрела на Мэллит тем взглядом, от которого девушке всегда хотелось плакать. — Передайте ему, что здесь баронесса Вейзель и она желает с ним говорить.

Повелевающий Волнами явился быстро. Он похудел и стал смуглее, а волосы цвета зерен шадди выцвели. Мэллит отступила к стене, она не хотела быть на виду, она не знала, что говорить... Нет, знала! Первородный мог понять достославного из достославных, только роскошная... Она решит, что недостойная ищет встречи с нареченным Валентином, ведь он так красив.

— Госпожа баронесса, — первородный поднес руку Юлианы к губам, — счастлив засвидетельствовать вам свое почтение!

— Благодарю. Мелхен, ну что ты прячешься? Ты ведь знакома с полковником?

Повелевающий Волнами — полковник Придд, именно так нужно говорить. Полковник Придд, и ничего больше.

— Я рад видеть вас в добром здравии, сударыня.

— Господин полковник, мне нужно вам рассказать...

— Позже, Мелхен. Мы ищем моего мужа, вы не знаете, где он? Я не могу добраться до главной квартиры уже месяц, мы мечемся по Марагоне, как зайцы. Во что превратилась Западная армия! Это нечто невообразимое...

— Генерал от артиллерии Вейзель будет проводить инспекцию марагонского ополчения во Франциск-Вельде, проверка назначена на первый день Осенних Скал.

— Мелхен, слышишь? Спасибо, полковник, вы первый толковый офицер, который нам попался после Нойвида. Травами мы займемся во Франциск-Вельде, там их больше...

— Госпожа баронесса, я понимаю ваше желание как можно скорее увидеть супруга, но Франциск-Вельде по ряду причин переполнен. Большинство офицеров, и генерал Вейзель не исключение, ночуют в палатках за пределами города. Я могу ошибаться, но ваш супруг, если не сможет обеспечить вас должными удобствами, будет огорчен, к тому же он сейчас принимает собранные в Южной Марагоне пушки, это полностью поглощает его внимание. Не лучше ли отправить к гене-

ралу Вейзелю нарочного с письмом, уведомляющим о вашем прибытии?

— Пожалуй... — Баронесса Юлиана смотрела на полковника Придда с одобрением. — Для Курта превыше всего дело. Как по-вашему, когда он управится с пушками?

— Думаю, через несколько дней, которые, если вам будет угодно, вы можете провести в имении моих родных, это почти по дороге. Собственно говоря, я туда и направляюсь. Командующий Западной армией маршал Савиньяк среди всего прочего поручил мне передать графу Гирке новую перевязь.

— Савиньяк? Который из них?

— Прошу прощения, я имел в виду маршала Эмиля Савиньяка. Будучи старшим по званию, он принял командование у генерала Ариго.

— Молод, хотя его брат не старше... Если б Лионель Савиньяк сохранил трофейный осадный парк, его гаунасский поход был бы безупречен... Я еду с вами, но я должна написать Курту! Мелхен, девочка, — голос роскошной стал особенным, и Мэллит закусила губу, — займи полковника разговором. Вам ведь есть о чем поговорить?

— Безусловно, сударыня.

Роскошная отсутствовала больше часа. Она вернулась, когда Повелевающий Волнами посыпал песком письмо барону Райнштайнеру, и первые слова в том письме были: «Мой генерал, полагаю чрезвычайно срочным...»

Глава 2

ТАЛИГ. КОЛЬЦО ЭРНАНИ ЮЖНАЯ МАРАГОНА. АЛЬТ-ВЕЛЬДЕР

400 год К. С. 18-й день Летних Молний

1

У перекрестка с обелиском их ждали. Дородная женщина, которую Эпинэ, задумавшись, даже не заметил, с воплем «Милости!» бросилась на колени в дорожную пыль. Еще с десяток беженцев повалились рядом. Дракко вскинул голову и попя-

тился, происходящее ему не нравилось, Роберу тоже, но Проэмперадору пятиться некуда.

— Монсеньор! — выла толстуха. — Фернан! Мой Фернан... Что с ним будет?!

— И Гастон, Гастон Пти...

— Джеймс и Оливер... Они хорошие мальчики! Это все Гастон...

— Как бы не так! Да они...

— Монсеньор!

Родичи. Это родичи тех, кто затеял свару в лагере. Кричали одни, а камень бросил другой и уже получил свое, так что хватит!

— Милости, монсеньор...

— Поздно! — Валме выслал свою мориску, потеснив уступившего кобыле Дракко. — Виновные в гибели его высокопреосвященства похоронены ночью. Все, кто оказывает сопротивление законной власти, мародерствует и заступается за первых и вторых, подлежат немедленной казни. Такова воля регента Талига герцога Алвы. Второй Олларии здесь не будет, ступайте в лагерь. Энобрэдасоберано...

Распоряжения эскорту виконт отдал на кэналлийском, и Робер ничего не понял, но взгляд Валме он узнал: так однажды зимой смотрел граф Ченизу. Рядом клевал носом пьяненький Дикон, а подпоивший его завитой щеголь потягивал вино и о чем-то размышлял. Тогда Робер все списал на игру теней и свое настроение, теперь списывать не на что. А ты думал, Ворон возьмет к себе попугая?

— Зачем? — Беженцы за поворотом глотали поднятую копытами пыль, вопрос был бессмысленным и запоздалым. — Они никого не убили...

— Это неважно. — Виконт придержал лошадь, провожая взглядом уходящего галопом кэналлийца. — Важно, что они никого не убьют. Согласитесь, это успокаивает.

— Вас!

— Вы желаете страдать? — Светская улыбка на загорелом лице казалась издевательской. — Отлично, только, во имя Бакры, двурогого и милосердного, делайте это логично. Либо вам жаль Левия и Олларию, либо «бесноватых». Странно, что мне приходится говорить это *вам*. Не я, а вы с не самыми плохими

солдатами удирали от горожан с их сковородками и метлами. Вспомните ваши собственные вопли о помощи и то, скольких вы собственноручно отправили в Закат и в столице, и здесь, а теперь вас бьют корчи из-за четверых ызаргов. Несчастные, они еще не убивали, а только собирались... Будь я кардиналом, посоветовал бы вам стыдиться, но я всего лишь привел к вам на выручку не склонных к терзаниям кэналлийцев. В обход папеньки и Дорака, к слову сказать.

Да, привел, и тысячи полторы ублюдков больше никого не убьют, не ограбят, не изнасилуют, их не жаль, таких не жалеют, но рыдающая женщина на коленях и убийственно-безжалостное, будто брошенный сопляком Тома камень, «Поздно!»...

— Мне трудно с вами спорить, тем более что вы правы. Если б мы еще шли, если б мы были в меньшинстве, я отдал бы такой же приказ, но сейчас, когда наконец-то... — Слов не хватало, и Робер махнул рукой. — Как хотите, только несправедливо это!

— Я знавал одну справедливость, она взорвалась. — Когда Валме не улыбался, говорить с ним становилось проще. — Самое странное, что это в самом деле было на редкость справедливо.

— Я тоже видел... кое-что. — Неважно, что видел кто-то, важно, что помнишь ты. Адгемар с развороченной пулей головой и раздваивающийся Люра — это справедливо, летящий в толпу Айнсмеллер — нет! — Поймите, Валме, я не боюсь замарать рук. Закатные твари, да я по горло в крови, но одно дело я, а другое эти четверо... Ведь ушли же они с нами! Они сто раз могли напасть или вернуться в Олларию, но не сделали этого!

— Левия убили не в Олларии.

— Вы опять правы.

— Последнее время со мной это случается, — вернулся к своему обычному тону виконт. — Ваша четверка вылупилась позже других, только и всего. Увы, яйца некоторых гадов до безобразия похожи на людей, пока не лопнут — не отличишь, а потом становится поздно. Вы хотите быть справедливым? Отлично. Но когда безнаказанно пожирают кого и когда хотят — это не справедливость, а ызаржливость, в Олларии вы ее уже развели, но за юг отвечает папенька. Вы не забыли, что нам нужно успеть к ужину?

— Забыл...

— Я в вас и не сомневался. — Валме тронул шенкелем свою кобылу, вынуждая ее шагать быстрее. Робер успел оценить и аллюры мориски, и ее стать, но масть невольно вызывала оторопь. У всадника, не у коня, Дракко к новой знакомой относился более чем любезно.

— Валме, — не выдержал Иноходец, — почему вы выбрали эту лошадь?

— Она мне понравилась. Я, как вы заметили, теперь придерживаюсь адуанского стиля, кобыла простецкой масти с ним отлично сочетается, а в чем дело?

— Во мне.

— Не могу не согласиться. — Валме сощурился на склоняющееся к лесу солнце. — Если вы затянете с речью, барон будет переживать. Теперь мне кажется, что лучше было бы ограничиться кэналлийской кухней, но Коко настаивал, и я не смог ему отказать.

Да, мясо и соусы — это сейчас так важно! Родичи казненных еще не счистили с одежды пыль, в которую они бросались, надеясь вымолить прощенье для уже расстрелянных; семь тысяч человек ждут решения своей судьбы, а переживает барон!

— Что я им скажу? Что?! Сидите в лагере, никуда не отлучайтесь, а я поехал домой? Извините, Валме, что-то меня совсем развезло... Наверное, потому, что за юг, как вы совершенно правильно напомнили, отвечает ваш отец. Я у вас всего лишь гость, спасибо, что не арестант, вот и даю волю чувствам.

— Видимо, я вызываю у вас доверие, — предположил виконт и посоветовал: — Если не знаете, что говорить, попробуйте вспомнить Дидериха. Хотя бы вот это... *«Мы проделали трудный путь, друзья мои. Наши лица опалены беспощадным солнцем и овеяны горькими ветрами, наш путь отмечен могилами погибших братьев, но мы свершили невозможное. Теперь я могу не скрывать своих слез, друзья мои, теперь я могу признаться вам всем в любви...»*

— Закатные твари, ну и чушь!.. А ведь когда мы в Гайярэ это читали, меня не мутило! Я даже верил графине Ариго, что Дидерих прекрасен.

— Сделайте поправку на то, что светоч и гений никогда никого не спасал, а похоронил разве что отца, причем с удоволь-

ствием. Но он старался... Алва находит, что в старикашке есть возвышенность.

— «*Я не нашел в бою забвенья*, — злобно продекламировал Робер, не представлявший, что помнит вдолбленные ментором строки, — *и не простил твоих измен...*»

— Да, потрясающая безвкусица, особенно после непридуманных потерь... — Валме резко повернулся к Роберу. — Ну так скажите людям что чувствуете; мне же вы при встрече сказали. И я даже понял.

2

Сперва Чарльз увидел запутавшиеся в еловых ветках алые сполохи, чуть позже они обернулись поймавшим закатное солнце озером. Лесная дорога, в последний раз вильнув, обогнула замшелую лесную владычицу, равной которой Давенпорт не видел даже в Гаунау, и выбралась на берег. Взлетели застигнутые врасплох кряквы, закачались тростники.

— Я вижу башни, — сказал Йоганн Катершванц. — Это есть наша цель?

— Да, — подтвердил Придд, — Альт-Вельдер отсюда уже виден.

— Это не горы, — определил бергер, — но это очень красиво есть. Жаль, Норберт никогда увидевшим Альт-Вельдер не будет.

— Первый замок был построен на плоском каменном острове между двух водоворотов. — Валентин принялся объяснять, словно не расслышав последней фразы. Они старались не говорить о потерях, хотя Мельников луг так или иначе обобрал всех троих. Медицинский обоз оказался на пути смерча, и Чарльз потерял отца. Брат Йоганна не был ранен — его убило сразу, как и обоих полковников Катершванцев; из бергеров вообще уцелело не более трети, а от полка Придда и того меньше. Ариго отдал Валентину уцелевших драгун, но даже с ними не набиралось и трех эскадронов.

— Я прошу меня извинять, — громогласно вздохнул Йоганн, — я не хотел жаловаться, просто я вижу очень красивое зрелище, и мой рот говорит про брата. Норберт лучше меня сказал бы, что озерный замок — это странно и чудесно.

— Валентин, — поторопился вклиниться Давенпорт, — вы говорили о первом замке, значит, это второй? А что стало с первым? Его разрушили?

— Нет. — Придд смотрел вперед, и только вперед, в озерную даль. — Альт-Вельдер ни разу не взяли. Правду сказать, его никто и не пытался брать, ведь он стоит в стороне от больших дорог и не защищает ничего, кроме себя. После Двадцатилетней войны хозяева перестроили старый замок, возвели на соседнем островке сторожевую башню и заменили паром наплавным мостом. Его защищает береговой форт, а если потребуется, скрепы, соединяющие плоты, можно очень быстро снять. После захода солнца мост между выносной башней и замком поднимают, но мы успеваем.

Форт на узком каменистом мысу издали казался столичной парковой причудой, однако взять его было бы непросто. Чарльз не мог не оценить мастерства фортификаторов, но сегодня здесь ждали не врагов, а друзей. Запела что-то приветственное труба, запирающая въезд решетка-органка поплыла вверх, к самым ногам лошадей выскочили пятнистые щенки и неумело залаяли. Взрослые псы не вмешивались, только смотрели.

— Мост надежен, — заверил Валентин. — Объясните это вашим лошадям, а я объясню нашим дамам.

Чарльз рассеянно кивнул, любуясь пылающим озером, из которого вырастали несокрушимые стены. Над самой высокой башней реял флаг: владелец замка был дома. Граф Гирке уцелел лишь потому, что хотел быть ближе к сражению и оставшийся с ним легкораненый солдат послушался своего полковника, а не лекарей. До пригорка, на котором лежал Гирке, смерч не добрался. Отцу повезло меньше. Они были в одной армии, но так и не встретились, и Чарльз мог вспоминать лишь наезжавшего время от времени в столицу боевого генерала, что раз за разом обрывал рвущегося в Торку сына. Наверное, начальству в самом деле видней, кому где служить, но капитан Давенпорт хотел быть под началом генерала Ариго, и никого иного. О том, чтобы генералом Ариго командовал Лионель Савиньяк, Чарльз старался не мечтать, но... Но Проэмперадор Надора, раздери его кошки, не пустил бы дриксов в Марагону, а может, ушел бы и от бури...

Рядом громко шмыгнул носом Йоганн, надо думать, тоже вспоминал. Ничего не поделаешь, закат!

Лошади осторожно ступали по могучим, чуть колышущимся бревнам, пахло чистой водой и немного дымом.

Возле первых ворот гостей встречали седой домоправитель и высланный вперед слуга. За ними молодая женщина держала поднос с пятью кубками.

— Добро пожаловать в Альт-Вельдер, — провозгласил седой. — Господин отдыхает, но госпожа ждет вас к вечернему столу. Утолите жажду, и вас проводят в ваши комнаты.

— Это вода из источника во дворе замка, — объяснил Придд. — Если не ошибаюсь, ею угощают гостей уже третий круг.

Чарльз и не думал, что хочет пить, ему это объяснила вода, ледяная и невероятно вкусная. Чудом удержавшись от того, чтобы попросить добавки, Давенпорт вернул тяжелый кубок на поднос, едва не задев тоненькую ручку. Невысокая медноволосая девушка торопливо отступила к величественной белокурой даме, рассматривать которую капитан не стал. Торопливо сдернув шляпу, Давенпорт поклонился и, не отрывая взгляда от незнакомки, представился неожиданно сиплым голосом.

— Мы рады вас видеть, — откликнулась спутница дивного видения. — Мой муж, генерал Вейзель, ценил вашего отца, он говорил, что генерал Давенпорт понимает значение артиллерии.

— Б-благодарю, — проблеял Чарльз. Он знал, что к ним присоединилась генеральша с какой-то девицей. Какой-то... За таких, с именем таких и умирают!

— Позвольте вам представить баронессу Вейзель, — невозмутимо произнес Придд, — и ее спутницу...

— Зовите ее Мелхен, — подсказала баронесса. Она говорила еще что-то о воде, дороге и супруге-артиллеристе, но Чарльз почти ничего не понимал, зато он понимал главное: его жену будут звать Мелхен, и никак иначе.

3

По небу наилиричнейшим образом чиркнула звезда, требуя если не ронделя, то загаданного желания. Валме проводил падающий огонек взглядом и приподнял бокал.

— Я еще не встречал человека, который дал бы звезде умереть спокойно. Почему бы нам не выпить за исполнение наших желаний? Не думаю, что они исключают друг друга.

Господин Бурраз-ло-Ваухсар посмотрел на собеседника. Очень внимательно.

— Мориски не особо изощрялись, — развил свою мысль Валме. — Они просто снесли Агарис и сейчас хотят повторить это с Паоной. Ни в Святом граде, ни в павлиньей столице я не бывал и особого сожаления по их поводу не испытываю, но Оллария... Лучше бы с ней обойтись без подобных крайностей.

— Пожелайте того же Равиату, и я поддержу ваш тост. — Казарон был сама любезность, но любезность воспитанная. Вместе с волосами и усами кагет остриг громогласность и пренеприятную манеру, входя в раж, брызгать слюной. Это их роднило: Ченизу с пузом от Валме без пуза тоже заметно отличался, но сейчас пузо пришлось бы в самый раз.

— За Равиат и знамя казара Бааты над ним!

— За Олларию и лучшие знамена Талига.

— И за цветочниц. Грустен тот город, в котором их нет!

— Я привезу в Талиг семена лучших цветов Кагеты и Сагранны.

— Но не «следы покинутой», — строго уточнил Валме, — хотя они и прелестны. Покидать дам, пока они желанны, дурной тон.

— Даже если от этого зависит спасение и этой дамы, и сотен других?

— Это иное дело, но ведь мы говорим о будущем, за которое мы выпили, а за плохое не пьют. В Олларии будут цветы, цветочницы и непокинутые дамы. Готти, ласточка, хочешь зайчика?

Виконт нацепил на вилку кусок крольчатины и предложил Котику. Волкодав облизнулся и аккуратно снял лакомство с зубцов. В «львином образе» он предпочитал чавкать, а тут такая утонченность... Эта милая особенность отсылала к собеседнику, и Валме осведомился:

— Дорогой Бурраз, вы что-то принимаете перед тем, как сесть за стол? Наши друзья уже поют и плачут, хоть и не так, как найери в понимании еще одного нашего друга, а вы скромны и сдержанны, как желудь.

— Или как наследник Валмонов, — вернул комплимент кагет. — Если б я не доверял своим глазам, я бы решил, что вам не по вкусу вино.

— Кэналлийское не по вкусу быть не может, — возразил Марсель, мысленно поздравляя делившие с ним вино смородинные кусты.

Бывший посол Ургота коротал время с послом казарии на террасе гостиницы «Лев под вишней», куда с дозволения рэя Эчеверрии и под ответственность Марселя, что вообще-то было отвратительно, перекочевала большая часть собравшейся на Старобарсинской заставе компании.

Щедрый рэй поделился кэналлийским, и ужин в саду незаметно перерос в странного вида попойку. Собравшиеся под вишнями если не львы, то ведь и не агнцы, пили вперемежку за победу и за упокой. Когда Карои заговорил по-алатски не с Эпинэ, а с Рокслеем, Капуль-Гизайль облизал пальцы, а Мевен сперва с вожделеньем уставился на ближайшее дерево, а потом принялся прихорашиваться, Марсель в последний раз оросил смородину «слезами» и предложил казарону прогуляться по саду. Казарон с готовностью отодвинул блюдо с запеченным под присмотром Капуль-Гизайля карпом, и дипломаты в сопровождении Котика отправились совершать моцион.

Говорили о Кагете и Бакрии, об Агарисе и Паоне, о «бесноватых» и церковниках, об их величествах, высочествах и преосвященствах. Сад был велик — хозяйскую вишневку знали даже за пределами графства, и все равно они наткнулись на Мевена. Разочаровавшись в прелестном дереве, Иоганн где-то обрел девицу, изрядно напоминавшую его столичную любовницу. Углубленный в прекраснейшее из занятий счастливец послов не заметил, но прогулку встреча оборвала. Возвращаться за общий стол не хотели ни кагет, ни талигоец, вот и устроились на террасе с видом на залитый лунным серебром тракт.

— Вы скучаете по Кагете? — осведомился виконт. — Я бы на вашем месте скучал. Более того, я скучаю даже на своем.

— О да, — в голосе казарона зазвучала былая страсть, а может, он наконец начинал хмелеть, — я пять лет не видел настоящих роз и почти забыл вкус хисрандских улиток.

— А я их еще не пробовал, — опечалился виконт, полагая, что нельзя выглядеть трезвей сотрапезника. — Как вы думаете,

можно ли считать дезертиром офицера, у которого сразу кончились начальство, подчиненные и приказы?

— Не думаю.

— Вот. А у вас кончилась Оллария и казар... Вы оказали Проэмперадору большую услугу, но что вы будете делать теперь — поедете к Ноймаринену? Но это неправильный регент, и он пьет тинту... А я заеду к батюшке, после чего отправлюсь в Сагранну и дальше. У меня там дела, а у вас? Неужели вам не хочется сказать что-нибудь хорошее Баате, он такой приятный... Вы знаете, я ведь ему поручил нашего с Мэгнусом — это мой боевой козел — пленного. Его величество обещал о нем позаботиться... Я о гайифце...

— Я знал Баату ребенком, он подавал большие надежды и всегда, вы понимаете, всегда помогал другим... пройти назначенной им стезей. Теперь несчастный остался совсем один. Подумать только — отец, братья...

— Зато Баата чтит как отца свекра Этери, — утешил взгрустнувшего было кагета Марсель. — Так вы хотите увидеть Кагету?

Посол хотел. Более того, он хотел, жаждал, стремился увидеть еще и графа Валмона. Про регента Талига, который не Ноймаринен, речь не зашла, но Валме не сомневался: доблестный Бурраз надеется встретить и его тоже. Самое смешное, что Марсель тоже надеялся.

Глава 3

ТАЛИГ. КОЛЬЦО ЭРНАНИ ЮЖНАЯ МАРАГОНА. АЛЬТ-ВЕЛЬДЕР

400 год К. С. 19-й день Летних Молний

1

Если б Марсель, уподобившись Алве, спал с заряженным пистолетом под рукой, паршивец Лагартос был бы обречен, но пистолета не было, и Валме, с трудом разлепив глаза, лишь томно осведомился, есть ли у дражайшего гостя часы.

— До полудня не менее двух часов. — Внешне кэналлиец ничем не напоминал Герарда, но суть, суть! — Вы нужны на заставе.

— Опять сумасшедшие?.. — Алва все же не зря сделал утреннее чудище рэем, сродство душ было налицо. — Далеко?

— Приехал человек с письмом графини Савиньяк.

— И на кого он похож?

— Он военный. Дворянин. Назвался Сэц-Гайярэ, путешествует со слугой, тоже военным. Мы сказали, что нужно ждать виконта Валме, который сейчас неподалеку. Сэц-Гайярэ не спорил.

— Тогда я тоже не стану спорить, — зевнул рекомый виконт, пытаясь припомнить хоть самого завалящего Сэц-Гайярэ. Вспомнил Сэц-Гайяров, но кэналлийцам такая разница не в разницу. — Как вы можете подниматься в подобную рань?

— Нужно.

— Кому? — Валме провел ладонью по щеке и понял, что придется еще и бриться. — Хотите шадди?

Собрат Герарда хотел. При условии, что сварит сам из привезенных с собой зерен. Марсель зевнул еще раз и понял, что приезд рэя — меньшее из возможных утренних зол.

К полудню все как-то наладилось — во многом благодаря пегой красотке, обладавшей удивительно плавной рысью, ну и погодка выдалась славной, да и Лагартос не только шадди умел варить. Кэналлийцы не отказали себе в удовольствии поохотиться на чесанувшую от Старой Барсины погань. Оказалось, что трусливей всего мародеры и дезертиры вели себя у развалин, удрав же подальше, они непонятным образом осмелели настолько, что не только огрызались, но и нападали. На превосходящего противника. Лагартос этого не понимал, Валме тоже, но понять хотел, так что время в пути пролетело незаметно.

Сэц-Гайярэ оказался стройным светловолосым человеком, отдаленно напоминавшим Савиньяков и еще кого-то. Пора было обедать, и Валме предложил проделать это в саду, честно предупредив, что на голову может свалиться груша. Гость не испугался, он вообще не производил впечатление пугливого. Когда принесли похлебку, сотрапезник знакомо опустил голо-

ву, и все стало на свои места. Особенно след на руке покойного полковника Нокса, о котором говорил милейший Габайру. Рокэ не говорил, но это ничего не значило.

— Герцог Алва вспоминает о вас с признательностью, — заверил Марсель, бросая Котику кусок зеленой кэналлийской лепешки, которую ставили в печь уже с соусом. — Но я не думал, что от Гайярэ уцелело что-то, кроме замка.

— Графиня Савиньяк полагает, что уцелел я, хотя в любом случае я остаюсь незаконнорожденным.

— Насколько я понимаю, графиня в безопасности?

— Да. Она об этом пишет вашему отцу.

— Я уже вскрыл одно адресованное ему письмо, это себя оправдало, но поступать так раз за разом дурно. Вы не могли бы меня просветить относительно судьбы графини и баронессы Капуль-Гизайль?

— Извольте. — Незаконнорожденный ел быстро, но красиво, что всегда внушало Марселю симпатию. — Графиня Савиньяк хотела видеть своего старшего сына. Я должен был ее сопровождать, но за Кортоной нам посчастливилось встретить разведчиков-«фульгатов» из армии Лионеля Савиньяка. Графиня продолжила свой путь, а я, полагая поручение исполненным, отправился на юг.

— Папенька будет дарить вам астры, — предупредил Валме, приступая ко второму куску мяса. — Не берите, на них заводится мучнистая гниль. Что случилось с баронессой?

— Она умерла. — В голосе бывшего Пьетро прорезалась бывшая же отрешенность. — Последней в живых ее видела графиня. Я как мог осмотрел тело, но причины смерти не обнаружил. Это мог быть яд, или внезапно проявившаяся болезнь, или... что-то другое.

— «Что-то»?

— У любой смерти есть причина. В том положении, в котором мы находились, я смог бы заметить разве что следы прямого насилия. Их не имелось.

— Грустно. — Марсель приподнял бокал. Новость виконту не нравилась, хуже того, она огорчала, удручала и порождала цепочку сложностей. — Что было потом?

— Мы с моим товарищем похоронили умершую в тайнике в Огородном предместье. К сожалению, я еще не принял по-

стриг, и прочитанные мной молитвы не являются заупокойной службой. Графиня Савиньяк считает, что герцогу Эпинэ о смерти баронессы должен сообщить его высокопреосвященство.

Валме присвистнул. Это вырвалось само собой и было неприлично, но виконт в самом деле был расстроен куда больше, чем от себя ожидал. Марианна по праву считалась Звездой Олларии и погасла, когда та свихнулась! Началось с пропавших цветочниц и погасших улыбок, кончилось погромами и смертью красавицы, которую умудрился полюбить бедолага Эпинэ.

— Вы играете в карты? — уныло спросил Марсель.

— Я знаю, как играют. — Пьетро поднял глаза; оказывается, он мог смотреть и прямо, что немало увеличивало его сходство с Савиньяками. — Вы хотите разыграть роль черного вестника в тонто?

— Воистину, сынам церкви приходят в голову смелые мысли. Нет, я хотел сказать, что вашу неприятную даму, увы, бьет Повелитель Кошек... Его высокопреосвященство Левий умер на руках у герцога Эпинэ и ничего никому больше не скажет. Среди беженцев затесалось несколько «бесноватых», один из них бросил камень, но смерть, если верить брату Анджело, произошла от разрыва сердца. Я не очень понял, что это такое, вроде бы кровь не доходит куда надо. Когда такое случается — лечить поздно, а до того ничего нельзя понять. Впрочем, не будь удара, ничего бы не произошло, по крайней мере тогда.

Гляди Марсель собеседнику в лицо, он вряд ли что-то заметил бы, но расстроенный виконт смотрел на стол, вот и увидел, как державшая нож рука сжалась так, что побелели костяшки пальцев.

— В таком случае, — а вот голос еще не монаха оставался ровным и негромким, — я бы подождал с известиями о баронессе до возвращения графини Савиньяк.

2

На то, что Мелхен захочется слушать про войну, Давенпорт не надеялся, но именно о войне и завела речь баронесса Вейзель. Хозяйка, молчаливая шатенка, очень похожая на Валентина, вышивала у окна, время от времени поднимая от работы

светло-серые, почти серебристые глаза. Придд сидел рядом с сестрой, в разговор он почти не вмешивался, только однажды остановил негодующего Катершванца, но было уже поздно: супруга генерала Вейзеля успела вынести приговор, и обжалованию он не подлежал.

— Если б Хербсте защищали как следует, дриксы и сейчас топтались бы на северном берегу.

— К сожалению, все сложилось иначе, — негромко произнесла графиня Гирке. — О том, что предшествовало сражению, и о самом сражении мне рассказал муж, но что было дальше?

— Дальше мы считали тех, кого потеряли, — громко сказал Катершванц. — Это был очень черный вечер и очень больная ночь.

— Но ведь она прошла. — Серебристый взгляд коснулся Чарльза. — Не правда ли?

— Сударыня, — Давенпорт слегка поклонился, — вы совершенно правы, не будем вспоминать о потерях. После подхода Савиньяка наше положение заметно улучшилось, а Бруно стал намного осторожней.

— Гуси боятся попадать под копыта оленя, которые очень острые есть, — не преминул ввернуть Катершванц. — Бруно не может знать, какой из близнецов самый умный, но он знает, что делал с дриксами маршал Лионель, и не хочет получать от маршала Эмиля второй Ор-Гаролис. Наш Чарльз бывал в первом, но он скромный есть и не любит говорить про свою доблесть.

— Это так? — удивилась графиня. — Вы вчера ничего не сказали.

— Я слишком хорошо помню Эйвис, — буркнул Чарльз, испытывая острое и несправедливое желание стукнуть Йоганна чем-нибудь тяжелым.

— Ты слышишь, Мелхен? — Баронесса Вейзель схватила воспитанницу за руку. — Капитан Давенпорт видел, что надо делать с дриксами, влезшими в чужой дом. Перехватить на марше, разбить и отобрать осадный парк. Лионель Савиньяк это понял, хотя он и не сумел сохранить трофеи.

— Сударыня, он смог сохранить армию и вырвать у Хайнриха мир, — не согласился Чарльз и осознал, что защищает кошачьего маршала, не переставая на него злиться.

— Не могу с вами не согласиться, — чуть ли не в первый раз подал голос хозяин. Говорил он тихо и словно бы с трудом — пуля в грудь не шутка. — Савиньяк не за трофеями охотился, а добывал мир для Бергмарк и Надора, а значит, подкрепления для Западной армии. Нельзя сохранить все, поэтому маршал пожертвовал трофейными пушками. Он пожертвовал бы и бóльшим.

Чарльз мог бы добавить, что Проэмперадор Надора пожертвовал бы всем и всеми, включая себя, но промолчал, понимая, что не сможет объяснить, почему ему, капитану Давенпорту, это поперек горла. Графиня вернулась к своей вышивке; кажется, это были гнущиеся над водой тростники. Баронесса Вейзель объясняла генералу и полковнику, что надлежало делать маршалу, Катершванц слушал и соглашался, Мелхен молчала, глядя в окно, за которым голубело озеро. У нее были удивительные глаза, не карие, а золотистые, как кагетские топазы. Давенпорт смотрел на девушку и думал, как найти подходящие камни, пока не сообразил, что его поведение становится неприличным. Капитан заставил себя перевести взгляд на обронившую наперсток хозяйку. Досадливо поморщившись, графиня наклонилась прежде, чем кто-то из мужчин успел оказать ей услугу. Когда женщина выпрямлялась, выпущенные поверх диадемы локоны немного сбились в сторону, и стало видно, что виски у графини Гирке совсем седые.

3

С лошади Марсель слез, тоскуя о пузе. Врать и умалчивать дипломату проще, чем адуану, пузо же способствовало дипломатичности. Пристегивая его, виконт словно бы спускал с цепи незримого, но очень бдительного пса, но пузо сгинуло в Олларии. Было бы забавно, если б его отыскал дорвавшийся до посольских особняков Салиган, хотя об урготские тайники обломает зубы и он.

— Помнишь перепелов по-урготеллски? — спросил виконт Котика, тот умильно улыбнулся и тут же получил пряник. Прошлое эту чистую и живущую днем сегодняшним душу не смущало, даже если было вкусным. Валме присел на корточки

и заглянул волкодаву в глаза. — Тебе, между прочим, еще Эвро утешать. И что ты ей скажешь?

Котик о подобном не задумывался и хотел пряников, Марсель был несказанно рад его присутствию, но испытывал некоторую неловкость. Получить назад собаку, когда Эпинэ потерял Марианну, Пьетро — Левия, а Валтазар — вазы, казалось не вполне справедливым. Конечно, Алва тоже сгинул, но соберано, по словам Зои, хотя бы оказался там, где хотел. И к тому же он никак не желал вспоминаться как покойный.

Дело было не только в политике, требовавшей живого, но временно недоступного регента, а в чем-то странном и будоражащем, как торские катания с гор. Короче, себя жалеть было не с чего, тем более что за прошедший месяц Марсель свыкся с тем, что он — в Талиге, а Рокэ — в дыре, Роберу же осознать свою потерю только предстояло, но не сегодня же! Валме потрепал пса по теряющей форму гриве и отправился врать.

Эпинэ стоял у окна, глядя в сад, и выглядел на удивление прилично — кругов под глазами, и тех не было.

— Трактирщик сказал, вы уехали с кэналлийцем в сторону заставы. Есть новости?

— Графиня Савиньяк жива и здорова, — зевнул Марсель, — признаться, я рад, хоть и не удивлен: вы меня успокоили на месяц вперед.

— Графиня написала?! Только она, или...

— Арлетта с отцом старые друзья, — перебил Марсель, прежде чем Робер задал вопрос, требующий либо правды, либо прямого вранья. — Маменьку это тревожит уже лет сорок, хотя все невинно, как эдельвейс. Однако заподозри мой дражайший родитель, что у графини неприятности, он начал бы чудесить, и мы б рисковали узреть новый Гальбрэ. Арлетта это знает, вот и черкнула пару строк при первой же оказии. Она со свитой отправилась к Лионелю, и я могу ее понять: материнское сердце и все такое...

— Со свитой?

— Не станет же мать двоих маршалов разъезжать одна! — От возмущения Марсель уселся, не дожидаясь приглашения, и у него на коленях тут же оказалась собачья башка. — Утром я выезжаю к батюшке, нам с вами по дороге, и будет лучше, если я вас слегка провожу. Гроб готов?

— Да. — Эпинэ явно думал о другом, вот и хорошо. — Год назад я был в Сакаци... Всего год, но, кажется, до него я почти не жил — все как в тумане... Так бывает в горах: впереди вершина, обернешься: мгла какая-то, даже странно, что в ней что-то есть — камни, речки, деревья, люди, лошади. Вы, наверное, это тоже видели? В Сагранне?

— И видел, и увижу, причем скоро, воля соберано, знаете ли... Лисенок не такой зверь, чтобы его оставлять без присмотра, хотя он был очень любезен.

— Представляю... — Лицо Эпинэ приобрело странное выражение, но, возможно, он просто пытался думать. — Валме, вас не обидит, если я скажу, что вы нам всем морочили голову...

— Нет, что вы! — Если б не Котик, Марсель встал бы и поклонился. — Морочить голову таким, как вы, легко и приятно, но господин Бурраз делает это заметно лучше. Не скажу, что раньше не обращал на него внимания, но до слов Этери я поклялся бы, что наш бравый казарон дурак. Да что я! В его глупости не сомневался сам Габайру.

— Катари не верила, что Адгемар отправил в Талиг дурака... Марсель, я заговорил о том, что вы нас всех надули, не потому, что я в претензии. Я не силен в интригах, а вы в этом разбираетесь. Мне хотелось бы понять... Левий думал, что Альдо и Матильду... принцессу Ракан пытался отравить Адгемар Кагетский. Его вынуждали помогать Альдо, а он не хотел, вот он и решил убрать Раканов и убрал бы, но отраву съела дайта Матильды...

— Жаль, — посочувствовал Марсель, — и собаку жаль, и что не вышло... Вы сомневаетесь в словах Левия? Но они очень похожи на правду. Адгемару ссориться с Талигом был не резон. Кто его заставлял, кардинал не сказал?

— Он думал, что Гайифа, а по-моему, гоганы или «истинники». Альдо водился и с теми, и с другими. Гоганы могли заплатить, а «мыши»... Они меня однажды допрашивали, не понимаю, как я не рехнулся.

— Иногда, чтоб не рехнуться, довольно пары бутылок. У меня тут собачья голова, так что вино заказывать вам. Если, конечно, у вас после вчерашнего не ломит затылок.

— Со мной все в порядке. — Эпинэ блаженно улыбнулся. — Мевен после вчерашнего до сих пор в постели, а я хоть сейчас

в бой! С тех пор, как я... как мы с Марианной... Теперь я могу выдержать очень много; даже странно.

— Рад за вас. — В реку становящегося крайне любопытным разговора вплыло бревно, и его следовало немедленно обойти. — Признаться, предстоящие бои меня занимают не особо. Ну, очередной абордаж-штурм-атака... Доскачем, начнем, тогда и поволноваться можно будет, а вот причины нынешней гадости — вопрос серьезный, над этим стоит поломать голову, не отвлекаясь на всякую ерунду. Но где сказано, что ломаемая голова должна быть трезвой?

Лодка причалила к берегу, не перевернувшись, то есть Эпинэ, прервав любовные откровения, помчался к трактирщику. Марсель вытащил из кармана последний пряник и отдал возвращенному сокровищу, сокровище захрустело.

4

После обеда нареченная Юлианой легла, и Мэллит выскользнула в сады, подобных которым не видела даже в лучшем из снов. Цветы — это песни Кабиоховы, и сестра первородного Валентина слышала их и жила ими. Она привезла из дома отца садовника и растения, знавшие иные небеса и иную почву. Утром первородная Ирэна показала гостям цветники в главном дворе и на площадках южных башен, а потом все спустились в обширный парк, бывший в дни юности замка лесом. Деревья здесь были высоки и помнили многое, а в кустах перекликались птицы, слишком большие, чтобы петь.

— Здесь можно заблудиться, — сказала роскошная, и нареченный Валентином взял ветку и нарисовал на земле, как идет древняя стена, обнимающая парк со стороны замка, и где берут начало аллеи.

— Парк делится на три части, — объяснил он. — Верхний сад, самый старый, выдержан в агарийском стиле, который был моден перед Двадцатилетней войной. Парк на склоне ближе к эйнрехтским пейзажным паркам; от Верхнего он отделен решеткой, но туда можно пройти через беседку любой из зеленых галерей. Внизу, у новой стены, расположен озерный сад-каприз, разбитый при бабушке нашего хозяина. Здесь за образец взяты гайифские зеленые ловушки, только в Паоне

предпочитают живые изгороди, скрывающие уединенный павильон. В Альт-Вельдер лабиринт состоит из каналов, в которые высажен золотистый каданский тростник, а разгадавшие загадку выходят к пруду со скрытым водостоком.

Мэллит смотрела на чертежи и запоминала, странный рисунок навевал мысли о покинутом доме, украдкой прочитанных книгах и тайных прогулках. Гоганни хотелось пройти прихотливо извивающимися дорожками и войти в лабиринт. Роскошная не желала видеть варитские и гайифские выдумки, но согласилась осмотреть цветники и галереи верхнего сада.

Увитые виноградом беседки напомнили Сакаци, и Мэллит стало горько. Офицер, которого надо было называть капитаном Давенпортом, спросил, почему она так печальна; гоганни не могла ответить и заговорила про виноград, дарящий не только вино, но и укрытие от зноя. Это услышал высокий Йоганн и сказал, что это торская липа.

— Ее стригут так, что она кажется обвившей решетку, — объяснила слышавшая разговор хозяйка. — Много лет назад один из Рокслеев женился на девушке из рода Рафиано. Она тосковала об увитых виноградом беседках своей родины и боялась плюща, ведь в Рафиано его сажают на кладбищах. Граф Рокслей хотел видеть жену счастливой, и любовь подсказала ему, как превратить липу в виноград. Летом, если не подходить вплотную, разница почти незаметна, но осень щедрее на краски к винограду.

— Жимолость подошла бы лучше, — вмешалась нареченная Юлианой и пожаловалась, что после подъема на башни у нее болят щиколотки.

— Я сяду, — решила она, и хозяйка повела ее к скамье посреди лиловой, пряно пахнущей клумбы. Нареченный Валентином предложил дойти до озерного сада, но Мэллит отказалась — нареченный Чарльзом смотрел не так, как другие, и гоганни хотелось избавиться от этих взглядов. Она знала, что вернется сюда одна, и вернулась. Цветочные узоры манили, но сады, как девушка и надеялась, были пусты — когда приходит солнце, садовники оставляют работу.

Мэллит соскучилась по одиночеству, и она еще никогда не была свободна днем, только в ночи Луны... Даже в Сакаци, где она узнала качели и близость неба, лаяли, напоминая о земле,

собаки, смеялись и бранились слуги, пахло мясом и хлебом. Здесь это тоже где-то было, но деревья и кусты стали щитом, заслонившим Мэллит от чужой суеты. Девушка добралась до галереи, сорвала и размяла похожий на сердце листок, посидела в тени, глядя, как пляшут по юбке и рукам солнечные пятна, и захотела увидеть озерный сад.

Пройдя под зелеными сводами до похожей на раковину беседки, девушка обнаружила, что выход в эйнрехтский парк заперт. Сквозь решетку Мэллит видела дорожки, поляну лиловых цветочков и разбросанные среди них валуны. Второй выход рождал уходящую к башням тропинку, но гоганни не хотела назад, сейчас не хотела, а у беседки рос дуб, и ветви его тянулись по обе стороны ограды.

Девушка посмотрела на свои ноги. Взобраться на дерево ей ничего не стоило, дома она поднималась и выше. Сбросив туфли, Мэллит подоткнула юбку и легко перебралась с прильнувшей к дереву скамьи на могучий изогнутый сук. Он тянулся над решеткой, но Мэллит взобралась выше. Прислонившись спиной к стволу, девушка посмотрела вниз и увидела воду и уходящие в озеро стены. Внизу, под ногами, зеленой мохнатой змеей вилась галерея, ниже, за лиловым склоном, лежал лабиринт. Светлые тропинки разделяли стены из тростника, в середине прятался круглый пруд, и дорога к нему была понятна.

Спуск оказался легким, а парк за решеткой — приятным и тихим. Здесь росли простые цветы и не знавшие ножниц деревья. Внешняя стена лабиринта была из кустов, густых, с мелкими круглыми листочками. У стрельчатой арки девушка остановилась, она почему-то больше не хотела к круглому пруду, и сада этого тоже не хотела, она вернулась бы, только среди зелени что-то мелькнуло, и Мэллит, как бельчонок в дупло, юркнула в лабиринт.

Тропинки сходились и расходились, шелестели высокие, выше самого высокого мужчины, тростники, но Мэллит помнила секрет узора и нашла дорогу к сердцу лабиринта. Она не знала, чего боится и чего ждет, озерный сад не был запретным — ведь первородный Валентин предлагал его показать. Не знала, но боялась, а шепот тростников навевал грусть... Лето кончалось, оно было недобрым для многих, но разве может осень стать добрее лета?

Гоганни присела на белый камень и опустила руку в воду, такую чистую, что было видно лежащие на дне ожерелья. В Хексберг Мэллит видела, как вешают на мертвое дерево бусы, но чего просят хозяева Альт-Вельдер и у кого? Девушка нащупала висевшую на груди чужую звезду и замерла. Она сидела так тихо, что утка с подросшими птенцами, сперва отплывшая от берега, вернулась, чтобы тут же метнуться прочь. Мэллит укрыться в воде не могла, а вышедшая ближней тропой к пруду женщина остановилась в паре шагов.

Ее губы хотели улыбаться, а глаза плакали. Это была хозяйка, сменившая платье и по-иному заколовшая волосы; среди тростников она словно бы стала моложе и худее. Мудрая Ракелли назвала бы ее уродливой, но Мэллит чувствовала, как нареченная Ирэной красива. Не потому, что за год среди внуков Кабиоховых гоганни обрела иное зрение, хозяйка озерного замка могла иссохнуть, как йернский бессмертник, а могла налиться лунными соками, но, любая, она все равно оставалась бы прекрасной и тревожащей, как шорох ветра, как блики на волне, как дорога в тумане...

— Странная встреча, — голос был задумчив и негромок, — но я даже рада... Ты ушла от них и пришла сюда. Почему?

— Я люблю гулять одна.

— Вот как, — она шла и говорила, — быть одной, когда можешь не быть... Ты умна, а сердце у тебя есть? Какое оно, твое сердце? У меня был звездчатый аметист, но я обменяла его... Одно сердце за шестнадцать смертей... Хорошая сделка, не правда ли?

Теперь губы улыбались, а в глазах словно бы шел дождь. Солнце светило ей в спину, и тень, длинная, гибкая, уже касалась Мэллит.

— Ты любишь моего брата? Если да, я буду рада... Я хочу, чтобы он наконец полюбил, чтобы наконец полюбили его. Я любила... Тогда у меня было сердце, лиловое сердце, и в нем звезда. Они предали мою звезду, все предали. Ты любишь моего брата?

— Нет. — Это так, ничтожная никого не любит, но если б любила, она бы кричала «нет!» и клялась всем, что у нее осталось, что сердце ее полно пепла.

— Я тебе не верю. Если ты не любишь, почему ты с ним?

— Он дал слово проводить меня. — Мэллит шагнула в сторону, чтобы избавиться от тянущейся к ней тени, но первородная тоже повернулась. — Я ему не нужна, он еще не любил.

— Жаль... Как жаль... Он не любил... Она не любит... Те, кто любил, свое получили, а эти... Я устала ждать. Хочешь остаться со мной?

— Госпожу баронессу ждет регент. — Мэллит видела горло одной тропы, но нареченный Валентином выбрал другую. — Идемте, сударыня.

— Ты пойдешь с ним?

— Я обещала... слушать полковника Придда.

— Какая глупость... Обещать тем, кто не нужен, кого нет... Есть любовь, есть и ты, но если любовь убить, ты становишься смертью, нужно только отдать сердце. Я отдала...

— У меня не осталось сердца! — Крик сорвался с губ, первородная услышала и покачала головой:

— Ты глупа... Ты выбросила сердце, а могла обменять и стать смертью для шестнадцати. Я стала, но один вернулся... Почему бы ему было и не вернуться, ведь его не любят? Но теперь хватит!.. Я знаю, что она решила... Она этого не получит, пусть ходит среди своих настурций, как ходят по угольям, пусть живет долго и ходит... А сейчас — ты, брат и повелитель... Последний предатель, ты сюда не вернешься! И в свой дом не вернешься! Ты никуда не вернешься.

— Госпожа баронесса, — первородный Валентин не смотрел на дочь своего отца, — вас ждут. Идемте...

— Я ждала, когда ты полюбишь, но ты ускользал... В твоем сердце нет ничего, что можно забрать, да и есть ли оно у тебя? Я устала ждать ту, кому отплачу́, так что запомни: сперва — ее муж, потом — ты. Скоро, очень скоро, но не раньше, чем он... Когда узнаешь про него — жди!

— Вашу руку, сударыня.

— Запомни, баронесса! Запомни мои слова, когда они сбудутся, ты передашь их ей... Она умрет бездетной, она умрет старой, она умрет одинокой... Запомни...

— Забудьте.

Они шли быстро, но не бежали, ноги Мэллит гладили низкие лиловые цветы и били камни, но говорить о боли девушка не могла. Она молчала, как и первородный, и тоже ни разу не

оглянулась. Дорога шла в гору; когда камней и камешков на тропе стало слишком много, нареченный Валентином остановился.

— Баронесса, вы разуты. Дальше я вас понесу. Прошу вас, не спорьте.

Мэллит не спорила, она была слишком виновата, и оправданий ей не было.

Свою ношу нареченный Валентином опустил лишь у беседки и достал ключ. Внутри, у самого входа, стояли туфли Мэллит. Первородный понял, куда она пошла, отыскал ее и услышал дурное пророчество... Если б не ничтожная, этого бы не случилось.

— Я была Щитом, — сказала Мэллит, — и я хотела бы вновь стать им и отдать долг.

— Вы мне ничего не должны, баронесса, а женщине не следует прикрывать мужчину, если только он не ранен и не болен.

— Я не баронесса, — напомнила гоганни. — Недостойная Мэллит — никто.

— Мне встречались многие носители титулов «никто» и «ничто», вы не из их числа. Я привык называть вас баронессой, но если вам это неприятно, я готов называть вас как вы того хотите.

— Я не знаю имени, которое бы хотела. Пусть будет баронесса... Если б я знала, что крадусь за бедой для перво... за бедой для вас, я облила бы свои ноги кипящей водой.

— Все мои беды в моей крови, — первородный замедлил шаг, — и та, которую вы видели, тоже. Ваше появление не прибавило ни песчинки.

Беда... Беда, что бродит у пруда, на дне которого спят драгоценности. У нее серебряные глаза, легкая походка, а вместо сердца цветы понсоньи.

— Она отбрасывает тень, — сказала Мэллит. — Я видела...

— Да, — подтвердил нареченный Валентином, — она отбрасывает тень, и ее не упокоить.

5

Пить за здоровье заведомо мертвого человека — это было слишком, но отвертеться от тоста за Марианну Валме не сумел. Робер застал виконта врасплох, испортив настроение на

весь оставшийся вечер. Марсель мрачно выбирал из шерсти Котика репьи, пытаясь выкинуть из головы счастливый взгляд несчастного человека, и злился на себя за позорную сентиментальность. Когда репьи были исчерпаны, виконт спровадил пса к Капуль-Гизайлю прощаться с Эвро, вернулся к себе и в самом отвратительном настроении, даже не сняв сапог, плюхнулся на кровать.

Как назло, во «Льве под вишнями» не нашлось ни единой лизы, сочинять письма было некому, и Марсель предался размышлениям о «бесноватых», которые сперва перли на рожон, потом заметались, а когда подошли кэналлийцы, частично разбежались, а частично принялись глупо и отважно умирать. Самыми смелыми оказались цивильные, а труса праздновала барсинская солдатня, правда, потом она то ли опомнилась, то ли, наоборот, свихнулась. Вместо того чтобы шарахаться от кэналлийских разъездов, мародеры хватались за оружие и отправлялись прямиком в Закат. Жалеть их было нечего, но понять хотелось, как и Адгемара, и приставшую к Эпинэ разнокалиберную нечисть...

Сапоги мешали думать, и Марсель их все же стащил, заодно сбросив и алвасетскую куртку, а когда собирался улечься вновь, обнаружил в постели девчонку, как две капли воды похожую на ту, что возвестила о приходе Валтазара. Слегка удивленный виконт покосился на дверь: крючок был поднят. Значит, хозяин истолковал его вечерние взгляды совершенно правильно.

— Как тебя зовут? — полюбопытствовал оживившийся виконт.

Девчонка облизнула губки и улыбнулась:

— Как хочешь... Как тебе нравится... Завтра тебе будет все равно.

— Пожалуй, — согласился Марсель и решил, что лучше все же запереться. Девица считала так же: соскочив с кровати, она метнулась к двери, ничуть не стесняясь своего вида, правда, стесняться ей было нечего. Такой фигурке позавидовала бы любая пантерка, не говоря уж о Дженнифер, не к ночи будь помянута! Виконт ухватил вернувшуюся гостью за руку, та ответила достойным герцогини пожатием. Мало того, она даже не думала хихикать!

— Ты уверена, что не ошиблась? — уточнил Валме. — Ты не Лиза, а произведение искусства, тебе нужно к господину барону.

— Нет, — она улыбнулась, — я пришла к тебе. Ты искал, я пришла.

— Не то чтобы искал, но я рад, — заверил Валме, которого беседа потихоньку начинала увлекать. — У тебя, часом, нет родичей в Фожере? Ты похожа на одну малышку оттуда.

— Тебе нравится. — Она не спрашивала, а утверждала. Оказывается, у нее были длинные волосы, очень длинные, а он сразу и не заметил. — Если нравится, чего же ты ждешь?

— Сам не знаю. Хочешь пряник?

— Зачем? — Она опять не засмеялась. — Я хочу другого, и ты тоже.

Какая беседа, какая роскошная беседа! Коко учил Марианну несколько лет, а тут девчонка из трактира. Бриллиант, сапфир, ройя, только какая? Уж не черная ли?

Первый поцелуй вышел легким, будто озерный ветерок, девичьи губки пахли ночными цветами, длинноволосое совершенство знало толк в любви, это было прекрасно, это было печально, это было волшебно... Ни единой оплошности, ни единого прегрешения против галантнейшей из наук. Такое бывает лишь во сне, и это, разумеется, было сном, ведь в объятиях Марселя извивалась Франческа, восхитительно бесстыдная, истомившаяся по любви и напрочь позабывшая о белокурых маршалах. Она стонала, как пела, в черных глубинах глаз цвело счастье, и Марсель не жалел сил, ублажая свою мечту, пока под дверью не заскребся Котик.

Он, несомненно, тоже снился, но очень громко. Любить мечту под непрерывный нарастающий скулеж становилось тяжело. Марсель оторвался от томно изогнувшейся красавицы, поднялся и тут же сел, так как пол вместе с брошенной на него овечьей шкурой самым безобразным образом покачнулся.

— Ну и сон, — сказал Марсель. — Чужие невесты, чужое пьянство, и только собака своя.

Котик продолжал настаивать, Валме собрался с силами и предпринял вторую попытку, на сей раз успешную. Теперь ему снилась еще и головная боль, не сильная, но противная. Виконт потер виски, оглянулся на постель, которая оказалась

пустой, и впустил Котика; тот вошел, но как-то странно, при опущенном остатке хвоста и прижатых ушах. Тихо и жалобно ворча, пес делал короткие боковые шаги на прямых, напряженных лапах и при этом не сводил немигающего взгляда с покинутой кровати. Бедняга напоминал распорядителя ургот-ской мистерии, но Валме предпочел бы Елену в платье Элкимены. Решив, что он проснулся, Марсель постарался припомнить, когда разделся, память упрямо настаивала на том, что все, кроме мундира и сапог, с кавалера сняла девица, до того, как превратилась во Франческу. Отчего-то стало холодно и до невозможности захотелось шадди, причем сладкого. Виконт покосился на так и ворчащего в шаге от двери волкодава и решил растолкать трактирщика, а пока готовится шадди, написать пару строк в Ургот.

— Не надо, — сказала Елена. Она была одета для «гальтарской» мистерии — туника, высокий парик, длинные серьги. — Останься со мной. Ты ведь хочешь... Я знаю, я слышу, чего ты хочешь.

Уйти от зовущей дамы тяжело, даже если ты одет, но ургот-ская наследница отрéзала Марселя от штанов и рубахи, а пойти в обход было недостойно воспитанного кавалера. В конце концов, Алва хотел, чтобы они поженились, а сны есть отражения наших мыслей. Франческа исчезла, чтобы появилась Елена в розовой тунике, то есть уже без нее. Поцелуй, полуулыбка, изящные руки медленно поднимаются, снимая головной обруч, ничем более не сдерживаемая черная с просинью волна захлестывает плечи, окутывая девушку чуть ли не до колен. Черная?! У Елены русые волосы, не достающие и до пояса. Ах ты ж...

— Птице-рыбо-дура! — Валме схватил «Елену» за основание косы. — Ты хоть понимаешь, что творишь?! Не со мной и Мевеном — с Эпинэ?! Выбрала в любовники, так не убивай! Стой! Стой... рыбка, или тебя Лизой назвать?

Почему-то она остановилась, почему-то не убила, хотя могла, что для таких человек?

— Он счастлив. — Черные волосы светлеют, распрямляются, извиваются овражным туманом. — Он счастлив и будет счастлив, когда вы канете в воды без дна...

— Он повесится, как только узнает о Марианне! — рыкнул Марсель, понимая, что Зоя в сравнении с некоторыми — кла-

дезь ума! — Робер верит, что ты — его сон о любимой женщине, причем она в это время тоже спит и видит его. А она умерла — это-то ты можешь понять?! Умерла, остыла, канула в воды, а он ждет, будет ждать и жить, пока не узнает. Дальше вряд ли...

— Зачем? — У нее еще и глаза зеленые! — Зачем ему знать?

— Затем, что он хочет быть с Марианной все время. Вместе, в горе и радости, детей хочет, дóма хочет, стареть хочет.

— У него не будет детей... Уже не будет, его дети стали его жизнью, его молодостью, его снами. Волна спела Молнии, Молния упала в Волну, он дважды мой, он будет жить долго, он будет со мной...

— Если поймет, что жил с оборотнем, он от тебя сбежит. В лучшем случае в целибат, в худшем — к своей баронессе в какой-нибудь Рассвет. Ну зачем ты к нему прицепилась?! Вокруг столько кавалеров, которым что ты, что птице-рыбо-дура, что Лиза какая-нибудь, без разницы!

— Он мне нужен! Я выбрала...

— А он тебя нет! И пока не прекратишь корчить из себя Марианну... ту, кого он любит, ты ему нужна не будешь. Ты-то сама на кого похожа?

— Я такая, — очень светлые, очень розовые губы тронула смешанная с плачем улыбка, запахло лилиями и водой, — такая...

Лицо, волосы, плечи, грудь с нежными сосками, талия танцовщицы, бедра и... Не птице- и не рыбо-, а змея, впрочем, это красиво и очень по-гальтарски! Коко точно пришел бы в экстаз... Любопытно, Умбератто *это* живьем видел?

— Тебе нравится, ты любуешься. Ты понимаешь, что я красива.

— Ты прекрасна... Вот и приходи к Роберу такой, только с ногами, хвост он точно не поймет. Пусть думает, что это сон, и пусть этот сон ждет. У тебя не так много времени, даже если графиня... та, что видела женщину Робера мертвой, задержится, он начнет догадываться. Когда к зиме не будет ни письма, ни известий, поймет, а дальше зависит от тебя. Если хочешь его получить, сделай так, чтобы он ждал и хотел именно тебя. Пусть не душой, телом, ты же его знаешь.

— Знаю... Хорошо, что ты меня видел, хорошо, что ты мне сказал. Иди ко мне, я верну что взяла... Не бойся, я благодарна, и меня мало, чтобы отобрать у тебя твое продолженье. Все решила Молния, она была второй, я только подхватила...

Подхватила она, ну, может, и подхватила... На Котика Валме оглянулся, потому что начинал тревожиться за пса, к тому же было не лишним проверить свои глаза. Волкодав благополучно почивал, похрапывая, как адуан на биваке, а хвостатое диво не исчезало и даже обзавелось веткой лилии.

— В тебе отражаются трое, кого ты хочешь больше?

— Сейчас тебя. — Валме наклонил голову, любуясь переливами чешуи. — Что ты взяла, то взяла, но я хочу тебя такой. Если, конечно, тебе так удобно.

Она наконец-то засмеялась и протянула руки.

Глава 4

ТАЛИГ. ВОСТОЧНАЯ ПРИДДА. ФАРНА

400 год К. С. 20-й — 21-й день Летних Молний

1

Боги Хайнриха помогли прежде, чем повелитель медведей успел их об этом попросить. Лионель с маркграфом только спустились с Ветровой Гривы, когда из-за похожей на обозленного бобра горы им навстречу вылетел «фульгат» с парой заводных лошадей. Заросшего щетиной сержанта Ли знал в лицо, и лицо это сияло, что могло означать одно — успели!..

— Мой маршал, — выпалил «фульгат», почти раздирая седельную сумку, — вот!

«Вот» оказалось рапортом Реддинга и материнским письмом, пусть торопливым, но емким и ироничным. То, что это пишет чудом спасшаяся женщина, чужой бы не догадался, только мать, будь с ней в самом деле все в порядке, никогда не начала бы с «мой Ли». Тем не менее она владела собой до такой степени, что, высчитав, сколько дней добираться до границы Бергмарк, а сколько — на запад, в Старую Придду, изменила первоначальный план и отправилась к Рудольфу. О цели не

было сказано почти ничего, но Лионель понял: в неизбежном столкновении графиня Савиньяк уже приняла сторону Проэмперадора Надора, и отнюдь не как мать.

Время раздумий и колебаний кончилось. Маркграф согласился, что надо спешить, и распрощался, нажелав всего, что может нажелать исполненный дружеских чувств бергер. До Фирзее было полсотни хорн, до Старой Придды — около ста тридцати. Меняя лошадей, «фульгат» домчался до перевалов за шесть дней; Ли выдержал бы подобную скачку не хуже, но уподобиться гонцу или ринувшемуся в Фельп Алве маршал не мог, как не мог бросить на подходе к Ор-Гаролис артиллерию и пехоту. Савиньяку требовались госпожа Арамона с дочерью и готовый на все хотя бы полк. Свой до мозга костей. С последним сложностей не возникло — курьер понесся к Фажетти с приказом отправить в распоряжение маршала Савиньяка младшего Хейла. Не подвели и дамы, без лишних слов согласившиеся трястись в повозке столько, сколько потребуется.

Ли решил перехватить мать на пути к регенту и перехватил. К вечеру четвертого дня пути рыскавшие впереди «фульгаты» принесли долгожданную весть: графиня Савиньяк сейчас гостит у маркиза Фарнэби. Около полуночи парни Хейла уже стучали в ворота Фарны. Обрадовался ли хозяин, Лионель не знал, но Маркус по праву слыл человеком умным, вот его сестра любила мужа слишком глупо и навязчиво, а Валмоны глупой любви, в отличие от глупой ненависти, не приветствовали.

— Лионель! Какой сюрприз. — Фарнэби всегда держался как добрый дядюшка, хотя таковым Савиньякам не доводился. Так, родич друзей...

— Считайте меня второй частью сюрприза, которым вы, несомненно, уже восхитились. Я хочу видеть мать немедленно; надеюсь, вы меня поймете.

— Конечно! — просиял Маркус. — Арлетта поднялась к себе с час назад, но вряд ли легла. Просьбы о шадди и запасе свечей говорят сами за себя. Я тебя провожу, а по дороге выражу законное восхищение. Ты творишь чудеса, но, к сожалению, только ты. Про разгром у Эйвис знаешь?

— Да, — не стал вдаваться в подробности Савиньяк. — Со мной две дамы, насколько я понимаю, хорошо вам известные:

госпожа Арамона и ее дочь. Они путешествуют в экипаже, так что я их несколько обогнал.

— Дочь прелестна, не правда ли? — Некогда знаменитый греховодник не преминул подмигнуть. — А вот с матерью нас связывает не самое приятное воспоминание. Мы присутствовали на том кошмарном ужине, когда схватили бедного Фердинанда...

— Что ж, вам тем более будет, о чем поговорить. Дамы Арамона поступают под покровительство моей матери.

— Арлетта об этом уже осведомлена? — явил былое ехидство маркиз.

— Вы можете у нее об этом спросить. Утром.

— Не люблю бессмысленных поступков. — Фарнэби понизил голос. — То, что устроил Генри Рокслей, к слову сказать, было совершенно бессмысленным. Твоя матушка собиралась выехать в восемь утра.

— Послезавтра.

— Я отчего-то так и подумал. Если захочешь меня видеть, я еще какое-то время буду в библиотеке, а слуги являются по первому звонку, когда бы ни звонили. Твои комнаты подготовят через час. Что ж, не буду вам мешать.

Маркус не мешал, но в том, что он смотрит в спину, Ли не сомневался. Не оглядываясь и не сбиваясь с шага, маршал поднялся по лестнице мореного дуба и постучал так, как стучал в Сэ, хотя мать никогда не имела обыкновения запираться. Щелкнуло, распахнулась расписная дверь, и на пороге, привычно щурясь, застыла *она*. Живая, здоровая, даже не слишком осунувшаяся.

— На площадке внизу Маркус. — Лионель шагнул вперед, и мать отступила в освещенную парой свечей комнату, будто в зеркало. Она молчала, и Ли казалось, что он слышит, как колотятся сразу два сердца; от своего он подобного галопа не ожидал.

Дверь запиралась на засов, и маршал ее запер. Обернулся. Мать стояла посредине гостиной и глядела мимо сына куда-то в угол.

— Ли, милый, тебя не затруднит выпить пару бокалов с Маркусом? — Голос был спокоен и безмятежен, как некогда у постели свалившегося с дерева Арно. — Мне нужно взять себя

в руки, иначе я разрыдаюсь, как Идалия по возвращении Бертрама с кухонь...

— Мама... мужчины не выносят материнских слез только над своими разбитыми носами! Ну и когда из слез делают клетку, но ведь ты не Жозина Эпинэ...

— Она ничего не сделала — не смогла. А я уже не знаю, кто я «не»... — Рука с браслетом прикоснулась к воротнику, этот жест был Ли незнаком. — Наверное, слезливость тоже заразна... Заехала в Фарну, и пожалуйста! Не мать, даже не мармалюка — чистая Идалия Валмон! Так что, дитя мое, кыш! Через полчаса я буду походить на человека.

— Нет.

— Не буду?

— Попробуй не шутить. Так будет легче, и мне тоже.

— Кажется, — как же она знакомо, невыносимо знакомо щурится! — я наконец-то начинаю вас путать. Ли, это точно ты?

— Да. — Лионель обнял родную, из последних сил улыбающуюся женщину. — Просто я видел тебя в Нохе. Ты стояла у окна, придерживая синюю занавеску, за твоей спиной переодевалась Марианна, а с площади в ворота ломились... вряд ли люди. В них стреляли, они умирали, но не останавливались. Это я тоже видел.

— А ты видел, как умерла Марианна?

2

— А ты видел, как умерла Марианна?

Сын обнимал ее впервые за, наверное, двадцать лет, а она? Даже не мармалюка, а... Как же ее назвала эта гадина?

— Я тебе не говорила, как меня называла Каролина?

— Мне и без того хотелось ее утопить. За одухотворенность и требования возвышаться скопом.

— Значит, не говорила... — Они так и торчали посреди комнаты, будто статуя на клумбе. Мать и сын, годами не желавшие друг другу выказывать что-то большее, чем дружба... Ли, впрочем, выказал, это она, когда мальчишкам исполнилось одиннадцать, запретила сюсюкать не только себе, но и всем, от служанок и до подруг. Она была права, раз Ли сейчас ее обнимает, тысячу раз права!

— Арно пропал... Вместе с Каном.

— Знаю.

— Ли, только *честно*!.. Ты ждешь?

— Я ждал даже тебя, а ведь я видел Олларию... У Эйвис было просто сражение, а Савиньякам на войне фартит.

— Дитя мое, мне кажется, ты начинаешь врать.

— Хочешь, поклянусь кровью, что за тебя я боялся больше?

— «Чудовище»!.. Не ты, хотя и ты тоже... Кара называла меня чудовищем, а не матерью, но живы вы, а не ее... Капотты.

— Капотты?

— Я тебе потом объясню. Значит, я тебе снилась?

— Не совсем. — Ли, не разжимая объятий, повел ее к креслу, Арно тоже так делал. Старший Арно... — Мама, я носился по Олларии, будучи в Торке. Не представляю, как у меня это получалось, но я там был. Маркус говорит, ты потребовала шадди; нам его понадобится много, хотя начал бы я с вина.

— Тогда марш за кэналлийским! — Арлетта сделала над собой усилие и разорвала кольцо сыновних рук. — Ты не представляешь, сколько я на тебя вывалю...

— Взаимно. — Лионель улыбнулся и вышел. Он улыбался немного не так, как отец и братья; в детстве близнецов порой различали по улыбкам, а старик Эпинэ шутил, что маршала с экстерриором даже на горшке не перепутаешь. Старый спесивый балбес угробил всю семью, но если б королевой стала Магдала, ничего бы не случилось, так что все из-за Кары, раздери ее кошки хотя бы в Закате!

Добыча, с которой графиня Савиньяк не расставалась, хранилась в дорожном сундучке с розами. Мастер, сработавший сей обретенный на Кольце шедевр, явно принадлежал к той же школе, что и создатель любимой рамочки Ли. Именно поэтому Арлетта и не смогла пройти мимо розового дива, вызвав на рожах при сем присутствовавших «фульгатов» довольные улыбки. Достойные представители Северной армии гордились лебедями своего маршала и были приятно удивлены его матерью... Ну и тем, что она нашлась. Женщина утерла выступившие наконец-то слезы и, откинув снабженную препаршивым зеркалом крышку, вытащила сверток с маской и записками разделенных почти целым Кругом людей. Первый был силен и мудр, второй мудр и слаб, третий слаб и мерзок, но в голово-

ломке, которую графиня Савиньяк собирала сперва с Левием, а потом одна, нашлось место и королям, и ментору, причем ментор сейчас был важнее.

3

Эту физиономию, да еще глубокой ночью, Луиза предпочла бы счесть дурным сном, но их с Сэль в самом деле приветствовал маркиз Фарнэби. Вынырнувший из столичного прошлого паскудник источал любезность, но не более того, и капитанша уверилась, что красавица, если ей покровительствует Савиньяк, переходит в разряд ангелов. В том смысле, что даже самый ретивый бабник может лишь созерцать и благоговеть. Луизу это устраивало, а обремененная сонным Маршалом Селина уделила маркизу не больше внимания, чем воротам.

Покои, в которые водворили дам, у маменьки Креденьи вызвали бы сладострастный стон. Хозяева поместья умудрились объединить рюшечки, бантики, букетики и прочие прелести в нечто на удивление не тошнотворное, несмотря на пастельные тона.

— Хотела бы я глянуть на маркизу, — призналась Луиза, когда они наконец спровадили слуг.

— Зачем? — зевнула Селина.

— Сама не знаю, — отмахнулась вымотанная не меньше дочери капитанша. — Давай ложиться, утро вечера мудренее.

Мудрость утра проявилась в том, что сбежал Маршал: то ли поманила любовь, то ли просто прогуляться захотелось. Кот уже давно давал понять, что постоянные переезды ему надоели, и не преминул воспользоваться моментом — коль уж с утра не засунули в эту трясучую и скрипучую гадость, то вперед! Точный выбор момента, рывок за дверь, прыжок на подоконник, и только хвост мелькнул.

Луизу кошачья выходка не слишком обеспокоила, а вот Селина встревожилась.

— Жрать захочет, явится, — отмахивалась озабоченная своими мыслями капитанша. — Ты помнишь, что нам представляться графине Савиньяк?

— Да, — подтвердила дочка, шаря глазами по комнате. — Ты моего платья не видела?

— Видела, — Луиза нежно улыбнулась, — а вот ты его больше не увидишь. Наденешь черное.

— Зачем?

— Затем, что мы носим траур, да и вообще для голубеньких тряпочек сейчас не время.

— Мама, а если бы траур нам не шел, ты нашила бы столько черных платьев?

От восторга Луиза выронила гребень. Селина смиренно копалась в сундуке, явно выискивая что попроще, и это было правильно во всех отношениях. Капитанша внешне спокойно занялась волосами: сегодняшний день решал очень многое, и Луиза старательно вспоминала все, что когда-либо слышала о графине Савиньяк, а слышала она не так уж и много. Мать Проэмперадора при дворе почти не бывала, предпочитая Сэ. Краклиха как-то брякнула, что графиня с юности крутит любовь с Валмоном, а на излете молодости пускала к себе сперва Карлоса Алву, а потом и Рокэ. Про Валмона Луиза слышала и раньше, от маменьки, но господин Креденьи сказал, что это чушь и Арлетта, будучи урожденной Рафиано, добродетельна, но, увы, не женственна и не слишком умна. Разговор, впрочем, затеяла Аглая, а хвалить в ее присутствии других дам было чревато.

— Я надену это. — Дочь держала на вытянутых руках платьице с белой оторочкой. Совсем простенькое, но превращавшее Селину в героиню баллады.

— Отлично, — одобрила Луиза, вдевая серьги. — Как ты смотришь на то, чтобы сходить в церковь? Повернись-ка...

Селина послушно подставила шнуровку, но мысли ее были явно заняты другим. Узнать, чем именно, труда не составило: дочка слишком близко принимала к сердцу отсутствие Маршала, к сожалению, пока четвероногого.

— Хорошо, — вздохнула капитанша. — Пошли искать... Для начала спросим прислугу. Люди здесь приятные, да и от пары монет никто не откажется...

В доме о беглеце не знали ничего, но копавшийся в клумбах у парадного входа парень радостно закивал.

— Ага, видел такого! За конюшни вроде бы трусил... Здоров, зверюга! Поискать? Сейчас-то я не могу, а как солнце придет, за милую душу.

— Будем очень признательны. — Луиза красноречиво тронула кошелек, но садовник, заметив некстати вылезшего хозяина, торопливо ткнулся носом в циннии.

— Мама, — твердо сказала Селина, — я пойду к конюшням.

— Хорошо, — быстро согласилась Луиза. Сбежать от маркиза уже не выходило, а девочке в обществе пошляка, пусть и притихшего, делать было нечего. — Туфли не запачкай.

Маркиз подплыл той самой «изысканной» походкой, от которой капитаншу тошнило еще в Олларии, и предложил осмотреть сад, не забыв спросить про торопливо удалившуюся Селину. Луиза слегка смутилась, позволив собеседнику решить, что дочка пошла... поправить прическу.

— Подобное совершенство, — проворковал Фарнэби, — не нуждается в талантах куафера и портного. Ваше появление здесь сродни чуду, признаться, я не думал, что увижу вас вновь. Я счастлив.

— Вы нам льстите.

— Вашей дочери льстить невозможно, а вы слишком умны, но мое счастье при виде вас двояко. Я рад не только за свои глаза, но и за свою репутацию. Видите ли, мое положение среди дворян провинции несколько пошатнулось...

Маркиз был большой мастак на словесные завитушки, но положение, в котором он оказался, и впрямь было незавидным. Те, кто удрал из Олларии раньше Фарнэби, либо сидели под замком, либо, отряхнув с лапок манрико-колиньярский прах, рьяно служили регенту, всячески порицая как временщиков и трусов, так и переметнувшихся к узурпатору предателей. Фарнэби с бегством опоздал и был встречен более чем холодно, а все потому, что ни в кого не стрелял и в окно не прыгал. Маркиз всего лишь остался с Фердинандом, иногда говорил ему правду и в глаза назвал маршала Рокслея дураком. Тем, кто судил о столичных делах из своих поместий, этого было мало, да и доказательств у Фарнэби не имелось. До встречи с госпожой Арамона. О том, что вдовая капитанша являла собой ценность лишь в сочетании с Савиньяками, маркиз тактично умолчал.

— Сперва меня обвиняли в сговоре с ее величеством, которую называли не иначе как «эта Ариго», — сетовал Фарнэби. — Дескать, мы предали короля в руки узурпатора и сдали Олла-

рию. Потом ее величество разнесла эту сплетню в клочья, и что же? Теперь я бросил уже королеву. Нет, я не спорю, я в самом деле не кинулся на изменников с вилкой для рыбы, но разве те, кто меня судит, сами хоть кого-то спасли?.. Поймите, я не напрашиваюсь на орден, да в Талиге и нет ордена, который дают за непредательство, но мне обидно. Где были бы мои соседи, окажись они за тем же столом, что и мы с вами? Это здесь Давенпорт на Давенпорте, а в Олларии? Гогенлоэ обижен на меня за то, что я принял от Фердинанда должность геренция, а почему мне было ее не принять? Я, между прочим, исполнил волю моего короля.

— Что и кому я должна подтвердить? — перешла к делу Луиза. — Я слышала, как вы выступили против замены Первого маршала Талига, помню и то, что вы сказали Рокслею, но не стану же я объезжать ваших соседей!

— Что вы, я никогда не посмею просить о подобной жертве! Но вы можете открыть глаза вашим покровителям хотя бы на историю с Гогенлоэ. Простите... Мне кажется, или я вижу вашу дивную дочь? И почему-то в обществе моего старшего конюха...

Маршала поймали. Конюх, дюжий мужчина средних лет, волок издающий боевые вопли сверток. Селина с поджатыми губами шла рядом.

— Мы искали пропавшего кота, — несколько растерянно объяснила госпожа Арамона. — Нам сказали, он побежал к конюшням. Наверное, паршивец затеял драку.

— Мне не нравятся их лица, — бросил Фарнэби. — Им следовало бы улыбаться.

4

— Создатель, — Арлетта не выдержала и поморщилась, — что за мерзкое существо! И ведь я эти откровения уже читала. Некоторые ду́ши сродни тухлым яйцам, пробирают при каждом столкновении...

— Это сравнение тебя недостойно, — укорил Ли. — Одно тухлое яйцо проберет один раз, а сей мэтр не отпускает тебя вторую неделю. Впрочем, я тоже потрясен. Его гальтарским. С подобными знаниями браться переводить Эрнани...

— Ты переведешь лучше?

— После войны. Но перейти на язык Иссерциала и Эсператии, чтобы скрывать свои мыслишки! Это само по себе притча. — Лионель вновь взялся за записки покойного ментора. Шабли вел их со дня прибытия в Лаик, сперва на талиг, потом, едва не попавшись с Сузой-Музой, на гальтарском. Весьма посредственном, сын был прав. Сын был прав, и сын был рядом, это наполняло душу теплом, смешанным с растущей тревогой за Арно и ощущением того, что нужно спешить. Куда и зачем, женщина не понимала, как не понимала, для чего перед самыми родами затевала большие уборки с вытряхиванием всех шкафов и сундуков. Тогда она торопилась, боялась не успеть, боится и теперь.

— Мама, — окликнул Лионель, — те, кто остался в Лаик, не пытались свести счеты с Сэц-Пуэном?

— Нет.

— Из Олларии до Лаик вас добралось сперва трое, потом Джанис с Пьетро притащили еще шестерых, причем вы с Пьетро в скверне, если зелень — это скверна, можно сказать, купались... Не взбеленился никто — ни вы, ни слуги, ни солдаты с крестьянами, а мэтр, чуть ли не в каждой записи объяснявшийся вам в ненависти, тревожился лишь о том, возьмут ли его с собой. В первый день дороги не произошло ничего, потом вы встретили Уилера, Шабли все еще был тих и лишь хотел добраться до рукописей Эрнани...

— Не совсем так, — уточнила Арлетта. — Сами рукописи его не занимали, он пытался навязать себя. С учетом его чувств это особенно мило...

— Затем он решил попытать счастья еще раз, привлек на помощь Сэц-Пуэна, отыскал тебя, начал прежний разговор и сорвался.

— Это было мерзко, — припомнила Арлетта. — Сперва я подумала, что он пьян...

— А это и похоже на пьянство, которой стало чумой. Или на чуму, которая похожа на пьянство...

— Города, пьяные чумой. — Женщина вздрогнула. — Ужасно...

— Да, — и не вздумал утешать Лионель. — Рокэ опасался Олларии, но об Эйнрехте он не думал.

Стук в дверь показался тревожным, а может, тревога была с ней. Арлетта поправила волосы. Она не хотела ждать худшего, но ждала.

— Прошу прощения, — извинился Фарнэби. — Дважды прошу. За вторжение и за то, что под моей крышей...

5

Все началось с того, что Селина пошла искать кота. Собрата-Маршала Лионель помнил — черно-белый, дворовый, боевой, он просто не мог не удрать. Во время поисков девушка столкнулась со вторым дворецким Фарнэби, и тот повел себя невежливо и даже по́шло. Девица Арамона ссориться, по своему обыкновению, не захотела и, не сказав грубияну ни слова, двинулась дальше. За конюшнями ей помогли-таки отыскать пропажу, и с котом на руках Селина отправилась назад.

О том, что было дальше, рассказывали трое, не считая надо и не надо встревавшего хозяина, но хватило бы и одной Селины, которая умела и рассказывать, и отвечать. Савиньяк почти видел пустой двор и девушку с черно-белым котом, который внезапно дернулся и напрягся; хозяйке пришлось обхватить буяна поперек туловища обеими руками, и тут из ближайшей приоткрытой двери вывалился давешний пошляк. Еще не известно, как бы все обернулось, сдержи дворецкий свой язык хотя бы полминуты, но словесная гнусь полезла из него, когда он был еще шагах в десяти. Что происходит, Селина не понимала, но угрозу почувствовала, а Маршал уже рычал на приближающегося человека, рычал низко, страшно, куда свирепей, чем на Зою.

Не останавливаясь, мужчина нагнулся и подхватил приличных размеров палку. Селина прижалась к стене сарая, а потом, не соображая, что делает, резко выбросила руки вперед, и растопырившийся кот полетел прямиком в перекошенную морду.

Рычание сменилось пронзительным воем, переполошившим, казалось, все поместье. К вою примешалась яростная брань — дворецкий пытался, прикрывая одной рукой глаза, отодрать от себя зверя, Маршал же старался запустить когти поглубже. Потом сразу с двух сторон на двор выскочили люди — старший конюх и несколько его помощников, выскочили и замерли в недоумении.

Объяснил все сам «котодранец»: он сумел наконец отшвырнуть зверя и, подхватывая с земли оброненную палку, выдал тираду предельной гнусности. Тут ему вновь пришлось отвлечься на Маршала, ненадолго, но этого хватило. Селина успела только начать: «Он на меня...», как молодой парень в кузнечном фартуке со всего маху врезался в обидчика девушки сбоку. Следом налетели остальные. Пара увесистых ударов по голове, и урод уже не мог подняться, тогда его принялись бить ногами.

Старший конюх к веселью не присоединился, у него были дела поважнее. Ловко накинув на все еще топорщившего шерсть кота куртку и крепко прижав зверя к груди, он повернулся к Селине: мол, я вас провожу и киску вашу поднесу, нечего тут делать, без нас справятся.

Девушка молча пошла вперед, конюх задержался, обернувшись на своих ребят, а те старались, лупили с душой, крепкий с виду мужчина уже не брыкался и не ругался, только хрипло охал, и тут вмешалась Селина, потребовав прекратить избиение.

— Монсеньор, — объяснила она, — понимаете... Он совсем такой, как вы говорили. Я подумала, вы захотите посмотреть.

6

Вот и познакомились с графиней... Хорошо так познакомились! Луиза не рыдала и не ржала в голос лишь потому, что не знала, что ее душит — слезы или смех.

Савиньяк вытрясал из свидетелей душу, мать ему помогала, Селина, морща от усердия лобик, вспоминала выплеснутые на нее пакости, словно урок. Непонятные слова дочка заменяла теми, что были ей известны; получалось нелепо до чудовищности и чудовищно до нелепости, особенно когда невинная дева объясняла, что ее посылали в Ноху...

— Или в Нуху? — Сэль не была уверена до конца. — Там продают талигойских невольников. Этот человек мог хотеть, чтобы меня продали холтийцам...

— Я не думаю, что нам важны его желания. — Графиня говорила ровным голосом, но в черных глазах Луизе почудилась смешинка. — Мне кажется, Фарнэби, мы получили полное представление о душе вашего дворецкого.

— Мерзавец отправится на каторгу, — отрезал маркиз. — Завтра же. К сожалению, я не могу его повесить. Увы, не все поправки к кодексу Франциска полезны... Да-да, я знаю, что вы скажете. Я не могу повесить мерзавца, но и мерзавец с титулом не может повесить приличного человека. Все так, но в данном случае жаль.

— В данном случае идет война, а во время войны мерзавцев вешают, когда они попадаются. — Сын на мать не походил совершенно, и при этом родство просто било в глаза. — Поправки Диомида требуют лишь наличия свидетелей. Они есть.

— Так в чем же дело? — возрадовался любезный хозяин. — Правда, я не уверен в сноровке моих людей... Может быть, ваши «фульгаты»?

— Может быть. — Савиньяк поднялся. — Сперва я хочу увидеть этого...

— Кнуда, — с отвращением напомнил Фарнэби.

— Имеет смысл взглянуть нам всем. — Графиня взяла со стола что-то завернутое в шаль и встала.

— Но стоит ли дамам? — выразил сомнение маркиз.

— Мне — безусловно, госпожу Арамона я просила бы присоединиться к нам, а Селине идти не стоит, с нее впечатлений хватит.

Дочь, видимо, считала так же; поставив в известность Савиньяка, она успокоилась. Луиза вздохнула, вспомнив, как трепетное создание, вместо того чтобы лишиться чувств или хотя бы заплакать, тихо и упрямо толкало всех к Проэмперадору и добилось-таки своего. Не внял только Маршал: зловредный котяра умудрился извернуться, выпутался из куртки, плюхнулся наземь и тотчас исчез под домом.

— Сэль, — предложила Луиза, — поищи Маршала еще раз, только, пожалуйста, не одна.

— Я прослежу за этим, — заверил Фарнэби. — Мечтал бы лично, но ведь я должен присутствовать при допросе?

— Да, — подтвердил бесхвостый маршал. — Селине помогут «фульгаты». Маркус, вы были довольны этим Кнудом?

— Пожалуй... Дело свое знает, услужлив, понятлив. Будь иначе, я б его не держал.

— Семья у него есть?

— Ко мне он поступил вдовцом, но года три назад женился на дочери помощника нотариуса из Новой Фарны. Девица была старовата, однако с недурным приданым.

— Родню супруги навещают?

— Конечно, ведь они ждут наследства. Третьего дня Кнуд ездил с поручением в город, наверняка был у тестя.

— Третьего дня... — задумчиво повторила графиня. — Есть ли в Новой Фарне беженцы из Олларии, вы, само собой, не знаете.

— Увы... Но ведь можно узнать.

— Если потребуется.

Напавшего на Сэль ублюдка отделали отменно. Луиза с трудом скрыла ликованье при виде заплывших глазенок и разбитой хари. «Услужливый и понятливый» был стянут конскими путами, в небитом и несвязанном виде он наверняка был осанист и вальяжен, но теперь напоминал толстую кровяную колбасу, брошенную у задней стены конюшни. Рядом стоял парень с вилами и блаженно улыбался.

— Гошподин мафкиз, — взвыла «колбаса», и Луиза с радостью обнаружила, что зубов у поганца поубавилось, — гофпова ггафиня! Умоляю... высфуфайте!.. Это заговов... Ставффый конюх меня ненавидит... Я газобвачив его пьянство...

Виноваты были все. Старший конюх с подручными, беспробудно пьянствующие и обкрадывающие доверчивого маркиза. Управляющий, состоящий в доле с конюшенными ворами и только и думающий, как бы выжить честнейшего дворецкого. Глупая девица, которая в ответ на предложение помощи запустила в доброго человека страшным зверем и подняла крик. Зверь, вне всякого сомнения, бешеный...

Оклеветанный страдалец усердно кашлял кровью, всхлипывал, взывал к маркизу, Савиньяку и Создателю и тщился осенить себя знаком. Выглядело сие тошнотворно, лживо и... неопасно.

— Мэтр Шабли вел себя иначе, — тихо сказала графиня, и ее сын в тон откликнулся:

— Мэтра Шабли не били конюхи.

— Главаря мародеров били «фульгаты»...

— Просто насильник?

— Средь бела дня? Вряд ли, но мне непонятна эта плаксивость. Мэтр не защищался бы, а нападал, главным образом на

хозяина. Мол, как ты, старый дурак, не оценил его, такого прекрасного...

— Маловато выпил?

— Я квянусь, квянусь Совдателе... Это офыбка... Девуфка не понява... Фто... Фто мовет быть нувно бваговоспитанной девице на конюфне? А мофет... мофет... она думава, фто я видев, фто она там девава с конюхами...

Загрызть ублюдка Луиза не успела: из-за угла конюшни показалась Селина в сопровождении стройного сухощавого офицера. Кошачья корзинка придавала «закатному коту» удивительно мирный вид. Казалось, он собрался на рынок.

— Фьюха! Ах ты ф! Подвая... ... ... Я тебя... твою... ... тебя... на...

Хрясь! Страж с вилами пустил свое орудие в ход, не дожидаясь приказа. Правда, пока лишь черенок. Не помогло: «безвинно оклеветанный» корчился, но продолжал сыпать словесами, которых избегал даже пьяный Арнольд, и Луиза почувствовала благодарность к покойному мужу, правда, не столь сильную, как к молодому конюху.

— Теперь это *он*, — сказала графиня, и в ее голосе чувствовалось... удовлетворение. — Значит, два или три дня...

— Похоже. — Савиньяк обернулся к Фарнэби: — Маркус, я забираю вашего котодранца, а взамен оставлю десяток солдат, дня на три. Это нужно ради вашей же безопасности.

— Как хочешь. — Хозяин Фарны, брезгливо выпятив губу, смотрел на продолжавшую бесноваться колбасу. — Но не лучше ли повесить?

— Пока нет. Уилер, отведите дам в сад и побудьте с ними.

— Идите к южной стене, — оживился маркиз, — там как раз расцветают гладиолусы.

— Слышите?

— Госпожа Арамона, — графиня Савиньяк подхватила капитаншу под руку, — в самом деле, идемте. Странно все получилось. Я еще ни с кем не знакомилась так, как с вами и вашей дочерью...

Луиза в ответ смогла лишь кивнуть, но последней каплей стало появление виновника суматохи. Изо всех сил задирая башку и хвост, Маршал куда-то волок еще трепыхающегося голубя.

Глава 5

ТАЛИГ. СТАРЫЙ КРИОНСКИЙ ТРАКТ АЛЬТ-ВЕЛЬДЕР

400 год К. С. 22-й день Летних Молний

1

Обществу Валме-Робер был скорее рад, но порой виконт бесил какой-то зыбкой неправильностью. То, что пузатый щеголь оказался таким же миражом, как и его «львиная собака», Робер понял еще у Барсины, но Готти, когда отпала необходимость морочить людям голову, стал честным волкодавом, кагетский посол, оставшись во время мятежа без маски, даже не пытался ее надеть вновь, а наследник Валмонов к одной ипостаси умудрился прибавить вторую. Будто фазан взял и обернулся капюшонной змеей, не пожелав при этом расстаться с яркими перьями. Не для того, чтобы обманывать, но исключительно для красоты.

Однажды Робер, не выдержав, сказал об этом виконту; в ответ раздался панегирик змеиным хвостам. Больше Эпинэ на откровенность не напрашивался, тем более что места делались все более родными.

— Это Журавлиная... — объяснял Эпинэ то Карои, то брату Анджело, то Мевену. — Это Грозовое... Мюзиньи... Горуа... Оборотная горка...

Мысль о доме завладела бывшим Проэмперадором полностью. Будь на то его воля, Робер помчался б вперед так быстро, как выдерживал Дракко, но ни младенца, ни покойного кардинала галопом и даже рысью не повезешь. Все, что мог Эпинэ, — это пытаться сократить ночевки и обеды, но Валме с Карои любили поесть, а наследник Валмонов еще и поспать.

— Уже не меньше восьми, — жаловался Мевену Робер, — сколько можно спать?

— По крайней мере, — утешил спустившийся вниз одновременно с Эпинэ Мевен, — нам никто не помешает позавтракать. Этот постоялый двор явно лучше предыдущих, и я отнюдь не уверен в следующих.

— Ты хочешь есть? — удивился Робер. В последнее время Иоганн по утрам выглядел не лучшим образом и на завтрак только пил шадди, правда, к обеду превращался в оголодавшего волка.

— Есть я хочу, — Мевен понизил голос, — но больше поговорить. И чтобы никто сзади не подполз. Двинемся мы не раньше девяти, так почему бы тебе не угостить меня настоящим южным завтраком? Ну и местным вином, не без того. Кэналлийское кэналлийским, но ты так рвешься в Эпинэ...

— А тебя домой совсем не тянет?

— Как-то не думал... — Мевен безучастно скользнул взглядом по развешанным на стенах гирляндам лука, чеснока и разноцветных перцев. — А вы в самом деле чесночники...

— Вот именно! — внезапно развеселился Робер и заказал настоящее кроличье рагу.

Мевен хотел поговорить, Иноходец — поесть без чужих глаз и лихорадочных раздумий. Не вышло ни того, ни другого. В мирное, пахнущее вкусной едой утро вступил еще молодой капитан в сопровождении полудюжины солдат. Эпинэ капитана не знал, а вот Иоганн вполне миролюбиво приподнял стакан.

— Это Анри, — шепотом представил он. — Анри Дарзье... Сто лет не виделись.

Все, что успел Эпинэ, — это понять: перед ним наследник Дораков, и наследник этот преисполнен чувства собственной значимости не меньше Дикона.

— Робер Эпинэ, — возвестил он, — вы подлежите задержанию за незаконный переход Кольца Эрнани, похищение его высочества Октавия и прямое нарушение приказа командующего Кольцом Эрнани графа Дорака, а также за самочинное присвоение должности Проэмперадора Олларии и многочисленные злоупотребления, повлекшие за собой мятеж. Иоганн Мевен, вы обвиняетесь в пособничестве Роберу Эпинэ и государственной измене. Извольте сложить оружие и следовать за мной, или же к вам будет применена сила.

— Анри, — не понял Мевен, — какая муха тебя укусила?

— Сударь, то, что мы когда-то были знакомы, вашу участь не облегчит! Извольте сложить оружие!

— Ты повторяешься. — Мевен обернулся к Роберу; в его глазах был вопрос, и Эпинэ едва заметно кивнул. Первой промелькнувшей у Робера мыслью стала радость от того, что беженцы и Дэвид под присмотром Эчеверрии, вторая касалась уже Дарзье, который изрядно рисковал. Превратить картинно положившего руку на эфес капитана в заложника ничего не стоило. Третья мысль хоронила вторую: Дарзье недаром напомнил Дикона, исполняя приказ, он вряд ли понимал, что связывается прежде всего с Марселем, при котором полусотня адуанов, не считая Готти.

— Трактир оцеплен. — Дарзье молчание Робера понял по-своему. — Сопротивление бесполезно. У вас на размышление...

Размышлять Иноходец не собирался, но запустить в физиономию ретивого капитана перечницей хотелось, мешал неудачно стоящий хозяин и отвращение к приключениям. Любым. Герцог Эпинэ ехал домой и не желал драться, ссориться, что-то выяснять... Пожав плечами, Робер налил себе вина, прикидывая, надо ли просить хозяина уведомить виконта Валме о визите виконта Дарзье или предоставить это вряд ли проморгавшим оный визит адуанам.

Вопрос решился сам собой. Полотняный дверной полог раздвинулся, пропуская Марселя, и выражение лица у виконта было самое... посольское. Левой рукой наследник Валмонов придерживал за ошейник улыбающегося волкодава, в правой томно белела лилия.

— Вы собрались кушать? — Виконт до такой степени не видел Дарзье и его солдат, что Робер едва не поверил, что их нет. — Без нас с Готти? Мы почти обижены...

— Вы поздно встаете, — глухо отозвался Мевен.

— В некоторых случаях подняться не столь уж и трудно. — Валме поискал глазами хозяина. — Любезный, чем это пахнет?

— Сударь... — Взгляд трактирщика метался между высокопоставленными гостями, будто мышонок среди котов. — Это кролик... рагу...

— Отлично. — Виконт изящно уселся напротив Мевена, и Готти немедленно развалился рядом. — Подавайте... Эпинэ, вы бывали в этом заведении прежде? Здесь довольно уютно, и вчерашняя поджарка говорит в пользу хозяина, но вот кролик... Он может быть либо прекрасен, либо безнадежен.

— Я здесь впервые.

— Вот как? — Загоревшая явно не под северным солнцем рука небрежно бросила цветок на стол. — В таком случае отдадимся на волю судеб. Ваше рагу уже поспевает?

— Если и да, — ожил Дарзье, — оно этим господам не понадобится. Они арестованы и будут препровождены к Кольцу Эрнани, дабы...

Валме погладил собаку.

— На вашем месте я бы отослал солдат, — добродушно посоветовал он. — Понимаете, вояки имеют языки и охотно чешут их о начальство. Вы хотите в солдатскую байку?

— Я не нуждаюсь в советах...

— ...офицера по особым поручениям при особе регента Талига герцога Алва? — подсказал виконт. — В данный момент я сопровождаю его высочество Октавия в замок его опекуна Проэмперадора Олларии герцога Эпинэ.

— Чем... чем вы можете это подтвердить?

— А вы? — В голосе Валме прорезались нежные нотки, памятные Роберу по разговору графа Ченизу с Диконом.

— Я исполняю приказ командующего Кольцом Эрнани!

— Какая странная должность... — протянул виконт и внезапно осведомился: — Молодой человек, вам нравится фамилия Ракан?

— При чем здесь узурпатор?!

— Он, если можно так выразиться, аналогичен. Сей господин был излишне настойчив; не прошло и месяца, как к его фамилии прирос слог «та». Если вы с батюшкой продолжите в том же духе, высший промысел заменит в вашей фамилии «о» на «у». Навсегда. Подумайте об этом, раз уж этого не сделал ваш дядя, когда, к несчастью для любезного отечества, занемог.

— Если потребуется, — отрезал капитан, — я заставлю вас уважать если не моего дядю, то мою шпагу. Ваше счастье, что я сейчас занят, но если вы скажете еще слово, я вряд ли смогу удержать ее в ножнах!

— Боюсь, я тоже не смогу удержать... собаку. — Виконт задумчиво посмотрел на растянувшуюся возле его сапог тушу. — Понимаете, это львиная собака, а львы прыгают с места. Я могу разве что попробовать убедить Готти обойтись передними зубами... Готти, ты готов на некоторые уступки?

Волкодав поднял голову. Опасности для хозяина он не видел никакой, а потому остался лежать, просто присоединил к голосу Валме свое артиллерийское «гав!». Мол, шел бы ты отсюда, приятель, и желательно побыстрее.

— Сударь! — Рука Дарзье легла на эфес. — Вы забываетесь!

— Это Готти-то? Упаси Великий Бакра!.. Но давайте по существу. Как вы оказались в тылу, если Южная армия, к которой вы приписаны, выступила на помощь сражающейся Западной? Откуда у вас капитанская перевязь, ведь вы ходили в теньентах? Кто дал вам право безобразничать за спиной действующего Проэмперадора Юга и портить людям завтрак?

— Граф Дорак... Граф Дорак...

— Оставьте. Ваш отец не регент и не Проэмперадор, хоть у него и проклюнулось воображение. «Командующий Кольцом Эрнани...» Чувствуется, что Дидерих был еще и Сэц-Дораком.

Марсель был беспощаден и великолепен; пожалуй, он снискал бы одобрение самого мэтра Инголса. «Вначале, — пытался наставлять Эпинэ старый законник, — вопросы, которые сбивают с настроя, потом насмешка и как завершение — козырь из рукава, пусть и небольшой. Все вместе ломает самую крепкую линию...» Линия Дарзье крепкой не была. Капитан явно пытался придумать достойный ответ и не мог, однако жаль его Роберу не было. За спиной начальства прятали усмешки солдаты, предсказанная Валме байка вызревала на глазах. Скрипнули половицы — хозяин бочком подобрался к окну и отодвинул занавеску: двор был полон адуанов. Козырь Валме был не из мелких, и повернувший голову на скрип Дарзье это понял.

— Я доложу о вашем самоуправстве, — нашелся наконец он.

Валме бросил на стол кошелек.

— Сто таллов против десяти, что ваш батюшка после встречи с моим впадет в меланхолию и отучится... забираться в чужие астры.

— Столько же на то́ же. — Мевен положил обручальный браслет рядом с кошельком, и Робер вспомнил, что Иоганн обручен с Леони Дорак. Был.

2

Счастье было прекрасным и чужим, но оно существовало! Как и долгая, дольше всей жизни Мэллит, любовь, как свет в глазах роскошной и тепло в голосе нареченного Куртом, целовавшего руки жены.

Гоганни видела встречу этих двоих на плавучем мосту, и сердце девушки плакало от боли и пело от радости. Не ее любили, и любила не она, но обретшие друг друга после разлуки были прекрасны в своей зрелости, как прекрасно плодоносящее лето. Только несколько мгновений взяли они у тех, кто следовал за своим генералом или ждал в озерном замке, но эти мгновенья озаряли душу Мэллит и дарили надежду.

— А вот и Мелхен. — Юлиана обернулась и взяла гоганни за руку. — Представляешь, она называет меня «роскошная»... Вот ведь бельчонок!

— «Роскошная»? — Курт смотрел на Мэллит, но думал о жене. — Когда я тебя увидел, ты была не цветочком, а бутоном. Розовым, как заря, а эта розочка будет белой.

— Я надеялась на молодого Норберта. — Женщина всхлипнула. — Но он уже никого не подведет к своему деду... Бедный Зигмунд!

— Все Катершванцы погибли так, как должно воинам Бергмарк, — нареченный Куртом вновь поднес к губам руку любимой, — но тебе нельзя долго оставаться у воды. Здесь дует!

— Я — роза, но северная. — Роскошная коснулась щеки супруга и засмеялась; стань аромат истинной розы смехом, он был бы таким. — Курт, я же понимаю: твоим парням надо слезть с лошадей и пообедать. Мелхен, милая, идем...

Мэллит пошла по могучим плотам первой, стараясь не мешать. Она не вслушивалась в голоса и тихий смех за спиной, она просто знала, что в озерный замок вступает любовь. Такая, какой ее создал Кабиох. Но кто вырастил рядом со щедрой яблоней понсонью, что, умирая, порождает гибель? У выносной башни Мэллит почуяла ее дыханье и подняла взгляд. Меж двух зубцов стояла хозяйка. Опершись руками о камни, она глядела вниз — не на одинокую Мэллит, на чужое счастье. Гоганни обернулась — супруги держались за руки и не замечали никого.

— Да не станет взгляд нареченной Ирэной проклятьем, — попросила у вступающей в силу Луны девушка. — Любовь угодна Кабиоху, так защити же любящих от зла и боли, как защищаешь тех, кто не нарушил волю Его.

Мэллит не могла ни остановиться, ни остановить, через несколько шагов зло на башне стало недоступно для глаз; теперь девушка видела лишь стены и поднятую решетку, за которой ждали люди с гостевой чашей. Генерал Вейзель пил, отвечал на приветствия, просил позаботиться о своей лошади и своих людях; данная ему щедрой Луной женщина улыбалась и обнимала Мэллит, думая о муже, и только о нем.

— Курт похудел, — шептала она, когда они шли к дому. — И он очень встревожен, мы не должны его огорчать... Он очень занят, но приехал за мной сам! Конечно, я сказала ему, что надо было прислать кого-то из офицеров, но он и слышать не хочет. Курт недоволен, что я не в Хексберг, но он счастлив, что я здесь.

— Я вижу, — тихо отвечала Мэллит. — Его глаза полны радости, они тянутся к любимой, как конь к воде и пчела к цветку.

— Золотинка ты моя! Ничего, скоро и к тебе потянутся! Чтобы на празднике была с зелеными лентами!

— Я буду, — безучастно согласилась гоганни, глядя на стоящую у парадного входа хозяйку. Нареченная Ирэной прятала яд своего сердца подо льдом разума. Ее взгляд был спокоен, а слова учтивы.

— Мы с супругом рады приветствовать лучшего артиллериста Золотых земель. К сожалению, граф Гирке пока не выходит к столу, но он будет очень рад, если вы разделите его уединение.

— Разумеется, я засвидетельствую свое уважение графу Гирке. — Гость коротко поклонился. Он был немолод, но владел своим телом в совершенстве. — Нам есть что обсудить. Дриксы не позволяют забывать о том, что идет война и нам еще долго возвращать то, что мы потеряли.

— Хотелось бы верить, что к зиме в Марагоне не останется ни одного дрикса, — голос хозяйки был серебрист и холоден, как ее озеро, — но, боюсь, это невозможно.

— Регент Талига герцог Алва считает слово «невозможно» глупым и трусливым.

— Мне говорили, что он не любит некоторых слов. Я передам моему супругу, что вы его навестите, и буду ждать вас в столовом покое. Надеюсь, вы любите лунную форель?

— Курт любит рыбу, — подтвердила Юлиана, и нареченная Ирэной улыбнулась. Если б гоганни не слышала исполненных злобы слов и не стыла от ветра чужой ненависти, она решила бы, что графиня Гирке любуется чужим счастьем и оплакивает свое. Но Мэллит знала правду, и ей стало страшно.

— Бедная девочка, — вздохнула Юлиана, провожая глазами ту, что уходила. — Лишиться почти всех родных и чуть не потерять мужа... Это ужасно! Ей уже двадцать восемь, и она все еще бездетна! Что ни говори, а браки между родственниками нужно запретить. Курт, ты ведь знаешь, как я отношусь к тому, что устроила моя сестра? Но она сразу же родила Ротгера, а потом еще шестерых. Конечно, они не умеют себя вести, но они есть, и они здоровы.

— Юлиана, любовь моя... — Курт покачал головой и улыбнулся. Его улыбка и улыбка нареченной Ирэной рознились как черешневый цвет и снег. — Тебе пора прилечь.

— Мне? — переспросила шепотом роскошная. — Или *нам*?

Рука об руку они вошли в свои покои, и Мэллит отстала, не желая, подобно воробью, собирать крошки чужой нежности. В окна лился аромат цветов, и девушке захотелось их увидеть. Если б гоганни знала, что встретит хозяйку, она обошла бы сад, как обходят болото, но было поздно.

— Я хотела увидеть цветы, что распускаются к вечеру, — сказала Мэллит, ведь тишина порождает бурю.

— Среди растений есть и такие. — Голос графини был ровен и любезен. — Например, ночная фиалка и ложный лилейник. Идемте, я отведу вас к ним.

— Спасибо... сударыня.

— Я горжусь своими цветами и охотно их вам покажу.

Мэллит пошла, ведь пока первородная Ирэна была с ней, она не бросала тень на чужую радость. Девушка не знала, что отвечать, если ей напомнят встречу в лабиринте и спросят о первородном Валентине, но хозяйка говорила лишь о цветах,

которые не должны здесь расти, но растут. Их было много, и они не тосковали по родным местам.

— Скоро осень, — говорила хозяйка. — В прошлом году заморозок случился уже на восьмой день Летних Молний, и йернские шары так и не зацвели, но нынешнее лето к цветам добрее. Смотрите. Первыми распустились лиловые, но скоро будут и винно-красные, и золотистые, как ваши глаза.

Йернские шары в родном доме звали гарелли, они росли во дворе, даруя мечту о счастье, ведь нареченная Гарелли его обрела. Гоганни присела на корточки и подняла голову, глядя снизу вверх на лиловых гордецов. Эти цветы не пахли, но в воздухе витал горьковатый аромат, он шел от травы, посаженной вдоль дорожек, и это был запах дорог, Мэллит узнала его на пути и спросила, что это. Первородный Робер ответил: герба.

— Герба, — негромко, словно приветствуя, сказала девушка, — герба...

— Она растет везде к югу от Олларии, но больше всего ее в холмах Эпинэ. Когда-то меня туда тянуло. — Нареченная Ирэной размяла в пальцах травинку и поднесла к лицу. — Если бы осень была эрэа, она пахла бы увядающей гербой.

Это была третья женщина: не лед и не яд, а горечь. Мэллит не знала, сколько еще лиц у нареченной Ирэной и есть ли средь них истинное, но молчание жгло, как уголья, и резало, как осколки.

— Сударыня, — решилась расколоть тишину гоганни, — вы хотите увидеть дикую гербу и холмы?

— Зачем? У меня есть озеро, и оно достаточно глубоко, чтобы урожденная герцогиня Придд не искала иного. — Что-то блеснуло... Нож, но его лезвие не желало крови. Нареченная Ирэной сре́зала четыре цветка и окружила их травами. — У йернских шаров нет запаха, пусть они возьмут его у гербы. Вас не затруднит передать этот букет баронессе Вейзель? Мне хотелось бы сделать ей приятное.

3

Поворот на Нерюж сторожил одинокий придорожник, и такого чудища Робер еще не встречал. Травяной великан, от-

ринув своих тоже в общем-то немалых собратьев, выдвинулся на заросший памятным по старой Барсине бурьяном лужок, где, будучи предоставлен сам себе, разросся до размеров, по меньшей мере, лещины.

— Он памятник себе воздвиг! — восхитился Валме. — Не желаете отдать дань величию натуры?

Ни малейшего желания любоваться придорожником у Эпинэ не было, но он успел понять: наследник Валмонов знает, что делает. Мевен, видимо, счел так же, поскольку и не подумал проследовать к раскинувшему чудовищный зонт кусту.

— Я напишу о нем графине Савиньяк, — решил виконт, — и даже нарисую. *Это* достойно, самое малое, притчи, хотя по сути мы зрим довольно-таки распространенную трагедию. В отсутствие деревьев их берется заменить трава, и у нее даже получается. До первых заморозков. У Колиньяров с Манриками тоже получалось... до измены Люра. Так вы говорите, его на это вынудили?

— Да, — подтвердил Робер, слегка сожалея о своей откровенности. Конечно, окажись Енниоль прав или хотя бы жив и в силе, скрывать связи с гоганами было бы преступлением, а так выходил оговор уже мертвых, которые, в сущности, хотели добра. Пусть не для всех, но для всех это невозможно...

— Если я правильно помню папенькины наставления, — Валме задумчиво взирал на начинающего подсыхать монстра, — совсем вывести сорняки нельзя, остается выпалывать, пока не разрослись, начиная с первого среди наглых... Если к вам заявятся люди Дорака, не открывайте ворота и отправьте курьера в Сэ, там знают, где искать Проэмперадора Юга и что делать с придорожником, чтобы не обжечься.

— Послушайте, — не выдержал Робер, — не заставляйте меня быть умней, чем я есть. Вы советуете мне послать Дорака к кошкам и позвать на помощь вашего отца?

— Примерно.

— Но почему? Вы, то есть Валмоны, Савиньяки и Дораки, всегда были союзниками. Когда не смог прийти Лионель, нам пообещали Дорака, а сейчас какая-то ерунда! Я пишу властям, вы нас выручаете, Дарзье арестовывает, и вы с ним ругаетесь... Только сейчас не до грызни между своими, сейчас вообще не до грызни.

— А знаете что, Эпинэ? — Марсель заворотил кобылу. — Вы мне нравитесь чем дальше, тем больше; есть в вас что-то бакранское... Надеюсь, вы понимаете, что этот комплимент я кому попало не отвешу.

— Я был гостем бириссцев, вы — бакранов, но и те и другие из Сагранны... Могу вернуть вам комплимент: в вашей дружбе есть что-то бирисское, но мне-то что сейчас прикажете делать?

— Жить. Погребать. Праздновать. Ждать. Для начала папеньку. Вот письмо, читайте.

На лаковом футляре пластались в беге борзые, напоминая о другой гайифской шкатулке, Диконе, Альдо и оставшемся в Олларии храме. Разоренном, но все равно живом. Позабудь об остывшем пепле, твое сердце да не ослепнет, не ищи в золе поцелуев, слышишь, что голубка воркует? Твоя радость еще воскреснет звоном струй, соловьиной песней, еле слышным шорохом веток над приветливым ложем лета...

— Эпинэ, что с вами? Папенька перепутал футляры, и вам досталось любовное послание?

— Простите, задумался. — Робер вытащил исписанный уже знакомым почерком лист.

— *«Герцог Эпинэ,* — обращение было прежним, — *я рад приветствовать Вас во вверенной моему попечению провинции. Мне доставит несомненное удовольствие встретиться с Вами лично, хоть наша встреча и будет омрачена обсуждением известных событий. Я полностью разделяю мнение своего сына о том, что число тех, кто на месте Вас и Ваших сподвижников смог бы сделать больше, не превышает трех.*

Понимая Ваше состояние и не видя необходимости в немедленной встрече, я настоятельно советую Вам сперва отдохнуть, а затем заняться текущими делами, к каковым в первую очередь относится устройство Ваших владений. В течение месяца я намерен посетить Старую Эпинэ, о чем Вы, разумеется, будете заблаговременно поставлены в известность.

Будучи Проэмперадором Юга, я принимаю на себя ответственность за судьбу Его Высочества Октавия и безопасность послов дружественных Талигу держав. При этом я не считаю возможным ограничивать господину Карои и господину Бурразу-ло-Ваухсару свободу передвижения, полагая своей обязанностью лишь должным образом их защищать. Желание господина Карои

проводить в последний путь Его Высокопреосвященство Левия и отметить столь почитаемый в Алате праздник Осеннего Излома в Вашем обществе мне представляется совершенно естественным. Разумеется, я не имею и не могу иметь ничего против захоронения кардинала Левия, в трудный час оказавшего Талигу немало услуг, в домовой церкви герцогов Эпинэ.

Столь же очевидно и то, что, получив должность Проэмперадора из рук регента Талига Ее Величества Катарины, я не вправе посягать на ее последнюю волю. Ее Величество, будучи в здравом уме и твердой памяти, поручила заботу о новорожденном сыне своему двоюродному брату, и я ни на мгновенье не усомнюсь в правильности этого выбора. Однако забота о Его Высочестве потребует дополнительных затрат, а Ваши земли еще не оправились от разорения, причиной которого стал не столько прошлогодний мятеж, сколько неразумное управление покойного герцога Эпинэ и преступные злоупотребления бывшего губернатора провинции маркиза Сабве. В ближайшее время Вам будет выделена сумма, достаточная для должного обеспечения Его Высочества и его свиты.

Заверяю Вас в своем неизменном расположении и выражаю соболезнование в связи с постигшими Вас в последние месяцы и недели потерями.

Бертрам, граф Валмон».

Все было понятно, кроме одного.

— Катари не поручала мне Октавия. — Робер с достойной Придда аккуратностью убрал письмо в футляр. — Она даже не видела сына... Не успела увидеть...

— Все это хорошо, то есть очень печально. — Марсель послал лошадь вдоль дороги, но по лугу, присоединяться к отряду он не спешил. — Однако вы ничего не можете знать, вас там не было. Последнюю волю ее величества слышали генерал Карваль, брат Пьетро и брат Анджело, которого я расспросил при первой возможности. Катарина завещала вам заботу о сыне тогда же, когда назначала Проэмперадором Олларии. Надеюсь, это-то вы помните?

— Да... Помню.

Катари ничего никому не завещала, это он подбил на ложь Никола и Левия, а кардинал втянул в заговор Пьетро с врачом и, как всегда, пошел дальше, чем его просили. Смерть его вы-

сокопреосвященства и исчезновение Никола сделали ложь неотменимой, но в том, что касается ребенка, это... правда! Кому еще Катари могла доверить сына? Только отцу, когда тот наконец спасет Талиг и вернется.

— Я боюсь, вы не совсем поняли папеньку, — напомнил о себе Марсель. — Младенца вам бы подкинули, даже умри Катарина, не сказав ни единого слова.

— Лэйе Астрапэ, почему?

— Наличие принца вблизи Проэмперадора предполагает наличие там же супруги Проэмперадора и чего-то вроде двора, а папеньке это мешает. Не подвернись ему вы, Октавия определили бы на попечение Арлетты Савиньяк или Анны Рафиано, но герцог Эпинэ удобней во всех отношениях. Вы родня и не стремитесь к пирогу, так что принц в вашем доме не станет поводом влезать и урывать... Что мы с вами недавно и наблюдали.

— Вы про Дарзье?

— Не только. Теньент, именно теньент, пока я не увижу патента за подписью Рокэ, Рудольфа или в крайнем случае Эмиля, припустился за вами по отцовскому приказу. Видимо, какой-то дурак на заставе Марипоз переправил ваше первое письмо Дораку. Создатель, опять это «дор — дур»... Нынешний Дорак мало на что годился даже при Сильвестре, но фамильных предрассудков набраться успел, а тут принц, королевские регалии, бывший дочерин жених, бывший беглый преступник, и все прямо ему в руки! Наш граф просто не мог не подпрыгнуть, но папенька вернет его в удобоваримое состояние. Вам Дорак, во всяком случае, навредить не сможет.

— Марсель, а что я должен ответить графу Валмону?

— Что хотите, хоть рондель. А не хотите, я передам на словах что-нибудь подходящее. Вы устали, а я, в конце концов, посол, хоть и несколько похудевший.

— Слушайте, посол, — прыснул Робер, — ступайте к кошкам!

— Не могу, — виконт с омерзительным изяществом развел руками, — у меня собака.

Глава 6

ТАЛИГ. ВАЛМОН ВОСТОЧНАЯ ПРИДДА

400 год К. С. 24-й день Летних Молний

1

Компания за завтраком собралась престранная, но аппетит Марселю портили не сотрапезники, а отсутствие под столом вздыхающего Котика. Невзирая на прежние заслуги, волкодав был ввергнут в узилище за разрытую клумбу, и облегчить его участь Валме не мог: Проэмперадор Юга не прощал преступников даже по ходатайству приближенных к регенту лиц.

— Я боюсь, — строго произнес дражайший родитель, доедая паштет, — что в недалеком будущем нас ждут определенные трудности с сырами.

Капуль-Гизайль издал изысканный, полный сочувствия и понимания звук, Пьетро промолчал, Бурраз-ло-Ваухсар заметил, что, при всем уважении к сыру, на столе царит мясо. Марсель поддержал посла от своего имени и от имени отсутствующего Котика, родитель же брюзгливо заметил, что царить в дурном окружении неприлично, а дурной сыр подобен дурному губернатору.

Подали шадди, папенька посмотрел на маменьку с Водемоном, и те немедленно ретировались.

— Господа, — пухлая рука сжала набалдашник трости, — прежде чем продолжить вчерашний разговор, я должен вам сообщить, что мятеж в Олларии почти совпал с переворотом в Паоне. В тринадцатый день Летних Волн там начались беспорядки. Это неудивительно: к городу приближались мориски, и окру́га была наводнена беженцами. Дивин с семейством поспешно отбыл в загородную резиденцию, поручив город Военной коллегии и губернатору Карадасу, которые бунт успешно подавили.

Семнадцатого Летних Волн глава Военной коллегии Доверенный стратег Забардзакис приказал гвардии выступить навстречу морискам, но та отказалась. Гвардейские генералы объявили, что Паону надо защищать в Паоне, их поддержали

вернувшийся в город третий из сыновей Дивина, Орест, и губернатор столицы.

Приказ Забардзакиса арестовать дезертиров обернулся мятежом, который перекинулся из гвардейских казарм на столицу и ее предместья. Начались погромы, однако основной удар пришелся на Военную коллегию, которую гвардейцы, горожане и беженцы, не сговариваясь, объявили виновницей всех нынешних бед.

Папенька чихнул и вытащил платок, приличествующий не Проэмперадору, но адуану, если б адуаны пользовались платками. Марсель счел кошмарную тряпку отповедью маменьке, вышивавшей платок за платком. Само по себе это преступлением не являлось, но графиня тайно пыталась защитить супруга от волнений. Супруг явно давал понять, что в защите не нуждается.

— Когда взбунтовалась гвардия, — старик чихнул еще раз, — Забардзакис стянул верные ему войска к зданию Коллегии, тем самым ослабив кордоны в предместьях. В Паону хлынули беженцы, среди которых хватало солдат генерала Трастиса, брошенного столичными стратегами на произвол судьбы и разбитого морисками. Выжившие в резне хотели отомстить и отомстили. Защитников Коллегии частью повыкидывали из окон, частью загнали в архив и заживо сожгли вместе с бумагами. Пытавшегося скрыться Забардзакиса поймали и заставили съесть собственные приказы, после чего горло стратега залили расплавленным сургучом. Я осознаю, что такие подробности препятствуют пищеварению и портят настроение, но они очень важны.

— О да, — кивнул локонами Коко. — Убогое при всей своей злокозненности воображение роднит убийц стратега с господами, которых я наблюдал в Олларии. В древности обитатели провинции Гайя действовали значительно изысканней, но, дорогой граф, умоляю, не волнуйтесь о нас. Мы — мужчины, и мы способны вынести многое. Правильно ли я понимаю, что разгромом Военной коллегии мятежники не ограничились?

— Они не могли остановиться, — негромко предположил Пьетро, и батюшка наклонил голову, выражая согласие.

— Толпа бросилась искать других виноватых. В чем угодно — в военных неудачах, взяточничестве, воровстве, ереси,

кощунстве и даже, представьте себе, в прелюбодеянии и разврате. С пойманными расправлялись по-всякому — прибивали к собственным воротам, рубили руки и ноги, забивали камнями, кормили толченым стеклом, принуждали к различного рода непристойностям, в том числе и на сцене столичного театра, который затем сожгли. Гайифцев, как справедливо заметил барон Капуль-Гизайль, издавна отличало живое воображение, к тому же они были перевозбуждены.

О судьбе императорской фамилии достоверных сведений нет, но к вечеру следующего дня гвардейская верхушка опомнилась и возвела на престол Ореста, который и прежде заигрывал с армией. Сей достойный господин короновался под именем Сервилия Второго, и короновал его не кто иной, как новый Эсперадор Гаэций. До известных событий он был известен как кардинал Гайифский и Йернский Капитон. Присутствовавший на церемонии посол Ургота особо подчеркивает отсутствие в храме императорской родни и лиц, приближенных к Дивину и его старшему сыну.

Новые власти, не считаясь с жертвами, бросились наводить порядок и неплохо в этом преуспели. Пятого Летних Молний в окрестностях Паоны появились передовые отряды морисков, новоявленный император намеревался дать язычникам бой, и это последнее, что мне о нем известно. Об Олларии вы знаете больше меня, в Эпинэ все спокойно, как и на всем побережье, не считая, разумеется, гайифского. Господа, я хотел бы услышать ваше мнение, Паона и Оллария — это совпадение или закономерность?

— Крысы, — уточнил Марсель. — Они ушли?

— Не думаю. — Резная голова борзой вертелась в огромных руках, точно высматривая добычу. — Исход крыс люди Фомы и Альберта Алатского заметили бы. Точно так же никто не слышал про зелень и призрачных монахов, что и порождает неопределенность.

В том, что доведенные до предела беженцы сперва пытались прорваться в город, а потом присоединились к бунту, ничего странного нет. В том, что учудили дорвавшиеся до Забардзакиса и иже с ним забавники, — тоже. Счеты во время мятежей сводят всегда, как и мародерствуют. Принца Ореста судьба третьего сына не устраивала, и, блюди Гайифа старые

традиции, он отравился бы мидиями еще лет семь назад. Никакой связи с Агарисом, кроме морисков, я не вижу, как и с Олларией. В Паоне началось раньше и по-другому, и все же меня это совпадение настораживает. А вас?

— Сколько шедевров... — Огорченный барон бережно поставил чашечку на блюдце. — Мне страшно подумать, сколько бесценных шедевров погибнет, если борьбу с ересью распространят и на предметы искусства, но я просил бы обратить внимание на имена. Иссерциал в Гайифе до сих пор под запретом, и Сервилий для имперцев — символ воинственности и побед, что же до Гаэция... Один из первых золотоанаксианских аристократов, принявших эсператизм, почитается святым и мучеником. Казнили его, разумеется, за измену, но вспоминать об этом в Гайифе любят не больше, чем о чреве Сервилия. В совокупности эти имена означают притязание на первенство в Золотых землях, мне это не нравится.

— К Паоне приближаются мориски, — напомнил кагет, — им *это* не нравилось еще до того, как оно возникло. Мы сможем сравнить Паону с Олларией, когда узнаем, что осталось за нашими спинами. Уходя, мы видели лишь пожары.

— Что-то мы знаем. — Пьетро, единственный из всех, воздерживался от шадди, то ли берег сердце, то ли оно слишком болело за Левия. — Я и мой товарищ были в Олларии около двух недель назад. Погромы прекратились, в городе появилась власть; она представляется очень странной, но она есть. Чего в Олларии нет, так это Создателя.

— Там есть дуксия. — Марсель внимательно посмотрел на барона. — Констанс, вы ведь имели удовольствие лично встретиться с одним из ее членов?

— Я очень надеюсь, что этот человек сделает все возможное для спасения истинных ценностей, но другие... Они меня удручают. Ну чего, скажите, чего можно ожидать от известной вам особы, ныне именуемой Свободной Дженнифер, или от помощника коменданта Багерлее, обвинявшегося, ни много ни мало, в цареубийстве?! А ведь есть еще какой-то гражданин Джереми, в прошлом, кажется, капрал, и бывший не то граф, не то барон Кракл с его ужасной женой и еще более ужасными халатами...

«Ли, приветствую!

Для начала вспомни всю бергерскую, кэналлийскую и гаунасскую брань, потому что талигойской лично мне не хватает, как и зла.

Рокэ на прощанье всучил мне приказ о назначении меня командующим Западной армией и велел пустить его в ход, если Вольфганг не тянет. Я бы пустил, только старик лежал пластом, а его генералы мечтали заполучить хоть какого-нибудь маршала, так что с моим водворением на куче битых яиц трудностей не возникло. Толку-то! Мы потеряли все, что можно и нельзя; самое же скверное, Западная армия чуть ли не полностью уверилась, что нам не везло, не везет и не будет везти.

Райнштайнер, которому явно не хватает твоей персоны, уведомил меня об отправке в Бергмарк отчета о том, что сотворили с Западной армией Бруно и ураган. Повторяться я не имею ни малейшего желания, ибо тошно, а вот о том, что было дальше, изволь прочесть и высказаться. Если твои озарения опоздают, они останутся как память о твоей мудрости или наоборот. В последнем случае я буду пакостно тыкать тебя в твое несовершенство, о победитель «гусей» и собутыльник «медведей»!

Можешь смеяться, но боевые действия возобновились уже на следующий день после сражения, ближе к вечеру. Отставший арьергард Бруно (то, что это был именно он, я узнал задним числом от пленных) наконец-то появился; фельдмаршал в это время как раз выяснял, способны ли талигойцы оборонять мост и ближайшие удобные для переправы места. Ариго, который оказался лучше, чем я надеялся, делал вид, что способны, и Бруно, подумав, отправил арьергард переходить Эйвис южнее: там, где накануне, только в обратном направлении, переправлялся его легкий корпус. Арьергард реку спокойно перешел и начал продвигаться к расположению остатков нашей армии.

К несчастью жаждущего искупить свое опоздание «гуся», наш заплутавший генерал Гаузнер жаждал того же. «Фульгаты» нашли пропавший корпус днем 16-го, к концу ночи он был уже в расположении Ариго, и тот, рявкнув: «Отдыхать потом будете!», бросил негаданный резерв навстречу подступающим с юга

дриксам, так что 17-го, в первой половине дня, начался встречный бой, весьма решительный.

Гаузнер старался вовсю, дриксы же наличия у нас свежих войск не ожидали, а тут еще и кавалерия Шарли — собственно, все, что оставалось приличного у Ариго, — нагло демонстрировала намерение отрезать наступающих от переправы. Дриксенский генерал, похоже, заподозрил подвох и потому приостановил атаку и послал к фельдмаршалу за указаниями. Бруно, судя по всему, уже знал, что я где-то поблизости, и забеспокоился; во всяком случае он отправил арьергарду подкрепления, и на этом бой 17-го закончился.

Ночью по приказу Ариго армия начала поспешное отступление. Бедняга понимал, что неожиданность с Гаузнером уже сработала, новых козырей нет, и Бруно его дожмет. Перед рассветом саперы по подсказкам нашего неподражаемого Вейзеля взорвали мост и обеспечили отступающим некоторую фору.

Восемь дней Ариго, бросая все, что можно, уводил армию от преследования, оставлял засады, отправлял кавалерию для налетов, изо всех сил путал следы. Он не просил передать тебе благодарность за описание гаунасских догонялок лишь потому, что не знает о моем письме. Мне же генералы Западной армии высказали все, что думают о твоих фортелях. Чтобы ты не задирал нос, передаю тебе лишь мнение Вейзеля: из трофейных пушек стреляют, а не загораживают ими дороги. Сам Вейзель сохранил меньше трети орудий, и будет очень неплохо, если мы вынудим Бруно распорядиться трофеями так же, как распорядился ими ты у какой-то там Гемутлих.

Я о разгроме на Мельниковом лугу узнал 20-го к вечеру, когда добрался до Аконы; новости пришли накануне, и городишко стоял дыбом. Мне пришлось пришпорить своих орлов, и 21-го я собрал в городе уже всю армию, а 22-го форсированным маршем рванул на помощь Ариго, которого к тому времени почти настигли, ну и успел в самый раз. Нам повезло найти приличную позицию, где мы и встали, — все равно отступавшие так вымотались, что дальше идти уже не могли.

Бруно явился на следующий день и живо сообразил, что случилось. Его армия в ходе преследования растянулась; с Ариго он справился бы и так, но с моим подходом силы стали сопоставимы.

Я решил проверить, готовы ли «гуси» к неожиданностям, оказалось — готовы, внезапное нападение не удалось, а зря класть людей я люблю не больше твоего.

3-го Летних Молний дриксы собрались уже все, у них было около 50 тысяч, у меня — менее 40, много раненых, мало пушек, но хорошая (для обороны) позиция. Фельдмаршал изыскивал возможности для решающей атаки, мы с Ариго готовились отбиваться и как-то огрызались по мелочам, но дальше началось непонятное.

Бруно никак не давал генерального сражения, только его разъезды рыскали и рыскали вокруг. Ариго с Райнштайнером, наученные горьким опытом текущей кампании, ждали от фельдмаршала очередной, очень коварной, пакости, Вейзель же, как ты знаешь, худшего ждет всегда. В бой рвался лишь наш распрекрасный Шарли, доказавший на Мельниковом лугу, что талигойская кавалерия все еще остается лучшей. Он прав, но при обороне нужна пехота и артиллерия. И что бы тебе было не порезвиться где-нибудь в Северной Марагоне, дабы у «гусей» загорелось под хвостом!

Замысел Бруно мы пытались раскусить неделю, а 9-го старый бык всех сильно удивил — его армия вдруг двинулась в сторону Мариенбурга, оставив недобитых нас в покое. «Фульгаты» провожают фельдмаршала третий день, но он даже не пытается никого атаковать; наш гусак словно бы разом утратил к продолжению войны всякий интерес и даже не смотрит на Марагону, хотя времени до холодов полно. Вейзель подозревает, что дриксы собираются пускать корни в захваченных городах и крепостях, меня это объяснение не устраивает, но другого пока нет.

Что до нас, то здесь по-всякому. Моя армия, хоть и уставшая, рвется в драку, остатки Западной по-прежнему в печали, но хотя бы приведены в порядок. За уже почти месяц вернулись многие из рассеявшихся и отставших, но все равно потери очень велики. Да, вернулись многие, но не малыш. Про то, что он пропал, ты знаешь из письма Ариго, а я не знаю, что писать матери. Надежда есть, но только на дриксов, в то, что малыш где-то в Марагоне и найдется сам, мне уже не верится.

Ли, я не знаю, что делать, в самом деле не знаю. Мать сейчас в Олларии, я начинал писать ей раз шестнадцать и бросал. Самое мерзкое, что в нашем нынешнем положении я не могу послать парламентеров: дриксы это расценят как слабость, и марагонцы

тоже. Обмен пленными предлагает сильнейший или никто, но если мы с тобой остались вдвоем, я назову сына Арно, и к кошкам дуру-судьбу. В нашем доме Арно просто не может не быть!

О том, что я женюсь на Франческе Скварца из Фельпа, ты еще не знаешь. Ты не представляешь, как она походит на мать, и не только лицом. Она была замужем, ее мужа убили так же подло, как отца, но я не боюсь и этой приметы. Желал бы тебе встретить такую же женщину, но второй Франчески нет и быть не может. Придется тебе удовлетвориться кем-нибудь попроще, гаунасской принцессой, например...»

— Ты закончил?

— Почти. — Как вошла мать, Лионель слышал, но она молчала, и маршал продолжал читать. — Ты знаешь, что Эмиль женится?

— Да. Это не противоречит истинному эсператизму, но обойдись хотя бы раз без маневров. Арно не нашелся?

— Нет.

— Я правильно понимаю, что он может быть лишь в плену?

— Да.

— Я не буду просить письмо, только скажи, что ничего сделать нельзя. На то, чтобы не спросить еще и об этом, меня не хватает.

— Можно, и я сделаю. Я начну переговоры с Бруно, даже если Рудольф вконец уподобился Сильвестру. Не из-за Арно, но если паршивец у дриксов, мы об этом узнаем.

— Если... — Мать поднесла руку к виску и тут же опустила. — Какие глупости приходят в голову. Теперь мне кажется, что я зря выбрала младшему это имя.

— Нет. В нашем доме всегда будут мужчина по имени Арно и женщина по имени Арлетта.

3

Папенька перевернул песочные часы; песок в них был черным, и в детстве Марселю это очень нравилось. Он очень хотел вырасти, жениться, завести наследника и переворачивать перед ним часы. Потом Валме понял, что, когда он станет как отец, никакого удовольствия от переворачивания уже не будет. Пришлось тайком пробираться в классную комнату, но часы

без вопроса, на который нужно успеть ответить, теряли всякую привлекательность.

— Ну, — сказал граф, когда упала последняя песчинка, — так в чем вы ошиблись?

Этот вопрос отец задавал всегда, и самым трудным было понять, что именно он знает. Вовремя поведать о своих ошибках означало если не избежать выволочки, то пожать вместо бури дождик. С другой стороны, иногда Марселю удавалось скрывать свои художества; впрочем, на сей раз сокрытию подлежала разве что история с хвостом.

— Я забыл, что взбесившихся беженцев нужно расстрелять, — признался виконт. — Спохватился, когда родичи принялись хватать Эпинэ за сапоги и тот преисполнился сострадания.

— А вы?

— Пришлось сказать, что все уже расстреляны и похоронены; дабы не быть лжецом, я тут же послал к рэю Эчеверрии гонца. Оказалось, я почти не лгал: бесноватых уже прикончили, правда, саблями.

— Иногда вы бываете невнимательны. — Родитель откликнулся на спинку менторского кресла. — А теперь извольте сказать, где ошибаюсь я. Если ошибаюсь.

Сдвинув брови, папенька подтянул к себе прибор алатского хрусталя, памятный Марселю не меньше пресловутых часов. Граф Валмон не скупился на обучение своих отпрысков естественным наукам, кои разрешалось забыть навсегда, но не прежде, чем они будут освоены. Теперь с атласами, линзами, скальпелями и сообщающимися сосудами маялся Водемон, однако Марсель не забыл подкрашенную синим воду, упрямо стоящую на одном уровне, сколько бы ни было склянок и какую бы форму ни придал им стеклодув. Правда, на сей раз ментор перестарался, и прибор был заполнен чуть ли не до краев.

— Вижу, — родитель извлек что-то вроде обтянутой алым бархатом скалки, — вы кое-что помните. Это не может не радовать. Смотрите.

Понукать Марселя не требовалось. До предела заинтригованный наследник, не отрывая глаз, следил, как папенька прицеливается в прозрачный цилиндр, и все же упустил момент.

Отцовская рука резко рванулась вниз, и тут же сосуды дружно плюнули крашеной водой. До Марселя не долетело, но родителя окатило изрядно. По столу расплывалась синяя лужа, а прибор был заполнен всклень, то есть не весь прибор... Крайний сосуд был почти до дна забит красной «скалкой»

— А теперь, — протрубил граф Валмон, доставая платок, — представь себе, что я — мориск, а то, что внутри, зеленое.

Все, что Марсель мог, — это присвистнуть, потому что шляпы, которую следовало бы снять, на нем не было.

— Агарис, — выдавил он из себя. — Скверна никуда не делась, она перетекла... То есть растеклась, в смысле — добавилась к тому, что было своего, а оно было!

— Несомненно. — Отец бросил испачканный платок на стол. — Не знаю, как назвать эту зелень и откуда она взялась, но, когда она выплескивается, люди теряют страх. Сперва они рвут кого придется, потом появляются вожаки, и одиночки становятся стаей, но меня смущают сроки. Агарис разнесли в начале весны, а Паону с Олларией захлестнуло лишь сейчас.

— Одновременно.

— Это-то понятно. — Отец кивком указал на плачущий синими слезами прибор. — Фельп, Урготеллу, Гарикану и Бордон пока не тронуло, про Равиат и Нуху неизвестно.

— По-вашему, заливает только столицы? Тогда третьим просится Эйнрехт, но он слишком далеко, когда еще узнаем... Вам не кажется, что пора пасть ниц пред мудростью холтийцев? Новый кан, новая столица, новое имя... Кочевники уходят от скверны, как от мусорной кучи, мы же громоздим ее до небес.

— Не громоздим — роем. Яму, в которую что-то стекает, но рано или поздно ямы достигают водоносного слоя и становятся колодцами. Если я не ошибаюсь, алатская Матильда кричала вам вслед, что нельзя расплескать колодцы.

— Кричала, — буркнул Валме. — Лучше бы она это шадам сказала. Зимой. Теперь либо мориски перебьют «бесноватых», сожгут Паону и не уймутся, пока не упрутся в нашу границу, либо позеленевшие павлины выставят морисков, войдут в раж и опять-таки упрутся в Дьегаррона. Вопрос, что для Талига

хуже? Мне отчего-то кажется, что «бесноватые», но, возможно, я пристрастен.

— Я еще не встречал ни единого беспристрастного человека. Живого. — Отцовская рука протянулась к звонку. — Поездка к Савиньяку становится излишней роскошью, я отправлю ему письмо, ваше присутствие сейчас нужнее в Кагете и Сагранне. Мои полномочия кончаются на западном берегу Рассанны, вы же остаетесь офицером для особых поручений при Алве везде, куда доберетесь. Удачно, что вы взяли в спутники кагета и эсператиста. Антуан, велите тут все убрать и исправить прибор. Я отправляюсь в сад.

Дворецкий задержал на мгновение взгляд на разоренном столе, поклонился и вышел. Появились носильщики, и Марсель отвернулся — отец предпочитал перебираться с места на место, когда на него не смотрели, мать этого так и не поняла. Сзади топало и поскрипывало, впереди вытирали стол. Граф Валмон в очередной раз оказался умнее всех, но кроме законной гордости это не давало ничего. Колодцы уже расплескали, оставалось гнать в Кагету и пытаться подтереть лужи.

«Я — мориск, а то, что внутри, зеленое»... Всыпать бы этим морискам! Заявились, расплескали, а вытирать кто будет? Зегинская армия, надо думать, движется к Паоне, Садр резвится на побережье, а Агирнэ ждет, когда Рокэ оставит Гайифу без имени, а Зегину — без войны. Только ждать придется долго...

Внизу раздались голоса; отец добрался до клумбы и выговаривал садовникам. Может гореть Оллария, может беситься Паона, но, если не прополоть астры, начнется светопреставление... Некоторые вещали о горящих дворцах и непогребенных трупах, а дело-то в цветочках.

Если астры будут не прополоты, если... Если *«ни у кого из глав Великих Домов не останется наследника, а последний император покинет империю...»*

— Скотина, — пробормотал Валме. — Скотина ты, а не император! Прыгнул в дыру, и пожалуйста! Дворцы горят, трупы на любой вкус, чума тоже будет, куда ж без нее...

С такой скоростью Марсель по лестницам еще не носился. Внизу отец с пристрастием изучал головки так и не познавших

козы цветов, отвлекать его было кощунством, но порой оправдано и святотатство.

— Сударь, — виконт уселся прямо на гравий и зачем-то положил руку на прикрытое плащом отцовское колено, — прошу меня простить, но я понял, почему началось только теперь. Это из-за Алвы, вернее из-за того, что его не стало.

Глава 7

ТАЛИГ. ФРАНЦИСК-ВЕЛЬДЕ

400 год К. С. 24-й день Летних Молний

1

Праздник получался не менее многолюдным, чем в мирные времена. Так утверждал Абель Трогге, не только переживший сражение и ураган, но и получивший повышение. Теперь толстячок, сменивший пояс, но не замызганные перышки на шляпе, ходил в комендантах лагеря ополченцев и в таковом качестве приветствовал почетных гостей. Самым почетным, разумеется, был генерал Вейзель, но и спасавшие ландмилицию Гюнне драгуны получили свою долю чернично-творожной благодарности — увы, омраченной недавними потерями.

— Гюнне разрушен, — объяснял мараг. — Срыт и сожжен. Проклятые «гуси» не уймутся, пока не сживут нас со свету, только нет такого пожарища, на котором не вырос бы кипрей! Сперва — кипрей, потом — малина, и, наконец, корабельные сосны. Мы еще встретимся в нашем славном Гюнне и попробуем творожных пирожков! Моя Зельма зимой передала секрет дочкам, бедняжка, как чувствовала, что не увидит свежей черники... Это она, когда я записался в ландмилицию, сделала мне офицерский плюмаж, я его не сменю, пока не отстрою дом.

О том, что жена и младшие дети Абеля затянули со сборами и погибли чуть ли не в тот самый час, когда Маллэ прорывался к, казалось бы, обреченному гарнизону, кипрейщик рассказал сразу.

— Вот она, судьба, — философски вздыхал он. — Я уже присмотрел себе место на сосновой скамье[1], а досталось оно Зельме. Но спаслись многие, и большинство пришло сюда. Если б не беженцы и не ополченцы, разве догнал бы праздник во Франциск-Вельде по многолюдству наш Гюнне? Никогда!

— Угадай, какое слово я сейчас ненавижу? — спросил Бертольд, когда Трогге отправился принимать очередной обоз.

— Дриксы? — предположил Давенпорт, глядя на смыкающееся с окраиной городка поле, где предполагались основные гуляния. С пологого приплюснутого холма, вокруг и на котором обосновались ополченцы, открывался неплохой вид на закипающий праздник, даже казалось, что людям в самом деле весело. — Трогге говорит, местных тут не больше четверти, остальные беженцы. Еще два дня их будет кормить Франциск-Вельде, а потом? Возвращаться на пепелища вроде бы и можно, Бруно ушел, а зима не за горами... Только ушли ли «гуси» окончательно?

— Мараги не уверены, вот назад и не торопятся. — Разгром и гибель почти всего полка офицеры переживали по-разному. Бертольд стал впадать в задумчивость. — А ну как снова придется убегать? Но ты не угадал. «Гусей» я не люблю, но их самих, а не слово.

— Тогда «маршал приказал отходить»?

— «Если». Если бы лучше стерегли переправы... Если бы Маллэ продержался... Если бы на Болотном кургане был Ариго... Если бы фок Варзов стал Савиньяком, я — фок Варзов, а ты — Вороном... Тьфу! Мы — это мы, и что было, то было, никуда его не денешь. Пойдем, что ли, на Ульриха-Бертольда поглядим. Последнее время он меня окрыляет.

— Пойдем, — согласился Чарльз. Ему было все равно, куда идти: Мелхен не отходила от баронессы, баронесса — от барона, а навязывать себя генералам Давенпорт был не обучен.

---

[1] Мараги верят, что любящие супруги входят в Рассветные врата вместе и умерший первым дожидается другого, сидя на скамье из огромной сосны, которую специально для этого срубил святой Густав. Эсператистская церковь безуспешно пыталась это поверье искоренить. Франциск Оллар поступил иначе, дополнив историю святого Густава рассказом о дожидавшейся его супруге Хильде, по просьбе которой святой задержался, чтобы помочь тем, кому ожидание лишь предстояло.

Валентин советовал своим людям — тем, кто не болтался в никому не нужных дозорах, «развеяться», только для Чарльза «не думать о дриксах» означало думать о девушке, и это становилось все мучительнее.

В Альт-Вельдер капитану удалось остаться с Мелхен наедине трижды, и всякий раз он терялся и принимался зудеть про Ор-Гаролис и Гаунау. В Западной армии пришли бы от сих мемуаров в восторг, но девушка, ей-то что за удовольствие слушать про войну? Нет, она слушала очень вежливо, только Давенпорт понимал, что ведет себя, как последняя дубина, хоть прежде волочился за столичными прелестницами не хуже других. Дежурные комплименты казались отвратительными, достойные Мелхен — в голову не приходили, и несчастный капитан, начав с погоды или цветов, всякий раз сбивался на рапорты. Мелхен тихо заверяла, что ей интересно, и спрашивала про маршала Савиньяка и генерала Хейла. Чарльз отвечал, пока не появлялась баронесса и девушка с радостной улыбкой не устремлялась к ней, оставляя кавалера наедине с его глупостью.

— Чарльз, если идет ураган, так и скажи. Я шляпу поправлю.

— Ка́кой, к кошкам, ураган?!

— Не знаю... Но уж больно физиономия у тебя серьезная, сейчас предсказывать начнешь.

— Начну. У одного драгуна есть отличная возможность получить по шее.

— Ужасно, — вздохнул Бертольд, и оба с некоторым облегчением рассмеялись. Они пробирались сквозь толпу и болтали, пока не услышали гулкий, заглушающий гомон толпы рев. Ужас Виндблуме и Мельникова луга отдавал команды сотне ополченцев, развлекавших народ показом своей невысокой, прямо скажем, выучки.

Мараги старались, это было видно. Пыхтели, сбивались с шага, деревянные мушкеты и алебарды сталкивались и цепляли друг друга, но ополченцы с малиновыми шарфами горели решимостью постичь воинскую науку, а их наставник — превратить вчерашних мельников и молочников в «примерных фоителей». Когда-нибудь.

— Зомкнись!

Раскрасневшиеся ученики бросаются к учителю, будто цыплята к наседке. Быстро и беспорядочно.

— Фперед!

Нестройная шеренга послушно катится на зрителей. Белобрысый парень задевает пузатого дядьку. Падают оба, на них налетает третий, худой и длинный.

— Зтой! Таких уфальней дриксы пинками за Фибору фыгонять будут. Фы мараги или ленифые утки? Фперед — это значит на фрагов... Кругом!

Стук и скрежет учебных деревяшек, усердное сопение, но никто не свалился, только давешний длинный не удержал оружие.

— Пфе! Ты убитый есть. Фон! Алебарды — к бою! Я есть фарит. Убифайте меня.

Одолеваемая сомнениями щетка из алебард, вихляясь, ползет на одинокого ветерана. Скалится двуглавый кот на шлеме, смеются и подбадривают новобранцев зеваки. Длинный украдкой подхватывает свою алебарду и пристраивается сбоку.

— Фыходцы не фоюют! — рычит вредный старец. — Фон есть фон!

«Воскресший» не слушает, упрямо топает рядом с пузатым.

— Это Эрих из Гёрлиц! — кричат из толпы. — У него невесту убили... Ох и девчонка была!

— Эрих-выходец, уведешь варита?

— Лучше четверых!

— Зтоять! — В руке воителя блестит нечто чудовищное. Шестопер. Дриксам на Мельниковом лугу хватило алебарды, но во Франциск-Вельде барон не убивал, а воодушевлял. — От фас зейтшас остались бы глюпые фоспоминания! Мне шестьдесят дефять лет, но я...

Чарльз не видел, что творил Ульрих-Бертольд в бою, ему только рассказывали, вот Йоганн, тот видел все, когда шел сквозь дриксенский строй, сперва рядом с братом, потом — один... А «Фперед!» и «Зтой!» продолжались. Раз за разом. По кругу. Катершванц блистал шлемом и брызгал ядом, ополченцы потели, народ вокруг наблюдал с интересом, упрямый Эрих окончательно стал «Выходцем», но алебарды цеплялись друг за друга все-таки реже, а при поворотах никто не падал.

— Им бы для начала парней Трогте догнать. — Бертольд завертел головой в поисках разносчиков морса. — Боевого духа и упорства больше, чем умения.

— Догонят, — откликнулся Чарльз. — Пара недель хорошей муштры и с десятком обозников справятся. Леворукий, совсем забыл... Надо бы поискать Придда.

— А чего его искать? Он обещал баронессе к ужину добыть какие-то корешки. Ты что, не помнишь?

— Нет, — соврал нуждавшийся не в Придде, но в поводе Давенпорт. — Ну, баронесса так баронесса... А где она может быть?

— Естественно, рядом с мужем, муж, естественно, рядом с пушками. Ну а Мелхен, естественно, рядом с баронессой... Тебя проводить, или драться будешь?

2

Нареченный Куртом желал девочку, и Мэллит просила Луну услышать и исполнить. Красота девушки сплетена из красоты матери и любви родителей, а душа — из отцовского сердца и радости, что дарована дому. Гоганни слышала, что ее мать затаила обиду на отца, вот рожденная без счастья и не развязала пояс невесты, а ведь ее сестры были и веселы, и прекрасны.

— Иволга ты моя. — Рука роскошной легла Мэллит на голову, стирая воспоминания, будто пыль. — О чем задумалась?

— О том, как красиво дитя, когда к красоте матери прибавляется ее счастье.

— У вас такая примета? — Улыбка была полна солнца. — Курт, мне это нравится!

— Точное наблюдение, и у красоты будет имя. Юлиана... Мелхен, тебе нравится это имя?

— Да! — Мэллит улыбнулась, словно вдыхая аромат роз и ощущая на губах сладость дыни и абрикоса.

— Значит, решено. — Нареченный Куртом провел ладонью по телу жены от плеча до чрева. — Мы с Мелхен будем звать малышку Юлиана, даже если ты заупрямишься. Дорогая, я написал регенту о том, что мы с тобой желаем удочерить Меланию.

— Курт! — Названная Юлианой дважды по два поцеловала мужа в щеки. — Курт! Ты всегда знал, что мне подарить!.. Но ты и себя не обидел, тебе будет не так досадно, когда у тебя появится еще один сын.

— Юлиана!

— Я знаю, что говорю! Мне снился огурец, и потом... Мелхен, тебе о таком слушать рано... Ты хочешь быть нашей дочкой?

— Ни... Я не приношу счастья.

— Что за чушь? Только и делаешь, что приносишь. Курт, скажи ей, что ты куриный суп не ел даже ради меня! Тебе ведь нравится?

— Несомненно.

— Мы вчера нашли нужные травы, но секрет еще и в том, что делать с тушкой. Мелхен — чудо! Она должна быть очень счастлива... Курт, ты ведь согласен?

— Конечно, но нам нужна еще одна дочка.

— Не все сразу, еще год ты потерпишь... Мелхен, а как бы ты назвала братика?

Войти дочерью в добрый дом, пригубить чужого счастья... Разве может быть такое? В Талиге у многих большие сердца, иначе почему в них пускают чужих? Мэллит тронула дареную звездочку и твердо сказала:

— Курт. И пусть он повторит отца.

— Курт у нас уже есть. Курт, Михаэль, Франциск, Штефан, Георг, Александер... Я раньше думала, что нам нужен Вольфганг, но... Курт, как ты думаешь? Правда, Вольфганг нам больше не подходит?

— Да, милая. Тебе не кажется, что пора к столу?

— Сейчас... Мне всегда нравилось имя Норберт, но оно теперь принадлежит Катершванцам, так назовут первенца Йоганна. Мелхен, думай!

— Капитан Давенпорт рассказывал про маршала. Он разбил ваших врагов, и его зовут Савиньяк.

— Лионель... Лионель Вейзель. Неплохо... Но, Курт, тебе ведь не нравится, как он поступил с пушками?..

— Дорогая, мне нравится имя Герман, и мне нравится генерал Ариго. Он очень способный человек.

— Надо бы, чтоб его звали иначе. — Нареченная Юлианой встала и взяла передник. — Курт, ты же знаешь, я забыла всех

кавалеров, увидев тебя, но это не значит, что их у меня не было. Одного звали Герман.

— Так были и другие? — Опередив Мэллит, нареченный Куртом завязал за спиной жены атласные ленты. — Душа моя, напомни, как еще мы не назовем моего сына.

— Людвиг, — роскошная щурила глаза, как кошка, которую гладят, — Николас, Конрад, Курт... Это был другой Курт... Рудольф...

— Надеюсь, это был другой Рудольф?

— Надейся... Мэллит, почему ты до сих пор не в переднике? Еще был рыжий Манфред, Энрике, Руперт...

— Милая, может быть, сразу остановимся на Ротгере?

— Только не это! — Роскошная легонько шлепнула мужа ложкой для приправ, будто поцеловала. — Не напоминай мне о моем кошмарном племяннике. Лучше бы моя сестра сразу родила дракона!

— Дриксы тоже так думают. — Курт развернул вышитую фиалками салфетку. — Ротгер непоседлив, но сердце у него доброе, и он хороший моряк. Юлиана, любовь моя, а что ты скажешь про Валентина?

— Странное имя, но красивое. Мелхен, ты хочешь, чтобы твоего братика звали Валентин?

— Я не знаю... Полковник Придд говорил, его мать долго любила его отца.

— Он приятный юноша... Курт, кто-то идет... Только не вздумай прерывать обед! Полчаса твои пушки подождут.

— Сорок минут, дорогая, обычно мы кушаем сорок минут.

— Тем лучше. Мелхен, выйди и скажи им, что генерал Вейзель занят. Нет, лучше я.

— Дорогая, сиди, я скажу им сам.

— Все, — сказала роскошная, глядя в спину уходящему супругу, — теперь он не вернется до вечера. Развяжи мне передник, а сама надень чепец, тот, что мы купили вчера. Мы идем смотреть эти несносные пушки!

3

Поиски Вейзеля увенчались обретением Придда. Полковник с видимым интересом разглядывал последнее артиллерийское пополнение, и там было на что смотреть!

До недавнего времени артиллерию ополченцев составлял десяток пусть и небольших, но приличных пушек, полученных во время последней войны из талигойских арсеналов. Теперь к ним прибавились четыре, нет, пять столетней давности орудий с обильно изукрашенными литьем длинными и тонкими стволами и столь же почтенная осадная мортира с жерлом в целое бье! Бронзовое, трогательно опоясанное малиновым «полотенцем» чудовище восседало на не менее впечатляющем лафете из толстых, окованных железом досок, и все это вместе было водружено на... телегой оное сооружение Чарльз назвать не рискнул бы.

— На жабу походит, — шепотом восхитился Бертольд. — И как они ее только взгромоздили на этакий катафалк?!

— Это же очевидно, — пояснил Придд. — С помощью Создателя.

На повторную помощь высших сил мараги, видимо, не уповали, а посему снимать «жабу» с «катафалка» сочли излишним. Так Вейзеля и ждали, судя по победным взглядам — немало гордясь своим грозным оружием.

— Ты ведь искал полковника? — подло и громко напомнил Бертольд. — Вот он.

— К вашим услугам. — Зараза с готовностью отвернулся от высоких лафетов, ставя Давенпорта перед выбором, кого кусать. Если, конечно, кусать.

— Мы наблюдали за тренировками ополченцев. — Злость на язву-теньента перевесила. — Утренняя разминка не помешала бы и нам с Бертольдом. После отправки дозоров.

— Будет не так обидно просыпаться, — не моргнув глазом, подхватил Бертольд, не одобрявший патрулирования окрестных малинников. Чарльз тоже ворчал бы, если б драгунам не предстояло возвращение туда, где беспечность могла оказаться роковой. Придд не давал забывать о войне даже вдалеке от сражающихся армий, по большому счету это было правильно, хоть и отдавало Ульрихом-Бертольдом.

— Отлично, — согласился Валентин. — Мы с Йоганном будем вас ждать у подножья холма. Добрый вечер, господин Трогге.

Кругленький Абель прокатился меж грозных орудий и принялся объяснять артиллеристам, что генерал Вейзель сейчас с семьей и вряд ли прервет свой отдых.

— Мы тронуты тем, что госпожа Юлиана привезла во Франциск-Вельде старшую дочь. — Подойдя к талигойцам, Трогге понизил голос. — Конечно, она не для наших парней, но такое уважение мы не забудем! А пушки, их ведь можно принять и послезавтра?

— Уже нельзя, — засмеялся Бертольд. — Смотрите. Ну что б нам было не заключить пари на дюжину ваших пирогов!

По склону деловым шагом поднимался Вейзель. Победивший примерного семьянина артиллерист не мог не проверить, что новенького притащили мараги перед самым праздником, но такого не ожидал и он. Генерал безмолвно обошел надраенные реликвии, уперся взглядом в намертво притороченную цепями к катафалку мортиру и вопросил:

— Ну и зачем оно нужно, вы подумали?

Нестройный ответ в духе «всякое оружие пригодится» его не удовлетворил.

— А где я вам тут крепость возьму, которую из этой мортиры обстреливать можно?

— Ближайшая, — не преминул уточнить подкравшийся Придд, — Мариенбург.

Бертольд прыснул, но мараги сочли, что их поддержали. Они были полностью согласны с господином полковником. Мариенбург ведь надо отбивать? Надо. Вот и отобьем, только сначала, как и принято у добрых людей, приветим осень.

— Пусть у вас и свои осадные орудия есть, поновее, но и наша «графиня» лишней не будет.

— Вот увидите...

— Сюда довезли и до Мариенбурга довезем!

— А сама красотка в порядке...

— Вот оковку лафета подновили, а так все в отличнейшей сохранности...

— И бомбы к ней есть, не сомневайтесь!

Вейзель не сомневался, к тому же, будучи человеком вежливым, никого обижать не хотел.

— Откуда у вас это произведение эйнрехтских мастеров? — полюбопытствовал он, уже сдаваясь. — «Отлита мастером Штефаном Гиссером с учениками для герцога Руперта фок Фельсенбурга, да хранит его святой Торстен».

Вперед выступил худощавый порывистый мараг, похоже, старший в команде; он был готов поведать захватывающую

историю, но не успел — Ульрих-Бертольд, закончив урок, пленил командующего марагским ополчением и теперь желал видеть генерала Вейзеля. То, что тут же оказался комендант лагеря, грозного старца полностью устраивало.

— Я фне зебья! — ревел барон, как нельзя лучше сочетаясь с древними пушками и особенно с препоясанной «графиней». — Командуюшчий Западной армией просил меня телать инспекцию, но он не просил фытирать зопливые нозы и непофоротлифые зады! Я не фишу ополтшение, я фишу бесголофый утятник, пфе! Фы с фашими лютьми отин большой позор есть, но я имею телать из позора фоителей! Фы хотите на тшетфертый день телать змотр? Отшень хорошо! Фы отменяете отдых и полутшаете результат!..

— Оглянись, — прошипел Бертольд, подкрепив приглашение чувствительным тычком. — Девушка не для здешних парней. С матушкой.

Чарльз пожал плечами и сделал вид, что внимает барону, благо запас громов и молний был неисчерпаем. Казалось, мечет их не только сам ужас Виндблуме, но и обе кошачьи головы с его шлема.

— Только простая пишча и работа от фосхода к закату! Пить и гулять бутете, когта разобьете фрагоф! Зетшас фаши люди не заслушившие дефушек и пиво, они заслушившие плетку есть... Я ф их годы...

— Господин Катершванц! — Баронесса Вейзель, приветливо улыбаясь, подхватила супруга под руку. — Все уже всё поняли, и давно пора ужинать. Я не для того ехала сюда из Хексберг, чтобы слушать вас, а маршал Савиньяк не для того посылал вас сюда, чтобы оставить моего мужа голодным.

Озадаченный барон молчал, грозно вбирая ноздрями пахнущий ужином вечер. Левая кошачья голова склонилась к бронированному плечу. Ульрих-Бертольд думал, баронесса Вейзель улыбалась, положив руку на живот.

— Та, — наконец изрек Катершванц. — Уше фечер, но в земь утра я буду ошидать зфоих уток ф поле! И...

— Благодарю вас. — Баронесса взяла барона под руку. — Курт, идем. Господа, до завтра. У вас просто замечательные пушки!

— Господин барон, — Придд, щелкнув каблуками, загородил удаляющуюся чету, — я и трое моих товарищей с вашего разрешения хотели бы завтра присутствовать на уроке, а сейчас я прошу вас уделить мне четверть часа.

Ульрих-Бертольд уделил.

Глава 8

ТАЛИГ. СТАРАЯ ЭПИНЭ ФРАНЦИСК-ВЕЛЬДЕ

400 год К. С. 24-й день Летних Молний — 2-й день Осенних Скал

1

Все, что осталось Роберу от сестры, все, что осталось Ворону от любви, мирно спало в обитой белым атласом колыбели. Его высочество Октавия не тревожили ни женское перешептывание, ни детская возня, как прежде не тревожили скрип колес и тряска. И брат Анджело, и кормилица утверждали, что сын Катари — удивительно спокойный ребенок, а сам Робер с младенцами дел пока не имел, но собирался. Когда все образуется, разумеется, но из родного дома это «когда» казалось удивительно близким, несмотря на мятеж, войну и затаивших зло Дораков.

Иноходец улыбнулся и опустил полог, отделяя спящего племянника от просторной комнаты, где собрались коротать Темную ночь женщины с детьми. В замке их было не так уж и много, особенно в сравнении с прежними временами, но блудный хозяин любил и считал родными всех. Суровая Мари, так и заправлявшая прислугой после смерти Жозины и убийства Маранов, торжественно подала горящую свечу, а девочка лет пяти — перевязанный алой лентой пучок полыни и вереска, Робер не сразу сообразил, что должен его поджечь. Он это делал впервые, отец и братья не сделают никогда...

Сухие травы вспыхнули сразу, Повелитель Молний швырнул огненный букет в пасть камина, выпил из дедова кубка прошлогоднего вина и едва ли не выскочил вон. За спиной

лязгнул засов — теперь отсюда никто не выйдет до рассвета. В Темную ночь женщины держатся вместе, оберегая детей от закатных тварей, девушки гадают и просят у осени женихов, мужчины пьют, и все прячутся от нечисти за окуренным травами железом. Знали бы обитатели Старой Эпинэ, что их герцог вез эту самую нечисть в седле, а после несся черными горами вместе с Осенней охотой!

Год назад, всего лишь год, он выезжал из Сакаци, и к нему напросилась заплаканная Вицушка. Оборотень, крылатая огненная тварь, заступившая дорогу другой твари, что потом объявилась в Олларии... Как же они с Дракко мчались, уходя от гибели, догоняя убегающую луну, но человеку и полумориску недолго скакать вместе с древними демонами. От Золотой ночки остались лишь клеймо на плече жеребца и две памяти — память ужаса и память полета.

— Иоганн, — спросил Робер, заходя к Мевену, — ты видел закатных тварей?

— Только Алву и Валме... А у вас тут, оказывается, полынь жгут.

— А у вас?

— Рубашки гладят и пироги пекут. Завтра будут сватов засылать... Нет, как же все-таки хорошо без браслета!..

— Совсем не жалеешь?

— О Леони? Я ее и видел-то раз пять. Отцу надоело ходить в Приддах, и он решил перепрыгнуть через канаву. Я был согласен: лучше жениться, чем загреметь в Багерлее, а все к тому шло. Не стань я женихом девицы Дорак, Манрик нас бы за наш лён проглотил и облизнулся.

— За лён? — не понял Робер.

— Больше не за что. Мы никуда никогда не лезли, да и Вальтер, к слову сказать, тоже. Старый спрут дураком не был и жить хотел... Я давеча сказал это Валме, наш умник ответил, что дураками были другие и их глупости хватило на всех. Ты так и будешь торчать в дверях? Хозяин...

— Спасибо, напомнил. — Темная ночь? А вот кошки с две! Золотая она. — Сегодня в Эпинэ положено запереться и до утра пить, но не мне... шарахаться от закатных тварей. Карои звал к себе на праздник, едешь?

— Почему нет? — Иоганн потянулся за плащом. — Постой... Ты сказал «едешь», куда?

— Они решили встать в старом замке. Это близко.

...Алаты уже зажгли костры, и двор покинутой при маршале Рене крепости не просто ожил — стал похож на сакацкий. Ровесники часто бывают похожи, хотя Марикьярский холм не шел ни в какое сравнение с алатскими горами.

— Скрипки нет, — пожаловался вместо приветствия Балинт. — Золотая ночка без скрипки — что девчонка без волос. И что б было прихватить? Место много не заняло бы, не бочонок.

— Думали не о праздниках, а о мародерах, вот и не взяли. — Эпинэ принял из рук витязя чарку, хлебнул и едва не задохнулся. — От... куда... э... кхе-кхе... то?

— Тут сделали, — хмыкнул алат, — на скорую руку. Хорошо хоть перец отыскали. Лучше бы позлей, только разве у вас найдешь!

Что с ним сталось бы, окажись перец правильным, Эпинэ предпочел не думать. Небо гасло, над черными, все еще могучими башнями вставала огромная луна. Трещали костры, упоительно пахло жарящееся мясо: праздник оставался праздником и без музыки, и без девушек в монистах и рябиновых бусах.

— Хорошее место, — Карои, запрокинув голову, тоже глядел на черные, игриво прихватившие луну зубцы, — зря бросили... Зачем?

А в самом деле, с чего Рене Эпинэ, Белый Мориск, покоритель Паоны, променял родовой замок на башенки из светлого камня и урготские флюгера? Счастья новый дом Иноходцам не принес, какое уж тут счастье, когда из всех потомков Рене уцелел лишь сын младшего сына.

— Я сюда вернусь, — внезапно решил Робер. — Это будет мой дом, мой и Марианны, а мертвецы... Пусть остаются вместе с дедом.

— Живи! — Карои обнажил саблю, будто перед боем. — Ты сказал, тебя услышали!

— И пусть слышат.

Робер хватил еще алатского пойла, и в этот раз оно не показалось таким жгучим, только багровое небо пропороли ветви-

стые золотые рога да пахну́ло горящей полынью. Закат. Молния. Осень...

Конский бег и птичий лёт.
Осень...
Лист кровавый, черный лед.
Осень...
К четверым один идет —
Осень...

2

К полудню Ульрих-Бертольд был вынужден отпустить своих «непофоротливых уток», освобождая место собирающимся у подножья холма молочникам и сыроварам. Очень серьезные люди наполняли молоком ведра и устанавливали их на особые черные поддоны, которые закреплялись в разукрашенных лентами и цветами тележках. Еще более серьезные судьи после строгой проверки привязывали к ведру особый бубенчик, удостоверяя готовность участника к гонке. Победителем становился самый быстрый среди аккуратных и самый аккуратный среди быстрых. Награда — пегая телка в серебряном венке — была выставлена на всеобщее обозрение в дальнем конце поля.

— Сырные гонки очень интересно и поучительно есть, — объяснил Йоганн. — Их два раза смотрел маршал Алва, но я совсем мокрый и хочу обливаться водой и чисто одеваться.

Чарльз хотел того же: Ульрих-Бертольд был беспощаден не только к ополченцам, но и к помощникам, с которыми ополченцы «сражались», к тому же, давая «уткам» перевести дух, барон развлекался поединками. Давенпорт продержался на четыре чиха дольше Бертольда, но на добрых три минуты меньше Йоганна. Лучше всех себя показал Придд, но и он оказался бессилен, когда разошедшийся барон решил сменить шпаги на алебарды. Сам Зараза, впрочем, был доволен, как и убедившийся в никчемности нынешней молодежи ветеран.

— Завтра нам не станут мешать эти глюпые телеги, — объявил он на прощанье, — и я показывать фам буду, что есть настоящее занятие. Не вздумайте пить фечером больше фосьми крушек и набивать шелудок утром.

— Восьми? — не поверил своим ушам Бертольд, успевший оценить размеры марагской посуды. — Дедушка шутит?

— Насколько я успел узнать, Ульрих-Бертольд к шуткам не расположен. — Валентин вытер лоб платком и пригладил волосы. — Барон подходит к другим с теми же требованиями, что и к себе. Думаю, он выпьет именно восемь кружек.

— Это так, — подтвердил Йоганн. — Восемь — это много, но не совсем. Я пью шесть, Норберт пил пять...

— Господа, — предложил Валентин, — давайте не будем сегодня вспоминать свои потери. У нас будет для этого время, когда мы пойдем в бой.

— Маршал Эмиль должен отбирать Мариенбург до зимы, иначе он не Савиньяк!

— Господа, — Бертольд изобразил сразу Придда и Йоганна, — давайте сегодня не будем вспоминать о войне. У нас будет для этого время, когда мы будем пить восемь кружек пива. Господин полковник, вы куда? Лагерь и чистые рубашки там...

— Оттуда идут люди со странными лицами.

Чарльз вгляделся и не мог не согласиться: с марагами что-то было не так. Народу на поле пока собралось не слишком много, и большинство в ожидании гонки толкалось на окраине Франциск-Вельде, но небольшая толпа виднелась и у будущего костра. В нем на четвертый день праздников собирались сжечь «прошлые беды», являвшие собой соломенные куколки, довольно страшненькие с виду. Ну так беды же!

Трогге объяснил, что внутрь каждой куколки вкладывают сердце — смазанный кровью обрезок ногтя, вместе с которым напасть получает имя. Готовую куколку «усыпляют» полынной настойкой и подбрасывают в «забытую» ушедшим летом телегу, чтобы дружно вкатить в огонь. Давенпорт помнил, что делают это быстро, пока не проснулась пьяная беда, и сразу же убегают. Но люди стояли у телеги уже сейчас.

— Они слушают, — оповестил высокий Йоганн. — Проповедника. Валентин, мы хотим слушать?

— Да.

Пробиться вперед труда не составило. Внешне проповедник напоминал генерала Хейла, и Чарльз проникся к нему симпатией, которая исчезла, едва капитан вник в суть речи. Оказывается, праздник был грехом. Грехом было все, от черничных пирогов до девичьих венков из зеленых и желтых листьев. Вместо того чтобы молить Создателя о прощении, ма-

раги собирали ополчение и веселились, причем на языческий манер. Мало того, они смели роптать, укоряя не защитившую их власть, однако вторжение дриксов было промыслом Создателя...

— Разрубленный Змей, — фыркнул под ухом Бертольд. — Что этот грач верзит? И где?! Кругом черника, а он белены объелся? Нет, ты только послушай...

Подозреваемый в поедании белены говорить умел, только лучше бы он шепелявил и путался, как старенький клирик из Давенпорта, понять которого не брались даже самые благочестивые прихожане. Но отец Хьюго был добрым, этот же...

— Вы виновны страшнейшей из вин! — клеймил он тех, кто, самое малое, лишился крова. — Виновны пред Создателем и государем! Разве оплакиваете вы постигшую Талиг потерю? Разве носите траур по их величествам, а ведь срок еще не истек! Разве плачете над горьким сиротством своего короля? Разве молитесь о здравии тех, кто печется о вас неустанно?

Нет, вы сбираетесь на скверные игрища, платя дань духам нечистым, и вы же ищете виноватых, но кто виноват, если не вы?!

Опомнитесь! Задумайтесь об общем грехе, что и стал причиной постигших Талиг несчастий. Самую землю бьют корчи, землю Надора, особо повинного пред наместниками Его. Но и в этом чтящие и разумные да увидят милость Его, ведь постигни подобная участь не Надор, но Эпинэ или Придду, жертв было бы больше во сто крат!

Создатель еще ждет от вас покаяния и духовных подвигов, но терпенье Его не безгранично, и успехи врагов наших тому свидетельство. Создатель любит вас, потому и карает.

Дриксенцы противны Ему и отвергнуты Им, но они — орудие Его. Создатель не дарует победы Талигу, доколе жители его не очистятся. Сколь бы ни была сильна армия и умелы полководцы, им не остановить вторжение, пока не возблагодарите вы Создателя за вразумление, не отринете гордыню и не оставите ропот, ибо не пастыри светские и духовные виноваты пред вами, но вы пред ними...

— Бонифация бы сюда... — пробормотал Чарльз, — он бы ответил...

— Зачем Бонифация? — спросил Придд, но объяснить Давенпорт не успел, Валентин неторопливо двинулся к проповеднику.

— Сударь, — негромко сообщил он, — я герцог Придд, и я должен вам сказать, что своими словами вы оскорбляете Создателя, Талиг, Марагону и лично меня.

— И память моего брата! Норберт погибал на Мельниковом лугу не за грехи. Он останавливавшим дриксов был! Которые хотят жечь и резать. И вас... Если мы пускаем «гусей», они режут первыми марагов, вторыми — «грачей»... Ты прячешься за нашей спиной, черный грач!

— Барон Катершванц не одинок в своем мнении. — Рука Придда легла на плечо бергера, но смотрел он на проповедника, и смотрел не хуже Алвы в Октавианскую ночь. — Я могу кое-что добавить. Прошлым летом у меня, как и у многих, была семья. Прошлым летом у меня, как и у многих, был дом. Теперь у меня нет ни того, ни другого. Кто-то должен ответить за смерть моей матери. Не вы ли?

— Но... — Пожилой мараг сжимал в руке оскаленную куклу, но вряд ли это сознавал. — Но ведь... это не он!

— Не он. А беженцы? Если они наказаны за чужие грехи, почему бы за чужой грех не наказать и этого господина? Как же нужно не любить Создателя, чтобы обвинять его в подобной мерзости!

Проповедник уже опомнился. Он то ли не был трусом, то ли не верил, что полковник талигойской армии может причинить ему вред, вот на бергера тревожные взгляды святой отец бросал.

— Я исполняю волю кардинала и несу его слово! — резко начал он. — А вы не можете не знать, что воздается всем по грехам...

— Простите, — перебил Придд, — *чье* слово вы принесли в Южную Марагону?

— Его высокопреосвященства Агния.

— Агний не является кардиналом Талига. — Валентин обвел глазами мрачных марагов. — Я лично присутствовал при том, как его величество Фердинанд лишил этого Агния сана за трусость. Бывший кардинал бежал вместе с временщиками, покинув и своего короля, и свою паству на произвол судьбы.

Теперь он пытается оправдаться и переложить свои грехи на весь Талиг, но в Книге Ожидания ясно сказано, что пока Создатель в пути и взор Его отвращен от Кэртианы, люди могут страдать отнюдь не за грехи пред Ним.

— Регент...

— Регент не вправе отменить решение короля. Что до вас, то вам дадут провожатого, и вы немедленно покинете Франциск-Вельде и Марагону, а в случае возвращения будете повешены за оскорбление памяти его величества Фердинанда и всех погибших за минувший год. Бертольд, передайте этого человека вашим людям. Пусть выезжают тотчас же. Я могу ошибиться, но в этой телеге бед не хватает одной по имени Агний.

— Она будет! — закричал высокий парень, и Чарльз его узнал: Эрих-выходец, потерявший невесту. — Будет!

За спиной гнусаво запели рожки — начиналась Сырная гонка. Оставалось надеяться, что веселящимся марагам будет не до выставленного вон проповедника, но Чарльзу было противно и тревожно. Не так, как в Гаунау перед обвалом, но праздник из души ушел, оставив место ожиданию какой-то мерзости.

— Норберту не в чем покаиваться. — Катершванц тоже не мог успокоиться. — Самое плохое, что он делал для нас, — это умирал.

— Эта логическая ловушка известна со времен Торквиния. — Валентин подхватил бергера под руку и повел прочь от марагских бед. — Всем «по грехам» — значит, надо искать грехи, и с этим даже можно согласиться. Если считать грехом то, что идет во зло, только сколько грехов у марагов по горящим деревенькам и сколько у тех, кто привел нас к этому лету? Марагам есть за что спросить с талигойских властей предержащих, как живых, так и мертвых, но никоим образом не наоборот.

— Кошки б подрали этих клириков, — Чарльз, пытаясь выглядеть беззаботным, махнул рукой. — Только б праздник людям испортить! «Скверные игрища», «духи нечистые»... Бред, причем злобный.

— Боюсь, дело гораздо сложнее. — Подобным тоном Придд, видимо, отвечал уроки, и вряд ли ментору при этом бывало уютно. — Для эсператистов, считая от Теония, подобный злобный бред — общее место, насаждали и худшее. Тре-

бование благодарить Создателя за наказание вошло в обычай, как и угрозы новыми карами, и безумные акты личного или множественного покаяния во отвращение гнева небесного, но в Талиге речи про вразумляющую кару — новость, и новость опасная.

— Все так, — поддержал Придда Йоганн, — и я очень не хотевший был выпускать эту ворону в невыдерганных перьях.

— Дело не в священнике. Я верю, что он выполняет приказ, но не верю, что это затея Агния. Это приказ регента, господа, и его очевидная ошибка. Я готов ответить за эти слова.

— Здесь никого нет готового доносить на тебя!

— Я это сделаю сам. Моя обязанность — сообщить герцогу Ноймаринену о возможных последствиях послания Агния для репутации Церкви и регента и засвидетельствовать волю Фердинанда относительно бывшего кардинала.

3

Эсператиста, к вящему позору Робера, нашел Валмон, догадавшийся послать за ним в Гайярэ. Монах, волею Левия провожавший в Рассвет сестру, провожал и своего кардинала. Эпинэ стоял в головах сработанного деревенским столяром гроба, слушал затверженные в детстве слова, но думал не о Создателе, а о мудром человеке, чьей мягкой твердости теперь так не хватает. Клубился пахнущий еще живым Агарисом дымок, мерцали свечи, дрожали, старательно выпевая молитвы, голоса певчих — совсем недавно обычных крестьянок. Если бы Левий был рядом с Жозиной, когда перед ней положили шпаги отца и троих сыновей... Если бы кардинал появился *до* мятежа и остановил, нет, не деда, тот был безнадежен — отца... Левий смог бы... Седой невысокий клирик мог многое, а погиб от руки свихнувшегося мальчишки. Совсем как Катари.

Держись кардинал подальше от беженцев, а сестра от Дикона с Дженнифер, они б уцелели, но тогда это были бы другие люди. Они жили бы еще много лет, никого не спасшие и не утешившие, никем не убитые...

— *Уратори Квани-и-и,* — дребезжали певчие. Бедняги честно затвердили гальтарские слова, но выговорить их правильно не могли. — *Ти устри... пентани ме-е-е нирати-и-и...*

В витражи солнечной птицей билась юная осень, перья-блики, алые и золотые, скользили по полу, словно их гонял ветерок, словно Левий напоследок напоминал, что жизнь есть величайший дар, а если ты силен, еще и долг.

— *Лейи Уратори-и-и! Лейи Детори-и-и!..*

«Лейи»... Лэйе... Лэйе Деторе, лэйе Астрапэ!.. Клич, что впечатался в душу, как клеймо в плечо Дракко. Угловатые буквы, вырезанные на агате Капуль-Гизайля, при одном взгляде на который сердце срывается в неистовый галоп. Да, Коко... Барон вывез не только камею с всадниками и умбераттову змееедеву, но и парнишку-флейтиста. Останься Марианна с бароном, сны о счастье уже стали бы явью.

Догорающая свеча уронила горячую слезу, и та застыла на коже благочестивой бородавкой. Знать не знавший Левия Роже, хлюпая носом, забрал у господина огарок. Почему эта свеча сгорела прежде других? Была изначально короче, торопилась или дело в сжимавшей ее руке?

Когда служба перевалила за середину, Робер понял, что устает от исковерканных гальтарских слов, сладковатого запаха, собственной неподвижности... Тишина развалин была созвучна Левию, как и алый старухин цветок, а вычурный агарисский обряд подошел бы кому-нибудь вроде бедной Дрюс-Карлион. Правильней было бы сжечь тело прошлой ночью, как и предлагал Балинт, хоть это и отдает язычеством.

— *Лэйе Ураторе! Лэйе Деторе!..* — Сам монах понимал, что говорит и кого хоронит, но, во имя Леворукого, зачем он притащил в Эпинэ свой «хор»?!

Теперь погасла свеча у примчавшегося утром Гаржиака, и почти сразу же — у Карои. Внуки Роже в новых серых рубашках, старательно вздымая даренные Алисой Рассветные ветви[1], направились к выходу. Значит, в самом деле конец.

---

[1] **Рассветные ветви** — ветви цветущей вишни, которыми снаружи украшены Рассветные врата эсператистского храма. В зависимости от его богатства могут быть изготовлены как из драгоценных материалов, так и из обычного дерева и воска. Когда отпевают клириков, перед выносом гроба двое служек с Рассветными ветвями становятся по обе стороны двери. В олларианстве Рассветные ветви заменены живыми цветами или, зимой, вечнозелеными растениями.

Распахнутые во время службы входные двери разъединяли украшавших створки геральдических коней, даруя вечным противникам передышку. Слева, заслоняя белого жеребца, стоял стройный белокурый дворянин в дорожном платье. Робер едва не принял его за кого-то из Савиньяков, но близнецы были далеко. И все же этого гостя Эпинэ видел и прежде; впрочем, похороны собрали дворянство со всей округи, белокурый мог приехать с тем же отказавшимся идти на Олларию Гаржиаком. Появление Альдо оттолкнуло от мятежа многих поборников «Великой Эпинэ».

...мэ дени вэати!..

Монах, глядя в нарисованный Рассветный Сад, уже произносил последние слова; когда с его губ сорвалось «Мэратон!», человек у двери осенил себя знаком, четко, по-военному, развернулся и вышел, а на его место заступил... Никола!

Робер не закричал и не ринулся к двери. Пришло время выносить гроб, и хозяин Эпинэ взялся за обитый серым атласом ящик вместе с Мевеном, Пуэном и Карои. Воскресшего загородил мертвый...

Что-то блеснуло, что-то в руке агарисца. Голубь. Наперсный знак кардинала возвращается Эсперадору, но у Церкви больше нет главы, да и самой Церкви по сути нет. Значит, белый эмалевый голубь упокоится в Адриановой чаше вместо цепи Никола.

Процессия медленно ползла знакомыми галереями. Здесь Робер играл с братьями в осаду Ноймара и последний бой Ги Ариго, прятался от менторов, целовал хорошенькую Берту, здесь год назад проходил с дядюшкой Альбином, чтобы вновь увидеть беднягу уже на каштане.

У поворота к усыпальнице с Иноходцем поравнялся Дювье, и Робер, вспомнив свое обещание, уступил ношу сержанту. Следующим по праву был Никола... Маленький генерал собирался умереть вместо «Монсеньора», доверил свою тайну кардиналу и вернулся. На похороны. Смерть его высокопреосвященства Никола себе не простит, только его присутствие не изменило бы ничего: Левий погиб не потому, что его не защищали, — человеку не бывать проворней волкодава, но даже Готти смог лишь отомстить. Они об этом еще поговорят, а теперь нужно вернуть Карвалю его цепь и подвести к гробу, пре-

жде чем за ним сомкнутся двери склепа. Робер уступил дорогу не скрывающей слез графине Пуэн и положил руку на знакомое твердое плечо.

— Монсеньор! Я счастлив виде...

— Вы... не Никола.

— Аннибал Карваль к вашим услугам. Граф Валмон отпустил меня в ваше распоряжение и просил срочно вручить вам письмо.

— Аннибал...

— Монсеньор, что-то не так?

— Вы очень похожи на брата. Где письмо?

«*Герцог Эпинэ*, — на сей раз Проэмперадор Юга был краток, — *все касающиеся Вас и виконта Мевена недоразумения разрешены.*

Получение Вами сего письма равнозначно вступлению в должность командующего ополчением Внутренней Эпинэ. В таковом качестве Вы подчиняетесь командующему ополчением всей провинции барону Волвье».

— Вы можете объяснить мне, что это значит?

— Граф Дорак после беседы с господином Проэмперадором почувствовал себя плохо и с выделенным ему эскортом отбыл в свои владения для излечения. Его обязанности перешли ко второму сыну графа Валмона Сержу. Монсеньор, вам лучше догнать процессию, пока вас не хватились.

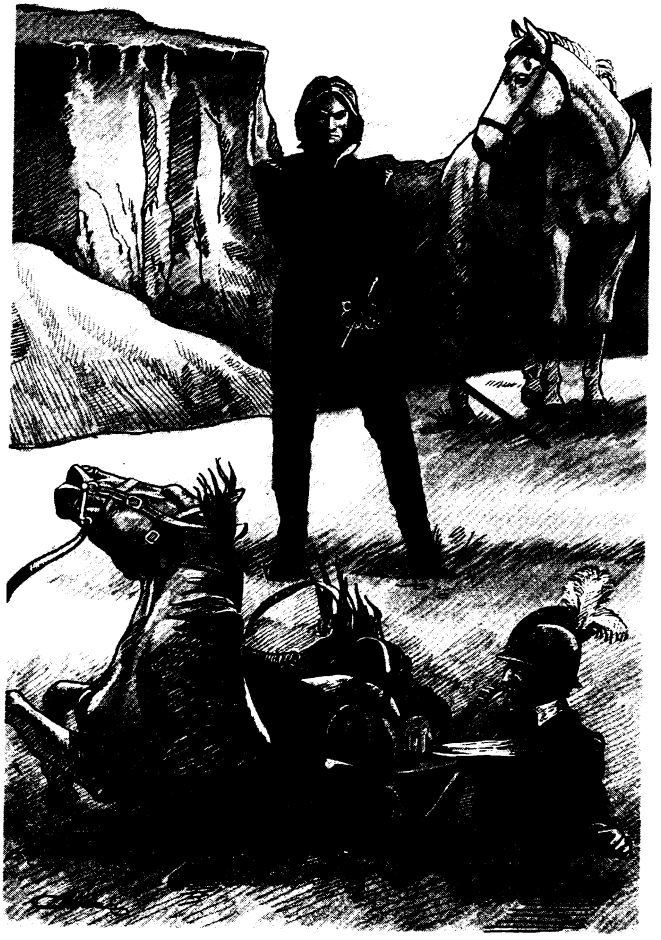
— Вы правы.

Аннибал был похож на брата не только внешне.

Часть пятая

КОРОЛЬ МЕЧЕЙ

●



ЧАСТЬ ПЯТАЯ

«КОРОЛЬ МЕЧЕЙ»[1]

Или я, или хаос.

Приписывается Шарлю де Голлю

Глава 1

ТАЛИГ. ТАРМА

400 год К. С. 3-й день Осенних Скал

1

В Старой Придде Ноймаринена уже не было — после известий о поражении герцог с ближайшими помощниками перебрался западнее. Это было правильно, хотя выбор именно Тармы Лионеля удивил. Сам он предпочел бы Акону, где сходились основные тракты северо-запада и речной путь. Армия Эмиля через город уже прошла, известия из Марагоны поступали исправно, да и сама Акона с ее цитаделью и внешними укреплениями могла за себя постоять. Рудольф, однако, решил по-своему, возмож-

[1] **«Король Мечей»** — «придворная» карта системы Таро. Означает закладку фундамента будущего действия или же сильного человека. Король Мечей — лидер, утверждающий свою власть с помощью силовых методов, очень страстный человек. **П. К.** — плохо представляет себе свои возможности, отсюда либо чрезмерная лихость, либо неоправданная осторожность.

но желая показать, что не намерен отсиживаться за крепостными стенами.

— Монсеньор вас ждет! — объявил капитан с орлиным носом. — Прошу...

Превращенная в кабинет богатая гостиная радовала глаз выдержанными в зеленых тонах шпалерами и четырьмя изящными люстрами. У кого-то в Тарме были не только деньги, но и вкус. До войны.

— Хорошо, что с матерью обошлось. — Рудольф в расстегнутом мундире шел навстречу. — Вроде осень, но жаре нет дела до календарей. Садись. Что про нас знаешь?

— То, что знал Эмиль девятого Летних Молний.

— Тогда, считай, ты знаешь всё. Бои прекратились, дриксы укрепляются в захваченных городах и крепостях, на Марагону даже не смотрят, хотя до холодов полно времени. Странно...

— Отнюдь нет, если знать об Эйнрехте. Я прикинул сроки — миролюбие Бруно неплохо увязывается со временем, необходимым для получения двух новостей: о смерти кесаря и о мятеже.

— Мятеж, говоришь? Звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой. — Рудольфу пора было поворачивать, но он остановился, хмуро глядя на собеседника. — Со старого быка станется распустить слухи и ждать, когда мы успокоимся и перестанем вертеть головами, как совы.

— Это не слухи, и я не готов считать эти вести хорошими. Мы с Вольфгангом-Иоганном встречались с Хайнрихом, который и рассказал нам про Эйнрехт. Ни я, ни маркграф в его словах не сомневаемся.

— Что ж, самое время спросить, что делает в твоей свите гаунасский полковник в бергерском плаще.

— Везет письмо Хайнриха принцу Бруно.

— Это делает тебе честь как брату и сыну, но не как талигойскому маршалу. Никаких переговоров об обмене пленными я не начну, сколько бы посредников ты ни набрал! Я понимаю твое положение и сам все объясню твоей матери...

— Она не поймет. Не как мать теньента Сэ, а как графиня Савиньяк, урожденная Рафиано. Нам тревожно за Арно, но переговоры начинает либо тот, кто побеждает, либо никто.

— Да... Мы, мягко говоря, не побеждаем. Чего хочет Хайнрих от Бруно?

— Один варит счел уместным напомнить другому, что в Излом не льют кровь, пока же Гаунау закрывает границу с Дриксен. Маркграф поручил мне как новому командору Горной марки взять посланника Хайнриха под временное покровительство.

— Что ж, прими мои извинения. — Рудольф резко развернулся. — О том, что в Бергмарк новый командор, Вольфганг-Иоганн меня все же уведомил. Ты не терял времени...

— Я бы счел, что потерял впустую несколько недель, если б не встреча с дамами Арамона и не тройственные переговоры. Тем не менее я предпочел бы в это время находиться если не на Мельниковом лугу, то в Олларии.

— Последнее было бы неплохо, — буркнул Ноймаринен, явно думая о своем. — Итак, Бруно в самом деле не до Марагоны... Что ж, пусть они с племянником тузят друг друга, и чем сильней, тем лучше.

— Фридрих убит вместе с принцессой Гудрун. — Вдаваться в подробности Лионель не спешил. — Похоже, в Эйнрехте происходит то́ же, что и в Олларии.

— И там, и там головы на войне, а задницы — в столице, результат закономерен. — Рудольф махнул рукой. Пока все шло более или менее мирно. Пока... — Не подумай только, что я не доверяю твоей матери и закрываю глаза на всякие странности, но вы сейчас грешное с праведным мешаете. Несомненно, разгулявшаяся нечисть что-то чует — Надоры со счета не сбросить, но безобразия в столицах к этому приплетать незачем. Впрочем, если по Эйнрехту бродили зеленые монахи и маршировали крысы, я готов подумать.

— Об уходе крыс люди Хайнриха не сообщали. Что до призраков, то они по площадям не разгуливают, а зелень над Нохой до недавнего времени мало кого занимала, хотя засветилось еще зимой.

— У зелени может быть та же природа, что у выходцев, — предположил Рудольф, — а выходцев обычные люди забывают. Есть ли в Эйнрехте призраки вроде нохских, может знать молодой Фельсенбург. Он с Кальдмеером опять в Хексберг, я распоряжусь, чтобы их привезли. Хорошо бы Бруно послушал

Хайнриха или занялся собственными делишками, тогда я обменяю Фельсенбурга на Арно... Если он у дриксов.

— Спасибо.

— Хочешь сказать, слишком много «если»? Большего я сделать не могу ни для кого. Даже угоди в плен любой из моих парней.

— И я, и моя мать это понимаем. Что с Арно, неизвестно, мы можем лишь надеяться. Монсеньор, боюсь, вы недооцениваете опасность зелени, но и бергеры, и Хайнрих относятся к ней очень серьезно. Мать вы слышали, теперь расспросите госпожу Арамона и ее дочь.

— Разумеется, я сделаю это. Ты ведь знаешь, что Вальдес якшается с хексбергскими ведьмами? По его словам, перед землетрясением в Надоре они плакали. Бури эти... Одна дриксенский флот утопила, другая на Мельниковом лугу чуть обе армии не угробила. Что выделывали горы, не мне тебе рассказывать. Время непростое, кто бы спорил, только в мародерах и грабителях ничего непонятного нет. Власти дали слабину, и сволочь обнаглела. Всё.

— Сразу и в Эйнрехте, и в Олларии?

— Про Эйнрехт я знаю с твоих слов, но будь оно «сразу», Хайнрих ничего бы не успел узнать, так что у дриксов загорелось раньше. Смерть кесаря при слабоумном наследнике и слабоумном же регенте — повод лучше не придумаешь, а в Олларии собралось слишком много продажных шкур... Да, вот этого ты точно не знаешь... Перешедшие к Альдо гарнизоны были куплены гоганами, которые вроде бы охотились за каким-то старьем. Южане из другого теста, но они погоды не делали даже вначале, а из Эпинэ Проэмперадор, как из зайца борзая.

— Мать считает иначе.

— Она дружила с Жозефиной Ариго...

— Дело не в этом...

Разговор все сильней напоминал «мертвую зыбь», но ссоры не хотел никто, и ссоры не случилось. Потом часы пробили семь, и наступило время докладов.

— Если хочешь, оставайся. — Рудольф налил себе воды. — Это вряд ли затянется... Или дать тебе карты и отправить думать о Хербсте?

— Пожалуй.

— Завтра скажешь, что надумал. Я намерен встать на зимние квартиры в Мариенбурге, и я встану.

— Поэтому не Акона, а Тарма?

Рудольф улыбнулся. Он четырнадцать лет был Первым маршалом Талига, но потом отдал перевязь Алве. Тогда его многие не понимали, сейчас многого не понимал он.

2

Госпожа Арамона изобразила придворный реверанс и только после этого разрешила себе взглянуть на регента. Тот оказался, как говорится, видным мужчиной. Если граф Литенкетте удался в отца, он был завидной добычей, другое дело, что бедняга влюбился в королеву, а отбить у Алвы женщину не светило никому. Впрочем, Катарина была мертва, а любовь к тем, кто умер и при этом лежит смирно, сближает. До стычки с Урфридой Луиза возлагала потаенные надежды на способного «сделать женщину счастливой» Эрвина, но теперь Селину от Ноймариненов следовало держать подальше.

— Сударыня, — произнес регент приятным низким голосом, — я наслышан о вас и вашей дочери. Вы оказали большую услугу Талигу в лице ее величества. На подобное отважились бы немногие.

— Мой герцог, мне ничего не грозило. Граф Манрик со слов моего отца решил, что я буду служить ему. — И пусть теперь рыжий обормот вякнет про шпионство! А господина графа давно простили и оставили тессорием.

— Вы откровенны. А ваша дочь тоже об этом знала? Мой сын Эрвин со слов ее величества утверждает, что первой отправиться в Багерлее вызвалась отнюдь не герцогиня Окделл.

— Только потому, что у Айрис начинался грудной приступ. — Чем меньше Сэль будет на виду, тем лучше. — Моя дочь во всем подражала подруге, они все делали вместе.

— То есть ваша дочь была осведомлена о сговоре Айрис Окделл и Робера Эпинэ с самого начала?

— Да. — Еще немного вранья лишним не будет.

— А вы?

— Я не знала, но догадалась довольно быстро. Селина призналась только после смерти Айрис.

— О Надоре и ваших видениях вы расскажете мне чуть позже. Садитесь и не обращайте внимания, что я хожу. Привычка.

— Да, мой герцог.

Куда именно садиться, регент не сказал, и Луиза выбрала один из окружавших массивный стол стульев. Наверное, здесь сидели генералы и маршалы.

— Насколько мне известно, — донеслось из-за спины, — вы направлялись к моей супруге. Когда мы закончим и вы отдохнете, вас отвезут в Ноймар.

— Благодарю вас, монсеньор, но если это возможно, я предпочла бы остаться с графиней Савиньяк.

— Вот как? — слегка удивился Ноймаринен. — Разумеется, выбор за вами, но потрудитесь объяснить причину.

Причин было аж три, но хватило бы и одной, по имени Урфрида. Отец порой может не потакать сыну, но доченьке... Особенно когда поганка топает ножками и вопит: «Хочу!» Маркграфиня положила глаз на Савиньяка, а Селина ей мешала. Пока лишь в воображении, но любящим родителям важны слезиночки кровиночки, а не то, как оно есть на самом деле. Второй причиной был сам Савиньяк, которого чем дальше, тем больше хотелось изловить. Госпожа Арамона грустно вздохнула.

— Я боюсь встречи с... новой графиней Креденьи и бывшими унарами моего покойного супруга. По крайней мере, до замужества Селины.

— Да, — герцог внезапно улыбнулся, — ваш отец потряс многих. К счастью для Талига, вы ничем не напоминаете свою матушку. Как по-вашему, почему ее величество согласилась с решением супруга остаться в столице, вы ведь при этом присутствовали?

— Тогда я подумала, что его величество уперся и ее величество, поняв это, решила не спорить.

— А сейчас?

— И сейчас так думаю, — не моргнув глазом объявила Луиза.

Регент кивнул и побрел дальше; сзади он казался старше, чем спереди.

— Граф Гогенлоэ расспросит вас и вашу дочь о том, чему вы были свидетелями. Считайте, что вы рассказываете мне.

— Да, монсеньор. — Сейчас капитанша говорила чистую правду. Она никоим образом не собиралась откровенничать не только с Гогенлоэ, но и с регентом, только что повторившим ошибку Манрика. Тот тоже не сомневался, что ему будут служить, только вся преданность Луизы принадлежала детям, герцогу Алва, ну и немножко дому Савиньяк.

3

Свечи догорели, новые Ли зажигать не спешил, а лунные отблески темноту внутри дома побороть не могли. Сваленные на стол карты, напоминая о себе, неприятно белели, но маршал не спешил их разворачивать.

Рудольф переехал в Тарму, собрался форсировать Хербсте и ждал от маршала Савиньяка мыслей на сей счет, но маршал Савиньяк не сомневался: затея невыполнима, и отнюдь не из-за Бруно, как бы тот ни поумнел и ни осмелел. Золотые земли самое малое с двух концов пожирала чума, это было очевидно варварам, но не человеку с цепью регента Талига. Когда-то Рудольф, Вольфганг, Сильвестр, Бертрам с дядюшкой Гектором высились несокрушимой всезнающей стеной, за которой резвился молодняк. Это чувство пережило мятежи Борна и Окделла и рухнуло от ерунды.

Первым засбоил кардинал, но это не казалось фатальным... Ли отлично помнил день, когда они с Алвой наконец признали трещину трещиной и решили ее незаметно залатать. Рокэ «погнался за какой-то юбкой» и не явился ни во дворец, ни домой, а ночью, «получив свое», умчался в чем был к армии, опередив королевский приказ и успев все сделать по-своему. Подвоха никто не заподозрил, только Сильвестр прочел «не знавшему» об интрижке приятеля Савиньяку нотацию о вражеских кознях и убийствах с помощью женщины. Кое-что Лионель позже пустил в ход, но кардинал вряд ли узнал собственные советы.

— Ли... Ты не спишь? Я могу войти?

— Конечно, мама.

Она все же открыла дверь не сразу, маршал успел высечь огонь и зажечь пару свечей.

— Не погулять ли нам? — Мать уже была в мантилье. — В северных домах летом можно задохнуться.

— Не во всех, — засмеялся Лионель, берясь за мундир. — Но от получаса в саду я не откажусь.

Вряд ли их подслушивали, и все же среди запущенных цветников легче не только дышалось, но и говорилось.

— Рудольф выжал наших дам досуха. — Мать проследила взглядом за ночной бабочкой. — Больше всего его занимает Октавианская резня... Карты не развернуты, значит, ты думал не о войне? Тогда о чем?

— Сперва о Рудольфе, потом о Сильвестре. Ты еще не писала о драконах, которых слишком многие хотят убить и иногда убивают? Только хуже всего, когда дракон, всех сожрав, издыхает без посторонней помощи, причем неожиданно для себя самого...

— Или не издыхает, но, разучившись летать, загораживает молодняку выход из пещеры? Ли... Тот же Бертрам понял, что никогда больше не сможет ходить, и пережил это. Он не шарахнется ни от какой правды, даже самой дикой. И я тоже.

— Я знаю. Иначе я говорил бы с тобой о ночных бабочках.

— Не надо. Я и дневных-то не очень люблю. Из-за Гектора — негодник показывал мне бабочек без крыльев и говорил, что это ядовитые тараканы. Ты уже понял, где ошибся Вольфганг?

— Я понял, что́ бы на месте фок Варзов делал я, но к чему это привело бы, никто никогда не узнает. В любом случае, сейчас не до того.

— Но ты пока не собираешься стрелять в Рудольфа?

— Это терпит. По крайней мере, до возвращения Уилера и появления послов, но завтра грядет новый разговор. Боюсь, спрятаться за женщин второй раз мне не удастся.

— Так ты за нас прятался?

— Я хотел, чтобы он вас выслушал спокойно. Ты не собираешься писать Бертраму и дядюшке Рафиано?

— Собираюсь. Что именно?

— То, с чем будешь согласна. Представь, что я — Левий.

— Тебе придется пригнуться и сварить шадди с корицей.

— Лучше я наберу тебе цветов.

— Левий этого не делал, но набери.

Ночь и луна делали колокольчики серебряными, только им не хватало черни. Лионель огляделся и взялся за служившую бордюром варастийскую траву. Она резалась не хуже осоки, зато темные росчерки превратили охапку в букет.

— Ты умеешь срезать цветы...

— Я часто помогал Катарине по утрам. Она предпочитала украшать столовую и будуар сама.

— Кто из вас узнавал больше?

— Цветы.

— А ведь есть счастливцы, что собирают колокольчики и гуляют под луной просто так... Те, кто уже никогда ничего не соберет, тоже есть. Были... Тебе жаль Марианну?

— Конечно.

— Значит, не больше, чем других. Что ты надумал?

— Что Эйнрехт и Оллария больны одной чумой, но если б заболевали все, вразумлять Рудольфа было бы уже незачем. Те, кого гнало вон из Олларии, в большинстве своем не просто здоровы, они чуют нечто скверное и не желают иметь с ним дела. Ты говорила о поездке Эпинэ, да и сама видела заколоченные дома, но чтобы все бросить и заставить домочадцев уйти, нужен характер. Я прочел записки этого Шабли... Теперь не проверить, но я почти уверен, что его зять-перчаточник ушел.

— И будь его семья цела, увел бы и ее?

— Вот именно. Я правильно понял, что первым взбеленилось пришлое ворье, потом — церковники и лишь затем пошло по всему городу?

— Ты видишь в этом какой-то смысл?

— Пытаюсь. Если судить по Шабли, зараза липнет к тем, кого обычно сдерживает страх, но преступнику, чтоб обнаглеть, нужно меньше, чем добропорядочному мэтру. Часть страха он перешагнул, когда брался за свое ремесло. Ворью требовалось лишь выползти днем и замахнуться на местных. С церковниками сложнее... Они оказались слишком близко к зелени, которая до поры до времени оставалась в пределах Нохи. Эта дрянь пáрила, как болото в жару, город дышал ядом, но плескались в нем только церковники. Не подвластными злу ангелами оказались далеко не все... Очень надеюсь, что в наших северных армиях доля ублюдков если и больше, то ненамного.

— Ты уже решил, что с ними делать?

— Возможно. Я жду Уилера...

— А зараза, как мы убедились в Фарне, уже за Кольцом.

— Среди беженцев не могло не оказаться трусов, тех, кто привык сидеть под каблуком. Мужа, жены, родителей, хозяина... Они несут чуму, но сами, пока не окажутся в стае, будут по привычке слушаться и помалкивать. Управляющий Маркуса посидел с таким в трактире и отправился домой. Не попадись поганцу одинокая девушка да еще самой опасной для него внешности, он походил бы на человека, пока не глотнул еще или не оказался среди таких же уродов.

— Левий с Бертрамом должны это понять и без наших писем. Разве что отослать им духовные красоты Шабли...

— Левий поймет наверняка, ведь он идет с беженцами, но есть и другая опасность. Я имею в виду Эйнрехт, хотя в Паоне и Гарикане дела могут идти не лучше... В любом случае, есть две возможности. Первая: вся окрестная сволочь бросится кто в Олларию, кто в Эйнрехт...

— Так ты боишься, что их соберется слишком много и оттуда... вылетит рой, которому нужно где-то осесть?

— О таком я не думал... Спасибо. Это третья вероятность, хуже первой, но лучше второй. Мама, а что, если Эйнрехт и Оллария почуют друг друга? То есть не друг друга, а то, что тянуло толпу в Ноху, невзирая на мушкеты Левия? Что, если жажда новой зелени соединится с вечной дриксенской ненасытностью и желаньем переиграть Двадцатилетнюю? Что, если свой Марге отыщется и в Олларии? Генералов там вроде бы не осталось, но вспомни первых Колиньяров, Валмонов, Манриков... Что, если наших очумевших понесет навстречу эйнрехтским и по дороге к ним пристанут те, кто до поры до времени тихо сидит по гарнизонам? Тогда Придда и Марагона оказываются между двух огней...

— Ли, — мать поднесла к лицу колокольчики, словно защищаясь, — ты меня напугал. Я не думала, что мне может стать *так* страшно... Ты не можешь меня успокоить? Только без вранья.

— Попробую. Подумай, что бы было, дотяни до сего дня Люра с его Резервной армией, Манрик с Колиньярами, переставший трястись за свою шкуру Штанцлер, Айнсмеллер и

прочая сволочь. Нам повезло, что множество подонков успело явить себя во всей красе и отправиться в Закат прежде, чем за ними пошли позабывшие страх толпы. Оставшееся отребье — не больше трети того, что могло бы на нас навалиться, но это тыл...

— Ты боишься «вождя всех варитов»?

— Да. Фридрих, став регентом, принялся набирать армию, и вербовщики сгоняли добычу в Эйнрехт, в самую зелень. Если судить по церковникам Левия, заразу подхватит не меньше четверти солдат, с Талигом же воевать хотят все, иначе зачем бы они надевали мундиры. Это не те гвардейцы, которых я дважды бил, это почти гаунау, и их теперь больше, чем было до того, как Готфрид распустил часть полков. Марге, чтобы избежать участи Неистового, придется пустить эту ораву в дело. Если самозваный «вождь всех варитов» получит отпор от Штарквиндов и Зильбершванфлоссе, он схватится с ними, если вариты в самом деле объединятся, я вижу для Марге один путь: отомстить за Хексберг и захватить Марагону, положив при этом как можно больше очумевших союзников. В худшем для нас случае дриксы заявятся месяца через два с половиной...

— Что ж... — Мать так и смотрела поверх цветов, почти юная в свете луны, и Ли понял — он пойдет на все, но второй раз до нее не доберутся! — Что ж, будем ждать Уилера, а пока попробуем объяснить Рудольфу то, что понял маркграф.

— Мама, сейчас главное вправить мозги даже не Рудольфу — Бруно.

Глава 2

ТАЛИГ. ФРАНЦИСК-ВЕЛЬДЕ

400 год К. С. 4-й день Осенних Скал

1

Мэллит приснился пояс невесты, зеленый, украшенный жемчугом четырех цветов. С привычной обреченностью девушка подняла руки, позволяя старшей сестре приложить его к своей талии, и сестра возблагодарила луну — концы не схо-

дились! Не веря, но желая поверить, Мэллит с поясом в руках бросилась к зеркалу и замерла, потому что голову отражения обвивали толстые светлые косы.

— Барышня... Барышня... вы ж разбудить просили.

Девушка вздрогнула и села в постели. Светало, ночь, уходя, забрала родной дом, зеркало, пояс... Гоганни поднесла руку к голове — волосы были все так же коротки.

— Барышня, все готово, только вас и ждем.

— Спасибо... Анни.

Хороший сон ведет за собой хороший день, а увидеть себя красивой — вернуть потерянные ценности, но Мэллит не теряла ничего, кроме сердца. Только потерять, бросить, сжечь лучше, чем обменять на шестнадцать чужих смертей... Девушка отбросила сшитое из множества лоскутков одеяло и торопливо оделась, готовясь встать к жаровне. Сегодня завтрак приготовит она, и только она! Роскошная не чувствует «Миг Цыпленка», когда птицу надо отнять у огня. В здешних краях этого не чувствует никто.

Натертые с вечера специями и солью куры покорились дочери Жаймиоля, даже отец отца, и тот не отыскал бы больше трех и одного недостатка, а ведь обычно он находил не менее дюжины. Когда нареченный Куртом отказался от хлеба, не желая перебивать вкус, Мэллит шепотом возблагодарила луну.

— Теперь я знаю, чем кормят в Рассвете, — сказал муж роскошной, когда блюдо опустело. — Дорогая, прости... То, что мы кушали позавчера, было чудесно, но это — колдовство!

— Мелхен прячет от меня свой секрет, — улыбнулась нареченная Юлианой, но Мэллит не хотела, чтобы так шутили.

— Я все показала и назвала все травы, но курицу нужно вовремя разлучить с огнем, и для этого есть только миг. Мгновенье назад будет рано, мгновенье вперед — опоздаешь... Перво... Я сказала не то?

— Ты сказала, как хороший артиллерист! — Названный Куртом не насмешничал! — Научиться наводить орудие мало, нужно чуять мгновенье, только тогда попадешь, куда решил. Юлиана, радость моя, а не проверить ли нам Мелхен в стрельбе? Наша дочка должна жарить не только кур, но и гусей.

— Я умею... — начала Мэллит и вспомнила, что здесь гусями называют врагов. — Но это другие гуси...

— Дриксенских гусей Курт жарит всю жизнь, и ему это нравится. Ведь нравится?

— Да, милая, но... Ты выглядишь утомленной, может быть, ляжешь?

— Вот-вот! Я буду лежать, как колода, а ты завтра уйдешь до зимы, и это еще будет хорошо! Конечно, если ты возьмешь нас с Мелхен с собой, я перед дорогой отдохну...

— Дорогая, ты же понимаешь, что это невозможно... — Ответ был мягок, как свежий хлеб, и тверд, как мраморный стол для разделки мяса. Роскошная же, хоть и просила всем сердцем, не верила, что отгонит разлуку и отведет прощанье.

— Тогда и говорить не о чем. — Руки жены обвили плечи мужа. — Я от тебя сегодня ни на шаг.

— Милая, это неразумно, утомительно и неинтересно. Мне нужно проверить готовность обоза, в первую очередь, конечно, артиллерийского, но и остальное упускать не следует. Командующий ополчением — человек старательный, он даже повоевал немного, однако водить такие обозы в дальние походы ему не приходилось, как и коменданту лагеря. Пушки все же не масло и не сыр... Я обязан присмотреть. Давай ты полежишь, а я к обеду вернусь.

— Тебя поймает Ульрих-Бертольд, а мараги найдут еще одну «герцогиню»...

— «Графиню», милая, «графиню». У этой мортиры очень бурное прошлое, и она в самом деле будет полезна при осаде Мариенбурга, я уже все продумал. Ты только представь...

— И не подумаю! — Нареченная Юлианой поцеловала супруга и разняла руки. — Не волнуйся, наша девочка за мной и своим будущим братиком присмотрит... Мелхен, ты ведь позаботишься о нас с... Курт, ты уезжаешь, а мы так и не решили с именем!

— Потому что будет Юлиана. Мелхен, ты позаботишься о сестричке и... «Роскошной»?

— Да, — пообещала Мэллит, хоть и не хотела выходить к марагам, ведь с ними надо было говорить так, чтобы никого не удивить. Это утомляло до головной боли, а сегодняшний день у девушки к тому же был лунным.

— Курт, подожди... Мы очень быстро, только сменим Мелхен ленту. Ты ведь нас подождешь?

— Да, родная.

— Мелхен, — шепнула роскошная по дороге в супружескую спальню, — я не верила, что Курт согласится, но так хотелось, так хотелось...

— Но ведь нареченный Куртом воин!

— Он — лучший артиллерист Талига... А ведь мараги думают, что ты наша дочь, Курту это так нравится... Ага, вот эта лента, я же помню, что я ее все-таки купила... Но тебе надо побольше гулять и пить молока, пока мы здесь, и воды, когда мы приедем домой. Сила наших мужчин и красота наших женщин в горной воде...

Мэллит смотрела на ленту — зеленая и широкая, на концах она была расшита жемчугом.

2

Ощетинившийся алебардами строй ближе и ближе. Полсотни шагов, и, если не отвернуть, в конскую грудь вонзятся широкие отточенные наконечники. Ну, это если держащие их вояки не разбегутся, хотя... Надо отдать должное марагской пехоте, духа ей не занимать, а в этот раз они еще и смогли развернуться навстречу атакующей кавалерии, почти не нарушив рядов, и даже вовремя.

— Всё! — За неимением горниста Чарльз пальнул из пистолета, и драгуны, повинуясь сигналу, принялись заворачивать коней, чуть-чуть не доскакав до бравых сыроваров. Кавалерийская атака, пятая за утро, завершилась, начиналось нечто куда более страшное, по крайней мере для ополченцев.

— Я фам тафал орушие или лопаты? — Трубный глас попрежнему недовольного своими подопечными Катершванца перекрывает прочие звуки, благо таковых немного: народ от праздников успел малость приустать и на поле не спешил. — Фам нушны терефяшки фместо алебард и сырные голофы на палках фместо фрагоф! Пфе! Я не шелаю претъяфлять такое убошество маршалу. Отпрафляйтесь к луше пырять шаб!.. Фы...

— Что-то наша гордость и краса добреет, — заметил Бертольд. — Ругается хоть и громко, но как-то не ядовито.

— Ну, такое старание грех не оценить, да и успехи, хоть и маленькие, налицо.

— Ты только дедушке это ненароком не скажи — зашибет.

— Делать мне нечего...

— Сейчас будет.

Приятель не сомневался, что все идет к очередной атаке, Чарльз был с ним согласен, но Ульрих-Бертольд, еще немного поругавшись, глянул на солнце, на своих потупившихся питомцев и объявил:

— Полтшаса оттыхать! Тесятники и сотники ко мне. Трагуны телают што шелают, но талеко не ухотят!

— Мой великий полутезка, — Бертольд чихнул и развалился на изрядно помятой травке, — предан своим штудиям, как Вейзель своей... артиллерии.

— Больше, — откликнулся Чарльз. — Наш барон не женат.

— Я знаю. Он каждый год меняет завещание, выбирая из родичей самого достойного, которому завещает всё и шестопер. Сейчас это Йоганн, он теперь тоже один и, если будет стараться, насобачится вышибать мозги по старинке.

— А то он не умеет? — Чарльз пошевелил рукой привядший клевер, по детской привычке выискивая «счастливый» листик. Ополченцы, те, кто не повалился, где стоял, и не разбрелся, с истинно солдатским удовольствием слушали, как старшее начальство чихвостит младшее. Светило солнце, над клевером витало грозное «пфе», но Давенпорта упорно клонило в сон. Вчера свободные от дозоров кавалеристы повеселились на славу, но вслед за ночью пришло утро. Йоганн, приоткрыв правый глаз, заявил, что лучше его потом побьет грозный родственник, чем он оторвет голову от подушки сейчас. Чарльз едва не последовал дурному примеру, но другой возможности повидать Мелхен могло и не случиться. Пришлось вставать, выводить драгун и отправляться на поле в обществе променявшего пиво на девицу и потому омерзительно бодрого приятеля. В седле было еще ничего, но стоило капитану слезть с коня, и на него накинулись оголодавшие сплюшцы.

— Сегодня Катершванц не так мучается, как вчера. — Бертольд перевернулся на живот и принялся жевать травинку. — Вразумлять полтысячи сыроделов все же проще, чем тысячу. Согласись, нашу атаку они встретили сносно.

— Да ну их... — отмахнулся, закрывая глаза, Чарльз. — И тебя тоже. Надоели.

3

Нареченный Куртом проверял обозы, и мараги сопровождали его, как правнуки Кабиоховы сопровождают достославного из достославных. Они шли от повозки к повозке и от палатки к палатке. Роскошная опиралась о руку любимого; Мэллит вел нареченный Абелем, гоганни называла его «господин Трогге». Дорога не была длинна, но к генералу Вейзелю часто подходили и спрашивали, и он останавливался, чтобы выслушать и дать совет.

— «Графиня» будет отставать, — говорил он. — Лучше впрячь не лошадей, а волов, и отправить ее с продовольственным обозом. Осада Мариенбурга...

— Комендант тут? Мне коменданта надо... Вот сейчас и надо!..

— Кто меня ищет? — Господин Трогге завертел головой и увидел чрезмерно обильную в переднике и чепце. — Ты, Берта?

— Кто ж еще? Скажите вашим помощничкам, что они совсем сдурели! Это где же видано, чтоб капустняк без свежего жира, без перца, и сметана жидкая, как молочишко какое?! Такая бурда в рот и с дороги не полезет, не то что в дорогу, а скажут, скажут, что мамаша Берта то ли перепила, то ли сворovала... Да я ж от такого позора...

— Погоди...

— Сами годите! Как варить, так мамаша Берта, мамаша Берта, а как провиант выдать, так «погоди»...

— Капустняк? — Нареченная Юлианой слышала то, что нельзя было не слышать. — Что с ним не так?

— А то, госпожа генеральша, — чрезмерная быстро повернулась к роскошной, — что из таких харчей сам Создатель только бурду и сварит... Позор один! Ни жира, ни перца, ни...

— Гусиную солонину вымочили уже?

— По четвертому заходу. И капусту порубили. Стала б я при немоченой солонине...

— Тише. — Юлиана положила руку на плечо гневной. — Наш сегодняшний капустняк запомнят надолго. Мелхен, Берта говорит о местном супе из соленой гусятины с квашеной капустой. Это питательно и очень вкусно, но с твоими травами будет еще лучше! Курт, мы с Мелхен поможем стряпухам.

— Конечно, дорогая... Береги себя. Господа, вы напрасно думаете, что подобным образом закрепленные цепи...

— Вы только дать велите что положено, а уж мы сготовим... Да такого капустняка, как у матушки Берты...

— Господин Трогге, — велела роскошная, — отправьте с Бертой капрала позлее. Эти интенданты всегда так, если не воруют, то скаредничают. Мелхен, что ты знаешь о гусиных супах?

— Есть суп из гусиных сердец с яблоками. — Как же его любил отец отца! — Каждое сердце нужно разрезать на четыре части и варить в подсоленной воде...

— Потом мы обязательно попробуем, а из соленой гусятины вы готовите?

— Наш закон разрешает готовить лишь свежее мясо...

— Неважно, теперь ты живешь по законам Горной марки, а соленую гусятину ты уже ела... Что из трав и кореньев туда пойдет? Петрушку с луком и так кладут, но Курту нравится, когда приправ много...

Они подбирали травы и вместе с женщинами у котлов ждали, когда разварится крупа. Мэллит нравилось хлопотать и отвечать улыбкой на улыбки, только луна напоминала о себе болью внизу живота и в груди, словно хотела открыться зажившая рана. От кипящих котлов веяло жаром, бочки от капусты неприятно пахли, и девушка поднялась чуть выше — на небольшую пустую площадку, откуда были видны не только костры, но и ведущая к ним тропинка. Растирая ноющую грудь, гоганни смотрела на поле, где гнал коня одинокий всадник. У телеги, в которой ждали ночного огня беды марагов, наездник повернул, и Мэллит поняла, что он торопится к старцу с двумя именами.

На склоне холма было приятно, но ее могли хватиться, и гоганни вернулась к котлам. Там нарезали морковь и лук. Там пели про хитрого парня, который обманом заставил девушку себя поцеловать.

— Скорее, — торопила стряпух нареченная Бертой, — крупа доходит... Барышня, никак родитель ваш?

Нареченный Куртом быстро поднимался по тропинке, при нем было двое солдат. Мэллит еще не знала, зачем он идет,

но душа, ожидая беды, задрожала, а костры перестали греть. Роскошная поспешила навстречу мужу, и Мэллит побежала за ней.

— Дорогая, — Курт взял супругу за руку, — в округе появились дриксы. Они скоро будут здесь и, без сомнения, атакуют лагерь. Вам с Мелхен нужно немедленно уходить.

Это дриксы... Те самые «гуси», которые убивают марагов. Но ведь они ушли? Ушли, и их проводили... Нареченная Юлианой подошла к мужу совсем близко.

— Ты хочешь сказать, — зашептала она, — что в городке, где нет сейчас никого из военных, безопасней? Да если до него доберется хотя бы кучка мародеров, что нас там всех ждет?!

— Милая, они туда не доберутся, но вы отправитесь не во Франциск-Вельде, а в Альт-Вельдер. Драгуны Придда, те, что помогают Ульриху-Бертольду, возьмут вас в седла. Я знаю, тебе это сейчас вредно, но ничего не поделаешь.

— Нет, Курт. Мараги гордятся, что мы приехали на их праздник. Что они скажут, если я сбегу, а их жены и дочки останутся? Дорогу к городу вы полностью не перекроете, уж это-то я понимаю! Курт, мы с Мелхен должны быть здесь.

— Любовь моя, мне некогда с тобой... — На тропинке показались люди, и нареченный Куртом замолчал. Мэллит видела, как он сжал руку любимой, как та кивнула.

— Господин генерал, — господин Трогге от быстрой ходьбы стал красным, — это правда?!

— Полковник Придд сообщает: дриксы, не менее пяти тысяч, подходят по гюннскому тракту. У нас меньше часа, их авангард уже в полухорне, а там и остальные подтянутся. Нужно немедленно заняться лагерем. Я сейчас подойду. — Генерал Вейзель, назвать его иначе Мэллит в этот миг не могла, наклонился к жене: — Юлиана, тебе надо...

— Нам надо помочь навести порядок. — Роскошная говорила громко и уверенно. — Прежде всего подумаем о раненых, без них вряд ли обойдется... Курт, тебе пора жарить твоих гусей.

— Да, дорогая, береги себя. — Губы мужчины коснулись губ женщины, и Мэллит увидела еще один лик любви. Самый прекрасный.

Глава 3

ТАЛИГ. ФРАНЦИСК-ВЕЛЬДЕ

400 год К. С. 4-й день Осенних Скал

1

Ульрих-Бертольд, бурча себе под нос что-то невразумительное, внимательно разглядывал уходивший на северо-восток тракт, развилку перед городком, начинавший превращаться в потревоженный муравейник лагерь. Франциск-Вельде лежал у бергера сзади, за правым плечом, лагерь был впереди и слева. Присутствующие благоговейно молчали. Кроме Бертольда.

— Вот же Зараза! — почти весело шепнул он Чарльзу. — Опять кругом прав вышел! И кто бы мог подумать?

— Зараза и подумал. — Или не подумал, просто сделал как полагается, а не как делают все. Если б не Придд со своими дозорами, праздник продолжался бы, пока из-за поворота не полезла смерть. «Спруты» вырвали у нее час, толку-то... — Этот курятник и за полдня в боевое состояние не привести.

— Да уж!.. — охотно согласился Бертольд. — Вот тебе и тихое местечко... Похоже, старый добрый Бруно опять всех перехитрил.

— Живы будем, узнаем. Если дриксы подойдут по дороге, вряд ли они оставят холм без внимания, там ведь даже пушки есть.

— Ударят по лагерю, а городишко на закуску?

— Могут и сразу. Их пять тысяч и больше, хватит и на Франциск-Вельде, и на лагерь. Ополченец опытному солдату не противник, а неопытные по Марагоне вряд ли шляются. Хоть бы женщин отправить успели... — Женщин? Не ври хотя бы себе, марагонкам не уйти, но Вейзель должен позаботиться о жене и Мелхен. Тут всего-то и нужно пяток солдат и лошади.

— Господа драгуны, — Эрих Выходец молодцевато стукнул башмаком о башмак, — господин барон просят!

Ульрих-Бертольд глядел исподлобья и грозно сопел, он был недоволен, хоть и не сильней, чем обычно. Тем не менее начал воитель — диво дивное — с похвалы.

— Фаш полкофник — толкофый молотой тшелофек и знает, што есть порядок. Ф этой плохой каше он не забыфал про фас. Фам фелено, когда фы мне не нушными станете, фернуться ф полк, но фы мне нушны. Тругих офицероф с опытом я не имею, а тейстфофать быстро надо есть. Мы здесь, ф отличие от фсех протших, имеем пять зотен фоорушенных и фыстроенных зольдат. Отрашать перфый удар есть наш долг. Фы будете отпрафляться на лефый фланг. Командофать дфумя зотнями. Фы поняли?

Спорить не приходилось, к тому же ветеран был кругом прав. Чарльз молча отдал честь, Бертольд не удержался:

— Господин барон, это Бруно?

— Зейтшас не фашно, из какой луши вылезали эти гуси! Зейтшас фашно их ошчипыфать. Фсем зтроиться! Шифо!

Громогласную команду повторили и разнесли рожки и барабаны. Беспокойно крутившие головами ополченцы бросились на зов, причем довольно шустро. Чарльз посмотрел в сторону Франциск-Вельде, надеясь увидеть отъезжающих всадников, хотя увозить женщин через поле было просто глупо.

— Не волнуйся, — утешил неугомонный Бертольд, — Вейзель первым делом спасет жену, иначе она не даст ему спасать отечество... Ты мне лучше скажи, как «фульгаты» целый корпус прошляпили?

— Откуда я знаю!

— Перед битфой фоитель проферяет орушие, а не ишчет финофатых. Но я укашу маршалу на ошибки разфедтшикоф.

Чтобы указывать маршалу, надо для начала уцелеть и добраться до своих. На Франциск-Вельде перло не меньше пяти непонятных тысяч, а сколько дриксов разгуливало в других местах? «Фульгаты» могли прохлопать одинокий корпус, а могли и не прохлопать, просто командованию стало не до марагов с их ополчением.

— Дорогу!.. Прошу простить... Дорогу!

Давенпорт отшагнул в сторону, пропуская несущегося со всех ног Эриха. Разогнавшийся парень прижимал к сердцу нечто завернутое в бирюзовый бархат и явно тяжелое.

— Господин барон... Вот...

Это был пресловутый шестопер, на который Эрих для удобства насадил шлем с двуглавым котом. Дотошно оглядев

чудовищный гриб, Катершванц поморщился, счистил ногтем что-то присохшее к сверкающей «шляпке», водрузил шлем на голову и, потрясая шестопером, медленно двинулся вдоль взволнованного строя. Сзади долговязым аистом вышагивал Выходец с бирюзовой тряпкой через плечо.

Обход не затянулся. Дойдя до левого края, ветеран цыкнул на Эриха и взмахнул своим оружием. Мараги выпятили груди и втянули животы, завороженно взирая на «грозу Виндблуме»; они отнюдь не казались испуганными, но и на солдат походили мало.

— Фот тут фаш город, — объявил Ульрих-Бертольд, — а фон там — фаритские уроды. Што они будут делать с фашим городом, если фы будете их пускать, фы знаете. Фы потренирофались, пора себя проферять ф зрашении. Мушкеты зарядить, алебарды дершать зильно и не бешать без приказа.

2

Нареченная Бертой и три ее полные сил подруги рвали простыни, а Мэллит с другими женщинами сворачивали полотняные полоски в бинты. Гоганни знала, что беженцы отдавали приданое своих дочерей, и это было знаком войны, настигшей марагов, когда о ней позабыли. Бежать было поздно и некуда; дриксы, о которых гоганни слышала лишь дурное, убили праздник и принесли беду. Мужчины готовились сражаться, женщины — им помогать, и в одних глазах светилась надежда, а в других каменело отчаянье.

Мэллит не боялась, хоть и понимала, что скоро многие умрут и многие заплачут. Гоганни хранила в душе иные страхи — одни прятались в ночи, другие бродили под солнцем, призывая зло, и это было еще хуже. Когда роскошная сказала, что они остаются, Мэллит обрадовалась: гоганни боялась озерного замка и отказавшейся от сердца больше, чем идущих к Франциск-Вельде врагов. Нареченная Юлианой, не зная правды, назвала страх храбростью, сказала, что скоро вернется, и велела помогать Берте. Пальцы Мэллит скручивали бинты, а ее уши рвали воющие крики, которые здесь называли песнями. Слов девушка не понимала, но старушка, сморщенная, как ядро ореха, и быстрая, как воробей, объяснила, что поют о

том, как молодая графиня полюбила красивого слугу, а старый граф узнал об этом и отомстил.

В доме достославного Жаймиоля рассказывали много похожих историй; Мэллит их никогда не любила, к тому же ей было нехорошо.

Если б не дриксы, она выпила бы отвара из трав и легла, прижав к животу нагретый камень и растирая грудь, которую словно кололи невидимым кинжалом.

— ...темной ночью он войдет к ней в замок, хотя войти туда не может никто, — продолжала переводить старушка. Мэллит заставила себя слушать и поняла, что это другой любовник, другой муж, другая красавица и другая песня. Певицы дарили другим бодрость, но Мэллит хотела тишины. Бросив в корзинку очередной бинт, девушка, не выдержав, украдкой нащупала под платьем шрам. Прикосновение отдалось острой болью и тошнотой. Мэллит торопливо сглотнула семь и один раз и утерла вспотевший лоб. Она была свободна, первородный Удо ее отпустил, только луна в свои дни путает явь и память.

— Стелите здесь... — Голоса казались глухими и далекими. — Проходы пошире оставьте... Мне нужно... Четыре... Пять бочек... Ждать не будут... Барышня... Под ноги... под ноги смотри!.. Мало... Что... опять к коменданту идти... Барышня... Баронесса...

— Я...

Девушка, покачнувшись, вскочила и поняла, что нареченная Бертой больше не кричит, а указывает толстым мужчинам и худым юношам, как ставить повозки, где стелить солому и куда носить воду.

— Барышня, вас мамаша кличут. Тама, внизу, где коновязь.

Мэллит двигалась, будто в тумане, но не ошиблась дорогой и не упала, а потом тошнота иссякла. Вокруг сновали мараги, луна больше не мешала различать их лица и понимать их слова. Девушка помнила о дриксах, но избавление от боли дарит счастье даже на краю обрыва — гоганни улыбнулась, и насупленный толстяк с мешком на плече улыбнулся в ответ.

— Видишь, — сказал он кому-то с таким же мешком. — Видишь, Грета, барышня не боится. Уж она-то знает — шуганут этих...

Последнего слова Мэллит не знала, но названная Гретой поняла и ответила:

— Еще б не шуганули! Стал бы генерал жену на сносях да еще и с дочкой тут держать, если б вовсе плохо было. Вот как увезут их, считай, всё... Бросят нас.

Всё *уже* было плохо, но роскошная, зная это, осталась, и нареченный Куртом не принуждал ее бежать и не бежал сам. Несущая мешок судила тех, кто хотел назвать Мэллит дочерью, и была несправедлива. Слушать такое было горько, оставлять без ответа — гадко.

— Мы не уехали, — сказала гоганни, заступая Грете дорогу, — и мы не уедем. Оставьте свою ношу и помогайте защищающим вас и ваш город.

Женщина с мешком принялась говорить и говорила быстро, но Мэллит не желала видеть лицо, красное, как свекла, и слушать пустые слова. Отстранив навязчивую, девушка побежала дальше, зная, что придет день, когда она назовет роскошную мамой, сумеет назвать... Если их всех не возьмет сегодня война.

3

Придорожные заросли не радовали, но лучшего укрытия, чем плохонькие кусты и отличнейшая крапива, в нужном месте не нашлось. Ульрих-Бертольд вывел ополченцев вперед, поближе к дороге, и велел прятаться. Мараги старались, получалось так себе.

— Всё в порядке, — твердил Чарльз «своей» сотне, — сойдет... Главное, чтоб издали не заметили... Всё в порядке...

С Бертольдом они столкнулись у торчащего среди подобревшей осенней крапивы куста. Приятель тоже ободрял доставшихся ему сыроваров, не забывая, по своему обыкновению, дурачиться. Шляпу теньента «украшали» какие-то веточки, а на мундире лиловел цветок чертополоха.

— Он почти такого же цвета, как кипрей, — принялся объяснять Бертольд, хотя Чарльз ни о чем не спрашивал, — только умнее, потому с колючками. Попробуй, сорви.

— Зачем?

— Тебя ничем не пропрешь... А старик не только дурой своей махать мастак, соображает. В перестрелке у нас шансов нет,

а в общей свалке силы будут поравней, главное, чтоб без строя и команд... Кипрейщики дриксов зубами грызть станут, одно слово — родственнички.

— Я не родственничек, — хмуро откликнулся Чарльз, — но спросить с этой сволочи пора. Только б конница не подтянулась...

— Зараза не проглядит... Удачи!

— Удачи...

Потянулись минуты. Мараги сидели в крапиве, стараясь не дышать, и от этого дышали и сопели больше обычного. Это было глупо и злило, но Чарльз терпел — не хватало сорваться на новобранцев, которым сейчас еще тошней. Капитан проверил оба пистолета, отогнул крагу, расчесал кем-то укушенную руку, дал себе слово больше так не делать, уставился на дорогу и принялся про себя считать. Где-то на четырехстах вдалеке показались серые прямоугольники дриксенской пехоты.

«Гуси» перли бодро, едва ли не рысью, явно претендуя на праздничное угощение, и Давенпорт понял, что ненавидит. Именно этих, именно сейчас, и Мельников луг тут ни при чем... Будь Чарльз ополченцем, он уже бежал бы навстречу врагу, непристойно ругаясь, но офицерская выучка брала свое. Все, что себе позволил капитан Давенпорт, это шипеть:

— Да они чуть ли не бегут... «гуси» перелетные...

— Зидеть! — проревело над зарослями. — Шдать! Кто будет фстафать без команды, из того я буду делать фарш для колбасок!

Внушение помогло даже Чарльзу, и дело было отнюдь не в шестопере, хотя этим чудом можно было превратить и в фарш, и в паштет, и в пюре любого. Бергерский рык будто удавку накинул на что-то очень нехорошее, что поднималось в душе; злость никуда не делась, но ждать стало проще, Чарльз уже не боялся не справиться с собой и потерять от ярости голову, а серые мерзавцы приближались. «Гусиное» знамя нагло реяло над марагонской дорогой, просто напрашиваясь на хороший картечный залп, только у Вейзеля не было ни единой конной батареи, одно неподъемное старье на холме.

Нет, никто не высунулся, не завопил, не помчался на врага или, наоборот, прочь, просто кусты и крапива не были лесом, а дриксы — слепцами. Всадник, неторопливо ехавший сбоку

от строя, замахал шпагой, указывая прямо на Чарльза, из-под знамени заорала труба — заметили. Шагов за сто, могло быть и хуже.

Чего Катершванц дожидается *теперь*, капитан не понимал, а серые сбавили шаг; из-за их левого фланга показались такие знакомые «крашеные», в этот раз — красные. Эти, похоже, забирали в сторону лагеря; что творится в той стороне, Чарльзу со своего места понять было трудно, но крики офицеров и сержантов из-за серых шеренг долетали даже сюда. Чужие крики словно спустили с цепи непонятное бешенство, Давенпорт до боли сжал кулаки, борясь с почти непреодолимым порывом вот прямо сейчас броситься убивать. Долго он не выдержал бы, но ждать больше не требовалось. Затрещало, и над чахлыми зарослями воздвиглась показавшаяся огромной фигура. Вскинутая к небу ручища сжимала шестопер, надраенный шлем горел в солнечных лучах, зычный глас перекрывал и дриксенскую трубу, и вопли рвущихся в бой марагов.

— Фоители! Шагом — фперед!

Чарльз вскочил, выдергивая шпагу из ножен, и, не щадя горла, повторил приказ. Его сотня дружно повалила вперед, пришлось трижды, надрываясь, проорать «Шагом!», да еще по очереди ухватить за шиворот пару самых ретивых. Ничего, поняли...

— Зтрелки! Целиться! Огонь!

Залпы грохнули почти одновременно с обеих сторон. Кто-то упал, кто-то заорал, знакомо завонял сгоревший порох.

— Фперед! Быстро! Агмар-р-рен!

— Бегом, парни, бегом!

Не надо много стрелять, тут дриксы все равно сильней. Главное — добраться, добежать, ударить... Это за сто шагов мушкетер охотник, ты — дичь, в рукопашной злость может многое, злость и число. «Серых» перед ополченцами сотни три, не больше, но у них выучка...

— Аг-мар-рен! — ревело сбоку и чуть впереди. — Агмар-р-рен!

Мараги, не разбирая дороги, осенними кабанами неслись к цели; захоти Чарльз их остановить или хотя бы развернуть, его бы просто смели. Они смели бы и самого Катершванца, вздумай тот встать между местью и дриксами, а те — будто и не солдаты, а такие же ополченцы, ломая свой знаменитый строй,

ринулись навстречу старым врагам. Десяток мгновений, и две уже не шеренги — остервеневшие человеческие стаи — схлестнулись в дикой, неистовой драке, когда главное — убивать. Любым способом, любой ценой, хоть бы и умирая...

4

Роскошная спорила с первородным Валентином, а чуть поодаль держали коней под уздцы четверо воинов. Мэллит помнила их одежды — это были люди Повелевающего Волнами.

— ...Курт хочет, чтобы мы с Мелхен помогали раненым, — говорила нареченная Юлианой, и голос ее был еще громче, чем всегда. — Здоровенным лбам там не место! Пусть отправляются на батарею, Курт скажет им, что делать.

— Сударыня, приказ отдан. — Первородный был спокоен. — Мои люди слушают только меня. Они останутся с вами до конца сражения вне зависимости от вашего мнения. Добрый день, баронесса.

— Добрый день, господин полковник. — Тело Мэллит внезапно сделало реверанс, лишь потом девушка поняла его неуместность.

— Он собирается приставить ко мне охрану! — Глаза роскошной сверкали гневом. — И это когда у Курта каждый приличный солдат на счету... Но ты умничка! Этот наглец — полковник, а не генерал. Ему нужен приказ, он у него будет...

— Это невозможно, сударыня. Генерал Ариго, которому я подчиняюсь, находится отсюда в трех днях пути, равно как и маршал Савиньяк. Госпожа баронесса, наш разговор становится бессмысленным, но если вы так или иначе вынудите моих людей уйти, их накажут за дезертирство. Должен добавить, что Герхард имеет некоторые навыки в обработке ран, а бой, судя по звуку, уже начался. Пока лишь на дороге, но мне пора в полк, а вам...

— Я знаю, что мне делать. Мелхен, полковник Придд хотел тебя видеть, можешь его проводить, только недалеко. Который из них Герхард?..

Нареченный Валентином показал, и роскошная ушла; ее походка была царственна и полна недовольства.

— Вы имели дело с ранами, баронесса? — Первородный заговорил, и Мэллит отвернулась от уходящей.

— Нет, но я знаю, какие травы облегчают боль и как приводить в чувство и делать так, чтобы сердце забилось ровно...

— Сперва вам придется привыкнуть к очень неприятному зрелищу. Во время сражения убитых и умирающих оставляют на месте, легкораненые сами не хотят уходить. В тыл понесут тех, кто пострадал тяжело, но умереть в ближайшее время не должен. Это люди со сломанными костями, с рассеченными мышцами, все в крови, часто воющие или теряющие рассудок от боли. Колотые раны выглядят менее страшно, хотя смертельными оказываются чаще. Мой совет может показаться странным, но постарайтесь не думать о раненых, что будут кричать, стонать, сквернословить, как о людях. Представьте себе разделанных кур, которых нужно быстро натереть специями и обернуть холстом, *это* вы умеете, я знаю. И еще одно. Если Герхард скажет вам, что пора уходить, не спорьте и во всем доверьтесь ему. Возможно, к баронессе Вейзель придется применить силу, но на ваше благоразумие я рассчитываю.

— Нет!.. — Названный Абелем так ими гордится, а Грета с мешком кричала, что они сбегут. — Мы не можем... Мы обещали...

— Ребенок баронессы Вейзель сможет что-то обещать и отвечать за свои слова еще не скоро, а мародеры имеют обыкновение вспарывать беременным женщинам животы. Даже если убийцы получат свое, убитых никакое возмездие не вернет. Вы будете слушать Герхарда?

— Я помогу увезти нареченную Юлианой, когда придет беда. Можно мне найти... генерала Вейзеля и сказать ему об этом, чтобы его сердце возликовало?

— Я был с докладом на батарее, прежде чем встретился с вами. Генерал Вейзель просил меня позаботиться о своей супруге, причем так, чтобы она ничего не заподозрила, и я обещал.

— Первородный Валентин всегда спасает чужих женщин?

— Собственную мать мне спасти не удалось. Она осталась бы жива, если б не вела себя столь же... благородно, как госпожа Юлиана. Баронесса, я не утверждаю, что Франциск-Вельде обречен, все зависит от стойкости ополченцев и настойчивости дриксов, но вы должны быть готовы.

5

Резня кончилась как-то сразу. Дриксы откатились назад, к дороге, мараги — с явной неохотой — к кустам. От сотни Чарльза осталось чуть меньше двух третей, потери Бертольда были ощутимей, но сыровары по-прежнему рвались в бой, только вот стало их маловато.

— Зтроиться... Зтроиться... — Ульрих-Бертольд собирал свое рассеявшееся воинство, как наседка цыплят, вернее, как ставший наседкой дракон. Каков пресловутый «ужас Виндблуме» в деле, дравшийся на другом фланге Чарльз, понятно, не видел, но вид старика говорил сам за себя — в крови были даже кошачьи головы на шлеме.

— Да уж, — Бертольд потерял шляпу, но не чертополох, — умеет наш дедушка молотить... Дальше-то что? Скажешь «откуда я знаю», наябедничаю баронессе. Какой-нибудь...

— Что дальше, спрашивай дриксов. Мы — как они.

— Странные они какие-то. Это у нас выхода, кроме рукопашной, не было, а они-то что полезли? Еще один залп запросто ведь могли дать...

— Зато отошли, как положено. По сигналу и быстро.

— Да, похоже, одумались... Как думаешь, что сейчас Зараза поделывает?

— Должен быть за холмом в резерве.

— Господин капитан, господин барон просят.

Эриху чужой крови тоже перепало. Судя по пятнам, длинный мараг так и шагал за Ульрихом-Бертольдом, то ли спину барону прикрывал, то ли в ногах путался.

— Господин барон, господин капитан, как вы велели...

— Пфе! Фытри лицо! — Цыкнув на помощника, воитель уставился на Чарльза. — Фы и фаши люди нушны на батарее. Генерал Фейзель не теряет фремени, он — опытный фоитель. Пушки уше бьют, и дриксам это не мошет нравиться. Они обязательно будут ударять по нашим слафным артиллеристам, а к ним отшень просто подниматься. Идите и помогайте. Я остаюсь дершать позицию тут, штобы не давать фаритам прорыфаться дальше по дороге. Фы поняли?

— Да, господин барон.

— Не забыфайте забирать фаших лошадей и фаших драгун. Я имею думать, што баронесса Фейзель отказыфалась уходить. Барон Фейзель — феликий артиллерист, но не феликий супруг. Если фариты будут прорыфаться, фаши люди долшны спасать баронессу, даше улошиф ее в мешок, только не забыфайте беречь ее шифот.

Глава 4

ТАЛИГ. ФРАНЦИСК-ВЕЛЬДЕ

400 год К. С. 4-й день Осенних Скал

1

— Отлично. — Закопченный, но застегнутый на все пуговицы Вейзель наскоро оглядел окровавленное пополнение. — Становитесь в резерв и ждите, когда прорвутся.

В том, что прорвутся, генерал не сомневался. В этом не усомнился бы и Эрих Выходец, уж больно неудачно располагалась батарея. Пушкам предстояло выстрелить в последний день праздников и отправиться к Мариенбургу, вот их и свезли с дороги да чуть-чуть подняли вверх по самой пологой части склона. Дальше шли палатки ополчения, и артиллерию оставили перед ними, думая главным образом, как волочь это хозяйство назад. То, что отсюда простреливался кусочек дороги, было редкой удачей, хоть и не такой, как присутствие Вейзеля.

Не будь этих двух прискорбных для дриксов обстоятельств, они могли бы продвинуться по дороге дальше вдоль холма, оставшиеся ополченцы Катершванца всех бы не удержали, но пушки свое «стой!» сказали. Получив несколько чугунных подарков, отправленных лично Вейзелем, «гуси» поняли, что это так оставлять нельзя. И полезли.

Давенпорт едва успел выстроить «своих» марагов и кивнуть драгунам, мол, присматривайте с той стороны, как рявкнула крайняя пушка. Ядро попало куда нужно, но впечатления на подступавших «крашеных», увы, не произвело, а Вейзель уже был у второго орудия. Грохнуло. Просвистело. «Гуси» продолжали напирать, мушкетеры в малиновых поясах вразнобой да-

ли залп и еще больше вразнобой попятились, пропуская стрелков следующей шеренги. Выпалила третья пушка. Чарльз оглянулся — генерал, проверив прицел четвертой, последней из «древностей», махнул рукой, и мараг-бомбардир поднес огонь к запальному отверстию. Тот же грохот, тот же результат...

Некрупные ядра старых орудий не испугали дриксов и не замедлили их атаку, залп картечью из пушек поновее оказался действенней — в надвигавшейся красной стене возникло несколько просек. Чарльз видел, как падают вражеские солдаты, как тут же заполняются бреши и «крашеные», будто пришпоренные, бросаются вперед.

— Да что с ними такое?! — бросил Давенпорт подбежавшему Трогге. — Они и на Мельниковом лугу потише были, про Кадану вообще говорить нечего... Как дела, сударь?

— Очень плохо. — Комендант лагеря смотрел так же, как у Эйвис. — Господин командующий собирает подкрепления. Нужно держаться.

— Значит, держаться? — Насколько Чарльз понимал, сейчас атаковал дриксенский авангард, пара полков, не больше. На Мельниковом сперва тоже был лишь авангард. — Абель, где баронесса Вейзель?

— Здесь. Вместе с дочерью... Вы не представляете, как мы...

— Представляю, но... Здесь шестеро моих драгун. Трое останутся со мной, а троих нужно отвести к баронессе.

— Госпожу Вейзель и ее дочь охраняют люди полковника Придда. Четверо. Если будет нужно, дам вывезут в Альт-Вельдер, мы никогда не допустим, чтобы... Создатель!

Чарльз уже видел. Обещанных Абелем подкреплений не было и близко, а дриксенский авангард успешно обходился своими силами. Наплевав на потери, «крашеные» навалились на марагов со всей силы. И если слева и справа, где атаке мешали выстроенные вдоль тракта фургоны и повозки, ополченцы еще держались, то перед батареей дела были вовсе плохи. Частыми залпами дриксы совершенно расстроили порядки защитников и теперь пробивали себе путь наверх сталью. Пушки становились бесполезны, все решалось у подножья холма. Господин Трогге пожевал губами и взялся за эфес.

— Вы не можете драться, — рыкнул Чарльз, — вы комендант! Где ваше подкрепление?!

Мараг моргнул и промолчал. Чарльз махнул рукой «своим», те и так уже косились на командира — ну когда же, когда?! — переминались с ноги на ногу, что-то бурчали по-своему.

— Стройся!

— Не сейчас! — Вейзель в сопровождении десятка марагов-артиллеристов выскочил откуда-то сбоку. — Сперва поможете нам... Нужно двадцать... нет, тридцать человек. За мной!

Чарльз только ткнул пальцем в трех понятливо закивавших десятников и помчался за генералом. Далеко бежать не пришлось — она была совсем рядом. Та самая «графиня», в цепях и на своем катафалке. Генерал спешил именно к ней... Во имя Леворукого, зачем?! Хотя если скатить это чудовище вниз... Нет! Уклон совсем небольшой, не разгонится.

«Крашеные» уже, считай, прорвались, но Вейзель знал, что ему нужно.

— Поверните ее влево! Быстрее, быстрее!.. — Он в самом деле *знал*, это поняли все и без лишних вопросов вцепились в оглобли, борта, колеса, кто во что смог.

— Еще! Еще немного... Хватит! Вы, четверо, вышибайте передние колеса! Остальные — держать!

Артиллеристы, точно гончие на кабана, наседают на катафалк. Стучат топоры, что-то хрустит, вылетают клинья...

— Берегись!

— Ноги смотри!

— Ух-х-х!

— Давай!!!

Здоровенные колеса почти одновременно падают на траву, люди в малиновых поясах отскакивают от проседающей громадины, трещит дерево, лязгает железо, вытягиваются в струну цепи... Выдержали!!! И катафалк выдержал, не развалился. Жерло мортиры теперь смотрело прямо в гущу схватки, где дриксы окончательно брали верх. Вот оно что!

— Порох!

Черные мешочки летят в бронзовую пасть «графини». Туда же, узел за узлом, отправляется картечь...

— Да этого на полк хватит! — не выдерживает Чарльз, и Вейзель подтверждает:

— Надеюсь. Всем за телегу! Микель, ты!

Взгляд мечется от схватки к мортире и обратно... Всё, прорвались! Красные мундиры сметают последних ополченцев и под торжествующие вопли труб хлещут в пробитый проход, попытки немногочисленных марагов удержать их ударами с флангов кажутся комариными укусами.

— Помоги нам Создатель! — Вейзель, вскарабкавшийся на повозку, застыл, не отрывая глаз от наступающих. Ждет, ждет, да когда же! — Огонь!

Самоубийца Микель поднес к затравочному отверстию пальник. «Графиня» ахнула так, что Чарльз на мгновенье оглох, но взгляда не отвел. Катафалк, не выдержав отдачи, развалился, полетели обломки, мортира под треск и лязг просела почти до земли, но свое дело она сделала. Те «крашеные», что бежали впереди, где-то с полсотни, считай, родились заново, а вот дальше... Теперь капитан Давенпорт точно знал, как это выглядит — «колосья, побиваемые градом», только град оказался свинцовым. Потери дриксов были чудовищными, за спиной уцелевших образовалась пустота, значит...

— За мной, парни! Бей!..

На ходу вытаскивая шпагу и все еще не слыша собственного голоса, Чарльз бросился вперед. Он не оглядывался, зачем? В «своих» марагах он не сомневался, как и в себе самом.

2

За палатками ухнуло так, что Мэллит едва не выронила кувшин.

— Радоваться надо, — хрипло прошептал друг названного Чарльзом, — а не дрожать... Это... ваш батюшка... гусей жарит...

Мэллит раздвинула губы в улыбке и принялась смывать с лица драгуна густеющую кровь, хвала луне — чужую. Первых раненых привезли с дороги, их было немного. Вокруг заговорили, что дриксы очень быстро отрезали тех, кто дрался на поле, от лагеря, и тут же внизу затрещало, потом забухало. Женщины, те, что были свободны, вскочили и стали слушать стрельбу. Они называли имена любимых, шептали молитвы и ругали врагов, только длилось это недолго. Мараги, кто не мог сражаться, стали подносить сделанные из одеял и жер-

дей носилки, на которых стонали, бранились или же молчали, до судороги сжав зубы... Тот, кто был в силах идти, приходил сам, ждал, когда до него дойдет очередь, или просил полотна и воды.

Мэллит никто не сказал, что нужно делать, а девушка не умела обрабатывать раны, и у нее не хватало силы ворочать тяжелые тела. Сама ли она взяла умывальный прибор, белый, расписанный незабудками, или кто-то подсказал, гоганни не помнила. Вначале было страшно и неприятно, но гоганни закусила губу и вспомнила разделочные столы с желобками для стока куриной и телячьей крови. Если б Мэллит не росла такой хилой, ее за провинности отправляли бы убирать кухни, как отправляли сестер. Разве они боялись? Разве они падали в обморок?

Мэллит смывала липкую, остро пахнущую кровь, отжимала тряпки, выплескивала красную воду и бежала к водовозным бочкам за свежей. Ее спрашивали: «Как там?» — и она на ходу повторяла то, что слышала от раненых — тех, кто мог и хотел говорить.

— Ничего, — сказал драгун, — наш старикан им еще покажет!

— Перестрелка, — прошептал худой ополченец, — пока... но сейчас пойдут...

— Деремся...

— Отбились... но... это... только первая атака... Надо ждать... следующей...

Где-то там, за рядами палаток и телег, рычало и гремело, но раненых нести перестали, и Мэллит вернулась к драгуну.

— Опять пошли... — объяснил он, — как отобьются, потащат бедолаг... Сейчас не до них, атака... Ну что б Катершванцу того урода, что меня отделал, раньше не зашибить? Ему все равно, а я б сейчас при деле был.

Грохнула пушка, и Мэллит возблагодарила луну — нареченный Куртом жив и дерется. «Деремся» сегодня было главным словом, его твердили все, даже те, кто таскал носилки и стирал бинты.

— Мелхен, — позвал драгун, и девушка обернулась, — не надо грустить. Вот, возьмите... На счастье.

— Что это?

— Цветочек... Не роза, но малиновый и с колючками. Розы вам потом капитан Давенпорт подарит. Целую телегу...

— Я... я не люблю розы.

— Как необычно! Тогда тем более берите.

Цветок напоминал кисть и был мягок и приятен, но листья и стебель кололись. За спиной закричали и засуетились — передышка кончилась, по тропинке вереницей потянулись люди с носилками. Девушка сунула подарок за ленту, подхватила таз с кувшином и поспешила навстречу раненым.

— Как там? — спросил кто-то, и с первых носилок откликнулись: «Деремся!»

3

Кучку всадников в знакомых мундирах Давенпорт заметил еще издали. Естественно, на пригорке. Естественно, расположенном удачно — оттуда было видно не только подступы к лагерю, но и дорогу на Гюнне, по которой торопились теперь уже синие колонны. Именно на них и была направлена зрительная труба Придда.

— Туда, быстро! — велел Чарльз, и драгуны послушно поторопили коней. Зараза собирал всех, кроме охраны баронессы, неужели сообразил, что делать?! Три кавалерийские сотни на пять тысяч...

— Давенпорт, отлично, что вы смогли выбраться. — В бою и так вежливый Валентин срывался на придворную куртуазность, как иные — на брань. — Теперь в сборе все.

Чарльз оглянулся через плечо: все четыре эскадрона их сводного полка уже выстроились внизу, в лощине. «Спруты» и драгуны, прислушиваясь к звукам не видимого для них боя, ждали решения начальства. Если кого-то и не хватало, то считаных единиц. С офицерами дело обстояло хуже, потому что не было Бертольда, а последним назвали Давенпорта.

— Господа, у нас мало времени. — Придд неспешно убрал трубу. — До подхода главных вражеских сил остается минут двадцать. Потом дриксы развернутся и атакуют. Давенпорт, судя по вашему виду, вы только что из боя. Ваше мнение о противнике?

Пришлось пожать плечами:

— Обычные «гуси», пехота как пехота... Правда, злые какие-то, прут напролом, пока не свалишь, внизу, на поле, в рукопашную рвались, аж строй сломали.

— Вы обратили внимание на их знамена?

— Нет, а что?

— Насколько я мог рассмотреть, кесарского лебедя сменило что-то вроде большеголовой рыбы. И еще кажется странным, что они, по сути, явились без кавалерии.

В самом деле странно. Столь внезапно появившихся дриксов было немало — даже не пять тысяч, как решили вначале, а не меньше семи-восьми, но вот конницы не наблюдалось, хотя именно ей следовало идти в авангарде. От мысли, что вместо хоть и быстро, но идущей на своих двоих пехоты первый удар по лагерю нанесли бы кесарские рейтары, стало не по себе... Но пока, если не считать нескольких вражеских офицеров и их свит, единственными кавалеристами у Франциск-Вельде оставался полк Придда.

Вид готовых к бою всадников радовал глаз, особенно на фоне окружающей суматохи: завывали рожки и трубы, на дальнем конце поля не в такт бухал праздничный барабан, большие и маленькие кучки ополченцев носились без видимого смысла туда-сюда, у них под ногами путались застрявшие в лагере горожане.

— Господа! — Голос Придда, напряженный и при этом чудовищно ровный, заставил повернуться в сторону начальства. — Если коротко, то враги не уступают марагам по численности и на голову превосходят по выучке, а позиция для обороны не подготовлена. Кто бы из дриксенских генералов ни стоял сейчас вон там, на двугорбом холме справа от тракта, он в любом случае более умелый военачальник, чем командующий марагонским ополчением. Генерал Вейзель — великий артиллерист, и именно поэтому он не может отойти от пушек. Приходится признать, что у дриксов голова есть, а у нас — нет, и взять ее неоткуда. Сейчас дриксы развернут основные силы и начнут атаковать. Не сомневаюсь, грамотно и со знанием дела. Слабых мест тут полно, могут бить на выбор. Мараги будут стоять до последнего, но положения это не спасет, ополчение будет рассеяно и выбито, город захвачен. Это очевидно.

Это в самом деле было очевидно, хотя именно сейчас стрельба потихоньку стихала, а потрепанный, потерявший

былой порядок «гусиный» авангард откатывался назад, к дороге. Его даже не думали преследовать: отбившую атаку толпу ополченцев «боевым порядком» можно было назвать только в самых наглых фантазиях.

— Мы не есть ополчение! — Йоганн Катершванц как никогда прежде походил на своего всесокрушающего родича. — Вариты не имеют кавалерии. Мы обязанные есть атаковать сейчас, пока они не разворачивались.

— Да, — подтвердил Придд, — мы обязаны что-то предпринять, но нас не набирается даже на полнокровный полк, и в общей свалке мы исход дела не решим. Тем более что кавалерия к дриксам все-таки подошла, хоть и немногочисленная. Она там, за двугорбым холмом. — «Спрут» указал трубой в сторону дороги. — Их примерно столько же, сколько и нас.

— Но они нас не знают. — «Лиловый» капитан командовал одним из эскадронов, но его имя, как на грех, вылетело у Чарльза из головы. — Дриксенские разведчики близко к Франциск-Вельде не подбирались и нас не видели, за это я ручаюсь. Они должны думать, что здесь место сбора марагонского ополчения, и так оно и есть. Сейчас дриксы нас тоже не видят, мы еще не показывались. Это можно использовать.

— Да, — поддержал Йоганн, — мы будем оставлять их без конницы.

— Мы поступим иначе. К тракту можно выйти не только здесь, напрямую. — Придд холодно улыбнулся. Он уже все решил, и никакой генерал ему для этого не требовался. — У нас толком нет командующего, у дриксов есть. Значит, наш долг сделать так, чтобы и у них не было.

Глава 5

ФРАНЦИСК-ВЕЛЬДЕ

400 год К. С. 4-й день Осенних Скал

1

Последний оказавшийся на пути Чарльза рейтар прянул в сторону и попытался развернуть коня, но налетел прямиком на Йоганна; бергер не сплоховал.

— Давенпорт, удиравшие есть!

Чарльз наскоро огляделся, убеждаясь, что с первой задачей драгуны справились: встречавший их заслон был опрокинут. Правее «лиловые» добивали «своих» дриксов, и дела там шли тоже неплохо. Что ж, еще немного, и жирный «гусь» на холме угодит на вертел...

— Ах ты ж сволочь лапчатая!.. — На вершинке уже никого не было — ни кучки офицеров, ни охраны, ни малопонятного знамени. Так вот о чем кричал заменивший Бертольда Катершванц! Вражеский генерал, ради которого все и затевалось, решил не дожидаться завершения конной сшибки.

— Чего встали?! Догнать!..

Мимо «лиловых» к своей пехоте дриксу напрямик не проскочить, Валентин нарочно повел «лиловых» так, чтобы отсечь добыче эту возможность; в то же, что командир нагрянувших к марагам «гусаков» все бросил и просто ударился в бега, Чарльз не верил, хоть умри. Скорее умник попробует обогнуть схватку с дальней стороны, вдоль опушки.

— Парни, к лесу! Живей!.. Не пускай гада к своим!

Особо орать и не требовалось, драгуны, разгоряченные схваткой и пусть мелкой, но победой, так и рвались в погоню. Только бы успеть!

Растянувшийся эскадрон выкатился на опустевшую вершину. Сзади слева, на дороге к Гюнне, сбился в плотную кучу дриксенский обоз, справа кипела всеобщая драка — ополченцы держались, дриксы давили... Но не все! Один, нет, два батальона уже развернулись, торопясь на помощь к угодившему в беду начальству. Ничего, им еще топать и топать, а где же само начальство?! Ага, вот оно, таки мчится к опушке. Несколько офицеров и десятка четыре конвоя...

Беглецы гнали изо всех сил, сытые кони неслись широким галопом, а на длинном склоне, как назло, не было ни буераков, ни валунов.

— Догнать!.. — Нахлынувшая ярость понукала не хуже шпор. Убегал назад заросший густой травой склон, комья земли вырывались из-под копыт, позади азартно орали: «Режь гусятину!»

Дриксы один за другим переваливали второй гребень и пропадали. Справа пропела знакомая труба, Придд своих то-

же торопил. Успеть, не дать забиться под прикрытие мушкетов пехоты, достать... Во что бы то ни стало достать заявившуюся сюда мразь, сорок ям ей под ноги!

Вот и вершина, теперь хочешь не хочешь, а лошадей придержать придется... Если не желаешь, как вот эти... Пара дриксов не удержала своих скакунов и закувыркалась на склоне. Один вскочил, помог коню, бросился следом за товарищами, второму повезло меньше: синяя фигурка так и не поднялась, гнедая с пустым седлом захромала куда-то в сторону.

— «Спруты»!

— Вправо, вправо давай!

— У-лю-лю!

Удастся ли догнать удиравших, знал разве что лошадиный бог, гусятина же пока имела приличную фору. «Лиловые» изначально были ближе к добыче, и сейчас у них было больше шансов, но драгуны все равно вовсю понукали коней. И правильно делали: густой кустарник, окаймлявший лесную опушку, разом украсился десятком пышных бело-серых султанов. Сверху Чарльз видел, как покатились по траве то ли трое, то ли четверо дриксов из тех, что скакали впереди. Убегающие смешались, часть шарахнулась в сторону, подальше от стрелков, задние начали осаживать, и тут лес выплюнул на открытое пространство с полсотни всадников, дружно ринувшихся на беглецов. Вот только их мундиры!.. Чарльз готов был спорить на что угодно — это тоже дриксы!

— Твою ж... «Гуси»! — подтвердили догадку за спиной. — Они там, что...?!

Ничего не понимая, Чарльз на всякий случай придержал коня, рядом то же делали его парни, а вот загоняемая дичь в недоумении отнюдь не пребывала. Надо отдать должное улепетывавшему генералу, решал он быстро. Не успели вторые дриксы проскакать и полусотни шагов, как первые, даже не пытаясь объясниться, разделились. Большинство, выхватывая клинки, ринулось на выскочивших из зарослей соотечественников, но где-то с дюжину всадников развернулись и дунули назад.

— Закатные твари! — Во время погони драгуны, срезая путь, слишком сильно забрали вправо, дав тем самым беглецам шанс — проскочить «коридором» между двух сходящихся погонь.

— За мной! Галопом!

Очертив в воздухе круг, шпага Давенпорта уставилась своим острием на уходившую в сторону обоза группу. Затоптавшиеся было на месте драгуны срываются с места, топот десятков копыт вновь наполняет уши, в лицо бьет теплый дымный ветер...

— Держи!.. Держи зайца гусиного!

Он не уйдет! Его нельзя отпускать, ни за что нельзя, значит, он и не уйдет.

2

Мэллит вытерла руки обрывком вышитого полотенца и прислушалась. На границе лагеря вновь трещало, и треск этот, более сильный, чем прежде, разбегался в обе стороны. Стреляли и слева, там, где пологий склон вел на плоскую голую вершину, и справа, на забывшем о празднике поле.

— Не бойся, — роскошная привлекла гоганни к себе, — давай послушаем вместе.

Сквозь сотканный из стонов, криков и пальбы шум пробился резкий, гулкий удар, и нареченная Юлианой облегченно вздохнула и улыбнулась.

— Курт их не пустит, и думать нечего! У них ни одной пушки, а мы на холме. Все будет в порядке... Обязательно.

— Сударыня! — Нареченная Бертой пыхтела и размахивала руками. — Сударыня... Велите этому прохвосту не жаться... Не заявись эти, больше б выдули, а он заладил, нет у него... кончилось... Так я и поверила! Пять бочонков с утра было... Ну не штаны ж цирюльники зашивают, больно ж людям, запить надо!

— Идем. — Роскошная торопливо прижала Мэллит к себе и ушла; успевая везде, она помнила обо всем и лишь забывала, что нужно беречь себя и дитя. Громкий голос звучал то средь заменявших врачей цирюльников, то у подносчиков воды. Утешая, решая, порой крича, нареченная Юлианой прогоняла страх и отчаянье будто забравшихся в сад свиней, но Мэллит видела, как она косится туда, где гремят пушки ее мужа. Они стреляли не часто, но каждый выстрел придавал уверенности всем и на мгновение дарил покой сердцу роскошной.

— Полотно, — запричитала девушка, столь же худая, как и Мэллит, — ох... Полотно кончается... Ох... Мне одной много не принести!

— Идем, — сказала гоганни, — я помогу.

Простынь уже не осталось, и старухи у котлов теперь рвали одежду и белье. Они, заглушая пальбу, продолжали выть свои песни, и от этого воя и тряпичных куч, пестрых, как одежды безумцев, Мэллит стало страшно, словно она вновь стояла у мертвой ары или смотрела в глаза обезумевшей от ненависти первородной. Чтобы не закричать и не закрыть руками лицо, добавляя страха другим, гоганни спросила спутницу про песню.

— Жил один граф, — ответила худая, — он полюбил жену старика... Граф уговаривал мужа ее отдать, подарки обещал... Золото, лошадь с седлом, дом, крыжовник... А муж задаром отдал, только он ее убил сначала... Барышня, вам плохо, да?

— Так плохо бывает всем женщинам... Каждую луну...

— Ага... Вот у меня...

— Полотно! Полотно давай...

Воззвав мыслями к детям Кабиоховым и хранящему эти земли Создателю, Мэллит сосредоточилась на тех, кто ждал помощи. Их было много — совсем еще мальчик с простреленным плечом, чем-то похожий на достославного Канниоля полный старик, драгун, чье имя было Бертольд и чья кровь никак не желала останавливаться...

Руки Мэллит были заняты делом, разум — борьбой с цепким, неотвязным ужасом, и гоганни не сразу заметила, что стихла пальба. Об этом сказала роскошная, взглянув на солнце; она решила, что людей пора кормить, и лучше сделать это, пока тихо. Под котлами с недоваренным супом вновь развели огонь, и чрезмерная Берта принялась нарезать огромными ломтями серый марагский хлеб. Рядом в корзинках вяли отобранные роскошной травы, их тоже нужно было нарезать, гоганни завертела головой в поисках ножа и увидела одного из людей первородного Валентина. Не Герхарда, того, что караулил внизу.

— Сударыня, — он быстро подошел, — может, помочь нужно?

— Я ищу нож, — начала Мэллит, но воин поднял корзину с луком и шепнул:

— Лучше вам знать... Убит генерал Вейзель. Давно, еще в первую атаку.

— Но пушки... — вцепилась в тень надежды Мэллит. — Они стреляют...

— Батарея цела, сударыня... Сюда идет баронесса Вейзель.

Нареченная Юлианой озабоченно хмурила брови, она еще ничего не знала, она думала о других, и язык Мэллит прилип к гортани.

— Сейчас не до трав, все равно никто не распробует. Дриксы отдышатся и опять полезут. Нужно успеть покормить, кого можем.

— Кормить... Да, кормить...

— Девочка моя, — теплые руки сжали лицо Мэллит, — нам с тобой нельзя плакать, на нас люди смотрят.

— Ничтожная резала лук... Я резала лук, это от него... Я резала лук и бросала его в котел. — Ведь это еще может оказаться неправдой? Ведь может все оказаться не так... «Лиловый» ошибся, луна милостива, она вернула Закелли Балиоля, она не заберет у нареченной Юлианой ее Курта...

— На́ платок и подвинься. Я тебе помогу, а чтоб не плакать от лука, нужно окунать нож в холодную воду, я думала, ты знаешь. Бедный Курт, он сегодня остался без обеда...

— Снова... Они снова пошли...

Крики, суета, уже знакомый звук пушечного выстрела, за ним другой, гордая улыбка на лице роскошной.

«Батарея цела, сударыня»... Цела и стреляет...

3

Дриксы уходили. Гадам повезло, невероятно, несправедливо повезло — широкая и до безобразия длинная промоина, как назло, рассекла склон холма прямо на пути драгун. Хорошо хоть заметили вовремя, а то б повалились вниз, ломая лошадям ноги и шеи.

— В обход! Не отставай!

Поворот, лошадиный визг, рвущаяся наружу человеческая ярость. Промоина не желает кончаться, добыча улепетывает, но все еще недалеко, а значит, какой-то шанс остается.

— Не уйдешь... Не уйдешь, сволочь!

Орать глупо, только иначе не выходит, ублюдка на высоком сером коне нужно схватить за горло, вот нужно, и всё тут! А марагонская овражина на стороне врагов... Талигойцы и дриксы несутся вдоль клятой промоины едва ли не ноздря в ноздрю, точно на чудовищных скачках, гадина, сколько же она еще будет тянуться?!

Конь Чарльза дышит все чаще и громче, он уже не столь охотно отвечает на посыл, у драгун лошади не лучше и не свежее. Правда, и у дриксов не мориски, а достается им не меньше.

— Ну давай, голубчик, давай...

Взмыленные лошади вытягивают шеи, мчатся сумасшедшими прыжками. По прямой до дриксов меньше сотни шагов, только этот локоть, при всей его близости, не укусишь. Подлый овраг становится уже и глубже, будто дразнится, еще немного, и всадник на кровном зильбере уйдет!..

— Наддайте!.. Не жалеть коней... Выйдем вперед... стреляем!

Йоганн, молодчага, понял отрывочные выкрики нового командира. И не только он. Драгуны в самом деле наддали, больше не щадя коней, загоняя их ради временного выигрыша, ради полусотни шагов. И выиграли! Уже осаживая пошатнувшегося жеребца и не отводя взгляда от цели, Чарльз услышал, как за спиной кто-то промчался.

— Куда!.. Овраг же!.. Зар-раза!

Это вовсе не драгуны летят мимо бешеным карьером. Серый мориск творит чудеса, словно бы распластавшись, он вытянулся в струну, припадая к земле, полумориски «лиловых», и те отстают на несколько корпусов, бег переходит во взлет... Есть! Перескочил... Еще трое заходят на прыжок, остальные не рискнули, и не Давенпорту их судить. А ведь теперь Валентин в самом деле достанет дрикса, вот только «спрутов» четверо против дюжины. Ничего, сейчас подправим.

Спешившиеся драгуны уже поснимали с седел мушкеты и щелкали курками. Успели! Несколько ударов сердца — и генеральская кавалькада прямо напротив стрелков.

— Ниже берите, по лошадям!

Треск выстрелов, бóльшая часть, как всегда, мимо, но кто-то да попадет. И попали... Под градом пуль валятся конные фигурки, подстреленные лошади перекатываются по земле,

беспомощно бьются, одни встают, другие не могут, но пятеро проскакивают сквозь обстрел невредимыми. Тот, кого нужно прикончить, уцелел...

— В седло, в погоню!

Конский топот за спиной, это отставшие от своего полковника «лиловые». Что ж, вместе так вместе... Промоина стала еще у́же, теперь ее возьмет любой конь, только по ту сторону все вот-вот закончится. «Гуси» и «спруты» почти рядом, они сходятся чуть ли не под прямым углом. Теперь все, теперь только смотреть.

Дриксы-охранники принимают влево и бросаются на преследователей, с обеих сторон бьют пистолеты. Вылетает из седла один из «лиловых», валится лошадь под другим, но у генерала, теперь уже точно видны перевязь и белый султан, больше нет охраны. Зильбер старается изо всех сил, только мориск есть мориск. Два длинных, стелющихся прыжка, и один серый врезается в бок другого, опрокидывая того вместе с всадником. Полный боли лошадиный крик, бьется в траве конь, ворочается под ним придавленный человек.

Он еще жив, Чарльз это даже не видит — чувствует, знает, как и то, что упавшего нужно добить. Руки сами посылают жеребца в прыжок... Поздно — благородный герцог Придд с обнаженной шпагой в руке наклоняется, всматриваясь в лежащего генерала, а затем вскидывает клинок и с силой опускает вниз, едва ли не до половины всаживая в грудь загнанной наконец твари. Слава Создателю, кончено.

Гул копыт накатывает не только сзади, но и сбоку. Чарльз поднимает голову — рысью, на глазах уплотняя строй, приближаются всадники, те, что столь внезапно выскочили из леса. Солнце освещает такие знакомые светлые мундиры и посеребренные, украшенные лебедями каски.

4

— Гу-у-у-уси! — От отчаянного вопля у Мэллит заломило в висках. — Гу-укхш...

— Сиди, — велел нареченный Бертольдом. — Здесь сиди... Бежать некуда.

Это Мэллит понимала, но она и не хотела бежать. Она бы не бежала, даже если б могла.

— Нареченная Юлианой... Ничтожная должна...

— Сиди. Ты ее не найдешь...

Стреляют и кричат совсем рядом, за обозными повозками, на тропе, по которой подносят раненых. Прежде там было тихо, только от подножия холма доносился ропот битвы, он доносится и сейчас...

— Ну и «гуси» нынче пошли, — шипит драгун. — Подбираются, будто кошки... По склону поднялись, что ли?

В проход между повозок спиной вперед вываливается «лиловый», тот, что принес черную весть. Правая рука воина висит плетью, левая сжимает оружие. Двое, что его теснят, могут быть лишь дриксами, одетые в серое, они неистово машут клинками; все трое кружат, сходятся, «серый» падает, и на него оседает «лиловый». Уцелевший, рослый, в расстегнутом мундире, то ли рычит, то ли хохочет и оборачивается, у него лицо зверя, и он так близко... Десять шагов, нет, меньше...

Кровь на клинке страшна, но полные злобы глаза страшнее... Дрикс видит, кто перед ним, и смеется, размахивая своим оружием, потом оборачивается, что-то крича тем, кто идет следом, но еще не виден. Те отвечают, и дрикс, ухмыляясь, делает шаг к добыче.

— Гр-ра-ах-х! — взлаивает над самым ухом у гоганни, и тело чудовища бросает на борт повозки. Оно еще пытается встать, дважды и один раз дергается и рушится возле колес на залитую не его кровью подушку, на грязные бинты, которые оставил Герхард, а Мэллит не успела унести к кострам.

— Мелхен... помоги! — Нареченный Бертольдом пытается сесть. — Я сам... не смогу...

Как ничтожная поняла? Но ведь поняла же: лежа на спине, очень тяжело заряжать пистолет, нужно сесть, но сидеть без опоры драгуну трудно. Метнулась, изо всех сил вцепилась в плечи, потянула, приподняла, упираясь в широкую спину всем телом. Нареченный Бертольдом лихорадочно возился со своим оружием, он не успевал, но у прохода встали двое «лиловых», они не пускали тех, кто рвался в щель меж повозок, только другие уже текли по тропе, как двинувшаяся вспять река.

Мэллит, Бертольду, тем, кто лежал выше, на площадке, куда утром поднималась гоганни, грозили те, кто дрался с людьми первородного, но большинство раненых были возле тропы, и их никто не защищал. Никто, кроме... Нареченная Юлианой прижималась спиной к затянутому полотном краю последней повозки, держа в отведенных назад руках дымящийся черпак, а дальше, у котлов, застыли певицы, и тоже с черпаками.

— Сиди... Сиди... Я... сейчас!

Один пистолет, один выстрел... Драгун еще не был готов, а первому из дриксов до роскошной оставался лишь шаг; Мэллит оставалось лишь смотреть или закрыть глаза, ожидая уже своей судьбы.

— А ну вон, уроды! — Роскошная ахнула и развернулась, выплескивая содержимое черпака в лица набегавших. — Агмар-рен!

— Вот вам... жрите!

— Шпарь гусятину!!!

— А-у-у-у-у-о-о-о-о!!!

Такого крика Мэллит еще не слышала. Трое страшных выли, хрипели, катались по земле, ведь они бежали первыми, и им досталось больше других. Еще один, стоя на коленях, судорожно тер лицо, он ревел громче осла и рычал злее пса. Уцелел лишь бежавший последним; бранясь, он отпихнул в сторону обваренного, желая броситься на женщин, но пистолет в руке драгуна теперь был готов.

Снова «Гра-а-а-ах-х», дрикс складывается пополам, роняя мушкет. Певицы кидаются вперед, они кричат и бьют черпаками подставленный затылок, потом еще раз и еще. А роскошная... она поднимает с земли большую шпагу и вонзает в так и не вставшего с колен.

— Супчик... — шепчет драгун, — с гусятинкой...

Пистолет падает наземь, а нареченный Бертольдом валится назад, на сидящую у него за спиной Мэллит. Тяжелое тело не дает встать, но она и так видит, как заслоняет роскошную вновь сменивший полотно на сталь Герхард, как ищет добычу его клинок. Все больше женщин хватает черпаки, и кипящий суп находит себе новые жертвы. Кричат марагонки, кричат обожженные, отшатываются, закрывают лица те, кто понял опасность, но долго это продолжаться не может — вот один

дрикс прорвался сквозь заслон, другой... Падают под их ударами не отступившие певицы, падают пытавшиеся помочь женщинам раненые; враги все прибывают, но им навстречу спешат те, кто не участвует в бою. Они стары, юны, слабы и не умеют владеть оружием, но они бьются. Не уступая в ярости и презрении к смерти, они превосходят числом, а сверху уже бегут ополченцы, опускают мушкеты, бьют по тропе. И пушки... Они продолжают стрелять.

— Как вы тут? — спрашивает долговязый с малиновым поясом, и Мэллит отвечает:

— Деремся.

5

Этот сумасшедший Валентин так и остался стоять впереди всех, завернув даже кинувшихся к нему «лиловых». Стоял и ждал. Серый ковырял копытом землю и недовольно прижимал уши — мертвые тела, конское и человеческое, жеребца несколько раздражали, но Придд не сдвинулся ни на шаг.

Дриксы подъезжали очень медленно, пристально всматриваясь не только в одинокого полковника, но и в выстроившихся вдоль промоины кавалеристов. Оружие было обнажено у всех, однако никто не спешил пускать его в ход. Одни ждали, другие приближались, будто звери, еще не решившие, драться им или уходить. Сотня шагов, сорок, двадцать... «Лебединые каски» останавливаются, расступаются, пропуская еще одного генерала еще на одном сером жеребце и с ним пару младших офицеров. Так вас, друзья дорогие, трое? Это повод... Чарльз уже трогал коленом измотанного коня, когда справа от строя отделился Йоганн. Валентин этого или не видел, или не возражал, а может, не желал оборачиваться в присутствии дриксов.

Генеральский зильбер изогнул шею колесом, уходя за поводья. Его наездник коротко наклонил голову. Еще не старый, с седыми висками, он чем-то напоминал Стоунволла.

— Не ожидал встретить лиловый эскадрон здесь.

— Простите, господин Рейфер, но разве, будучи на Мельниковом лугу, вы ожидали встретить нас у Болотного кургана?

Дрикс заговорил на талиг, Придд ответил на дриксенском, дрикс сдерживал зильбера, поводья мориска свободно прови-

сали. С юга, напоминая о сражении, доносился приглушенный треск выстрелов, изредка прорезаемый гулкими ударами пушек. Лагерь держался, а они, перебив одних «гусей», болтали с другими. С врагами, которых следовало прикончить или, по крайней мере, задержать. Это было почти предательством, и рука сама тянулась к ольстре, но что-то подсказывало — не спеши, не надо...

— Болотный брал не я. — Рейфер остался верен чужому языку, возможно, из-за адъютантов. — Однако в рапорте фок Гутеншлянге ваше появление названо неожиданным. Впрочем, оно мало что меняло.

— О том, что произошло, мы знаем. О том, чего не случилось, можем лишь гадать. Приношу свои извинения, говоря «вы», я имел в виду вашу сторону в целом.

— Вы меня знаете, а я хочу знать человека, столь склонного к неожиданным появлениям.

— Полковник Придд. Сударь, неожиданности сегодняшнего дня вынуждают нас решить, кто мы друг другу. У Эйвис подобный вопрос не стоял, но здесь, — шпага Валентина указала на юг, — идет сражение, и наше место или... с вами, или там. Тех, кто нам противостоит, я счел бы дриксенцами, если б не их знамена и не наш разговор.

Они говорили, а рейтаров потихоньку прибывало; пока их все равно оставалось меньше раза в полтора. На поле. Сколько «гусей» в лесу, знали лишь сороки и Леворукий. Рейфер слегка отпустил поводья.

— Я отвечу, — пообещал он, — но прошу вас, сперва удовлетворите мое любопытство. Фок Греслау был полностью беспомощен, уже без охраны, а ваши люди — рядом и в немалом числе. Мы воюем не один век, сложились определенные правила, а ваша семья всегда была привержена традициям. Почему вы даже не попытались взять в плен оказавшегося в вашей власти генерала?

Да нельзя было эту сволочь оставлять в живых, нельзя, и всё! С чего он так решил, Чарльз объяснить не мог, но придавленный конской тушей труп непонятно почему успокаивал, невзирая на живехонького Рейфера и полный неопределенности лес.

— Сударь, по некоторой причине, полагаемой мною веской, упомянутого фок Греслау следовало убить, едва это стало возможным. Могу вас заверить, что ни звание, ни подданство покойного на мое решение никоим образом не повлияли... Кажется, вам хотят что-то сообщить.

Отделившийся от строя офицер в криво сидящей шляпе был бледен, как покойник, и, когда он развернул коня, Чарльз понял почему. Голова парня была перевязана, причем кое-как.

Придд вежливо заставил мориска попятиться, оставляя Рейфера наедине с подчиненным. Доклад вышел коротким, генерал кивнул и заставил зильбера переступить фок Греслау и его коня. Дриксов все еще было меньше, пушки все еще били.

— Вы правильно начали, полковник, — веско сказал Рейфер. — Так и продолжайте. Никаких пленных, по крайней мере сейчас. Китовники уже рядом, они пока не знают, что опоздали, и не знают, что мы тут. Как бы это ни было странно и печально для меня, но я вынужден атаковать их, а не вас. Прощайте.

— Одну минуту. Сударь, вы напомнили о традициях, и мы сошлись на том, что враги рознятся между собой и порой случаются удивительные перемены. Если вам что-то известно о судьбе пропавшего во время урагана теньента Сэ, я прошу мне об этом сказать.

— Я ничего не слышал, но я узнаю. Если мне представится возможность. Вилли, сигнал!

Рейтары, даже не оборачиваясь на талигойцев, заворачивали коней, где-то в глубине строя запела труба.

— Это действительно «к атаке» есть. — Йоганн повернулся к Придду: — «Китоватые», кто это?

— «Китовники». Те, на чьих знаменах кит, видимо, Торстенов. Я ошибочно принял его за рыбу. Что ж, возвращаемся... В нашу сторону шли два батальона, будем осторожны.

Они были на середине склона, когда внизу из леса, сразу по нескольким тропинкам, хлынула кавалерия. Сколько, было не разобрать, но Рейфер не обманул, дриксы в самом деле атаковали дриксов. Вернее, это мушкетеры в сером тут же по появлении земляков «приветствовали» их слаженным залпом.

— Что ж, — привстав в стременах, Придд поднял шпагу, — сейчас эти разногласия нам на руку, а все остальное — потом. Вперед!

Нареченный Бертольдом зашевелился и прохрипел:

— Супчика... всем... хватило?

Мэллит поняла и ответила «да», гадая про себя, придется ли еще так отбиваться. Девушка не представляла, куда шли дриксы, напавшие на раненых, и почему их никто не заметил, но напавших было не так много, как показалось вначале. Теперь чужие трупы оттаскивали за повозки, а живых не осталось — марагонки вместе со своими мужчинами добивали врагов. Нареченная Юлианой тоже перерезáла им глотки, будто настоящим гусям, и так было надо.

Шум битвы вновь стал далеким, и гоганни перестала его замечать, как перестают замечать дождь. Если б не черная весть, она отыскала бы роскошную, но как лгать, зная страшное, и как сказать правду? Девушка подняла пистолет, и они с драгуном опять его зарядили.

— К баронессе собралась?.. Посоветуй ей... научить мужа стрелять супом...

— Человек полковника Придда сказал... нареченный Куртом мертв.

— Разрубленный Змей! — Драгун произнес что-то еще, что-то непонятно-безнадежное. — Ты молчи пока... Пусть ей Зараза скажет, что ли, и лекаря бы найти хоть какого... Постойка! Вроде тиховато стало.

— ...ы-ы-ы... Уходят!.. Уходят, гады!!!..

Пожилой ополченец мчался и кричал, размахивая руками, и там, где он пробегал, тоже начинали кричать и прыгать.

— Наша конница, — объяснял кто-то, — ударила сволочам в тыл... Они и того...

— Это от неполного-то полка? — удивился драгун. — Ну, Зараза!..

Дриксы не бежали, не бросали мушкеты и алебарды; перестроившись, они откатились к дороге и пропали за лесом, накормив жадную смерть собой и другими.

— За работу! — торопила нареченная Юлианой. — Это мужчины свое сделали, а не мы... Им есть надо!

— Обед гусям кошачьим под хвост пошел! — кричала чрезмерная. — Огонь разводи! Есть у кого пистолет?

— Зачем тебе?

— Интенданта стрелить. Если харчей не даст...

— А ты его черпаком!

Они шутили, хотя две певицы были мертвы, они жили рядом с войной.

— Вот ты где. — Юлиана опустилась на край повозки. — Ноги гудят... Кавалерия — молодцы, но все решили пушки. Будь у нас хоть две батареи, да не здешнего старья, а новых орудий, мы бы «гусей» и близко не подпустили... Ты ранена?! У тебя грудь в крови...

— В моей, — вмешался драгун. — Она меня держала, пока я пистолет заряжал...

— Так это ты стрелял?! Ну, спасибо! Мелхен, ты обязательно расскажешь про это Курту... Вот прямо сейчас. Я не могу, тут столько дел... Скажешь, что у нас все в порядке, Курт знает, конечно, но пусть тебя увидит...

— Да, — сглотнула Мэллит, — я пойду.

— Тут вот господин Трогге, — единственная выжившая из трех певиц стояла у повозки, — до вас...

— Госпожа баронесса, — слова слетали с губ нареченного Абелем, и были они смертоносней яда тысячи змей, — я должен вам сообщить... Ваш супруг погиб у меня на глазах. Мы никогда не забудем, что он для нас сделал... Марагона, вся Марагона, сударыня...

— Вы видели? — спросила нареченная Юлианой, и Мэллит не узнала голоса. — Вы сами видели?

— К несчастью, да. Мы...

— Как все было? Когда?

— Во время первой атаки... Ваш супруг командовал. Чтобы лучше видеть, он поднялся на повозку. Это был великий выстрел, сударыня. Великий! Только благодаря ему мы отбились, от целого полка дриксов уцелело не больше полусотни, но среди них были мушкетеры, а ваш супруг... Он представлял собой заметную цель. Сперва я думал, что он оступился, но это была пуля... Он не мучился.

— Как все было? — повторила потерявшая всё. — Я должна знать.

— Он упал, мы подбежали... Первыми артиллеристы, потом я. Он еще дышал, но через минуту все кончилось.

— Нет.

— Увы...

— Курт не мог ничего мне не передать. Что он сказал?

— Сударыня, все вышло слишком быстро. Генерал Вейзель потерял сознание. Он просто не успел...

— Что он сказал? Курт никогда бы... Что он сказал?

— Только одно слово... Очень тихо... Может быть, он даже его не договорил...

— Что?

— Я не уверен, что понял правильно...

— Я пойму. Во имя Создателя, что сказал Курт?!

— Если я правильн... Сударыня, он сказал «Роке».

— Да! Да... Я знала, Курт не мог забыть! А вы ничего не поняли. Курт велел мне назвать нашего сына Рокэ... Конечно, я так и сделаю. — Осиротевшая повернула к Мэллит белое лицо: — Мелхен, ты теперь наша... Моя и Курта! Если б не ты... Мы бы так и не увиделись... Через месяц пришло бы письмо, и всё. Ты понимаешь? Бумага с чернилами!..

— Сударыня, вся Марагона оплакивает вашу потерю...

— Марагона должна радоваться, она цела... И, раз вы тут... Заставьте интенданта выдать Берте все, что нужно. Мы вылили ваш обед на дриксов.

Глава 6

ТАЛИГ. ТАРМА

400 год К. С. 4-й день Осенних Скал

1

Ожидать от беседы с Рудольфом чего-то путного не приходилось, но без нее было не обойтись. Приличные люди перед ссорой объясняются, и с каждым словом у дружбы убавляется листьев, а оставшиеся наливаются осенью. Ноймаринен успел разозлиться на Лионеля, но пока отделял его от матери и братьев; это сулило десерты и обнадеживание насчет Арно. Последнего Арлетта боялась, поскольку сочувствие приводило ее в бешенство. Исключения были — Бертрам, Росио с Жермо-

ном и, как оказалось, Ли; прочим же следовало бы помалкивать, только они этого не знали.

Графиня поблагодарила госпожу Арамона за в самом деле отличную прическу и вышла в приемную, где уже поджидал адъютант. Еще один, зачем-то торчавший на лестнице, нехотя посторонился, вперив в проходящих укоризненный взгляд.

— Какой странный молодой человек, — заметила Арлетта, твердо решившая не давать регентской свите повода для догадок. — Он чем-то недоволен?

— Это корнет Понси, он всегда так, — охотно пояснил слегка прихрамывающий капитан. — Видите ли, он... ищет вдохновенья.

— У меня под дверью? — удивилась графиня и тут же вспомнила про девицу Арамона. — Понси... И при этом пишет стихи?

— Да, сударыня.

— Хорошие?

— Я не разбираюсь в поэзии.

— Вам от них хочется плакать, летать, зевать, бежать, бить поэта?

— Бежать или бить, — признался капитан. — Спать невозможно, у Понси очень громкий голос...

Дорога до регентских апартаментов была недлинной, но Арлетта узнала достаточно, чтобы избежать канонического зачина о погоде.

— Никогда бы не подумала, что внук Брыкливого Линарца вырастет поэтом. — Арлетта уселась у столика, заставленного сластями и фруктами. — Это столь же неожиданно, как и то, что у вас варят шадди.

— Я слишком часто принимаю южан.

— Мужчина всегда обойдется кэналлийским, шадди — это для дам и духовенства. Надеюсь, этот варил не Агний?

— В каком смысле?

— В самом прямом. — Женщина, стараясь не щуриться, взглянула на явно заподозрившего подвох собеседника, но подвоха не было. Пока. — Когда я в последний раз видела Сильвестра, он меня угощал чем-то, что напоминало шадди, как... младший Понси — военного.

— Зёрна привез весной ваш брат, он же объяснил прислуге, в чем она ошибалась.

Юление началось. На обсуждение шадди ушло четверть часа, столько же съели радикулит Рудольфа и подагра Бертрама, затем пошли воспоминания. Об Алисе, охотах, свадьбах, именованиях, днях святого Фабиана...

— В последний раз я на него выбирался пять лет назад, когда из Загона выпустили Маркуса. — Арлетта перехватила взгляд регента и заподозрила неизбежное.

— Рудольф, если вы хотели заговорить про Арно, не делайте этого. Малыш или жив, тогда он у дриксов, или мертв... Когда что-то станет известно, вы или сможете мне помочь, или нет.

— Наслышан, как вы ставили в тупик Анри-Гийома и Колиньяров, но вижу впервые. — Ноймаринен поднялся и потер поясницу. Сейчас примется ходить, сейчас начнется разговор, а до этого был... шадди. Средненький, не более того. — Не думал, что когда-нибудь заговорю с женой Арно о делах. Не хочу врать, не будь Лионель вашим сыном, мне было бы сейчас проще.

— Но имел бы в таком случае смысл сам разговор? — Рудольф не походит на старика Эпинэ. Тот, при всей своей чести, никогда не сомневался в пакостях и заговорах. — Если б я могла на полчаса перестать быть матерью Ли, уверяю вас, я бы так и сделала. Тогда, *возможно*, вы бы прислушались к моим словам. А я, *возможно*, сказала бы то, что сейчас вы, скорее всего, поймете превратно.

Взять чашечку с гущей, поднести к губам, поставить. Улыбаться, пока регент идет от окна к собеседнице. А ведь Ноймаринен в самом деле стар, хотя младше Бертрама почти на двенадцать лет и ходит сам. Женщина без любви и без надежды на любовь превращается в старуху. Мужчину старит бессилие и еще непонимание того, что у других сил может хватить. Рудольф добрался до кресел у камина, развернулся и так же молча зашагал назад. Он не был ни глупцом, ни упрямцем, только слишком уж страшным казалось все отчетливей проступающее будущее, и усталый, не слишком здоровый человек боялся не выдержать, не справиться... И отворачивался.

— Возможно, вы правы, Арлетта. Глупо делать вид, что нас связывает лишь молодость и память. Я не могу вам не верить, вернее, не могу не верить вашим глазам, но ваши рассуждения — это рассуждения перепуганной женщины. Вы ведь прежде видели кровь лишь на охоте?

— Да. — Остывшая гуща на вкус была омерзительна. — Я даже не видела, как горит Сэ, а мертвецов мне до недавнего времени показывали уже в гробах. Но ведь и вы не видели зеленых фонтанов и убитых на улицах Олларии. Они вряд ли отличаются от погибших беженцев из той же Марагоны, однако, как сказал бы Гектор, есть нюансы. Марагов убивали все-таки дриксы.

— Дриксы убивают марагов, а мараги — дриксов, столетиями, — буркнул Рудольф, — это не требует объяснений. В отличие от мятежа в Олларии. Я бы не спешил винить пресловутую зелень. Эпинэ не ваш сын, и о нем я поговорить с вами рискну.

— Ро мне дорог не меньше, чем Жермон, — предупредила Арлетта, — хотя по-настоящему я узнала его недавно.

— Вы заступались за него и прежде, и по большому счету были правы. Нынешний Эпинэ не столь вредоносен, как Манрик или Колиньяр, более того, я верю в его честность. Я не сомневаюсь как в том, что он старался, так и в том, что оказался не способен...

— Рудольф, — Арлетта отодвинула чашку, из которой уже было неприлично пить, и подожгла за собой первый мост, — вы судите об Эпинэ по фок Варзов, который несомненно старался и еще более несомненно оказался не способен.

— Я не стану обсуждать Вольфганга даже с вами. Когда вы увидите Алву, выскажете свое мнение ему.

— Алва и без меня усомнился в способности фок Варзов дать отпор Бруно. Другое дело, что Эмиль не стал предъявлять приказ, чтобы принять армию, ему хватило маршальского звания.

— Вот даже как?.. Эмилю не стоило ставить в известность вас.

— Он поставил в известность брата, я просто оказалась рядом с Ли. Вы — пятый, кто знает о приказе.

— Самое время напомнить мне, что Алва — регент Талига.

— Зачем? Назначение командующих армиями — дело Первого маршала. Король или регент могут это решение всего лишь не утвердить. Кстати, Алва, не зная про выбор Катарины, назначил Эпинэ Проэмперадором Олларии.

— И сделал глупость. Я тоже сделал глупость, не воспротивившись блокаде и позволив завернуть Дорака. Олларии требовалась твердая и при этом законная рука. Не спорю, Эпинэ и Левий показали себя с лучшей стороны, но первый — бывший приспешник Ракана, а второй — агарисец. Их возвышение оскорбляло всех честных подданных Талига, а то, что после смерти Катарины эти двое по сути стали соправителями, не могло не вызвать...

— Рудольф, — теперь Арлетта щурилась совершенно осознанно, — кто вам сказал эту чушь?

— Те, кто наблюдает за тем, что происходит в столице. Не думаете же вы, что я знаю меньше Валмона.

— Думаю. — Забавно, а в приемной тоже спорят, или это Понси орет свои вирши? Ну и голос. — Кто бы ни были ваши наблюдатели, это не Алва, не Валме, не Карваль и не Левий.

— Рокэ сидел сперва в Багерлее, а потом — в Нохе, Валме заботило лишь то, как вытащить Алву, Карваль умеет действовать, а не думать, Левий ведет свою игру. Нет, сударыня, я знаю больше Бертрама. Оллария восстала против засилья эсператистов и угождавших им городских властей. Чтобы умиротворить город, довольно трех или четырех полков и толкового Проэмперадора, известного своей верностью дому Олларов. До вчерашнего дня я не мог отпустить из Придды ни единого солдата, но договор с Гаунау, который я, при всем его безумии, склонен утвердить, и вести из Эйнрехта развязали нам руки. Пусть Бруно занимается своей столицей, Альберт с Эрвином и Агнием займутся Олларией. Через месяц, пусть через два месяца, там вновь будет тихо.

Арлетта могла только вздохнуть. Все-таки перед ней был Анри-Гийом, толкавший своих детей и внуков в Ренкваху.

— Вы напоминаете Эпинэ, — устало сказала графиня. — Не Ро — его деда. Он тоже не сомневался...

— Он не сомневался, что подойдут каданцы и гаунау. Сударыня, я, как вы понимаете, не хочу ссоры ни с вами, ни с

Лионелем. Поверьте, я ценю успехи вашего сына, как военные, так и дипломатические, но Проэмперадор Севера к столице не имеет никакого отношения. Мне понятна причина его приезда, более того, я согласен с тем, что присутствие графа Савиньяка в Надоре сейчас необязательно. Мне важно мнение вашего сына о весенней кампании и, прежде всего, о переправе через Хербсте, но решение, если не появится Алва, принимать мне. Сожалею, что был вынужден говорить с вами таким тоном.

— Пустое, — отмахнулась Арлетта. — Я тоже не хочу ссоры, но еще меньше я хочу, чтобы зараза расползалась по всему северо-западу.

— Проклятье! Сударыня, то, что пятью пять — двадцать пять, а шестью шесть — тридцать шесть, не значит, что семью семь — сорок семь! Этот ментор свихнулся и бросился на вас, ну так он вас ненавидел. Дворецкий набросился на девушку? Красоткам не стоит разгуливать в одиночестве. Если б вас не напугали погромы, вам бы и в голову не пришло связывать эти случаи.

— Все верно. — Спорить было бессмысленно, не спорить невозможно. — Я видела погромы, а вы — нет.

Рудольф явно ждал, что гостья уйдет, но Арлетта сидела. В приемной теперь смеялись. Не будь регент столь раздражен, адъютанты получили бы взбучку, но герцогу было не до разрезвившихся мальчишек.

— Я уже устал вам объяснять, что вызвало волнения. Вспомните же наконец, что говорит вдова Арамона. Год назад творилось ровно то же и по тому же поводу, но тогда в Олларии был приличный гарнизон. Алве с Эмилем хватило одной ночи. Эпинэ и Карваль не справились в том числе и потому, что спутались с «серыми». Возможно, Левий и болтался по городу с благими намерениями, но Оллария не Гарикана и не Паона. Он не тушил пожар, а разжигал одним своим видом.

— Вы там были? — Пора заканчивать, и она закончит. Пусть последнее слово останется за мужчиной, но слово это будет не о Левии и не о Ро! — Я, в отличие от Рокэ, не сидела в Багерлее, я до последнего дня ездила и ходила по городу. В Олларии впервые за Леворукий знает сколько лет увидели клирика, который не ведет себя как... чиновник тессории. Левий выглядит

пастырем, да он и стал им, когда политика кончилась и начался Закат. За кого могли оскорбиться мародеры и насильники? За удравшего с Манриками Агния? За Авнира? Олларианство было хорошо при сильном короле и общем благополучии, оно смирно жевало то, что ему давали, и не мешало ни властям, ни народу. Теперь загорелось, и где оно? Один Бонифаций в Варасте, ну так там и не горит...

— Успокойтесь, — потребовал Рудольф, хотя этот совет больше пригодился б ему самому. — Я уже понял, что эсператист обаятелен, к тому же вы ему и его телохранителю благодарны, хотя по сути этот Пьетро не кто иной, как убийца на службе.

— Да, — не стала спорить Арлетта. — Меня спасли двое убийц. Одного нашел Левий, другого — Росио. Бонифация он, к слову сказать, тоже нашел, а кого нашли вы? Вы судите Левия и Робера по их неудаче, но по чему тогда судить вас? По Мельникову лугу или по совокупности... великих побед последнего года? Все то, что сделано достойно, а это юг, Гаунау и Хексберг, сделано без вашего участия.

Мосты уже горели, пылали, полыхали, и это было не так уж плохо. Пусть лучше злится на женщину, так проще договориться с мужчиной, но Альберта с Эрвином надо как-то останавливать... Был бы здесь Валме, он мог бы подделать приказ Алвы.

— Сударыня, наш разговор становится беспредметным. Не знай я вас прежде и не понимай вашего нынешнего состояния...

Слов для вежливого завершения начатой фразы у Рудольфа не находилось. Стало бы очень тихо, если б не вопли за дверью, а это были именно вопли. Видимо, поэт не перенес смеха и вовсю разоблачал невежд и ничтожеств.

— Не знай я вас прежде, — Арлетта поднялась, — я бы уже замолчала, но я привыкла считать вас умным человеком. Прежде чем гнать сыновей в... Ренквахy, пошлите за послами, возможно, они будут убедительней меня. Прошу меня простить за упоминание Надора, Варасты и юга. Мы им сейчас не нужны, а они нам смогут помочь не раньше зимы...

— Аы-ы-ы-ы!!!

Дикий вопль в приемной слился с диким же грохотом, но отнюдь не умолк. Рудольф ринулся к двери, Арлетте показалось, что с облегчением.

3

Из-за Левия видно было бы отлично... Дурацкая мысль о еще одном очевидном достоинстве эсператиста мелькнула и исчезла в грохоте ломаемой мебели, хрипах, брани и каком-то реве. Застрявший на пороге приоткрытой двери Рудольф загораживал обзор, хуже был бы разве что незнакомый Хайнрих. Арлетта встала на цыпочки, вытянула шею и успела увидеть, как внезапно оживший стол встал на дыбы и с рычанием опрокинулся, сбрасывая с себя бумаги, подсвечники, всякую мелочь. Рудольф помянул закатных тварей и шагнул в приемную, Арлетта сунулась следом и увидела спину в кавалерийском мундире, чей обладатель наседал на двух оборонявших угол комнаты офицеров. Чуть в стороне, раскинув тощие ноги, кто-то валялся. Нападающая спина махнула шпагой, офицер в углу отбил удар в сторону своим клинком, откуда-то выскочили еще двое, повисли у кавалериста на плечах.

Дзин-н-нь...

Шпага — выбитая? отброшенная? — отлетает к стене, кавалерист со знакомым ревом хватает стул, едва не пробивает им стену, крутится на месте, не подпуская к себе, и... валится на пол, сбитый таким же стулом. Кто-то догадался швырнуть...

— Фред, руки, руки прижимай!..

На сбитого наваливаются адъютанты. Ноги в сапогах для верховой езды колотят по полу, рев переходит в вой.

— Осторожней! — пищат из угла. — Пожалуйста... Его надо показать... монсеньору!

— Я уже вижу. — Рудольф переступает через лежащего ничком тощего. — Что вы тут устроили?

— Монсеньор... — Давешний провожатый вытягивается в струнку. Лицо окровавлено, во взгляде недоумение. — Капитан Оксхолл внезапно сошел с ума. Его вяжут.

Опрокинутые стулья, обломки, разлетевшиеся бумаги, перевернутый стол, два тела. Одно молчит, второе дергается, глу-

хо ругается, но его держат в восемь рук, да еще на шею уселся здоровенный ноймар. Веревок нет, в ход идут ремни и шарфы.

— Понси жив?

— Сейчас проверим. — Адъютант, заметно хромая, пересекает комнату, нагибается над телом, пытается перевернуть, тело дрыгает ногой и стонет. — Жив...

— Монсеньор, — просит из угла все тот же голосок, — пожалуйста, посмотрите... Это и есть бесноватый...

Девица Арамона! Стоит в простенке между окнами, с немного испуганным, но решительным лицом, а вот Рудольфу не по себе. Еще бы! Не верить в волка и обнаружить оного под собственной кроватью.

— Что здесь делает девушка?

— Девица Арамона, — хромой капитан уже взял себя в руки, — пришла вместе с корнетом Понси. Она разыскивала графиню Савиньяк и попросила разрешения ее подождать...

Дальше пошло как по писаному. Разрешение — кто бы сомневался! — было тут же получено. Гостью усадили, угостили чем могли, корнет Понси вздумал почитать стихи. Его хотели остановить, но невинное дитя, не представляя, что его ждет, захотело послушать. Понси завыл, и выл до тех пор, пока в приемной с вечерним докладом не появились еще офицеры. Они тоже немедленно окружили красавицу своим вниманием. Поэт всем надоел, его начали унимать, в разговор вмешался дотоле молчавший Оксхолл, которому собравшаяся у окна компания чем-то мешала. Один из адъютантов предложил пройти в сад, но девица Арамона боялась упустить графиню и осталась. Разумеется, остались и поклонники, воспрянувший Понси принялся за новую канцону, и тут у девушки упала сережка, она нагнулась, чтобы ее поднять, только сережка куда-то отлетела, ее принялись искать сообща, в том числе и под столами, здесь-то все и началось.

Потревоженный на своем месте Оксхолл взбеленился: высказался и о гостье, и о поэте, и по сослуживцам прошелся. Его пытались урезонить, но капитан заводился все сильнее, пришлось напомнить, что в комнате дама. Результат оказался, мягко говоря, неожиданным. Саданув эфесом по голове оказавшегося на пути Понси, безумец ринулся к девушке. Она,

бедняжка, совсем растерялась и, хоть стояла у самой двери, бросилась в дальний угол.

— Монсеньор, то, что было дальше, вы видели.

— Поднимите его.

Подняли. Рывком. Увидав такие знакомые, полные бешеной злобы глаза, Арлетта вскрикнула. Не от страха — от... памяти.

— Убью! — Руки спеленаты аж до плеч, а заодно и ноги в щиколотках перетянуты, но рот свободен. — И эту сучонку дрянную... И тебя, старый придурок!.. Я еще до тебя доберусь... Я тебя... И этих сучьих Олларов... со старым... ...Варзовом...

— Видимо... — Арлетта взяла Рудольфа под руку. Язык графине повиновался, а вот ноги дрожали и сердце колотилось. — Видимо, этот добрый олларианец принял вас за эсператиста. Или за мятежника. Или за разгуливающую в одиночестве девицу... Или вас давно ненавидел, а заодно...

— Арлетта, прошу меня извинить. Я... должен подумать. — Регент высвободил руку. — Капитана Оксхолла запереть. Не развязывая. Да... Выясните, имел ли он дело с беженцами из столицы. К Понси пригласите врача...

Что ж, пусть думает. Это уже не письма из Олларии, после такого голову под подушку не спрятать. Графиня Савиньяк переступила через разломанный стул и присоединилась к так и стоящей в своем углу невинности.

— Итак, — осведомилась Арлетта, — вы меня искали? Зачем?

— Госпожа графиня, я это придумала. — Достойные всех поэтов мира глаза были чисты и безмятежны. — Мама сказала, что господину регенту хорошо бы увидеть хотя б одного «бесноватого». Я подумала, вдруг они уже сюда попали? Если я тут посижу, может быть, они начнут меня ругать. Как управляющий господина Фарнэби... Помните? Когда этот капитан стал кричать, я решила остаться, чтобы регент вышел и увидел.

— Что ж, — кивнула Арлетта, — он вышел и увидел. Наше дальнейшее присутствие здесь излишне, идемте.

— Конечно, сударыня.

Юная змейка была очаровательна, и Арлетта внезапно почувствовала себя почти свекровью почти Катари.

Глава 7

ТАЛИГ. ФРАНЦИСК-ВЕЛЬДЕ
ТАРМА
АЛЬТ-ВЕЛЬДЕР

400 год К. С. 5-й — 6-й день Осенних Скал

1

Первородного Валентина Мэллит увидела через окно, на котором цвели герани и умывался кот. Вóйны, говорилось в Кубьерте, пожирают имущество прежде жизней, но Франциск-Вельде остался цел. Его жители и гости легли спать в свои постели и поели со своих тарелок. Не все — те, кто не погиб у холма и на поле. В доме, откуда вчера, уже вчера, ушел нареченный Куртом, не изменилось ничего, кроме лиц хозяев. Добрые плакали, но хотели утешать, утешать хотели многие, только вдова не желала слушать, и к гостям выходила Мэллит. Она даже приготовила замоченное в пряностях мясо, и его съел великий воитель, не пустивший дриксов к городу. Дважды нареченный старец был голоден и сидел долго; гоганни с трудом понимала его речи — вроде бы он порицал майоран и мускатный орех и ставил репу превыше цветной капусты. Когда стемнело, в дом постучал «лиловый» с обвязанной головой, и воитель ушел с ним. На пороге он задержался и что-то повелел, а гоганни, боясь, что он останется и будет еще говорить, пообещала исполнить. Над городом мерцала звездами ночь, и больше не пришел никто, а новый день открыл Повелевающий Волнами, и Мэллит была ему рада.

— Овдовевшая спит, — объяснила гоганни. — Она выпила отвар из четырех трав, чтобы боль матери миновала сына. Ему дадут имя Рокэ, так, умирая, решил отец.

— Я не намерен тревожить госпожу Вейзель. — Первородный, придержав шпагу, опустился на предложенный ему стул. — Собственно говоря, я на ее сон и рассчитывал. В округе небезопасно, и я считаю необходимым отправить вас в Альт-Вельдер под защиту графа Гирке и моей сестры. Госпоже Вейзель в ее положении длительные переезды могут повредить, а

оставить ее здесь я не вправе. Второе нападение, если оно состоится, мы в нашем нынешнем состоянии отразим вряд ли.

— Значит, — спросила Мэллит, — дриксы близко?

— Некоторые — да.

Девушка опустила голову, разглядывая вышитую атласными лентами скатерть. Она понимала, что оставаться нельзя, но озерный замок пугал, хоть и был прекрасен, как сон. Брат бродившей у воды безумицы ждал ответа, и гоганни не стала лгать.

— В Альт-Вельдере обитает ненависть, — твердо сказала Мэллит. — Она не должна касаться младенца, чьего отца погубила.

— Баронесса, боюсь, я вас не понял.

— Сестра первородного, что обменяла сердце на смерть, увидела любовь двоих и прокляла ее. Нареченный Куртом погиб, любви больше нет...

— Нет генерала Вейзеля, любовь осталась и пребудет с госпожой Юлианой еще долго, но вы ошибаетесь не только в этом. Злобные глупости, которые вы имели несчастье слышать, предназначались родной крови, в первую очередь графу Гирке и мне, однако мы оба целы. Более того, Гирке выжил на Мельниковом лугу, а ведь большинство раненых добила буря, хотя их никто не проклинал.

— Воин не видит связи между словом и свинцом, но она есть. Я слышала слово, и слово это было смертью.

— Сожалею, что под крышей моих родных вам пришлось пережить несколько неприятных минут, но эта ненависть больше ничего не может. Все несчастья, которые она принесла, а они, не хочу лгать, были, остались в прошлом. В настоящем нам грозят дриксы, их поведение в самом деле внушает опасения... Госпожа баронесса! — Первородный стремительно поднялся. — Прошу простить мое появление, это вызвано необходимостью.

— Хорошо, что это вы. — Нареченная Юлианой встала у стены. — Где «гуси»?

— Генерал Рейфер уходит, за ним следят, но он сейчас не слишком опасен. Гораздо хуже, что в Марагоне остается несколько тысяч вражеской пехоты, вот от нее можно ожидать неприятностей. Сударыня, так вышло, что во Франциск-Вельде старшим воинским начальником сейчас являюсь я. Рапорт

маршалу Савиньяку отправлен, но ждать ответа раньше чем через неделю не приходится, а действовать нужно немедленно. Я уже объяснил *Мелхен,* что вам придется вернуться в Альт-Вельдер. Вас проводит капитан Давенпорт, заодно он доставит мое письмо графу Гирке, мне требуется его помощь.

— Быстро вы решаете... Только лучше б ваши люди вчера были на батарее.

— Нет, сударыня, они не смогли бы задержать ту пулю. Зато они помогли вам задержать дриксов. Конвой будет готов через два часа.

— Мы как раз успеем собраться. Курт хотел, чтобы мы уехали, и мы уедем, но его я тут не оставлю.

— Всё для перевозки уже готово. Если на то будет ваше желание, в Альт-Вельдере тело набальзамируют, с тем чтобы перевезти потом в Бергмарк. Надеюсь, вас это мое предложение не оскорбляет.

— Курт должен вернуться домой... — Нареченная Юлианой взглянула на Мэллит, и девушка поняла, что может, должна подойти! — Он говорил, что молодой Придд пойдет далеко, вот вы и идете... Когда вы последний раз ели?

— Я завтракал, сударыня.

— Надо думать, вчера. Мелхен, его нужно накормить... Я тоже поем, Рокэ не должен голодать...

В прихожей раздались тяжелые шаги, это пришел именуемый дважды. Он желал выразить соболезнование овдовевшей, и остановить его не смогли бы все сыны Кабиоховы.

2

Курьер от Уилера прискакал глубокой ночью, и оставшиеся до рассвета часы Лионель проспал сном то ли праведника, то ли решившего каверзную задачу унара. Он угадал, как угадал у Гемутлих: выход у ловушки в самом деле имелся, но туда еще предстояло протиснуться, по возможности не ободрав бока. Первой сложностью был Ноймаринен, с него Савиньяк и начал.

Срывать утренние доклады было бы чересчур, Лионель появился в приемной регента, когда тот уже остался один, и дежурный адъютант без лишних вопросов распахнул перед Проэмперадором Севера дверь.

Стоявший возле окна герцог миролюбиво кивнул:

— Молодец, что явился. Не хватало нам еще друг на друга дуться. Твоя мать мне на быкодера[1] уже намекала, только у меня на гербе волк, да и у тебя не баран. С Оксхоллом ваша правда, ублюдок ездил с поручением к Кольцу и, среди всего прочего, допрашивал просочившихся сквозь заставы беженцев.

— Иначе быть просто не могло. — Ли сел, не дожидаясь приглашения, и, как в прежние времена, налил себе вина. Рудольф почти усмехнулся. Вчерашняя ссора была отодвинута, вопрос — надолго ли?

— Альберта я отзываю, — герцог начал свою обычную прогулку по ковру, — кордоны будем укреплять, но это не выход... Зря улыбаешься, я тебе не Хайнрих, Леворукого не боюсь.

— Тут смеяться впору — я сюда шел со словом «выход» на языке. Ночью я получил первый доклад, пока первый, но с учетом происшествия с Оксхоллом теорему можно считать уже доказанной. — Лионель положил на стол письмо Уилера, толковое, краткое и изобилующее чудовищными ошибками. Если б мэтр Шабли не был в могиле, он был бы в ужасе. — Идею мне подал бунт в Нохе. Те солдаты и офицеры, что не примкнули к первому, малому, мятежу, устояли и во время большого. Мы не можем себе позволить удара в спину, значит, армию нужно очистить заранее. Я вижу только один способ — опираясь на тех, кто уже проверен, заблаговременно выявить и перебить оксхоллов, сколько бы их ни оказалось. Собственно говоря, я уже начал.

Сопровождавшие мою мать «фульгаты» во главе с капитаном Уилером были вне подозрений, они видели «бесноватых» своими глазами, как столичных, так и Шабли с дворецким Фарнэби. С этого Кнуда я и начал. Уилер отвез мерзавца в Фарну, в местную тюрьму, через день там начались беспорядки, к которым примкнуло с полдюжины стражников. «Фульгатам» они при всей своей одержимости вреда причинить не смогли, тем более Уилер знал, чего ждать. Бунтовщиков, кроме дюжины самых рьяных, перебили; полученных «живцов» вре-

[1] Порода собак, славящаяся своей хваткой и пренебрежением опасностью. Изначально выведена для бычьей травли, но последние два круга используется как сторожевая и для собачьих боев.

менно заперли в гарнизонной казарме, а утром запустили слух о задержке жалованья из-за необходимости кормить беженцев. Дальше читайте, но Фарну теперь можно считать чистой, по крайней мере от мародеров с оружием.

— То-то в Олларии обыватели гоняли солдат...

— Я все же думаю, что для этого нужна зелень наподобие нохской. — Улыбку Лионель сдержал, но забыл о руках, и бокал с кэналлийским умудрился оказаться в левой. — Пока зараза разносится людьми, станут появляться заводилы и подстрекатели, их придется убивать на месте, но стай без вожаков не будет. Главное — вычистить армию, и трудней всего придется с гарнизонами. В Айхенвальде и Фажетти я не сомневаюсь, «живцов» из Фарны им отправили, остальное они сделают сами. За север я более или менее спокоен, но Придда лежит между Эйнрехтом и Олларией. Монсеньор, я считаю необходимым в кратчайшие сроки заключить с Бруно перемирие.

— Давай рапорт Уилера. — Ноймаринен протянул руку. — И помолчи.

Молчать было просто. Герцог сперва стоял с письмом у окна, потом хмуро бродил по комнате. Ли глядел в стену, примеряя на себя новую шкуру, не Рудольфа — союзником ли, противником старик не был загадкой. Савиньяка все сильней занимала Оллария, вернее, те вожаки, которых она неизбежно должна была породить, как Эйнрехт породил фок Марге.

— Скверно, — Рудольф бросил письмо на стол, — но действенно. Ничего более дельного я пока не придумал и вряд ли придумаю. Значит, станем делать по-твоему, начиная с армии. Мне в Тарме оставаться теперь незачем, переберусь в Акону и займусь.

— Не вы. — Нет, Ноймаринен не сдался, напротив, он открывал глаза, но назвать их зоркими Ли при всем желании не мог. — Назначьте меня Проэмперадором еще и Северо-Запада. Временно, в связи с вашей болезнью. Акона месяц-полтора подождет.

— Чушь! — громыхнул былой грозой регент. — Мне только на старости лет за мальчишек прятаться не хватало! Думаешь, я Заката боюсь? Может, и боюсь, ты в мои годы тоже бояться станешь, только не регенту о душе думать.

— Но регент обязан заботиться о своей репутации. — Поставить бокал, подняться и улыбнуться, все-таки улыбнуться. — Когда дело будет сделано, вы в случае необходимости сможете меня отстранить и наказать, после чего сме́ните пули на хлеб. Но если топить в крови мятежи еще до их начала будете именно вы, остановиться и повернуть не выйдет. Вам просто не поверят или, того хуже, решат, что вы отступаете.

— И как ты таким вырос? — Рудольф взял бокал с не любимым им кэналлийским и залпом выпил. — Одно лицо с Арно, а заговоришь, Алваро в гробу ворочается.

— Насколько мне известно, в нашем роду прежде не было близнецов. Возможно, дело в этом. Монсеньор, мне хотелось бы выехать до обеда, причем с Лауэншельдом и Оксхоллом.

— Выедешь. А сейчас скажи в приемной, пусть разыщут врача, и быстро. Ты хоть помнишь, на что Сильвестр жаловался?

— Помню.

3

Ночью погода испортилась напрочь. Похолодало, и зарядил тот самый нудный, нескончаемый дождь, за который так ругают марагонскую осень. К полудню глинистая дорога начала раскисать, лошади и колеса еще не вязли, но несмолкаемое чавканье раздражало; впрочем, капитан Давенпорт пребывал не в лучшем настроении и нашел бы, на что злиться, при любой погоде.

Еще во Франциск-Вельде неугомонный Бертольд надавал Чарльзу глупейших советов, за которые огреб бы, не будь ранен, хорошую затрещину. Ядовитый змей предлагал засы́пать Мелхен цветами, исключая не любимые ею розы, сочинить шестнадцать поэм и выписать учителя музыки с лютней, дабы через год-другой усладить девице слух, пока же ощипывать для возлюбленной кур и потрошить «гусей». Именно последних в их дриксенской ипостаси капитан Давенпорт и боялся. Полсотни драгун с двумя женщинами и гробом были добычей не слишком привлекательной и к тому же кусачей, но «китовники» отличались странной злобностью, неразборчивостью и упорством. Лишившись командира, они хоть и распались на пять или шесть отрядов, но продолжали болтаться поблизости, и Чарльз торопился изо всех сил, мечтая укрыть Мелхен за ка-

менными стенами. Сама же девушка думала не об опасности, а о спутнице, которой тряска была вредна. Вдова, беспокоясь о гробе, тоже требовала ехать шагом, и еще она говорила. Много. Громко. Бесконечно.

Прошедший Мельников луг Давенпорт не мог не сожалеть о гибели Вейзеля, сочувствовал капитан и баронессе, тем паче что та ждала ребенка, но выслушивать многословные, раз за разом повторяющиеся рассказы было неприятно. Не слушать же означало не видеть Мелхен, и Чарльз, выставив караулы, присоединялся к дамам. Он уже знал наизусть, в каком платье молоденькая Юлиана встретила капитана Вейзеля, что тот сказал, что она ответила и с чем были съеденные двадцать четыре года назад пирожки. С пирожков все и началось.

На второй день пути полдничали в придорожной гостинице, хозяин которой, хоть и знал о дриксах, дела не сворачивал, но постояльцев у него, по военному времени, было немного. В том, что на стол подают вчерашние пирожки, никто греха не увидел, но баронесса Вейзель не преминула вспомнить, что пекли на осенний праздник в Гюнне, когда она...

Нескончаемые, настойчивые воспоминания вызывали то же глухое раздражение, что и все усиливающийся дождь. Когда покушавшая вдова решила на пару часов прилечь, Давенпорт не выдержал — спросил задержавшуюся Мелхен, сколько раз слышала эту сагу она. Девушка широко распахнула глаза.

— Я не считала, зачем? Памяти о счастье не может быть слишком много.

— Вы очень добры, — принялся объяснять капитан. — Я — военный, и я прекрасно понимаю, кого мы лишились. Даже не знай я вас, я пошел бы на все, чтобы защитить баронессу Вейзель, но неужели она не понимает, что нельзя бесконечно твердить одно и то же одним и тем же людям? Я уважаю ее горе, и я... не сомневаюсь в его искренности, но порой начинаешь думать, что эта женщина не оплакивает мужа, а говорит о себе, о своих платьях, о том, как в нее влюбился величайший артиллерист Талига... Она просто пользуется тем, что сейчас ее не могут не слушать. Те, кто уважал генерала Вейзеля, в память о нем не будут перебивать его вдову...

— Конечно. — Мелхен казалась удивленной. — Как можно иначе? Капитан, вы хороший человек, я знаю, но вы слишком

долго дышали холодом и верите только в дождь. Вам не нравится, что нар... баронесса Вейзель говорит, а не плачет, но это от того, что она любит сильнее, чем мы можем понять. Генерал Вейзель умер, а любовь — нет. Лучше не отпускать счастье, чем прижимать к сердцу беду.

— Что ж, прошу меня простить...

— За что? Вы просто не понимаете. Я тоже не понимала, но мне объяснили, и я стала видеть. Почему люди выбирают плохое даже в песнях? Чрезмерная... Берта и ее подруги пели в день сражения, они думали, что о любви, но в их песнях всегда трое, и один из них зол и несчастен, или он приносит смерть двоим, или его убивают. Зачем об этом петь? Зачем носить в себе худшее и думать о худшем в других? Зачем пускать в себя холодный дождь, убивающий травы, и смотреть сквозь него?

— Сейчас осень.

— Осень тоже может быть светлой. — Мелхен улыбнулась. — Я много говорила, но мне больше нравится слушать. Расскажите, как король Гаунау захотел говорить с маршалом Савиньяком...

Никогда еще капитан Давенпорт не чувствовал себя таким дураком. Баронесса Вейзель допекла бы и святого, но не Мелхен, которая на все смотрела как-то по-особенному. Бертольд сумел у нее вытянуть про нелюбовь к розам, Чарльз узнал, что девушке не по душе марагские баллады и что с ней кто-то говорит о высоких материях. Покойный Вейзель был на это не способен, его супруга тем более, оставался хексбергский родич баронессы. Мысль о пресловутом Вальдесе, нашептывающем Мелхен кэналлийские глупости, испортила настроение окончательно, а дождь и досада превратили остаток пути в зябкий серый сон. За колышущейся водной завесой замок был почти не виден, зато озеро исподтишка подобралось к самым стенам берегового форта.

Начальник караула был предупрежден заранее, но все равно внимательно прочел письмо Придда и задал с десяток вопросов сопровождавшему драгун «спруту». И все равно на мост вступили под настороженные взгляды охраны, куда более многочисленной, чем в прошлый раз.

Хозяева Альт-Вельдера уже знали о потере и не забыли поднять над воротами скорбный флаг. Непонятно с чего Чарльзу стало любопытно, кому пришла в голову эта мысль. Гирке видел Вейзеля в деле и не мог не отдать артиллеристу должное,

но графиня родилась в семье Приддов, о чьей приверженности традициям знали даже дриксенские генералы, с нее сталось бы вспомнить и о флагах, и о гирляндах из можжевельника. Встречать гостей госпожа Ирэна, во всяком случае, вышла лично, но, хвала Леворукому, обошлась без лишних слов.

Уже знакомый домоправитель увел вдову и Мелхен, но Чарльз задержался.

— Сударыня, я привез письмо графу Гирке от вашего брата. Валентин был вынужден принять командование ополчением, однако ему требуется помощь хотя бы на ближайшее время. Мараги приводят себя в порядок и готовятся воевать всерьез, но они не имеют никакого опыта.

Фраза получилась достойной Катершванца, но графиня Гирке была слишком хорошо воспитана, чтобы поправлять собеседника. Она даже не улыбнулась.

— К сожалению, Валентину придется рассчитывать только на себя. Вы, видимо, не обратили внимания на флаги — граф Гирке мертв. Разумеется, я сделаю для баронессы Вейзель и ее спутницы все, что в моих силах. Альт-Вельдер неприступен, по крайней мере, без должной подготовки его не взять, так что о нашей безопасности не беспокойтесь.

— Простите, сударыня... — Чарльз с оторопью смотрел на еще одну вдову. Причесанная волосок к волоску Ирэна была истинной сестрой своего ледяного братца. — Разрешите выразить вам свое сочувствие... Это так неожиданно, мне казалось, что ваш супруг выздоравливает.

— Граф утонул в нижнем лабиринте во время прогулки. Это был несчастный случай.

Глава 8

ТАЛИГ. ТАРМА ГЁРЛЕ

400 год К. С. 8-й день Осенних Скал

1

Еще утром, вдевая в уши серьги, Луиза подумала, что день обещает стать на редкость дурацким, и угадала. Для начала пришлось изгонять торчащего под дверью дочкиного кавалера;

в молодом человеке было что-то сразу и от репья, и от мухи, к тому же он читал стихи и ябедничал на соперников, к каковым относил едва ли не всех регентских адъютантов.

Капитаншу так и подмывало сказать зануде, что у божественной Селины несварение желудка. Столь прозаическая болезнь могла отвадить трепетного поэта, а могла и не отвадить, но в Тарме, кроме корнета Понси, имелось немало ценных молодых людей, пугать которых госпожа Арамона пока не собиралась. Луиза слушала визгливые верлибры и представляла, как маршал Савиньяк уведомляет Понси, а заодно и прочих ухажеров, *что* будет с теми, кто станет докучать его невесте.

Мечты о союзе с Оленем грели душу, однако доверять столь важное дело небесам и тем более Сэль любящая мать не собиралась. Приняв от Понси перевязанный голубой ленточкой свиток, она вернулась в очередную не свою гостиную. Дочка чесала за ушами Маршала, кот урчал и бодался, а Селина, сведя бровки, глядела на девственно-чистый бумажный лист. Рядом стояла открытая чернильница.

— Письмо пишешь? — словно бы невзначай спросила Луиза. — Маршалу Лионелю?

— Нет. — Отрицание было слишком быстрым, и материнское сердце радостно забилось — врет.

— А надо бы, да и оказия есть. Я уже написала Герарду, и ты напиши. Капитан Уилер...

— Я вечером его видела. — Дочка сосредоточилась на извивающемся коте, и это тоже было «слишком». — «Фульгаты» будут в Гёрле через три дня. Герард тебе обязательно ответит. Мама, ты уже сказала про тот дом?

— Сказала. Корнет Понси передает тебе вот это. — Луиза с недовольным видом бросила свиток на стол. — Очень надеюсь, что моим зятем будет не он.

— Мама! Ну я же тебе говорила!.. — От возмущения дочка забыла про кота и немедля заработала недовольный тычок под локоть. Именно так и следует жить: если судьба перестает тебя гладить, бодни ее, если замахнется — выпусти когти.

— Ну, не знаю... — Капитанша, как могла, изобразила недоверие. — Зачем-то ты этого Понси привадила, да и с другими офицерами заигрываешь.

— Мама, это же совсем другое... Ты не понимаешь!

— Прогулку с таким чучелом понять в самом деле трудно. Я за десять минут с ним чуть паршами не пошла.

— Я... Мама, помнишь, как на меня ругалась Цилла? Когда мы были в Багерлее?

— Помню. И что?

— Понимаешь, я не сплю, когда приходят выходцы, и я все про них помню. Я и невепря видела.

— Я тоже.

— Ты закрывала глаза, а я все время видела. И когда Айри в Надор уезжала, я знала, что лучше ей не ехать.

— Еще б ты не знала, когда она тебе про свою родню и про свои болячки все выложила, а вот что нужно из Надора бежать, ты не поняла.

— Это нет. — Как быстро у Сэль глаза наполняются слезами, и как ей это идет. И будет идти еще лет двадцать. — Мама, когда в Фарне на меня напал тот дворецкий, он ведь злился сразу и как папенька, и как Цилла. Я сперва испугалась и не поняла, только позже, когда мы уже с Уилером подошли... Этот...

— Кнуд.

— Да, Кнуд... Он врал, что ничего плохого не хотел, а как меня увидел, снова начал ругаться. И я... Я тоже...

— Что-то не помню, чтобы ты ругалась.

— Ну мама... Мне было не жалко, когда его били. Совсем. Знаешь, если б я стала кошкой, я бы рычала. Как Маршал, когда приходит Зоя... Потом это прошло, но, когда нас водили к регенту, там, в приемной, сидел капитан Оксхолл... Он ничего не говорил, даже не смотрел, а мне вдруг стало страшно и захотелось его ударить... Ты потом сказала, что регенту надо бы увидеть «бесноватого». Я подумала, что, если я ничего не путаю, капитан не выдержит и на меня набросится, только нужно побыть подольше в приемной. Мама, я же не могла искать там кота, вот и пришлось слушать стихи и говорить с офицерами. И потом тоже... Госпожа графиня думает, это как чума; я боялась, вдруг кто-нибудь от капитана Оксхолла заразился.

— Ты кому-то об этом говорила?

— Нет. Я сперва хотела проверить.

— Правильно, лучше подождать...

То, что Сэль накоротке с нечистью, Савиньяка вроде бы не смущает, но одно дело не засыпать от выходцев, а другое — оказаться «грязной фульгой». Обдумать положение Луизе помешал военный комендант Тармы. Этот милый человек явился отговаривать госпожу Арамона от облюбованного ею особнячка, у которого, по мнению коменданта, имелась уйма недостатков. Капитанша не сомневалась, что истинной причиной визита было совершенное в доме убийство, о чем комендант, щадя трепетную дамскую душу, старательно умалчивал. Объяснять, что она искала именно место «дурной смерти», Луиза сочла излишним.

2

На забывшем про рожь поле перестраивались «вороные» и «волки». Отлично перестраивались — быстро, четко, красиво. Маршал Эмиль имел все основания радоваться, слегка мешало одно: за межевой канавой то же самое проделывали алаты. Вроде бы из уважения к затеявшим учения союзникам, на деле же — из соперничества. Тяжелую кавалерию, что талигойскую, что алатскую, по праву величали непревзойденной. Теперь и та и другая оказались в одной армии, ну и принялись друг друга превосходить. С точки зрения выучки это было просто отлично, однако жизнь командующему слегка осложняло, особенно когда за обедом Карои с Шарли затевали спор, привлекая маршала в качестве судьи. Быть беспристрастным у Эмиля не выходило — как ни странно, из-за симпатии к обеим сторонам. И еще ему самому очень хотелось в седло и на поле, но это означало либо принять одну из сторон, либо все проделывать дважды, а времени, несмотря на относительное затишье, не хватало. Как и людей, и лошадей, и пушек...

— Монсеньор! — радостно оттарабанил будто солнце проглотивший Герард. — Прибыл маршал Савиньяк!!! Он ждет вас на вашей квартире.

— Кто при... — начал Эмиль и сообразил, что Ли, как всегда, написал лишь половину того, что следовало, вторую же злонамеренно придержал. Добравшись до регента, братец решил добраться и до Западной армии, и это было до невозможности хорошо.

— Передай Шарли: пусть господа кавалеристы продолжают без меня, и добудь нам перекусить. Сыра не забудь!

Порученец мигом развернул коня и умчался, он держался в седле все лучше и лучше. Какой-нибудь Рокслей и вовсе счел бы парня отменным наездником, но угодить Савиньяку *в этом* было непросто. Пришлось натаскивать рэя Кальперадо как самолично, так и с помощью все того же Шарли. Эмиль никогда не питал склонности к присвоению чужого имущества, лошадей и офицеров, но возвращать Алве рэя Кальперадо не собирался. Мальчишка был неутомим, толков, храбр и к тому же всегда улыбался, только выходки Рокэ ставили в тупик и не таких. Самого Эмиля в тупик ставил Бруно, и появление умного Ли радовало вдвойне.

Командующий Западной армией осадил жеребца у милого и веселого домика, в котором обитала милая и веселая вдовушка. Настолько милая, что маршал позволял себе несколько больше, чем положено жениху, к тому же влюбленному в невесту. Утром его принималась мучить совесть, к ночи она куда-то уходила, но сейчас был день, и Эмиль вспомнил о Беате, лишь когда она сделала ему реверанс.

— Монсеньор, — женщина лукаво улыбнулась, — я так боюсь обознаться.

— Мы что-нибудь придумаем, — пообещал маршал и взбежал по лестнице в «свой» мезонин.

Братья с хохотком обнялись, граф Лэкдеми был обозван пожирателем дельфинов и женихом, граф Савиньяк — гусебойцей и медвежьим приятелем. Лионель положил на стол флягу гаунасской можжевеловой и письмо, Эмиль на правах хозяина расставил стаканы и разлил пахнущую дымком настойку.

— Когда выехал?

— Утром пятого, гнать курьера не имело смысла. Про малыша ничего?

— Как в воду кану... Тьфу. Дай-ка мне по шее.

— Изволь. — Рука Ли за время разлуки легче не стала. — Да не сбудется! Письмо от матери, читать потом будешь. Как тут у тебя? На первый взгляд, все прилично, в лагере порядок, да и уныния я что-то не приметил. Оживаете?

— Не сглазь. Как...

— Всё потом. Я еще охрипнуть успею, тебе докладывая, но сперва хочу понять, что у вас тут и что тебе не нравится.

— А если что-то нравится?

— Есть и такое? — Лионель поднял стакан и чуть заметно усмехнулся. — Твое здоровье.

— Вот ты приехал... *Пока* мне это нравится, сейчас кормить буду. Итак, господин Прымпердор Севера, позвольте доложить. Общая численность армии сейчас почти сорок пять тысяч, больше трети — кавалерия, подробнее смотри вот те бумаги... Сначала было сорок, но подтянулась часть рассеявшихся после сражения и быстрого отступления, ну и подкрепления какие-никакие удалось наскрести. Мои генералы все при мне, из здешних Ариго, Шарли, Райнштайнер и Ансел. Жду Гирке, он запросто заменит хоть Давенпорта, хоть Маллэ, хоть Берка, такого на полк ставить — мотовство. Что бы тебе еще доложить? С припасами неплохо, перебоев не ожидаю. Слушай, что с тобой такое?

— В смысле? — удивился Ли.

— Сам не пойму, ладно, потом соображу. Вот что сильно пострадало, так это артиллерия. Половина осталась на Мельниковом лугу, чудо, что Вейзелю удалось утащить вторую половину, да еще кое-что бедняге Ариго пришлось бросить при бегстве от Эйвис.

— Вейзель здесь?

— В Марагоне, вернется через пару дней. Мараги ополчение собрали, даже пушки где-то выискали, вот я его и отправил смотр провести. Заодно и Ульриха-Бертольда сплавил, теперь наслаждаемся тишиной.

— Ужас Виндблуме? Здесь он, что ли?

— Был здесь, — кивнул Эмиль, пытаясь понять, что же все-таки его смущает. — Хотя теперь его верней называть «Ужас Мельникова луга». Ну и «Ужас Западной армии» заодно. Слышал бы ты, как он нас костерит... Короче, наплел я старикану, что лишь его опыт воителя поможет превратить марагов в достойных солдат и поднять их воинский дух, и прочая, и прочая, и прочая... Ну и намекнул, что во Франциск-Вельде ожидается нечто непредвиденное и надо быть начеку. Барон поверил, взял шестопер, и нам стало хорошо. Про Бруно хочешь?

— Хочу.

— За гусаком остается численный перевес. В Мариенбурге и окрестностях не меньше шестидесяти тысяч, но они, похоже, никуда наступать не собираются. В Доннервальде — пятнадцать, и все это время дриксы укрепляли и без того сильную крепость. Мы стараемся за ними следить, они — за нами, но их дозоры — я тебе об этом писал? нет? — избегают стычек и сами в бой не лезут; вот это мне не нравится... Так, сейчас закусим.

— Ветчина, монсеньор! — весело объявил рэй Кальперадо, втаскивая в комнату объемистую корзину. — Масло, марагонский сыр, зелень... Хлеб теплый еще.

— Отлично, — одобрил Эмиль. — Адъютантам тоже взяли?

— Да, монсеньор.

— Тогда приятного аппетита. Кыш. — Эмиль сдернул прикрывавшее корзину полотно и потянул носом. — Помогай, если есть хочешь.

Снедь в два счета перекочевала на стол, и тут Эмиля осенило.

— Что у тебя с рукой?

— Ничего.

— Мне-то чего врать, ты же все левой делаешь.

— А... Вот ты о чем. Привык, пока был в Гаунау.

— Так и продолжай! А то если ты останешься, все запутаются.

— Особенно ночью? — Лет десять назад братец показал бы язык, сейчас ограничился ухмылкой. — Так вот, почему Бруно сидит тихо, я знаю. Более того, он, скорей всего, и дальше будет так сидеть. Умер кесарь, и в Эйнрехте началась заваруха, причем скверная на редкость. В Олларии, если до вас еще не дошло, тоже, так что призовем Райнштайнера и начнем думать.

— Ты, кстати, знаешь, кто теперь командор Горной марки вместо Вольфганга?

— Знаю. Я. Про старика-то что слышно?

— Отлеживается в своем имении. Надо бы ему написать, но руки не доходят... Значит, Бруно не до нас, зато нам сейчас будет до него!

— Осади. — Лионель принялся нарезать окорок. Левой. — Нам нужно заключить с Бруно перемирие, и чем скорее, тем

лучше. Со мной приехал дружок Хайнриха, надеюсь, медведь объяснит гусаку, что и как.

— Ли, я понимаю, зачем перемирие дриксам, но нам?!

— Ты, верно, недослышал, в Олларии сейчас ничуть не лучше, чем в Эйнрехте. Слушай, пошли за Райнштайнером, и давай поедим наконец.

— Райнштайнер в отъезде, вернется ночью. Утром ты его получишь, но тут тебе не Надор. — В Олларии только новой заварухи не хватало, старых кому-то мало было! — Ли, чтобы заключить перемирие, нужно согласие не Рокэ, так Рудольфа.

— Спасибо, объяснил. — Лионель залпом допил свою настойку. — Есть у меня согласие, причем на многое. В общем, я сейчас и Рудольф, и Рокэ, и, как ты верно подметил, Леворукий. К тому же голодный, а следовательно, злой.

3

— Нам подходит только один дом, — подвела итог госпожа Арамона. — Зоя Гастаки хочет нам помогать, только ей, чтобы прийти, нужна...

— «Дурная смерть», — весело подсказала Арлетта. — Да, конечно, вы не можете это объяснить коменданту. Я все устрою, но, когда капитан Гастаки появится, вы меня с ней познакомите.

— Если вам так угодно.

Вдова сделала реверанс, явно собравшись уходить, однако Арлетту это не устраивало. Луиза Арамона графине понравилась сразу и так, как давно не нравилась ни одна женщина, но именно это мешало расспрашивать ее о младшей дочери. Будучи способна говорить об Арно лишь с Бертрамом и Рокэ, Арлетта не хотела лезть в симпатичную ей душу и не могла не лезть — уж больно высока была ставка.

— Луиза, — графиня решила быть честной, — я должна сказать вам три вещи. Я щурю глаза не потому, что я закатная тварь, а потому, что плохо вижу. Я не терплю праздного любопытства и стараюсь не проявлять его сама, но есть вещи, которые нужно понять, причем быстро. К несчастью, они связаны с вашей Люциллой. Для вас главное — ее гибель, а я чем дальше, тем больше убеждаюсь, что Оллария окончательно обезу-

мела после смерти «королевы», в которую превратилась ваша дочь.

— Я пыталась об этом думать. — Госпожа Арамона, кажется, тоже предпочла откровенность. — Но я не успела ничего толком понять. Цилла захлебнулась, все исчезло, а потом я увидела небо и господина Савиньяка.

— А до? Очевидно, что королева ждала какого-то короля. Она его звала и на него рассчитывала. Люцилла оказалась достаточно сильна, чтобы удерживать голую тварь в ее меду, но прикончить или прогнать эту мерзость не могла. Одна. А если б их было двое? Если этот запоздавший король где-то есть, не сможет ли он затолкать мед вместе с содержимым в соты?

— Король не пришел. — Собеседница откинулась на спинку кресла, вспоминая свой нохский путь. — Я очень хорошо рассмотрела Альдо. Он опять хотел чужую корону, значит, своей у него не было. Еще я вроде бы видела Килеана-ур-Ломбаха. Он...

В распахнувшуюся дверь ужом, внезапно ставшим стрелой, влетел внук старика Понси. Промчавшись от порога до кресел у окна, он замер, раздувая ноздри и излучая укоризну. Молча.

— Я не пускала, — затараторила вбежавшая следом камеристка, — я господина корнета не пускала... я им говорила...

Арлетта с сомненьем взглянула на молодого человека. На «бесноватого» Понси-младший не походил, хоть и выглядел, мягко говоря, странновато.

— Идите, — велела служанке Арлетта. — Когда потребуется, я позвоню. Сударь, что все это значит? Не молчите, я не кардинал, в душах не читаю.

Понси насупился еще больше.

— Предательство! — провыл он, и Арлетта узнала голос, который слышала из кабинета Рудольфа. — Предательство вновь обожгло душу поэта, этот ожог не заживет никогда!.. А вы, вы, госпожа Арамона! Ужели вы допустите, чтобы ваша дочь навеки покрыла ваше имя позором, венчавшись тайком от родных?! Еще не поздно вернуть беглянку и предать растлителя суду...

— Кого? — не поверила своим ушам графиня.

— Капитана Уилера, — перевел Понси. — Негодяй соблазнил девицу Арамона. Они выехали не больше четверти часа

назад. Госпожа Савиньяк, в нашу мирную обитель Уилер проник, пользуясь именем вашего сына, и вместе с ним в Тарму вступило Зло! Остановите же его.

— Не вижу связи ни между Уилером и злом, ни между вами и девицей. — Арлетта покосилась на «обманутую» мать, та явно не стремилась скакать во весь опор и разрубать пополам. — Что бы ни делала Селина, вас это не касается...

— О да! — проорал, видимо, все же влюбленный. — Я не желаю больше слышать об изменнице, и я это брошу ей в лицо! Она узнает, сколь она презренна! Женщины недостойны тех строк, что им посвящены. «Они коварны, жадны, похотливы, их красота под стать красе кобылы — широкий круп, ухоженная грива, но лошади пусть глупы, но не лживы, и чтоб...»

— Сударыня, — доложила камеристка, — тут госпожу Арамона срочно видеть хотят. Сержант, из «фульгатов».

Оборвавшего земной путь мэтра Шабли ветерана Арлетта узнала сразу. То, что именно сейчас вошел именно он, при желании могло сойти за знамение или за шутку Леворукого. Удачную.

— Мишель, — на сей раз графиня щурилась отнюдь не для того, чтобы лучше видеть, — сейчас я велю этому корнету выйти вон. Если он замешкается, ему придется помочь. Понси, если вас хоть раз увидят возле дам Арамона, вы отправитесь в Варасту. Это я вам обещаю, а теперь убирайтесь.

Он убрался, пусть и не столь стремительно, как явился, но довольно шустро и молча. Взгляд, правда, был красноречив.

— Странная вещь, — поделилась своим наблюдением Арлетта. — Почему-то о нашей презренности в основном говорят такие вот молодые люди. Или не молодые, сути это не меняет... Понси увивался за вашей дочерью?

— Да. Сударыня, я все-таки хочу понять, где Селина.

— Есть повод для беспокойства?

— Нет! Селина наверняка просила капитана Уилера передать ее письмо Герарду, это мой старший сын, он должен быть в Южной армии. Мы потеряли друг друга из-за переездов.

— Надо было сказать мне, а еще лучше — Лионелю, когда он выезжал в Гёрле. Мишель, дорога свободна?

— В лучшем виде, сударыня! Письмо передать дозволяете? Госпоже Арамона.

— *«Мама,* — Луиза чуть ли не впервые видела дочкин почерк — очень аккуратный, очень красивый, — *я уехала в Западную армию к графу Савиньяку. Ты не волнуйся, со мной капитан Уилер, он знает, почему я еду. Маршала я беру с собой, потому что тут собаки, и, потом, он чувствует Зою, а значит, почувствует и других выходцев, если они захотят прийти.*

Мама, ты не сердись, пожалуйста, но так надо. Мы воюем, и будет очень нехорошо, если в армии окажутся такие, как господин Кнуд и капитан Оксхолл. Я тебе говорила, что я чувствую «бесноватых», а они — меня, и начинают ругаться. Со мной их переловят быстрее, а времени у нас мало. Капитан Уилер считает, что я очень хорошо придумала, и монсеньор будет доволен. Я тоже так думаю, потому что маршалу Савиньяку нравится делать все быстро и хорошо.

Со мной ничего не случится, мне Айри рассказывала, что путешествовать с солдатами очень приятно, а ведь с ней не было даже офицера. Кроме того, в Гёрле должен быть Герард, так что я окажусь под покровительством брата, а это прилично, ты говорила об этом, когда мы познакомились с Айри.

Я на всякий случай взяла двадцать таллов и три платья, одно траурное и два синих, но путешествовать буду в мужской одежде. Ее не нужно шнуровать со спины, а Зоя говорит, что так удобнее, и капитан Уилер с ней согласен. Пожалуйста, не волнуйся и береги себя, а если придут Зоя и папенька, передавай им привет.

Твоя дочь Селина».

Показывать или нет?! Нет — графиня подумает Леворукий знает что, а если да? Скорее всего, тоже... Луиза сглотнула и подняла взгляд на госпожу Савиньяк; та безмятежно разглядывала плафон с резвящимися детишками.

— Сударыня, — твердо сказала капитанша, — Селина в самом деле уехала с капитаном Уилером. Она хочет помочь переловить «бесноватых». Не желаете прочесть, что она пишет?

Слабая надежда на отказ рухнула — графиня отнеслась к посланию со всем возможным вниманием. Она читала, Луиза ждала и тряслась, как не тряслась, даже ожидая жениха: тогда она знала, что ничего хорошего ей не достанется, сейчас же

дело могло повернуться по-всякому. Вот кого капитанша была готова придушить, так это услужливого «фульгата». Нет бы оставить письмо прислуге — дескать, передайте, как вернутся! И сама тоже хороша, могла бы и сообразить, с чего Сэль с утра над чернильницей сидела. Хотя, может, все и к лучшему, на войне кое-что доходит быстрее.

— Виконт Валме полагает вашего сына очень ответственным. — Графиня вернула письмо Луизе. — Видимо, это у вас семейное, а ваша дочь еще и наблюдательна, и умна. Надеюсь, вы не последуете совету корнета Понси и не броситесь в погоню?

— Я видела герцогиню Окделл, когда она пыталась вернуть Айрис. — Остановиться или рискнуть и сунуться дальше? — Селина в самом деле может помочь, и я не хочу мешать своим детям жить, только моя дочь не ровня девице Окделл. Для нее никто не станет искать дуэнью и уезжать из собственного дома. Сударыня, я боюсь за репутацию своей дочери, но, если я примусь об этом кричать, будет только хуже.

— Мой сын все чаще поступает как Алва, — задумчиво произнесла мать вожделенной добычи. — Почему бы Оленю не сделать для оказывающей ему серьезную услугу девицы то же, что Ворон сделал для сестры своего отравителя? В конце концов, если потребуется, Лионель всегда может жениться...

Луиза не шмякнулась в обморок лишь потому, что маменька сделала бы именно это; капитанше даже удалось не открыть рот и не завопить, но глаза на лоб, видимо, все же полезли. Они просто не могли не полезть.

— Сударыня, — госпожа Арамона таращилась на собеседницу, будто озадаченный рак, — неужели вы примете безродную невестку?!

— Я приму тех женщин, которых приведут мои сыновья, заодно окончательно пойму, кем же они выросли. Савиньяки довольно часто женятся по любви, хотя в прошлом году я не могла до конца исключить союз с Манриками или Колиньярами. Вот от этого я в самом деле была почти в ужасе.

— Я видела девиц Манрик, — выдавила из себя Луиза. — Их беда — фамильные цвета.

— Нет, — графиня нехорошо прищурилась, — их беда — их семейство.

5

Маршал Савиньяк открыл глаза за мгновение до того, как бодрый голос под дверью возвестил:

— Мой маршал, вас срочно хочет видеть маршал Савиньяк. Прибыло донесение из Франциск-Вельде.

Спросонья Лионель не понял, кто кого хочет видеть, потом засмеялся. У Савиньяка может быть хоть шестнадцать титулов, в армии он все равно пребудет Савиньяком, которого всегда могут вытащить из постели ни свет ни заря. Ли зевнул и потянулся за рубашкой.

Небо за окном лишь начинало наливаться рассветной синевой; было часов шесть, не больше, значит, курьер провел в пути всю ночь и въехал в лагерь к половине шестого, когда его не столь понукаемые собратья лишь седлают коней. Обычного конного пути от Франциск-Вельде до Гёрле дня три, необычного — два. Значит, курьер выехал утром седьмого.

Проэмперадор Севера и Северо-Запада ошибся: гонец выехал пятого, но, дважды нарвавшись на дриксов, был вынужден сделать круг, на чем и потерял больше суток. Могли и вовсе не доехать, но полковник Придд действовал наверняка, отправив три донесения тремя дорогами. Обросший щетиной капрал с ввалившимися глазами добрался первым, и теперь в Западной армии знали, что в четвертый день Осенних Скал дриксенская пехота числом до десяти тысяч человек под командованием генерала фок Греслау внезапно появилась у Франциск-Вельде.

Дриксы атаковали лагерь марагонского ополчения, Придд силами неполного конного полка предпринял попытку уничтожить вражеского командующего и таки уничтожил, после чего подошедшая дриксенская кавалерия, всего около трех тысяч клинков, в свою очередь ударила по соотечественникам с тыла и принудила отступить. Лагерь выстоял во многом благодаря действиям ополченцев барона Катершванца и артиллерии. В бою погиб генерал Вейзель, потери — больше трети от первоначальной численности марагонского ополчения и до половины эскадрона у Придда.

— Я помню этого фок Греслау по Ор-Гаролис, хотя имя узнал от пленных позже, — Лионель оглядел недовольного Эмиля, проглотившего сосульку Райнштайнера и крутящего

усы Ариго, — и могу сказать, что Придд избавил нас от очень толкового врага. Фок Греслау тогда командовал арьергардом и действовал весьма прилично. Этот генерал расколол бы Франциск-Вельде даже с одной пехотой.

— Отсутствие конницы у фок Греслау и отсутствие пехоты у Рейфера заставляет предположить, что они должны были действовать сообща, но рассорились. Это объясняет, почему конница Рейфера выглядит потрепанной и уставшей, а в строю есть раненые. — Райнштайнер соображал даже в семь утра и с дороги. — Очевидно, что с «китовниками» у рейтар отношения более чем просто враждебные — не брали пленных, добивали на месте раненых и, самое необычное, отказались от столкновения с Приддом ради атаки на собственную пехоту.

— Прежде, чем я соглашусь, — задал неизбежный вопрос Лионель, — я хочу убедиться, что вы все безоговорочно верите рапорту Придда.

— Валентин отвечает за свои слова, — твердо сказал Ариго. — Другое дело, что я ни кошки не понял ни про «китовников», ни про Греслау, которого зачем-то понадобилось убивать. Если б Рейфер пытался его отбить, я бы не удивлялся, а тут ерунда какая-то...

— Кит был на парусе короля Торстена, которого вариты, когда принимали эсператизм, объявили святым, — объяснил бергер. — То, что этот пират умер, не зная таких слов, как «Создатель» и «Эсператия», не помешало ни дриксам, ни Агарису, но, Герман, боюсь, у нас будет больше неприятностей от живых «китовников», чем от мертвого короля. Почему Валентин счел необходимым убить фок Греслау, я пока объяснить не могу. Его восприятие «китовников» как чего-то нечистого, крайне опасного и чуждого мне пока непонятно, но обратите внимание — действия Придда встретили полное одобрение Рейфера и, как пишет сам полковник, повлияли на решение нашего знакомого «гуся» атаковать немедленно. А ведь гораздо разумнее для него было бы дождаться победы «китовников» над марагами и наброситься на расслабившихся победителей.

— Да уж, — Эмиль, не скрываясь, зевнул. — Повезло «спруту», ничего не скажешь, но ему в Марагоне не место. Гирке пусть остается пока — и долечится, и при деле будет, пошлем ему полковника поздоровей в помощь. Ну а Рейфера при всей

его благости проводить нужно до самого Мариенбурга. Если он в самом деле туда двинулся.

— Да, — подтвердил Райнштайнер, — Придд необходим здесь. Несомненно, он заметил гораздо больше, чем успел написать. Мне очень жаль, что я не поехал во Франциск-Вельде вместе с бароном Катершванцем, но это не казалось необходимым. Кроме того, надо еще раз расспросить девушку о выходцах, это придется кому-то сделать на месте, поскольку разлучать баронессу Вейзель еще и с приемной дочерью теперь стало невозможно. Позже, если перемирие с Бруно будет достигнуто, я отправлюсь в Альт-Вельдер лично, тем более что Бергмарк должна отдать последние почести барону Вейзелю.

— Может быть, — буркнул Эмиль, — хватит о нечисти? Светает уже... Кто заменит Вейзеля? Об этом вы подумали? Я-то свои пушки отослал Дьегаррону вместе с артиллерийским генералом.

— Вейзеля не заменишь. — Ариго тоже не горел желанием рассуждать о всяческих странностях. — Но Рёдер на Печальном показал себя очень толковым артиллеристом, а пушек у нас не так чтобы очень много. Справится.

— Хорошо, — решил Эмиль. — Пусть будет Рёдер...

В прихожей завозились, и сидевший к выходу ближе других Ариго распахнул дверь. Упоительно запахло.

— Шадди, господа! — Братец Селины тащил поднос с четырьмя дымящимися чашками, сахарницей и масленкой, следом хозяйка Эмиля волокла булочки.

— Отлично. — Эмиль слишком быстро для жениха далекой Франчески подхватил заваленное сдобой блюдо. — Спасибо, сударыня.

— В Гёрле пекут очень хорошие булочки со сливками и корицей, — удостоверил Райнштайнер, протягивая руку. — Итак, мы должны исходить из того, что «китовники» представляют угрозу не только...

Шадди и сдоба требовали немедленного внимания, но Ли поднялся и выглянул в прихожую, чтобы отдать приказ своим «фульгатам». Сидящая за столом компания кратковременного отсутствия Проэмперадора не заметила. Райнштайнер, поедая булочку за булочкой, рассуждал о том, что он должен был сделать, но не сделал, Эмиль перечитывал рапорт Придда, Ариго

просто завтракал. Лионель, взяв с подноса сиротливую чашку, уселся рядом с братом и шепотом поздравил командующего Западной армией с блистательным стратегическим решением, а именно с отправкой «грозы Виндблуме» в Марагону.

— Да уж, — кивнул Эмиль. — Осенило. С одной стороны, старик спас город, с другой — он же нас теперь заживо жевать станет... Леворукий, это еще что за...

Первым за дверью оказался успевший выхватить шпагу Ариго, остальные отстали ненамного. В уютной, пахнущей сдобой и шадди прихожей рвался из рук «фульгатов» капитан Оксхолл. Освободиться ему не грозило, но отсутствие кляпа во рту бывший адъютант Рудольфа использовал в полной мере. Изрыгаемой брани и угроз «Двору висельников» с лихвой хватило бы на неделю, но поносил капитан не державших его солдат, а рэя Кальперадо. Загородивший хозяйку порученец походил на сестру и на ощерившегося волчонка, шагнувший к «бесноватому» Ариго — на матерого волка.

— Вам хочется этого господина немедленно убить? — Лионель сжал плечо генерала. — Представьте, мне тоже. Господа, кто-нибудь еще разделяет чувства полковника Придда?

Ариго скрипнул зубами, Эмиль ругнулся, Райнштайнер подошел поближе.

— Очень хорошо, что мы уже позавтракали, — заметил он, — это зрелище отбивает аппетит. Правильно ли я понимаю, что перед нами собрат дриксенских «китовников»? Если это так, действия полковника Придда и генерала Рейфера становятся объяснимыми и предельно разумными, но возникает целый ряд новых вопросов.

— На некоторые я готов ответить уже сейчас, — заверил барона Савиньяк и велел солдатам вывести бесноватого.

Последнее, долетевшее уже с крыльца, проклятье предназначалось «леворукой белобрысой гадине». Проэмперадор Севера и Северо-Запада Лионель Савиньяк счел это добрым предзнаменованием и улыбнулся.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КАК ПОЯВИЛИСЬ ЫЗАРГИ
(Саймурская легенда)

В прежние времена правили миром четверо богов, и были у каждого из них бессмертные спутники-астэры, питавшиеся божественной силой. Случалось астэрам принимать человеческий облик и дарить любовь смертным. Порой такие союзы продержались многие годы, они продлевали жизнь людям и дарили радость бессмертным, однако не приносили плодов. Боги не препятствовали своим спутникам в поисках наслаждений, но случилось так, что две змеехвостые найери покусились на запретное, воспылав любовью к своему господину — Владыке Волн Унду.

Долго скрывали змеехвостые преступную страсть, но однажды Унд привел в свои чертоги смертную женщину, чьи волосы были чернее ночи, а глаза синей вечерних небес. Тяжела и печальна была жизнь синеглазой, но забыла она о горестях в объятиях зеленоглазого Владыки Волн, обретя вечную молодость и великую любовь. Видели это найери, и сердца их полнились удивлением и завистью. Шел дождь, когда признались они друг другу в своей любви и в своей ненависти. Решили змеехвостые, что они, бессмертные, достойны любви господина более, чем его подруга, и пришли к Владыке Волн, и сказали: «Мы прекрасны, возьми нас» — но Унд лишь одарил их жемчугами и велел уходить.

Найери ушли, но замыслили обман. Бросили они жребий, и одной выпало идти к Унду, а другой — к возлюбленной его. Обернулась первая женщиной, почернели ее волосы, а изумруды глаз стали сапфирами. Приняла вторая облик Унда, каким

видела его синеглазая. Посмотрели обманщицы друг на друга и решили, что не разоблачить их.

Настал вечер, и явилась к подруге Унда найери в своем истинном обличье и сказала, что ждет ее владыка в мраморном гроте на берегу моря. Женщина поверила и пошла, и ее встретили. Тяжким и холодным показалось ей тело возлюбленного, и не испытала она радости, только боль, но в сердце ее была любовь, и лгала она и поцелуями, и словами, и стонами, чтобы не опечалить Унда.

Истинный же Владыка Волн нашел в своих чертогах обманщицу и поверил ей, ведь любовь ее была непритворна. Любовь, но не облик — ибо в миг наивысшего наслаждения забыла найери о своем теле и стала такой, какой была создана. Уличенная, она призналась в обмане, но умолчала о сообщнице и о том, что не только бог был обманут. Нашел Унд свою возлюбленную на берегу и увидел, что в глаза ее вернулась тоска. На все расспросы та отвечала, что счастлива, но Унд чуял ложь.

Найери же приняли облик подруги Унда и молодого охотника и занялись любовью там, где мог видеть их лебедь, любимый слуга Унда. Зря старались обманщицы, не захотел лебедь печалить господина и скрыл от него увиденное. Тогда обманщики проделали то же на глазах у коня Астрапа, ласточки Анэма и пса Лита. Отвернулся конь, а ласточка обо всем позабыла, но донес пес повелителю своему Литу, что обманывает брата его возлюбленная. Разгневался Лит и сказал Унду то, что полагал правдой, и Владыка Волн поверил, так как видел тоску и страх в глазах подруги.

Дал совет Лит брату своему — наказать обманщицу. Не за измену — за ложь. Веселый Анэм посоветовал за неверность отплатить неверностью и забыть. Дал совет и златокудрый Астрап — позвать женщину, и спросить ее, и поверить, что бы она ни сказала. Выслушал Унд братьев и поступил по-своему. Позвал он синеглазую и сказал ей, что отпускает ее, и что вольна она любить кого хочет, и все дары его останутся при ней. Только страшнее проклятия стали для отвергнутой вечная жизнь и вечная любовь.

Днями и ночами сидела несчастная у потаенного источника и смотрела на льющуюся воду, а зловредные найери вновь явились к Владыке Волн и предложили себя, чтобы развеял он

тоску и утолил страсть, только Унд прогнал их и не велел возвращаться. Поняли змеехвостые, что не забыл господин былую возлюбленную, и сильней прежнего возненавидели ее. Долго думали найери, как верней всего погубить соперницу, и наконец решили. Приняла первая облик Унда, а вторая стала женщиной с волосами цвета меда.

Обманщицы знали, где искать синеглазую, и явились к ней вдвоем. Многое они сказали, мешая правду с ложью, а потом Лжеунд велел женщине исполнить все прихоти той, кого она считала разлучницей. Не вынесла того подруга Унда и воззвала к братьям возлюбленного, моля избавить ее от мучений. Услышали мольбу Астрап, Лит и Анэм, но явился лишь Астрап, и увидел вместо брата найери, а вместо женщины — другую, и все понял. И найери все поняли и во всем признались. Лишь одно осталось тайной: кто из двоих был с женщиной, а кто с Ундом, так как каждая говорила про другую, но одна лгала.

Нахмурился Астрап, и зарыдали обманщицы, умоляя сохранить им жизнь. Согласился Владыка Молний. Пуще прежнего запричитали найери, моля не отдавать их на суд Унда. И это обещал бог Осени и Заката. Тогда преступницы попросили сохранить им их естество, сразу и женское, и мужское. И вновь кивнул златокудрый Астрап. Воспрянули духом найери и попросили не лишать их волос.

— Так и будет, — произнес Владыка Молний и засмеялся. И стало так, как они просили и как решил великий Астрап. Сохранили обманщицы и жизнь, и естество свое, и волосы, и оказались вдали от владений Унда, только не радовались они тому. А с чего радоваться, если ты не самец, не самка, а ызарг змеевидный, и кишеть тебе и потомству твоему вечно, рвать друг друга на куски, питаться падалью, спариваться как попало и даже волос не омыть, так как не найти воды в сухих степях.

Астрап же, зашвырнув виновных к отрогам Разрубленного Змея, подхватил возлюбленную брата в седло и отвез на берег морской к Унду. А сколь длинна была их дорога, рассказывают по-разному.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ЗВЕЗДНОЙ СИСТЕМЫ КЭРТИАНЫ

вой рассказ о звездной системе, к которой принадлежит мир Ожерелья, названный Кэртианой, мы начнем с того, что устройство этой системы носит явные следы искусственного вмешательства. За давностью лет и поскольку наши знания о возможностях создателей и подвластных им силах весьма ограничены, сегодня трудно определить, в чем заключалось это вмешательство. Мы не можем сказать, были ли звезды и планеты системы созданы одновременно, или за основу творцы взяли имевшуюся систему звезд и создали в ней планеты, или, может статься, лишь благоустроили планеты уже существующие — тщательно и с любовью, чтобы новый мир был уютен и безопасен. Поиски ответа на этот вопрос мы оставим дальнейшим исследованиям и мнению просвещенного читателя.

Искусственный характер описываемого мира явственнее всего выражен в двух обстоятельствах:

— звезда, дающая Кэртиане свет и тепло, очень молода — изучение ее характеристик показывает, что она образовалась (или была создана) совсем недавно, с точки зрения астрономии даже не вчера, а сегодня;

— в системе нет ни астероидов, ни прочих посторонних тел, блуждающих в плоскости эклиптики и потенциально опасных для жизни. Если бы молодая планетная система формировалась естественным путем, подобное было бы невозможно. Это говорит о заботе, с которой творцы обустраивали свой мир.

Первым делом поговорим о центральном светиле системы — кэртианском Солнце. Напоминаем, звезда эта очень юная (такие называются «звездами нулевого возраста»), и в ее ядре совсем недавно началась термоядерная реакция превращения водорода в гелий.

Кэртианское Солнце относится к спектральному классу G1V (земное — G2V). Масса его составляет $2{,}141 \cdot 10^{30}$ кг (1,076 массы земного), температура поверхности — 5900 градусов Кельвина, светимость — $4{,}317 \cdot 10^{26}$ Вт, что в 1,125 раза выше светимости земного.

Химический состав кэртианского светила подобен составу нашего Солнца: водород — 73,46%, гелий — 24,85% и, наконец, более тяжелые элементы, именуемые в астрофизике металлами, — 1,69%.

Если бы кэртианское Солнце существовало более четырех с половиной миллиардов лет, как земное, его светимость была бы выше, чем у нашего, почти на сорок процентов, потому что с возрастом светимость звезд медленно возрастает. Однако оно никак не старше нескольких миллионов (а возможно, даже тысяч) лет, в его недрах еще не накопился гелий — продукт термоядерных реакций, и сами реакции протекают лишь в центре светила, не распространяясь, как в зрелых звездах, в более высокие слои.

Несмотря на свою молодость, вращается звезда довольно медленно. Линейная экваториальная скорость вращения ее поверхности не превышает километра в секунду, и один оборот вокруг своей оси звезда совершает примерно за пятьдесят дней — в то время как средние скорости вращения у звезд этого класса обычно на порядок выше. Причины тому до конца не ясны, поскольку достоверных сведений о происхождении светила нет. Возможно, творцы Кэртианы выбрали такую скорость умышленно, а возможно, это связано с особенностями формирования кэртианского Солнца как компонента кратной звездной системы, о чем речь пойдет ниже.

Но хотя мы не знаем причин этого феномена, его благотворные последствия известны. Результатом низкой скорости вращения стала, соответственно, низкая активность звезды, выражающаяся в таких явлениях, как солнечные пятна и солнечные вспышки, — а они для большинства молодых звезд

этого типа характерны куда более, чем для кэртианского или, скажем, для нашего земного Солнца. Еще одно любопытное следствие — редкость полярных сияний, столь свойственных земным высоким широтам.

Вокруг центральной звезды обращаются шесть планет. Пять из них именуются, в порядке удаления от светила, так: Кэртиана, Фульгат, Найер, Эврот и Литтэн. Шестая, ближайшая к светилу, имени не имеет. Все они вращаются в плоскости эклиптики системы по практически круговым орбитам.

Начнем с Кэртианы, второй по удаленности от своей звезды и единственной в системе обитаемой планеты.

Радиус, масса и период обращения Кэртианы вокруг своей оси равны земным. Радиус орбиты — 158,5 миллиона километров, или 1,0595 астрономической единицы. Таким образом, Кэртиана находится от своего светила примерно на шесть процентов дальше, чем Земля от Солнца. Но, с учетом большей светимости звезды, инсоляция Кэртианы почти равна земной, поэтому природные условия на поверхности Кэртианы и Земли совпадают.

Сидерический период обращения (солнечный год) Кэртианы строго равен 384 суткам, что позволило ее жителям разделить год без остатка на шестнадцать месяцев по двадцать четыре дня.

Наклон оси Кэртианы к эклиптике и ее диаметр почти идентичны земным.

В описанное время Кэртиана переживает ледниковый период, ярче всего выраженный в оледенении Седых земель, но его причины не связаны с астрономией. Считается, что из-за неуправляемого развития флоры после ухода творцов в атмосфере планеты уменьшилось содержание углекислого газа — как следствие тому, парниковый эффект снизился и среднегодовые температуры упали.

У Кэртианы есть спутник — Луна, очень близкая по размерам к земной. Луна благотворно влияет на условия жизни на планете, стабилизируя ее вращение и, следовательно, природные условия на поверхности. Она ближе к своей планете, нежели земная, радиус ее орбиты — 318,27 тысячи километров.

Поэтому период обращения кэртианской Луны вокруг планеты немного превышает 22,5 дня. Речь, разумеется, о сидерическом периоде, то есть промежутке времени, за который Луна совершает вокруг Кэртианы полный оборот относительно звезд.

Но Кэртиана тоже движется вокруг своего Солнца, поэтому, чтобы Луна, завершив оборот, заняла относительно Кэртианы то же место относительно Солнца, а не звезд, требуется больше времени (этот период именуется синодическим периодом обращения). С точки зрения кэртианского наблюдателя, это промежуток времени между двумя одинаковыми фазами Луны. И то, что синодический период обращения Луны вокруг Кэртианы (синодический лунный месяц) строго равен двадцати четырем суткам, то есть одному кэртианскому месяцу, или 1/16 кэртианского года, наводит на размышления — такое точное согласование чисел не может быть делом случая.

Внешние по отношению к Кэртиане планеты кэртианские сьентифики называют аксенаями.

Ближайший к Солнцу и Кэртиане аксенай — Фульгат. Диаметр его составляет 8480 километров, то есть две трети диаметра Кэртианы, а масса примерно в четыре раза меньше массы Кэртианы. Фульгат не имеет воды и почти лишен атмосферы, а значительное содержание оксида железа в коре придает поверхности планеты кроваво-красный цвет. Период обращения Фульгата вокруг центрального светила — 512 дней.

Радиус орбиты Фульгата — 192,38 миллиона километров, и в противостоянии Фульгат и Кэртиану разделяет менее тридцати четырех миллионов километров (в полтора с лишним раза меньше, чем Марс и Землю во время великих противостояний). Если не считать размеров, Фульгат во многом подобен нашему Марсу, но превосходит его по массе примерно в два с половиной раза.

Противостояния Фульгата и Кэртианы происходят каждые 1536 суток, то есть его синодический период (время между двумя последовательными противостояниями) равен ровно четырем кэртианским годам.

За Фульгатом следует Найер — планета, классифицируемая в современной астрономии как суперземля. Диаметр Найера на шестьдесят пять процентов больше земного и составляет примерно 21 000 километров, масса выше земной почти в четыре раза. У планеты мощная плотная непрозрачная атмосфера, преимущественно из азота и метана, причем последний придает Найеру насыщенную голубизну.

Радиус орбиты Найера — около 230 миллионов километров (чуть более полутора астрономических единиц), период обращения вокруг центрального светила — 672 дня. Синодический период — 896 суток (два с третью кэртианского года).

Аналогов в нашей Солнечной системе Найер не имеет.

Следующий аксенай — Эврот, ледяной гигант диаметром около 65 000 километров, с массой почти в тридцать раз выше земной. Радиус его орбиты — примерно 292 миллиона километров (чуть менее двух астрономических единиц), период обращения вокруг центрального светила — 960 дней (два с половиной кэртианских года). Состав планеты характерен для ледяных гигантов — раскаленное каменное ядро, покрытое многотысячекилометровым мощным слоем перегретого льда и жидкости (вода, метан, аммиак), переходящим в атмосферу. Верхние слои атмосферы состоят из почти чистого водорода, что придает планете серебристый цвет.

Противостояния Эврота и Кэртианы случаются через каждые 640 дней, то есть через год и две трети по кэртианскому календарю.

В нашей Солнечной системе отдаленными подобиями Эврота можно назвать ледяные гиганты Уран и Нептун, но Эврот превосходит их по размерам и массе.

И, наконец, самая дальняя от Солнца планета — это Литтэн, газовый гигант, величиной немного уступающий Юпитеру. Он превосходит Землю и Кэртиану по массе почти в триста раз, а по диаметру — в десять и имеет красивый золотистый цвет. Радиус орбиты Литтэна — около 330 миллионов километров, период обращения — 1152 дня (три с половиной кэртианских года).

Синодический период Литтэна — 576 суток (полтора кэртианских года).

Столь тесное расположение планет (в противостоянии Кэртиану и самый удаленный из аксенаев, Литтэн, разделяет чуть больше астрономической единицы — 171 миллион километров, что в три с половиной раза меньше, чем минимальное расстояние между Землей и Юпитером) вызывает интересные наблюдательные эффекты, отличающие небо Кэртианы от неба Земли.

В нашей системе самые яркие внешние планеты (Марс и Юпитер) лишь изредка, при очень благоприятных условиях наблюдения (вблизи противостояния), оказываются слегка — самое большее на одну звездную величину — ярче, чем ярчайшие из звезд, а в остальное время теряются, и, чтобы их найти, необходимо знать звездное небо. В условиях же Кэртианы яркость всех четырех аксенаев в противостоянии примерно равна наивысшей яркости нашей Венеры ($-4{,}6^m$). Любой из них в течение года заметно выделяется среди звезд своим блеском, поэтому, как правило, спутать аксенай со звездами невозможно.

В системе имеется еще одна, безымянная, планета, по отношению к Кэртиане — внутренняя.

Расстояние между ее орбитой и орбитой Кэртианы невелико — внутренняя планета удалена от Солнца всего на 130,84 миллиона километров и имеет период обращения 288 суток (двенадцать кэртианских месяцев). Из-за малого расстояния между орбитами максимальная элонгация планеты (наибольшее видимое угловое расстояние между ней и Солнцем) достигает почти шестидесяти градусов (в Солнечной системе максимальная элонгация Венеры не превосходит сорока восьми градусов).

Сама планета небольшая — примерно 2500 километров в диаметре, а масса ее составляет 0,75% массы Кэртианы. При таких размерах, несмотря на близость к Кэртиане, она уступает блеском аксенаям, хотя и превосходит по яркости любую звезду кэртианского неба (максимальная видимая яркость — около -3^m).

Кэртианские сьентифики, обращавшие особенное внимание на аксенаи, некогда посвященные Абвениям, и считавшие их блуждающими звездами, внутренней планете должного

внимания не уделили. Как в древности, так и в описываемый период ее считали и считают двумя разными светилами: в восточной элонгации (когда планета следует за светилом) именуют вечерней звездой, а в западной, когда она опережает Солнце, — утренней.

Скорее всего, причины того, что утренняя и вечерняя звезда так и не удостоилась пристального изучения сьентификами и астрологами Кэртианы, кроются в истории и религиозных традициях. В абвениатский и гальтарский периоды аксенаи воспринимались как символы силы Абвениев, в их расположении стремились усмотреть и прочитать волю богов — и это стремление сохранилось даже тогда, когда воспоминания об Абвениях изгладились из людской памяти.

А утренняя и вечерняя звезда, сияющая нежным золотисто-белым светом, то появляющаяся, то скрывающаяся в лучах солнца, исстари считалась в Кэртиане символом женской красоты. Не было лучшей похвалы девушке, чем сравнение ее с утренней звездой, и ничто не могло тронуть сердце женщины сильнее, чем уподобление ее звезде вечерней. Память об этом сохранилась в людских представлениях даже спустя века. А столь легкомысленный предмет, как женская красота, ученых мужей заинтересовать, разумеется, не мог.

Дейне, которую сьентифики относят к аксенаям, — это не планета; более того, сей астрономический объект вообще не принадлежит к кэртианской планетной системе.

Дело в том, что кэртианское Солнце — компонент сложной тройной звездной системы, включающей, кроме него, нейтронную звезду и тусклый коричневый карлик — нерожденную звезду, обращающуюся вокруг нейтронной звезды по круговой орбите на расстоянии всего около 32 миллионов километров, с периодом обращения 24 дня. Масса нейтронной звезды близка к наивысшему пределу массы нейтронных звезд (пределу Оппенгеймера—Волкова) и превосходит солнечную в два с половиной раза, в то время как масса коричневого карлика составляет лишь несколько процентов массы Солнца.

Что любопытно, плоскости экватора нейтронной звезды и орбиты карлика-компаньона не совпадают, и орбита карлика

пересекает магнитные полюса нейтронной звезды. А вот кэртианское светило обращается вокруг нейтронной звезды в ее экваториальной плоскости, так что орбиты карлика и Солнца оказываются почти перпендикулярны друг другу. Солнце Кэртианы вместе со своей планетной системой отстоит от нейтронной звезды примерно на двадцать миллиардов километров и вращается вокруг нее с периодом восемьсот лет.

Из-за близости коричневого карлика к нейтронной звезде его вращение вокруг собственной оси синхронизировано с вращением вокруг главного компаньона, то есть он постоянно повернут к нейтронной звезде одной и той же стороной. При этом обращенное к нейтронной звезде полушарие карлика дважды за каждый оборот проходит над ее магнитными полюсами.

Это приводит к удивительным вещам.

Дело в том, что главный компонент звездной системы относится к типу аккреторов низкой светимости: это старая нейтронная звезда диаметром около тридцати километров и с массой, напомним, превосходящей массу Солнца в два с половиной раза. Она вращается относительно медленно, и заряженный газ, притягиваемый к ней, двигается по линиям ее магнитного поля, разгоняется до колоссальных скоростей и падает на ее поверхность в районе магнитного полюса. В результате вдоль магнитных полюсов аккретора образуются две области диаметром в несколько десятков метров каждая, в которых падающий газ нагревается при ударе о поверхность до миллионов градусов и испускает поток рентгеновского излучения.

Каждый раз, проходя над магнитными полюсами аккретора, обращенное к нейтронной звезде полушарие карлика нагревается потоком рентгеновских лучей до нескольких десятков тысяч градусов и начинает сиять ослепительным голубым светом.

Нагрев этот локален, и чем дальше от нагретой зоны, тем ниже температура поверхности карлика, поэтому более дальние участки окрашиваются по мере охлаждения в белый, желтый и красный цвет.

Если наблюдать все это великолепие при пересечении плоскости орбиты карлика, можно видеть яркую звезду, изменя-

ющую цвет в следующей последовательности: голубой, белый, желтый, красный, желтый, белый и опять голубой. Длительность каждого такого цикла — один месяц.

Оттого, когда Солнце пересекает плоскость орбиты карлика, игра цветов на поверхности последнего видна с Кэртианы лучше всего. С удалением от плоскости вращения карлика его видимая яркость и насыщенность сменяющих друг друга цветов падают. Через двести лет орбита карлика (и он сам) наблюдается с полюса — и в это время условия для его наблюдения наихудшие, потому что с полюсов карлик выглядит тусклым и изменчивость его цветов почти незаметна. Именно этот период считается в Кэртиане Изломом Круга.

Кэртианские сьентифики-астрономы, наблюдая описанный эффект, пришли к выводу, что вокруг Кэртианы вращается пятый аксенай переменного цвета, и назвали его Дейне.

Изучение природы столь необычной звездной системы позволяет предположить, что ее главный компонент (нейтронная звезда) есть остаток сверхновой, вещество которой, выброшенное взрывом, позже послужило материалом для создания планетной системы. Причина же столь большого наклонения орбиты Дейне пока не ясна; скорее всего, Дейне — постороннее тело, захваченное позднее.

Своеобразное расположение планетных орбит в системе Кэртианы (а читатель наверняка отметил, что радиусы орбит всех шести планет находятся в узком интервале от 0,87 до 2,2 астрономической единицы) можно объяснить естественными причинами: гравитационным воздействием нейтронной звезды на протопланетное облако, придавшим ему в процессе его сжатия выраженную тороидальную форму.

С нашей точки зрения, это не подтверждает и не опровергает никаких предположений о вмешательстве творцов в создание этого мира, поскольку здесь мы предпочитаем придерживаться надежно установленных фактов. Но вот орбиту еще одного, не названного доселе, члена этой планетной семьи, пожалуй, никак нельзя объяснить его естественным происхождением.

Речь идет о единственной в системе комете — безымянной, поскольку жителям Кэртианы незачем было присваивать имя уникальному объекту. Комета эта очень велика и ярка, у нас на Земле такие именуют большими кометами, и ее орбита обладает целым рядом особенностей:

— период обращения кометы строго равен 9600 суткам, то есть двадцати пяти кэртианским годам, словно те, кто создал комету, заботились о том, чтобы она светила каждому поколению жителей Кэртианы;

— плоскость ее орбиты перпендикулярна плоскости эклиптики, и при каждом своем появлении комета видна с обоих полушарий Кэртианы — либо при возвращении к Солнцу, либо при удалении. В высоких широтах она очень хорошо заметна: это раскинувшийся на полнебосвода, медленно проплывающий гигант с пышным хвостом. Ближе к экватору она не столь эффектна, но все равно при каждом ее прохождении не увидеть ее, пусть даже вблизи горизонта, невозможно;

— перицентр (ближайшая к звезде точка) орбиты находится внутри орбиты Кэртианы и достаточно далек от Солнца: в 118,875 миллиона километров от него, что составляет ровно 3/4 радиуса кэртианской орбиты. При таком расположении перицентра, с учетом наклонения к эклиптике, орбита кометы достаточно устойчива, и сама комета никогда не угрожает Кэртиане столкновением. Ей обеспечена долгая жизнь, потому что при столь удаленном перицентре комете не грозит быстрое испарение и разрушение огненным солнечным дыханием. Орбита кометы будет стабильной в течение ближайших миллионов лет.

Приблизительно по орбите кометы движется метеорный поток: растянутый как в длину по всей орбите, так и в ширину рой метеорных тел — мельчайших частиц кометного ядра. Кэртиана входит в этот метеорный поток ежегодно в конце лета, а благодаря перпендикулярному положению плоскости кометной орбиты к эклиптике в это время на планету выпадают одновременно два потока — как приближающийся к Солнцу, так и удаляющийся от него, благодаря чему метеоры несколько дней падают на Кэртиану с двух разных направлений. В благоприятные годы в максимуме поток может достигать весьма вы-

сокой интенсивности — до трехсот метеоров в час. В эти дни жителям Кэртианы можно только позавидовать — нам не дано увидеть, как раз в несколько секунд по небу навстречу друг другу проносятся падающие звезды.

С нашей точки зрения, единственная комета кэртианской планетной системы появилась лишь благодаря свойственному творцам чувству прекрасного, ибо ничем, кроме желания изредка порадовать жителей Кэртианы редкостной красоты зрелищем кометы, величаво раскинувшей пышный хвост на половину неба, мы объяснить ее существование не можем.

Впрочем, аксенаи и соразмерность кэртианской системы в целом тоже трудно объяснить целесообразностью либо случаем — и чем дольше мы изучаем этот мир, тем сильнее нам кажется, что его создателями двигало в основном стремление к красоте и гармонии.

Александр Гинзбург (фок Гюнце)

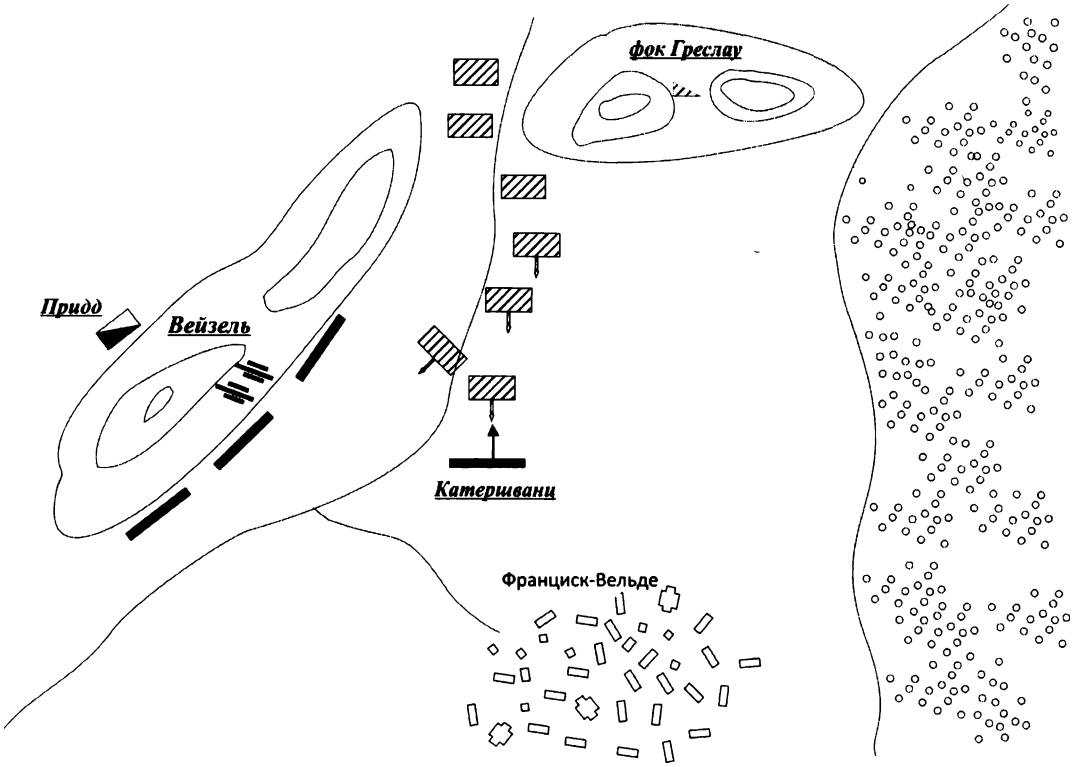


Рис. 1 Начало сражения. Вступление отряда Катершванца в бой с авангардом «китовников».

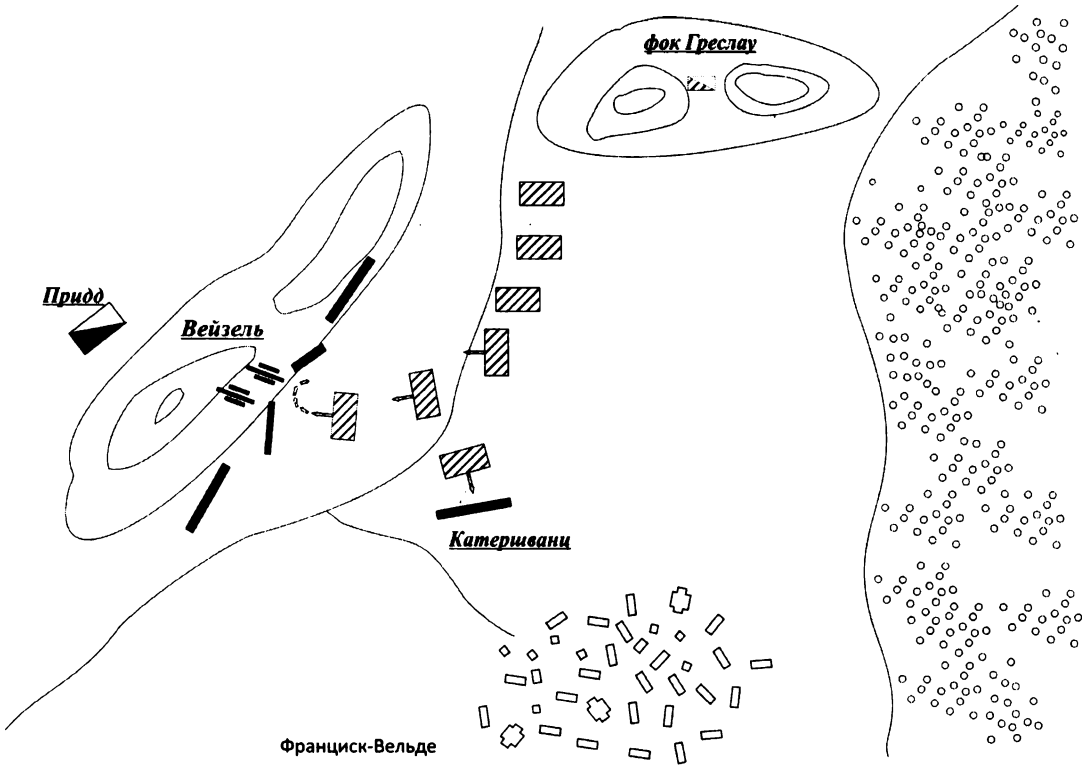


Рис. 2. Первая атака «китовников» на позиции марагонского ополчения.

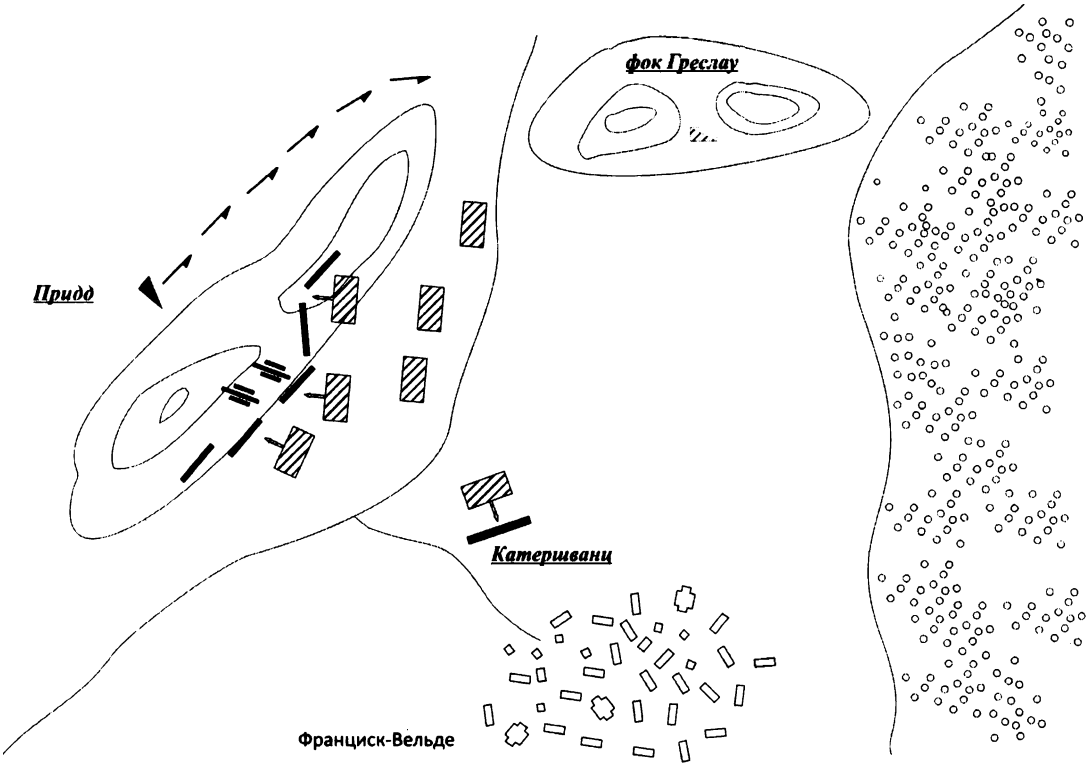


Рис. 3. Общее наступление «китовников». Обходный маневр Придда.

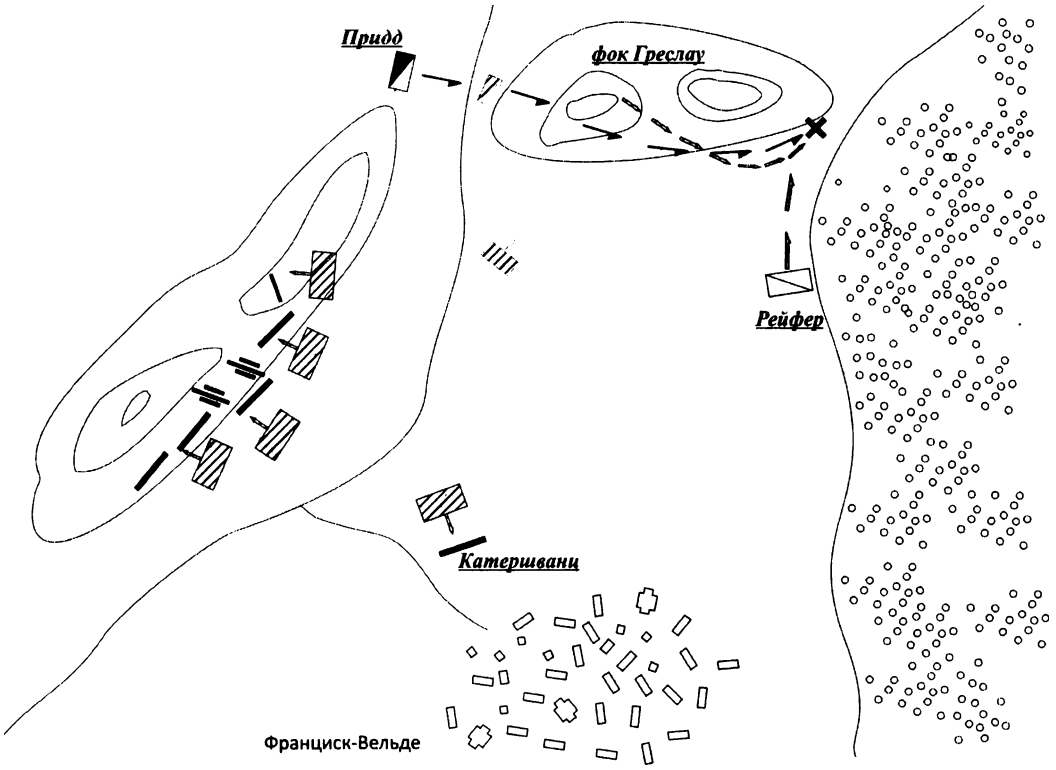


Рис. 4. Атака Придда на командный пункт «китовников».

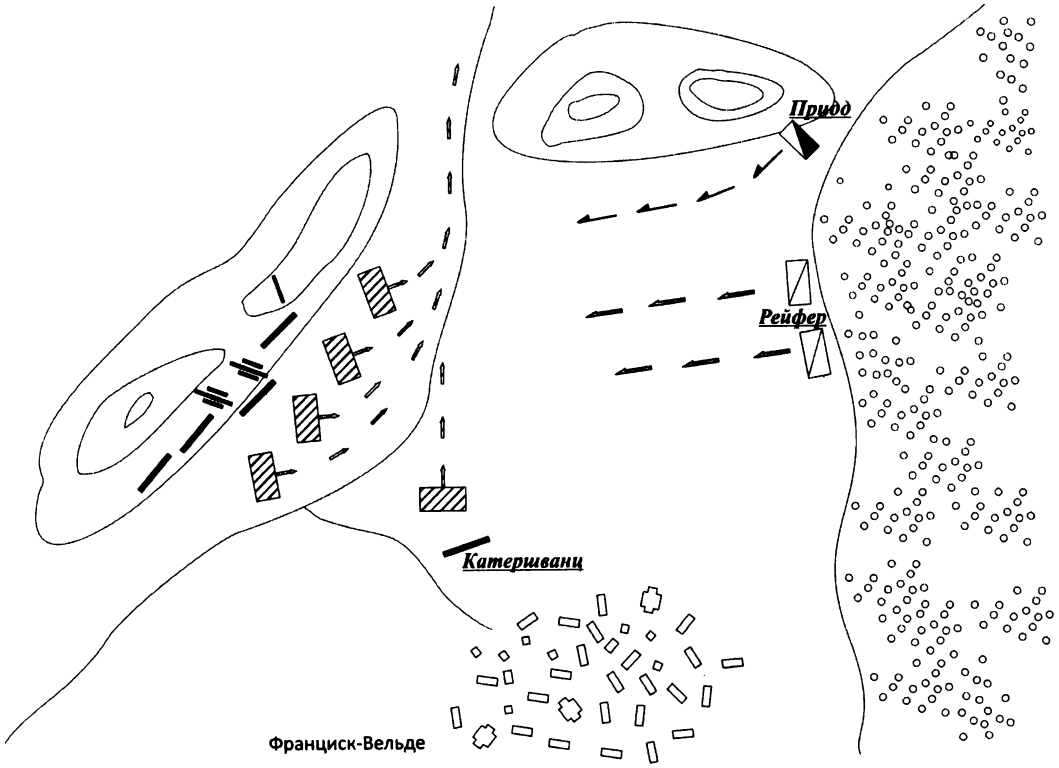


Рис. 5. Вступление в бой кавалерии Рейфера. Отступление «китовников».

Оглавление

Часть первая. «ВОСЬМЕРКА МЕЧЕЙ»

Глава 1. БЕРГМАРК 9
Глава 2. ОЛЛАРИЯ. БЕРГМАРК 17
Глава 3. ОЛЛАРИЯ 25
Глава 4. ОЛЛАРИЯ 35
Глава 5. ОЛЛАРИЯ. АГМШТАДТ 43
Глава 6. ОЛЛАРИЯ 50
Глава 7. ОЛЛАРИЯ 57
Глава 8. ОЛЛАРИЯ. 72
Глава 9. ОЛЛАРИЯ 83
Глава 10. ОЛЛАРИЯ 89
Глава 11. АГМШТАДТ 104
Глава 12. АГМШТАДТ 110

Часть вторая. «ДЕСЯТКА МЕЧЕЙ»

Глава 1. ОЛЛАРИЯ 127
Глава 2. ОЛЛАРИЯ. АГМШТАДТ 133
Глава 3. ОЛЛАРИЯ 142
Глава 4. ОЛЛАРИЯ 151
Глава 5. ОЛЛАРИЯ 159
Глава 6. АГМШТАДТ. ОЛЛАРИЯ 170
Глава 7. ОЛЛАРИЯ 185
Глава 8. ОЛЛАРИЯ 194
Глава 9. ОЛЛАРИЯ 203

Часть третья. «ДЕВЯТКА ПОСОХОВ»

Глава 1. ФОЖЕРЕ. ЛАИК 215
Глава 2. ОКРЕСТНОСТИ ОЛЛАРИИ. ЛАИК 223
Глава 3. АГМШТАДТ. ЛАИК 233

Глава 4. АГМШТАДТ. ЮЖНЫЙ ТРАКТ 248
Глава 5. ОКРЕСТНОСТИ СТАРОЙ ТОРСКОЙ ДОРОГИ.
КОЛЬЦО ЭРНАНИ 260
Глава 6. ЮЖНЫЙ ТРАКТ. ГРАНИЦА ГАУНАУ И БЕРГМАРК 277
Глава 7. ГРАНИЦА ГАУНАУ И БЕРГМАРК.
АДРИАНОВА ОБИТЕЛЬ 292
Глава 8. ГРАНИЦА ГАУНАУ И БЕРГМАРК.
АДРИАНОВА ОБИТЕЛЬ 308
Глава 9. АДРИАНОВА ОБИТЕЛЬ 322

Часть четвертая. «ТУЗ ПОСОХОВ»

Глава 1. ЮЖНАЯ МАРАГОНА. КОЛЬЦО ЭРНАНИ 337
Глава 2. КОЛЬЦО ЭРНАНИ. АЛЬТ-ВЕЛЬДЕР 347
Глава 3. КОЛЬЦО ЭРНАНИ. АЛЬТ-ВЕЛЬДЕР 356
Глава 4. ФАРНА 374
Глава 5. СТАРЫЙ КРИОНСКИЙ ТРАКТ. АЛЬТ-ВЕЛЬДЕР 389
Глава 6. ВАЛМОН. ВОСТОЧНАЯ ПРИДДА 402
Глава 7. ФРАНЦИСК-ВЕЛЬДЕ 413
Глава 8. СТАРАЯ ЭПИНЭ. ФРАНЦИСК-ВЕЛЬДЕ 423

Часть пятая. «КОРОЛЬ МЕЧЕЙ»

Глава 1. ТАРМА 437
Глава 2. ФРАНЦИСК-ВЕЛЬДЕ 447
Глава 3. ФРАНЦИСК-ВЕЛЬДЕ 455
Глава 4. ФРАНЦИСК-ВЕЛЬДЕ 465
Глава 5. ФРАНЦИСК-ВЕЛЬДЕ 472
Глава 6. ТАРМА 487
Глава 7. ФРАНЦИСК-ВЕЛЬДЕ. ТАРМА. АЛЬТ-ВЕЛЬДЕР 497
Глава 8. ТАРМА. ГЁРЛЕ 505

ПРИЛОЖЕНИЯ

Как появились ызарги (*саймурская легенда*) 523
Краткое описание звездной системы Кэртианы 526
Схемы 537

Литературно-художественное издание

ФЭНТЕЗИ Н. ПЕРУМОВА

Камша Вера Викторовна

СЕРДЦЕ ЗВЕРЯ
Том 3
СИНИЙ ВЗГЛЯД СМЕРТИ. ПОЛНОЧЬ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Литературный редактор *Е. Самойлова*
Художественный редактор *И. Лапин*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *И. Ковалева*
Корректор *И. Гончарова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*
E-mail: **international@eksmo-sale.ru**

International Sales: *International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, *обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2299, 2205, 2239, 1251.*
E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

Подписано в печать 02.10.2012. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,56.
Тираж 12 000 экз. Заказ 7568

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-60015-1

Вера Камша

ISBN 978-5-699-60015-1